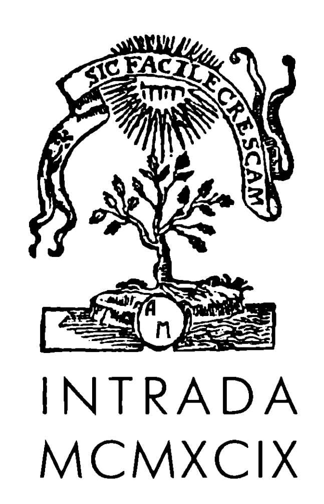

Ольга ДОВГИЙ
Александр МАХОВ
ДВЕНАДЦАТЬ ЗЕРКАЛ ПУШКИНА

Ольга ДОВГИЙ
Александр МАХОВ

ДВЕНАДЦАТЬ ЗЕРКАЛ ПУШКИНА

INTRADA
MCMXCIX

84 Р1
Д 71

Довгий Ольга Львовна, Махов Александр Евгеньевич. — Двенадцать зеркал Пушкина. — Москва: INTRADA, 1999.

Художник
Л. Каирский

Сканирование иллюстраций
Н. Еремин, А. Махов

Макет
А. Махов

Корректор
З. Межуев

Производственный отдел
А. Львова

В монтаже на обложке использована статуя Veritas («Аллегория истины») работы М. Гропелли. Италия, 1717 (Петербург, Летний сад).

Как жить с Пушкиным? Книга дает ответ на этот вопрос, рассказывая, как воспринимал Пушкин людей и как люди воспринимали Пушкина. На основе обширного исторического и литературного материала, архивных сведений авторы воссоздают отражения Пушкина в зеркалах-душах других людей, — и отражения спутников Пушкина в творческом зеркале самого поэта. "Собеседник" авторов — Астролог, воплощающий неумолимость Судьбы, дает тут же свой психологический анализ личности поэта (ведь мотивы астрологии не раз привлекали внимание Пушкина). Книга предназначена для всех, кто интересуется жизнью и творчеством поэта.

ISBN 5-87604-040-1

Зеркало. Все отражаю.

Емвлемы и символы (СПб., 1811).

Около 12 часов больной спросил
зеркало, посмотрел в него
и махнул рукой...

Доктор И. Т. Спасский
(Щеголев П. Е. Дуэль и смерть
Пушкина. — СПб., 1917, с. 199).

Эта книга не похожа на традиционные работы о «Пушкине и его современниках», где ученые авторы пытаются установить «правду» об окружавших Пушкина людях, рискуя своей дотошностью вызвать раздражение поэта:

Всё тут, да тут и человек, и свет,
И смерть и жизнь, и правда
без покрова.

Мы же попытались ухватить не «правду», но — перефразируя слова Баратынского — именно тот самый окутавший ее «покров». В нашей книге речь идет не о людях в наготе их исторической реальности, — но о том неуловимом и порой «лживом», что возникает в пространстве между людьми: об отражениях. Человек, отраженный в зеркале другого человека, — вот тема нашей книги. Такое отражение никогда не бывает точным слепком с реальности — оно мерцает и к тому же имеет темную глубину — то, что называют зазеркальем.

Сфера с небесными знаками и орел на ней; девиз этой эмблемы: «Верою и советом» (Fide et consilio). Из книги «Емвлемы и символы» (СПб., 1811).

Пушкин — наше вечное зеркало, на котором гадает вся наша культура и история; гадаем все мы, вновь и вновь вопрошая:

Свет мой, зеркальце! скажи
Да всю правду доложи:
Я ль на свете всех милее...

«Докладывает» ли Пушкин «правду» — не нам судить; мы лишь пытаемся уловить некоторые лица в его всеобъемлющем зеркале, — те отражения, которые, впрочем, давно уже живут с нами. В самом деле, сколь многие люди из нашего прошлого не мыслятся нами вне слов, сказанных о них Пушкиным! Петр Великий, Державин, Екатерина II, Карамзин, Байрон — для нас все они обитают в зеркале пушкинского слова, как демоны — в магическом круге заклинателя; а сколько людей вообще существуют для нас исключительно как отражение пушкинского зеркала — все лицейские друзья и все враги, все возлюбленные, все жертвы эпиграмм и, конечно, наша единственная русская няня — Арина Родионовна.

А с другой стороны — и Пушкин существует для нас как отражение в бесчисленных зеркалах его современников. Нет, конечно, никакого Пушкина в «двух планах» — но есть Пушкин в огромном множестве планов и ракурсов, часть из которых мы попытались зарисовать.

Жизнь и поэзия во всех этих отражениях перепутаны накрепко и безнадежно: поэтическое слово могло отозваться в письме, в поступке, — и наоборот. Многие из уловленных нами литературных перекличек иному читателю могут показаться обманом слуха, — что же, авторы ни на чем не настаивают и предлагают читателю самому в каждом спорном случае выбрать степень вероятности, от «едва ли возможно» до «скорее всего». «Поэт никогда ничего не утверждает, — следовательно, никогда и не лжет», — жаль, что Пушкин не знал этого изречения Филипа Сидни: оно бы ему понравилось. И мы, коль скоро пишем о поэзии, не вправе ничего утверждать — а вправе лишь прислушиваться и вглядываться.

Говоря совсем просто — книга рассказывает о том, как воспринимал Пушкин людей и как люди воспринимали Пушкина. Но поскольку Судьба в игры Пушкина со своими современниками вмешивалась более чем настойчиво, мы ввели в нашу книгу еще одного автора, воп-

лощающего всю авторитетность Судьбы, — Астролога. Именно он расположил наших героев по Знакам Зодиака (не позволив нам включить в книгу тех, чьи даты рождения неизвестны); именно он написал вступительные главы, дав характеристику двенадцати психологическим типам, окружавшим Пушкина — его Двенадцати Зеркалам; именно он подмечает игру стихий, планет и звезд там, где трезвый историк лишь пожмет плечами. Книга получилась непрестанным диалогом с этим весьма настырным персонажем. Правда, порой и мы не даем ему слова сказать, — но чаще он все же ухитряется вставить словечко, а иногда и полностью перехватывает инициативу. Он торжествует, когда торжествует его теория, и смущенно замолкает, когда факты ее рушат. Во всяком случае, нельзя отрицать за нашим Астрологом одно несомненное достоинство — у него всегда найдутся объяснения, когда, казалось бы, уже не может быть никаких объяснений... Дадим же слово Астрологу и в нашем предисловии.

Пушкин проявлял несомненный интерес к астрологии, к тайне «звезды», под которой сам он родился. «Впрочем, судьба наша, кажется, одинакова, и родились мы, видно, под единым созвездием» (А. А. Шишкову, август — ноябрь 1823);

Мы родились, мой брат названый,
Под одинаковой звездой.

Дельвигу, 1830

Под каким созвездием,
Под какой планетою
Ты родился, юноша...

1825

Характерно и то, что в материалы к «Истории Петра» он включил высказывания астрологов о Петре. Почему бы тогда и нам не включить в книгу высказывания Астролога о самом Пушкине?

Естественно, Астролог не посягает на полную характеристику всех Двенадцати Знаков: каждый из них в тысячу раз сложнее, чем он представлен у него. Пушкинское окружение он рассматривает лишь с точки зрения знака, вокруг которого в данном случае вращаются все остальные: ведь и сама классическая астрология держится на геоцентрической системе вопреки всем Коперникам и Галилеям. В этой книге знаки даны глазами лишь одного из них — Близнецов (к которым принадлежит Пушкин); и представлены они такими, какими их видят Близнецы и как они себя в отношении Близнецов проявляют. Естественно, в этом общении многие стороны знаков вообще оказываются невостребованными — и пусть не обижается читатель, если прочитает что-то нелестное о знаке, к которому сам принадлежит: все, что говорится здесь о том или ином знаке, касается лишь его отношений с Близнецами, лишь того, как он отражается в зеркале Близнецов. Всем знакам свойственно всех людей в конечном итоге мерить по себе (даже легковесные, не имеющие собственного содержания Близнецы не свободны от этого общего свойства), поэтому все знаки в оценке Близнецов — немножко Близнецы; и в целом это книга о Близнецах, а иными словами — о том, как жить с Пушкиным, как жить с Близнецами.

Пушкин — Близнецы в каждом своем проявлении; и подчас необъяснимая симпатия или антипатия разных людей к нему — это просто своего рода классовое чутье в астрологическом аспекте. Свой или чужой с точки зрения астрологии — характеристики самого глубинного уровня, которые сам человек часто не может себе объяснить; в астрологические теории верят очень немногие — а противостоять таким необъяснимым симпатиям или антипатиям невозможно. Либо свой, либо чужой, либо нравится, либо нет (именно так, однозначно и примитивно!), — а изменить ничего нельзя, никакие доводы не помогут. Нельзя полюбить того, кто тебе противен. А это и есть астрологическая несовместимость. Мы все ее прекрасно чувствуем, просто ей нет имени, а потому и ее самой как бы нет.

Но система взаимоотношений знаков тем не менее существует. Поэтому не-

сколько слов — об астрологической системе психологической совместимости знаков.

Знаки 1 — 1 (в данном случае: Близнецы — Близнецы). Зеркало.

Знаки 1 — 2 (Близнецы — Рак); 12 — 1 (Телец — Близнецы) — отношения Безличного Служения.

Знаки 1 — 3 (Близнецы — Лев); 11 — 1 (Овен — Близнецы) — отношения братьев и сестер, коллективного сотрудничества, информационного обмена.

Знаки 1 — 4 (Близнецы — Дева); 10 — 1 (Рыбы — Близнецы) — отношения детей и родителей; профессиональные отношения.

Знаки 1 — 5 (Близнецы — Весы); 9 — 1 (Водолей — Близнецы) — отношения Праздника; Духовного Партнерства.

Знаки 1 — 6 (Близнецы — Скорпион); 8 — 1 (Козерог — Близнецы) — отношения Здоровья и Болезни; Смерти.

Знаки 1 — 7 (Близнецы — Стрелец); 7 — 1 (Стрелец — Близнецы)— Астрал.

Подробнее обо всех этих взаимосвязях— в начале каждой из глав, посвященных Пушкину и его отношениям с каждым из Двенадцати знаков.

Астролог пользуется у нас некоторыми терминами, которые не встречаются у других исследователей или встречаются в другом значении.

12-й знак — знак безличного служения. Каждый знак служит знаку, следующему за ним; например, Телец — Близнецам, а Близнецы — Раку.

Знак Смерти — восьмой знак. Заставляет свой первый знак переродиться, изменить свою природу и усвоить чужие качества. Для Близнецов это Козерог; сами же Близнецы знак смерти Скорпиону.

Подсмертный Знак — шестой знак. Тот, кто испытывает на себе влияние Знака Смерти (Близнецы — Подсмертный Знак Козерогу).

Астрал. Седьмой знак (Стрелец для Близнецов). Знак открытых друзей и открытых врагов (положительный и отрицательный астрал); все открыто — никаких полутонов.

Куспид — граница знаков. Люди, родившиеся на границе знаков, отличаются двойственностью.

О некоторых из пушкинских знакомых нельзя с абсолютной точностью сказать, к какому знаку они принадлежат: Солнце входит в каждый из знаков каждый год в разное время, здесь нужна точность до минуты; к тому же нельзя сбрасывать со счетов разницу в старом и новом стилях (все даты рождения даны у нас по новому стилю, поскольку этого требует астрология; прочие даты — по старому). Люди, родившиеся на границе знаков (куспиде), — особая проблема для Астролога.

Наш Астролог порывался обогатить книгу еще двумя главами: «Тринадцатый знак» (о людях, чьи даты рождения неизвестны) и «Пушкин-астролог». Кто знает, вдруг когда-нибудь мы это ему и позволим...

Что касается условных обозначений, то их немного:

* — проблемное знакомство с Пушкиным;

↑ — куспидная граница с последующим знаком;

↓ — куспидная граница с предыдущим знаком.

Не оговоренные курсивы принадлежат авторам цитируемых текстов. Французские тексты даны в переводе, за исключением тех случаев, когда сам французский текст важен для общего смысла.

Авторы (из коих первый в большей степени отвечает за астрологическую, а второй — за историко-литературную часть книги) приносят глубокую благодарность Государственному Музею Пушкина в Москве, Рукописным отделам Института Русской Литературы (Пушкинского Дома) и Государственной Публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина в Санкт-Петербурге, чьи материалы использованы в работе.

Итак — первое из Двенадцати Зеркал:

Близнецы — Близнецы

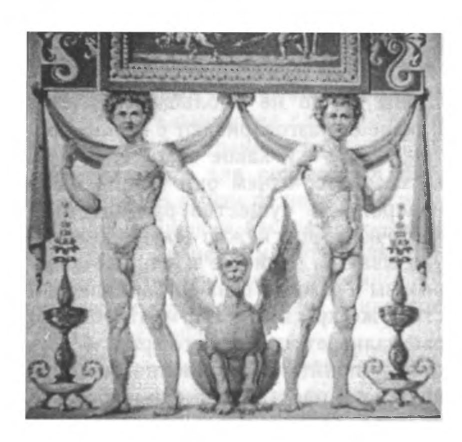
«Себя как в зеркале я вижу»

1 — 1. Воздух — и Воздух; Круг Ума; покровительство Меркурия и, непонятно почему, особая любовь Абсолюта (именно так астрологи называют Высшее Начало, господствующее над планетами и над всей жизнью).

Для Близнецов общаться с людьми — все равно что смотреться в зеркало. Человек интересует их не сам по себе, а как одно из возможных отражений их собственного «я». Близнецы любят смотреться в зеркала и делают это постоянно; но предпочитают, чтобы зеркало им льстило. Понравятся они себе в вашем зеркале — общение будет продолжаться, не понравятся — увы.

Но что могут увидеть Близнецы в зеркале, отражающем человека того же знака? Свои собственные недостатки? Они их и сами знают, хотя никому и никогда в этом не признаются. Близнецы — это мартышка, прекрасно понимающая, «что это там за рожа». Иметь нескольких Близнецов в одной компании небезопасно; им нужен либо весь воздух помещения, либо ничего: теснота, давка, борьба за первенство — не для них. Обычно воздух забирают Близнецы с более сильной астрологической картой, а прочие без малейшей обиды улетают туда, где они станут единственными Близнецами, и перемена мест им нетрудна: легки, равнодушны — какая разница, в какой гостиной блистать?

Близнецы — это божественная пустота, у них нет своего содержания, и поэтому они не выносят одиночества, им совершенно необходим собеседник — зеркало. На время общения они на-

Рисовальное училище барона А. Л. Штиглица в Петербурге. Фрагмент декора.

полняются его содержанием; и если они отражаются в вас, то вы отражаетесь в них, и чем интереснее им в вашем присутствии, тем обаятельнее и неотразимее будете вы казаться себе в их зеркале.

Близнецы любят и умеют говорить красивые, необычные комплименты, они поднимут вас в ваших собственных глазах как вы и не мечтали. Но если вы выведете их из себя, — что, впрочем, довольно трудно, — они могут столь же красноречиво рассказать о вас и нечто совсем иное. Так что лучше постарайтесь заслужить их расположение — и все будет хорошо.

С Близнецами легко общаться. При их природном уме, остроте восприятия, умении красиво изложить любую идею они мгновенно находят контакт с собеседником; вот они непринужденно и участливо вошли в сферу ваших интересов — и вы уже чувствуете, что никто и никогда так верно и тонко не понимал и не ценил вашу любимую идею. Вспомните импровизатора: «Как! Чужая мысль чуть коснулась вашего слуха и уже стала вашею собственностию, как будто вы с нею носились, лелеяли, развивали ее беспрестанно».

Другие дым, я — тень от дыма,
Я всем завидую, кто дым, —

это ведь написал поэт, тоже рожденный под знаком Близнецов [1].

И вы уже на седьмом небе, вы счастливы — но не обольщайтесь. Вот Близнецы разговаривают с вашим противником — и какое счастье, что вы не слышите, о чем они говорят! Это невероятное существо разбирает по косточкам вашу нежно лелеемую идею, указывая на такие ее изъяны, о которых вы и сами-то едва догадывались, и столь же красиво и аргументированно расхваливает идеи вашего врага — есть от чего прийти в недоумение. А объясняется все просто: Близнецам абсолютно нет дела ни до вас и ваших идей, ни до вашего противника. «Равнодушная природа», о которой не скажешь, что она «не терпит пустоты»; но именно благодаря собственной пустоте Близнецы легко вмещают в себя все что угодно, и память их по объему и разнообразию информации, поступившей туда совершенно непонятно как — просто «ниоткуда с любовью», — напоминает самый мощный компьютер. Так что ваши идеи они знают в тысячу раз лучше, чем вы, — а уж что они скажут о них и в какой момент — этого никто не сможет предвидеть. Но расплата за эту переимчивую пустоту — безумие, которого Близнецы так боятся, причем непонятно, что страшнее — сойти с ума на самом деле или прослыть безумцем. Ощущение своей «странности» их никогда не покидает; они чувствуют, что немного не от мира сего — и могут за это в любой момент поплатиться. Батюшков, «странный» Чаадаев, «безумец Кюхельбекер»(слова Карамзина), и собственный страх — «Не дай мне Бог сойти с ума...»

Аморальны они? Это слово вообще не из их лексикона. Постоянно врут? Так ведь не из низкого коварства, оно им не свойственно, а просто из любви к игре, чтобы скучно не было. Скуки они не любят. И вообще в каждое отдельно взятое мгновение Близнецы *верят* («Для сердца нужно верить»), что говорят истинную правду (т.е.верно отражают собеседника); но мгновение проходит так быстро, жизнь меняется, изображение в их зеркале тоже — «ужель один недвижим будет он?» — и правда тоже меняется. И бесполезно пытаться устыдить Близнецов, апеллируя к понятиям «долг», «совесть» или к аргументу «но ты же обещал». Тут Близнецы рассыплют перед вами фейерверк цитат из разных поэтов, коих знают всегда великое множество, например:

Не властны мы в самих себе,
И, в молодые наши леты,
Даем поспешные обеты,
Смешные, может быть, всевидящей судьбе —

и только вы их и видели.

Я противоречу себе? —
Что ж, значит, я противоречу себе —

это тоже Близнецами[2] сказано. Все это (а также еще массу всяких интересных вещей —

Я правду о тебе порасскажу такую,
Что хуже всякой лжи... [3])

Близнецы о себе знают, а потому долго общаться с другими Близнецами не любят. Им ведь так понятен библейский завет из Притч Соломона: «Не учащай входить в дом друга твоего, чтобы он не наскучил тобою и не возненавидел тебя». Они охотно над кем-нибудь вместе посмеются (не позавидуешь тому, кто попадется им на язычки!), кого-нибудь разыграют, — но только быстро. Слетелись — разлетелись. Слишком легки — их постоянно уносит. Помогут ли они другим Близнецам, случись с теми беда? Помогут (не только Близнецам, всем помогут), — но тоже очень быстро.

Близнецы вообще живут в таком темпе, какой для иных знаков (например, для Рака) просто смертелен. И если они не могут вам помочь, то не станут выслушивать ваши стенания и утирать ваши слезы. Это неэстетично. Лишь кажется, что Близнецы — всеобщее достояние и каждый может безнаказанно выливать на них потоки слез

(служить вам жилеткой они не будут: Близнецы — равнодушные эстеты, брезгливые притом). Если вы перейдете какую-то неведомую вам границу — вас тут же отшвырнут на подобающее вам место, причем сделают это с обольстительнейшей улыбкой. «Noli me tangere», «не тронь меня!»— девиз любых Близнецов. А не поймете, станете снова приставать со своими жалобами — могут так жестоко насмеяться, так ударить по самому больному месту, что долго не оправитесь. Не доверяйте нежной улыбке и мягким лапкам: под ними всегда есть коготки. Недаром Близнецы так любят кошек («Теперь только и брежу Трифоном Фалелеичем Мурлыкиным. Выступаю плавно, зажмуря глаза, повертывая голову и выгибая спину» — Пушкин брату, 27 марта 1825) — Близнецам очень удобно в кошачьей шкурке, и кошка с ее двойственной, неуловимой природой не может не быть их любимым зверем:

Средь наших дней, и пошлых, и мещанских,
Своей желанной кошку назову —

тоже Близнецовые стихи [4].

Близнецов около Пушкина довольно много: поэты, музыканты, композиторы, художники; очень много иностранцев, переводчиков (из Близнецов, при их умении легко влезть в любую шкуру, выходят прекрасные переводчики — они быстро и красиво переводят на другой язык слова о чужих чувствах и страданиях, не испытывая при этом никаких эмоций) и дипломатов (где, как не в дипломатии, может пригодиться Близнецовая гибкость, «аморальность» и мгновенная реакция, умение не лезть за словом в карман). Стиль общения — увеселительные поездки, игры, совместные стихотворные экспромты — весело! Но недолго. А что было, когда приходилось подолгу оставаться «в одной комнате?». По-разному. В детстве около Пушкина из Близнецов — бабка, которая так гениально вовремя умерла; дальний родственник-стихотворец Алексей Михайлович Пушкин и Батюшков, которые вряд ли перекармливали Александра Сергеевича своим присутствием; а также Сергей Львович, который удивительно умел сделать жизнь невыносимой (странные Близнецы: не понимали, что для сохранения мира кому-то надо выйти из комнаты).

В Лицее Пушкин, бесспорно, — единственные Близнецы, и нигде больше не будет так неоспоримо и любовно признаваться его Близнецовая единственность. Вот почему

Отечество нам — Царское Село.

В последующие годы будет по-разному. Иногда, как в случае с Вельтманом или Свиньиным, Пушкин по праву более сильных Близнецов шутит, разыгрывает — не всегда добродушно, часто весьма зло, — так что другие Близнецы просто не знают куда деваться и принуждены спасаться бегством. А бывало и по-другому. Сколько Близнецов из «лагеря Дантеса»! Сколько пришлось терпеть Пушкину шуток и насмешек разных Близнецов — вроде Л.А.Соллогуба, П.А.Урусова — желающих поразвлечься! Близнецы чиновные, сановные, с коими волею судеб поэт поставлен в отношения зависимости: это же просто трагедия! М.С.Воронцов, М.Д.Нессельроде... Черед Пушкину выходить из комнаты. Больше всего Близнецов около Пушкина в пору его жизни в Москве и Петербурге, где можно свободно слетаться и разлетаться.

На отпевание Пушкина Близнецы — которые вообще-то обожают тему смерти, кладбища, черный юмор — не придут. Смерть в стихах, шутках — одно, а реальная смерть — это слишком реально, к тому же в церкви так душно, тесно... На отпевание придет лишь де Барант — дипломат-иностранец. Квартиру посетит лишь племянник директора Лицея Энгельгардта А. П. Распопов, озарив последние минуты поэта «лучом лицейских ясных дней». У смертного одра Пушкина соберутся лицеисты, но Близнецов среди них не

будет — а зачем реальное присутствие: разве оно что-то меняет?

И еще характерная деталь: среди Близнецов очень много людей, отмеченных значком, говорящем о проблематичности знакомства с Пушкиным. Лучше всего Пушкину, как и всем Близнецам, с уже умершими Близнецами — это самое творческое общение, которое не замутят всякие житейские мелочи.

Мелькнет — и нет...

Всё поднимут на смех. Никакой солидности. Неуловимы, легки. Умный воздух.

Батюшков Константин Николаевич

(29 V 1787—19 VII 1855) — поэт, предшественник Пушкина, воспевший до него и эпикурейскую лень, и элегические «ветров шум и моря колыханье» [5]. В зеркале лицейской лирики Батюшков отображен весьма однообразно — «парнасский счастливый ленивец», «радости певец»; «певец Пенатов молодой с венчанной розами главой» [6]. Сравним эти отражения с тем откровенным и всеобъемлющим отражением собственной личности, которое сам Батюшков оставил в прозе — во фрагменте из записной книжки, названной «Чужое — мое сокровище»: «Недавно я имел случай познакомиться с странным человеком... Вот некоторые черты его характера и жизни. ... Сегодня беспечен, ветрен, как дитя; посмотришь завтра — ударился в мысли, в религию и стал мрачнее инока. Лицо у него точно доброе, как сердце, но столь же непостоянное... На биваках был здоров, в покое — умирал! ... Он вспыльчив, как собака, и кроток, как овечка. В нем два человека: один — добр, прост, весел, услужлив, богобоязнен, откровенен до излишества, щедр, трезв, мил; другой человек — ... злой, коварный, завистливый, жадный, иногда корыстолюбивый..., мрачный, угрюмый, прихотливый, недовольный, мстительный, лукавый, сластолюбивый до излишества, непостоянный в любви и честолюбивый во всех родах честолюбия. Этот человек, то есть черный, — прямой урод... Оба человека живут в одном теле. Как это? Не знаю; знаю только, что у нашего чудака профиль дурного человека, а посмотришь в глаза, так найдешь доброго: надобно только смотреть пристально и долго... Он жил в аде, он был на Олимпе... Он благословен, он проклят каким-то гением... Он умеет говорить очень колко; пишет иногда очень остро насчет ближнего. Но тот человек, то есть добрый, любит людей и горестно плачет над эпиграммами черного человека. Белый человек спасает черного слезами перед творцом, слезами живого раскаяния... Дурной человек все портит и всему мешает: он надменнее сатаны, а белый не уступает в доброте ангелу-хранителю... Он — который из них, белый или черный? — он или они оба любят славу... Белый обожает друзей и готов для них в огонь; черный не даст и ногтей обстричь для дружества, так он любит себя пламенно... Это я!...»

Как много пушкинского сплелось в этом тексте — и личных черт, и тем творчества! Мотив «странности» — мотив «Легенды» («странный был он человек») и «Истории Петра» («Сам он был странный монарх!» — об этом мы подробно говорим в статье о Петре). И «беспечность, ветреность» — «Каков я прежде был, таков и ныне я: беспечный, влюбчивый...» И поэзия дорожной жизни, счастье «по прихоти своей скитаться»— и обратная ей «казнь покоя». И «черный человек» — и «ангел и демон»; колкость эпиграмм — и слезы сострадания к падшему, и тут же слезы раскаяния («И горько жалуюсь, и горько слезы лью»); и жажда славы — «желаю славы я»; и культ дружества — рядом с культом эгоизма («Любите самого себя...»). И лишь на теме любви Батюшков отрывается от своего отражения: «В любви... но не кончим изображение, оно и гнусно и прелестно!»

Полный портрет Близнецов — скажет наш Астролог; но достойно внимания, что столь цельного и сконцентрированного отображения самого себя Пушкин, в от-

личие от Батюшкова, не создал и не пытался создать (детское стихотворение «Мой портрет», конечно, не в счет). Зеркало, в которое однажды погляделся Батюшков, у Пушкина словно бы разбилось на десятки осколков... Вместо цельного словесного автопортрета — множество (в рисунках) беглых автопортретов, и все

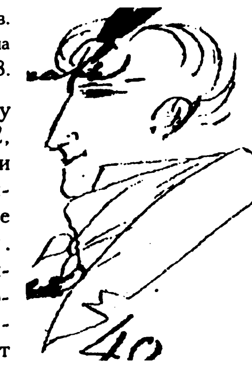
Батюшков. Автопортрет с палкой. Как и Пушкин, он любил рисовать себя в профиль, но иногда рисовал и в фас. А Пушкин себя в фас никогда не рисовал.

— в профиль (страх заглянуть себе в глаза — или самораздвоение на фас и профиль, как у Батюшкова, и нежелание иметь дело с той своей половиной, которая «фас»?)

Зеркало разбилось — или Пушкин сам его сознательно разбил — чтобы избежать того, что случилось с Батюшковым? Может, стоит обогатить портрет Близнецов еще одной чертой — страхом перед собственным отражением во всей его полноте и глубине — таким отражением, которое включает и темное зазеркалье? И не связано ли безумие Батюшкова с этим пристальным, слишком пристальным взглядом в самого себя? Что он там еще увидел, когда резко оборвал текст — «но не кончим изображение»?

Судьба Батюшкова Пушкина, конечно, очень занимала. Но что бы он всерьез о Батюшкове не пророчил — все получалось невпопад. «Мне писали, что Батюшков помешался. Быть нельзя; уничтожь это вранье».

Батюшков.
Рисунок Пушкина
1818.

Писано брату 21 июля 1822, когда признаки безумия Батюшкова были уже несомненны. «Батюшков умирает», — с непонятной авторитетностью пишет Пушкин Вяземскому в марте 1830, и опять промах: Батюшков пережил пророка почти на два десятилетия.

А вот в шутку, нечаянно пророчества получались. «Батюшков прав, что сердится на Плетнева; на его месте я бы с ума сошел от злости» (брату, 4 сентября 1822). Это по поводу неловкой и слабой элегии Плетнева «Б<атюшк>ов из Рима», которую многие приняли за стихи самого Батюшкова. А поступил Батюшков именно так, как ненароком «посоветовал» ему Пушкин: впал в бешенство, которое и было началом его болезни.

Стоило опасаться таких своих шуточек — как, впрочем, и шуточек друзей, например, А. И. Тургенева, который, потолковав в письме Вяземскому о Батюшкове, заявлял: «Теперь к сумасшедшему другого рода», — и переходил к делам Пушкина [7].

В апреле 1830 Пушкин зачем-то посетит душевнобольного Батюшкова —

«Себя как в зеркале я вижу...» «Я хотел его видеть и, с согласия доктора, написал ему предварительно записку; но он кинул ее на пол и сказал, что он никакого Вяземского не знает и никого не знает, потому что он сто лет уже умер...» Нет, это не Пушкин, — это Вяземский рассказывает о своем посещении Батюшкова в октябре 1828 [8]. А что Батюшков сказал Пушкину — мы не знаем. Во всяком случае, стихотворение «Не дай мне Бог сойти с ума...» написано после этого посещения.

Бутурлин Михаил Петрович

(24 V 1786—8 VII 1860) — нижегородский военный и гражданский губернатор (1831—1843), знакомый Пушкина по Нижнему Новгороду. «Представлял собою, так сказать, идеал дурного правителя, однако в светском отношении он был человек сносный и даже весьма приятный», — вспоминал о нем музыкальный критик А. Д. Улыбышев. По пути в Оренбург в начале сентября 1833 Пушкин нанес ему визит, после которого Бутурлин отправил письмо-донесение военному губернатору В. А. Перовскому, в котором советовал быть с Пушкиным «осторожнее», так как он собирает вовсе не материалы о Пугачеве, а «сведения о неисправностях» по некому мифическому «тайному поручению»... Перовский с Пушкиным весело посмеялись письму, а из вздорной Близнецовой легенды родилась бессмертная комедия.

М. П. Бутурлин. Неизв. худ.

Вельтман Александр Фомич

(20 VI 1800—23 I 1870) — писатель, археолог. Познакомился с Пушкиным в Кишиневе. Приезд Пушкина в Кишинев породил в Вельтмане «чувство ревности к музе»; «Встречая Пушкина в обществе и у товарищей, — пишет Вельтман в своих Воспоминаниях, — я никак не умел с ним сблизиться: для других в обществе он мог казаться ровен, но для меня он казался недоступен. Я даже удалялся от него, — и сколько я могу понять теперь тайное, безотчетное для меня чувство, я боялся, чтобы кто-нибудь из товарищей не сказал ему при мне: «Пушкин, вот и он пописывает у нас стишки» [9]. Типичный пример Близнецовой застенчивости, — заявит Астролог. — Многие считают, что это чувство Близнецам незнакомо, — это не так; просто они испытывают его в строго определенных ситуациях, например, когда рядом Близнецы с явно более сильной картой, занимающиеся тем же делом, что и они.

Вельтман А. Ф. Гравюра по оригиналу Бодри. 1839.

По свидетельству Липранди, Вельтман — «один из немногих, который мог доставлять пищу уму и любознательности Пушкина... Он безусловно не ахал каждому произнесенному стиху Пушкина, мог и делал свои замечания, входил с ним в разбор, и это не ненравилось Александру Сергеевичу, несмотря на неограниченное его самолюбие» [10]. Самолюбие Близнецов действительно неограниченно, но тут карта Пушкина явно настолько сильнее, что можно и замечания выслушать — ведь никому не придет в голову, что Пушкин мог чему-то учиться у Вельтмана; поэтому можно без зазрения совести учиться! Например, взять

понравившиеся сатирические стихи о кишиневском обществе, написанные Вельтманом в виде припева к национальному молдавскому танцу «Джок», за образец для стихотворения «Раззевавшись от обедни...» — талант находит, гений крадет.

Но в целом отношения с Пушкиным были довольно далекие; они даже не были на ты, хотя Пушкин такую форму отношений принимал очень легко. После Кишинева они безболезненно расстанутся и встретятся вновь лишь в 1831 — и так, словно расстались лишь вчера (трудности с возобновлением общения Близнецам неведомы — *Астролог*). «Ты поэт, а жена твоя воплощенная поэзия», — сказал Вельтман, познакомившись с Натальей Николаевной (изящно выразиться — этому Близнецов учить не надо; кстати, тогда они и на ты перейдут).

Вельтман А. Ф. Рисунок Пушкина 1832.

После смерти Пушкина Вельтман собирался ничтоже сумняшеся закончить «Русалку», да не случилось, но зато в повести Вельтмана «Не дом, а игрушечка!» (1850) немало пушкинского: и домовой, охраняющий старинный барский дом, и толпа гробовщиков, соперничающих за выгодный заказ, и могилы, ждущие наутро жильцов, и переодевание со сменой пола (в духе «Домика в Коломне»)... Вельтман фантазирует в этой повести на тему знаменитого «нащокинского домика» — миниатюрной копии настоящего дома, в создании которой участвовал и Пушкин, и виртуозно играет демоническими пушкинскими мотивами: Нащокин оказывается одержимым, как бесом, неким домовым, заказавшим себе новое жилье, — сам же Пушкин, появляясь в повести, приветствует этого полубеса-полудомового стихами, неведомыми пушкинистам, и остается только гадать, переврал ли Вельтман пушкинское послание «Домовому» или Близнецовая память и в самом деле сохранила неизвестный науке вариант:

Эй, дедушко! ты не засни!
По-своему распорядися с вором,
Ходи вокруг двора дозором
И все, как следует, храни!

Воронцов Михаил Семенович

(30 V 1782—18 XI 1856) — граф, с мая 1823 новороссийский генерал-губернатор и полномочный наместник Бессарабской области. Инициатива перевода Пушкина из Кишинева в Одессу к вновь назначенному новороссийскому генерал-губернатору Воронцову принадлежала друзьям Пушкина, Вяземскому и А. И. Тургеневу: «В Одессе меценат Воронцов, климат, море и исторические воспоминания — все есть, за талантом дело не станет» (из письма А. И. Тургенева Вяземскому, 15 июня 1823). Хотели как лучше, но не учли самую малость: астрологию — а она этого не любит. Поначалу Воронцов принял Пушкина ласково, поэт стал частым посетителем дома своего начальника — это и привело к катастрофе. Двум Близнецам вообще вредно видеться очень часто в силу любых обстоятельств, а уж быть связанными отношениями «начальник-подчиненный» — просто смертельно. Так что не надо уж очень сильно возмущаться ни командировкой Пушкина для сбора сведений о саранче (равно как и его «служебным донесением»), ни прочими жестокостями и несправедливостями Воронцова по отношению к Пушкину. Если судить объективно, они не более ужасны, чем «Полу-милорд, полу-купец...» (и прочие пушкинские эпиграммы) и характеристика европейски образованного Воронцова как «вандала, придворного хама и мелкого эгоиста». Между прочим, «хам и вандал» отзывался о Пушкине очень неплохо: «Недостатки его происходят скорее от головы, чем от сердца», — пишет он Нессельроде (28 марта 1824; это общее

место всех отражений Пушкина в начальственных душах — добрый малый, но без царя в голове) и умолял начальство лишь об одном: «Избавьте меня от Пушкина, это, может быть, превосходный малый и хороший поэт, но мне бы не хотелось иметь его дальше — ни в Одессе, ни в Кишиневе» (Нессельроде, 2 мая 1824). Этот вопль души постоянно звучит в письмах Воронцова к столичному начальству: «Если бы он был перемещен в какую-нибудь другую губернию, он нашел бы для себя среду менее опасную и больше досуга для занятий» (какая забота о «досуге!» и о каких «занятиях» речь?); «я писал к гр. Неселроду, прося, чтобы меня избавили от поэта Пушкина... я буду очень рад не иметь его в Одессе»; «Я повторяю мою просьбу — избавьте меня от Пушкина...»

Воронцов М. С. Литография А. Беземана. 1840-е гг.; рис. Пушкина 1823.

Туманский, однажды помогавший Елизавете Ксаверьевне в разборе бумаг, увидел в одном из пушкинских писем выражение: Que fait votre lourdaud de mari? [Что делает ваш увалень-муж?] [11] Вот на какую полку в пушкинском хозяйстве лег Воронцов, неуклюжий в своей сановной величавости: «муж» — для Пушкина это особый вид живого существа, особый тип и характер, как животное в басне; имени тут уже не надобно — достаточно сказать «муж», и все ясно... «Дружба тяжкая мужей», «рогоносец величавый»,

Приходит муж. Он прерывает
Сей неприятный tête-à-tête ...

Кстати: памятники им обоим — «мужу» и «поэту» — воздвигли почти одновременно: Воронцову — в Одессе, а Пушкину — в Москве; только воронцовский обошелся вдвое дешевле, хотя украшен тремя превосходными барельефами...

Вяземский Павел Петрович

(14 VI 1820—11 VII 1888) — князь, сын П. А. и В. Ф. Вяземских, автор воспоминаний о Пушкине, в которых использовал материалы обширного архива отца. Воспринимая княгиню Веру как мать, Пушкин и с Павлом вел себя как с братом; она вспоминала, как Пушкин «возился с молодым князем» и как однажды она «застала, как они барахтались и плевали друг в друга» [12]. Однажды Пушкин написал ему в альбом дидактические стихи, после которых Павел Петрович получил в семействе кличку «душа моя Павел»:

Душа моя Павел,
Держись моих правил:
Люби то-то, то-то,
Не делай того-то.
Кажись, это ясно.
Прощай, мой прекрасный

Таким же уважением к «правилам» отличалась и практическая педагогика Пушкина: по признанию Павла Петровича, Пушкин в 1827 учил его «боксировать по-английски, и я так пристрастился к этому упражнению, что на детских балах вызывал желающих и нежелающих боксировать... Всеобщее негодование не могло поколебать во мне сознания поэтического геройства, из рук в руки переданного мне поэтом-героем Пушкиным».

В этой забаве, как и во всем «аглицком», чувствовался налет цинизма и скепсиса по отношению к общественным установлениям: ни заслуги, ни возраст, ни статус противника здесь не важны; в расчет принимается только быстрота ре-

акции, умение немедленно парировать удар. Бокс — игра быстрая, не терпящая ни секунды промедления и раздумья; этим она как нельзя лучше соответствует характеру Близнецов, — скажет Астролог. — Правда, бокс сопряжен с синяками, кровью и болью, чего брезгливые Близнецы не любят; но, во-первых, Близнецовая реакция имеет мало равных (следовательно, Близнецы сумеют увернуться от удара, который испортит их внешний вид, а сами неэстетичного удара наносить не станут); а во-вторых, здесь ведь сражаются двое Близнецов — стало быть, надо говорить не «сражаются», а «играют».

Вяземский П. П. Фотография 1840-х гг.

Еще одно достижение пушкинской педагогики — обучение Павла игре в дурачки, причем в весьма своеобразной форме: в качестве карт, вспоминает Павел Петрович, фигурировали прошлогодние визитные карточки, «козырные определялись Пушкиным, значение остальных [карточек] не было определено, и эта-то неопределенность и составляла всю потеху...»

И в дальнейшем поэт не оставлял Павла своими полезными советами: например, «давал мне наставление об обращении с женщинами» — можно себе представить эти наставления!...

И наконец, еще одна их игра — словесная: «Я у Павлуши, — пишет его отец Пушкину, — нашел в тетради: «Критика на Евгения Онегина», и поначалу можно надеяться, что он нашим критикам не уступит. Вот она: «И какой тут смысл: *Заветный вензель О да Е*». В другом же месте он просто приводит твой стих: «Какие глупые места». Ребенок много обещает» (26 июля 1828).

Глинка Михаил Иванович

(1 VI 1804—15 II 1857) — композитор. Познакомился с Пушкиным еще в 1818—1820, когда Пушкин приходил в Благородный пансион к брату, однокашнику Глинки. Встречи возобновились в 1828 году.

М. И. Глинка. Портрет М. Теребенева, 1824.

С премьерой «Ивана Сусанина» 27 ноября 1836 (где Пушкин присутствовал) связан любопытный спор. «В музыке не может никакой *новой стихии; в ней невозможно открыть ничего нового*. Все существует. Берите и пользуйтесь», — писал Ф. В. Булгарин [13]. В пушкинском окружении считали иначе: «С оперою Глинки является то, чего давно ищут и не находят в Европе — *новая стихия в Искусстве*, и начинается в его истории новый период: *период русской музыки*. Такой подвиг, скажем, положа руку на сердце, есть дело не только таланта, но гения», — полагал В. Ф. Одоевский [14].

Так новое или прежнее? Пушкин подводит итог:

Слушая сию новинку,
Зависть, злобой омрачась,
Пусть скрежещет, но уж Глинку
Затоптать не может в грязь

На премьере кресло Пушкина, — вспоминает современник, — «было крайнее у прохода в 11-ом ряду... В антрактах все интеллигентное общество из первых рядов подходило к нему с похвалами Глинке» [15]. Наверно, это не случайно.

Глинка Федор Николаевич

(19 VI 1786—23 II 1880) — член общества «Зеленая лампа», видный деятель умеренного крыла декабристов, поэт,

публицист. Знакомство с Пушкиным началось еще в послелицейский период, когда Пушкин примеривал на себя модные тогда декабристские идеи (Близнецам, — скажет Астролог, — надо со всем поиграть, вот и политические взгляды Ф. Н. Глинки не остались без внимания Пушкина — они даже отразились в его стихотворении «Ответ на вызов написать стихи», 1819). Когда Пушкину в апреле 1820 грозила ссылка за антиправительственные стихи, Глинка ходатайствовал перед Милорадовичем об облегчении участи поэта, а в сентябре 1820 дерзко напечатал в «Сыне Отечества» (№ 38) восторженное приветствие ссыльному Пушкину: эроты, грации и музы с «колыбели» решили:

Глинка Ф. Н.
К. П. Бегтров. 1821.

«Расти, резвись — и будь поэт!»
И вырос ты, резвился вволю —

это «резвился вволю» звучит как добродушный намек на юношеские грехи поэта — Пушкин и в самом деле позволял Глинке «говорить прямо на прямо насчет тогдашней его разгульной жизни» [16]; но далее Глинка возвращается к восторженному тону: дубравы, берега, волны — все слушает поэта, и даже

боязливая луна
За облак дымный хоронилась
И молча в песнь твою влюбилась...

И под конец — призыв гордо противостоять судьбе:

Судьбы и времени седого
Не бойся, молодой певец!

Пушкин пишет ответное послание:

Когда средь оргий жизни шумной
Меня постигнул остракизм,
Увидел я толпы безумной
Презренный, робкий эгоизм...
Но голос твой мне был отрадой,
Великодушный гражданин! —

и просит брата сообщить Глинке эти стихи и передать, что он «почтеннейший человек здешнего мира». После ссылки Глинки общение и взаимные уверения в дружбе и любви не прекращаются («Я всегда любил и люблю его от души», — пишет Глинка Вяземскому, прося обнять Пушкина «сладкими объятиями поэзии и дружбы»).

Пушкин часто иронизировал над экзальтированностью поэзии Глинки (в дневнике он с убийственной иронией пишет об «ухарском псалме», где Глинка «заставил Бога говорить языком Дениса Давыдова» и который «уморительно смешон» — 22 декабря 1834), но знал ее очень неплохо. Обладая поразительным умением находить и выхватывать у поэта то, что ему не свойственно, но зато ему, Пушкину, вполне годится («это не твое, тебе не нужно — отдай»), он, возможно, и у этого сочинителя псалмов ухитрился подсмотреть свежую эротическую ситуацию: любовники (впрочем, у Глинки это, конечно, супруги) ложатся в постель в ненастье и бурю (интересно, понимал ли читатель той поры эту «бурную ночь» и в эротическом смысле?), а утром он видит погожий день и солнце — и будит ее:

Ты проснулась — воет буря!
Хлоя, слышишь резкий свист?
Осень, свод небес нахмуря,
С древ стрясает хрупкий лист...
...И прелестная супруга,
Вняв, что друг ей говорит,
Уклонясь в объятья друга,
Как дитя, беспечно спит!...
...И тогда, как обновленный
Ясно день уж засветил,
Милую супруг блаженный
Поцелуем разбудил!

«Грозная ночь» [17]

...Разбудил, конечно, со словами: «Пора, красавица, проснись...»

После смерти Пушкина Глинка написал «Воспоминание о пиитической жизни Пушкина» — длинную поэму в девяти частях, посвященную отцу поэта. Близнецы утешают Близнецов, и утеша-

ют очень своеобразно, сказал бы тут наш Астролог. Большинство частей поэмы заканчивается восклицанием:

А рок его подстерегал!

А вот финал поэмы:

Друзья! Он кончил с жизнью битву,
Едва ль о жизни воздохнув,
Сжал руку дружбы... И, уснув,
Каким-то сном отрадно-сладким,
Теперь он *там*, чтоб снова *быть*:
Былые здесь ему загадки
Там разгадают, может быть!..
...Не плачь, растерзанный отец!
Он лишь сменил существованье:
Не умирая, как *преданье*,
Живут поэты для сердец...

Вот это истинно Близнецовое отношение к смерти! — воскликнет Астролог. — Для них умереть — значит лишь «сменить существованье», а стало быть и плакать об ушедшем из этого мира не за чем. Этот мир уже хорошо известен и очень надоел; значит, за покинувшего его надо радоваться и даже можно завидовать ему: *там* наверняка интереснее, по крайней мере, на первых порах — так что (и тут со мной согласятся любые Близнецы!) слезы родных после смерти близкого человека — это слезы эгоистические, это слезы о себе, покинутых и осиротевших, а вовсе не об ушедшем, которому все они в глубине души завидуют.

Дмитриев Михаил Александрович

(3 VI 1796—27 IX 1866) — племянник И. И. Дмитриева (сходство с Пушкиным: ведь и «мой дядюшка поэт» — «К Дельвигу», 1815), поэт и литературный критик, без особой симпатии именуемый Пушкиным и Вяземским «лже-Дмитриевым».

При жизни Пушкина Дмитриев постоянно преследует его мелочной (в самом буквальном смысле слова: в 4 и 5 главах «Онегина» он нашел «91 мелочь» — Пушкин собрался было отвечать, да плюнул: скучно [18]) критикой и шуточками: «Черная шаль» — «шальная кантата» (каламбур!); «Кавказский пленник» бессодержателен, из него «ничего больше не узнаете, кроме того, что *некто* был взят в плен; что *какая-то* молодая девушка влюбилась в пленника» и т. д.

Вместе с тем именно мелочный Дмитриев впервые [19] (уже в 1824) высказал весьма фундаментальную идею об отсутствии в поэзии Пушкина «мыслей», ставшую фатально популярной в критике конца 1820-х — 1830-х гг.: «Где mens divinior ? где os magna sonaturum ?»; один лишь «блеск наружности» [20].

Статьи Дмитриева, направленные против Пушкина, не были подписаны его именем; Пушкин, вероятно, не знал подлинного автора (статьи в «Вестнике Европы» он приписал Каченовскому) и по неведению предполагал использовать Дмитриева в качестве рабочей лошади для собственного журнального предприятия.

М. А. Дмитриев. Фотография 1850-1860-х гг.

Где «дух возвышеннейший», «уста, предназначенные, чтобы вещать великое»? — возвышенно вопрошал Дмитриев Пушкина из-под забрала инициалов «Н. Д.»

«Где тот свинцовый зад, который будет толкать все это?», — своеобразно вторил ему Пушкин, имея в виду задуманный журнал, и тут же находил ответ: — я бы согласился видеть Дмитриева в заглавии нашей кучки» (Вяземскому, 7 июня 1824).

Не привелось использовать этот «зад»: Дмитриев обрушился на Вяземского и весь новейший романтизм, Пушкин вступился, хотя не скрывал, что все это ему скучно: «Век полемики миновался. Для кого же занимательно мнение Дмитрие-

ва о мнении Вяземского?» (А. А. Бестужеву, 29 июня 1824).

Отношения Пушкина и Дмитриева подтверждают невозможность существования нескольких Близнецов в одной гостиной. Когда они на расстоянии, в удалении друг от друга, им гораздо лучше. Еще лучше, когда удаление становится невозвратимым. Дмитриев и при жизни иногда находил все-таки некоторые стихотворения Пушкина «прекрасными» [21], а уж после его смерти испытывает настоящий прилив пиетета к нему — и в поздних записках Дмитриева «91 мелочь» забыта, а Пушкин неожиданно становится краеугольным камнем русской словесности, последним оплотом вкуса и художественности: «История нашей литературы делится на три периода... от Дмитриева (И. И. Дмитриева — *Авт.*) включительно до Пушкина: период нового стиля и художественности; после Пушкина период произведений без всякого стиля и формы. Само собою разумеется, что лучшие поэмы нашего времени принадлежат тоже к школе и стилю Пушкина» [22].

Ермолов Алексей Петрович

(4 VI 1777—24 IV 1861) — военный и государственный деятель. В начале мая 1829, направляясь в Закавказье, Пушкин нарочно сделал 200 лишних верст (для Близнецов это не крюк — *Астролог*), чтобы познакомиться с Ермоловым, личность которого давно привлекала поэта. «Был у меня Пушкин ... В первый раз не знакомятся близко, но какая власть высокого таланта!» — сообщил Ермолов об этой встрече Денису Давыдову [23]. Величие генерала и его «плодотворный гений» Пушкин отметил в эпилоге к «Кавказскому пленнику»; встречу и разговоры с Ермоловым описал в первой главе «Путешествия в Арзрум», в письме к Ермолову от начала апреля 1833 года выражал желание быть издателем его «Записок» или «историком» его жизни и деятельности, — но в дневнике 1834 (от 3 июня) назвал Ермолова «великим шарлатаном». Обидного в этом нет, просто слово это особенно часто употребляется Близнецами, когда нужно оценить деятельность других Близнецов, — вступится тут Астролог, и его поддержат современники Пушкина: «В нем была замечательная тонкость и даже хитрость ума, — скажет о Ермолове Вяземский, — но под конец он слишком перетонил и перехитрил» [24]; а один из декабристов, обиженных на Ермолова за то, что он не двинул в декабре 1825 свои войска на Петербург, выразился еще резче: «Ермолов ... был всегда только интриган и никогда не был патриотом» [25]. считался заодно с вольнодумцами, но в решающий момент словно вспомнил слова Монтеня о гугенотах: «я готов идти с ними до костра, но не включительно».

Ермолов. Гравюра А. Ухтомского с оригинала Машкова; рис. Пушкина 1822.

Было что-то общее в восприятии толпой Пушкина и Ермолова: «Впечатление, произведенное на публику появлением Пушкина в московском театре, после возвращения из ссылки, может сравниться только с волнением толпы в зале Дворянского собрания, когда вошел в нее А. П. Ермолов, только что оставивший кавказскую армию, — вспоминала Ел. Н. Ушакова. — Все лица, все бинокли обращены были на одного чело-

века, стоявшего между рядами и окруженного густою толпою»[26]. Разве в этой способности манипулировать толпой нет какого-то фокусничества — если не сказать, в пушкинском смысле, «шарлатанства»?

Зубков Василий Петрович

(25 V 1799—24 IV 1862) — в 1828—1838 советник и товарищ председателя московской палаты уголовного суда; член декабристского «Общества Семисторонней, или Семиугольной звезды», приятель В. И. Туманского и И. И. Пущина. Увлекался энтомологией и открыл жука, получившего его имя: Carabus Zubkovius (не этот ли жук «жужжит» в «Онегине»?)

Познакомился с Пушкиным по возвращении поэта из ссылки в Москву. По словам П. И. Бартенева, Пушкин «беспрестанно проводил время» у Зубкова на Малой Никитской. Еще бы: в это время поэт сильно увлечен свояченицей Зубкова Софьей Федоровной Пушкиной, и Василий Петрович охотно выполняет роль посредника в их отношениях (ведь Близнецы просто рождены для этой роли! — *Астролог*).

Пушкин любил Зубкова, был с ним на «ты» («Что же ты на меня не глядишь? Жить без тебя не могу!», — говорит он ему, по воспоминанию В. Ф. Щербакова, встретив Зубкова на Тверском бульваре в 1827), но в 1829 не упустил возможности поволочиться за женой приятеля, Анной Федоровной. (Однако кому от этого было плохо? — спросит Астролог. — Анна Федоровна — Львица по гороскопу; ей интересно и весело с двумя Близнецами, а ведь главное, чего боятся Близнецы, — это скука.)

Секрет симпатии, питаемой Пушкиным к Зубкову, открывается, быть может, одной чертой из воспоминаний М. И. Пущина (брата лицейского друга Пушкина): став невольным свидетелем освобождения Зубкова из Петропавловской крепости (куда тот попал после декабрьского восстания как подозреваемый в заговоре), Пущин передает в своих «Записках» ответ Зубкова на любезное предложение коменданта переночевать в крепости: «Нет, покорно вас благодарю, лучше буду ночевать на снегу на Неве, чем у вас в крепости». В этом ответе немало пушкинского: и дерзость, и брезгливое отношение к «твердыне власти роковой», и безусловное предпочтение бездомного холодного простора — сомнительному уюту тюрьмы.

↑Кюхельбекер Вильгельм Карлович

(21 VI 1797—23 VIII 1846) — лицейский товарищ Пушкина, поэт. О странностях и чудачествах Кюхли написано столько, что даже человек от литературы совершенно далекий прочтет вам с удовольствием: «И кюхельбекерно и тошно». Рядом Пушкину с Кюхлей не жилось: и эпиграммы, и дуэль (раздражал нелепый Кюхля невероятно!), а на расстоянии — конечно:

Мой брат родной по музе, по судьбам...

Надо только разойтись поскорее — и тогда:

Лицейской жизни милый брат,
Делю с тобой последние мгновенья...

Астролог сомневается в чистоте Кюхлиной близнецовости: куспид. Баратынский очень верно определил двойственность натуры Кюхельбекера, его «нераздельность и неслиянность» и с Близнецами, и с Раком, откуда в большой степени и происходили все превратности его судьбы: «Он с большими дарованиями, и характер его очень сходен с характером женевского чудака: та же чувствительность и недоверчивость, то же беспокойное самолюбие, влекущее к неумеренным мнениям, дабы отличиться особенным образом мыслей: и порою та восторженная любовь к правде, к добру, к прекрасному, которой он все готов принести в жертву: человек вместе достойный уважения и сожаления, рожденный для любви к славе (может быть и для славы) и для несчастия».

«Люблю и уважаю прекрасный талант

Кюхельбекер. Акварель П. Л. Яковлева. 1820-е гг.; рис. Пушкина 1829.

Пушкина, но, признаться, мне бы не хотелось быть в числе его подражателей... Мы, кажется, шли с 1820 года совершенно различными дорогами, он всегда выдавал себя (как же надо не понимать Пушкина, чтобы так о нем сказать: «выдавал себя»! — *Астролог*)... за приверженца школы так называемых очистителей языка, — а я вот уже 12 лет служу в дружине славян под знаменем Шишкова, Катенина, Грибоедова, Шихматова».

Нет, и идея «служения под знаменем» (мог ли Пушкин служить «под знаменем»?), и само построение фразы... Мало здесь общего с Близнецовой легкостью и свободой.

19 октября 1836 г.

...Во мне душа переживает тело,
Еще мне Божий мир не надоел.
Что ждет меня? Обманы наш удел,
Но в эту грудь вонзилось много стрел;
Терпел я много, обливался кровью —
Что если в осень дней столкнусь
с любовью?

Вроде, все как у настоящих Близнецов: и стихи на 19 октября, и тема осени — да только не скажут Близнецы никогда: «столкнусь с любовью» — они ни с кем не сталкиваются: реакция у них великолепная. Это неуклюжий Рак действительно никогда не может вовремя сообразить, в какую сторону подвинуться, особенно если подвинуться надо внезапно и быстро; а при столкновении Рак может очень сильно ушибить того, с кем столкнется — судите сами, будет ли довольна любовь таким столкновением? Да что рассуждать? Просто положите рядом с виршами Кюхли, казалось бы, очень похожие Близнецовые стихи:

И, может быть, на мой закат печальный
Блеснет любовь улыбкою прощальной —

и вам все станет ясно.

А вот нечто уже совершенно бесспорное — стихи на 19 октября 1837:

...Он воспарил к заоблачным друзьям...
Я жадно руки простираю к ним.
Пора и мне! Давно судьба грозит
Мне казнью нестерпимого удара...
Теперь пора! Не пламень, не перун
Меня убил... Нет, вязну средь болота:
Горою давят нужды и забота,
И я отвык от позабытых струн...

Тут уж пропадают последние сомнения в чистоте Кюхлиной близнецовости. Близнецы не станут бесконечно стонать «пора, пора!» и при этом продолжать вязнуть средь болота; уж если они произнесут «пора!», то сразу и унесутся. Кюхля же, который «летать не может», в болоте, под тяжестью нужды и забот, повторял свое «пора!» еще целых 10 лет.

Но все же, с другой стороны: когда Пушкин при первом своем свидании с Николаем I предпринимает отчаянную попытку спасти Кюхлю, он прибегает к любимой своей (Близнецовой — скажет Астролог, вспомнив Батюшкова и Чаадаева) теме безумия: «Мы, знавшие его, считали всегда за сумасшедшего...» [27] А какой спрос с сумасшедшего? На этот раз не удалось убедить государя: удалось же, вероятно, десять лет спустя с Чаадаевым, когда Пушкин как бы полушутя внушил императору, что у сочинителя «Философического письма» «в голове

что-то неладно». (Близнецовое безумие бывает иногда полезным для самих Близнецов — *Астролог*).

Нарышкин Дмитрий Львович

(10 VI 1758—12 IV 1838) — обер-егермейстер двора, муж М. А. Святополк-Четвертинской, фаворитки Александра I. Петербургский знакомый Пушкина. Имя Нарышкина упоминается в анонимном пасквиле, полученном Пушкиным 4 ноября 1836: главой «ордена рогоносцев», в который принимают Пушкина, провозглашен именно он. Так что, оказывается, сей документ составлен еще и в соответствии с астрологическими законами, — с удовлетворением заметит Астролог, — общность знака — общность судеб. Понятно, что составитель его вряд ли задумывался об астрологической правильности, но ведь кто составлял! Козерог (П. В. Долгоруков) и, возможно, Близнецы (М. Д. Нессельроде).

Нессельроде Мария Дмитриевна

урожд. графиня Гурьева (13 VI 1786—18 VIII 1849) — дочь министра финансов при Александре I. Петербургская знакомая поэта. «Самовластно председательствовала в высшем слое петербургского общества и была последней, гордой, могущественной представительницей того интернационального ареопага, который свои заседания имел в Сенжерменском предместье Парижа, в салоне княгини Меттерних в Вене и в салоне графини Нессельроде в доме министра иностранных дел в Петербурге. Ненависть Пушкина к этой последней представительнице космополитного олигархического ареопага едва ли не превышала ненависть его к Булгарину. Пушкин не упускал случая клеймить эпиграмматическими выходками и анекдотами свою надменную антагонистку» (П. П. Вяземский [28]). К несчастью, эти эпиграммы не сохранились.

Пушкин был взбешен, когда в 1833 Нессельроде без его ведома повезла Наталью Николаевну на бал в Аничковом дворце. «Я не хочу, чтобы жена моя ездила туда, где я сам не бываю» — пожалуйста, нет ничего проще: вскоре Пушкин не без участия Марьи Дмитриевны становится камер-юнкером — как же тут сохранить хладнокровие! Двое Близнецов, обреченные вращаться в одном обществе. Одни — облеченные властью, влиянием в свете, связями, богатством; другие — лишь своим талантом. Пушкин больше злится — и проигрывает. А графиня Нессельроде просто не любит Пушкина. Не потому, что считала его автором злой эпиграммы на ее отца, а просто потому, что для нее он всего лишь либеральный нахальный сочинитель, ничтожный камер-юнкер, который посмел встать на пути любезного ее сердцу семейства Геккернов. Мария Дмитриевна была посаженной матерью на свадьбе Дантеса, весь вечер после дуэли она провела вместе с мужем у Геккернов и не покидала Геккерна до самого его вынужденного отъезда из Петербурга, когда все поспешили от него отвернуться. «Под конец одна гр. Н<ессельроде> осталась при нем [Геккерне], — писал П. А. Вяземский, — но все-таки не могла вынести его, хотя и плечиста, и грудиста, и брюшиста» [29]. А Пушкин — ее враг, потому что он враг ее друзей. И жалости к нему у графини быть не может. Она не задумается приложить руку к сочинению анонимных писем. Это достойный враг: умный, жестокий, безжалостный. Но ведь Пушкин и не допустил бы, чтобы его жалели, и сам бы не пожалел графиню Нессельроде — так что все правильно.

Петр I

(9 VI 1672—8 II 1725) — первый Российский император,

> Кто придал мощно бег державный
> Рулю родного корабля.

«Петр Великий ... один есть всемирная история», — так считал Пушкин [30], которого Цветаева в свою очередь считала «последним подарком России Пет-

ра».

Читая «Историю Петра», испытываешь ощущение, что Пушкин глядится в Петра, как в зеркало. В личности императора поэт видит черты, свойственные и ему самому: «Себя как в зеркале я вижу...» Психологическая близость переплетается здесь со сходством судеб, — и все это не уходит от взгляда Пушкина-наблюдателя. Укажем на некоторые из общих черт, явившихся поэту в зеркале Петра, — и попробуем сказать и о том, чего поэт не мог или не хотел сам выразить.

Медаль "На взятие шведских фрегатов", 1703. Петр I. Рис. Пушкина 1822.

И Петр, и Пушкин родились в четверг (в счастливый день Юпитера, — добавит Астролог).

Умер Петр 28 января. Пушкин — 29 января. Оба перед смертью испытают страшные, нечеловеческие боли в нижней части живота.

В жизни обоих огромную роль играло имя Наталья. У Петра — мать Наталья Кирилловна, любимая сестра Наталья Алексеевна, в доме которой по ее кончине Петр устроит приют для незаконнорожденных детей; внучка Наталья Алексеевна. В 1714 родится дочь — Наталья; 27 мая 1715, то есть почти в день рождения отца, она умрет. В 1719 Екатерина родит еще одну дочь — и ее снова нарекут Натальей. Наталья Петровна вторая умрет в возрасте 6 лет 4-го марта 1725 — гроб ее будет выставлен в той же зале, что и гроб Петра; похоронят их в один день. Об имени Натальи в жизни и творчестве Пушкина писали много [31]; напомним лишь, что первое его дошедшее до нас стихотворение — «К Наталье», а через два года — стихотворение «К Наташе»; одна из первых возлюбленных — Наталья Кочубей; Татьяна Ларина в черновиках романа — Наташа; невеста Ибрагима в романе об арапе — Наташа; героиня «Графа Нулина» — Наталья Павловна; в семье — две Наташи (жена и дочь); мать жены — тоже Наталья...

Вера и суеверие — особая тема. О суеверии Пушкина, о «таинственных приметах» в его жизни не писал разве что ленивый: тут и «месяц с левой стороны» (жене, 14 сентября 1835), и бесконечные зайцы, злоумышленно перебегающие дорогу в самый ненужный момент, и грядущий белокурый убийца, и упавший во время венчания крест и т. п. Сам внимательный к различным приметам, Пушкин внимателен и к аналогичным наблюдениям Петра: «NB. Петр писал угрозы своему сыну во время поздней беременности жены своей, надеясь на рождение сына» (1715 г.). Пушкин выделил эту информацию особо — и не случайно: и у Петра, и у Пушкина род быстро оборвался по мужской линии; мужская линия Пушкина — на правнуке, Петра — на сыне...

Пушкин постоянно отмечает, что Петр благочестив и вообще «ходил путями Господа», и Бог за это ему (как и царю Давиду, другому своему любимцу, с которым у Петра много общего) многое спус-

кает с рук: «Петр за спасение свое отслужил благодарственное моление» (1689 г.); «Петр во время суда занемог горячкою; многочисленные друзья и родственники преступников хотели воспользоваться положением государя для испрошения им помилования..., но Петр был непреклонен; слабым, умирающим голосом отказал он просьбе и сказал: надеюсь более угодить Богу правосудием, нежели потворством» (1697 г.); «За утушение семимесячного бунта принес Богу благодарение... ; Слова Петра из Давида: «*Светильник стезям моим закон твой, боже!*» (1705 г.).

Пушкин замечает в Петре то, что о Близнецах мало кто знает: их веру в силу молитвы. Самому Пушкину эта вера была свойственна в высшей степени:

Стал на паперти, дверь отворяет...
Ужасом в нем замерло сердце,
Но великую творит он молитву
И спокойно в церковь Божию входит...

«Песни западных славян», 1834.

Эту цитату вряд ли кто из исследователей вспомнит. Уж скорее приведут другую:

Прочитала скорым шопотом
То, что ввек не мог я выучить:
Отче наш и Богородице...

«Бова»

Близнецы, — объясняет Астролог, — привычно смеясь над всем подряд, смеются и над молитвами. Но это вслух: чтобы не лезли и не приставали; а про себя они очень верят в силу молитвы. Правда, и молитвы у них свои. Общепринятые они почти никогда не могут запомнить — но в «минуту жизни трудную» они твердят такие «молитвы чудные» (придуманные ими самими) и так в них верят, что могут беззащитными встретиться с диким зверем — и вера отведет беду. «*Обратитесь с призывом к небу*, — оно откликнется», — советует Пушкину Чаадаев (март-апрель 1829), и тот, конечно, не мог не прислушаться к совету друга.

Трагизм и Петра, и Пушкина состоял в несовпадении их демонической быстроты с темпом обычной человеческой жизни. Пушкин, испытывающий невыносимые страдания от чужой медлительности, чутко констатирует то же качество и в Петре: «Петр 3 июня сам прибыл в Дерпт, недовольный медлительностью осады» (1704 г.); «Розену написал он гневное письмо, негодуя на его *сонность*» (1706 г.); «Петр ... писал датскому королю, жалуясь на медленность и неусердие союзников» (1712 г.); «Беспокоясь о медленности датчан, Петр решился отправиться в Копенгаген торопить транспорт войска» (1716 г.); «Обер-комендант медлил [привезти тело царевны Екатерины Алексеевны], а Петр за то ему пенял» (1718 г.).

Жалобы на медленность, непроворство — как это характерно и для Пушкина! «Я приехал в Москву, вчера в середу. Велосифер, по-русски поспешный дилижанс, несмотря на плеоназм, поспешал как черепаха, а иногда даже как рак. В сутки случилось мне сделать три станции» (Н. Н. Пушкиной, 22 сентября 1832). «Вы ... прислали мне последнее, прекрасное Ваше творение [роман «Аскольдова могила»]; и не слыхали от меня спасибо... Но виноват приятель мой Соболевский, который едет в Москву каждый день и уже седьмой месяц как взял от меня письмо, которое обещался немедленно Вам доставить» (М. Н. Загоскину, 9 июля 1834).

Даже смерти он ожидал от некоего абсолютного воплощения медлительности: от «непроворного инвалида», который влепит ему, — вечно спешащему, торопящемуся, — шлагбаумом в лоб.

Само течение времени порой вызывает у них раздражение своей медленностью. Пушкин отмечает, что были «изданы географические карты, в коих Петр предозначил будущие границы России» (1704 г.). В самом деле: зачем ждать, пока эти границы станут реальностью? Это так понятно Пушкину, на которого выражение «со временем» наводит тоску:

Со временем (по расчисленью
Философических таблиц,

Лет чрез пятьсот) дороги верно
У нас изменятся безмерно...

Ненависть к окостенелому этикету — и подвижность собственного «я»: страсть к смене имен, к переоблачению, мистификации.

«Петр, получив от Апраксина *слишком учтивое письмо* (пишет Голиков), отвечает, что он сомневается, к нему ли оно писано; *ибо оно с зельными чинами, чего-де я не люблю, и ты знаешь, как в компании своей писать*. В другом письме запрещает он ему слово *величество*» (введение); «Лондон ему нравился, «потому что в нем богатые люди одеваются просто» (1698 г.); «Корабельные мастера звали его Piter Bas , и сие название, напоминавшее ему деятельную, веселую и странную его молодость, сохранил он во всю жизнь» (1697 г.); «Святки праздновались до 7 января. Петр одевал знатнейших бояр в старинное платье и возил их по разным домам *под разными именами*» (введение).

А вот реакция Пушкина на «слишком учтивое» письмо: «С ума ты сошел, милый Шишков... Если заблагорассудишь писать ко мне, вперед прошу тебя быть со мною на старой ноге. Не то мне будет грустно» (К А. А. Шишкову, 1823). Окостенелый этикет несовместим с подвижностью его личности: вспомним его странные наряды в деревне, его причудливые псевдонимы («Феофилакт Косичкин»), наконец, его стилистические переоблачения.

Сюда же — их невероятная, демоническая подвижность. Все перемещения Петра тщательно, любовно перечислены у Пушкина — и это неудивительно: ведь ему самому «путешествие нужно ... нравственно и физически» (Нащокину, около 25 февраля 1833).

Оба — «несносные наблюдатели», жадные до необычной детали. «Петр ... ездил в Амстердам, где осмотрел кунсткамеру, математические инструменты и минц-кабинеты, звериные и птичьи дворы ... , церкви, между коими полюбилась ему квакерская; в синагоге видел обрезание младенца; посетил он и зазорные дома (бордели) с их садами; видел 20 сиротских домов, дом сумасшедших; собрание ученых; слушал их диспуты» (1697 г.). Как не вспомнить тут из пушкинских странствий — скитания с цыганами, посещение калмычки (с пробой ее чудовищного варева — любопытство преодолело брезгливость!), осмотр гермафродита или героическое испытание на себе турецкой бани (из «Путешествия в Арзрум»).

Самоирония: готовность посмеяться над собой даже в тяжелую минуту. «Из меня познайте, какое бедное животное есть человек», — произнес Петр 16 января 1725, когда водяная болезнь начала жестоко его мучить [32]. Сравните: «я пренесчастное животное» (Н. Н. Гончаровой, около 29 октября 1830).

При всем величии и возвышенности планов, — вполне циничный интерес к деньгам как таковым. Пушкин, однажды воскликнувший, пародируя Иисуса Христа: «Ведь это кровь моя, ведь это деньги!» [33], — мог понять это и в Петре: «...Слух о золотом песке прельщал корыстолюбивую душу государя» (1718 г.).

Петр и народ — в эту область зеркала Пушкин вглядывался особенно пристально. С народом было и полное отчуждение: враждебность с одной стороны и презрение с другой, — то, что Пушкин отметил уже в ранней своей записке по русской истории XVIII в.: «Петр I не страшился народной свободы, неминуемого следствия просвещения, ибо доверял своему могуществу и презирал человечество, может быть, более, чем Наполеон». В эти же годы и Пушкин обратится к народу без всякого уважения: «Паситесь, мирные народы...» Со своей стороны, «народ почитал Петра антихристом», — сказано в материалах к введению. Цензура никогда бы такого не пропустила — но захотелось эту деталь отметить: и не вспомнил ли тут Пушкин, как его самого оренбургские казаки в 1833 приняли за «антихриста»? [34]. Конец же истории с народом — счастливый: примирение и понимание; «и долго

буду тем любезен я народу...» Петр после Полтавской победы въезжает в Москву при «восклицании наконец с ним примиренного народа: здравствуй, государь, отец наш!»; в дни предсмертной болезни «народ толпился перед дворцом». Так будет и в январские дни 1837 на Мойке.

Равнодушные к кровному родству, и Петр, и Пушкин высоко ценили родство духовное. «Я потерял лучшего друга, и в то время, как он более был мне нужен», — Пушкин выписывает эти слова Петра о безвестном авантюристе Лефорте, потому что понимает тут царя как никто другой. «Никто в целом свете не был мне ближе», — сказано о Дельвиге, «брате названом», но отнюдь не «родственнике».

Великодушие — тема, всегда волновавшая Пушкина, и его восхищает «незлобная память» Петра: «Петр пригласил несколько генералов к себе обедать, отдал им шпаги и пил за здоровье своих учителей. Шведские офицеры и солдаты также были угощены... 29-го, в день своих именин, Петр угощал опять пленников» (1709 г.). «Кто жесток, тот не герой!» — восклицает Петр по поводу зверской казни Паткуля Карлом XII [35]. Это звучит вполне по-пушкински: герой без сердца — тиран. Милость к падшим, «не помня зла, за благо воздадим», — это все уроки Петра, умевшего сидеть «с врагом беспечным за одной трапезой» и не думать при этом, пора подсыпать ему яду или еще рано:

...Он с подданным мирится;
Виноватому вину
Отпуская, веселится;
Кружку пенит с ним одну

«Пир Петра Первого», 1835

«Кружку пенит с ним одну», — очень важная деталь! Тут сальерианские штучки невозможны, как невозможно и для Петра и для Пушкина — «пировать с гостем ненавистным»: «пир» еще более несовместим со «злодейством», чем «гений». А мотив пира с бывшим врагом, пира прощения-примирения, у Пушкина появляется уже в первой его поэме:

И с побежденными садились
За дружелюбные пиры.

«Руслан и Людмила»

Другой общий мотив — странность. «Странный был он человек...» «Племянник мой совершенный урод», — докладывает Василий Львович Вяземскому (16 мая 1818); в шутку, конечно. А вот что Пушкин пишет о Петре — тоже, конечно, не без юмора: «6 февраля подновил указ о монстрах, указав приносить рождающихся уродов к комендантам городов... Сам он был странный монарх!» (1718 г.). Странный — не только на фоне обычных людей, но и на фоне обычных монархов; самое место ему — в собственной кунсткамере.

Петр и в самом деле стал экспонатом собственной кунсткамеры, сел там рядом с другими уродами... Восковая статуя Петра в Кунсткамере. Гравюра из книги О. Беляева "Кабинет Петра Великого" (СПб., 1800).

Странности, причуды Петра, непонят-

ные современникам, — понятны Пушкину, который во многом их разделяет. Известно, как Пушкин любил ездить на пожары, — и вот он фиксирует каждое проявление этой черты в Петре: «Злодеи думали умертвить государя во время пожара. Щегловитый и Обросим Петров на то и покусились (1689 г.); «Сговорились убить государя на пожаре 22 января 1697»; «Был в С.-Петербурге пожар и тотчас утушен, Петр находился между пожарными офицерами, что и делал обыкновенно» (1718 г.).

Петра отличала совершенно непонятная обычному человеку любовь к бане — а Пушкину понятная: «Указ 1704 о постройке бань в Новгороде и Пскове... Петр почитал бани лекарством; учредив все врачебные распоряжения для войска, он ничего такого не сделал для народа, говоря: *«с них довольно и бани»*; «Постоянное уменьшение пошлины с бань» (1704 г.). Брезгливостью, ненавистью к тараканам Петр далеко опережал свое время, — и находил тут полное сочувствие Пушкина, полагавшего, что баня — «наша вторая мать» (Н. Н. Пушкиной, 3 октября 1832).

А совершенно непонятное эстетство, отмеченное Пушкиным, — указ «надзирать, чтоб не продавали портретов государевых, безобразно писанных» (1723), — интересно, кто определял качество портретов и степень их «безобразия»? А гастрономическая причуда — любовь к сыру, причем к отвратительному для простолюдина сыру лимбургскому? «Петр ... отменно жаловал лимбургский сыр» (А. К. Нартов) и однажды поколотил тростью своего кухмистера Фелтена за то, что тот допустил уменьшение куска сыра без ведома Петра [36]. Как тут не вспомнить другого «урода», просившего в письмах: *«сыру лимбургского»* (Л. С. Пушкину, 22, 23 апреля 1825).

А черный, макабрический юмор, так пугавший иных знакомых Пушкина, его вечная словесная игра со смертью? «Что вы делаете, друзья, и кто из наших приятелей отправился туда, отколь никто не воротился?..» (М. Л. Яковлеву, 19 июля 1831); «Воля твоя будет выполнена в точности, если вздумаешь ты отправиться вслед за Юсуповым; но это дело несбыточное; по крайней мере я никак не могу вообразить тебя покойником» (Нащокину, 21 июля 1831); «Кстати, не умер ли Бестужев-Рюмин? говорят, холера уносит пьяниц. С душевным прискорбием узнал я, что Хвостов жив» (Плетневу, 3 августа 1831); «Ни строчки от тебя не дождешься. Умер ты, что ли? Если тебя уже нет на свете, то, тень возлюбленная, кланяйся от меня Державину и обними моего Дельвига...» (Плетневу, 11 апреля 1831).

И вот, — словно первая проба всех этих милых шуточек, — диалог Петра с голландскими шкиперами: «Слушай, император Питер! Сыр для тебя ... , а пряники отдай молодому сыну». — «Я благодарю вас. Сын мой умер, так не будет более есть пряники» [37].

Пушкин, основным принципом которого было «noli me tangere» , не может пройти мимо этого качества и в Петре. Пушкин отмечает брезгливость Петра, в том числе и самую редкую ее разновидность — брезгливость акустическую. «24 декабря 1715 скончалась царица Марфа Матвеевна, вдова государя Феодора Алексеевича, при ее погребении запрещено *выть как ныне, так и впредь*». Эта странность и Пушкину была в высшей степени присуща: «Вчера Нащокин задал нам цыганский вечер; я так от этого отвык, что от крику гостей и пенья цыганок до сих пор голова болит» (Н. Н. Пушкиной, 16 декабря 1831).

Обладавшие повышенным чувством личной границы, они оба ревностно оберегали ее. «Лакеи никогда не являлись у стола, — писал о Петре Голиков, — ибо он обыкновенно говаривал о них: «Я не хочу, чтобы они были при том зрителями, как я сижу за столом» [38]. И Пушкин всю жизнь вел войну с досужими наблюдателями, «лакеями» и у стола, и у дверей его дома. «Что это со мною делают журналисты? ... как можно печатать партикулярные письма — мало ли что мне приходит на ум в дружеской переписке

— им бы все и печатать. Это разбой...» (Л. С. Пушкину, 1 апреля 1824). «Без политической свободы жить очень можно; без семейственной неприкосновенности ... невозможно: каторга не в пример лучше» (Н. Н. Пушкиной, 3 июня 1834).

В последний год жизни Судьба пошлет и Петру и Пушкину тяжелое испытание: угрозу границам их дома, их семьи. Пушкин не случайно подробно останавливается на истории с Виллимом Монсом:

«В сие время (в ноябре 1724; даже месяц испытания совпадает: Пушкин получил анонимный пасквиль 4 ноября 1836! Ноябрь вообще тяжелый месяц для Близнецов — шестой дом, Дом Болезни — *Астролог*) камергер Монс де ла Кроа и сестра его Балк были казнены... Императрица, бывшая в тайной связи с Монсом, не смела за него просить, она просила за его сестру. Петр был неумолим (Близнецы вообще не выносят «трагинервических явлений», они могут быть жестоки как ни один другой знак, — судите сами: «При выезде моем из Москвы Гаврила мой так был пьян и так меня взбесил, что я велел ему слезть с козел и оставил его на большой дороге в слезах и в истерике; но это на меня не подействовало», Нащокину, 24 ноября 1833, — *Астролог*).

Оправдалась ли Екатерина в глазах грозного супруга? по крайней мере ревность и подозрение терзали его. Он повез ее около эшафота, на котором торчала голова несчастного. Один только раз, по просьбе любимой его дочери Елисаветы, Петр согласился отобедать с той, которая в течение 20 лет была неразлучною его подругою» (1724 г.).

Пушкин на редкость категоричен в изложении этой истории: он не сомневается ни в вине Екатерины, ни в ревности Петра. Пушкин убежден в том, что причиной казни Монса была именно ревность (а не взяточничество, которое официально вменялось ему в вину, — но об официальном приговоре Пушкин даже не упоминает). А ведь у Бассевича, на которого ссылается Вольтер и, через посредничество Вольтера, сам Пушкин, есть лишь туманный намек: «Завистники очернили в глазах императора ... отношения к императрице г-жи Балк [сестра Монса, любимица Екатерины] и ее брата» [39]. Легенда об измене Екатерины до сих пор не подтверждена, — и оснований для категоричности у Пушкина не было.

Однако здесь логика Пушкина — это логика зеркала: подготовительный текст «Истории...» завершался в декабре 1835, когда Дантес уже открыто ухаживал за Натальей Николаевной. Пушкин словно бы поверяет поступок Петра собственной психологией — и словно бы своими глазами смотрит на Екатерину, когда отмечает (7 мая 1724) совсем малозначительное для истории обстоятельство: «За обедом ... стоял ... за императрицей камергер фон Монс».

«Историк — это пророк, обращенный в прошлое», — гласит известный афоризм Фридриха Шлегеля [40]. Дальнейшее лишь подтверждает эту ироническую двойственность Истории. «16-го января Петр начал чувствовать предсмертные муки. Он кричал от рези... Екатерина то рыдала, то вздыхала, то падала в обморок, она не отходила от постели Петра и не шла спать, как только по его приказанию... 28 января Петр умер на руках Екатерины».

Пушкин настолько глубоко чувствовал свое родство с Петром, что с легкостью выступал в его роли, говорил от его имени. «Первое действие «Петра» я устроил и кончил давно, но за второе не принимался; так и мерещится, что Петр отворяет дверь и грозит дубинкою. Дрожь берет, даже выговаривая это имя», — пишет Погодин Пушкину 3 июня 1831. «Пишите «Петра»; не бойтесь его дубинки, — отвечает Пушкин в конце июня 1831. — В его время вы были бы одним из его помощников; в наше время будьте хоть его живописцем». И дубинку останавливает, и сам, от имени Петра, помощником назначает... В самом деле, какой же Петр — без Пушкина; вернее, без Пушкиных (но не все ли равно?):

«Присоветуй Рылееву в новой его поэме поместить в свите Петра I нашего дедушку. Его арапская рожа произведет странное действие на всю картину Полтавской битвы» (Л. С. Пушкину, зима 1825).

«Указ 1702 о запрещении иностранцам поединков и драк». Пушкин отметил его. Почему? А почему Петр его издал? Не для того ли, чтобы попытаться защитить Пушкина, свой «последний подарок России», от равнодушной пули «заброшенного к нам по воле рока»?

Пушкин Алексей Михайлович

(11 VI 1771 —7 VI 1830) — дальний родственник Пушкина, писатель, переводчик Мольера, актер-любитель.

...Он любил играть комедию со мною;
Он вздором часто нас смешил
И ум соединял с блестящей остротою —

писал о нем Василий Львович Пушкин [41], который не раз с шутливой досадой упоминает о веселых проделках родственника:

И Пушкин, балагур, стихов моих
хулитель —
Которому Вольтер лишь нравится один...

«К графу Ф. И. Толстому»

О нраве этого «любителя Вольтера», который общался с семьей Пушкиных в Москве в пору детства поэта, мы также многое узнаем из писем Василия Львовича: «Пушкин очистился, омылся еси и отстал от ерофеича»; «Алексей Михайлович ... кричит громче и курит табак более прежнего. Он с утра до вечера играет в карты и выиграл уже тысяч до осьми»; «А. М. Пушкин утопает в удовольствии... молодая красавица (ей только восемнадцать лет от роду) разъезжает с моим родственником, в мужском платье, и нигде от него не отстает» [42]. Хорошо, что Пушкин свои бурные годы до ссылки провел в чопорном Петербурге, а не в Москве, где веселился в это время его родственник!

Он «весел и смешон» — пишет о нем Василий Львович. И не удивительно, что Вяземский, сообщая Пушкину о смерти Алексея Михайловича, говорит о нем почти как Гамлет о Йорике: он «снес в могилу неистощимый запас шуток своих на Василья Львовича» (7 июня 1825); о смерти веселого человека — весело:

С веселым звоном рюмок, с восклицаньем,
Как будто б был он жив...

Пушкин отвечает (июль 1825) в том же духе: «Как жаль, что умер Алексей Михайлович! и что не видал я дядиной травли!»

Пушкин Сергей Львович

(3 VI 1770—10 VII 1848) — отец поэта. «Это был человек небольшого роста, с проворными движениями, с носиком вроде клюва попугая» [43]. Прекрасный актер и декламатор, необходимейший человек при устройстве домашних праздников, легко писал стихи по-русски и по-французски, общался с Карамзиным, Дмитриевым, Батюшковым, Жуковским, Вяземским. Душа общества, нежнейший отец в письмах к детям. И все эти душевные красоты — в причудливом сочетании с баснословной скупостью, ставшей предметом шуточек друзей. «Александру Сергеевичу приходилось упрашивать, чтоб ему купили бывшие тогда в моде бальные башмаки с пряжками, и ... Сергей Львович предлагал ему свои старые, времен Павловских» (Бартенев [44]). «Более всего убедила меня в истине женитьбы твоей вторая экстренная бутылка шампанского, которую отец твой розлил нам при получении твоего последнего письма, — с иронией пишет Пушкину Вяземский (26 апреля 1830). — Я тут ясно увидел, что дело не на шутку. Я мог не верить письмам твоим, слезам его, но не мог не поверить его шампанскому».

Итак, «собутыльник богачей требовал денег; ему их не давали» (Бартенев [45]), — достаточный повод для конфликтов. К тому же судьба зачем-то судила Сергею Львовичу часто подолгу живать вместе со старшим сыном — особенно во время его ссылки в Михайловском; и это было невыносимо. А тут еще опрометчивое согласие Сергея Львовича взять

на себя официальный надзор за сыном... «Отец призывает брата и повелевает ему не знаться avec ce monstre, ce fils dénaturé [с этим чудовищем, этим выродком-сыном]... Голова моя закипела. Иду к отцу, нахожу его с матерью и высказываю все, что имел на сердце целых три месяца... Отец мой, воспользуясь отсутствием свидетелей, выбегает и всему дому объявляет, что я его *бил, хотел бить, замахнулся, мог прибить*...»; «Отец говорил после: *Экой дурак, в чем оправдывается! да он бы еще осмелился меня бить!.. да как он осмелился, говоря с отцом непристойно размахивать руками?.. Да он убил отца словами!*» — каламбур и только» (Жуковскому, 31 октября и 29 ноября 1824).

Ссора как филологическая игра, — обвинение в убийстве как каламбур. (Для Близнецов филология — больше чем наука, она понимается ими очень широко и порой подменяет саму жизнь — *Астролог*). Пушкин много читает в Михайловском Библию, в ней он мог наткнуться на строки: «Смерть и живот в руце языка», т. е. «смерть и жизнь — во власти языка» [46]; стало быть, возможность «убить словом» ему могла быть понятна. В «Скупом Рыцаре» отразится вся эта словесная, в полном смысле слова, дуэль:

Барон.

Он... он меня
Хотел убить....
...Доказывать не стану я, хоть знаю,
Что точно смерти жаждет он моей,
Хоть знаю то, что покушался он
Меня...

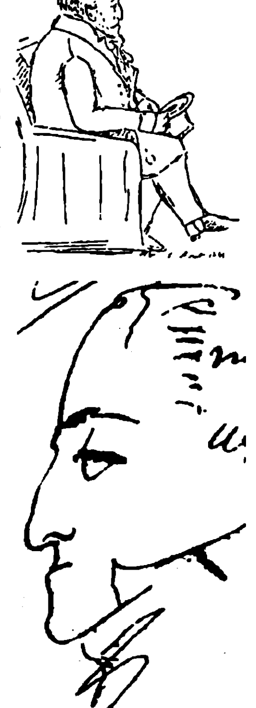
Герцог.

Что?

Барон.

Обокрасть.

И далее — Альбер и в самом деле убивает отца словом. «Ты мог отцу такое слово молвить!» — восклицает Барон и умирает, пронзенный словом, словно мечом. Впрочем, это все в литературе; в реальности последовало примирение, хотя и весьма шаткое: «Я люблю в нем моего врага и прощаю его, если не как отец, ... то как христианин» (С. Л. Пушкин — В. Л. Пушкину, 17 октября 1826). И вдруг, под занавес, опять всплывает мотив побоев, имевших место опять-таки лишь на словах. Сознаваясь, как «тошно слышать» ему сплетни о сыне, Сергей Львович тем не менее прикладывает руку к их распространению: «Знаешь ты, что, когда Натали выкинула, говорили, будто это — от побоев, которые он ей нанес?» (О. Павлищевой, 29 октября 1834).

С. Л. Пушкин. Рис. Н. И. Фризенгоф (1841); рис. Пушкина 1824.

Самым щедрым наследством отца было фамильное сходство, и Пушкин его всегда сознавал. «Я все-таки его сын — т. е. мнителен и хандрлив» (Дельвигу, 4 ноября 1830). «Быстрота в переходе от одних ощущений к другим, пылкость и легкость характера, и острота ума, без сомнения, перешли в наследство сыну», — замечает Бартенев [47]; неплохое наследство, но было и кое что еще: «Жду дороговизны и скупость наследственная и благоприобретенная во мне тревожится» (Нащокину, июнь 1831).

Сестра, увидев однажды брата Александра в гневе, готова была рассмеяться: «до того он был похож на отца» [48].

Показательный факт: все Близнецы любят ходить пешком, не вынося давки и духоты; не были исключением отец и

сын Пушкины. Обыкновенно они гуляли по Невскому в одно и то же время, но никто и никогда не видел их гуляющими вместе. А вот роль «безутешного, несчастного отца», раненного смертью сына в самое сердце, Сергею Львовичу пришлась весьма по душе. «Мне остается одно: молить Бога не отнять у меня памяти, чтобы я его не забыл», — говорит он, узнав о смерти сына [49]. Трогательно, очень трогательно —

Иль скажет сын,
Что сердце у меня обросло мохом? —

а тем не менее «подаренное» Сергеем Львовичем сыну на свадьбу Кистенево, как оказалось, было передано лишь в пожизненное владение и после смерти поэта вернулось к отцу; и от своей доли наследства по смерти сына опечаленный отец отказался в пользу Ольги Сергеевны, а не в пользу вдовы с четырьмя детьми (его внуками!); а однажды, одолжив Наталье Николаевне 2000 рублей, он потребовал с нее «обеспечение» уплаты в виде письма в контору, с тем, чтобы эти деньги вычли из ее пенсии... [50] (Впрочем, — вмешивается напоследок Астролог, — может быть не стоит судить Сергея Львовича слишком строго: многолетний брак с Раком способен умертвить любых Близнецов...)

Пушкина Мария Александровна

(31 V 1832—19 III 1919) — старшая дочь поэта. В июле 1835 Пушкин пишет теще, что "Маша просится на бал и говорит, что танцевать она уже выучилась у собачек". (А почему бы и нет? Близнецы учатся постоянно и незаметно, всему и у всех — *Астролог*). Лев Толстой отразил некоторые черты ее облика в портрете Анны Карениной — попала-таки Маша на бал...

Пушкина Наталья Александровна

(4 VI 1836—23 III 1913) — младшая дочь поэта. Судьба ее просто просится в отдельный роман. Шестнадцатилетней, несмотря на протесты матери и отчима — П. П. Ланского, она выходит замуж за М. Л. Дубельта — сына того самого Л. В. Дубельта, начальника штаба корпуса жандармов, который опечатывал кабинет умершего Пушкина и разбирал потом его бумаги. После развода с мужем — страстным игроком, быстро промотавшим все состояние, она становится морганатической супругой немецкого принца Николая-Вильгельма Нассауского и принимает титул графини Меренберг. Но откуда тут и взяться ординарному характеру и обычной судьбе? Наталья (очень значимое для Пушкина имя), к тому же третья подряд (считая тещу) Наталья в семье — имя усилено троекратно! — а в завершение, напомнит Астролог: третьи Близнецы, рожденные от Близнецов (а если еще вспомнить деда-Близнеца, и т. д., и т. д...)

Н. А. Пушкина. Портрет И. К. Макарова, 1849.

Пушкина Ольга Васильевна

урожд. Чичерина (16 VI 1737—5 II 1802) — бабка поэта, мать Сергея Львовича; среди ее далеких предков есть и выходец из Италии. (Все-таки что-то есть в том, что так много Близнецов было в пушкинском роду! — *Астролог*). Она была восприемницей Пушкина при крещении. Акт символический и очень ценный; дальше же бабка поступила мудро: умерла. Ни «пряником кормила», ни «за уши драла» — умерла, т. е. перешла в иное измерение — и благодаря своему физическому неприсутствию осталась с внуком навсегда. Пушкин напишет о бабке в «Начале автобиографии», изобразив ее невинной жертвой мужнина самодурства.

↑Свиньин Павел Петрович (21 VI 1787—21 IV 1839) — писатель, историк, путешественник, собиратель древностей, издатель журнала «Отечественные записки». В жизни и в писаниях был феноменальным вралем и подлинным Хлестаковым (который наверняка был рожден под знаком Близнецов — *Астролог*). «Свиньин читает главы из истории Петра I. Лучше писать бы ему историю Лже-Дмитрия...» (Вяземский — А. Тургеневу, 26 марта 1833 [51]).

Столкновение П. П. Свиньина с Ф. В. Булгариным и Н. И. Гречем. Шарж из альбома неизвестного, 1824. Подпись к рисунку взята (с изменениями) из басни А. Е. Измайлова "Лжец", посвященной Свиньину:

Ну Павел! Исполать! Как ты людей морочишь!
Обманывал бы ты в Париже дураков,
Иль русских мужиков,
Не немцев и не поляков.
Смотри, брат, на кого наскочишь.

«Павлуша был опрятный, добрый, отзывчивый мальчик, но имел большой порок — он не мог сказать трех слов, чтобы не солгать. Папенька подарил ему деревянную лошадку. Павлуша уверял, что его лошадка принадлежала Карлу XII и была та самая, на которой он ускакал из Полтавского сражения...» — это из пушкинской сказочки «Маленький лжец», где изображен Свиньин. Пушкин очень любил забавляться над Свиньиным, не давал ему спуску, расспрашивая о его бессарабских похождениях, где Свиньин выдал себя за важного чиновника и был остановлен, лишь когда начал принимать подношения от колодников (видимо, эти приключения, переданные Пушкиным Гоголю, явились одним из источников «Ревизора»): «С чего же взяли, — спрашивал он [Пушкин] у него, — что будто вы въезжали в Яссы с торжественною процессиею, верхом с многочисленною свитой?» — «Сказки, милый Александр Сергеевич, сказки!...» — «Ну, а ведь вам подарили шубы?» — спрашивал опять Пушкин и такими вопросами преследовал Свиньина довольно долго» (Кс. А. Полевой, «Записки»).

В своих насмешках Пушкин безжалостен, но знакомство от этих шуток не страдает. Пушкин встречался со Свиньиным у Н. И. Греча на учредительном собрании «Энциклопедического лексикона» (оба отказались участвовать в издании), пользовался собранными Свиньиным историческими материалами: Свиньин пересылает Пушкину в письме (чисто Близнецовая небрежность: авось дойдет!) копию дневника секретаря Екатерины II А. В. Храповицкого. Последняя встреча произошла 21 января 1837 на обеде у Ф. П. Лубяновского: за несколько дней до смерти они будут преспокойно беседовать на исторические темы — о временах Екатерины. А как же еще провести оставшиеся шесть дней?

Смирнов Николай Михайлович

(28 V 1808 —16 III 1870) — чиновник Министерства иностранных дел, муж А. О. Россет, которая любила общаться с поэтами, но влюблялась исключительно в дипломатов и высокопоставленных чиновников. Пушкин познакомился с ним в 1828, был в приятельских, но не особенно близких отношениях. Он назвал этого самодовольно-болтливого, избалованного игрока и кутилу «красноглазым кроликом» (письмо жене, ок. 27 июня 1834), тем самым случайно предвосхитив знаменитых «пьяниц с глазами кроликов» из «Незнакомки» Блока. Когда Пушкин, пожалованный в камер-юнкеры, цеплялся, как утопающий, за последнюю щепку — отговаривался от посещения двора неимением мундира (весьма дорогого), именно Смирнов «помог» поэту — раздобыл для него за полцены камер-юнкерский мундир. Можно понять, почему поэт недолюбливал «кролика»-дипломата: «Я поехал к ее высочеству ... в том, приятном расположении духа, в котором ты меня привыкла видеть, когда надеваю свой великолепный мундир»
(жене, 3 июня 1834).

Н. М. Смирнов. Портрет Ф. Крюгера, 1835; рис. Пушкина 1829.

Чаадаев Петр Яковлевич

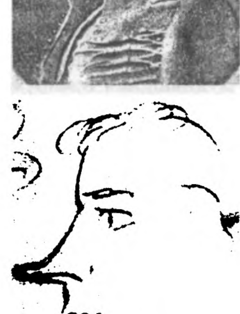
(7 VI 1794—26 IV 1856) — писатель, философ, корнет лейб-гвардии Гусарского полка, расквартированного в Царском Селе, член Союза благоденствия. Познакомился с Пушкиным в лицейскую пору.

«Он был человек мягкосердечный, многоначитанный, отменно любезный, но в то же время необычайно суетный. Heureux à force de vanité [счастлив благодаря тщеславию], говорил про него тот же Пушкин, любивший его до конца, но в зрелых летах гораздо менее уважавший, нежели по выходе своем из Лицея», — свидетельствует о Чаадаеве Бартенев [52].

«Проникнутый тщеславием», — весьма похоже сказано в эпиграфе к «Онегину» о его герое, «втором Чадаеве»; но не будем забывать: слишком прямые, намеренные сближения у Пушкина часто обманчивы — они скорее уводят от истины, чем приводят к ней. И потому вместо всем известного поверхностного сходства (ногти, галстуки и прочее) отметим важное объемное отличие: Онегин несчастен, Чаадаев — «счастлив», пусть благодаря своему «тщеславию», однако и «тщеславие» это не следует понимать плоско. «Тщеславие» Чаадаева лишь на поверхности выражено его смешным «дендизмом», а в глубине имеет религиозную природу и совпадает с гордым сознанием своего Божественного предназначения: «Будем повторять беспрестанно: как можем мы быть несчастными? Разве мы не сотворены по образу Божьему?» [53].

Их письма полны мечтаний о разговорах, встречах, совместной деятельности, даже совместной жизни, — и сожалений о том, что все это почему-то не происходит. «Любимая моя надежда была с ним путешествовать», — пишет Пушкин о Чаадаеве (Вяземскому, 5 апреля 1823). «Очень жаль, мой друг, — вторит ему Чаадаев восемь лет спустя (17 июня 1831), — что нам не удалось соединить наши жизненные пути. Я продолжаю думать, что мы должны были идти рука об руку». «Пишите мне по-русски, — по-французски (!) советовал Чаадаев Пушкину 17 июня 1831 из Москвы. — ...Я уверен,

что у нас найдется тысяча вещей, чтобы рассказать друг другу». «Друг мой, я буду говорить с вами на языке Европы, он мне привычнее нашего, и мы продолжим беседы, начавшиеся в Царском Селе и так часто с тех пор прерывавшиеся», — уверяет друга Пушкин (6 июля 1831).

Чаадаев. Портрет неизв. худ.; рис. Пушкина 1821.

Поговорим, попутешествуем — а что же на самом деле? «Мой милый, я заходил к тебе, но ты спал; стоило ли будить тебя из-за такой безделицы» [54]. «Безделица» — шестилетняя ссылка, в которую отправлялся Пушкин...

«Видел Чаадаева в театре, он звал меня с собою повсюду, но я дремал» (жене, 22 сентября 1832). «Чаадаева видел всего раз» (жене, 11 мая 1836).

А как же — поговорить? «Вы сказали, что хотите побеседовать; поговорим же. Но предупреждаю вас: я не весел; а вы — вы раздражительны. И притом, о чем нам говорить? У меня лишь одна мысль, и вы знаете это» (Чаадаев — Пушкину, 18 сентября 1831).

«Одна мысль» — это напоминает о галерее пушкинских «однодумов»: Германн, Барон, Бедный Рыцарь; из пушкинского же реального окружения такой страстной преданностью единственной неподвижной идее отличался, пожалуй, лишь Н. Тургенев. В этом ряду «однодумов» Чаадаев занимал особенное место, ибо «одномыслие» само по себе он возвел в систему. Все мысли нужно соединить в одну, поскольку в мире есть одна единственная мысль; «истина едина: царство Божие, небо на земле... — все это не что иное, как ... соединение всех мыслей человечества в единой мысли» (Философическое письмо VIII). Человек должен отречься от себя, от своего «я», проникнуться «чувством долга и подчинения» (письмо III) и влиться в великую связь времен (и мыслей), ведущих к единственной великой Мысли — нравственному закону. «Одна идея, пронизывающая всю вашу жизнь, должна всегда стоять перед вами» (письмо II). Нет мыслей — есть одна Мысль; как нет людей, нет разрозненных «я» — есть один Вечный Человек (Чаадаев обожал цитировать рассуждение Паскаля о том, что вся последовательность людей во времени есть лишь один человек, пребывающий вечно).

Наверное, живой сосуд столь великой мысли мог бы, по ироническому замечанию А. Тургенева, «менее ухаживать за собою, а более за другими, не повязывать пять галстуков в утро, менее даже и холить свои ногти и зубы» (Пушкину, 15 июля 1831); но эти противоречия Чаадаева нисколько не смущали («Я противоречу себе? — Что ж, значит, я противоречу себе» — принцип Близнецов — *Астролог*).

А теперь, зная «мысль» Чаадаева, представим себе, на основе подлинных текстов, их с Пушкиным серьезную, о самом «последнем», беседу, — ту беседу, которой оба так вожделели.

Пушкин: «Ты царь: живи один. Дорогою свободной иди...» — но Чаадаев уже перебивает: «Все назначение человека состоит в разрушении своего отдельного существования и в замене его существованием социальным, или безличным» [55].

Тут Пушкин что-то бормочет, слышно только «самостоянье человека...», «залог величия его...» [56].

Чаадаев (внушительно): «Надо понять, что человек, предоставленный самому себе, шел всегда лишь к бесконечному упадку» [57].

3 Заказ № 2600

Пушкин (отчаянно): «Никому отчета не давать, себе лишь самому служить и угождать... Вот счастье! вот права...»

После этих опрометчивых слов Пушкин поспешно убегает; Чаадаев кричит вслед: «Прочь себялюбие, прочь эгоизм! Они-то и убивают счастье! Жить для других значит жить для себя!» [58], — но Пушкин уже далеко.

Нет, никак не получается представить более длинный разговор...

Трудно Пушкину подолгу беседовать с «однодумами», зато отображать их неподвижную мысль в своем изменчивом поэтическом зеркале — его любимое занятие.

В июне 1830 в Москве Пушкин читает первое философическое письмо; осень того же года он проводит в Болдине. Чаадаев в строгой французской прозе учиняет разгром русской истории, с которым Пушкин никогда не соглашался как историк и мыслитель; но здесь, в первые дни болдинского заточения, Пушкин словно бы заново вглядывается в чаадаевский текст — и видит в его зеркале новую, совсем не историческую картину.

«Окиньте взором ... всю занятую нами землю, и вы не найдете ни одного приковывающего к себе воспоминания, ни одного почтенного памятника, который бы властно говорил вам о прошедших временах, который рисовал бы их (французский текст: qui vous les retrace — тут, возможно, уже наводит Пушкина на образ «следа», trace — *Авт.*) живо и картинно. Мы живем лишь в самом ограниченном настоящем, без прошлого и без будущего, посреди плоского покоя (или тихой равнины? — в оригинале: au milieu d'un calme plat —*Авт.*)»

Равнина, где нет ни вехи, ни следа...

Страшно, страшно поневоле
Средь неведомых равнин!

Образ «следа» — вернее, его отсутствия, — развивается далее: «первые наши годы, протекшие в неподвижной дикости, не оставили никакого следа в нашем уме...»; «...Те неизгладимые следы, которые отлагаются в умах последовательным развитием мысли..., не бороздят наших сознаний... Мы подвигаемся вперед, но по кривой линии, т. е. по такой линии, которая не ведет к цели...»

Нет следа, по которому двигаться; и кривизна вместо прямой.

Хоть убей, следа не видно;
Сбились мы. Что делать нам!
В поле бес нас водит, видно,
Да кружит по сторонам.

«В природе человека теряться, когда он не находит способа связаться с тем, что было до него и что будет после него; он тогда теряет всякую твердость, всякую уверенность... он чувствует себя заблудившимся в мире».

Пушкин словно переводит на поэтический язык чаадаевскую картину блуждания, кружения заблудившегося народа по собственной истории, — и, быть может, отчасти ее пародирует. Чаадаев ведь ни слова не говорит о причинах исторической трагедии России — но ведь черт, «автор всемирного зла» всегда под рукой и за все в ответе, так что есть на кого свалить (как поклонник католицизма с его развитой демонологией Чаадаев не мог не оценить такой поворот).

«Ах, как хотелось бы мне пробудить одновременно все силы вашей поэтической личности!» — пишет Чаадаев Пушкину 18 сентября 1831, не ведая, что давно их пробудил: «Бесы» уже год как были написаны.

Осенью 1830 Пушкин, вероятно, знал уже и седьмое письмо с критикой античной культуры; 6 июля 1831 он сообщает Чаадаеву, что «перечел» всю его рукопись: «все, что вы говорите ... о древнем искусстве..., изумительно по силе, истинности или красноречию».

Что же говорит Чаадаев «о древнем искусстве»? «Рассматривают сохранившиеся от того времени памятники, не понимая их значения, ... не подозревая всего нечистого, что при этом рождается в сердце, всего лживого, что возникает в уме... Можно бы сказать, что мы плотью своей воспринимаем эти мраморные и бронзовые тела. И, заметьте, вся кра-

сота, все совершенство этих изваяний происходит только от совершенного безмыслия, которое в них запечатлено; как только там проявится малейший проблеск разума, тотчас исчезает очаровывающий нас идеал (idéal) ... Вы, может быть, меня спросите, был ли я сам всегда чужд этих обольщений искусства? Нет... пока я с ними даже и не был знаком, какой-то неведомый инстинкт заставлял меня предчувствовать исходящие от них сладостные наслаждения... я следовал общему примеру и еще усерднее, чем другие, курил фимиам на алтаре идолов (idoles)... Правда, в глубине этого восхищения всегда таилось что-то горькое, подобное угрызению совести...» [59]

...Два чудесные творенья
Влекли меня волшебною красой:
То были двух бесов изображенья.

Один (Дельфийский идол) лик младой —
Был гневен, полон гордости ужасной
И весь дышал он силой неземной.

Другой женообразный, сладострастный,
Сомнительный и лживый идеал —
Волшебный демон — лживый,
но прекрасный.

Пред ними сам себя я забывал;
В груди младое сердце билось — холод
Бежал по мне и кудри подымал.

Безвестных наслаждений темный голод
Меня терзал. Уныние и лень
Меня сковали — тщетно был я молод.

Средь отроков я молча целый день
Бродил угрюмый — всё кумиры сада
На душу мне свою бросали тень.

Лживость и сомнительность античного «идеала» (отметим словесные совпадения: «идеал», «идол»), увиденного глазами молодого христианина; предчувствия плотских наслаждений, в которых признается Чаадаев (у Пушкина — «безвестных наслаждений темный голод...»), а в глубине — темное чувство, похожее на «угрызения совести» («всё кумиры сада На душу мне свою бросали тень») — да Пушкин словно рисует на Чаадаева дружеский шарж, изображая его в облике молодого благочестивого христианина! Кстати, есть тут еще одно тонкое совпадение: Чаадаев пишет, что очарование античных статуй исчезает, «как только там проявится малейший проблеск разума», — и пушкинский юноша от «мраморных циркулей и лир» (проблески разума!) тянется все-таки к двум таким «идолам», в которых как раз есть что угодно, кроме разума...

Аполлон из Ораниенбаумского парка — один из «Дельфийских идолов», вызывавших отвращение Чаадаева.

Кстати, о разуме. Когда вышло в 1836 (в журнале «Телескоп») первое философическое письмо, вызвавшее негодование властей, пошел слух, «что государь Николай Павлович, встретив Пушкина, сказал ему: «А каков приятель-то твой Чаадаев? Что он наделал! Ведь просто с ума спятил!» Пушкин полушутя отвечал, что действительно Чаадаев зачитался иностранных книг и в голове у него что-то неладно. В Москве говорили, что этот разговор с Пушкиным подал государю мысль подвергнуть сочинителя «Философических писем» медицинскому осмотру и надзору» [60]. Если это так — то Пушкин оказал другу ту неоценимую услугу, которую он пытался, но не смог оказать Кюхельбекеру.

А Чаадаев до конца жизни показывал своим посетителям «пятно» над диваном в том месте, где «прислонял голову» Пушкин [61], и, поглаживая свой голый череп, вновь и вновь доказывал, что «голова у него устроена так, что повреждение ума невозможно» [62].

Близнецы — Рак

«Трезвый Аристарх моих бахических посланий»

Гравюра из книги «Астролог 19 столетия» (The Astrologer of the nineteenth Century). Лондон, 1825.

Если задаться целью совершить невозможное — лишить Близнецов всех присущих им качеств: стремительности, живости, веселости; иначе говоря, умертвить их — надо всего лишь сделать так, чтобы около Близнецов некоторое время находился Рак. Для Рака Близнецы — Двенадцатый Знак: Знак Безличного Служения. Нет другого знака, который был бы так бесполезно вреден Близнецам, как Рак (ибо вредны им и Рыбы, и Козерог, но вредны все-таки творчески, а стало быть, полезно). А здесь — никакого творчества. Откровенная черная дыра, пожирающая всю энергию Близнецов. Без спешки. Без жадности. Без благодарности: ведь Близнецам астрологически положено питать ее собой, а если так положено — то за что же благодарить?

С точки зрения Близнецов, здесь все не совпадает.

Темп жизни: стремительность, полет, остановка воспринимается как трагедия (даже остановка транспорта, не случайно у Пушкина так много о ямщиках, станционных смотрителях и о раздраженных их медлительностью господах) — и неторопливость, размеренность (куда спешить? в один день нужно сделать одно дело. Приходится подождать лошадей? — подождем; главное — знать, за кем наша очередь).

Спонтанность, импровизация, экспромт (планы нужны лишь для того, чтобы лишний раз убедиться, что они всегда рушатся; жизнь «импровизатором любовной песни», фатализм — «А я, судьбе во всем послушный» — и невозможность ступить шаг, не построив план на следующие десять.

Схватывание информации из воздуха, внешне вечное безделье: «А я, повеса вечно праздный»; нежелание подолгу останавливаться на проблемах («Дельвиг умер, Молчанов умер; погоди, умрет и Жуковский, умрем и мы» — из знаменитого письма Плетневу от 22 июля 1831); юмор в любых условиях, умение посмотреть на все одновременно с тысячи сторон, проиграть любую ситуацию на театре, отстранить ее от себя, нежелание выяснять отношения, умение ускользнуть на крыльях от любых проблем — и стремление все закрепить в словах, высказать и то, что не нуждается в словах,

умение любую ситуацию довести до безысходности.

Незлобивость, умение забывать, прощать:

Не помня зла, за благо воздадим —

умение общаться с кем угодно, сколько угодно раз начинать с нуля, менять суждения («только глупец не изменяется...») — и методичное запоминание всех обид, прегрешений, непрестанное ведение внутреннего кондуита, чтобы в нужную минуту припомнить, отомстить.

Расточительность, азарт, страсть к игре — и безмерная скупость, драма при расставании с деньгами даже для своих нужд.

Непонимание границ, ни пространственных, ни временных — и невозможность даже помыслить о выходе за границы своей клетки, своей среды, своего времени, помыслить о том, чтобы оторваться от земли.

Свобода — и клетка.

Пусть бы существовали каждый сам по себе. Близнецы не против: они признают право на существование за любыми проявлениями жизни; вернее, у них всегда столько своих дел, что им совершенно безразлично, что там происходит в жизни соседнего знака: живет — и пусть живет. Но Рак по отношению к Близнецам такого непорядка допустить не может. Что это там стремительно мелькает, не вписываясь ни в какие рамки и внося беспокойство в размеренную и расписанную по клеточкам жизнь? Поймать, умертвить, наколоть булавками, изучить и описать!

Музыку я разъял, как труп.

Вот теперь спокойно: труп наколот на булавках и никуда не улетит.

Страшно то, что роковая зависимость Двенадцатого Знака всегда даст о себе знать. Раку не надо гоняться за Близнецами, нервничая и задыхаясь: они сами наткнутся на его булавки и приклеятся к его липкой ленте. Вот тогда он не спеша выпьет из них всю энергию. И прежде чем их окончательно умертвить —

...спеши
Еще наполнить звуками мне душу...

Спеши! И поспешат. И наполнят. Все пожрет черная дыра. Неважно, что Раку тоже не пройдет даром выпитая из Близнецов энергия. Она станет пронизывать его жгучим ядом беспокойства, непонятной тревоги. Но все равно пожрет: для порядку, про запас.

Кто наблюдает общение Рака с Близнецами с приличного расстояния или просто шапочно знаком с Раком, может запротестовать: какой вздор! Рак такой обаятельный, такой корректный, так любит общество: его постоянно можно видеть в театре, в концертах, и ничего он не тянет из Близнецов, это они, бессовестные, доброму и порядочному Раку житья не дают, вьют из него веревки. Верно, в зеркале других Знаков — Рак совсем иной. Но с Близнецами все обстоит, увы, именно так. Пусть Близнецы попробуют попросить у него денег в долг или скажут, что не могут выполнить то, о чем он их просит, — все его сочувствие и радушие как рукой снимет. На них смотрят стеклянные глаза — и они слышат мертвые казенные фразы: «Ты обещал. Ты должен...» Как бы ни улыбался Близнецам Рак, каким бы теплым ни казался на первый взгляд — бегите без оглядки: это улыбка паука, затягивающего свою жертву в паутину.

«Пушкина убило отсутствие воздуха».

Воздуха действительно маловато, зато оков, цепей в виде множества Раков — в достатке. Раки окружают Пушкина с раннего детства: родительский дом, Лицей, а уж во взрослой жизни... И все это люди не проходные, не случайные, а занимающие такое положение, от которого часто напрямую зависит судьба поэта. Это не легкое, ни к чему не обязывающее поверхностное общение Близнецов с Близнецами. Из клешней Рака так быстро не улетишь: мать, Бенкендорф, Николай Первый и его супруга — не обойти, не избежать. Пушкин

задыхается, и все-таки долг Безличного Служения платит по-близнецовому щедро, творчески: мало кто из Раков, встретившихся на пути, остался без стихотворной строчки, без упоминания в творчестве Пушкина. За исключением разве что Надежды Осиповны. И отзывается Пушкин, в большинстве случаев, о Раках весьма лояльно — чего нельзя сказать о самих Раках: они судят поэта очень строго, стремясь уложить его на прокрустово ложе своей Раковой морали. И самое страшное — как много скрытых, куспидных, Раков! Рак любит маскироваться под ближайший знак — все тайком, все ползком, все исподтишка. И первым биографом Пушкина окажется тоже Рак (П. В. Анненков): а как же! Надо застолбить тему, наколоть эту бабочку на булавку: «Оценить Пушкина заслуги, может быть, я не сумею, но в способности понять этот удивительный характер — вряд ли кому уступлю»; «Цель биографии — уловить мысль Пушкина»; «В Пушкине замечательно было соединение необычайной заботливости к своим выгодам с такою же точно непредусмотрительностью и растратой своего добра. В этом заключается весь характер его...» [1] — вот так все просто.

Уловить. Поймать. Остановить.

Александра Федоровна

(Фридерика-Луиза-Шарлотта-Вильгельмина) (12 VII 1798—1 XI 1860) — жена Николая I, с 1825 императрица. Маркиз де Кюстин в своей книге о России говорит о ней: «Она пленяет своею наружностью; звук ее голоса мягок и нежен». В 1821 великая княгиня на придворном празднике в Берлине исполнила роль индийской принцессы в живых картинах по поэме «Лалла Рук» Томаса Мура, — и стала достоянием русской поэзии благодаря Жуковскому, воспевшему мгновенное явление Лалла Рук «с вышины»:

Светлый завес покрывала
Оттенял ее черты,
И застенчиво склоняла
Взор умильный с высоты...

У Жуковского женщины вообще любят склонять лицо с какой-то непонятной «высоты» —

Чтоб прекрасная явилась,
Чтоб от вышины
В тихий дол лицом склонилась,
Ангел тишины —

«Рыцарь Тогенбург»

и Пушкин попытался в «Онегине» по-своему передать это нисхождение женщины сверху:

Когда в умолкший тесный круг,
Подобна лилии крылатой,
Колеблясь, входит Лалла-Рук
И над поникшею толпою
Сияет царственной главою,
И тихо вьется и скользит
Звезда, — харита меж харит —

но у него не получилось так красиво и туманно: присутствующие просто поклонились, вот и сияет *над* ними царственная глава (ох уж эта точность детали!), — и Пушкин свою строфу отбросил.

Александра Федоровна

Знакомство и общение Пушкина с императрицей началось летом 1831 и продолжалось до конца жизни поэта. Нащокин вспоминал: «Императрица удивительно как нравилась Пушкину: он благоговел перед нею» (именно благоговел, — заметит Астролог, — общение с Раками всегда наводит на Близнецов ничем не объяснимую на посторонний взгляд робость, смыкает их всегда столь красноречивые уста). «В дневнике Пушкин писал: «Я ужасно люблю царицу...» — умиляется Козерог-Вересаев, забывая продолжить цитату. А мы — продолжим: «Хотя ей уже 35 лет и даже 36...»

(чувствуете разницу?) — и даже приведем слова поэта, предшествовавшие этому выводу: «Представлялся. Ждали царицу часа три... Я по списку был последний. Царица подошла ко мне смеясь: — Нет, это беспримерно! Я себе голову ломала, думая, какой Пушкин будет мне представлен. Оказывается, что это вы... Как поживает ваша жена? Ее тетка в нетерпении увидеть ее в добром здравии, — дочь ее сердца, ее приемную дочь... и перевернулась...». Браво, Близнецы! — воскликнет Астролог. — Кто еще сможет так тонко высмеять одно из основных качеств Рака, который всегда стремится проявить раскованность и легкость в общении, но при этом нередко обнаруживает совсем другие качества: неловкость, шаблонность, поразительную способность все и всегда сказать некстати, неумение почувствовать ситуацию. Зачем все это было говорить? Какой-то набор случайно собранных банальностей и штампов — а она ведь очень довольна своей светскостью — «и перевернулась» — долг выполнен! Близнецы же, замороженные Раковой любезностью, все-таки найдут силы посмеяться — и вот тут-то и следует: «Я очень люблю царицу» и т. д.

«Харита меж харит» в своем дневнике (28 января 1837) оценит роковую дуэль так: Дантес, «мне кажется, вел себя как благородный рыцарь, Пушкин — как грубый мужик». После смерти Пушкина — о Дантесе опять-таки сочувственно («Бедный Жорж, как он должен был страдать, узнав, что его противник испустил последний вздох»); поэт же, воспевший императрицу (о чем она, скорее всего, никогда не узнала), удостоен не слишком теплой, но по-своему емкой рецензии, где «беспристрастно» выставлены и плюс, и минус: «трагический конец гения истинно русского, однако ж иногда и сатанинского, как Байрон» [2].

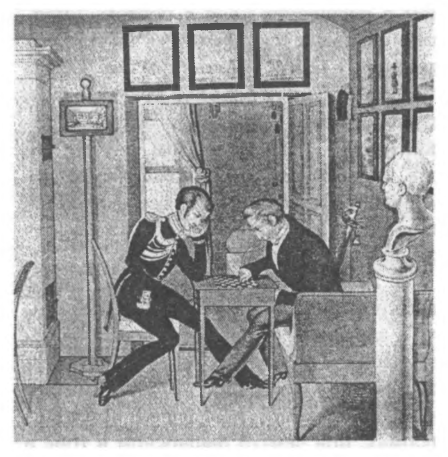
Бенкендорф
Александр Христофорович

(4 VII 1781 — 23 IX 1844) — шеф корпуса жандармов и начальник III отделения его Императорского Величества канцелярии, генерал-адъютант. После вызова Пушкина из ссылки в Москву и аудиенции у Николая I стал посредником в сношениях царя с поэтом. Пушкин оказывается зажатым в четырех клешнях — это мертвая хватка. Поэта облегла стихия порядка, и тогда-то он и прозвал свой любимый напиток — жженку — «Бенкендорфом, потому что она, подобно ему, имеет полицейское, усмиряющее и приводящее все в порядок влияние на желудок» (из рассказов Нащокина в записи Бартенева).

М. А. Корф дает Бенкендорфу такую характеристику: «Без знания дела, без охоты к занятиям, отличавшийся особо беспамятством и вечною рассеянностью,... он никогда не был ни деловым, ни дельным человеком... при очень приятных формах, при чем-то рыцарском в тоне и словах, при довольно живом светском разговоре он имел самое поверхностное образование, ничему не учился, ничего не читал и даже никакой грамоты не знал порядочно». Император Александр его не любил — и было за что: во время бунта Семеновского полка (1820) Бенкендорф действовал так неловко и бестактно, что восстание приняло еще большие размеры. Зато уж при Николае для него настали золотые времена: «[Теперь] все оживились, — писал он в частном письме, — Веселость снова вступила в свои права и вознаграждает себя за годы, утраченные для ее культа; молодость снова принимается за танцы и уже значительно менее занимается устройством государства, политикою обоих полушарий и мистическими бреднями». Да уж, поистине «причины нет печалиться»!

В Пушкине Бенкендорф видел ветреного сорванца (не умевшего, впрочем, веселиться как надо), беспокойного вольнодумца (мешавшего своими бреднями всеобщей веселости), очень опасного на-

рушителя общественного порядка, которого, однако, можно использовать с пользой для дела. «Он все-таки порядочный шалопай, но если удастся направить его перо и его речи, то это будет выгодно» [3], — наивно докладывал Бенкендорф царю, не подозревая, насколько трудно «направить» это перо.

Приемная графа Бенкендорфа. Акварель неизвестного художника. 1820-е гг.

Однако он пытался. Вот несколько примеров «отеческих нравоучений», коими Бенкендорф снабжал поэта по мельчайшему поводу и без всякого повода: «Государь император, узнав, по публичным известиям, что вы, милостивый государь, странствовали за Кавказом и посещали Арзерум, высочайше повелеть мне изволил спросить вас, по чьему позволению предприняли вы сие путешествие. Я же с своей стороны покорнейше прошу вас уведомить меня, по каким причинам не изволили вы сдержать данного мне слова и отправились в закавказские страны, не предуведомив меня о намерении вашем сделать сие путешествие» — все под личиною «усердия к царю» и с леденящей сердце вежливостью и корректностью. «Его величество государь император не удостоил снизойти на вашу просьбу посетить заграничные страны, полагая, что это слишком расстроит ваши денежные дела и в то же время отвлечет вас от ваших занятий» — какая заботливость! «К крайнему моему удивлению услышал я, что вы внезапно рассудили уехать в Москву, не предваря меня, согласно с сделанным между нами условием, о сей поездке. Поступок сей принуждает меня вас просить о уведомлении меня, какие причины могли вас заставить изменить данному мне слову?» Какой слог, какой торжественный, размеренный темп речи! Пушкин задыхается от этой невыносимой корректности: «С огорчением вижу, что малейший из моих поступков возбуждает подозрение и недоброжелательство. Во имя неба, удостойте на минуту войти в мое положение и посмотрите, как оно затруднительно!..» «Войти в ваше положение?» — вот этого-то никогда не будет; напротив, удавка затянется еще теснее: «Его Величество Император, в совершенном отеческом попечении о вас, милостивый государь, удостоил мне, генералу Бенкендорфу — не как шефу жандармов, а как человеку, к которому Ему угодно относиться с доверием, — наблюдать за вами и руководительствовать своими советами: никогда никакая полиция не получала распоряжения следить за вами. (Ложь! — *Авт.*) Советы, которые я вам от времени до времени давал, как друг, могли вам быть только полезны, — я надеюсь, что вы всегда и впредь будете в этом убеждаться» — это в ответ на просьбу Пушкина успокоить родителей невесты касательно благонадежности жениха.

Бенкендорф. Рис. Пушкина 1829.

— Ну, где тут кровопийца-Рак? — спросит Астролог. — Нет его; есть только добрый, заботливый друг. И хотел ведь уютно пристроить поэта при себе, хотел, как и Николай, иметь «своего Пушкина»:

когда поэт попросился в армию на турецкую войну, Бенкендорф предложил ему: «Хотите, я определю вас в мою канцелярию и возьму с собой?» [4]. Еще немного — и Пушкин служил бы в Третьем отделении; а эти неблагодарные Близнецы еще недовольны!

И в творчестве пушкинском поучаствовал — заметил как-то раз недовольно, по поводу очередной несанкционированной отлучки: «vous êtes toujours sur en grands chemins » — «вы всегда на больших дорогах». Пушкин вспомнит эту фразу в письме Бенкендорфу 21 марта 1830, а 4 октября того же года, в Болдине, скажет о себе:

На большой мне, знать, дороге
Умереть господь сулил.

Сулил Господь — и то же сулит еще один «господин»...

Он ничего не сделает, чтобы спасти поэта, который неоднократно информировал «заботливого друга» о разыгрывающейся трагедии. Говорили, что Николай повелел ему предотвратить дуэль и что Бенкендорф, мастер находить в любых словах «двойной смысл» (в полном соответствии с требованием цензурного устава), послал жандармов в другую сторону [5] —

Безропотно, как тот, кто заблуждался
И встречным послан в сторону иную.

Но может быть, и впрямь Бенкендорф, не отличавшийся толковостью, лишь в очередной раз неловко распорядился? Говорят, государь был им недоволен...

Булгарин Фаддей Венедиктович

(5 VII 1789—13 IX 1856) — писатель, журналист, издатель (совместно с Н. И. Гречем) «Северной пчелы» и «Сына отечества». Трусливый, тщеславный, алчный, не гнушавшийся никакими средствами для достижения своих целей, готовый вытерпеть любые унижения от сильных мира сего и как угодно унизить и оскорбить слабейшего... У людей брезгливых (к коим относятся Близнецы) не мог вызывать ничего, кроме отвращения («Да страшно как-то без перчаток», — строка Лермонтова удивительно подходит к этому даже физически мерзкому, тучному, пузатому, с вечно гнойными глазами человеку). Кстати, ему при знакомстве (осенью 1827) Пушкин очень понравился: «Скромен в суждениях, любезен в обществе и дитя по душе» [6]. Просто пай-мальчик из какого-нибудь нравственно-сатирического романа самого Булгарина...

Многолетний соратник его Н. И. Греч так писал о нем: «В Булгарине скрывалась исключительная жадность к деньгам, имевшая целью не столько накопление богатства, сколько удовлетворение тщеславия: с каждым годом увеличивалось в нем чувство зависти, жадности и своекорыстия. В основе его характера было что-то невольно дикое и зверское. Он ни с кем не умел ужиться, был очень подозрителен и щекотлив и при первом слове и при первом намеке бросался на того, кто казался ему противником, со всею силою злобы и мщения. Иногда по самому ничтожному поводу он впадал в какое-то исступление, сердился, бранился, обижал встречного и поперечного, доходил до бешенства...»

Булгарин. Карикатура К. П. Брюллова. 1838-1839.
Рис. Пушкина 1830. Булгарин?

Пушкин Булгарина не выносил:

«Представьте себе человека без имени и пристанища, живущего ежедневными донесениями, женатого на одной из тех несчастных, за которыми по своему званию обязан он иметь присмотр, отъявленного плута, столь же бесстыдного, как и гнусного, и потом вообразите себе, если можете, что должны быть нравственные сочинения такого человека» [7]. «Видок Фиглярин», «Он в Мещанской дворянин», «Иль в Булгарина наступишь...» — перечень выразительных формул можно продолжать долго. «Если встречу Булгарина где-нибудь в переулке — раскланяюсь и даже иной раз поговорю с ним: на большой улице — у меня не хватает храбрости». Но справедливости ради следует заметить, что первым нападал обычно Булгарин, плетя свои грязные доносы и сплетни; Близнецы просто защищались — умно и красиво, как они это умеют.

После смерти Пушкина Булгарин заметит: «Жаль поэта, и великого, — а человек был дрянной». Очень характерно: последний укус, когда противник уже мертв и не сможет пустить ответной стрелы. «De mortibus aut bene, aut nihil» — это правило не для Рака. Как раз о мертвом и сказать «всю правду»: живой-то — позволит ли?

Гладкова Екатерина Ивановна

урожд. Вульф (8 VII 1805—?) — старшая дочь тверского помещика И. И. Вульфа, дяди А. Н. Вульфа. Пушкин общался с нею во время своих приездов в Тверскую губ. (2-я пол. 1820-х—1830-е гг.). Пушкинский приятель А. Н. Вульф весьма энергично волочился за нею и даже считал, что «эта женщина подходит ближе всех мною встреченных в жизни к той, которую бы я желал иметь женою» (дневник А. Н. Вульфа); впрочем, даже Вульф признавал, что «недостает ей только несколько ума». «Несмотря на то, что ее выдали замуж против воли, любит она своего мужа более, нежели другие, вышедшие замуж по склонности», — правда, ухаживания Вульфа не остались совсем уж без ответа... Но лучше бы уж остались! Даже Козерог Вульф при новой встрече сбежал от Раковых упреков в неверности, бесконечного выяснения отношений — что уж говорить о Пушкине! «В Бернове не застал я уже толстожопую Минерву» — писал Пушкин Вульфу в 1829. Услышала бы она!

Глинка Сергей Николаевич

(16 VII 1775—17 IV 1847) — брат Ф. Н. Глинки, поэт, драматург, переводчик, журналист и цензор, издатель журнала «Русский вестник». Бескорыстный, правдивый чудак, он не умел пользоваться выгодами, которые судьба и так предоставляла ему крайне редко: когда Александр I во время Отечественной войны предоставил ему 300 000 рублей для ведения пропаганды против Наполеона, Глинка оставил деньги нетронутыми [8]. Когда же судьба подкинула нищему Глинке место цензора, он избрал самоубийственную стратегию: подписывал все не читая и говорил писателям: «Дайте мне стопу белой бумаги, я подпишу ее всю по листам как цензор; а вы пишите на ней что хотите!» Как ни странно, ему удалось удерживаться в цензорском кресле несколько лет: писатели щадили уникального цензора и старались следить за собой сами; лишь упрямство Н. Полевого, не послушавшегося совета Глинки, привело к его отставке в 1830.

С. Н. Глинка . В. П. Лангер, ок. 1820.

Характеристика С. Глинки в «Отрывках из литературных летописей» Пушкина лишена иронии: «Пылкость и неустрашимость его духа обнаружилась в его речах, письмах и деловых записках. (Глинка действительно, в бытность свою

цензором, написал брошюру о... свободе печати! — *Авт.*). Он увлек сердца красноречием сердца...»

По литературным вкусам Глинка был романтик; он был среди немногих, кто восторженно приветствовал «Бориса Годунова», и в своей статье о нем на вопрос «К какому разряду, к какому роду словесности принадлежит Борис Годунов?» ответил изумительно тактично: «Не знаю. Это тайна Пушкина». Главное в другом: «Если Пушкин силою очарования так увлек вас в прошедшее, что вы на время забыли настоящее, то он ... достиг цели своей» [9]. Пушкин мог быть доволен статьей «Мечтателя» (так Глинка подписал свою статью): кто еще в 1831 году так всерьез, с таким трепетом говорил о «тайне Пушкина»?

Зато «Онегин» пылкого Глинку, конечно же, разочаровал — и он обратился к поэту со стихотворным упреком:

Странного света ты живописец;
Кистью рисуешь призрак людей!..
Что твой *Онегин*? Он летописец
Модных бесцветных, безжизненных дней.

Настоящее казалось Глинке «призраком», а прошедшее, воскрешенное в «Борисе», — истинной реальностью. «Странный был он человек...» — и Астрологу тут остается только смолчать.

Гончарова Александра Николаевна

(9 VII 1811—9 VIII 1891) — сестра Н. Н. Пушкиной. С 30 сентября 1834 жила у Пушкиных в Петербурге. Ее называли «бледным ангелом»; лицо ее как бы являлось карикатурой лица сестры: матовая бледность кожи Натальи Николаевны переходила у нее в некоторую желтизну, чуть приметное косоглазие «раскосой Мадоны» перерождалось в косой взгляд. Живя в доме Пушкиных, заведовала хозяйством, воспитанием детей поэта, причем методы ее воспитания Пушкину нравились не всегда, да и детям его, конечно, тоже: ведь все они, за исключением старшего Александра, были Близнецами! Поэт весной 1836 писал Нащокину: «Вот тебе анекдот о моем Сашке. Ему запрещают (не знаю, зачем) просить чего ему хочется. На днях он говорит тетке: «Азя! Дай мне чаю: я просить не буду».

А. Гончарова. Неизв. худ. Рис. Пушкина 1835 — Гончарова?

Властная, холодная, благоразумная. Много лет муссируется версия о тайной связи Пушкина с ней, о крестике в простынях и тому подобных «уликах» (сколько Ахматова потратила сил, чтобы доказать полную абсурдность этих россказней!) — и, несмотря на ее нелепость, много лет еще будет муссироваться: не так легко освободиться Близнецам из клешней Рака! Характерно, между прочим, что одним из основных источников этой легенды служат воспоминания другого Рака — А. В. Трубецкого.

Горчаков Александр Михайлович

(15 VII 1798—11 III 1883) — лицейский товарищ Пушкина, дипломат. «Благородство с благовоспитанностью, ревность к пользе и чести своей, всегдашняя вежливость, усердие ко всякому... Опрятность и порядок царствуют во всех его вещах», — это из отзывов учителей о том, кому

...под старость день лицея
Торжествовать придется одному.

Не случайно именно его аккуратные тетрадки с записями лекций по русской

словесности дойдут до нас, и мы из первых рук узнаем, чему учил на своих занятиях Николай Федорович Кошанский. «Был он исключительной красоты..., самовлюблен, чванлив и мелочно-злопамятен. Товарищи его не любили. Но Пушкин, не находясь с ним в дружеских отношениях, как-то тянулся к нему», — пишет Вересаев. Не совсем так: не «тянулся», а «тянуло». Горчаков действительно «счастливец с первых дней»; в ранней юности ему послан такой мощный — и такой безотказный и великодушный источник энергии, который унесет его в бессмертие. В 1814 осторожный князь отберет у Пушкина фривольную поэму «Монах». Когда в 1825 Горчаков для поправления здоровья приедет в Россию (за границей здоровье не поправишь!) и посетит своего дядю Пещурова (Рак очень дорожит родственными связями, и уж, конечно, в его голову никогда не придут мысли вроде тех, с которыми ехал к своему дяде Евгений Онегин) в Псковской губернии, Пушкин прискачет из Михайловского для встречи (Раку для поправления здоровья необходимо зарядиться пушкинской энергией — как же можно отказать?), целый день проведет у постели больного, станет читать ему только что написанного «Годунова», выслушает критику и поучения по поводу слова «слюни», резанувшего ухо благовоспитанного дипломата («Вычеркни, братец, эти слюни. Ну к чему они тут?»), и пообещает переделать сцену — но не переделает. Горчаков же, как и в 1814, останется в полной уверенности, что Пушкин переделал сцену, а он, Горчаков, переделал Пушкина... И, наверно, ужасно бы удивился, если бы узнал, что Пушкин написал об этом свидании: «Мы встретились и расстались довольно холодно — по крайней мере, с моей стороны» — но он этого никогда не узнает, а в поэзии этот эпизод останется так:

Горчаков. Акварель Полезича. 1841; рис. Пушкина 1821.

Но невзначай, проселочной дорогой,
Мы встретились и братски обнялись.

И мы не помним тех дипломатических промахов, которые допустит министр иностранных дел Горчаков, — промахов, над которыми потешалась вся Европа, например, как дряхлый Горчаков по рассеянности вручил лорду Биконсфильду секретную карту, где для русской делегации были отмечены максимальные территориальные уступки, на которые она может идти; не помним, как благомыслящий князь отказался вступить в тайное общество, как отказался войти в комиссию по созданию памятника Пушкину в 1870, не помним его слов о Пушкине: «Его поведение всегда было нелепым...» [10] Мы всего этого не помним. Останется лишь великодушное отражение Горчакова в пушкинском зеркале:

Ты, Горчаков, счастливец с первых дней,
Хвала тебе, фортуны блеск холодный
Не изменил души твоей свободной,
Все тот же ты для чести, для друзей...

Давыдов Денис Васильевич

(27 VI 1784—4 V 1839) — поэт и военный писатель, партизан Отечественной войны, генерал-лейтенант. Сам он говорил о себе:

Я не поэт, я партизан, казак:
Я иногда бывал на Пинде, но наскоком,
И беззаботно кое-как...

Ну вот уж нет! Стихи свои он тща-

тельнейшим образом отделывал, да и дошло их до нас немного (около 80); певец вина, веселых попоек и картежной игры в карты совсем не играл и насчет вина был очень воздержан. У Вересаева прочтем: «Давыдов производил впечатление беспечного, лихого рубаки, душа которого все время носится где-то там, далеко от обыденной жизни, в кровавых

Давыдов. Портрет К.-К. Гампельна, 1820-е гг.; рис. Пушкина 1825.

схватках и сечах. В действительности это был человек расчетливый и с большой хитрецой. Партизанство было коротким эпизодом в его жизни. Но Денис Давыдов сумел сшить себе из него блестящий наряд, в котором щеголял всю жизнь. «Поэт-партизан» — так называл себя он сам, так называли его друзья, так называют справочные словари, как будто партизанство было основной профессией Давыдова. Он умел устраивать себе славу. Еще при жизни его появились восторженнейшие биографии Дениса Давыдова, и выяснилось, что писал их он сам». Плетнев говорил Гроту, что Давыдов, «не трогая его талант, был мелкий хвастун...» Дела свои устраивать он умел прекрасно. Чего стоит хотя бы эпизод с домом на Пречистенке! Захотелось поэту-партизану отделаться от надоевшего дома — а тут как раз казна подыскивает дом для обер-полицмейстера. И Давыдов обращается в стихотворной «Челобитной»:

Помоги в казну продать
За сто тысяч дом богатый,
Величавые палаты,
Мой пречистенский дворец...

Стихи эти Давыдов послал Пушкину для напечатания в «Современнике» и без смущения писал при этом: «Главное дело в том, чтобы моя челобитная достигла не столько поэтической, сколько положительной цели: пусть она сперва подействует на Башилова, понудив его купить мой дом за сто тысяч рублей». Пушкин напечатал — а куда деваться? Был он с Давыдовым в приятельских отношениях, посвящал ему поэтические послания, в которых блестяще подделывался под стиль поэта-партизана. Конечно, все он знал прекрасно про своего приятеля — известно острое высказывание Пушкина о Давыдове: «Военные уверены, что он отличный писатель, а писатели про него думают, что он отличный генерал», но о нем мало кто знает, помня лишь пушкинские строки:

Тебе, певцу, тебе, герою...

Державин Гаврила Романович

(19 VII 1743—20 VII 1816) — поэт, государственный деятель. Присутствовал на переводном лицейском экзамене в январе 1815.

Старик Державин нас заметил
И, в гроб сходя, благословил.

Заметил; в тетрадке записал: «Александр Пушкин». Для памяти. И ведь возымела свое действие запись в тетрадке. «Старик Державин», сонный, с

мутными глазами, отвислыми губами, первым делом спросивший про нужник (и брезгливый Лев-Дельвиг отменил свое намерение поцеловать у живого классика руку). Экзамен его утомил; оживлялся только, когда слышал похвалы своим стихам на экзамене по русской словесности. И вот:

Державин и Петров героям песнь бряцали
Струнами громкозвучных лир.

Державин. Эскиз к портрету работы А. Е. Егорова. 1810-е гг.

«Я не умер. Вот кто заменит Державина!» Со слезами на глазах поцеловал Пушкина и положил руку на кудрявую его голову. В архиве Державина на память потомкам сохранился автограф «Воспоминаний в Царском Селе», поднесенный ему Пушкиным. Пушкин до конца жизни не допускал, чтобы при нем о Державине отзывались непочтительно. Однако в переписке с Дельвигом сам себе позволил многое: «Перечел я Державина всего, и вот мое окончательное мнение: этот чудак не знал ни русской грамоты, ни духа русского языка, — он не имел понятия ни о слоге, ни о гармонии — ни даже о правилах стихосложения. Вот почему он и должен бесить всякое разборчивое ухо... Читая его, кажется, читаешь дурной, вольный перевод с какого-то чудесного подлинника... У Державина должно сохранить будет од восемь, да несколько отрывков, а прочее сжечь» (июнь 1825).

«...Но где певец Екатерины?» —
«На берегах поет Невы» —
«Итак, стигийския долины
Еще не видел он?» — «Увы!»
«Увы? скажи, что значит это?» —
«Денис! полнощный лавр отцвел,
Прошла весна, прошло и лето,
Огонь поэта охладел»...

«Так ты здесь в виде привиденья?.. —
Сказал Державин, — очень рад:
Прими мои благословенья...
Брысь, кошка!.. сядь, усопший брат:
Какая тихая погода!..
Но кстати вот на славу ода, —
Послушай, братец», — и старик,
Покашляв, почесав парик,
Пустился петь свое творенье,
Статей библейских преложенье:
То был из гимнов гимн прямой...
«...Ого! — насмешник мой воскликнул, —
Что лучше эдаких стихов?
В них смысла сам бы не проникнул
Покойный господин Бобров...»

«...он вечно будет славен,
Но, ах, почто так долго жить?»... —

«Тень Фонвизина», откуда взяты эти строки, ведь написана вскоре после того, как «старик Державин нас заметил», вскоре после того, как взволнованный мальчик убежал, его искали и не нашли... С этими Близнецами всегда надо держать ухо востро!

Что толку, не спросившись броду,
Вослед Державину парить?..

«Князю А. М. Горчакову»

«Парить», бредя по «броду?» — это ведь Близнецовая ирония, — заметит Астролог. — Парить-то вослед рожденному ползать Раку можно лишь по земле или по воде, что Близнецам непривычно. На поверхности, вроде бы, восхищение, а на самом деле —

Пишу своим я складом ныне...

«Поэта Державина Пушкин не лю-

бил как человека... Пушкин рассказывал, что знаменитый лирик в Пугачевщину сподличал, струсил и предал на жертву одного коменданта крепости, изображенного в Капитанской дочке под именем Миронова» (свидетельство П. В. Нащокина в записи П. И. Бартенева). В «Истории Пугачевского бунта» Пушкин сильно смягчит рассказ о поведении Державина: изобразит поспешную ретираду Державина из-под взятого мятежниками Петровска как неизбежное отступление (гл. 8). Много знал, но не говорил; и отзываясь резко о Державине в письмах, не позволял себе и другим публично его критиковать, — устроил даже скандал Погодину, когда тот вознамерился напечатать в «Московском Вестнике» пренебрежительные слова Одоевского об «ученических ошибках Державина». «Державин все — Державин. Имя его нам уже дорого... И вообще — не должно говорить о Державине таким тоном, каким говорят об N. N., об S. S.» [11].

В жизни после лицейского экзамена они больше не встретятся — и мы не увидим, как реальный, живой Державин давил на Пушкина, но зато увидим классический пример безличного служения, продолжающегося и после смерти Державина, и после смерти Пушкина.

Не заключит меня гробница,
Средь звезд не обращусь я в прах, —

точно сказано в державинском «Лебеде». Близнецы постараются. Вот уже почти два века несет на своих воздушных крыльях кудрявый мальчик старика-Державина. Конечно, новаторство, вклад в русскую поэзию и т. д., — но все-таки, признайтесь, что вспоминается в первую очередь при произнесении имени Державина?

Старик Державин...

Разделит с Пушкиным эту ношу другой поэт, тоже родившийся под знаком Близнецов: В. Ходасевич, написавший биографию Державина. Безличное служение...

И славный старец наш, царей певец избранный,
В слезах обнял меня дрожащею рукой
И счастье мне предрек неведомое мной...

«К Жуковскому»

Завалишин Дмитрий Иринархович (25 VI 1804—17 II 1892) — лейтенант 8-го флотского экипажа, член Северного общества, автор «Записок». Был лично знаком с Пушкиным и видел его у Рылеева и братьев Кюхельбекеров. Завалишин — по характеристике современных нам историков, «крайне нетерпимый, назидательно-догматический деятель», одержимый «идеей собственной интеллектуальной и политической непогрешимости — идеей, порой перерастающей в манию величия» [12], — вознамерился в своих воспоминаниях («Пребывание декабристов в тюремном заключении в казематах в Чите и в Петровском завое» [13]) сказать самое веское, итоговое слово «о действительных отношениях Пушкина к декабристам», и результат получился очень любопытный. Согласно Завалишину, причиной непринятия Пушкина в тайное общество

Завалишин. Фотография 1860-х гг.; рис. Пушкина 1823.

было не желание «сохранить его талант», но коренной недостаток пушкинской натуры — изменчивость, причем изменчивость весьма быстрая. «Его заповедано было не принимать, зная крайнюю его изменчивость, и чем ближе кто его знал, тем более был уверен в этом крайнем его недостатке, имея множество фактов быстрых его переходов от одной крайности к другой...» Выходит, напрасно Пушкин заклинал (правда, уже задним числом, в 1826): «Каков я прежде был, таков и ныне я» — на Рака эти заклинания не действуют.

Ивелич Екатерина Марковна

(16 VII 1795—19 V 1838) — графиня, родственница и петербургская знакомая семьи Пушкиных. «Старая девушка», имевшая «неосторожность передавать матери Пушкина дурные слухи, ходившие про него в городе» [14]. За неосторожность поплатилась: Пушкин, по словам С. А. Соболевского, изобразил ее в пятой песне «Руслана и Людмилы», в образе «суровой Дельфиры»:

... под юбкою гусар,
Лишь дайте ей усы да шпоры!..

...блажен и тот,
Кто от Дельфиры убегает
И даже с нею незнаком.

Описание, видимо, было точным и узнаваемым: «Она больше походит на гренадера самого дурного тона, чем на барышню. Что за походка, что за голос, что за выражения!» — писала об Ивелич будущая жена Дельвига С. М. Салтыкова. В письме от середины декабря 1831 Пушкин советовал жене: «Не дружись с графинями, с которыми нельзя кланяться в публике», имея в виду давнюю свою знакомую Дельфиру.

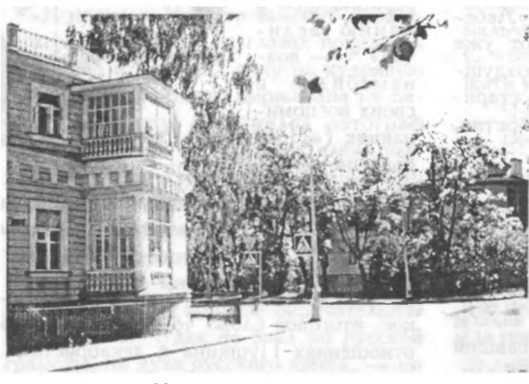
Комовский Сергей Дмитриевич

(12 VII 1798—20 VII 1880) — лицейский товарищ Пушкина, впоследствии чиновник. «Благонравен, скромен, крайне ревнителен к пользе своей, послушен без прекословия, любит чистоту и порядок, весьма бережлив... Прилежанием своим вознаграждает недостаток великих дарований» — какие все-таки чудные характеристики давало лицейское начальство своим воспитанникам — просто комментарий Астролога! И Комовский не остался без пушкинских стихов:

Оставя класс, резвились мы на воле
И тешились отважною борьбой.
Граф Брольо был отважнее, сильнее,
Комовский же — проворнее, хитрее.
Не скоро мог решиться жаркий бой —

(варианты «Гавриилиады»)

два Рака сцепились клешнями — а Близнецы воспели. Встречался с Пушкиным на празднованиях годовщины Лицея, которые посещал регулярно.

Дача Китаевой в Царском Селе; балкон, где работал Пушкин, — а на заднем плане виден дом Ламберт...

Ламберт Ульяна Михайловна

урожд. Деева (1 VII 1791—10 II 1838) — графиня, царскосельская знакомая Пушкина (лето 1831); жила «в доме Олениной напротив Пушкина». Из опасения, что поэт «сочинит на нее критику», всегда оставляла занавески на своих окнах опущенными. Узнав, что Варшава взята, уведомила его об этом, а щедрые Близнецы в награду подарили ей первый экземпляр только что вышедшей брошюры «На взя-

тие Варшавы». После этого она открыла свои занавески: какой акт доверия! Пушкин называл ее «толпегой», «madame Tolpège » (в трактовке словаря Даля: «бестолковый, грубый, неотесанный человек»). А. О. Смирнова вспоминает, что Пушкин любил, выйдя на балкон царскосельской дачи, «привирать всякую чепуху насчет своей соседки, графини Ламберт» [15]. А графиня 29 января 1837 рассказывала в Царском Селе «ужасную историю про Пушкина-писателя». Получила-таки возможность дать свою оценку пушкинской жизни!

Матюшкин Федор Федорович

(21 VII 1799—28 IX 1872) — лицейский товарищ Пушкина, моряк; совершил несколько кругосветных путешествий, участвовал в экспедиции по обследованию северных берегов Восточной Сибири, где один мыс назван в его честь «мысом Матюшкина». Дослужился до чина контр-адмирала — еще бы: ведь в ранней юности он был обречен на удачу, заговорен:

Счастливый путь!.. С лицейского порога
Ты на корабль перешагнул шутя,
И с той поры в морях твоя дорога,
О, волн и бурь любимое дитя!

Матюшкин горячо любил Пушкина, виделся с ним в свои приезды в Россию. 14 февраля 1837 Матюшкин писал М. Яковлеву: «Пушкин убит! Яковлев! ... Наш круг редеет: пора и нам убираться!» Но проживет еще долго (Близнецовый заговор, Близнецовая молитва действуют и после смерти Близнецов — *Астролог*). Этот Рак был счастливым исключением: он умел ценить Пушкина и чувствовать к нему благодарность. Быть может, он относился к числу немногих людей, умеющих преодолевать свою природу: ведь страдая всю жизнь жесточайшей морской болезнью, он стал все же бывалым моряком; а может, Лев, к которому он так близок, заглушил в нем Рака.

Матюшкин. Рисунок неизв. худ.

Николай I

(Николай Павлович) (6 VII 1796—2 III 1855) — великий князь, с 14 декабря 1825 император. Пушкин мог видеть будущего царя еще в годы учения в Лицее: в 1818 он рисует портрет Николая Павловича на странице своей рукописи. Юношеский рисунок — как залог всех будущих сложных отношений.

«Император никогда не любил словесности и никогда не покровительствовал ей», — так подытожил сложные отношения Николая с русской литературой И. В. Киреевский в 1855 [16]. А Пушкин это понял уже в 1833, когда обнаружил, что император немного путает Полевого и Погодина: «Он литератор нетвердый, хоть молодец и славный царь» (Погодину, 5 марта 1833).

Наверно, его предшественник на троне был в литературе посильнее — и не потому ли старался держать Пушкина от себя подальше? Историк-искусствовед М. Д. Беляев заметил, что отношение двух императоров-братьев к родоначальнику подведомственной им литературы было основано на противоположных жестах: центробежном и центростремительном: один «гнал», другой «приближал». «В то время как Александр гнал его как можно дальше от себя и тем самым дал поэту возможность ... обогатить свое воображение более широкими горизонтами, Николай упорно держал его под своим «милостивым» зорким глазом...» [17]

В самом деле: вспомним, как перепугался Александр, когда узнал, что в столицу въезжает некий Пушкин (слава Богу — оказалось, что не тот, а младший — Лев...) Николай точно так же пугался, когда Пушкин куда-то вдруг уезжал.

«Мой Пушкин» — Александр так

4 Заказ № 2600

никогда бы не сказал; а Николай — сказал; именно он, за век до Цветаевой, придумал эту тему школьного сочинения. «Ну, теперь ты не прежний Пушкин, а мой Пушкин» [18]; «Выходя из кабинета вместе с Пушкиным, государь сказал, ласково указывая на него своим приближенным: «Теперь он мой!» [19]

«Мой Пушкин» — личное цензорство, камер-юнкерство, редкие материальные вспомоществования, посмертная уплата долгов, пенсия вдове... — «Царь взял меня в службу... он дал мне жалованье, открыл мне архивы, с тем, чтобы я рылся там и ничего не делал. Это очень мило с его стороны, не правда ли?» (Плетневу, 22 июля 1831).

Николай I. К. Брюллов, 1830-е гг.; рис. Пушкина 1818-1819.

«Мой Пушкин». А я твой — «пиши и пиши, я буду твоим цензором» [20]. Рыцарственный император словно играет с формулой «я твой — ты мой» — древней средневековой формулой обручения и побратимства.

Были и другие игры: как известно, «император Николай был очень живого и веселого нрава, а в тесном кругу даже и шаловлив» (М. А. Корф) [21]. Вспомним, как радовался другой игрун — Бенкендорф духу веселья и шаловливости, воцарившемуся при дворе вместе с Николаем! Почему бы не вовлечь в эти игры и очаровательную супругу поэта, и его самого?

Однако Пушкин этим забавам не слишком обрадовался — и лишь на смертном одре подхватил царскую словесную игру, прося Жуковского передать царю следующие слова: «мне жаль умереть; был бы весь его» (письмо Жуковского С. Л. Пушкину). «Ты мой — я твой». Были ли эти слова поэта лишь саркастической пародией на благонамеренность, как предполагал Вересаев, — мы никогда не узнаем.

Пестель Павел Иванович

(5 VII 1793—25 VII 1826) — декабрист, глава Южного общества. «Пестель на все годится: дай ему командовать армией или сделай его каким хочешь министром, он везде будет на своем месте», — говорил граф Витгенштейн. (Рак всегда стремится выполнить порученное как можно лучше — *Астролог*.) «Удивляюсь, как Пестель занимается шагистикой, когда этой умной голове только и быть министром, посланником», — недоумевал корпусный командир Пестеля. А ничего удивительного как раз нет: шагистика — это порядок, а порядок успокаивает нервы; к тому же шагистика ему поруче-

на. Не остался этот Рак и без пушкинского комплимента: 6 мая 1821 Пушкин записал в дневнике: «Утро провел я с Пестелем; умный человек во всем смысле этого слова. «Мое сердце материалистично, — говорит он, — но ум мой от этого отказывается». Мы с ним имели разговор метафизический, политический, нравственный и проч. Он один из самых оригинальных умов, которых я знаю...»

И все же не возбудил Пестель в Пушкине симпатии; поэт говорил Липранди, что Пестель ему не нравится и что, несмотря на его ум, он никогда не мог бы с ним с б л и з и т ь с я. «Пестель предал гетерию, представя ее императору Александру отраслью карбонаризма», — это из дневника. А в черновике шестнадцатой строфы из десятой главы «Онегина» подчеркивается пестелевская нетороплввость — черта, астрологически весьма знаменательная:

Пестель. Неизв. худ., 1821-1825; рис. Пушкина 1826.

Там Пестель — для тиранов...
...И Муравьев, его склоняя,
И полон дерзости и сил,
Минуты вспышки торопил.

Предполагаемая рифма к «торопил» в черновике — «отдалил»; это действие относится к Пестелю. Муравьев-Апостол торопит начать восстание, но «Пестель предполагал начать восстание только в мае 1826 г.» [22]. Зачем спешить — всему своя пора!

Подолинский Андрей Иванович (13 VII 1806—16 I 1886) — поэт, по мнению иных современников, первый наследник Пушкина «по звучности и стройности стиха и по богатству воображения» [23]. Впервые встретился с Пушкиным на почтовой станции Чернигов 4 апреля 1824. Пушкин заговорил с юношей, одетым в мундир Благородного пансиона. Молодой человек принял незнакомца за полового — уж очень непредставителен был его внешний вид: желтые нанковые шаровары, цветная измятая русская рубаха, подвязанная вытертым черным шейным платком, растрепанные курчавые волосы. Чопорный Рак был в некотором замешательстве, когда «половой» заговорил с ним и осведомился об его фамилии. «Я — Пушкин. Брат мой Лев был в вашем пансионе».

И мгновенно все меняется. Рак с радостью предлагает Пушкину свою печать для запечатывания записки к генералу Ермолову и в совпадении инициалов на печати (А. П.) видит счастливое для себя предзнаменование.

Позднее, при возобновлении знакомства в 1827, Пушкин «имел любезность насказать мне много лестного», вспоминал Подолинский [24]. На самом же деле Пушкин находил стихи молодого соперника (и, как выяснится позднее, «наследника»!) слишком гладкими, слишком правильными; «ни капли творчества, а много искусства» (Плетневу, апрель 1831).

А другим нравилось — и космическая борьба добра и зла, рая и ада в поэме «Див и Пери», и мелодраматические страсти в поэмах «Борский» и «Нищий» — да и изложено все гладко, доступно и понятно; и вот уже С. Раич призывает молодых поэтов «учиться поэтическому языку у г. Подолинского» [25], им восторгается Н. Полевой, — а Пушкин только иронизирует: «Полевой от имени человечества благодарил Подолинского за «Дива и Пери», теперь не худо бы от имени вселенной побранить его за Борского» [26].

Защищая Пушкина, тонко поиздева-

ется над Подолинским Дельвиг: в рецензии на «Нищего» он по поводу героя поэмы, сталкивающего соперника со скалы, Дельвиг заметит, что тот «исполняет на деле ревнивое мечтание Алека, прекрасно высказанное Пушкиным:

...Я в волны моря, не бледнея,
И беззащитного б толкнул...
...И долго мне его паденья
Смешон и сладок был бы гул...» [27]

Подолинский. Гравюра И. И. Матюшина.

Как верно подметил Дельвиг! Сколько было желающих договорить то, что Пушкин недосказал, дорисовать жирными мазками намеченные им дразнящие силуэты; о чем же, черт побери, журчал фонтан Бахчисарая? — вот и Подолинский среди этих переводчиков-истолкователей, рядом с А. Муравьевым, Туманским и множеством других, совсем безвестных поэтов. Обидится Подолинский на эту шутку — порвет с Дельвигом...

А Пушкина воспоет — правда, уже после его смерти (после смерти и восхищаться сподручнее и безопаснее — *Астролог*): в «Переезде через Яйлу на южном берегу Тавриды» (1837) и еще позже, в 1855 году, в стихотворении «Во время войны (памяти Пушкина и Жуковского)»:

Поэтов, мне родных, прославленные тени!
Взошел великий день для ваших песнопений,
А вы безмолвны, вы под сенью гробовой!..

«Безмолвный гроб» — как это не по-пушкински; ведь в гробу-то как раз восторг и живет — и глас нам издает...

Полевой Николай Алексеевич

(3 VII 1796—6 III 1846) — писатель, журналист, критик, издатель журнала «Московский телеграф» (1825—1834). Свой журнал Полевой понимал как «зеркало, в котором отражается весь мир нравственный, политический и физический» [28], и в этом его зеркале на самом деле много чего отразилось, — ведь, как писал о себе Полевой без ложной скромности, «немногие из Русских литераторов, говоря вообще, писали столь много, и в столь многообразных родах, как я. Едва ли какой-нибудь современный предмет, сколько-нибудь волновавший умы и сердца моих современников, не обращал на себя моего внимания, как критика и журналиста» [29].

Полевой страстно любил Пушкина (с которым познакомился в октябре 1826) и не менее страстно любил романтизм. «Он признавал поэтами только Шекспира (которого называл даже своим старым другом), Байрона, кн. Вяземского, Пушкина и иже с ними...», — вспоминал о нем М. А. Дмитриев [30]. Странный, однако, результат вышел из столкновения этих двух пристрастий. Ведь поэта Полевой понимал романтически, даром что сам был из купеческого сословия: «Только ... вне мира обыкновенного царство Поэзии истинной» [31]; а поэты, соответственно, «странные скитальцы на земле, бездомные и сирые» [32], поскольку «время наше во многом идет наперекор Поэзии» [33].

Пушкин же не хотел выглядеть таким «странным скитальцем» на земле. «Тревожный, беспокойный, снедаемый внутренним огнем, поэт никогда не уживется с людьми, не помирится с условиями жизни их!» — утверждал заочно Полевой [34]; а Пушкин «уживался», и даже «мирился с условиями» — ездил в свет, играл в карты, смел не умирать от несчастной любви, в отличие от героев романтических повестей Полевого, — а потому не только получал от Полевого выговоры за унижающие Поэта поступки (например, за визит к Юсупову — преклонение перед знатью, недостойное поэта!), но и за всю жизнь свою получил двойку: «Не теперь говорить о жизни Пушкина, беспрерывной ошибке, смеси неба с зем-

лею...», — писал Полевой через две недели после смерти поэта [35]. Да чего же церемониться — все ведь уже сказал: ошибка, да еще к тому же «беспрерывная», — такой неуд Пушкин, пожалуй, ни от кого не получал. Вот где — в самом что ни на есть восторженном романтизме! — зародилась мрачная теория «Пушкина в двух планах».

Во всем Полевой хотел видеть «идею» (его любимое слово) — и не какую-нибудь, но непрерывно проводимую (иначе, как мы уже видели, — «непрерывная ошибка!»): «только непрерывным преследованием главной идеи в жизни народа история его делается понятна», — писал Полевой-историк [36]. Все это, конечно, относится и к поэзии, где тоже нужно «непрерывно преследовать идею». Он очень радовался, когда находил у Пушкина «идею»: «Возьмем в пример пьесы Пушкина: Демон, Ангел и демон и Моцарт и Сальери. В каждой из них заключены идеи глубоко философические» [37]. И ужасно огорчался, когда обнаруживал «бедность идеи» («Как мог Пушкин не понять поэзии той идеи, что История не смеет утвердительно назвать Бориса убийцею?... Вместо того, чтобы из жребия Годунова извлечь ужасную борьбу Человека с Судьбою — мы видим только приготовления его к казни» [38]); или — о ужас! — полное ее отсутствие. «Спрашиваем: какая общая мысль остается в душе после Онегина? Никакой» [39]. «Это фарсы, затянутые в корсете простоты, без всякого милосердия» (о «Повестях Белкина» [40]).

И вот уже Полевой оплакивает кончину Пушкина — задолго до Лермонтова, задолго до физической смерти поэта: «Это не прежний, задумчивый и грозный, сильный и пламенный выразитель дум и мечтаний своих ровесников: это нарядный, блестящий и умный светский человек, обладающий необыкновенным даром стихотворения» [41].

А «умный светский человек» — лишь посмеивается над «идеальным» зеркалом Полевого с его сомнительными отражениями. «Что касается до тех мыслителей, которые негодуют на меня за то, что Пугачев представлен у меня Емелькою Пугачевым, а не Байроновым Ларою, то охотно отсылаю их к г. Полевому, который, вероятно, за сходную цену возьмется идеализировать это лицо по самому последнему фасону» (И. И. Дмитриеву, 26 апреля 1835).

Н. А. Полевой. Рисунок В. Тропинина, 1841. (Не тот ли на нем халат, в котором Полевого, по его завещанию, похоронили?).

Было и еще одно отражение Пушкина — в разделе пародий, который у Полевого назывался характерно — «Литературное Зеркало»; Пушкин фигурировал тут под именами Бессмыслов, Обезьянин и узнавался по когтям. Вот один из опусов «Обезьянина»:

Эпиграмма

(На голос: Мое собранье насекомых).

На ниве бедной и бесплодной
Российской прозы и стихов
Я, сын поэзии холодной,
Вам набрал травок и цветов;
В тиски хохочущей сатиры
Я их когтями положил
И резким звуком смелой лиры
Их описал и иссушил.
Вот *Чайльд-Гарольдия* смешная;
Вот *Дон-Жуания* моя;
Вот *Дидеротия* блажная;
Вот *русской белены* семья;
Пирей Ливонии удалой,
И *финский* наш *чертополох*,
И *мак* Германии завялой,
И *древних эллинов горох*.
Все, все рядком в моих листочках
Разложено, положено,
И эпиграммы в легких строчках
На смех других обречено!

«Когтями положил в тиски»; «Описал и

иссушил»; «Все, все рядком в моих листочках»; нет, — скажет наш Астролог, — тут скорее не пушкинские когти, но Раковые клешни!

Пушкин Александр Александрович

(18 VII 1833—1 VIII 1914) — старший сын Пушкина. «Не дай бог ему идти по моим следам, писать стихи да ссориться с царями» (к жене, 20 апреля 1834) — заговор поэта оказался действенным: опасения не оправдались. А Александр Александрович сберег и принес в дар государству рабочие тетради, дневник отца и его письма к жене (бывает все-таки немалая польза от Раковой бережливости! — *Астролог*).

Саша Пушкин. Акварель Т. Райта, 1844.

Пушкина Надежда Осиповна

урожд. Ганнибал (2 VII 1775—10 IV 1836) — мать Пушкина. Мы привыкли, что «на все в ответ» рождался звук в его отзывчивой душе, — не на все... Не найдем мы у него стихотворных строк, посвященных матери. Надежда Осиповна «предпочитала ему второго своего сына, и притом до такой степени, что каждый успех старшего делал ее к нему равнодушнее» (Е. Н. Вревская [42]). К тому же взбалмошна, скупа, раздражительна, мелочно-капризна была «прекрасная креолка». Уж если не полюбила она своего старшего сына, то проявлялось это буквально во всем: в унизительных наказаниях, постоянных выговорах, мстительной способности не разговаривать с мальчиком неделями, а то и месяцами за незначительную оплошность. Ну что страшного в детской привычке тереть ладони одну о другую? Стоит ли это того, чтобы на целый день завязать ребенку руки назад и проморить голодом? А носовой платок, привязанный к курточке в виде аксельбанта, за то что малыш часто теряет носовые платки? Но уж если Рак начнет перевоспитывать Близнецов, — скажет Астролог, — то его методичность и изощренный садизм не знают границ.

Друг Пушкин, хочешь ли отведать
Дурного масла, яиц гнилых, —
Так приходи со мной обедать
Сегодня у твоих родных, —

так Дельвиг с присущим ему блеском запечатлел в стихах все основные черты Рачьего быта Надежды Осиповны. Гость, пришедший обедать, — непредвиденный удар по бюджету, от которого не скоро опомнишься. Дети Пушкина не любили свою бабушку (не забудем: трое из четверых Близнецы!), неохотно шли к ней в гости «отведать дурного масла...» Пушкин всегда неуютно, как в клетке, чувствовал себя в присутствии матери, радовался, когда покидал родительский кров. Любви — не было, стихов — не было; но безличное служение было. Именно нелюбимый Александр станет ухаживать за ней во время болезни (а ведь каждый успех старшего сына «делал ее к нему равнодушнее и вызывал с ее стороны сожаление, что успех этот не достался ее любимцу», Левушке [43]) именно он привезет ее тело в Святогорский монастырь, похоронит (не Ольга, не Левушка, а он) да еще и место себе выберет. А ей скучно

Н. О. Пушкина. Рисунок Ксавье де Местра, 1810-е гг. Пушкин же мать не рисовал, несмотря на ее красоту.

покажется лежать одной. Да и непорядок это: если место выбрано, да еще за него уплачено — чего же ему пустовать? Через несколько месяцев он ляжет рядом. Безличное служение...

*Тимковский Иван Осипович

(24 VI 1768—16 IV 1837) — петербургский цензор (1804—1821); разрешил к печати 17 стихотворений Пушкина и поэму «Руслан и Людмила». Был известен строгостью, мелочной придирчивостью — но без стихотворных посвящений не остался:

Тимковский царствовал — и все твердили вслух,
Что в свете не найдешь ослов подобных двух.
Явился Бируков, за ним вослед Красовский:
Ну право, их умней покойный был Тимковский!

Не поздоровится от эдаких похвал: «покойный Тимковский» переживет этих безнравственных Близнецов, для которых нет ничего святого и которые играют со смертью, «как младенец игрушкой», на два месяца. А, может, в этом есть тоже какая-то закономерность жутковатой Близнецовой игры? Был жив Пушкин, так весело и нахально нарекающий живого человека покойником (ведь Тимковский не единственный, с кем поэт так играл!) — был жив и «покойный»; а умер — так и шутка сбывается буквально?

Трубецкой Александр Васильевич

(26 VI 1813—29 IV 1889) — князь, однополчанин Дантеса, блестящий кавалергард, любовник императрицы Александры Федоровны [44] (и ничего — никто его на дуэлях не убивал!). Пушкина знал по встречам в высшем петербургском обществе, у Карамзиных. С удовольствием распространял при дворе сплетни о любовных победах Дантеса. В 1887 с его слов был записан «Рассказ об отношениях Пушкина к Дантесу», в котором князь, сочувственно отзываясь о другом Раке — А. Н. Гончаровой («очень некрасивая, но весьма умная девушка»), непререкаемым тоном утверждает несомненность ее связи с Пушкиным («вскоре после брака Пушкин сошелся с Александриною и жил с нею. Факт этот не подлежит сомнению»), а Пушкину дает следующую нелестную характеристику: «Надо признаться, при всем уважении к высокому таланту Пушкина, это был характер невыносимый. Он все как будто боялся, что его мало уважают, недостаточно почета оказывают...» Впрочем, характеристика супруги поэта еще нелестней: «Набитая дура». На одном балу (кон. 1836—нач. 1837) Трубецкой одергивает, ставит на место Пушкина, когда тот начинает «бранить всех и вся»: «Полноте, Пушкин, вы и на бал притащили свою желчь; вот уж ей здесь не место». В самом деле: на балу следует веселиться.

Юзефович Михаил Владимирович

(29 VI 1802—2 VI 1889) — сослуживец Л. С. Пушкина по Чугуевскому уланскому полку, адъютант Н. Н. Раевского-младшего, поэт, археолог. Общался с Пушкиным летом 1829 в Закавказье (упомянут в 4 главе «Путешествия в Арзрум»). В своих воспоминаниях о Пушкине дал астрологически весьма любопытное толкование творческого процесса у Пушкина: «Он был склонен к движению... ему не сиделось под кровлей, и потому его любовь к осени, с ее вдохновительным на него влиянием, можно объяснить тем, что осень, с своими отвратительными спутницами, дождем, слякотью, туманами и нависшим до крыш свинцовым небом, держала его как бы под арестом, дома, где он сосредоточивался и давал свободу своему творческому бесу».

Пушкин взаперти, «под арестом» — знакомая мечта Рака, — говорит Астролог; но вряд ли столь любимая осень запирала Пушкина на замок:

Ведут ко мне коня; в раздолии открытом,
Махая гривою, он всадника несет...

«Осень (Отрывок)»

Близнецы — Лев

«А ты глубок, игрив и разен...»

Знаки 1—3. В астрологии это сочетание называется по-разному: «дом информационного обмена», «братья и сестры» и т. п.; но уже из названий видно, что это очень гармоничное, благоприятное сочетание, окрашенное в цвет творчества и праздника. Огонь и воздух — две взаимодополняющие стихии: огонь согревает воздух; воздух раздувает огонь. Круг Ума и Круг Чувства. А еще астрология говорит об этом союзе: «При каждой диктатуре должно быть агентство новостей» (Вспомним хотя бы Льва Наполеона и столь необходимых ему Близнецов Фуше).

Для Близнецов связь со Львом — самое благоприятное из всех астрологических сочетаний; этим знакам подходит друг в друге все. Они любят одно и то же, и, что самое главное, не любят одного и того же: скуки. У них одинаковый темп жизни — очень быстрый; одинаковая реакция на ситуацию — импровизационная (поэтому их трудно застать врасплох): они прекрасно могут действовать без плана, во внезапно меняющейся ситуации; присутствие опасности их не выбивает из седла, а, напротив, мобилизует на прыжок (о, на какие неожиданные прыжки способен покоящийся и ленивый Лев! Прыгнет, удивит весь мир — и опять покоится: все-таки царь зверей!). Действительность они оба воспринимают эстетически: все грубое, плоское, неизящное их отталкивает; они не любят толпы, тесноты, давки, громкого глупого шума. Слиться в едином порыве с широчайшими народными массами — не слиш-

Лев на страже ворот дворца в Павловске.

ком вдохновляющая их перспектива. «Петр I... презирал человечество, может быть, более, чем Наполеон», — так, уже в первой своей исторической работе («Заметки по русской истории XVIII века»), подметил Пушкин эту общую черту Близнецов и Льва.

И те, и другие страдают от отсутствия чистого воздуха, не могут сидеть в клетке, не любят ждать: им надо дать все сейчас. Они обожают театр (особенно в жизни), они прекрасные актеры, любят блистать, быть на первых ролях, легко перевоплощаются; такого чувства юмора, умения тонко и умно шутить надо всем на свете нет больше ни у какого знака; они обожают путешествовать, им постоянно нужны новые и новые впечатления.

Разве мало сходств для постоянного праздника? Но есть еще и отличия, которые делают эти знаки просто незаменимыми друг для друга. Близнецы — невесомые, беспринципные, холодные — носятся везде без руля и ветрил, насы-

щаясь всевозможной, самой невероятной информацией. Лев — царь. Он не станет так бессмысленно носиться ради движения и новостей: он выслушает Близнецов, выберет из их бездонного сосуда самое ценное, главное; найдет в их потоке новостей новый поворот для развития своей любимой идеи.

Только кажется, что Близнецам совсем уж ничего не нужно; на самом деле им не хватает защиты, тепла — и Льву нравится защищать и согревать эти глупые, легкие существа. Близнецы ничем не дорожат, идеи они так же легко бросают, как и находят. Лев идеей дорожит, он в ней живет. Лев способен направить энергию Близнецов в полезное русло, он может заставить их работать — и результаты такого сотрудничества порой поразительны. Лев — единственный знак, которого Близнецы слушаются; он может удержать их от многих глупостей и заставить совершить разумный поступок. А Близнецы всегда могут развеселить Льва, поднять его настроение.

Только Лев не приходит в ужас от Близнецового юмора, окрашенного зачастую в черный цвет, только Лев может вместе с Близнецами шутить надо всем на свете. С кем еще можно так смеяться надо всем, что ханжам, принадлежащим к другим знакам, кажется святым? Любопытно, что именно в отношениях Льва и Близнецов так часто возникает тема демонизма, близкая Пушкину: Одоевский пишет отклик — статью «Новый демон» — на стихотворение Пушкина «Демон»; Липранди служит прообразом демонического Сильвио; С. Г. Голицын рассказывает Пушкину сюжет самого, быть может, демонического его произведения — «Пиковой дамы»; И. С. Мальцов, единственный из сотрудников миссии Грибоедова, оставшийся в живых, якобы именован «Мефистофелем» в стихотворении «To Dawe, Esqr». Что уж говорить о самой демонической фигуре современной Пушкину истории — Наполеоне.

Близнецы не рвутся в лидеры: они охотно пойдут вторыми, но при одном условии: первого они выберут сами, он должен соответствовать их высоким требованиям. Стоит этому первому лишь раз вызвать у Близнецов скуку или проявить недостаток эрудиции, таланта, оказаться чуть менее гениальным, чем всегда, — и все кончено: «кумир поверженный» для Близнецов уже не бог. Выдержать такое бремя постоянной гениальности нелегко, а Лев выдерживает его без напряжения. Поэтому Близнецам и Льву так хорошо вместе. Лев не умеет быть не первым, он рожден, чтобы царить, и Близнецы постоянно поддерживают в нем чувство его царственности. Только Близнецы умеют восхищаться Львом так, как он того заслуживает. Любой астролог скажет, что больше всего на свете Лев любит лесть, но скажет также, что круг людей, которым Лев доверяет, как правило, невелик. Это значит, что лесть должна быть красивой, необычной, комплименты нестандартными. Близнецы умеют войти в круг людей, близких Льву, и занять в нем достойное место. Лев же, в свою очередь, не относится к тем, кто смотрит на Близнецов лишь как на беспроволочный телефон; он даже считает, что в этой «равнодушной природе» действительно «есть душа» и «есть язык» — и Близнецы это очень ценят. Иными словами: хорошо, когда у Близнецов есть Лев, и у Льва есть Близнецы.

Около Пушкина Львов было немало. На протяжении всей жизни судьба посылала ему Львов. Писатели, музыканты (Лев и музыка — это совершенно особая тема!); художники-Львы увековечат историю жизни Пушкина: художник-баталист В. И. Машков напишет картину о сражении 14 июня 1829 года, в котором принимал участие Пушкин, и тем самым запечатлеет в красках ратный подвиг Близнецов; Н. Г. Чернецов вместе с братом —

Г. Г. Чернецовым напишет картину «Пушкин в Бахчисарайском дворце».

Издатели-Львы — П. Н. Арапов, издатель альманаха «Радуга», М. Н. Загоскин, и др. — охотно помещают стихи Пушкина в своих альманахах и журналах; Лев-издатель — Н. И. Греч — положит начало пушкинской славе, издав в «Сыне отечества» отрывки из «Руслана и Людмилы», и Лев же — И. И. Глазунов — выпустит последнее прижизненное издание «Евгения Онегина».

Львы помогают легкомысленным Близнецам, когда нужна солидность, основательность, системность, опора на материалы. Вот почему они появляются вокруг Пушкина в часы его исторических штудий: так, труды декабриста А. О. Корниловича об эпохе Петра I пригодятся Пушкину в работе над «Арапом Петра Великого». Но Львы дарят Пушкину материал и для художественного творчества: С. Г. Голицын подарит Пушкину сюжет «Пиковой дамы»; а Липранди — сюжет «Выстрела».

И даже Лев-надсмотрщик — С. П. Званцов, земский исправник Сергачского уезда Нижегородской губернии, в бытность Пушкина в Болдине в 1833 осуществлявший за поэтом полицейский надзор — похоже, не доставлял Пушкину особых неприятностей.

А женщины-Львицы — какое счастье для них встретить такого ценителя их блестящих достоинств, и какой простор для поэтического вдохновения Пушкина! Есть среди них даже Львица-поэтесса — Е. А. Тимашева, посвящавшая Пушкину восторженные стихи. Сколькими шедеврами пушкинской музы обязана русская поэзия Львицам. А Львам! Друзьям своим, рожденным под этим знаком, поэт посвятил немало чудесных строк. Да ведь и друзья какие были! Не Близнецы: слетелись — разлетелись; а настоящие, проверенные временем и совместно встреченными бедами и радостями. Вяземский, Плетнев (хоть и говорим мы об их куспидности, но это уж если совсем строго придираться), В. Ф. Одоевский, Дельвиг... Судьба была благосклонна к поэту: всегда у него были Львы, которые его понимали, помогали ему и поддерживали. Ему было дано уже в раннем возрасте встретить Своего Льва, чье присутствие на этой земле давало Пушкину ощущение праздника, уверенности и полноты жизни. Но как страшно было терять... Каждая потеря Льва для Близнецов — это потеря почвы под ногами, потеря устойчивости, частицы веры в свою необходимость на этой земле. Со Львом от Близнецов всегда уходит никем не восполнимый мир, а уж когда ушел Свой Лев... Все меньше становилось их около Пушкина, все холоднее ему на этой земле. Львы облегчают страдания умирающего поэта: И. В. Буяльский, профессор Медико-хирургической академии, по свидетельству К. К. Данзаса, осматривает раненого Пушкина.

Львы, пережившие поэта, придут с ним проститься; их много и в квартире умирающего поэта, и на отпевании. Они осиротели.

Айвазовский Иван Константинович (29 VII 1817—1 V 1900) — художник-маринист; оставил мемуар о своей встрече с Пушкиным в сентябре 1836 на осенней выставке Академии художеств, которую Пушкин посетил вместе с «красавицей супругой». Айвазовского представили Пушкину как получившего золотую медаль; художник показывает Пушкину свои пейзажи унылого Севера («Облака с Ораниенбаумского берега моря», «Группа чухонцев на берегу Финского залива»), но разговор вдруг — словно бы по понятному обоим, молчаливо подразумеваемому противопоставлению — заходит о Юге: «Узнав, что я — крымский уроженец, Пушкин спросил: «а из какого же города?» Затем он заинтересовался, давно ли я здесь и не болею ли на севере».

Но вреден север для меня...

О назидательном напутствии, по преданию якобы обращенном Пушкиным к Айвазовскому («Работайте, работайте, молодой человек, — это главное»), сам художник не упоминает: может, важнее для обоих была беседа о Крыме. Пушкин вспоминает Крым, вероятно, в последний раз, как будто разглядев сквозь серые тона финского взморья море будущего Айвазовского, синеву его «девятого вала»; он уже не увидит «свободную стихию» не только наяву, но и на будущих картинах Айвазовского, подлинным морем которого станет все же не Финский залив, но общее с Пушкиным, Черное.

Бурнашев Владимир Петрович

(5 VIII 1810—12 II 1888) — писатель, журналист, автор воспоминаний о встречах с Пушкиным на «пятницах» В. Ф. Одоевского и «четвергах» Греча во второй половине 1830-х гг. 30 января 1837 заходил проститься с Пушкиным и нашел, что «лицо покойника было необыкновенно спокойно и очень серьезно, но нисколько не мрачно... (Лев понял, что Близнецы довольны тем, что покинули этот мир — *Астролог*). На Пушкине был любимый его темно-коричневый с отливом... сюртук, в каком я видел его в последний раз, в ноябре 1836, на одном из Воейковских вечеров».

От взгляда Бурнашева не укрылся ни любимый сюртук поэта, ни то, что «тело покойника... было почти все задернуто довольно подержанным палевым покровом, по-видимому, взятым напрокат от гробовщика или церкви». Как тут не вспомнить пушкинского «Гробовщика» с вывеской, гласящей, что «гробы починяются, выдаются напрокат»! Ирония судьбы — у Близнецов нет ничего своего: и сюртук нащокинский (в нем Пушкин женился, в нем и в гроб положили), и покров, взятый напрокат... Лев эту иронию судьбы уловил тонко.

↑Вяземский Петр Андреевич

(23 VII 1792—22 XI 1878) — один из близких друзей Пушкина. С Вяземским Пушкин познакомился в раннем детстве в родительском доме. «Язвительный поэт, остряк замысловатый», сумевший занять душу даже Тане Лариной, подсевши к ней ненароком, был свидетелем всей жизни Пушкина. Вяземский — праздник для Астролога, ибо он — яркий пример куспида, астрологической двойственности.

Судьба свои дары явить желала в нем,
В счастливом баловне соединив ошибкой
Богатство, знатный род с возвышенным умом
И простодушие с язвительной улыбкой —

это написано в 1820. Тут, пожалуй, ключевое слово — «соединив». Соединив в одном человеке Льва и Рака и дав его Близнецам в близкие друзья — соединив с Близнецами на всю жизнь.

Сам Вяземский свою куспидность чувствовал прекрасно и даже высказался несколько раз весьма астрологично: «Я умом, сердцем, помышлениями, тоскою — в делах, а между тем Булгарин лжет на меня, как на мертвого. Докажу ему, что *лев* (курсив мой — *Астролог*), хотя и убит во многом, но еще не околел» [1]; «Скажи поэту Пушкину, что ему непременно должно высечь мстительным стихом мерзавца Каченовского. Моя плеть здесь совсем развилась и стала мочалка... У меня была мысль написать ему самому послание о зависти, но чорт знает, сижу, как *рак* (курсив мой — *Астролог*) на песке» [2].

Пока был жив Пушкин, Вяземский был Львом: хитрые Близнецы не хотели еще умножить число Раков и умело усыпляли Рака в Вяземском. Благо до Пушкина над Львом в Вяземском долго работали другие Близнецы — Батюшков и А. М. Пушкин. Кстати, с руки Вяземского (предоставляем читателю судить, какой своей ипостаси он выступил в этот раз — *Астролог*) возникла еще в 1816 тема безумия Батюшкова, которое станет объективной реальностью гораздо по-

зднее: «Овидий-капуцин Батюшков здоров, то есть не очень здоров и телом и душою: в носу насморк и в сердце и в уме то же. Он скоро будет посажен в желтый дом моим состраданием» [3].

Правда, и при жизни Пушкина Вяземскому приходилось *доказывать*, что он *лев*, — отсюда нарочитая грубость его шуток и острот (нигде нет стольких апелляций к сортирной теме, как в письмах Вяземского). Вяземский сам сознавал это: «У меня есть в голосе и в обычае какие-то порывы пиндарического сквернословия. Это от избытка веселости, которая упряталась в чулан неблагопристойности» [4].

«Упрятать в чулан» — Астролог без труда распознает тут характерный Раковый жест, знакомый уже по Николаю I: спрятать, удержать при себе... Пушкин так старался не дать заснуть Льву в Вяземском, — но и при Пушкине Рак давал себя часто знать. Например, такой характерный эпизод: «В избе, которую уступил мне Милорадович, нашел я кошку. Я к этому животному имею неодолимое отвращение (в противоположность Пушкину! — *Астролог*). Перед тем, чтобы лечь спать, загнал я ее в печь и крепко-накрепко закрыл заслонку. Не знаю, что с нею после было: выскочила ли она в трубу, или тут скончалась. Нередко после совесть напоминала мне это зверское малодушие» [5]. Снова любимый жест — просто взял и «упрятал в чулан»!

Вяземский. Портрет работы К. Афанасьева; рис. Пушкина 1829.

Вяземский Шарж Батюшкова (1816), который немного позднее скажет, что "не знает никакого Вяземского".

Но с другой стороны: «Тургенев отправился третьего дня вечером с телом Пушкина и с жандармским капитаном для погребения в монастыре Святые Горы. Не до смеха было, а нельзя нам было воздержаться от смеха, глядя на Тургенева и на сборы его дорожные» [6]. Рак бы таких слов никогда себе не позволил бы. Близнецы в момент прощания друзей с «ими брошенным телом» хотели, чтобы «остряк замысловатый» явил свою львиную циничность и насмешливость, — и тут Лев в Вяземском не отказал.

При жизни Пушкина Вяземский, несомненно, — литературный союзник в борьбе против всяческих врагов, первый советчик в делах личных (даже если никто не просил совета), психолог и сердцевед. Но он же — и строгий судья Близнецов, особенно после их смерти.

«Стихи Пушкина прелесть! точно свежий, сочный, душистый персик! Но мало в них питательного...» (А. А. Бестужеву, 20 января 1824); «Онегин хорош Пушкиным, но, как создание, оно слабо» (А. И. Тургеневу, 18 апреля 1828 [7]). «Несмотря на мою дружбу к нему, я не буду скрывать, что он был тщеславен и суетен. Ключ камергера был бы отличием, которое бы он оценил...» (вел. кн. Михаилу Павловичу, 14 февраля 1837 [8]). Уж не думал ли Вяземский, что Пушкин завидовал его, Вяземского, камергерскому ключу? «Любезный Вяземский, поэт и камергер...»

...И Пушкин, в юности греховной
К нему [Байрону] подделавшись, хромал,

Пока, не сбросив гнет условный,
Сам твердым шагом зашагал...

Тяжеловатая моралистичность... Осуждал он и взгляды Пушкина на Россию, его «патриотическую щекотливость», — так громко осуждал, что сам Пушкин вынужден был извиняться за друга-западника: «он человек ожесточенный, aigri, который не любит Россию, потому что она ему не по вкусу...» [9]. Павел, сын Вяземского, вспоминает «ненапечатанный монолог обезумевшего чиновника перед Медным Всадником», «содержащий около тридцати стихов», который хранился в бумагах отца, но исчез, — «весьма может быть потому, что в монологе слишком энергически звучала ненависть к европейской цивилизации» [10]. В какой чулан, за какую заслонку был «убран» нежелательный антизападнический монолог?

Вечером накануне дуэли княгиня Вера Федоровна уже знала о ней; она и ее собеседники ждали князя Вяземского, чтобы решить, что делать, — ждали почти до утра, но князь где-то засиделся... На погребальном выносе Пушкина из Конюшенной церкви «рыдающий князь Вяземский лежал простертый на церковном полу» [11].

Вообще после смерти Пушкина Рак очень быстро оттеснил Льва: «Я человек прошедшего, человек прошедший, а не человек грядущего ни в сердечном отношении, ни в политическом. Мое грядущее одна смерть, а жизни в нем уже нет ни в каком отношении. Вот разница моя с тобою: я сижу при элегии и даже при эпитафии, а ты все еще в дифирамбах обретаешься», — напишет Вяземский 31 декабря 1842 А. И. Тургеневу [12] (как это напоминает стенания куспидного Кюхли! — *Астролог*). Овен-Тургенев так и останется при огненных дифирамбах, а «покойник» Вяземский через три года сможет и ему написать эпитафию. Сам же он проживет еще не одно десятилетие. «В России нужно жить долго» — Лев бы так не сказал, а если бы сказал, то уж точно не сделал бы. А Вяземский прожил долго; еще успел от Льва Толстого заслужить отзыв: «Дура Вяземский» — как похоже на дряхлых, переживших свой век Державина, Горчакова!

Ганнибал Петр Абрамович

(1 VIII 1742—15 VI 1826) — сын «арапа Петра Великого», двоюродный дед Пушкина, «чернокожий старик с седыми волосами», как сказал о нем один из друзей поэта, видевший у кого-то из Пушкиных его портрет [13]; «мой старый дед-негр», как писал сам поэт. Жил в Петровском, в нескольких верстах от Михайловского. Все делал со страстью: занимался перегонкой водок так, что однажды спирт в аппарате вспыхнул и все запылало, — не может сдерживать себя огненная натура! И ярость львиная — это ярость: людей выносили на простынях. Но зато и миловать умел, и щедр был и широк до конца дней, музыку любил до слез (какой же Лев без музыки? Это же самый музыкальный знак!), со слезами восторга слушал по вечерам игру на гуслях Михайлы Калашникова, того самого, которого однажды и наказал по-львиному за пожар.

Летом 1817 после окончания Лицея Пушкин приехал в Михайловское, посетил деда. Старик спросил водки, налил рюмку себе и внуку — Пушкин выпил, не поморщившись, чем очень обязал старика. А в 1825 незадолго до смерти Ганнибал передаст Пушкину биографию А. П. Ганнибала и начало своей автобиографии. Н. Я. Эйдельман, вероятно, не без основания считал, что решающую роль в решении старика передать драгоценные бумаги в руки внука сыграла именно та давняя рюмка водки. Что ж, очень может быть: почувствовал Лев, что можно иметь дело с этим молодым человеком, не будет с ним скучно, достоин он внимания и доверия — и ведь не ошибся: царский подарок и результаты дал царские.

Голицын Сергей Григорьевич

(3 VIII 1803—1 XII 1868) — князь («Фирс»), отставной штабс-капитан артиллерии, поэт-дилетант, композитор (опять Лев и музыка! — *Астролог*), внук Н. П. Голицыной, двоюродный брат В. А. Соллогуба. По характеристике приятельствовавшего с ним М. И. Глинки, «милый, веселый, подчас забавный молодой человек», который «хорошо знал музыку и пел очень приятно прекрасным густым басом»; по определению Вяземского — «ночи певец и картежник». Часто встречался с Пушкиным в 1828 — начале 1830-х гг. Общение с Голицыным будило пушкинское вдохновение: его остро́та за карточным столом родила стихотворение «Полюбуйтесь же вы, дети»; в его доме Пушкин сочинил «Как в ненастные дни». Знаменательно, что беззаботный весельчак Голицын подарил Пушкину (согласно рассказу Нащокина в записи Бартенева) тему одного из самых трагических его произведений — «Пиковой дамы»: именно его, Голицына, бабушка Наталья Петровна однажды вместо денег дала проигравшемуся внуку три карты, некогда назначенные ей в Париже Сен-Жерменом. Эту историю Голицын и рассказал Пушкину; характерно, что у него она завершается вполне идиллически: «внучек поставил карту и отыгрался».

Голицына Евдокия Ивановна

урожд. Измайлова (15 VIII 1780—30 I 1850) — княгиня («Princesse Nocturne» — «Ночная Княгиня»), «обворожительная как свобода» (Вяземский). Сравнение со «свободой» не случайно, ибо в самом образе жизни княгини было что-то либеральное: Голицина принимала только ночью — чтобы обмануть предсказание цыганки о том, что она умрет ночью, и не дать смерти застать ее врасплох; «Княгиня Голицына ... имеет обыкновение спать днем, а ночью занимается компаниями», — доложил встревоженный жандарм, и к дому княгини был приставлен тайный агент [14].

Вот как Вяземский описывает эту типичную львицу: «Черные выразительные глаза, густые темные волосы, падающие на плечи извилистыми локонами, ... улыбка добродушная и грациозная; придайте к тому голос и произношение необыкновенно мягкие и благозвучные... Вообще красота ее отзывалась чем-то пластическим, напоминавшим древнее греческое изваяние. В ней ничто не обнаруживало обдуманной озабоченности, житейской женской изворотливости и суетливости. Напротив, в ней было что-то ясное, спокойное, скорей ленивое, бесстрастное... Дом ее, на Большой Миллионной, был артистически украшен кистью и резцом лучших из современных русских художников... Во всем отражалось что-то изящное и строгое. По вечерам немногочисленное, но избранное общество собиралось в этом салоне: хотелось сказать — в этой храмине, тем более, что и хозяйку можно было признать жрицей какого-то чистого и высокого служения... Можно бы было думать, что тут собирались не просто гости, а и посвященные... У Голицыной полуночной есть душа, и иногда разговор ее, как рос-

Голицына. Портрет Сен-Даниэля. 1820-е гг.

Надгробная плита «ночной княгини» в Лазаревской усыпальнице Александро-Невской лавры свидетельствует, что ее «игра в cache-cache со смертью хмурой» завершилась неудачно (для княгини).

синиева музыка, действует на душу» (как удачно Вяземский опять напал на тему «Лев и музыка», сравнив Голицыну с действием «упоительного Россини»! — *Астролог*).

«Поэт Пушкин у нас в доме смертельно влюбился в Пифию Голицыну и теперь уже проводит у нее вечера: лжет от любви, сердится от любви», — писал Карамзин Вяземскому. Княгиня, привлекавшая внимание Пушкина «стремительностью характера и мечтательностью» (Бартенев [15]), внесена в «Дон-Жуанский список» (сама она говорит о Пушкине его дяде, Василию Львовичу, несколько снисходительно: «малый предобрый и преумный»). Восхищаются Львицей не все: Карамзин находит, что от ее «трезубца пышет не огнем, а холодом» [16] (что ж, понятно, он ведь сам огненный знак — *Астролог*), многие находят ее смешной, напыщенной, но Близнецам в этой храмине тепло, их греет экзотический огонь — и рождаются стихи:

Отечество вчера я ненавидел —
Но я вчера Голицыну увидел
И примирен с отечеством моим...

«Краев чужих неопытный любитель...»

...Вас я вижу, вам внимаю, —
И что же?.. Слабый человек!..
Свободу потеряв навек,
Неволю сердцем обожаю.

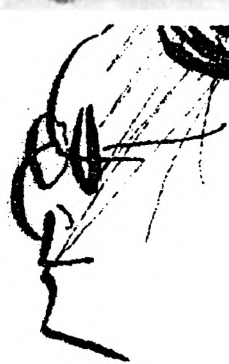
Кн. Голицыной, посылая ей оду «Вольность»

Да, — скажет Астролог, — Лев — единственный из знаков, от которого Близнецы с радостью примут любое проявление деспотизма: эта неволя празднична, и Близнецам холодно без Львиного тепла. «Вдали камина княгини Голицыной замерзнешь и под небом Италии», — писал Пушкин А. И. Тургеневу из Кишинева (7 мая 1821).

Греч Николай Иванович

(14 VIII 1787—24 I 1867) — писатель, журналист, редактор «Сына отечества», соиздатель «Северной пчелы». Неискушенный читатель не чувствует разницы между «грачами-разбойниками» — Гречем и Булгариным, а Пушкин чувствовал. Греч, образованный, корректный, испытывал отвращение к выходкам «польского пса». Хотя Греч «и был одним из издателей «Северной пчелы», но держал себя поодаль от ее литературных дрязгов», — свидетельствует В. Ф. Одоевский [17]. Позднее Греч и вовсе порвал с Булгариным. Не вдруг, не сразу — ну и что? Просто Лев, — скажет наш Астролог, — великодушен, гуманен, долго не может решиться нанести удар, — вот и обвиняют часто великодушного и доброго Льва в беспринципности. «Он скоро убедился в моей неприкосновенности к шуткам Булгарина и, как казалось, старался сблизиться со мною», — вспоминал о Пушкине сам Греч [18].

Ничто, быть не может, не показывает так ярко различие человеческого отношения Булгарина и Греча к Пушкину, как их реакция на бесцеремонную пушкинскую шутку во время обеда у издателя Смирдина в 1832: Пушкин кричит цензору В. Н. Семенову, сидевшему между Гречем и Булгариным: «Ты, брат Семенов, сегодня словно Христос на горе Голгофе» (намек на распятых рядом с Христом разбойников); Греч «хохотал... больше всех», Булгарин же «пришел в бешенство» (воспоминание

Греч. Автолитография Е. Эстеррейха, 1824; рис. Пушкина 1829.

самого Греча). Греч умел простить Пушкину подобные выходки — а в вопросах творчества умел, ставя Пушкина рядом с Крыловым, понять пушкинскую Близнецовую изменчивость: «Пушкин, Протей в словесности, своенравный, прихотливый, как сама поэзия...» [19]

Пушкин общался с Гречем, посещал его «четверги», в 1832 предлагал ему стать соиздателем газеты «Дневник» (Греч, однако, не решился расстаться с Булгариным). Они понимали друг друга — умели обменяться намеками и шутками: «Ваша «Капитанская дочка» чудо как хороша! Только зачем это вы, батюшка, дворовую девку свели в этой повести с гувернером... Ведь книгу-то наши дочери будут читать!» — упрекает Греч Пушкина, улыбаясь, — и тот, поняв намек на давнюю и смешную уже критику «Руслана и Людмилы» («мать дочери велит на эту сказку плюнуть»), — намек, конечно же, Пушкину приятный, — отвечает с ответной улыбкой: «Давайте, давайте им читать!» [20]

Астролог находит тут и пример, как Близнецы подхватывают Львиные остроты. «Я думаю, что Греч дурно пишет, — замечает Д. Н. Блудов, — но в разговоре у него иногда вырываются остроумные ответы или забавные замечания. Прочтя одно послание Жуковского, в коем наш милый поэт изливает всю душу свою с восторгом пламенной и бескорыстной страсти, он сказал: «Мне кажется, что В<асилий> А<ндреевич> не только смертельно, а мертвецки влюблен». И вот в 1824 красное словцо Льва всплывает в памяти Близнецов:

Дни любви посвящены,
Ночью царствуют стаканы.
Мы же — то смертельно пьяны,
То мертвецки влюблены

Из письма к А. Н. Вульфу, 1824 [21]

Дельвиг Антон Антонович

(17 VIII 1798—26 I 1831) — барон; ближайший лицейский товарищ Пушкина, поэт. Для нашего Астролога дружба Пушкина с Дельвигом — классический пример высоких отношений между Близнецами и Львом: это союз, с которым ничто не может сравниться по гармонии, совершенно особый мир двоих, со своим языком, своим устройством, куда третий не может войти, а если и войдет, то ему услышанный разговор может показаться настолько диким и далеким от разумных норм, что он пожмет плечами и поскорее уйдет.

«Никто на свете не был мне ближе Дельвига...» (Плетневу, 21 января 1831). Никто так не грел, так не понимал, так не поддерживал Пушкина, как этот ленивый толстый барон.

Мы рождены, мой брат названый,
Под одинаковой звездой:
Киприда, Феб и Вакх румяный
Играли нашею судьбой...

«Дельвигу», 1830

Ни с кем не мог быть Пушкин настолько равен самому себе, настолько раскрепощен. Никогда не было между ними ссор, раздоров; только Дельвига Пушкин слушался, только он мог удержать Пушкина от излишней картежной игры, только для Пушкина мог Дельвиг, совершенно не умеющий рано вставать, подняться чуть свет и проводить друга в Болдино в 1830 — и, оказывается, не зря поднялся: последняя встреча в этом мире.

«Черт побери вашу свадьбу, свадьбу вашу черт побери», — написал Пушкин Дельвигу 20 февраля 1826, и тот в долгу не остался: своею смертью за месяц до пушкинской свадьбы сказал примерно то же самое. Последнее, что мог сделать Лев для Близнецов, — своей смертью предостеречь, удержать от рокового шага. Удержать не удалось, а невольное пророчество сбылось.

«Зовет меня мой Дельвиг милый...» В апреле 1836 Пушкин побывал на Волковом кладбище на могиле Дельвига и записал такие слова: «Я посетил твою могилу — но там тесно. Les morts m'en distraient [мертвые отвлекают меня от...]». Пушкин только что выбрал место для

себя в Святогорском монастыре рядом со свежей могилой матери — и теперь как бы оправдывается перед другом, как всегда шутливо: Дельвиг поймет, что Пушкин не может даже и после смерти находиться в тесноте. Могилы, что «как испуганное стадо жмутся тесной чередой», не для Близнецов: «...Умри я сегодня, что с вами будет? Мало утешения в том, что меня похоронят ... на тесном петербургском кладбище, а не в церкви на просторе, как прилично порядочному человеку» (жене, около 28 июня 1834)

«Покойник Дельвиг. Быть так» (Плетневу, 21 января 1831). И вместе с тем — Дельвиг единственное, быть может, существо, о потусторонней встрече с которым Пушкин настойчиво твердит, — порой полушутя, порой серьезно. Они и при жизни порой говорили о себе как о духах, жителях поэтического Элизиума («Целую крылья твоего Гения, радость моя» — Дельвиг Пушкину, 20 марта 1825), а образ рая — «Элизиума поэтов», нарисованного Дельвигом в одноименном стихотворении, — возникал то и дело и в стихотворных посланиях, и в переписке. Дельвиг отправляет Пушкина в языческий рай уже в лицейском послании «К А. С. Пушкину»:

И радостно тебе за Стиксом грянут лиры,
Когда отяготишь собою ты молву!...
...Что зависть перед ним [певцом — *Авт.*], ползущая змеею,
Когда с богами он пирует в небесах?

В одном из немногих сохранившихся писем Пушкина к Дельвигу образ рая возникает как бы вне связи с этим поэтическим контекстом, и все же: где Дельвиг — этот «личный гений» Пушкина — там и рай: «Правда ли, что едет к вам Россини и италианская опера? — Боже мой! это представители рая небесного. Умру с тоски и зависти» (Пушкин Дельвигу, 16 ноября 1823). Дельвиг спустя некоторое время отзывается тем же родным для него образом Элизиума: «Прозерпина» не стихи, а музыка: это пенье райской птички, которое слушая не увидишь, как пройдет тысяча лет. Эти двери

Дельвиг.
Портрет работы
П. Л. Яковлева,
конец 1810-х гг.

Рис. Пушкина
1823 — Дельвиг?

давно мне знакомы. Сквозь них, еще в Лицее, меня часто выталкивали из Элизея» (10 сентября 1824). Смерть Дельвига лишь придала новый смысл образу «гения», смешанного в Элизиуме с «толпой теней родных».

И мнится, очередь за мной:
Зовет меня мой Дельвиг милый...
...Туда, в толпу теней родных,
Навек от нас утекший гений.

Пушкин торопит встречу со своим Львом и даже, кажется, готов послать к нему вперед Плетнева в качестве гонца: «Ни строчки от тебя не дождешься, — пишет он Плетневу (11 апреля 1831). — Умер ты что ли? Если тебя уже нет на свете, то, тень возлюбленная, кланяйся от меня Державину и обними моего Дель-

вига». И это письмо, кажется, уже подготовлено давним (июнь 1826) письмом самого Дельвига, где он рассказывает о доме Батюшкова, на окошках которого сохранились надписи поэта: «Есть жизнь и за могилой!» и «Ombra adorata !» — «Возлюбленная тень» (эти мотивы соединены и в письме Пушкина).

Присутствие имени Державина в этом полушутливом привете умершему Дельвигу весьма знаменательно: Державин «сам третей» присутствует в союзе Пушкина и Дельвига с лицейской поры. Именно Дельвиг в лицейских стихах предрек Пушкину на поэтическом Олимпе место Державина и «молился каменам» за друга:

Державин умер! чуть факел погасший
дымится, о Пушкин!...
... Кто ж ныне посмеет владеть его громко
лирой? Кто, Пушкин?!
...Молися каменам! и я за друга молю вас,
камены!
Любите младого певца, охраняйте
невинное сердце,
Зажгите возвышенный ум,
окрыляйте юные персты!

«На смерть Державина», 1816

С другой стороны, в пушкинском мемуаре о Державине именно Дельвиг попадается последнему в его мучительных поисках нужника. Таким образом, слово «гений», обозначающее в античности, как и слово «демон», духа-посредника, проводника между мирами, в отношении Дельвига приобретает двойной смысл: Дельвиг проводит Пушкина на Парнас, а Державина, освобождая место Пушкину, — в нужник.

Однако Пушкин, вероятно, не желал принимать роль «второго Державина», предпочитая «брести своим путем». Не случайно именно в письме к Дельвигу (июнь 1825) содержится известная пушкинская критическая характеристика поэзии Державина, очевидно, завершающая долгие споры друзей о Державине и полемически заостренная против дельвиговского пиетета к нему.

Противясь аналогии с Державиным, Пушкин все же признавал за Дельвигом миссию и природу «гения» в изначальном смысле этого слова — как проводника между мирами, способного ввести поэта в творческий «Элизиум». Напутствие такого «гения» подобно освящению, и потому к напутствиям Дельвига Пушкин относился исключительно серьезно: главный завет пушкинского сонета «Поэту» —

Ты царь. Живи один. Дорогою свободной
Иди, куда влечет тебя свободный ум —

восходит, быть может, к дельвиговскому напутствию: «Великий Пушкин, маленькое дитя! Иди, как шел, т. е. делай, что хочешь...» (письмо от 28 сентября 1824).

В стихотворении 1836 «Художнику» посредничество Дельвига между человеком и искусством определено иначе, проще: Дельвиг — «художников друг и советник»; здесь он — уже не «личный гений» Пушкина: поэт словно бы отпускает от себя друга, щедро делится его благословением с ваятелем, собратом по искусству:

Весело мне. Но меж тем в толпе
молчаливых кумиров —
Грустен гуляю: со мной доброго
Дельвига нет;
В темной могиле почил художников друг
и советник.
Как бы он обнял тебя! Как бы гордился
тобой!

Загоскин Михаил Николаевич

(25 VII 1789—4 VII 1852) — писатель, автор исторических романов, драматург. В 1817 в издававшемся Загоскиным журнале «Северный наблюдатель» опубликовано пять стихотворений Пушкина. Познакомились в Москве, возможно, в салоне З. А. Волконской, по возвращении Пушкина из ссылки.

Консерватор Загоскин — «даровитый и благодушный литературный Фамусов» (А. Григорьев [22]), уже в сравнительно юные годы успевший вывести в своих комедиях унылую вереницу мудрых процветающих помещиков-староверов (конечно, со значимыми фамилиями: Мирославский, Стародубов), разоренных в пух

и прах поклонников модных западных идей, а также романтических воспевателей «мрачных небес и светлой луны..., скрежета зубов, визга, гуда, гула, писка» (Снегин в «Вечеринке ученых», 1817); Загоскин, утверждавший устами издаваемого им «Северного наблюдателя», что время освобождения крестьян «еще не приспело» [23], — этот Загоскин не вызывал особой симпатии в пушкинской кругу: «В Загоскине точно есть дарование, но зато как он и глуп, уж это, воля ваша, не Василью Львовичу чета», — писал Пушкину Вяземский (24 августа 1831).

Однако Пушкин, словно не замечая скучных воззрений Загоскина, берет на себя роль его литературного заступника, причем лейтмотивы этого заступничества — «легкость», «живость», «веселость», присущие, по Пушкину, писаниям Загоскина, — никак не сочетаются с мрачно-тяжеловесными убеждениями «истинно-русского» (по определению О. Сомова) романиста (впрочем, на убеждения Загоскина Пушкин, похоже, не обращал никакого внимания). «Романы A. Vigny хуже романов Загоскина» (М. П. Погодину, сентябрь 1832); «Ты бранишь «Милославского», я его похвалил. Где гроза, тут и милость. Конечно, в нем много недостает, но многое и есть: живость, веселость, чего Булгарину и во сне не приснится» (Вяземскому, конец января 1830). Даже в романе Загоскина «Рославлев» с его «проповедью пользы исправников и кнута» [24], — романе, который Пушкин начинает переписывать по-своему с невероятной быстротой («Рославлев» вышел в конце мая 1831, а в первых числах июня написана первая глава пушкинского незаконченного романа) и, возможно, не без намерения побесить простодушного автора оригинала (см., например, у Пушкина: «К несчастию, заступники отечества были немного простоваты...»), — Пушкин находит все те же достоинства: «разговоры, хотя и ложные, живы» (Вяземскому, 3 сентября 1831). Пушкинский «другой Рославлев» остался недописанным — как, впрочем, остался вовсе ненаписанным «другой Юрий Милославский» — бессмертное в своем роде создание Хлестакова: знаменательно, что оба романа Загоскина породили странных двойников.

Загоскин. Неизв. худ. 1830-е гг. Рис. Пушкина 1829 — Загоскин?

И в отрицательной оценке загоскинской комедии «Недовольные» — пасквиле на друзей Пушкина, М. Ф. Орлова и П. Я. Чаадаева, — все же, как ни странно, проскальзывает одобрительное и очень значимое для Пушкина слово: «скучная, тяжелая пьеса, писанная довольно легкими стихами».

Понимая, как далек от него Загоскин-человек, Пушкин все же словно бы чувствует, что разделяет с ним некую общую стихию: стихию легкости.

Липранди Иван Петрович

(28 VII 1790—21 V 1880) — офицер, участник Отечественной войны, автор воспоминаний о Пушкине. Личность Липранди загадочна и противоречива: близкий декабристам пылкий свободолюбец («Липранди при лице дивизионного командира не скрывал свободомышления своего», свидетельствует донесение начальника штаба Второй армии, стоявшей в Молдавии), — а впоследствии, странным образом, тайный агент правительства; человек, имевший в «приемах, действиях, рассказах и образе жизни много... чего-то поэтического» (В. П. Горчаков) — и, по собственному признанию, «не сторонник до стихов»;

дерзкий дуэлянт — однажды благоразумно уберегший Пушкина от дуэли; сибарит — порой поражающий друзей презрением к самому необходимому. Не удивительно, что Пушкина тянуло к такому человеку: «Он мне добрый приятель и (верная порука за честь и ум) не любим нашим правительством и, в свою очередь, не любит его» (Пушкин Вяземскому, 2 января 1822).

Липранди (как и многие другие Львы — *Астролог*) служит Пушкину, питавшему к нему привязанность за «ученость истинную», источником разнообразных сведений, которыми и делится с дружественной щедростью: «Разговор не умолкал: я должен был удовлетворить вопросы о последних войнах и некоторых лицах, участвовавших в оных, так и о некоторых бессарабских...» Из богатой библиотеки Липранди шли в руки самые нужные, словно судьбой посланные книги: «Первая книга, им у меня взятая, был — Овидий»; вскоре родилось стихотворение «К Овидию».

Липранди. Портрет работы Г. С. Геда (?), 1810-е гг.; рис. Пушкина 1821-1823.

Два мотива в литературном мире Пушкина связаны с Липранди: дуэли и прозы. Пушкин познакомился с Липранди 23 сентября 1820 в Кишиневе, но уже зимой 1819, в Петербурге, Пушкин слышал (от А. Д. Гурьева) о двух прославленных дуэлях Липранди. В октябре Липранди примиряет Пушкина с А. П. Алексеевым и Ф. Ф. Орловым и спасает его от дуэли; в июле 1823 Пушкин жадно расспрашивает Липранди о недавней дуэли П. Д. Киселева с И. Н. Мордвиновым.

Быть может, нежелание «поэтического» Липранди, «несторонника до стихов» слушать стихи Пушкина навело последнего на мысль о прозаической обработке поэтического материала; во всяком случае, именно Липранди оказался читателем первых пушкинских опытов Пушкина в прозе — именно ему поэт показывает записанные им молдавские предания XVII в. и признается: «С прозой беда! Хочу попробовать этот первый опыт».

Оба липрандиевских мотива — дуэли и прозы — соединяются в повести «Выстрел»: прозаическом рассказе о поэтической, таинственной личности, прототипом которой послужил, естественно, Липранди (само экзотическое имя Сильвио — не напоминание ли о происхождении Липранди из старинного испанского рода?) Сюжет повести сообщил Пушкину (по свидетельству Пушкина и рассказу В. П. Горчакова в записи Бартенева) тот же Липранди.

«Нам и в голову не приходило подозревать в нем что-нибудь похожее на робость. Есть люди, коих одна наружность удаляет таковые подозрения». Сильвио-Липранди — да, Лев всегда умеет сохранить «осанку благородства». Но с другой стороны — всплывает здесь и столь характерный в отношениях Близнецов и Львов демонический мотив: «Мрачная бледность, сверкающие глаза и густой дым, выходящий изо рту, придавали ему вид настоящего дьявола».

Муравьев (Карский) Николай Николаевич

(25 VII 1794—4 X 1866) — брат А. Н. Муравьева, офицер, причастный к декабристскому движению. Встречался с Пушкиным в Петербурге в 1817—1818; в 1829 во время поездки в Закавказье Пушкин часто беседовал с генералом

Муравьевым — об этих встречах мы знаем не только из воспоминаний современников, но и из «Путешествия в Арзрум». В чисто астрологическом отношении интересно, как педант-Муравьев обращался со своим 12-м Знаком — Раком. Он не задумался во время маневров окружить императора Николая, командовавшего армией «противника», и загнать его в болото; не задумался заставить императрицу Александру Федоровну ждать ответа на какой-то запрос в порядке общей очереди — Рак только скрипнет зубами, но поделать ничего не сможет: во-первых, порядок есть порядок (кто, как не Рак понимает это?), а во-вторых, такая уж доля 12-го Знака — терпеть безвинно (весело все-таки, что именно с помощью Льва отливаются Раку Близнецовые слезки).

Мы сказали, что Муравьев — педант, строгий и неподкупный. Пытался он исправить и недисциплинированных Близнецов, — но те, не желая скандалить со Львом, предпочитают просто скрыть от него то, что ему знать не следует. Так, Пушкин в Закавказье, видя, что при Муравьеве читать «Бориса Годунова» решительно нельзя, ибо последний постоянно прерывает чтение замечаниями вроде: «Позвольте, Александр Сергеевич! Как же такая неосторожность со стороны самозванца? Ну, а если она его выдаст?» — ответил генералу: «Подождите, увидите, что не выдаст»; но более при Муравьеве читать не захотел. И всякий раз, когда Пушкин читал в палатке свои произведения, выставлялись маховые, чтобы дать знать, если появится Муравьев. Все разбегались из палатки Раевского, Муравьев находил ее пустой и возвращался к себе.

Наполеон I

(15 VIII 1769—5 V 1821). Пушкинский Наполеон не имеет ничего общего с карикатурным Наполеоном анекдотов и эпиграмм (бытовавших еще в 1830-х гг.), в которых император Франции изображался нелепым жирным чудовищем, которое «ест лавры и запивает кровью», или же пожирает царства, но напоследок давится Россией. Вот вариация этого раблезианского мотива: «У генерала Б..., возвратившегося из армии в Париже, спросили: здоров ли Наполеон? — «Здоров, совершенно здоров; даже пожирнел: ест лавры и запивает кровью!» [25]. (Д. И. Хвостов в своих «Записках о словесности» приводит эпиграмму 1812, развивающую тот же раблезианский мотив:

Наполеон все царства поглощал
И век бы их глотать не утомился.
Но отчего ж он перестал?
Безделица — Россией подавился [26]).

Британский премьер-министр Уильям Питт и Наполеон пожирают земной шар. Карикатура рубежа 18-19 вв.

Не похож он в зеркале Пушкина и на исчадие ада, воплощенного Антихриста, каким рисовали его памфлеты времен Отечественной войны: Наполеон — «всемирный тиран»; «кровожадный, ненасытимый опустошитель, разоривший Европу от одного конца ее до другого, не перестает ослеплять всех своим кощунством и лжами... современники осудили тебя на низвержение в бездну адскую» [27].

Близнецы, как это нередко бывало, приходят на помощь «геральдическому Льву», защищая его от всевозможных «демократических копыт»: Пушкин защищает Наполеона от примитивных истолкований, нисколько при этом его не

обеляя, но даже и подчеркивая не без жестокости всю демоническую иронию его судьбы.

Лишь в лицейские годы Пушкин отдаст дань обоим штампам: сатирическому в «Бове», где Наполеон высмеян как жалкий «император Эльбы», «в ничтожество низверженный Александром, грозным ангелом» (подобно тому как Антихрист должен быть низвержен архангелом Михаилом); обличительному — в стихотворении «Наполеон на Эльбе», где «губитель» и «хищник» кует «новую в мечтах Европе цепь».

В императорской порфире. Портрет Ф. Жерара (фрагмент).

В оде «Вольность» Пушкин, казалось бы, возвращается к памфлетной традиции 1812 г., черпавшей вдохновение в церковных анафемах, и наделяет Наполеона чертами дьяволова ставленника — Антихриста, кладя на его чело библейскую печать проклятия (так и у Апокалиптического зверя на «головах имена богохульные» — Откровение, 16:1; а у сторонников Антихриста — его печати, положенные «на правую руку или на чело», — 13:1; 14:9-11):

Читают на твоем челе
Печать проклятия народы,
Ты ужас мира, стыд природы,
Упрек ты Богу на земле.

Однако демонический гнев и тирания Наполеона обнаруживают здесь и праведную сторону: Бонапарт — таинственное орудие судьбы, наказывающее французов за казнь Людовика XVI:

Молчит Закон — народ молчит,
Падет преступная секира...
И се — злодейская порфира
На галлах скованных лежит.

«Наполеонова порфира» — приписывает Пушкин на полях рукописи для непонятливого Василия Львовича (еще более непонятливыми оказались многие пушкинисты, увидевшие в этих строфах изображение кого-то из русских царей). А рисует Пушкин уже поистине Львиный гнев и Львиную кару — особенно если вспомнить, что и дьявол, печать которого лежит на Наполеоне, в Новом Завете изображен в виде Льва: «противник ваш диавол ходит, как рыкающий лев, ища, кого поглотить» (1 послание Петра, 5:8).

Впоследствии эта печать отвержения осмыслена уже как печать загадочной избранности: Наполеон — «муж судьбы», по определению 10 главы «Онегина».

То был сей чудный муж, посланник провиденья,
Свершитель роковой безвестного веленья...

«Недвижный страж дремал...»

Пушкин, сказавший однажды о гениях Зла и Блага, стоящих у дверей истории [28], колебался, к какому из них причислить Наполеона:

Зачем ты послан был и кто тебя послал?
Чего, добра иль зла, ты верный был свершитель?

Лучший ответ на этот вопрос был дан, наверное, гетевским Мефистофелем, тень которого — и уже не тень библейского Антихриста, — ощутимо ложится на пушкинского Наполеона (еще одного демона в пушкинской галерее Львов): «Я — часть той силы, что вечно хочет зла и вечно совершает благо».

Уже Жуковский в 1816, в стихах для праздника по случаю годовщины отречения Наполеона, попытался выразить мысль о благе, к которому ведут в конце концов злодеяния Наполеона:

И все, что рушил он, природа
Своей красою облекла,
И по следам его свобода
С дарами жизни протекла, —

но если у Жуковского это всего лишь

"Мучим казнию покоя..." Аллегория "Лев на краю земли", Виллен.

вариация его прекраснодушного убеждения, что «все в жизни к великому средство», то у Пушкина, в оде «Наполеон», язвительно развернута картина поистине демонической иронии судьбы над своим демоническим избранником: «зло воинственных чудес» (в слове «чудеса» — последняя реминисценция Антихриста, ставшего тираном мира именно благодаря сомнительным чудесам) обращается во благо — это зло искуплено поражением, и пленник Эльбы, исчерпавший до дна возможности тирании и сделавший более немыслимым всемирное владычество, помимо своей воли, так разительно не совпавшей с судьбой, завещает миру «из мрака ссылки» «вечную свободу».

Пушкин не мог, конечно, не порезвиться тут и с темой могилы, столь любезной сердцу Близнецов, и выстроил прелестный парадокс: тот, кто (в раннем стихотворении «Наполеон на Эльбе») хотел «царем воссесть на гробах» «всеобщего разрушения» — то есть на гробах покоренных народов, теперь сам оказался в «великолепной могиле», над которой «почила» «народов ненависть»: народы воссели на гробе Наполеона, а не наоборот, — великая и злобная шутка судьбы над «мужем судеб».

Пушкин открыл путь критики наполеонизма; но открыв его, Пушкин же его и закрыл, — и русская литература с толстовским кукольно-нелепым Наполеоном, более напоминающим бюст из кабинета Онегина («под шляпой, с пасмурным челом» — все Пушкиным уже сказано, прочитано и предсказано!), чем реального императора, обреченно вращается внутри пушкинских строк, как в магическом кругу заклинателя, ничего существенного к ним не добавляя:

Мы все глядим в Наполеоны:
Двуногих тварей миллионы
Для нас орудие одно...

И не потому ли, что Пушкиным наложен и запрет, заклятие, noli tangere :

Да будет омрачен позором
Тот малодушный, кто в сей день
Безумным возмутит укором
Его развенчанную тень...

Наполеон. Рис. Пушкина 1829.

Одоевский Владимир Федорович (11 VIII 1804—11 III 1869) — князь; писатель, журналист, литературный и музыкальный критик. В его диалог с Пушкиным, начавшийся задолго до личного знакомства в 1827—1828, сразу вплелись

два столь характерных для отношения Близнецов и Льва мотива: музыки и демонизма. В 1824, в III части альманаха «Мнемозина», издаваемого Одоевским и Кюхельбекером, напечатан «Демон» (под заголовком «Мой демон»), и тут же —

Одоевский. Портрет работы А. Покровского. 1844.

«татарская песня — из Бахчисарайского фонтана» с музыкой Одоевского (через 7 лет Пушкин одобрит первую напечатанную повесть Одоевского — и она будет музыкальной: «Последний квартет Бетховена» [29]). А в следующей части «Мнемозины» Одоевский разовьет один из мотивов — напечатает статью «Новый демон», в которой, не выискивая аллегорий и прототипов, скажет о пушкинском стихотворении осторожно, словно боясь упростить и умертвить его тайну (а уж чувство таинственного — подлинная стихия Одоевского, счастливо разделяемая им с Пушкиным): «С каким сумрачным наслаждением читал я произведение, где поэт России так живо олицетворил те непонятные чувствования, которые холодят нашу душу посреди восторгов самых пламенных. Глубоко проникнул он в сокровищницу сердца человеческого» [30].

Холод «непонятных чувствований» — и пламя «восторгов». Снова и снова сходятся «лед и пламень» — но кто, как не пламенный романтик Одоевский, так понимал холодно-воздушную, ускользающе-безличную стихию Близнецов? В его бумагах сохранилась удивительная запись: «Была минута, когда Шекспир был Макбетом, Гете — Мефистофелем, Пушкин — Пугачевым, Гоголь — Тарасом Бульбою;... чтобы сделать живыми своих героев, поэты должны были отыскивать их чувства, их мысли, даже их движения в самих себе» [31].

Пушкин — это Пугачев... Многие говорили о пушкинском протеизме, но возвыситься в его понимании до столь великолепного парадокса смог, пожалуй, один лишь Кюхельбекер, когда написал, вопреки всякому здравому смыслу: «Поэт в своей 8-й главе похож сам на Татьяну» [32].

Самые праздничные слова о Пушкине были сказаны Одоевским — и сказаны на века; мы повторяем их, забыв, кто был их автором: «Солнце русской поэзии» (знаменитый некролог [33]), «Пушкин, эта радость России, наша народная слава» (в статье «О нападениях петербургских журналов на русского поэта Пушкина», написанной при жизни Пушкина, в 1836, но не напечатанной тогда, потому что, как замечает сам Одоевский, «в то время ее негде было напечатать»). И вместе с тем Пушкин был открыт Одоевскому не одной этой праздничной стороной, но и такими глубинами и противоречиями, которые из современников никто, кроме него, не видел: гений всепроникающий, способный сотворить реальность из самого темного мифа, — «Пушкин (в «Борисе Годунове») разгадал характер русского летописца, хотя... самые летописцы еще какой-то миф в историческом отношении...» («Русские ночи», Эпилог), — в своих бесконечных воплощениях и вариациях ускользает уже и от самого себя, а это становилось творческой драмой, которую Пушкин от Одоевского не скрыл: «Пушкин был постоянно под гнетом своих поэтических со-

мнений; «та моя беда, — говорил он мне однажды, — что каждый стих у меня *троится*» [34].

И вот Пушкин дает Одоевскому урок безличности и ускользания — а тот всеми силами старается урок усвоить: «Форма — дело второстепенное; она изменилась у меня по упреку Пушкина о том, что в моих прежних произведениях слишком видна моя личность; я стараюсь быть более пластическим — вот и все...» (письмо Краевскому, 1844) [35].

В последний год жизни Пушкина Одоевский рядом, как необходимейший помощник по «Современнику», вносящий в журнальное дело струю основательности и серьезности. Одоевский много писал в журнал, нес «типографические хлопоты», за кои Пушкин его благодарил (в письме к жене, 11 мая 1836); однажды поэт признался: «Без Вас пропал «Современник» (Пушкин Одоевскому, май-июнь 1836). Одоевский добродушно прощал Пушкину, когда тот отклонял кое-что из его прозы, явно предпочитая светскую повесть «Княжна Зизи» фантастической «Сильфиде» (Одоевскому, май-июнь 1836) и даже позволяя себе понасмешничать над гофманоподобными литературными опытами Одоевского в его собственном доме («Его мысль, к несчастью, беспола», — обронил как бы невзначай пианист В. Ф. Ленц на вечере у Одоевского в ноябре 1833, и Пушкин неожиданно показал весь ряд своих прекрасных зубов — «такова была его манера улыбаться»). Пушкин довольно резко отклонит фрагмент драматической поэмы Одоевского «Сегелиель» («я не очень им доволен», — Одоевскому, апрель 1836) — истории демона, сохранившего склонность к добру и принявшего вид чиновника. Пушкину претило туманное многословие фантастической прозы Одоевского, и уж, конечно, человеколюбивый падший ангел Сегелиель так не похож на пушкинских бесов, которые вряд ли «сохранили склонность к добру»... По поводу жалоб Одоевского, как трудно писать фантастические сказки, Пушкин, рассмеявшись, сказал: «Да если оно так трудно, зачем же он их пишет? Кто его принуждает? Фантастические сказки только тогда и хороши, когда писать их не трудно» [36]. Высмеял Одоевского — а заодно и поддержал миф о легкости творчества; и это при том, что самому Одоевскому не раз жаловался на тяжесть творческого труда!

А Одоевский, при всем своем пиетете к Пушкину, не скрыл своего недовольства хаотическими и беспечными Близнецами, когда предъявил Пушкину фактически ультиматум, вежливый и жесткий, по которому Одоевский и Краевский должен были стать «полными хозяевами» «в ученой части» журнала, а Пушкин обязывался бы «в каждый № поместить хотя одну свою статью стихотворную и прозаическую» (август-сентябрь 1836).

После смерти Пушкина Одоевский, неустанный литературный экспериментатор, ставит странные опыты над пушкинскими темами: например, в дилогии «Саламандра» соединяет отзвуки «Арапа Петра Великого», «Пиковой дамы» и «Медного всадника», когда рисует картины петербургского наводнения, изображает Якко — финна, который был послан Петром на учебу в Европу, но в конце концов, в погоне за золотом, стал алхимиком. Чисто музыкальный подход — попытка найти новые звучания, соединив разрозненные пушкинские ноты, — и ведь все ноты демонические: арап, «черный диавол», бесовской разгул невских волн, и что уж говорить о Германне? Музыка и демонизм «таинственного» — словно бы распалась их связь со смертью Пушкина, и Одоевский вновь и вновь пытается эту связь восстановить.

Осипова Мария Ивановна

(8 VIII 1820—31 VII 1896) — дочь П. А. Осиповой от второго брака. Маленькой девочкой общалась с Пушкиным во время его приездов в Михайловское. Пушкин играл с нею, заступался за нее перед строгой матерью и, даже

если сердился на шалунью, то не ругал ее, а говорил: «Вы юны, как апрель», помня, что имеет дело с ребенком. Став взрослой, Мария превратилась поистине в роковую женщину для семьи Пушкиных. Ею увлекался и Александр Сергеевич:

Прошли восторги, и печали,
И легковерные мечты...
Но вот опять затрепетали
Пред мощной властью красоты —

«Я думал, сердце позабыло...»

это ведь Машеньке Осиповой. А после смерти поэта Сергей Львович и Левушка станут не на жизнь, а на смерть оспаривать друг у друга благосклонность прелестной девы. Умрет незамужней. И Анненков (Рак) произнесет над ней свой приговор: «жизнь ее несчастна от распутства. Осталась в девках». Что ж, каждому свое.

↓Плетнев Петр Александрович

(21 VIII 1792—10 I 1866) — поэт и критик, один из ближайших друзей Пушкина. Для Астролога — типичный пример куспида: нельзя его со всей строгостью отнести ко Львам, и к Девам он не вписывается. Поэтому и судьба его личная и творческая столь неопределенна. Надо сказать, что Пушкин прекрасно понимал своего друга и извлекал из его двойственной природы массу выгод, обращаясь с Плетневым то как со Львом, когда нуждался в друге, заменяющем Дельвига, то как с Девой, когда от Плетнева требовались точность и «аккуратность» (любимое слово Плетнева) издателя и делопроизводителя.

Когда ж ты будешь свой издатель? — вопрошал Пушкин друга (конец октября 1824). Увы, не скоро. Но это трудности самого Плетнева, и Пушкина не слишком волновал его ответ: Плетнев был незаменим отнюдь не как издатель собственных произведений, которые Пушкин не слишком ценил. «Я был для него всем, и родственником, и другом, и издателем, и кассиром», — писал Плетнев в 1838, перечисляя, как настоящая Дева, свои заслуги перед поэтом.

Не очень много Львиного было в этом куспидном человеке. «Кроткая тишина его обращения, его речей, его движений не мешала ему быть проницательным и даже тонким, но тонкость эта никогда не доходила до хитрости, до лукавства. Для критика ему недоставало энергии, огня (то есть самой что ни на есть Львиной стихии! — *Астролог*), настойчивости; прямо говоря, — мужества. Он не был рожден бойцом. Пыль и дым битвы — для его гадливой и чистоплотной натуры были столь же неприятны, как и сама опасность, которой он мог подвергнуться в рядах сражающихся... Оживленное созерцание, участие искреннее, незыблемая твердость дружеских чувств и радостное поклонение поэтическому — вот весь Плетнев», — вспоминал И. С. Тургенев.

«Плетневу приличнее проза, нежели стихи; он не имеет никакого чувства, никакой живости, слог его бледен, как мертвец. Кланяйся ему от меня (т. е. Плетневу, а не его слогу) и уверь его, что он наш Гете», — писал Пушкин брату из Кишинева (4 сентября 1822). Левушка не мог удержаться и не показать письмо Плетневу (Телец!), а Плетнев в этой ситуации повел себя как Лев — обратился к Пушкину с откровенным посланием:

Я не сержусь на горький твой упрек:
На нем печать твоей открытой силы...

Пушкин признал, что послание «блещет красотами истинными» и не без цинизма отметил, что своим издевательским отзывом способствовал рождению Плетнева-поэта: «Послание Плетнева, может быть, первая его пиеса, которая вырвалась от полноты чувства» (Л. С. Пушкину, октябрь 1822). Злые слова не слишком искренних Близнецов — и Львиная прямота и благородство; плетневские «опыты прямодушия», как называл Плетнев свои откровенные суждения, сопровождали Пушкина отныне до конца жизни.

Но так ли уж ценил Пушкин критические замечания Плетнева? «Ему вздумалось предварительно советоваться с моим приговором каждый раз, когда он в новом сочинении своем о чем-нибудь думал надвое. Таким образом, присылая оригинал свой ко мне для печатания, он прилагал при нем несколько поправок или перемен на сомнительные места, предоставляя мне выбрать для печати то, что я найду лучше» [37]. Знакомая картина: от самих себя ускользающие, теряющиеся в своих вариациях и перевоплощениях Близнецы, у которых, по признанию Пушкина Одоевскому, «каждый стих троится», готовы — от избытка лени или недостатка решимости, — предоставить окончательное решение если не случаю, то хотя бы тому, кто так гордится своей аккуратностью, точностью, непогрешимостью: «Не сердись, что я подробно извещаю тебя об «Онегине». Аккуратные отчеты — моя слабая сторона»; «Я страстен аккуратностью: хотел бы, чтобы ты выставил годы против каждой уж пиесы, даже самой маленькой»; «Я человек премелочной. Люблю всякую безделицу видеть в исправности»; «Рукопись прислал ты очень неисправную... трудно добиться везде аккуратно до настоящего смысла» (29 августа 1825; 26 сентября 1825; 6 февраля 1826).

И Пушкин охотно, с полной готовностью признает за Плетневым его любимое качество: «он человек окуратный» (Пушкин — М. Л. Яковлеву, 19 июля 1831). Собираясь написать предисловие к «Борису Годунову», Пушкин хочет заодно «раздавить Булгарина» — и погружается в сомнение, которое предоставляет разрешить рассудительному Плетневу: «Прилично ли мне, Александру Пушкину, являясь перед Россией с «Борисом Годуновым», заговорить об Фаддее Булгарине? Кажется, неприлично. Как ты думаешь? реши». И Плетнев «решает»: «Важность предисловия должна гармонировать с самою трагедиею, что можно сделать только ясным и верным взглядом на истинную поэзию драмы вообще, а не предикою из темы о блудном сыне Булгарине» (5 мая 1830; 21 мая 1830). По сему и быть — а заодно с Булгариным хоронится и сама идея предисловия...

Плетнев. Портрет работы А. Тыранова; рис. Пушкина 1835.

Итак, Плетнев вновь и вновь делал за Пушкина выбор, — и вновь и вновь пытался ввести неуправляемую стихию в русло планомерной работы: «Умоляю тебя отстать от лени и приняться за приготовление всех поэм к новому изданию»; «Не отставай от работы своего романа»; «Мне странно, что ты леность свою стараешься прикрыть благовидными причинами... Только перебелить, да и пустить. А тут-то у тебя и хандра» (29 августа 1825; 27 августа 1827; 22 сентября 1827). Но в полной мере свое негодование на лень и безалаберность поэта Плетнев изливал в письмах к третьим лицам: «Вы теперь вправе презирать таких лентяев, как Пушкин, который ничего не делает, как только утром перебирает в гадком сундуке свои старые к себе письма, а вечером возит жену свою по балам, не столько для ее потехи, сколько для собственной» [38].

Разумеется, в Пушкине Плетнев видел — и, вероятно, справедливо, — существо, нуждавшееся в постоянной опеке: «Он почти не умел распоряжаться

ни временем своим, ни другою собственностью. Иногда можно было подумать, что он без характера: так он слабо уступал мгновенной силе обстоятельств» [39].

Как это ни удивительно, но именно этого человека Пушкин избрал — и избрал заблаговременно! — земным двойником Дельвига, временной заменой самого близкого своего друга. «Начиная с декабрьского письма 1825 года, Пушкин пишет Плетневу так, как привык писать Дельвигу», — замечает современный исследователь [40]. И оставался до конца верен этому выбору, не обращая внимания на некоторые совсем не Львиные свойства плетневского характера, — например, истинно Девью обидчивость. Пушкин не уведомил Плетнева о своей будущей женитьбе, — и тот со мстительной обстоятельностью (если не сказать: «аккуратностью») растолковывает поэту плачевные последствия его неразумной скрытности: «За одно не могу на тебя сердиться: ты во вред себе слишком был скрытным. Если давно у тебя это дело было обдумано, ты давно должен был и сказать мне о нем, не потому, что я лаком был до чужих секретов, но потому, чтобы я заранее принял меры улучшить денежные дела твои. Ты этого не хотел: так пеняй на себя, если я по причине поспешности не мог для тебя сделать чего-нибудь слишком выгодного» (29 апреля 1830). Да и щедрое, поистине ко Льву обращенное посвящение «Онегина»:

Хотел бы я тебе представить
Залог достойнее тебя... —

не написано ли в ответ на обиду Плетнева, который, посылая Пушкину план книги «Стихотворения Александра Пушкина», в конце раздела «Послания» недовольно приписал: «Что бы прибавить здесь: К Плетневу!» (26 сентября 1825). В самом деле, послания к Плетневу у Пушкина, увы, не было предусмотрено: пришлось сочинять посвящение, которое и появилось перед отдельным изданием четвертой и пятой глав с пометой: «29 декабря 1827».

И все же Пушкин тянулся к Плетневу, особенно в последние месяцы жизни: ему так не хватало Львиного тепла, понимания, юмора — а «доброго Дельвига нет...» Плетнев, с его отзывчивостью и мягкостью, стал для Пушкина чуть ли не олицетворением христианского добротолюбия, которое так противоречило прежнему убеждению поэта в невозможности «не презирать людей»: «Любимый со мною разговор его за несколько недель до его смерти, все обращен был на слова: «Слава в вышних Богу, и на земле мир, и в человецех благоволение». По его мнению, я много хранил в душе моей благоволения к людям». За несколько дней до смерти Пушкин говорил с другом «о судьбах Промысла, выше всего ставил в человеке качество благоволения ко всем, видел это качество во мне, завидовал моей жизни» (из писем Плетнева Я. К. Гроту [41]). Но если Пушкин за пятнадцать лет дружбы проделал столь разительный путь от совета в письме к брату «думать о людях с самого начала все самое плохое, что только можно вообразить» (осень 1822, в письме, написанном в те же дни, когда он впервые подшутил над Плетневым), — то душевно неизменный Плетнев остался при своем, и его примирительное послание к Пушкину 1822 года и ныне звучит как сбывшееся предчувствие:

Мне в славе их участие дано,
Я буду жить бессмертием мне милых.

Полевой Ксенофонт Алексеевич

(1 VIII 1801—21 IV 1867) — брат Н. А. Полевого, критик, журналист, переводчик. Познакомился с Пушкиным в Москве в октябре 1826. Автор воспоминаний и некрологической заметки о Пушкине [42], в которой Астролога заинтересуют Львиные наблюдения над Близнецами: «Отличительным характером Пушкина в большом обществе была задумчивость или какая-то такая грусть, которую даже трудно выразить. Он казался при этом стесненным, попавшим не на свое место. Зато в искреннем, не-

большом кругу, с людьми по сердцу, не было человека разговорчивее, любезнее, остроумнее. Тут он любил и посмеяться, и похохотать, глядел на жизнь только с веселой стороны и с необыкновенной ловкостью мог открывать смешное. Одушевленный разговор его был красноречивой импровизацией, так что он обыкновенно увлекал всех, овладевал разговором, так что обычно кончалось тем, что другие смолкали невольно, а говорил он... Если бы был записан хоть один такой разговор Пушкина, похожий на рассуждение, перед ним показались бы бледны профессорские речи Вильмена и Гизо. Вообще Пушкин обладал необычайными умственными способностями. Уже во время славы своей он выучился, живя в деревне, латинскому языку, которого почти не знал, вышедши из лицея. Потом, в Петербурге, изучил он английский язык в несколько месяцев, так что мог читать поэтов. Французский знал он в совершенстве. «Только с немецким не могу я сладить! — сказал он однажды...» Он страстно любил искусства и имел в них оригинальный взгляд. Тем особенно был занимателен и разговор его, что он обо всем судил умно, блестяще и чрезвычайно оригинально».

К. А. Полевой. Гравюра с оригинала Людвига, 1839.

Мало кто из современников так щедро оценил легкомысленного Пушкина со стороны интеллекта, «умственных способностей». — а уж сравнение с «профессорами», тем паче французскими, — уникально.

Путята Николай Васильевич

(3 VIII 1802—10 XI 1877) — литератор, близкий декабристским кругам, друг Е. А. Баратынского. Баратынский и познакомил Путяту с Пушкиным в сентябре 1826. Путята (которого вообще-то не принято причислять к самым близким друзьям Пушкина) писал о поэте удивительно глубоко: «Среди всех светских развлечений он порой бывал мрачен; в нем было заметно какое-то грустное беспокойство, какое-то неравенство духа; казалось, он чем-то томился, куда-то порывался. По многим признакам я мог убедиться, что покровительство и опека императора Николая Павловича тяготили его и душили» (Какой астрологически точный термин: «душили!» — *Астролог*). До женитьбы Пушкин встречался с Путятой очень часто, читал ему свои произведения; Путята был посредником в намечавшейся дуэли Пушкина с Лагрене и много способствовал тому, чтобы дуэль не состоялась, был поверенным в его сердечных делах в пору увлечения А. Ф. Закревской.

Рядом с темой любви тут витает и близкая Близнецам тема смерти: Путята случайно оказался свидетелем казни декабристов и, без сомнения, рассказал о ней Пушкину; «надо полагать, что именно со слов этого очевидца Пушкин составил представление о расположении виселицы на валу Кронверка и о ходе казни, нашедшее отражение в знаменитом рисунке виселицы с пятью декабристами» [43]. В начале 1835 в «Сыне отечества» появилась очень неблагоприятная рецензия В. Б. Броневского на только что вышедшую «Историю пугачевского бунта», — и Путята (с которым, кстати, Пушкин долго не виделся), встретив Пушкина на Невском, начал разговор вопросом: «Александр Сергеевич, зачем не описали вы нам пером Байрона всех ужасов пугачевщины?» Это обычный разговор Льва с Близнецами, — констатирует Астролог, — пародирование упреков оппонентов, шутки, насмешки — и неважно при этом, что давно не виделись.

Соллогуб Владимир Александрович (20 VIII 1813—17 VI 1882) — граф; писатель. С Пушкиным познакомился в 1831, когда «только что женившийся Пушкин жил в Царском Селе». В 1836 между Пушкиным и Соллогубом чуть не произошла дуэль из-за светской сплетни: на бале Соллогуб с Натальей Николаевной обменялись колкостями, Пушкин вызвал обидчика на дуэль. Соллогуб твердо решил стрелять в воздух и выдержать выстрел Пушкина. Встретившись у Нащокина, которого Пушкин намеревался взять в секунданты, оба противника поняли, что никто не ищет кровавой развязки. Чистя свои длинные ногти, Пушкин сказал Соллогубу: «Неужели вы думаете, что мне весело стреляться? Да что делать? Я имею несчастье быть публичным человеком, а вы знаете, что это хуже, чем быть публичной женщиной». Беседа вышла почти дружеская (не могут Близнецы и Лев враждовать и ссориться! — *Астролог*). Был найден достойный выход из положения, и дуэль не состоялась. Продолжались встречи, шалости, шутки: достаточно вспомнить знаменитый рассказ о сайках, которые Пушкин с Соллогубом покупали на Толкучем рынке и предлагали разряженным щеголям на Невском! И еще раз зайдет между ними речь о дуэли: 4 ноября Соллогуб отвезет Пушкину анонимный пасквиль, полученный его теткой А. И. Васильчиковой. Пушкин попросит Соллогуба быть его секундантом, договориться с д'Аршиаком о материальной стороне дуэли и не вступать ни в какие переговоры. Соллогуб не послушался, в переговоры вступил — и Пушкин, хоть и был очень недоволен, взял свой вызов обратно. А потом Соллогуб уехал за границу...

В. А. Соллогуб. Рис. Л. Вагнера, 1843.

Лучшая фраза из его обширных воспоминаний о Пушкине: «В семействе он был счастлив, насколько может был счастлив поэт, не рожденный для семейной жизни». ...Насколько может быть счастлив тот, кто не может быть счастлив, — пушкинские поиски счастья «на протоенных путях» лучше и точнее никто не подытожил.

Хвостов Дмитрий Иванович (30 VII 1756—3 XI 1835) — поэт, «добрый, ласковый старец, который во весь век ни против кого, кроме себя самого, грешен не бывал» (Катенин [44]). Ну, конечно:

Граф Хвостов,
Поэт, любимый небесами,
Уж пел бессмертными стихами
Несчастье невских берегов...

Чтобы не смять уса лихого,
Ты к ночи одою Хвостова
Его тихонько обвернешь... —

да и еще более непочтительное употребление для «жесткой оды Хвостова» придумают эти Близнецы. Потешались над графом все кому не лень, высмеивали и зубастых голубков, разгрызающих сети, и осла, лезущего лапами на дерево, и самого Хвостова, выпускавшего все новые и новые издания своих творений во всех мыслимых жанрах и дарящего их знакомым и незнакомым. Ну что же, — заступится Астролог, — любит Лев лесть больше всего на свете, хочет, чтобы его хвалили, — так ведь как щедро платит за похвалу, и как умело устраивали свои дела люди, для своей пользы курившие ему фимиам! Льстецам, вроде Шаликова (которого М. Дмитриев публично обвинил, что тот хвалит Хвостова «за пятьсот рублей» [45]), Хвостов очень помогал. И ведь все издания многочисленные, переводы на иностранные языки, посылку своих творений иностранным знаменитостям — это все за свой счет; ведь это его, хвостовское, состояние таяло!

А Пушкина Хвостов любил, стихи ему

посвящал:

Тебе дала поэта жар
Мать вдохновения — природа,
Употреби свой, Пушкин дар
На славу русского народа...
...Любитель муз, с зарею майской,
Спеши к источникам ключей:
Ступай подслушать на Фурштатской,
Поет где Пушкин-соловей!

«Соловей в Таврическом саду»

И в письмах жаловал, призывал верить, что «творения ваши и мои будут оценены не сыщиками-современниками, а грядущим потомством» [46].

Впрочем, Близнецовый цинизм, кажется, Хвостову претил — о книге «Стихотворения Александра Пушкина» пиит заметит: «В ней таланта много, остроты довольно, блеску еще более. А шутки часто плоски или подлы...» [47]. А дальше, по поводу стихотворения «Наполеон», — неожиданно знакомая нам мысль: «О последнем [Наполеоне] похвала некстати. Он враг человечества и превозносимой свободы. Если Пушкин восхищается его гением, то что такое гений без доброго сердца?» (с. 272).

Оставь герою сердце! Что же
Он будет без него?

Получив ложное известие о смерти Хвостова, Пушкин напишет Плетневу: «Мой Юсупов умер, наш Хвостов умер» (22 июля 1831).

«Наш Хвостов...» Он действительно не так уж чужд был Пушкину; Вяземский, шутливо упрекая Пушкина (в письме от 16 и 18 октября 1825):

Ты сам, Хвостова подражатель,
Красот его любостяжатель,

имел на то не только шуточные основания: непредвзятый читатель Хвостова может уловить некоторые неожиданные отзвуки: «Там лодка ждет струистой влаги» («Весна в Петрополе 1829 года») — «так дремлет недвижим корабль в недвижной влаге...»; или: «беруся я Искусством оживить души твоей царицу» (басня «Лев и мудрая змея») — «для вас, души моей царицы...» («Руслан и Людмила»).

Д. И. Хвостов. Гравюра по рисунку О. Кипренского 1812 г.

Пушкин следил за всеми новинками Хвостова. «Пришлите же мне ваш «Телеграф». Напечатан ли там Хвостов? что за прелесть его послание! достойно лучших его времен» (Пушкин — Вяземскому, 28 января 1825). И творчество его хорошо знал, о чем свидетельствуют не только «плагиаты», но и скрытые аллюзии в письмах. Вот, например, Пушкин пишет Киреевскому по поводу закрытия журнала «Европеец»: «Донос, сколько я мог узнать, ударил не из булгаринской навозной кучи, но из тучи». Здесь скрыт намек на парадоксальную хвостовскую басню «Туча, Гора и Куча»: странники бредут по дороге и видят огромную тучу, которая пугает их; пройдя еще немного, они обнаруживают, что туча оказалась всего лишь горой; когда же

До места добрели,
Где видели Кавказ и тучу,
Лишь там стоглазые нашли
С песком большую кучу.

Мораль:

Мечтатель бед себя напрасно беспокоит:
Воображение не редко замки строит.

Пушкина не могло не восхитить в этой басне то, как Хвостов по-свойски расправился с законами оптики: ведь уда-

ленный предмет кажется меньше, а не больше своего реального размера. Впрочем, иконопись знает так называемую обратную перспективу, и с этой точки зрения у Хвостова все в порядке.

Дом Хвостова на Крюковом канале (№ 23) в Петербурге. Здесь на руках своего родственника-пиита умер Суворов, перед смертью заклинавший "Митю" не писать более стихов, — но на Хвостова заклинания не действовали.

Из общих с Пушкиным черт — особое внимание к теме смерти, соседствующее с макабрическим юмором. Один их хвостовских льстецов, некто Щедрицкий, заверял его: «Вы не умрете, сиятельнейший граф, хотя часто упоминаете о смерти» [48]; в самом деле Хвостов говорит о смерти и загробном мире часто и своеобразно — Евгению Болховитинову он пишет, что за промедление в издании его словаря будет ему «попрекать из гроба»; о своем переводе «Поэтического искусства» Буало заявляет, что «Тредьяковский прислал мне оный с того света...» [49].

Трудно удержаться и не привести как пример хвостовского черного юмора, так напоминающего пушкинские шуточки на тему смерти, характерный анекдот из его тетради анекдотов, поныне не изданной: «Покойный князь Кочубей 29 апреля 1834 года бывши на дворянском празднике, подошел к отставному тайному советнику Петру Андреевичу Кикину, между прочих разговоров спрашивал он у него о жизни деревенской и долго ли Вы пробудете здесь. — Кикин отвечал: Я в мае месяце опять поеду в Рязанскую деревню. Князь Кочубей продолжал: Я последую вашему примеру и сам за Вами вслед отправлюсь в мою Полтавскую вотчину. — Случай доказал, что оба они сдержали слово и отправились — Кикин простудился на бале и умер 18 мая; Князь Кочубей, одержимый тяжкою болезнию, около тех же чисел доехав до Москвы скончался не позже 3-го июня нашего штиля» [50]. Любопытно, что и Пушкин отметит в дневнике смерть князя Кочубея, — и отметит юмористически: запишет в дневник эпиграмму.

В басне «Старик и Три Юноши» Хвостов изображает юношей, ожидающих скорой и верной смерти некого старика — все, однако, происходит не так, как они рассудили:

Погибли юноши! — один дурак влюбился
И застрелился,
Другой ухлопан на войне,
А третий жизнь скончал морей на дне.
Старик доколе жив остался,
О них воспоминал — и часто сокрушался.

Неравнодушный к этой теме Пушкин словно подхватывает у Хвостова мотив, играя с количеством юношей и стариков, — сначала в стихотворении «Гроб юноши»:

Но старцы живы,
А он увял во цвете лет...

а затем и в «Скупом рыцаре»:

Цвел юноша вечор, а нынче умер,
И вот его четыре старика
Несут на сгорбленных плечах в могилу.

Хвостов и сам своей жизнью сам словно бы воспроизводит эту же трагикомическую ситуацию. Когда известие о его смерти в 1831, в разгар холеры, оказалось мнимым, Пушкин писал Плетневу: «С душевным прискорбием узнал я, что Хвостов жив. Посреди стольких гробов, стольких ранних или бесценных жертв Хвостов торчит каким-то кукишем похабным... Бедный наш Дельвиг! Хвостов

и его пережил. Вспомни мое пророческое слово: Хвостов и меня переживет. Но в таком случае, именем нашей дружбы, заклинаю тебя его зарезать — хоть эпиграммой» (3 августа 1831). Обращение не по адресу: Плетнев — не Дельвиг, и эпиграмм он никогда не писал. А Хвостов словно слышит эти угрозы литературных «убийц» и торжествует над их бессилием: «Может быть и я доживу до своего Занда, но Ж... говорит, что еще кинжалы тупы» [51].

Не пришлось, однако, Хвостова резать, Пушкина он не пережил: и на подлинную — не мнимую, не «литературную» — смерть Хвостова Пушкин никак не откликнется.

А после смерти оба певца Петербурга и его наводнений не захотели лежать в городе, в тесном обществе собратий по перу, — и «отправились»: Пушкин — в Святогорский монастырь, к матери, а Хвостов — в свою Выползову Слободку Переславского уезда, к отцу. И оба — так любившие жанр эпитафии, — не пожелали эпитафий на своих надгробиях, и вообще упоминаний о ремесле и призвании. «Здесь положено тело графа Дмитрия Ивановича Хвостова, действительного тайного советника, сенатора и кавалера», — гласит надгробие Хвостова [52].

Из области современного Пушкину и Хвостову макабрического юмора: смеющийся череп на надгробии в Александро-Невской лавре.

«И я смеюся над могилой...»

Близнецы — Дева

«Я говорил себе: страшися Девы милой»

Надгробие бригадира Н. А. Ольхина (1830-е гг.) в Александро-Невской лавре. Дева-плакальщица.

Знаки 1—4. Это всегда очень сложное сочетание, в котором один из знаков является вампиром, а другой — безвозмездным донором. Почему так? Ведь, казалось бы, все должно быть замечательно: Дева для Близнецов Материнский Знак, а Близнецы для Девы — Знак Профессии; оба знака принадлежат к Кругу Ума; и наконец, у них общий покровитель — Меркурий.

Начнем с Меркурия. Действительно, он дал Близнецам и Деве много общих качеств: быстроту реакции, прекрасную память, блестящую речь, остроумие, умение никогда не лезть за словом в карман, способности к риторике, к иностранным языкам, подвижность. А у Девы к тому же есть еще то, чем ее одарила Земля и чего никогда не видать легковесным воздушным Близнецам: аккуратность, терпение, способность вникнуть в любую проблему и методично довести до конца любое дело, бережливость, любовь к порядку.

Но вот беда: Меркурий у Близнецов — основной покровитель, а у Девы — как бы исполняющий его обязанности; вот и оказалась Дева в роли бедной падчерицы: при всех качествах, позволяющих рассчитывать на успех, при огромной гордости, амбициозности и тщеславии Деве не дали самого главного, без чего все ее добродетели просто ничего не значат. Ей не дал Меркурий Близнецового сумасшедшего везения, их обаяния, их беззаботной веры в авось, которая выручит их всегда и везде и откроет им без боя ворота всех городов. Например, делают Близнецы и Дева одну и ту же работу: Дева — изо дня в день, методично, шаг за шагом, а Близнецы — играя, от случая к случаю. И вдруг на этих «гуляк праздных» нисходит озарение — и все им рукоплещут, а Дева — в тени.

Да, слава в прихотях вольна —

но это Близнецы сказали, а Дева ни за что не хочет с этим согласится.

Принадлежа к одному Кругу Ума, Дева и Близнецы прекрасно чувствуют друг друга, видят друг друга изнутри, только Близнецам некогда задерживать внимание на Деве — у них всегда дел полно, а Дева — не спешит: она очень внимательно следит за Близнецами, для памяти ведя кондуит. От ее острого аналитического взгляда не укроется ни один промах Близнецов, благо и искать особенно не надо: они редко что-нибудь тщательно отделывают.

Дева — лучший аналитик во всем Зодиаке. Она прекрасно видит, где у

Близнецов тонко, и с нетерпением ждет, когда порвется. И часто не просто ждет, а стремится открыть людям глаза, вывести этих лентяев на чистую воду. Увы, почему-то мир не хочет видеть промахов Близнецов, и рвется у них крайне редко — а даже если и порвется, эти шарлатаны улыбнутся такой обаятельной улыбкой, что все тут же забывают обо всех их грехах.

Но все-таки Дева охотно общается с Близнецами: это ее Знак Профессии. У Близнецов всегда огромное количество идей, которые появляются совершенно ниоткуда; разрабатывать их, разумеется, им некогда, и они бросают их где попало и потом не вспомнят о них. А Дева подберет идейку, бережно ее вырастит, разовьет, любовно превратит в научную концепцию — и, глядишь, и Деву хвалят за необычайно важный для общества труд. И первые прибегут хвалить Близнецы: напишут хвалебных рецензий, назовут гением, расхвалят печатно и устно. Так что Деве прямая выгода от общения с Близнецами. Правда, бывает, что Близнецам для какой-то их головокружительной идеи нужно небольшое заземление в виде исторических источников, например, — и тогда они, не задумываясь, слизнут все, над чем Дева трудилась годами, как-нибудь так повернут, что и не догадаешься, откуда взяли, — и опять Близнецов все хвалят...

Знак Профессии — опасный; но еще опаснее для Девы то, что она для этих невероятных созданий обречена выполнять функции Материнского Знака. Это значит, что Близнецы с полным правом могут в любой момент взять у Девы все, что им нужно. Дева может ругаться, злиться, но ничего сделать не сможет: все равно отдаст. Близнецы вообще относятся к Деве потребительски, откровенно используют ее для выполнения каких-то рутинных дел, для улаживания всяких сложностей. Пушкин не успеет при жизни привести в порядок бумаги — и в их разборке, конечно же, примет участие Дева — этнограф И. П. Сахаров. Уладила Дева — спасибо, и дальше понеслись: с Девой им скучно, душно, разговоров ее душеспасительных, ее религиозности, долгих выяснений отношений вынести они не в состоянии. А Дева обижается и пишет обиды в кондуит.

Отношения могут развиваться либо по схеме: капризный, но гениальный ребенок — любящая мать; либо по схеме: вздорный, гадкий, невоспитанный ребенок — суровая, ничего не прощающая мать; не случайно мы встретим тут строгих цензоров — П. И. Гаевского, придиравшегося к «Цыганам», А. И. Михайловского-Данилевского, называвшего стихи Пушкина «мерзкими и развратительными», А. Л. Крылова, не пропускавшего по непонятным причинам стихи «Чудотворца-исполина Чернобровая жена» из «Пира Петра Великого», Е. И. Ольдекопа, запретившего отрывок из «Бориса Годунова»; и самых ожесточенных критиков ранних, юношеских творений Пушкина — А. Ф. Воейкова и И. И. Дмитриева (ребенок—мать). Но и во втором случае энергетические затраты Девы будут несоразмерно велики, и вообще бой с Близнецами Дева всегда проиграет. Увы, но факт: Близнецы Деве скорее вредны, чем полезны (хотя в роли терпеливой матери для Девы есть определенная выгода: ее станут с благодарностью вспоминать потомки, да и сами Близнецы, как правило, в долгу не остаются). А вообще для душевного спокойствия Деве надо бы свести общение с Близнецами до минимума, но она не умеет этого сделать.

Около Пушкина Дев много. На протяжении всей жизни, начиная с детства. Причем характерно, что мы практически не встретим здесь людей «свободных профессий»: музыкантов, художников. Писателей много, но, как правило, все они успешно совмещают писательский труд с продвижением по служебной лестнице (есть даже министр сре-

ди писателей!) Педагоги, священники, цензоры... Дева не любит быть не на своем месте. Тетушка, потом преподаватели Лицея во главе с директором стремились воспитать непокорного юношу, заставить его задуматься о душе; однокашники-лицеисты личным примером пытались показать, каким должен быть приличный гражданин; после выхода из Лицея многочисленные цензоры бдительно следили, чтобы в его сочинениях не было крамолы, чтобы они отвечали высоким задачам отечественной литературы. Многие Девы, знакомые поэта, в юности служили в лейбгвардии Гусарском полку (Каверин, В. А. Шереметев, И. Г. Чернышев-Кругликов) — и Пушкин застал их бурную молодость. Впоследствии все эти лихие гусары заняли вполне подобающие Деве посты, но с Пушкиным отношения сохранили, и ему, Пушкину, на этих постах были весьма полезны. Много поэтов, писателей — какая же Дева не пишет? Ну хоть дневник, хоть кондуит, хоть альбом... Эти альбомы Дев — вообще особая тема для разговора, поскольку благодаря Девьей аккуратности и бережливости до нас дошло так много пушкинских автографов, воспоминаний о поэте. Поэты-Девы относились к Пушкину по-разному: был Дмитриев, который так сурово отнесся к первой поэме Пушкина; был Кукольник (вот типичная ситуация Девьей зависти к Близнецам, захлестнувшей Деву и выросшей до размеров страсти); были молодые поэты и писатели, которые тщательно записывали в свои дневники и альбомы каждое слово Пушкина — и он щедро раздавал им векселя на получение бессмертия. Были друзья, просто выполняющие функции Материнского Знака так, как положено. Вообще же в отношениях Пушкина с мужчинами-Девами сильнее чувствуется присутствие пушкинского Знака Профессии для Девы, так как в мужчинах сильно развито профессиональное тщеславие и зависть к успехам других. Отсюда сложности в отношениях Пушкина с мужчинами-Девами, но все-таки это трудности не глобального порядка, ибо и от функций Материнского Знака любого, даже самого завистливого писателя-Деву никто не освобождал.

А вот с женщинами совсем другое дело. Около Пушкина великое множество женщин, рожденных под этим знаком, и они гораздо лучше, чем одержимые своими профессиональными амбициями мужчины-Девы, понимали, в чем их призвание в отношениях с Пушкиным. Они его опекали, — правда, часто опека была по-Девьи слишком навязчивой, а их «материнское» вмешательство в его жизнь слишком беспардонным, — но в таких случаях Близнецы прекрасно знают, что надо делать: с очаровательной улыбкой они исчезают, оставив Деве мадригал в альбоме. Среди женщин-Дев нет у поэта врагов. Пушкина тянуло к женщинам-Девам: он не стесняясь набирается у них душевного спокойствия и сил, они утешают его в минуты печали. Это ангелы. Именно так он их, как правило, и называет. И жену он себе хотел и нашел среди них. Другое дело, что ей этот его выбор не принес ничего, кроме невозможности спокойно жить ни при жизни, ни после нее.

Дев очень много, но «друзей души» среди Дев нет: все заботы Дев — о земном Пушкине. И когда ему стало совсем невмоготу на земле, они этого не поняли и не почувствовали. Сколько их было рядом с Пушкиным в дни, предшествующие дуэли; именно они встречаются ему по пути на Черную Речку — Наталья Николаевна, Н. Ф. Лубяновский — и не остановили, ничего не заметили; Лубяновский, впрочем, нашел, что Пушкин «бодр и весел» (да, с интуицией у Девы не очень...). Зато потом, когда пришло время «печально подносить лекарство», они все тут как тут: В. Ф. Вяземская, Ю. П. Строганова, потребовавшая даже у Бенкендорфа прислать жандармов для охра-

нения вдовы от беспрестанно приходящих студентов. Даже умирает Пушкин в доме Девы. Астрология учит, что четвертый дом (т. е. материнский знак) — место смерти, и для Пушкина местом смерти стал реальный, каменный дом, принадлежавший Деве — С. Г. Волконской!

«Убит. К чему теперь рыданья?» А вот Деве рыданья всегда к чему, и смерть Пушкина дала возможность многим Девам наиболее ярко проявить свой характер. Но не будем излишне суровы к Девам: они много помогали Пушкину, он был к ним, как правило, снисходителен. Последуем его примеру и мы.

Воейков Александр Федорович

(10 IX 1778 или 1779—28 VI 1839) — поэт, критик, журналист, издатель многочисленных журналов, член «Арзамаса» (под прозвищем «Две огромные руки»). «Это был страстный эгоист, с громадным самомнением, поддержанным случайным успехом... Он был чуток к новым литературным веяниям, не проникаясь ими, не понимая их и не признавая того, что было в них шагом к новой жизни: его «Дом сумасшедших» — сатира без исхода в будущее... Он хотел быть чем-то, но это не давалось и раздражало; чуткость обращалась в чередование гиперболических восхвалений, деланных восторгов и пасквилей; среди всего этого его самосознание торжествовало дешевую победу; отсутствию твердых убеждений, кроме культа своей личности, отвечала неразборчивость средств и легкие переходы от грязного поступка к раскаянию. Его боялись и признавали его вкус...» Такой портрет Воейкова нарисовал А. Н. Веселовский [1]. Пушкин познакомился с этим человеком в послелицейский период в Петербурге.

С замыслом «Руслана и Людмилы» связано послание Воейкова к Жуковскому, в котором автор описывает свой идеал сказочной поэмы в «русском вкусе». Педантичной Деве будущая поэма рисуется высокоупорядоченной и расчерченной по строгому плану:

Состязайся ж с исполинами,
С увенчанными поэтами;
Соверши двенадцать подвигов:
Напиши четыре части дня,
Напиши четыре времени,
Напиши поэму славную,
В русском вкусе повесть древнюю...
...Мы имели славных витязей,
Святослава со Добрынею;
А Владимир — русско солнышко...
...Петр — Самсон, раздравший челюсть
льва,
Великан между великими...

Мечтания Девы о нумерологически стройной сказочной поэме, Жуковским так и не сочиненной, запомнились Пушкину; уже после создания «Руслана...», в 1821, он писал Дельвигу: «Напиши поэму славную, только не четыре части дня и не четыре времени» (23 марта). В своей же сказочной поэме Пушкин все советы Воейкова выворачивает наизнанку: пишет поэму прихотливую, малоупорядоченную, а вместо настойчиво рекомендуемого «великана» и вовсе выводит «карлу». Не удивительно, что Воейков обрушился на поэму с обстоятельнейшей критикой («Сын отечества», 1820, №34-37), в ходе которой выяснилось, что сочинение Пушкина не укладывается в известные Воейкову критерии, а потому и остался без толкового ответа главный вопрос критика: «Поэма «Руслан и Людмила» не эпическая, не описательная и не дидактическая. Какая же она?» [2]. Бесчисленные «погрешности» Пушкина приводят Воейкова в столь свойственное ему шутливое расположение духа: «Могильный голос...» — не голос ли это какого-нибудь неизвестного нам музыкального орудия?.. «Немой мрак...» — смело до

А. Ф. Воейков.

непонятности, и если допустить сие выражение, то можно будет напечатать: говорящий мрак, болтающий мрак, болтун мрак...» Все в поэме Пушкина — неправильно и невозможно, доказывает автор, гордящийся своей правильностью; между тем его критика вызывает возмущение именно в том литературном кругу, к которому Воейков так бы хотел принадлежать: «Такими замечаниями не подвинешь нашей литературы», — пишет А. И. Тургенев Вяземскому; в результате критик сам попал в неловкое положение — впрочем, не в первый и не в последний раз (правильность, которой так гордится Дева, не всегда умиляет окружающих — *Астролог*).

Пушкин относился к Воейкову без всякого уважения, не упускал случая отплатить своему «другу»; например, в письме к брату из Кишинева он предлагает издавать «Revue des bévues» («обозрение промахов» — *Авт.*), куда «мы поместили бы выписки из критик Воейкова» (1-10 января 1823). «Кто такой этот В., который хвалит мое целомудрие, укоряет меня в бесстыдстве, говорит мне: *красней*, несчастный? (что, между прочим, очень неучтиво), говорит, что характеры моей поэмы писаны мрачными красками этого нежного чувствительного Корреджио и смелою кистию Орловского, который кисти в руки не берет и рисует только почтовые тройки да киргизских лошадей» (Гнедичу, 4 декабря 1820, по поводу разбора «Руслана...»); «читая рецензии Воейкова..., мне казалось, что подслушиваю у калитки литературные толки приятельниц Варюшки и Буянова» (Вяземскому, 6 февраля 1823).

А Воейков не оставляет попыток уместить Пушкина в рамках строгих пиитических правил — его отзыв (положительный) о «Бахчисарайском фонтане» напоминает тщательно и аккуратно заполненную анкету: «*План* не хитрый, не многосложный, но искусно развернутый; *ход* легкий, *связь* естественная, *занимательность* час от часу возрастает; *характеры* привязывают, *положения* трогают» [3]. Далее — вновь настойчивый совет Пушкину изобразить какого-нибудь великана русской истории: Владимира, Иоанна или Ермака. Иронический ответ Пушкина на эти благие советы мы, похоже, слышим в «Воображаемом разговоре с Александром I» (написан как раз в конце 1824); в этом варианте судьбы Пушкин после горячего спора с царем оказывается в Сибири, где, видимо, остужает себе голову холодноватой пиитикой à la Воейков и пишет «поэму «Ермак» или «Кочум», разными размерами с рифмами».

Напиши поэму славную...

Постепенно отзывы Воейкова о Пушкине становятся почти панегирическими, и Пушкин, при всем скептическом отношении к нему, не прерывает литературных и личных отношений: «Так как Воейков ведет себя хорошо, то думаю прислать и ему стихов — то ли дело не красть, не ругаться по-матерну, не перепечатывать, писем не перехватывать и проч. — люди не осудят, а я скажу спасибо» (брату, 27 марта 1825). «Булгарин хуже Воейкова» (брату, 1 апреля 1824), и Пушкин никогда не отказывался от союза с Воейковым против Булгарина и Полевого. Когда Воейков переставал занудствовать и отдавался родной юмористической стихии — в знаменитом «Доме сумасшедших», «Пересмешнике» или «Хамелеонистике» (сатирических разделах журналов Воейкова «Славянин» и «Литературные прибавления к Русскому Инвалиду»), — то вызывал порой и одобрение Пушкина: «Жаль, что ты не разобрал Устрялова по формуле, изобретенной Воейковым для Полевого», — писал Пушкин Вяземскому (декабрь 1836), имея в виду «Хамелеонистику», где ядовито-комический эффект возникал из умелого сопоставления цитат.

К бестактным выходкам Воейкова Пушкин относился терпимо: когда тот, без позволения Пушкина, напечатал в «Литературных прибавлениях к Русскому Инвалиду» (1831, № 79) пушкинское восторженное письмо о «Вечерах...»

Гоголя и тем самым втолкнул поэта, против его желания, в гущу полемики, — Пушкин махнул рукой: «мое дело сторона» (А. А. Орлову, 24 ноября 1831 и 9 января 1832).

Смерть Пушкина огорчила Воейкова, в «Доме сумасшедших» он осудил убийцу поэта, а в письме к А. Я. Стороженко от 4 февраля 1837 писал сокрушенно, хотя и играя по привычке словами: «Причиною ссоры между творцом «Онегина» и творцом пакостей была, как говорят, ревность». И тут же: «На днях мы схоронили великана русской поэзии».

Так и не удалось Воейкову убедить Пушкина написать о «великане» — и он дарит эту сказочную роль самому Пушкину.

Воронцова Елизавета Ксаверьевна

урожд. графиня Браницкая (19 IX 1792—27 IV 1880) — жена М. С. Воронцова (с 1820). «Элиза» «Дон-Жуанского списка». Поэта очень влекли к себе женщины-Девы; «Элиза» — хронологически первая в этом ряду, замыкаемом Натальей Николаевной. И, как правило, рядом с женщиной-Девой всегда находится другая; в Одессе это Амалия Ризнич (увы, приходится внести ее в самый длинный список пушкинских знакомых: тех, чья дата рождения нам неизвестна). Пушкину нужны земные женщины, нужны их устойчивость, рассудительность, их холодный анализ — на какое-то время: чтобы потом опять вернуться к своим вечным безумным полетам и авантюрам. Графиня Воронцова была очаровательна: «Со врожденным польским легкомыслием и кокетством желала она нравиться, и никто лучше ее в том не успевал. Молода она была душой, молода и наружностью. Быстрый, нежный взгляд ее небольших глаз пронзал насквозь; улыбка ее уст... так и призывала поцелуи» (Ф. Ф. Вигель). Дева, — поддакнет Астролог, — вообще отличается очарованием и изяществом, но не надо забывать, что это знак из Круга Ума: за нежной грацией прелестной кошечки кроется холодный ум. «Графиня Воронцова — единственная женщина, которая посмела сделать исключение из правил (идти навстречу любовным желаниям императора Николая). Легкомысленная молодая женщина... из гордости или расчета выскользнула из рук царя, и это необычное поведение доставило ей известность», — вспоминает в книге «Царь Николай и святая Русь» француз А. Галле де Кюльтюр. Одесские рукописи поэта щедро украшены профилями «прекрасной женской головы спокойного величавого типа», как пишет П. В. Анненков. Но есть и письмо Пушкина к некоей женщине, в котором он обещает в угоду своей корреспондентке изобразить «madame de... в 36-ти позах Аретино».

Однажды поэт во время прогулки с двумя Девами (Воронцовой и

Воронцова. Рисунок Т. Лоуренса; рис. Пушкина 1824.

В. Ф. Вяземской) подвергся действию девятого вала, так что пришлось переодеваться; Воронцова вместе с Вяземской участвовала в подготовке побега Пушкина из Одессы (Материнский Знак!), она же подарила поэту перстень-печатку с сердоликом с арабской надписью; до конца дней она сохранила теплое воспоминание о поэте и любовь к его стихам. А стихов действительно много:

Там, под заветными скалами,
Теперь она сидит, печальна и одна...
Одна... никто пред ней не плачет, не тоскует;
Никто ее колен в забвеньи не целует...
Никто ее любви небесной не достоин.
Не правда ль: ты одна... ты плачешь... я спокоен... —

«Небесная» — этот эпитет у Пушкина относится только к женщинам-Девам (Дона Анна, без сомнения, одна из них); а удивительное для беспокойного Пушкина «я спокоен» — великолепный образец мужского и Близнецового эгоизма и уверенности в Девьей предназначенности ему — увы, безосновательной.

Желаю славы я, чтоб именем моим
Твой слух был поражен всечасно, чтоб ты мною
Окружена была, чтоб громкою молвою
Все, все вокруг тебя звучало обо мне,
Чтоб, гласу верному внимая в тишине,
Ты помнила мои последние моленья
В саду, во тьме ночной, в минуту разлученья.

Это верно: Дева «не внемлет и не видит», моленьями ее трудно склонить к жалости; по жестокости она может соперничать с Близнецами — но ей приятно, чтобы ее молили, а еще приятнее, чтобы человек, ее о любви молящий, был всемирно известен и чтобы о его к ней любви и о ее стойкости и добродетели узнали все.

Ты ждал, ты звал...я был окован;
Вотще рвалась душа моя:
Могучей страстью очарован,
У берегов остался я...

Опять очень точно астрологически: любовь к Деве и любовь Девы действительно напоминает оковы — тут очень значимы слова «долг», «должен»; и уж если выбираешь Деву — то придется остаться «у берегов», на земле: опасных авантюр Дева не любит.

Прощай, письмо любви, прощай! Она велела...
Как долго медлил я, как долго не хотела
Рука предать огню все радости мои...

«Велела» — очень точный глагол: императивности Деве не занимать; это основное наклонение, в котором она строит свои отношения с людьми. И не любит непослушания.

Все кончено: меж нами связи нет.
В последний раз обняв твои колени,
Произносил я горестные пени.
Все кончено — я слышу твой ответ.

Дева точна и непреклонна: «все кончено» — это на языке Девы значит именно, что все кончено. А Пушкину осталась поэтическая тема двусмысленной верности — тема «верной жены», родившаяся из очередной злой шутки Близнецов. Однажды Воронцова «прошла мимо Пушкина, не говоря ни слова, и тут же обратилась к кому-то с вопросом: что нынче дают в театре? Не успел спрошенный раскрыть рот для ответа, как подскочил Пушкин и... с улыбкою сказал: «La sposa fidele, comtesse » [Верная супруга, графиня]». Та отвернулась и воскликнула: Какая наглость!» [4].

...Хандра ждала его на страже
И бегала за ним она,
Как тень, иль верная жена.

«Онегин», 1:LIV

Воронцова прожила долгую жизнь, до конца дней «сохраняя о Пушкине теплые воспоминания», но уничтожила «небольшую связку с письмами Пушкина». Бог с ней, историей и русской литературой: главное — чтобы не было следов.

Прощай, письмо любви...

Вяземская Вера Федоровна

урожд. княжна Гагарина (17 IX 1790—20 VII 1886) — княгиня, жена П. А. Вяземского. Для Астролога друж-

ба Пушкина с княгиней Верой — блистательный пример отношений с Материнским знаком. Сама княгиня Вера, кажется, прекрасно отдавала себе в этом отчет: «Я пытаюсь приручить его к себе, как сына, — пишет она о Пушкине мужу, — но он непослушен, как паж... право, он только и делает, что ребячества...». И в другом письме: «Мы с ним в прекрасных отношениях; он забавен до невозможности. Я браню его, как будто бы он был моим сыном...» [5].

Пушкин делился с Вяземской недоразумениями, возникавшими в связи с его женитьбой на Гончаровой, просил ее быть посаженной матерью (какой астрологический каламбур! Женщину, принадлежащую к Материнскому Знаку, действительно просят выполнить формальные функции посаженной матери — *Астролог*). Вяземская, когда откладывалась свадьба Пушкина, ездила по его просьбе к Н. И. Гончаровой и «просила скорее кончать» [6]; она же была одной из немногих, посвященных в тайну предстоящей дуэли с Дантесом: именно ей Пушкин сообщит, что послал письмо барону Геккерну. Она присутствовала при смерти поэта и утешала его жену. Будучи в курсе всех подробностей личной жизни Пушкина, она считает себя вправе вмешиваться, давать советы (любимое занятие Девы: она всегда знает, как надо — *Астролог*). Пушкин был с нею откровеннее, чем с ее мужем. Был ли роман — или Пушкин остался, по выражению Ф. Ф. Вигеля о Вяземской, одним из «баранов, закланных на алтарь супружеской верности», какая разница? «Прощайте, чета, с виду столь легкомысленная, прощайте, князь Вертопрахин и княгиня Вертопрахина» (Вяземскому, 1 декабря 1826). С женщинами-Девами Пушкин «откажут — мигом утешался», а вот дружбой Материнского Знака дорожил. И Вяземская на всю жизнь сохранила «живую, сочувственную память о Пушкине».

Вяземская. Акварель Бинемина; рис. Пушкина 1826.

↓Дмитриев Иван Иванович

(21 IX 1760—15 X 1837) — поэт, баснописец. Пушкин видел Дмитриева еще в детстве, в доме своих родителей. Именно Дмитриев, в бытность свою министром юстиции, подтвердил сам факт существования Пушкина: выдал Сергею Львовичу свидетельство, что «недоросль Александр Пушкин есть действительно законный сын служащего в Комиссариантском штате 7-го класса С. Л. Пушкина». В первом же опубликованном произведении Пушкина — «К другу стихотворцу» — Дмитриев оказывается в ряду абсолютных авторитетов:

> ... Дмитриев, Державин, Ломоносов,
> Певцы бессмертные, и честь и слава россов...

Ломоносов и Державин вполне по праву изъяты Пушкиным из литературных споров, поставлены вне всякой критики: первый давно умер, второй — признанный патриарх; но Дмитриев, казалось бы, автор пока еще весьма далекий от такой канонизации; и тем не менее Пушкин именно его — и даже не Карамзина! — включает в свой краткий

перечень «бессмертных»: поистине, Материнский знак — и мать, конечно же, должна быть любящей и нежной:

Ванюша Лафонтен!
Ты здесь — и Дмитрев нежный
Твой вымысел любя,
Нашел приют надежный
С Крыловым близ тебя...

«Городок»

Почему бы, в самом деле, не быть Дмитриеву, так трогательно воспевшему муки «сизого голубочка», «нежным»; почему бы не довериться ему, не искать именно у него теплой поддержки, защиты, покровительства? Он и в самом деле порой ведет себя как любящий родственник: в 1818 участвует «всем сердцем... в его [Пушкина] болезни» и «по заочности любит, как прекрасный цветок поэзии, который долго не побледнеет» [7].

Дмитриев. Литография Мошарского с оригинала Калашникова. 1830-е гг.

Каково же было неприятное изумление Пушкина, когда «нежный» Дмитриев обошелся с ним, как с напроказившим мальчишкой: пустил гулять несколько язвительно-уничтожительных отзывов о «Руслане...» — и ведь каких обидных отзывов! Сравнил с «Энеидою» Осипова [8], которого Пушкин так не любил, называл «холодным, однообразным» (в письме А. А. Бестужеву, 13 июня 1823); Воейкову сказал: «Я тут не вижу ни мыслей, ни чувств: вижу одну чувственность» — и это якобы частное мнение, изображающее Пушкина похотливым юнцом, Воейков торжествующе предал тиснению [9]. И наконец, в письме Вяземскому пожалел, что Пушкин «не поставил в эпиграф известный стих с легкою переменою: La mère en défendra la lecture à sa fille » [10]. Без этой предосторожности поэма его с четвертой страницы выпадет из рук добрыя матери» (письмо Вяземскому, 20 октября 1820) [11].

«Мать запретит...» — «Мать дочери велит на эту сказку плюнуть...» Дева-мать отнеслась весьма сурово к своему своевольному дитяти, и Пушкин долго помнил обиду: сохраняя все внешние признаки пиетета (подарил Дмитриеву, словно назло его мнению, экземпляр «Руслана...»), не упустил случая поиздеваться над дряхлеющим поэтом вместе с Языковым в Тригорском, сочинив цикл «нравоучительных четверостиший» — пародий на наивные морализирующие «Апологи» Дмитриева. Самая жестокая из этих пародий называется «Мартышка»:

Мартышка с юных лет прыжки свои любя,
И дряхлая еще сквозь обручи скакала;
Что ж вышло из того? — лишь ноги изломала.
Поэт! на старости побереги себя!

Образ «обезьяны» у Пушкина ассоциируется с самыми смешными и постыдными сторонами минувшего осьмнадцатого столетия, которому безвозвратно принадлежит и устаревший Дмитриев: «Чем меньше любим мы женщину, тем вернее можем овладеть ею. Однако эта забава достойна старой обезьяны XVIII столетия» (брату, осень 1822). Уж не отплатил ли Пуш-

Аллегорическая статуя «Юность» (А. Гарсиа, Италия, 1722). Эту деву с мартышкой — гостью из осьмнадцатого столетия Пушкин и Дмитриев могли лицезреть, гуляя по Летнему Саду.

кин «мартышкой» за то давнее обвинение в «чувственности вместо чувства»? Впрочем, дело, конечно, не только в этом: вообще — «что такое Дмитриев? Все его басни не стоят одной хорошей басни Крылова...» (Вяземскому, 8 марта 1824).

Отплатил сполна за обиду — и успокоился: в 1830-е гг. завязалась переписка между Пушкиным и Дмитриевым, полная взаимных реверансов, выражений восхищения и тонкой, но взаимно хорошо понимаемой иронии по поводу литературных оппонентов: «Ваши «Годунов», «Моцарт и Салиери» доказывают нам, что вы не только Поэт-Протей, но и сердцеведец, и живописец, и музыкант» (Дмитриев — Пушкину, 1 февраля 1832); «Переживите наше поколение, как мощные и стройные стихи ваши переживут щедушные нынешние произведения»; «Переживите молодых наших словесников, как ваши стихи переживут молодую нашу словесность» (Пушкин — Дмитриеву, 14 февраля 1832; 14 июня 1836).

Дмитриев — и «молодая наша словесность», обреченная тлену; где же видит себя Пушкин? Он, так плохо этой «молодой словесностью» понимаемый, теперь скорее с Дмитриевым, с «бессмертными» — по ту сторону «современности» и времени, которое в конце концов стерло все лишнее и оставило лишь память о ласке — почти материнской — «нежного Дмитрева».

И Дмитрев не был наш хулитель;
И быта русского хранитель,
Скрижаль оставя, нам внимал
И Музу робкую ласкал...

Пропущенные строфы 8 главы «Онегина»

Загряжская Наталья Кирилловна

урожд. графиня Разумовская (16 IX 1747—31 III 1837) — кавалерственная дама, дальняя родственница Н. Н. Пушкиной. Характерный анекдот — в нем вся Дева: однажды Загряжская сказала великому князю Михаилу Павловичу: «Не хочу умереть скоропостижно. Придешь на небо, как угорелая и впопыхах, а мне нужно сделать Господу Богу три вопроса: кто были Лжедмитрии, кто — Железная Маска и шевалье д'Еон — мужчина или женщина?» Деве все надо разложить по полочкам, приготовить заранее, — комментирует Астролог, — экспромтов и импровизаций, если речь идет о ней самой и ее драгоценной душе, она не выносит; и характерна мелкость вопросов, с которыми она собирается обратиться к Богу. Нет высшего синтеза, воображения, полета фантазии — что же делать? Зато какой анализ, какая любовь к мелочам и деталям — и какая память на них! «В доме родственников своих, князя и княгини Кочубеевых, —рассказывает Вяземский, — Загряжская была какою-то историческою представительницею времен и царствий давно прошедших. Она была, как эти старые семейные портреты, которые украшают стены салонов новейшего поколения... Пушкин заслушивался рассказов Натальи Кирилловны». Эти рассказы частично записаны поэтом, многие из них вошли в «Table-talk »; а в пушкинской поэтической галерее лиц восемнадцатого столетия, возможно, есть и ее изображение: по мнению Нащокина, в образе графини из «Пиковой дамы» много от Загряжской.

Н. К. Загряжская. Литография

Умерла совсем скоро после Пушкина. Все-таки странно, почему за смертью Пушкина последовала смерть стольких Дев — случайность?

Каверин Петр Павлович

(20 IX 1794—12 IX 1855) — гусар, член «Зеленой лампы» и Союза благоденствия; перенесен Пушкиным из жиз-

ни в литературу с такой ловкостью, что даже трезвый Вяземский, забыв о границах вымысла и реальности, пишет о нем нечто весьма странное: «Каверин был товарищем и застольником Евгения Онегина, который с ним заливал шампанским горячий жир котлет».

К Talon помчался он: уверен,
Что там уж ждет его Каверин... —

Каверина в местах, подобных Talon, можно было действительно увидеть очень часто. Это был один из известнейших бретеров и повес своего времени. Его поговорка «Где нам, дуракам, чай пить, да еще со сливками!» пережила много десятилетий, вошла в литературу (ее цитирует Печорин в лермонтовском «Герое нашего времени») вместе с самим Кавериным. Холодным цинизмом он решительно перещеголял своего вымышленного приятеля: после дуэли Шереметева и Завадовского, когда смертельно раненный Василий Шереметев «несколько раз подпрыгнул на месте, потом упал и стал кататься по снегу», Каверин, его секундант, подошел к нему и сказал: «Что, Вася? репка?» [12] (в смысле: вкусно ли? репа — народное лакомство). Пожалуй, Онегин смутился бы от такого поворота гастрономической темы, хотя и любил отобедать с Кавериным во французском ресторане.

Каверин. Неизв. худ.
Рис. Пушкина 1819 — Каверин?

В четверостишии «К портрету Каверина» Пушкин рисует образ гуляки-гусара: «В нем пунша и войны кипит всегдашний жар»; однако в послании «К Каверину» (написано в извинение за то, что Пушкин поместил в «Ноэль на лейб-гусарский полк» куплет о Каверине, не прочтя его самому герою) возникает совсем иной образ:

Все чередой идет определенной,
Всему пора, всему свой миг;
Смешон и ветреный старик,
Смешон и юноша степенный...
...Черни презирай ревнивое роптанье;
Она не ведает, что дружно можно жить
С Киферой, с портиком, и с книгой, и
с бокалом;
Что ум высокий можно скрыть
Безумной шалости под легким покрывалом.

Этот портрет смутил Вересаева («Спутники Пушкина»), который никак не мог поверить, что Каверин «обладал высоким умом» и — несмотря на показной цинизм — благородной душой. Однако друг Каверина, Н. Тургенев, рассказывает о нем нечто такое, что может заставит нас поверить скорее Пушкину, чем Вересаеву: в письме брату Сергею Тургенев сообщает о выходках своего двоюродного брата-крепостника и продолжает: «Сравни же с этим поступок *повесы* Каверина, к которому кучер принес 1000 рублей и просил за это свободы. Он ему отвечал, что дал бы ему свои 1000 р. за одну идею о свободе: но, не имея денег, дает ему отпускную» [13].

И общение «повесы» с Пушкиным не ограничивалось выпиванием на спор бутылок рома: «Поводом к сочинению оды «Вольность» послужил разговор поэта с Кавериным: проезжая с ним ночью на извозчике мимо Инженерного замка — может быть на Фонтанку к Тургеневым — Пушкин вызвался написать стихи на это мрачной здание» [14].

Каверинская тема у Пушкина — свобода, благородство и ум, по прихоти скрытые под маской; и тогда становится ясно, почему Пушкин сделал его другом Онегина, который имел серьезную возможность, минуя все свои демонические обличия, оказаться просто «добрым малым», а в черновиках романа — даже (не без некоторого надрыва, который Пушкин,

наверное, поморщившись, убрал) «очень добрым»:

И знали ль вы до сей поры,
Что просто — очень вы добры?

А строки Пушкина о том, что «всему пора, всему свой миг», которые не могли не порадовать Каверина-Деву, поразительно подошли к судьбе самого Каверина: пройдет пора гусарства и бретерства, и Дева, как ей и положено, начнет истово печься о своей душе, готовясь предстать перед Всевышним в самом выгодном свете. Станет продавать в церкви свечи, петь в хоре акафисты; в дневнике его самыми частыми выражениями станут: «Господи, прости! прости! прости!». Веселая молодость греховна — и за нее надо долго просить у Бога прощения.

Корф Модест Андреевич

(22 IX 1800—13 I 1876) — барон, лицейский товарищ Пушкина. В Лицее отличался благонравием. «Имеет счастливые способности и прилежание, поддерживаемое честолюбием и чувством собственной пользы... Никогда нельзя ему сделать ни малейшего упрека... В обращении столь нежен и благороден, что во время нахождения его в лицее ни разу не провинился; но осторожность и боязливость препятствуют ему быть совершенно открытым и свободным» — из отзывов преподавателей. Естественно, от беспокойного и непочтительного к начальству Пушкина благочестивый «Мордан-дьячок», уже в Лицее помнящий о душе и беспрестанно читающий церковные книги, держался подальше. Но за успехами товарища (как и за промахами) следил весьма усердно и в назидание потомкам оставил подробные воспоминания: «В Лицее он решительно ничему не учился, но как и тогда уже блистал своим дивным талантом, а начальство боялось его едких эпиграмм, то на его эпикурейскую жизнь смотрели сквозь пальцы, и она отозвалась ему только при конце лицейского поприща выпуском его одним из последних... Вспыльчивый до бешенства, с необузданными африканскими (как его происхождение по матери) страстями, вечно рассеянный, вечно погруженный в поэтические свои мечтания, избалованный с детства похвалою и льстецами, которые есть в каждом кругу, Пушкин ни на школьной скамье, ни после, в свете, не имел ничего привлекательного в своем обращении. Беседы ровной, систематической, связной у него совсем не было; были только вспышки: резкая острота, злая насмешка, какая-нибудь внезапная поэтическая мысль, но все это только изредка и урывками, большею же частью или тривиальные общие места, или рассеянное молчание, прерываемое иногда, при умном слове другого, диким смехом, чем-то вроде лошадиного ржания...» Просто не воспоминания, а «шутки злости самой черной», как скажет Пушкин позднее о Смирновой-Россет, — так ведь Материнский Знак: мать может относиться к ребенку со строгостью и любовью, а может с одной строгостью и придирчивостью. Но она всегда старше, и всегда по отношению к Близнецам Дева занимает положение судьи; в случае Корфа судьи — строгого и немилосердного: о «милости к падшим» здесь не может быть и речи.

Пушкин был к Корфу абсолютно равнодушен. Но Судьба, словно в насмешку над благочестивым Корфом, привела ему после Лицея жить в одном доме с беспутным Пушкиным (ныне набережная Фонтанки, д. 185). Корф по выходе из Лицея усердно служил, делал блестящую карьеру и брезгливо наблюдал недостойную жизнь бывшего однокашника. В воспоминаниях своих он усердно фиксировал: «В свете Пушкин предался распутствам всех родов, проводя дни и ночи в непрерывной цепи вакханалий и оргий. С таким образом жизни естественно сопрягались и частые гнусные болезни. В нем не было ни внешней, ни внутренней религии (вот то главное обвинение Пушкину, под которым подпишется любая Дева! — *Астролог*), ни высших нравственных чувств... Вечно без копейки,

вечно в долгах, иногда почти без порядочного фрака (в оценках Девы это не меньшее преступление, чем отсутствие религии — *Астролог*), с беспрестанными историями, с частыми дуэлями, в близком знакомстве со всеми трактирщиками, непотребными домами и прелестницами петербургскими, Пушкин представлял тип самого грязного разврата».

Что ж, очень недурная внешняя характеристика Близнецов. Хоть и виделись Пушкин с Корфом, живя в одном доме, от случая к случаю, но не обошлось без столкновения. Камердинер Пушкина (будучи не очень трезв — весь в хозяина!) поссорился в передней Корфов с камердинером Корфа; тот вышел на шум и побил слугу Пушкина; Пушкин возмутился и вызвал Корфа на дуэль — Корф ответил таким письмом: «Не принимаю твоего вызова не потому, что ты Пушкин, а потому, что я не Кюхельбекер». Действительно «не к лицу и не по летам»: «Корф в гору да в гору», как постоянно с гордостью писал Энгельгардт, — как же он может запятнать себя дуэлью с каким-то Пушкиным? Но внешние отношения сохранялись. Встречались при дворе (один камергер, другой — камер-юнкер...), на праздновании лицейских годовщин (аккуратный Корф посещал их регулярно: Дева дорожит связями, традициями). В 1836 Корф любезно прислал Пушкину составленный им когда-то каталог иностранных сочинений о России, касающихся эпохи Петра и нужных Пушкину для работы над историей Петра Великого: хорошему, полезному делу Дева всегда готова споспешествовать. Пушкин благодарил и признавался: «Прочитав эту номенклатуру, я испугался и устыдился: большая часть цитованных книг мне неизвестна». В это Астролог верит охотно: Близнецам никогда не собрать такой библиографии, какую соберет дотошная и усидчивая Дева.

Последняя встреча Корфа с Пушкиным произошла за несколько дней до гибели поэта. Корф был тяжело болен, и Пушкин приехал его навестить. (Близнецы, как правило, проявляют некоторое внимание к своему Материнскому Знаку: могут разок-другой приехать «подушки поправлять» — *Астролог*). Впоследствии Корф писал: «Кто видел его, за несколько дней перед смертью, у моей постели, конечно, не подумал бы, что он, в цвете сил и здоровья, ляжет в могилу раньше меня».

Дни наши сочтены не нами...

Кукольник Нестор Васильевич

(20 IX 1809—20 XII 1868) — поэт, романист, драматург. Всю жизнь ненавидел Пушкина. В «драматической фантазии» «Доменикино» рассказал о судьбе итальянского художника Возрождения Доменикино Цампиери, много пострадавшего в жизни от клеветников и завистников. Во главе завистников стоит художник Ланфранко, полный злобы к Доменикино, всячески преследующий его, разбивающий его жизнь:

Куда укрыть невинные глаза
От злобных взоров зависти бесстыдной? —

восклицает в отчаянии несчастный Доменикино.

Ланфранко! Есть потомство! Эта зависть
На памяти твоей, как рана ляжет.
Пока потоп или преставленье света
Не уничтожат память Цампиери,
До той поры, при каждом лоскутке,
Рукой страдальца освященном, люди
Врагов его с презрением воспомнят! —

стихи эти, оказывается, насквозь автобиографичны. В дневнике [15] в июне 1836 Кукольник записывает: «Не хотел бы я жить ужасною жизнью Цампиери... но, если того требуют судьбы искусства: да будет! Уже в большой мере судьба наша сходствует: нам не удалось найти почитателей наших талантов, а только приятелей, любящих в нас людей, с тайною холодностью к нашим способностям; вражда сохудожников с примесью клеветы; и у меня есть свой Ланфранко — Пушкин...»

Дошли, вероятно, до Кукольника немногие пренебрежительные отзывы Пушкин о его стихах — «А что, ведь у Кукольника есть хорошие стихи? Говорят, что у него есть и мысли» [16]; «в Кукольнике жар не поэзии, а лихорадки» [17], — и вот найден, наконец, и настоящий Моцарт и настоящий Сальери! Да, — заметит Астролог, — Дева всегда завидует Близнецам и в глубине души их не любит; она всегда считает себя во всем выше Близнецов, но глупая слава, как правило, «осеняет головы» этих праздных гуляк, а Дева, со всеми ее достоинствами, остается непонятой и неоцененной...

29 января 1837 Кукольник записал в дневнике: «Пушкин умер... Он был злейший мой враг; сколько обид, сколько незаслуженных оскорблений он мне нанес — за что?.. Я никогда не подавал ему ни малейшего повода. Я, напротив, избегал его, как избегаю вообще аристократии: а он непрестанно меня преследовал... Но в сию минуту забываю все и, как русский, скорблю душевно об утрате столь замечательного таланта» (Вот, мол, какой этот Пушкин гадкий и низкий и вот какой я высокий и благородный...)

Кукольник. Рисунок К. Брюллова, ок. 1836.

Нелединский-Мелецкий Юрий Александрович

(17 IX 1752—25 II 1829) — князь; поэт, автор известных сентиментальных романсов («Выду я на реченьку», «Ох! тошно мне» и др.), статс-секретарь при Павле I. Неоднократно посещал Царскосельский лицей. В 1816 ему заказали стихотворение на бракосочетание принца Вильгельма Оранского (будущего голландского короля) с великой княгиней Анной Павловной — сестрой Александра I; поэт, чувствуя, что не справляется с заданием, едет по совету Карамзина в Лицей к юному Пушкину — и через час или два увозит от него готовые стихи о подвиге принца, раненого при Ватерлоо.

Нелединский-Мелецкий. Гравюра А. Тайхеля.

Не удивительно, что у стихотворца осталось от этой встречи ощущение необыкновенной легкости, которую он, чуть позднее, узнал и в «Руслане...». «Спросите в книжных лавках и, буде продают, то купите себе поэму «Руслан и Людмила» молодого Пушкина, — рекламировал Нелединский-Мелецкий своего спасителя в письме к А. П. Оболенскому. — Ручаюсь, что это чтение вас позабавит. Легкость удивительная, мастерская» [18].

У Пушкина же об этом сотрудничестве с Девой остается воспоминание совсем не легкое: золотые часы — подарок императрицы, по лицейскому преданию, разбил о каблук; каялся в черновых строках послания Шишкову (1816):

Простите мне мой страшный грех, поэты,
Я написал придворные куплеты,
Кадилом дерзостным я счастию кадил.

Впрочем, эти строки вычеркнул, а упоминание в том же послании Нелединского-Мелецкого в весьма почетном ряду оставил: «Тибулл, Мелецкий и Парни». Позднее упомянул Мелецкого в совсем ином, не таком возвышенном контексте: в двусмысленной эпиграмме 1829 года на какого-то рубаку, по совместительству сочинителя:

Счастлив ты в прелестных дурах,
В службе, в картах и в пирах;

Ты St.-Priest в карикатурах,
Ты Нелединский в стихах!

А в серьезнейшем и глубоком стихотворении «Недвижный страж дремал на царственном пороге...» использовал редкую архаическую строфику, которую применил Нелединский-Мелецкий в переводе оды Тома «На время» (1813).

Одним словом: ясно своего отношения в старому пииту не выразил, в последовательности замечен не был.

Оленина Анна Алексеевна

(23 VIII 1808—30 XII 1888) — дочь А. Н. и Е. М. Олениных. Еще одна «Дева-роза» на пути Пушкина. В 1817 Оленин представил Пушкину свою дочь, которая уже знала его стихи наизусть, но поэт, занятый Клеопатрой-Керн, не обратил внимания на девятилетнюю девочку — и Дева обиженно поджала губки: она так старалась, а ее не похвалили! Она этого не забудет. Вновь они встретятся через 10 лет — Пушкин посватается и получит отказ, останется «бесприютен» (Приютино — так называлась мыза Олениных под Петербургом) и «с оленьими рогами», как шутила остроумная Екатерина Ушакова. А Пушкин рисовал профили Аннетты на рукописях «Полтавы», испещрял бумагу анаграммами ее имени — «Etenna», «Aninelo» , — и даже пробовал, как выглядит подпись «Annete Pouchkine» .

Рисуй Олениной черты...

To Dawe, esq^r

Но сам признайся, то ли дело
Глаза Олениной моей!...

(Эта строчка возмутила и саму Анну Алексеевну, и ее папеньку: как это «моей»! Кто позволил такую вольность!?)

...Потупит их с улыбкой Леля —
В них скромных граций торжество;
Поднимет — ангел Рафаэля
Так созерцает божество.

«Ее глаза»

Воспел глаза — сам же «жадно» следил «по блестящему паркету за ножками молодой Олениной»: «ее нога была действительно очень мала, и почти никто из ее подруг не мог надеть ее туфель» [19]. Это записала о себе, в третьем лице, сама наблюдательная Аннетта, не только читавшая возвышенные стихи, но и замечавшая, куда направлены тайные взгляды. Так что напрасно искал в ней Пушкин «детской простоты» — того, что искал он во всех женщинах-Девах.

Ангел-Оленина рядом с демоном-Собаньской... 1828 — «самый разгульный пушкинский год», по замечанию Ахматовой. Собаньска, Закревская — тут нужна была ангельская кротость и скромность, чтобы как-то уравновесить, охладить пламя страстей. Пушкин к женщинам-Девам прибегает именно как к Материнскому Знаку — знаку земли, которая призвана дать ему силы, отдохновение и покой. Но, увы, Дева редко на это соглашается.

Тебя страшит любви признанье,
Письмо мое ты разорвешь...

Вспомним — это уже было: мотив уничтожаемого любовного письма, обращенного к Деве — Воронцовой.

Ангел кроткий, безмятежный,
Тихо молви мне: прости,
Опечалься: взор свой нежный
Подыми иль опусти...

«Предчувствие»

Ни к кому, кроме Дев, Пушкин не обращается так часто словом «ангел» — избитым, банальным; но склонную к банальной сентиментальности Деву оно трогает до слез. И не забудем, — напоминает Астролог, — что ангелы холодны и бесчувственны, так что и с этой точки зрения название очень подходит «холодным, чистым, как зима», недоступным красавицам, рожденным под Знаком Девы.

Это была хорошенькая куколка — маленькое, грациозное создание; она метко стреляла из лука (научил отец), — однако Пушкин не сравнил ее с Амуром, не прельстился банальным подобием, и называл ее, по свидетельству Вяземского, «драгунчиком» [20], — за другую спортивную доблесть: ловкость в верховой езде. Характерно, что Пушкин, охотно переад-

ресовывавший свои стихи, поступает так и со стихами, посвященными Олениной: стихотворение «Вы избалованы природой» он посвятил, — правда, со значительными вариациями, — и Олениной, и Елизавете Ушаковой (обе Девы — какая разница! — *Астролог*).

Аннетта Оленина не любила Пушкина за растрепанность («ужасные бакенбарды, растрепанные волосы, ногти как когти, маленький рост, жеманство в манерах, дерзкий взор на женщин...» — дневник, 18 июля 1828). Ее привлекали мундиры, ордена — казацкая форма А. П. Чечурина («мундир его, не казаков донских, привлек на себя с первого взгляда мое внимание» — 19 июля 1828), и в особенности полковничий, а потом и генеральский мундир красавца-князя А. Я. Лобанова-Ростовского, к которому Аннетта питала безнадежную страсть и который предстал перед ней после взятия Варны «генералом с отличительным знаком, венчающим заслуги и храбрость — орденом Св. Георгия» (17 октября 1828). Разве не удивительна эта осведомленность в званиях и отличительных знаках, достойная скорее Скалозуба, чем двадцатилетней девушки?

Наивная, уже знакомая нам по Воронцовой, эгоистическая уверенность Пушкина в своих правах на Деву обманула его; якобы произнесенная им фраза: «Мне бы только с родными сладить, а с девчонкой я уж слажу сам» была передана Аннетте и привела ее в ярость. Однако Пушкин недолго горевал по поводу отказа. Ему, собственно, была нужна не сама Аннетта, а Дева, — простенькая, хорошенькая, абсолютно пустая. (Но что же ножки — самые маленькие ножки Петербурга, приковавшие взоры Пушкина? У Олениной «вот какие маленькие ножки, а черт ли в них?» — скажет он А. П. Керн).

А мотив «укрощения строптивой» был предан поэтической обработке:

Кобылица молодая,
Честь кавказского тавра,
Что ты мчишься, удалая?
И тебе пришла пора...
...Погоди; тебя заставлю
Я смириться подо мной:
В мерный круг твой бег направлю
Укороченной уздой... —

обидно, очень обидно! Так Пушкин отомстил за отказ, а еще обиднее — в набросках восьмой главы «Онегина»:

Тут Лиза Лосина была
Уж так жеманна, так мала
Так неопрятна, так писклива,
Что поневоле каждый гость
Предполагал в ней ум и злость.

Так расстался Пушкин с мифом о «детской простоте» Олениной, — и все же медлил навсегда расстаться с возвышенным воспоминанием о ней: оно ведь сулило еще поэтические строки, которых

А. А. Оленина. Портрет работы П. Ф. Орлова, 1825; рис. Пушкина 1829.

7 Заказ № 2600

Оленина почему-то боялась больше, чем эпиграмм. Пушкин «довольно скромный... Я даже с ним говорила и перестала бояться, чтобы не соврал чего в сентиментальном роде», — замечает она с облегчением (дневник, 22 июня 1828). Увы, слишком рано «перестала бояться».

Я вас любил: любовь еще, быть может,
В душе моей угасла не совсем...

внизу приписка рукою А. С. Пушкина: Plusqueparfait [давно прошедшее], 1833.

Когда б не смутное влеченье
Чего-то жаждущей души,
Я здесь остался б — наслажденье
Вкушать в неведомой тиши:
Забыл бы всех желаний трепет,
Мечтою б целый мир назвал —
И все бы слушал этот лепет,
Все б эти ножки целовал...

1833. В дороге

На память приходят стихи, навеянные Девой-Воронцовой:

Могучей страстью очарован,
У берегов остался я... —

здесь то же понимание покоя, который дает Дева, традиций, тишины — но теперь этот покой отвергнут ради «смутного влеченья». Деве этого никогда не понять: поступиться всем ради неведомо чего, что нельзя даже выразить словами — ненужная и опасная блажь!

Каждый получает, чего хочет: Аннетта сама с изумительной ясностью в своем дневнике и стихах нарисовала свой идеал: «И так как супружество есть вещь прозаическая, без всякого идеализма, то рассудок и повиновение мужу заменит ту пылкость воображения и то презрение, которым я отвечаю теперь мужчинам на их высокомерие и мнимое их преимущество над нами» (7 июля 1828). Тут же, в собственном стихотворении, нарисован будущий

Супруг не идеальный, а простой,
Не Аполлон он Бельведерский,
Не Феба дивный ученик,
А просто барин Новоржевский,

а будущая супружеская жизнь изображена в скромных тонах, по иронии литературного случая простодушно заимствованных из 2 главы «Онегина», — словно Пушкин еще раз зло пошутил над своим неприступным «ангелом»:

Она с рукой рассудок отдала.
А сердце? бросила с досады
И ум хозяйством заняла...
...Итак, она принуждена...
...Заняться просто садом,
Садить капусту «рядом»,
Расходы дома проходить
И птичий двор свой разводить.

Избежав бурной и неспокойной жизни с Пушкиным, Оленина в возрасте 32 лет, в 1840 году, обрела, наконец, искомый покой семейной жизни, и она была «верная супруга» и «добродетельная мать» своим детям. «Строгое соблюдение супружеского долга и правил чести было для нее гордым удовлетворением. Глубокая вера и религиозность, возвышая душу, помогали ей во дни горести. Помощь обездоленным и заботы о нуждающихся были для нее заветами, которым она следовала скромно, помня, что "счастлив только дающий"», — так написала о ней ее внучка.

Павлов Николай Филиппович

(19 IX 1803—10 IV 1864) — писатель. Встречался с Пушкиным в Москве по возвращении поэта из ссылки. Как писатель Павлов приобрел известность в 1835, после выхода его «Трех повестей», которые Пушкин, по словам А. П. Керн, читал «с большим удовольствием»; славу карточного игрока Павлов приобрел гораздо ранее. «С Павловым не играй», — предостерегал Пушкин добродушного Нащокина (11 июня 1831), и, видимо, не без основания: «образ жизни Павлова нечист: он живет на чужой счет; говорят, что он обыгрывает простяков в карты, — писал Н. И. Надеждин, близко знавший Павлова, Е. В. Сухово-Кобылиной. — Сам по себе Павлов не имеет сердца, но у него есть ум» [21].

«Он хотел утвердиться на паркете, заставить забыть свое холопское происхождение... Он теперешнею своею жизнию мстит свету, который жестоко оскорбил

его», — утверждает Надеждин [22] (Павлов действительно был вольноотпущенным, сыном «дворового человека»). В 1831 Павлов опубликовал в журнале «Телескоп» (№ 6) стихотворение «К N. N.», которое молва немедленно отнесла к молодой супруге Пушкина, — женоненавистническую инвективу, полную туманных обвинений и пророчеств, которые, если все-таки применить их к Пушкину, увы, можно счесть частично сбывшимися:

Павлов. Рисунок Э. А. Дмитриева-Мамонова, 1848.

Нет, ты не поняла поэта
И не понять тебе его:
Зачем же спрашивать ответа
Ему у сердца твоего!

Не для небесных вдохновений,
Не для любви созрела ты,
Но для безжизненных волнений,
Но для мертвящей суеты...

...Кружись, блистай на сцене света:
На ней так сладко торжество!..
Нет, ты не поняла поэта
И не понять тебе его!..

Пушкин не любил Павлова и передавал Нащокину совет поссориться с ним, «яко с лицом, уныние наводящим» (письмо Верстовскому, ноябрь 1830); антипатия, впрочем, была взаимной. Достоинств «Трех повестей» Пушкин не мог не оценить, но все же вставил в свой (не изданный при жизни) отзыв весьма обидные слова о том, что герой Павлова, «любимец его воображения» (читай: отражение самого автора) имеет «черты, обнаруживающие холопа», — явный намек на биографию Павлова и вытекающие отсюда его психологические свойства. Что же, «личность» за «личность».

Пушкина Наталья Николаевна

урожд. Гончарова (8 IX 1812—8 XII 1863) — жена поэта. «[Пушкин] тебе ... непременно будет отвечать, как скоро протрезвится от своей свадьбы. Впрочем, глядя на его милую жену, он, мне кажется, еще долго будет пьян», — докладывает свидетель свадьбы, А. В. Веневитинов, Шевыреву [23].

Исполнились мои желания. Творец
Тебя мне ниспослал, тебя, моя Мадона,
Чистейшей прелести чистейший образец.

Желания действительно исполнились: многократные попытки обрести семейный очаг с земной женщиной, с «ангелом кротким» увенчались успехом. Творец внял мольбам поэта. «Я женюсь без упоения», «в тридцать лет люди обычно женятся; я поступаю как люди»; «счастье живет лишь на проторенных путях» — кто не помнит всех этих пушкинских высказываний о браке? «Меня не пускали за границу; мне надо было что-то делать с собой — и вот я женился», — говорил Пушкин Брюллову.

Вот, наконец, предпринята попытка «остаться у берегов» и дать «могучей страсти» себя оковать и очаровать. Болдинская осень 1830 — какой взлет любовной лирики! прощание со всеми, дарившими счастье; именно потому они вспоминаются с такой яркостью, с такой любовью, что с ними нужно расстаться, теперь, через много лет, раз и навсегда — Дева их не потерпит:

...нельзя при ней
Иную замечать, иных искать очей...—

«Дева»

Но разве возможно для Близнецов «не замечать иных»?

...но почему ж порой
Не погружуся я в минутное мечтанье,
Когда нечаянно пройдет передо мной
Младое, чистое, небесное созданье,
Пройдет и скроется?..

*«К***»*

Ревность Натальи Николаевны была несносна. (Тут хочется вспомнить «Русалку»:

— Княгиня нас послала.
Она боялась за тебя.
— Несносна
Ее заботливость!...)

«Как тень иль верная жена» — кошмар брака наяву. «Я должен был на тебе жениться, потому что всю жизнь был бы без тебя несчастлив» — можно ведь прочитать и так: «Никогда бы не изведал, что происходит на этих общих путях». Судьба много раз пыталась отвести поэта от общих путей, и от Натальи Николаевны словно отводила — но он так настойчиво просил: «Ну дай же мне изведать этого счастья, что живет на общих путях! Дай мне попробовать оков и цепей!» — что ж, Судьбе для Близнецов ничего не жалко.

О, как милее ты, смиренница моя!..

Мой идеал теперь хозяйка,
Да щей горшок, да сам большой...

Не дай мне бог сойти с ума...

«Сойти с ума» — вот чего Пушкин боялся всю жизнь. Поиски земной женщины, «смиренницы», «ангела кроткого» — тоже попытка убежать от безумия; но тут-то и появляется «щей горшок» — это для Близнецов невыносимо. Не спасает «ангел кроткий».

Н. Н. Пушкина с дочерью Машей. Рисунок Н. И. Фризенгоф.

«Какая ты дура, мой ангел!» — а в чем, собственно, она виновата? Уже которое десятилетие ее обвиняют все кому не лень: и ноль она, и пустая светская кукла, — но она же и не обещала мужу быть «академиком в чепце», не скрывала «спокойного равнодушия своего сердца»: она его не обманывала. Это он ее такую выбрал, чтобы попробовать, спасет или не спасет. Не спасла — и кто виноват, что Близнецам плохо? Дева, конечно. Кто виноват, что Пушкин проверил еще один путь бегства от безумия, достижения счастья — и он тоже оказался ложным? (Но он ведь еще до женитьбы знал, как все будет: «Черт догадал меня грезить о счастье, как будто я для него создан»). Не дано Близнецам покоя, счастья на общих путях — а все в один голос: она, Дева виновата во всем. Материнский Знак — ничего не поделаешь: и далее будет Наталья Николаевна виновата во всех грехах и ошибках своего мужа. (И сама она, видимо, чувствовала за собой вину, замаливала ее: до конца жизни постилась по пятницам — день смерти Пушкина). Ей не прощают ничего: «Я провожала Натали Пушкину... — вспоминает С. Н. Карамзина. — Бедная женщина! Но вчера она подлила воды в мое вино — она уже не была достаточно печальной, слишком много занималась укладкой...» [24] — обычную Девью аккуратность ей вменяют в вину. А ведь ей с ним было гораздо хуже и труднее, чем ему с ней. Как она еще смогла выносить его так долго? Действительно «ангел кроткий». И за дуэльную историю ее винить бессмысленно: двое беспутных воздушных кавалеров около земной, да к тому же такой юной женщины!

Н. Н. Пушкина. Рис. Пушкина 1832.

А она ведь так старалась ему «подходить»:

Когда склонясь на долгие моленья,
Ты предаешься мне нежна без упоенья,
Стыдливо-холодна, восторгу моему

Едва ответствуешь, не внемлешь ничему
И оживляешься потом все боле, боле —
И делишь наконец мой пламень
поневоле —

это стихотворение гораздо шире того чисто эротического смысла, который в него принято вкладывать. Дева понимает, что ее святая обязанность слушаться мужа, соответствовать ему, делать так, чтобы он был ею доволен. Но нет в ней от природы огня и «восторгов пылких», она по природе своей «нежна без упоенья»; слишком рассудочна, холодна — что же делать?

Зато со вторым мужем (Рыбой) был просто рай. 1849 год; Наталья Николаевна посылает мужу свой портрет работы Макарова и дает ему точное наставление, как нужно осторожно обмыть губкой портрет в том случае, если на масле останутся следы оберточной бумаги; Ланской моет портрет так усердно, что в новом письме Наталья Николаевна предостерегает его: «Обмывая меня слишком часто, ты можешь меня смыть...» [25].

Сумасшедшие Близнецы: сначала ищут земной Девы, а потом винят ее в том, что она земная. Бедная Дева!

Раевская Елена Николаевна

(10 IX 1804—22 IX 1852) — дочь Н. Н. Раевского. Общалась с Пушкиным в Крыму, на Кавказе, в Кишиневе, в Одессе. «Елена была девушка очень стыдливая, серьезная и скромная. Она отлично знала по-английски и переводила из Байрона и В. Скотта на французский язык; но втихомолку рвала свои переводы и бросала. Брат рассказал о том Пушкину, который под окном подбирал клочки бумаг и обнаружил тайну. Он восхищался этими переводами, уверял, что они необыкновенно близки» [26]. Пушкин, у которого своя книга, и даже «ветхий Дант», нередко выпадала из рук, любили подбирать чужие бумажки — лазил он под стол и за клочками Жуковского: «Что Жуковский бросает, то нам еще пригодится» [27]. А Элен — такая воздушная, неземная, Элен так больна...

Увы! зачем она блистает
Минутной, нежной красотой?
Она приметно увядает
Во цвете юности живой...
...Спешу в волненьи дум тяжелых,
Сокрыв уныние мое,
Наслушаться речей веселых —

обычный для Близнецов вампиризм по отношению к Деве, — отметит Астролог, — утешения, успокоения ищут они около нее. Дева любит болеть и казаться больною — ей это идет. Только эфирная Дева переживет Пушкина.

Рис. Пушкина 1821-1822. Ел. Раевская?

Радищев Александр Николаевич

(31 VIII 1749—24 IX 1802) — истинный Материнский Знак: «вослед Радищеву» Пушкин, во-первых, «восславил свободу», а во-вторых,

Радищев, рабства враг, цензуры избежал,
И Пушкина стихи в печати не бывали;
Что нужды? Их и так иные прочитали.

«Послание цензору»

Соболевский Сергей Александрович

(22 IX 1803—18 X 1870) — друг Пушкина. Страстный любитель книги: собрал библиотеку в 25000 томов. Как библиофил и библиограф (кстати, занятие, в котором методичная аккуратная Дева не знает себе равных, — *Астролог*) пользовался большой известностью в Западной Европе. Автор многочисленных эпиграмм, часто приписывавшихся Пушкину. Впрочем, любил не только духовное — материальному тоже отдавал должное: основал бумагопрядильную фабрику и сильно разбогател. «Он жил в свое удовольствие, никому не принося пользы и не имея настоящих друзей. В сущности он не любил никого, дорожил очень немногими, а остальных презирал

и преследовал своими злыми и остроумными эпиграммами (Николай Полевой, между прочим, в дневнике называл его «демоном» [28] — *Авт.*). Его железный характер тяготел над людьми, близкими ему; он их забирал в свои руки и заставлял плясать под свою дудку. Те же, которые не поддавались, попадали в немилость», — так характеризует Соболевского его современница Новосильцева.

А Пушкину, похоже, было все равно, железный характер у его приятеля или нет. И даже лучше, если железный: будет проще улаживать его, Пушкина, запутанные дела. Познакомился Пушкин с Соболевским еще когда посещал брата в Благородном пансионе. Соболевский был его однокашником. Уже тогда он начал выполнять разные поручения поэта. А уж по возвращении Пушкина из ссылки Соболевский сделался просто незаменим: «Александр жить без него не может», — писала Ольга Сергеевна. И верно: «Руслана и Людмилу» к печати он готовил, изданием второй главы «Онегина» и «Братьев разбойников» ведал, посредником в отношениях Пушкина с «Московским телеграфом» выступал, сложные финансовые дела поэта вел; а со сколькими людьми познакомил Пушкина: братья Полевые, «любомудры», Мицкевич, Мериме (правда, заочно, но Близнецам ведь все равно)! Как рекламировал Пушкина в Европе! А дом на Собачьей площадке, который всегда был открыт для Пушкина во время его приездов в Москву; а две предотвращенные дуэли: с Ф. И. Толстым и В. Д. Соломирским! Правда, последнюю дуэль не предотвратил — но только потому, что в ту пору был в Европах, а то бы непременно: это все в один голос говорят. От женитьбы отговаривал, словно предчувствовал недоброе: зная, что мать невесты сильно выпивает, высказался весьма резко и эпиграмматично: «Зачем ты берешь этих барышень? Она целый день пьет и со всеми лакеями» [29]. Увы, оказался одной из нянек-Дев, у которых дитя без глазу...

Соболевский. Рисунок К. Брюллова.

Надо сказать, что Пушкин не оставался в долгу (Деву нельзя ни в коем случае оставлять без благодарности за ее труд! — *Астролог*). Пушкин специально напечатал один экземпляр «Цыган» на пергаменте и в знак особого расположения преподнес приятелю — можно ли было лучше угодить собирателю книжных редкостей! А портрет Пушкина работы Тропинина — он ведь был заказан поэтом специально для Соболевского и подарен ему. Так что с благодарностью все в порядке: обижаться не на что. Однако относился Пушкин к доброму приятелю в основном потребительски, хотя, разумеется, никогда не давал Соболевскому даже заподозрить такой ужас. В письмах речь все о делах, о деньгах — духовной близости особой, похоже, не было. Пушкин повернут к нему практической и приятельской сторонами — что же удивляться, что Соболевский скажет о Пушкине: «Пушкин столь же умен, сколь практичен, он практик, и большой практик; даже всегда писал то, что от него просило время и обстоятельства» [30]. Пушкин-практик и конъюнктурщик — забавное отражение получилось в зеркале Соболевского!

Людей возвышенных и серьезных Соболевский бесил: «У Веневитинова рассердил Соболевский, говоря о пиесах Пушкина, — пишет Погодин в дневнике (30 октября 1827). — На все смотрит этот чудак с пирожной стороны...» Пушкина это «пирожное» воззрение на мир нисколько не раздражало: он лишь добродушно иронизирует над сластолюбием Соболевского, называет его «животом», Фальстафом, Калибаном; письма обычно заканчивает так: «Прощай, обжирайся

на здоровье». «Соболевского прозвали брюхом Пушкина», — доносил Фон-Фок Бенкендорфу [31]. Этакий Фальстаф, приходящий на выручку, когда нужно прогнать хандру. Летом 1834 Пушкин пишет жене о беспутной жизни брата и добавляет: «Соболевский им руководствует, и что уж они делают, то Бог ведает. Оба довольно пусты». А вот стихи, Соболевскому посвященные:

У Гальяни иль Кольони
Закажи себе в Твери
С пармазаном макарони,
Да яичницу свари...
...Подадут тебе форели!
Тотчас их варить вели,
Как увидишь: посинели, —
Влей в уху стакан шабли.
Чтоб уха была по сердцу,
Можно будет в кипяток
Положить немного перцу,
Луку маленький кусок.

Сразу видно, что стихи обращены к Деве, — скажет наш Астролог: так подробно расписано, как ехать, что спросить, что в уху положить, как варить, как есть... Пушкин словно понимает: Дева, женщина или мужчина, всегда интересуется малейшими деталями быта.

Толстой Лев Николаевич

(9 IX 1828—20 XI 1910) — очень любил читать Пушкина. Но любил читать по-Девьи: извлекая из прочитанного пользу («Пушкин — наш общий учитель»), любил, чтобы ему объясняли («Прочел статьи Белинского — я только теперь понял Пушкина»). А вообще и к творчеству этого «общего учителя» подходил с менторской указкой и линейкой: «Повести Пушкина голы как-то»; «Попробуйте найти в пушкинских стихах неудачное слово» — это была любимая «проверка на вшивость» друзей-писателей. И находили ведь совместными усилиями неудачные слова — например, «обвивала» в «Туче»: молния не может обвивать.

В то же время извлекал из своего Знака Профессии немало ценного для своего творчества. Один пример. Пимен советует Григорию:

Описывай, не мудрствуя лукаво,
Все то, чему свидетель в жизни будешь:
Войну и мир...

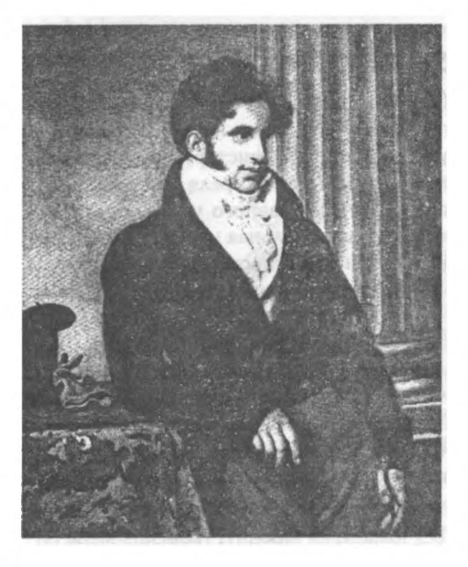
Для Пушкина достаточно. А для Девы — «голо как-то»; он примет слова Пимена на свой счет, все подробнейшим образом, во многих томах, опишет; да и пушкинское название взять не забудет.

Уваров Сергей Семенович

(26 VIII 1786—16 IX 1855) — с 1818 президент Академии наук, с марта 1833 управляющий Министерством народного просвещения, с апреля 1834 министр, председатель Главного управления цензуры. (Блистательная карьера для Девы! И какая неуклонность: в юности увидел во сне, что стал министром просвещения, — и добился этого! — *Астролог*). Однако титул графа получил лишь в 1846 и к старинной аристократии не принадлежал. Пушкин же принадлежал — но не имел уваровских государственных чинов и карьеры не сделал. Не удивительно, что отношения Уварова с Пушкиным постоянно вертятся вокруг темы чина, статуса, места в иерархии.

Один из основателей «Арзамаса», автор ряда сочинений, среди коих выделяется любопытным названием французское «Письмо о преимуществе умереть молодым» (этим преимуществом сам Уваров не воспользовался), поклонник Жуковского, остроумно сравнивший его однажды с Байроном: «В стихах Байрона находил я некоторое сходство с вами, но он одушевлен гением зла, а вы гением добра» [32] (Пушкин словно вторит Уварову, когда в разговоре со Сперанским, переданном в дневнике, сравнивает его и Аракчеева с гениями добра и зла, стоящими у входа в историю), — таково одно отражение Уварова в истории русской культуры. Другое его отражение — совсем иного свойства: «Представляя из себя знатного барина, — пишет о нем историк С. М. Соловьев, — Уваров не

имел в себе ничего истинно-аристократического; напротив, это был слуга, получивший порядочные манеры в доме порядочного барина Александра I, но оставшийся в сердце слугою... Люди порядочные, к нему близкие, с горем признавались, что не было такой низости, которой бы он был не в состоянии сделать».

Уваров. Портрет работы О. Кипренского, 1816.

Пушкина Уваров имел возможность наблюдать в продолжение всего творческого пути; он даже присутствовал на знаменитом экзамене 8 января 1815 года. Но к сближению с Пушкиным Уваров начинает стремиться в начале 1830-х гг., когда у него зарождается мечта (словно он увидел еще один сон!) направить перо Пушкина, заставить его издавать благонамеренную газету под бдительным оком министерства народного просвещения [33]. Тогда-то он и начинает восхищаться «прекрасными, истинно народными стихами» Пушкина, переводит на французский стихотворение Пушкина «Клеветникам России» — правда, в весьма вольной манере: в частности, появилась у него отсутствующая у Пушкина кровожадная мысль, что «для торжества одного из народов нужно, чтобы погиб другой». Как справедливо пишет П. Е. Щеголев, «Пушкин мог быть только неприятно поражен теми результатами, к которым привело Уварова логическое развитие мыслей, прокламированных в оде «Клеветникам России» [34]. Уваров прислал Пушкину свой перевод — и Пушкин ответил ему со свойственной Близнецам искренностью: «Стихи мои послужили Вам простою темою для развития гениальной фантазии. Мне остается от сердца Вас благодарить за внимание мне оказанное и за силу и полноту мыслей великодушно мне присвоенных Вами» (Пушкин Уварову, 21 октября 1831).

А от издания газеты под крылом Уварова Пушкин уклонился — и получил разрешение через другое министерство (внутренних дел). Правда, и там газеты не издал — но приобрел верного пожизненного врага в лице Уварова, который стал говорить, «что Пушкин никогда не сможет издать хорошую газету из-за недостатка характера, настойчивости, прилежания» (дневник Н. А. Муханова, 7 июля 1832 [35]). Впрочем, здесь он оказался прав...

Пушкин об Уварове: «Могущественное лицо *из числа моих друзей*» (письмо к Н. Б. Голицыну, 10 ноября 1836).

Врагов имеет в мире всяк,
Но от друзей спаси нас, Боже!
Уж эти мне друзья, друзья!

Истинных «друзей» Уварова в эти годы следовало искать уже не рядом с Жуковским и Пушкиным, но в совсем иной компании: «Ужасное известие о связи Уварова с Сенковским, Булгариным и проч., и об союзных действиях, — записывает в дневнике Погодин. — Вот вам и блюститель просвещения! Он же и жандарм» [36].

И все же — «друзья»... Когда Уваров в 1833 пригласил поэта посетить вместе с ним Московский университет, этот «дружеский» жест было вызвано тонким расчетом: «отблеск пушкинской

славы падал при этом и на него» [37]. А вот попытки Пушкина использовать в интересах друзей «дружескую связь» с Уваровым успеха не имели: когда он пытается помочь вдове А. А. Шишкова издать его перевод трагедии Гете «Эгмонд», ходатайство кончается ничем.

В глубине души Уваров, естественно, никогда не любил Пушкина; вечный «слуга», «холоп» в душе (несмотря на успехи по службе и чины), он уже в 1830 оскорбительно отозвался о пристрастии Пушкина к своей родословной: «Что он хвалится своим происхождением от негра Аннибала, которого продали в Кронштадте [Петру Великому] за бутылку рома!» [38]. И Булгарин, — тот же Булгарин, который некогда в доносе на «Арзамас» именно Уварова (вкупе с Николаем Тургеневым) обвинил в либеральном растлении «лицейских студентов» [39]! — делает за Уварова грязную работу: пишет по этому его наущению пасквиль. «Уваров большой подлец. Он кричит о моей книге [«Истории Пугачева»] как о возмутительном сочинении» (дневник, февраль 1835). Это уже открытый вызов Пушкину — и он его принимает; но у Близнецов свое оружие.

Ты угасал, богач младой!
Ты слышал плач друзей печальных,
Уж смерть являлась за тобой.
В дверях сеней твоих хрустальных...
А между тем наследник твой,
Как ворон, к мертвечине падкий,
Бледнел и трясся над тобой,
Знобим стяжанья лихорадкой.
Уже скупой его сургуч
Пятнал замки твоей конторы,
И мнил загресть он злата горы
В пыли бумажных куч.
Он мнил: «Теперь уж у вельмож
Не стану нянчить ребятишек;
Я сам вельможа буду тож;
В подвалах, благо, есть излишек.
Теперь мне честность — трын-трава!
Жену обсчитывать не буду
И воровать уже забуду
Казенные дрова!»

«Наследник», дрова ворующий, — Уваров. И сила пушкинского удара увеличивалась от того, что общественное мнение с поэтом, в общем-то, было солидарно. «Набросил на все тень, навел страх и ужас на умы и сердца — истребил мысль и чувство», — эти негодующие слова об Уварове принадлежат не Пушкину или Вяземскому, но... «другу» Булгарину! [40] Об Уварове ходило немало анекдотов, которые оставалось лишь облечь в строки эпиграммы. Будучи чиновником Министерства финансов, Уваров, заискивая перед министром, «ласкал детей его и до того часто ходил к ним в детскую и осведомлялся о здоровье, что его считали как будто за лекаря и дети показывали ему язык»; деталь с дровами, которые Уваров заимствовал из Академии Наук, якобы подсказал Пушкину Вигель; наконец, и нетерпение Уварова в ходе болезни Шереметева забавляло не одного Пушкина: «Когда Шереметев умирал, Уваров в Государственном совете жаловался на лихорадку. «Ах! — заметил ему вслух граф Литта, — это лихорадка нетерпения». Это было известно в высшем обществе» [41]. А потешавший всех рассказ о том, как радостный Уваров явился опечатывать дом мнимоумершего богача? Одним словом, фигура Уварова, при всей своей грозной власти, — анекдотическая, нелепая. И Пушкин лишь придает этой нелепости бессмертную, чеканную форму.

В отместку уже мертвому Пушкину Уваров пытается зажать рот тем, кто искренне оплакивает смерть поэта: «Что это за черная рамка вокруг известия о кончине человека не чиновного, не занимавшего никакого положения на государственной службе? ...Что за выражения! «Солнце поэзии!!» Помилуйте, за что такая честь? «Пушкин скончался... в средине своего великого поприща!» Какое это такое поприще? Сергей Семенович именно заметил: разве Пушкин был полководец, военачальник, министр, государственный муж?! Наконец, он умер без малого сорока лет! Писать стишки не значит еще, как выразился Сергей Семенович, проходить великое поприще!» (это М. А. Дондуков-Корсаков — ставший

бессмертным благодаря пушкинской эпиграмме: «В Академии наук заседает князь Дундук», — передает А. А. Краевскому наставления Уварова).

В самом деле: что карьера Пушкина по сравнению с уваровской? Где звания, где чины, где социальный статус? И все же клеймо, поставленное Пушкиным, ярче любых наград: «Живы еще лица, — свидетельствовал Бартенев в 1888, — помнящие, как С. С. Уваров явился бледный и сам не свой в Конюшенную церковь на отпевание Пушкина и как от него сторонились».

Ушакова Елизавета Николаевна

(21 IX 1810—3 X 1872) — сестра Екатерины Ушаковой. У Пушкина с нею были шутливо-дружеские отношения. Однажды он написал для ее альбома стихи; барышня недовольно спросила, почему он не поставил подписи. Далее, по мнению Астролога, — типичный диалог Близнецов и Девы:

Ел. Н. Ушакова с кошкой. Рис. Пушкина 1829.

— Так вы считаете, что под стихами Пушкина нужна подпись? Проститесь с этим листком: он недостоин быть у вас!

— (После шутливой борьбы за обладание листком) А все же подпишите...

И подписал. Вот эти стихи:

Вы избалованы природой;
Она пристрастна к вам была,
И наша вечная хвала
Вам кажется докучной одой...

О, альбомы Дев! Поначалу это был обычный приличный альбом с золотым обрезом, какой «конечно, вы не раз видали». Но вот он попал в руки Пушкина... Из 150 страниц альбома 100 заполнены пушкинскими рисунками, надписями, экспромтами; все пушкинские кошки в Ушаковском альбоме; и знаменитый «Дон-Жуанский список» — тоже здесь. И предсказание будущего — супружества, старости: Елизавета Николаевна обновившая чепец, в очках, устремившая взор на жирного кота-очкарика (это ее будущий муж, С. Д. Киселев). «Будущее семейное счастие Лизаветы Миколавны», — гласит подпись под одним из рисунков. Как замечательно, что Дева так аккуратна и бережлива и что, в отличие от своей сестрицы, у которой тоже был альбом (но Огонь есть Огонь, и альбома Екатерины Николаевны уж никто не увидит), она сохранила свой. А заодно и себе принесла большую пользу: как теперь забыть имя Елизаветы Ушаковой?

Хмельницкий Николай Иванович

(22 VIII 1789—20 IX 1845) — драматург и переводчик, с 1829 года губернатор в Смоленске. С Пушкиным был знаком уже в лицейские годы. В 1818 Пушкин даже играл в любительском спектакле по пьесе Хмельницкого «Воздушные замки» — кстати, вместе с Екатериной Семеновой... В письме к брату от 1-й половины мая 1825 Пушкин назвал Хмельницкого своей «старинной любовницей», а в письме к самому Хмельницкому от 6 марта 1831 — «любимым своим поэтом», — но не стоит принимать эти отзывы всерьез. Водевили Хмельницкого с их наивным юмором на самом деле, по мнению Пушкина, лишь потакали несложным вкусам почтенной публики: «Помню, что Хмельницкий читал однажды мне своего Нерешительного, — писал Пушкин

Хмельницкий. Гравюра по оригиналу П. Соколова.

Гнедичу (13 мая 1823), — услыша стих «И должно честь отдать, что немцы аккуратны» — я сказал ему: вспомните мое слово, при этом стихе всё захлопает и захохочет. — А что тут острого, смешного? очень желал бы знать, сбылось ли мое предсказание». Пушкин, наверно, согласился бы и с Плетневым, который метко подметил в Хмельницком главное Девье свойство: «Хмельницкий опрятен, но в нем истинной поэзии не больше, как и в наших актрисах».

После смерти Пушкина судьба водевилиста сложилась совсем не весело: Хмельницкий, отличившись на посту губернатора легкомыслием в стиле его героев, был обвинен в казнокрадстве и заключен в Петропавловскую крепость, где просидел с 1837 по 1843.

Энгельгардт Егор Антонович

(23 VIII 1775—27 I 1862) — директор Царскосельского лицея с марта 1816 с удивительно подходящей для его должности фамилией: ее можно перевести с немецкого как «ангел-хранитель» (еще одна Дева-ангел — съязвит Астролог). Прирожденный педагог, считавший, что «только путем сердечного участия в радостях и горестях питомца можно завоевать его любовь». Лицеисты его обожали, со многими он остался в теплых отношениях и переписывался после окончания ими Лицея; со многими, но не с Пушкиным. Пушкин никак не хотел допустить просвещенного наставника к своей сердечной жизни: приглашения на домашние вечера игнорировал, в ответ на душевные беседы педагога о том, почему все-таки он, Пушкин, не любит Энгельгардта и не распахнет ему свою душу, строчил злые эпиграммы, а в альбоме (опять альбом Девы! — *Астролог*) оставил вежливый комплиментарный отзыв, в котором не чувствуется никакого сердечного движения: «Приятно мне думать, что, увидя в книге ваших воспоминаний и мое имя между именами молодых людей, которые обязаны вам счастливейшими годами жизни их, вы скажете: в Лицее не было неблагодарных». Когда Энгельгардт попросил Пушкина написать прощальную песню лицеистов, тот увильнул от почетного заказа, и работу выполнил Дельвиг...

«Пушкина я никогда не вижу, он даже на улице избегает встречи со мной», — жаловался Энгельгардт в письме к Вольховскому. Да, не любят Близнецы, когда к ним лезут в душу, — подтвердит Астролог, — да и скучно им с Девой; ее напыщенность, театральность им смешна: они и сами хорошо умеют представляться.

Энгельгардт. Неизв. худ.; рис. Пушкина 1823.

«Его высшая и конечная цель — блистать, и именно поэзией... Пушкину никогда не удастся дать своим стихам прочную основу, так как он боится всяких серьезных занятий, и его ум, не имея ни проницательности, ни глубины, совершенно поверхностный, французский ум... Его сердце холодно и пусто; чуждо любви и всякому религиозному чувству; может быть, оно так пусто, как никогда еще не бывало юношеское сердце», — с горечью записывает Энгельгардт для самого себя уже в марте 1816, едва познакомившись с лицеистами; записывает на родном немецком: по-германски глубокомысленный отзыв о повесе-«французе». Но Энгельгардт (надо отдать ему

должное) не вышел из роли Материнского Знака, играл ее до конца, кнута в руки не взял, чем, в конечном итоге, и себе добрую память у потомков заслужил. Можно привести по меньшей мере три примера его гуманной, материнской опеки. При Гауэншильде, исполнявшем некоторое время обязанности директора, Пушкин (вкупе с Малиновским и Пущиным) за приготовление гогеля-могеля из рома был занесен в некую «черную книгу», которая «должна была иметь влияние при выпуске». Энгельгардт, увидев эту книгу, в которой были лишь три фамилии, «ужаснулся и стал доказывать..., что мудрено допустить, чтобы давнишняя шалость, за которую тогда же было взыскано, могла еще иметь влияние и на всю будущность после выпуска» [42]; дело было сдано в архив. Вспомним Баратынского, которому такая же детская шалость не была прощена и имела самые тяжелые последствия в его судьбе, — и оценим гуманное милосердие Энгельгардта.

Гораздо важнее, конечно, слова заступничества, дважды произнесенные Энгельгардтом перед самим императором, — слова, потребовавшие от него настоящей смелости: ведь как легко было сдать Пушкина гневу монарха! В первый раз — когда Пушкин пытался поцеловать княжну Волконскую, приняв ее за горничную Наташу, — Энгельгардт приносит раздосадованному Александру «повинную за Пушкина», а неблагодарный поэт остается при убеждении, «что Энгельгардт, защищая его, сам себя защищал» [43]. Во второй раз — по гораздо более серьезному поводу, в ответ на предложение императора сослать Пушкина в Сибирь за возмутительные стихи: «Воля вашего величества, но вы мне простите, если я позволю себе сказать слово за бывшего моего воспитанника; в нем развивается необыкновенные талант, который требует пощады... Я думаю, что великодушие ваше, государь, лучше вразумит его!» [44].

Уже после поступления Пушкина в государственную службу Энгельгардт продолжает издалека опекать стихотворца и привычно сокрушаться по поводу его легкомыслия. «Пушкин ничего не делает в Коллегии, он даже там не показывается. Мне говорили, что теперь он болен?» (А. М. Горчакову, 10 декабря 1817); «Пушкин живет и шалит в Бессарабии при тамошнем начальнике» (Матюшкину, 10 сентября 1820).

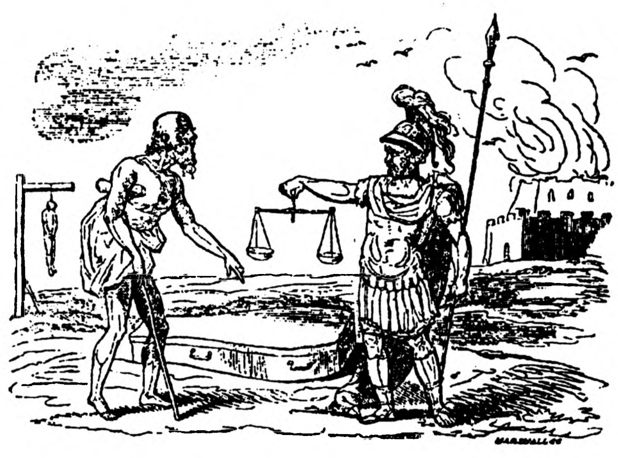
Наконец, он принимает и поэзию Пушкина, впрочем, не переставая при этом сожалеть о неосновательности и несерьезности самого поэта: в одном из первых южных стихотворений Пушкина есть, по его мнению, «нечто вроде взгляда в себя. Дал бы Бог, чтобы это не было только на кончике пера, а в глубине сердца...» (А. М. Горчакову, 28 ноября 1820). В 1824 Энгельгардт даже публикует в Лейпциге, в газете «Zeitung für die Elegante Welt» (№ 233), анонимную заметку «Русский поэт Пушкин», где опять — все то же: «Пушкин является редким литературным феноменом», однако «мальчик пренебрегал серьезными занятиями и стремился лишь к венку муз».

Судьба сыграла над добрым и основательным директором злую шутку: «дурная слава» Пушкина отчасти передалась ему. «Ученики, подобные выпущенным во вкусе Энгельгардта, не будут более выходить из Лицея», — заявил в 1829 Николай I [45], отвечая на письмо великого князя Константина Павловича (номинального начальника Лицея в эту пору), где в качестве примеров плачевного воспитания фигурировали Пушкин, Кюхельбекер и Гурьев.

Император знал, что говорил, и пусть, вопреки всем недоразумениям, так и останется: Пушкин — «ученик во вкусе Энгельгардта».

Близнецы — Весы

«О ты, который сочетал...»

Гравюра из книги «Астролог 19 столетия» (The Astrologer of the Nineteenth Century), Лондон, 1825

Знаки 1—5. Это счастливое сочетание двух воздушных знаков. Для Близнецов Весы — Праздник; для Весов Близнецы — Духовный Партнер. Принадлежность к воздушной стихии дает этим знакам много прекрасных качеств: быстроту реакции, умение мгновенно ориентироваться в любой обстановке, высокую контактность, способность очаровать, убедить кого угодно, быть в центре внимания, обаяние, перед которым невозможно устоять, великолепную память, литературные способности, умение интересно рассказывать, интуицию, способность к предвидению будущего, вещие сны, любовь ко всему необычному, ненависть к скуке, рутине, однообразию.

Венера дает Весам врожденный вкус, эстетическое чутье, любовь ко всему изящному и брезгливое отношение ко всему низкому, грубому. От Венеры у Весов любовь к роскоши, желание окружать себя красивыми вещами и красивыми людьми. Рожденные под Знаком Весов, как правило, очень хороши собой. Венера придает им прелестную барственность, лень, томность движений и грацию; они не выносят грубого шума, крика, скандалов — они прирожденные дипломаты и способны помирить, уговорить, склонить на свою сторону кого угодно. Правда, сами они редко придерживаются определенной стороны — колеблются, анализируя разные точки зрения.

Весы любят все отвлеченное, экзотическое, они способны часами спорить о разных направлениях моды в какой-нибудь древней культуре. Современность их интересует меньше — разве что как

Барельеф на надгробии 19 века в Донском монастыре, Москва.

материал для отвлеченных исторических параллелей.

Как знак из Круга Воли, Весы могут быть очень властны в обращении, они способны влиять на людей и подчинять их, причем это не грубое давление Овна, а какое-то властное очарование, которое не позволяет выйти из-под их влияния. Безусловно, они обладают даром гипноза. Весы — знак элитарный: они строго взвешивают, кто достоин их общества, а кто нет. Весов не встретишь на дне общества, они всегда в его высших слоях. Они задают тон в области духовной жизни, философии (их любимая область знаний); самые изысканные салоны, самые искусные дипломаты, самые популярные генералы — Весы. Редкие Весы не отдают дань изящной словесности, правда, здесь их тяга всегда «говорить красиво» часто приводит к графоманству. Весы всюду стремятся быть в центре и во всем стараются найти золотую середину, крайности их раздражают.

Все вышесказанное позволяет читателю самому сделать вывод о том, что у этих знаков больше сходства, чем различий — и стало быть, почвы для антагонизма, для войны нет. Но все-таки Близнецы, если есть выбор, скорее станут общаться со Львом, чем с Весами. Принадлежность к одной стихии скоро надоедает Близнецам: Весы такие же холодные, как и они сами, а Близнецам всегда холодно и хочется согреться. К тому же есть и точки непонимания между этими знаками. Неразборчивые в знакомствах, готовые ненадолго свести дружбу с любыми бродягами, Близнецы шокируют этим рафинированных Весов. К тому же Весам претит невероятная легковесность, бессодержательность Близнецов, их постоянный карнавал масок, постоянное вранье, готовность все подвергнуть осмеянию и вывернуть наизнанку любую святую идею Весов. А Близнецы относятся к Весам свысока (все-таки Весы не принадлежат к Кругу Ума, и это заметно), они смеются над выспренностью, над философскими разглагольствованиями Весов, над их снобизмом, над графоманством. Весы, при всей их воздушности, очень практичны, прекрасно умеют считать деньги, дорожат домашним уютом — и здесь уже их черед смотреть свысока на неразумных, бездомных, безденежных Близнецов.

Как и в случае Близнецы — Близнецы, этим знакам хорошо вместе делать что-нибудь несерьезное, а главное — недолго. Каждый из них считает, что обладает бóльшими достоинствами, и каждый смотрит на другого свысока, но и тот и другой — такие хорошие актеры и так обаятельны, что никогда не дадут заметить собеседнику, что лишь снисходят до него. Грация, такт, умение быстро переключить разговор, виртуозное владение искусством жестов, улыбок делают их общение взаимно приятным. Да и притворяться-то особо не надо: если абстрагироваться от мелких придирок, им действительно хорошо и весело вместе.

Самое первое впечатление, которое остается после знакомства с Весами, окружавшими Пушкина, — это люди, облегчавшие жизнь поэта, делавшие ее праздничной, светлой, интересной. Здесь нет роковых привязанностей, затянувшихся тяжб, конфликтов. Отношения, как правило, начавшись в юности, проходят через всю жизнь поэта — продолжаются совершенно естественно, без тени принуждения с обеих сторон. Здесь нет таких друзей, как Пущин или Дельвиг, но все приятели-Весы оказываются очень надежны в трудную минуту. Они проявляют большую интуицию и понимание душевных движений Пушкина: как тонко женщины-Весы — Н. В. Кочубей, Е. Н. Мещерская — чувствовали нервозность Пушкина в дни, предшествовавшие дуэли, в то время как иные находили его веселым и беззаботным!

Особенно помогают Пушкину Весы-генералы: А. А. Закревский, Милорадо-

вич, Орлов, Раевский играли добрую роль в жизни Пушкина. Много собратьев по перу — здесь отношения дружбы-диспута, спора. У Весов и Близнецов часто разные мнения о назначении поэзии и эстетических и нравственных категориях, и их любимое развлечение — «журнальная война», литературный спор, причем в большинстве случаев Весы недовольны содержанием Пушкинской поэзии — вернее, отсутствием в ней высокого гражданского или философского или еще какого-нибудь серьезного содержания (критик Д. Писарев, уже в 1860-е годы обрушившийся на пушкинскую поэзию за ее безыдейность и бессодержательность, родился под Знаком Весов). Пушкин же, в свою очередь, недоволен недостатком самой поэзии в очень содержательных по содержанию стихах Весов.

Поэты-Весы очень любят обращаться мыслию к истории Руси, особенно их влечет к себе древний Новгород (как боялся Рылеев, что Пушкин, находясь во Псковской губернии, оставит эти места невоспетыми!), а в Новгороде им больше всего нравится колокол на башне вечевой. И у Рылеева, и у Веневитинова, и у Лермонтова найдутся строки, посвященные новгородской вольнице и, конечно, колоколу. Висящий в воздухе, раскачивающийся, издающий громкий торжественный звон колокол очень нравится Весам.

Любили Весы писать стихотворения «Молитва» — а у Пушкина такого названия даже представить нельзя (Близнецы молятся про себя, когда их никто не видит и не слышит). У Веневитинова, в частности, в стихотворении «Моя молитва» есть такие строки:

Всегда надежною броней
Пусть будет грудь моя одета,
Да не сразит меня стрелой
Измена мстительного света.

Близнецам никогда не придет в голову одеть свою грудь броней: она ведь такая тяжелая! Интересно, под каким знаком родился человек, сочинивший легенду о кольчуге Дантеса?

Пушкинскую руку
Жму, а не лижу —

скажет женщина-поэт, родившаяся под этим знаком почти через столетие после Пушкина, — М. Цветаева. Нет у Весов слепого преклонения перед Близнецами. Но, повторяю, это все игры Праздника с Духовным Партнером — третьим лицам встревать не рекомендуется.

Женщины-Весы — вот действительно праздник для Пушкина! Какие бы проблемы ни возникли у него, какие бы щекотливые вопросы ни надо было решить — нет такого дела, где бы бессильны оказались такие женщины, как Осипова или Хитрово. Привязанность женщин-Весов к Пушкину удивительна. Они прощают ему все: его иронию, его насмешливость, его забывчивость, его измены... Они неспособны обидеться на поэта. Может быть, потому, что очень сильно чувствуют в нем не только мужское начало, но и Духовного Партнера. Весы — женщины необычные, им хочется, чтобы оценили по достоинству не только их внешнюю красоту, но, главным образом, их духовные богатства, их интеллект, их оригинальность, их «лица необщее выраженье» (салоны Весов не похожи на все другие; женщина-Весы — это прежде всего уникальная индивидуальность); и Пушкин дает им утвердиться в их личности, позволяет им почувствовать себя в его обществе духовно выше, значительнее — и за это женщины-Весы обожают его и готовы для него на все. И, с другой стороны, как тонко умеют женщины-Весы сопереживать Пушкину, чувствовать его душевное состояние и предчувствовать его судьбу; именно они, П. А. Осипова, Е. М. Хитрово, Д. Фикельмон, не раз — и, как правило, тщетно — предостерегали его от опасных, неверных шагов.

Практически все Весы около Пушкина были ему в радость, умели оценить и поддержать Близнецовую игру. Близнецовое везение сказалось и в том,

что в трудную минуту, как правило, Судьба посылала Весов, чтобы «без слез, без истерик» (кстати, строчка из стихотворения женщины-поэта, родившейся под Знаком Весов, — Цветаевой) выручить Пушкина из беды, и самим благодаря этому возвыситься. Счастливое сочетание.

Аксаков Сергей Тимофеевич

(1 X 1791—12 IV 1859) — писатель, цензор. Московский знакомый Пушкина. При одной из первых встреч (на завтраке у М. П. Погодина ок. 20 марта 1829) цинизм Пушкина произвел на Аксакова отвратительное впечатление: «Завтракал я с Пушкиным, Мицкевичем и другими у Мих. Петровича. Первый держал себя ужасно гадко, отвратительно; второй — прекрасно. Посудите, каковы были разговоры, что *второй* два раза принужден был сказать: «гг., порядочные люди и наедине сами с собою не говорят о таких вещах!» (письмо к С. П. Шевыреву, 26 марта 1829 [1]). Но когда та же, граничащая с цинизмом откровенность, облекалась Пушкиным в совершенную художественную форму — реакция Аксакова была совсем иной. П. И. Бартенев рассказывал Лернеру, что когда он прочитал Аксакову стихотворение «Нет, я не дорожу мятежным наслажденьем», тот побледнел от восторга и воскликнул: «Боже, *как* он об *этом* рассказал!» [2].

Но и для Пушкина не в меньше степени, чем для Аксакова, важно именно «*как*»: в «Капитанской дочке» Пушкин пересказывает сюжет очерка Аксакова «Буран» по-своему — лаконично, без аксаковской многословной обстоятельности.

Брянский Яков Григорьевич

(наст. фам. Григорьев) (17 X 1790—4 III 1853) — драматический актер, ученик А. А. Шаховского. Знакомый Пушкина по петербургским театральным кругам (1817—1820). «Брянский в трагедии никогда никого не тронул, а в комедии не рассмешил. Несмотря на это, как комический актер он имеет преимущество и даже истинное достоинство», — писал о нем «театра злой законодатель» Пушкин в статье «Мои замечания об русском театре» (1820). В плане комедии об игроке (1821) Пушкин упоминает Брянского как возможного исполнителя комической роли — но Весы думают о себе нечто иное: им подавай трагедию, да повозвышеннее! Знал бы великий актер, что писал Пушкин Катенину из Кишинева в 1822: «Скажи, имел ли ты похвальную смелость оставить пощечину рыцарских веков на жеманной сцене 19 столетия?... Радуюсь, предвидя, что пощечина должна отяготеть на ланите Толченова или Брянского». По иронии судьбы, Брянский подвизался именно в трагических ролях пьес Пушкина: дважды в свой бенефис в 1832 он играл роль Сальери, причем второй раз — 1 февраля (неизвестно, был ли Пушкин на этих спектаклях). Ровно через семь лет, день в день, он должен был выступить в роли барона в «Скупом рыцаре» — увы, не пришлось: из-за отпевания поэта спектакль был отменен. Никак не хотел Пушкин видеть Брянского в трагедии, да еще его, Пушкина, сочинения!

Эту Мельпомену можно встретить в аллеях Павловска. Пушкин находил, что Брянский не достоин сей музы.

Веневитинов Дмитрий Владимирович

(26 IX 1805—27 III 1827) — четвероюродный брат Пушкина, поэт и критик, один из основных организаторов и участников «Московского вестника», факти-

ческий глава «любомудров»; один из тех,

Кому небесное — родное,
Кто сочетает с сединой
Воображенье молодое
И разум с пламенной душой

К. И. Герке, 1824

Знакомый Весовый мотив, — заметит тут Астролог: — «О ты, который сочетал...» Слово «сочетал» очень органично для Весов, которым всегда хочется все и всех примирить.

«Открытая душа Веневитинова была вполне ценима его друзьями. Его блестящее остроумие, не везде одинаково настроенное, но всегда удачно разыгрывавшееся в близком приятельском кружке, много оживляло систематические заседания молодых людей. Замечательная физическая красота, выразительные карие глаза и звучный голос довершали очаровательность Веневитинова во всяком обществе» [3].

Этот «юноша дивный» (Погодин [4]) был «любимцем, сокровищем всего ... кружка».

В 1825 Веневитинов выступил в «Сыне Отечества» с разбором статьи Н. А. Полевого о «Евгении Онегине», напечатанной в 5 № «Московского Телеграфа» за 1825. Многое в этом разборе могло показаться симпатичным Пушкину: и отказ сравнивать Пушкина с Байроном (Пушкину давно надоело это опостылевшее сравнение), и протест против попыток судить о всем романе по одной лишь первой главе «Онегина...», и, наконец, остроумные издевки над неловкостью Полевого-критика, которая и самого Пушкина так всегда забавляла: «Его рецензия сама собою и, кажется, без ведома автора лилась из пера его, — но вот камень преткновения. Порыв его остановился: для рецензента стихотворений Пушкина где взять ошибок?»

«Еще живши в Тригорском, Пушкин узнал Веневитинова по разбору первой песни «Онегина», написанному им в виде протеста против критики «Телеграфа». По приезде в Москву, Пушкин с живостью, так ему свойственной, объявил С. А. Соболевскому ... свое желание познакомиться с автором. «Это единственная статья, — говорил А. С., — которую я прочел с любовью и вниманием. Все остальное — или брань, или переслащенная дичь» (А. П. Пятковский со слов А. В. Веневитинова [5]).

«9 сентября 1826. Пушкин приехал! Ехать к нему, убедил Веневитинова. Он поехал одеваться. Я оделся. Воротился и отговорил (что за поклонение, как примет и проч.)» (Погодин, Дневник)

И все же знакомство состоялось. 10 сентября 1826 Веневитинов слушает у Соболевского, как Пушкин читает «Бориса Годунова». Веневитинов в восхищении. Пушкин предлагает издавать журнал, с обычной самоиронией говоря: «кого бы редактором, а то меня с [Вяземским] считают шельмами» [6].

Веневитинов — прирожденный журналист; он прекрасно знает, как нужно вести журнал, дает квалифицированные советы редактору-Погодину, которому подчас не хватает блеска, фантазии и изобретательности. В частности, он постоянно направляет Погодина, как тому следует вести себя с Пушкиным (Погодин, как и подобает Скорпиону, несколько тушуется перед Близнецами — а Весы не тушуются — *Астролог*): «Пиши к нему чаще; ты имеешь на это полное право, купленное и твоим знакомством и 10 тыс. рублями. Вообще опояшься твердостью и решимостью, необходимою для издателя журнала» (Погодину, 19 декабря 1826).

Веневитинов считает, что с Пушкиным надо держаться построже: «Попугай Пушкина, надобно, чтобы в каждом номере было его имя, подписанное хоть под немногими строчками» (Соболевскому, 14 декабря 1826). (Кто из них старше? Весы, конечно! Близнецы — вечные дети, и их никогда не грех поучить — *Астролог*.)

В послании 1826 Веневитинов советует Пушкину, кого именно ему следует воспеть:

Но ты еще не доплатил
Каменам долга вдохновенья:

8 Заказ № 2600

К хвалам оплаканных могил
Прибавь веселые хваленья.
Их ждет еще один певец...
Наставник наш, наставник твой,
Он кроется в стране мечтаний,
В своей Германии родной.

«Если бы покойник Байрон связался браниться с полупокойником Гете, то и тут бы Европа не шевельнулась, чтоб их стравить, подразнить или окатить холодной водой», — писал Пушкин А. А. Бестужеву 29 июня 1824, как бы одновременно и заранее откликаясь и на призыв Вяземского воспеть поэтическую смерть Байрона, и на будущий призыв Веневитинова «доплатить каменам долг вдохновенья».

Пушкину в Весовых высях холодновато («Бог видит, как я ненавижу и презираю немецкую метафизику»), случалось ему и сердиться без причины на Веневитинова («Милый мой, на днях, рассердясь на тебя и на твое молчание, написал я Веневитинову суровое письмо», — Дельвигу, 2 марта 1827; конечно, Веневитинов тут ни при чем, просто долго не было письма от Дельвига). Но несмотря на все это, Пушкин охотно общается с кругом «любомудров» (там ведь все комфортные для него знаки, а ему, только вернувшемуся из ссылки, так нужна положительная энергия! — *Астролог*), да и самого Веневитинова любил. «О глубокой симпатии Пушкина к Веневитинову мне говорил Соболевский... В личности Ленского Пушкин хотел воплотить некоторые черты Веневитинова», — свидетельствует А. П. Пятковский [7].

Веневитинов, конечно, знал об этом, и, не имея ничего против, сам часто мыслил себя и своих знакомых в категориях пушкинского романа: «Припоминаю теперь, что вы заранее подсмеивались над нашей совместной жизнью с Хомяковым. А вот, если б вы нас увидели, то сознались бы в своей ошибке. Хотя мы и отличаемся друг от друга, как Онегин и Ленский, — все идет прекрасно» (С. В. Веневитиновой, 16 дек. 1826).

Ничто так не поможет нам «заметить разность» между Веневитиновым и Пушкиным, как стихотворение «Моя молитва», написанное в 1826, почти одновременно с пушкинским «Пророком». Веневитинов словно бы пишет «Антипророка» — педантично, по пунктам опровергает пушкинское стихотворение (возможно, он и в самом деле знал уже «Пророка», когда писал свою «Молитву»?)

Души невидимый хранитель,
Услышь моление мое!
Благослови мою обитель
И стражем стань у врат ее...
...Всегда надежною броней
Пусть будет грудь моя одета,
Да не сразит меня стрелой
Измена мстительного света.
Не отдавай души моей
На жертву суетным желаньям;
Но воспитай спокойно в ней
Огонь возвышенных страстей.
Уста мои сомкни молчаньем,
Все чувства тайной осени,
Да взор холодный их не встретит,
Да луч тщеславья не просветит
На незамеченные дни.
Но в душу влей покоя сладость,
Посей надежды семена,
И отжени от сердца радость:
Она — неверная жена.

У Пушкина — грозный «шестикрылый серафим»; у Веневитинова — ласковый и нежный «души невидимый хранитель». У Пушкина пророк «влачится» в неуютной, малопригодной для жизни пустыне — у Веневитинова поэт сидит в благоустроенной «обители». У Пушкина серафим бесцеремонно нарушает уединение пророка в пустыне — у Веневитинова «хранитель» встает стражем охранять покой поэта. У Пушкина серафим рассекает мечом грудь поэта — у Веневитинова «хранитель», напротив, одевает ее броней. У Пушкина в грудь вложен «угль, пылающий огнем» — болезненная операция! — у Веневитинова в груди тоже горит «огонь возвышенных страстей», но этот огонь «спокойно воспитан», и ничего мучительного в нем нет. Серафим открывает, обостряет все чувства — «хранитель» «осеняет» их «тайной». Серафим отверзает уста пророка — «хранитель» «смыкает» уста поэта

«молчанием». И наконец, в душу пушкинского пророка нисходит глагол Бога, который гонит его по морям и землям, — а в душу веневитиновского поэта вливается «покоя сладость».

Тема смерти, посмертного существования — любимая и у Близнецов, и у Весов, но как по-разному подходят они к этой теме:

Войду невидимо и сяду между вами —

«Андрей Шенье»

как видим, пушкинский призрак дружественен и деликатен. У Веневитинова же мщенье, укор — любимое оружие при жизни, и его же они вожделеют и после смерти.

...И если памятью преступной
Ты изменишь... Беда с тех пор!
Я тайно облекусь в укор;
К душе прилипну вероломной,
В ней пищу мщению найду,
И будет сердцу грустно, томно,
Но я, как червь, не отпаду.

«Завещание».

Близнецам не пришло бы в голову явиться после смерти в устрашающем образе «червя»...

Веневитинов предчувствовал свою раннюю смерть и «незадолго до своей смерти, в разговоре с одной молодой женщиной, мечтал о том, в каком виде предстанет он к ней из-за гроба...» [8].

Говоря о ранней смерти Веневитинова, обычно приводят его пророческие строки:

Судьба в дарах своих богата,
И не один у ней закон:
Тому — процвесть развитой силой
И смертью жизни след стереть.
Другому — рано умереть,
Но жить за сумрачной могилой...
...Сбылись пророчества поэта,
И друг в слезах с началом лета
Его могилу посетил...
Как знал он жизнь! как мало жил!

1827.

Все так: в интуиции Весам никто не отказывает; но мы скажем о другой шутке Судьбы.

Веневитинов не любил шума, толпы,

Веневитинов в своей "келье". Неизв. худ., по оригиналу А.-Ф. Лагрене. 1820-е гг.

Рисунок Пушкина 1830 — Веневитинов?

суеты, беспорядка, бродячей жизни — а любил замкнутость, уединение, покой и тишину. «У него [Веневитинова] в 24-х часах, из которых составлены сутки, не пропадает ни минуты, ни полминуты. Ум и воображение и чувства в непрестанной деятельности... Он или пишет или бормочет новые стихи... Он редко читает, гулять никогда не ходит, выезжает только по обязанности» (Ф. Хомяков — А. С. Хомякову, 3 декабря 1826). Скоро ему придется выехать из Петербурга в Москву по обязанности.

«До сих пор я веду здесь бродячую жизнь, что мне совсем не подходит по нутру» (С. В. Веневитиновой, 18 ноября 1826). «Сегодня переезжаю на квартиру, которая будет моей пустынею» (По-

годину, 17 ноября 1826).

Менее чем через 4 месяца он действительно переедет на квартиру: «Кусты акации густою стеной защищают с севера и юга огороженную железной решеткой площадку, на которой похоронен столь рано скончавшийся поэт» [9]. Сбылись мечтания его «Молитвы» — и грудь «броней оделась», и «уста сомкнулись молчанием»... Могила в Симоновом монастыре — это действительно место, где никто не мог потревожить столь любезного Веневитинову одиночества: «густая стена», «железная решетка» — надежная защита, но — увы! — не вечная. Веневитинову придется и после смерти вести ненавистную бродячую жизнь. И расстаться с талисманом: через сто лет после его кончины неутомимые музейные работники вскроют его могилу и снимут с пальца перстень, подаренный Зинаидой Волконской. А Пушкин своих талисманов с собой в могилу не брал — никто их и не отберет и с мертвого пальца не снимет.

«Я рассказала Пушкину о моей скорби, когда я получила от Хомякова его посмертное изображение. Пушкин слушал мой рассказ внимательно, выражая только по временам досаду, что так рано умер чудный поэт», — вспоминает А. П. Керн. «Как дали вы ему умереть?» — горестью говорил Пушкин [10]. Пройдет 10 лет и — «Пушкин умер! Яковлев! Яковлев! Как мог ты допустить это?»

2 апреля 1827 Пушкин и Мицкевич провожали гроб Веневитинова и плакали об нем. Дельвиг писал Пушкину: «Знаю, смерть его должна была поразить тебя. Какое соединение прекрасных дарований с прекрасной молодостью!» Именно Дельвиг, с которым Веневитинов, был очень дружен и с которым они частенько, сидя на диване «пели и кидали друг в друга стихами» [11], написал ему замечательную эпитафию:

РОЗА

Дева, не плачь! я на прахе его в красоте расцветаю.
Сладость он жизни вкусив, горечь оставил другим;
Ах! и любовь бы изменою душу певца отравила!
Счастлив, кто прожил, как он, век соловьиный и мой!

Менее двух лет назад Веневитинов сравнивал «Онегина» с «новым прелестным цветком на поле нашей словесности», — а теперь цветок расцветает на его прахе... Пушкину тут было нечего добавить.

Кольцов Алексей Васильевич

(15 X 1809—10 XI 1842) — поэт, сын воронежского мещанина. В начале 20-го века из рязанской деревни явится в Петербург крестьянский поэт, родившийся под Знаком Весов, и потребует внимания и покровительства всех литературных аристократов — а веком раньше самоучка Кольцов, также Весы, смело вторгается в литературную жизнь великосветского Петербурга. Пушкин познакомился с его стихами по публикации в «Литературной газете» (1831), личное же знакомство состоится в первой половине 1836 — и Кольцова поразит простота подлинного светского обращения: «Поэт Кольцов, введенный в общество петербургских литераторов, был поражен дружелюбной откровенностью приема, сделанного ему Пушкиным. С робостью явился он к знаменитому поэту и не встретил ни тени величавого благоволения, ни тени покровительственного тона... Пушкин крепко сжал руку Кольцова в своей руке и заговорил с ним, как с давним знакомым, как с равным себе» [12].

Между тем Пушкин отзывается о Кольцове как «о человеке с большим талантом, с широким кругозором, но бедном образованием, отчего эта ширь рассыпается более на фразы». «Фразы», которыми Кольцов отозвался на смерть Пушкина в стихотворении «Лес», именно такого сорта, что вряд ли могли бы вызвать сочувственный отклик в Близнецах:

Не осилили Тебя сильные,
Так подрезала Осень черная...

Зато почти гротесковый образ из горе-

стного письма к Краевскому от 13 марта 1837 — «прострелено солнце» — отзовется в будущем русской литературы: «Около каждого рабочего взвода мерным шагом ходит солдат с ружьем, и через каждые пять минут стреляет в солнце» («История города Глупова» [13]).

↑Кочубей Наталья Викторовна

в замужестве Строганова (21 X 1800—5.IX 1854) — дочь В. П. Кочубея, жена А. Г. Строганова. С. А. Соловьев, встречавшийся с нею в 40-е годы, так характеризует ее: «С умом и образованием поверхностным, огромными претензиями на то и другое, с полным отсутствием сердца, эгоизм воплощенный, неразборчивость средств, способность унижаться до самых неприличных искательств, когда считалось нужным, и в то же время гордость, властолюбие непомерное... В Петербурге она занимала блистательное положение; умевшая владеть разговором, очень недурная собою... она держала блистательную министерскую гостиную». К этой характеристике следует сделать одно астрологическое дополнение: Весы, если к кому-то привязаны, становятся вдесятеро более обворожительны и могут быть способны на необыкновенные поступки. К Пушкину Наталья Викторовна, очевидно, питала очень нежное чувство, настолько нежное, что мы практически ничего не знаем о нем (Весы, как и Близнецы, свои сердечные секреты предпочитают хранить про себя — *Астролог*); знаем только, что после смерти Пушкина она с большим жаром говорила в его защиту. Юная Наташа Кочубей — какой застал ее Пушкин в лицейские годы — обладала особым очарованием: «Я видел тут в первый раз Наташу во французской кадрили, воплощение грации», — писал своей дочери М. М. Сперанский, друг отца Наташи. Со стороны Пушкина увлечение было, вероятно, сильным: по утверждению М. А. Корфа, «едва ли не она (а не Бакунина) была первым предметом любви Пушкина»; с нею связывают первое имя «Наталья» в «Дон-Жуанском» списке Пушкина. Мы ничего не знаем определенного об этом романе.

Н. Кочубей. Портрет П. Ф. Соколова; рис. Пушкина на листе с зачеркнутой фразой "Я посещу..." (1830).

Все миновалось!
Мимо промчалось
Время любви.
Страсти мученья!
В мраке забвенья
Скрылися вы...

В 1818 году она выйдет замуж за графа А. Г. Строганова, не раз они встретятся в высшем свете — и именно с графиней Строгановой связывают многие строки из 8-й главы «Онегина»:

К хозяйке дама приближалась,
За нею важный генерал...
Она была не тороплива,
Не холодна, не говорлива,
Без взора наглого для всех,
Без притязаний на успех... —

здесь точно передано умение Весов идеально вести себя в высшем обществе, не склоняясь ни в одну из дурных крайностей; их умение соблюдать равновесие. Н. В. Строганова видела Пушкина незадолго до дуэли на балу у Уварова и долго не могла забыть «зверского выражения в лицу его... на месте его жены ни за что на свете не решилась бы возвращаться домой в одной с ним карете» [14].

Лажечников Иван Иванович

(25 IX 1792—8 VI 1869) — писатель, офицер, в 1831—1837 директор училищ Тверской губернии. Познакомился с Пушкиным в Петербурге в 1819, когда ему, со свойственным Весам миротворческим талантом, удалось предотвратить дуэль Пушкина с неким Денисевичем, оскорбленным шумным поведением Пушкина в театре: Лажечников, дабы не позволить «будущей надежде России погибнуть от руки какого-нибудь Денисевича», ловким маневром заставляет последнего извиниться перед Пушкиным. Более, несмотря на частые проезды Пушкина через Тверь, они не встречались; однако завязалась переписка: Пушкин упрекнул Лажечникова за то, что в «Ледяном доме» «истина историческая не соблюдена», заступился за Тредиаковского и Бирона — и получил в ответ огромное послание, в котором романист счел «за честь поднять перчатку» (снова — мотив дуэли, которым открылась история их отношений!) и возразил поэту подробно, по всем пунктам. «Чувства нравственного (и даже религиозного), как у немецкого крестьянина нашего времени, и теперь не существует в нашем народе»; «в историческом романе истина всегда должна уступить поэзии». Ответа на свои горячие тирады Лажечников, видимо, не получил.

Лажечников. Литография середины 19 в.

Мериме (Merimée) Проспер

(28 IX 1803—23 I 1870) — французский писатель. Сборник его «Гузла», выданный автором за собрание подлинных иллирийских фольклорных текстов, послужил Пушкину источником «Песен западных славян». История с мистификацией, похоже, слегка уязвила самолюбие Пушкина: оказалось, не один Пушкин — мастер удачно разыгрывать, как разыграл он, например, П. В. Киреевского, предложив ему найти среди записей народных песен одну песню собственного, пушкинского сочинения. «Пушкин решительно поддался мистификации Мериме, от которого я должен был выписать письменное подтверждение, чтобы уверить Пушкина в истине пересказанного мной ему, чему он не верил и думал, что я ошибаюсь, — свидетельствует С. А. Соболевский [15]. — После этой переписки Пушкин часто рассказывал об этом, говоря, что Мериме не одного его надул, но что ему поддался и Мицкевич. — Я дал себя мистифицировать в очень хорошей компании, — прибавлял он всякий раз». Что ж, это, конечно, утешение.

Иакинф Магланович — якобы существовавший иллирийский гусляр, чьи песни Мериме якобы записал (с контртитула книги Мериме "Гузла" — Париж, 1827).

Мещерская Екатерина Николаевна

урожд. Карамзина (4 X 1806—22 XI 1867) — дочь историка; княгиня.

> ...Посвящаю с умиленьем
> Простой, увядший мой венец
> Тебе, высокое светило,
> В эфирной тишине небес,
> Тебе, сияющей так мило
> Для наших набожных очес —

такое стихотворение, под названием «Акафист Екатерине Николаевне Карамзиной», вписал Пушкин в альбом дочери историка 27 ноября 1827 года. Весы всегда

любят разговоры о возвышенном — и такие стихи греют их жаждущую нездешних красот душу. Екатерина Николаевна считала себя «близким другом» поэта; у нее действительно были очень теплые отношения с Пушкиным. Подобно иным женщинам-Весам, она почти физически ощущает тревогу Пушкина в предуэльные дни: «с самого моего приезда я была поражена лихорадочным состоянием Пушкина и какими-то судорожными движениями, которые начинались в его лице и во всем теле при появлении будущего его убийцы» [16]. С замечательной проницательностью поняла она и фатальную неизбежность катастрофы, и избавительную роль смерти: «Туча стрел, направленных против огненной организации, против честной, гордой и страстной его души, произвела такой пожар, который мог быть потушен только подлою кровью врага его или же собственною его благородной кровью» (письмо кн. М. И. Мещерской); «Когда друзья и несчастная жена устремились к бездыханному телу, их поразило величавое и торжественное выражение лица его. На устах сияла улыбка, как будто отблеск несказанного спокойствия, на челе отражалось тихое блаженство осуществившейся святой надежды» [17]. Высокий, порой не в меру, стиль Весов здесь — как нельзя кстати.

Е. Н. Мещерская. Портрет работы Барди, 1830-е гг.

Милорадович Михаил Андреевич

(12 X 1771—26 XII 1825) — генерал от инфантерии, петербургский военный генерал-губернатор (1818—1825). Широкая натура, эпикуреец, страстный обожатель прекрасного пола, храбрец, побывавший во многих сражениях — ни разу не был ранен: «На меня пуля не отлита», — любил шутить он... Нашлась-таки пуля: до сих пор никто не понимает, почему именно его, известного своим либерализмом, убил Каховский 14 декабря на Сенатской площади. «Он не поэт, но в душе и рыцарских его выходках — у него много романтизма и поэзии», — сказал о нем Ф. Н. Глинка [18]. Для Пушкина это был действительно праздник: кто еще мог поступить столь по-рыцарски: прочитав тетрадь «запрещенных противоправительственных» стихов, которую в его присутствии написал Пушкин, расхохотаться, сказать: «Ах! Это по-рыцарски, (chevaleresque — любимое слово генерала, так хорошо и его самого характеризующее) пожать автору руку и объявить ему от имени царя прощение (Александр I Милорадовичу — Материнский Знак, так что здесь проблем не будет). Как это «похоже на любезного и веселого Милорадовича, который, может быть, вспоминал свою молодость и собственные шалости», — сказал об этом эпизоде Бартенев («Пушкин в Южной России»). Пушкин же писал Жуковскому в мае 1820: «Что касается графа Милорадовича, то я не знаю, увидя его, брошусь ли я к его ногам или в его объятия». Побольше бы Пушкину таких начальников!

Милорадович. Литография с портрета Д. Доу, 1823.

Надеждин Николай Иванович

(17 X 1804—23 I 1856) — журналист, литературный критик, издатель журнала «Телескоп» (1831—1836), профессор Московского университета. «Один из

величайших русских умов ... с положительным отсутствием характера», — точно сказал о нем Аполлон Григорьев [19]. «Надеждин привлекал к себе людей умом и знаниями... Но он всю жизнь вертелся, как флюгер, по прихоти случайностей; без сожаления покидал одно поприще для другого и нигде не оставлял по себе глубокого следа», — писал И. И. Панаев. Как доставалось Надеждину за эти Весовые колебания со всех сторон! А что только не пытался он «слить», соединить в своих теоретических построениях! Идеальное и реальное, классическое и романтическое, пластическое и музыкальное, «Жизнь и Поэзия», европеизм и народность, центробежность и центростремительность в разное время и по разным поводам «сливались» у него в «гармоническое целое»... И все эти теоретические полеты — в сопровождении шуточек и прибауток сомнительного свойства, вроде таких упражнений в остроумии по адресу Пушкина: «Полтава есть настоящая Полтава для Пушкина: ему было назначено здесь испытать судьбу Карла XII-го»; «Поэзия Пушкина есть просто — пародия, его можно назвать по всем правилам гением — на карикатуры»; «Для гения мало создать Евгения»; «Домик в Коломне» несравненно ниже «Нулина» — отрицательное число с минусом!» Все эти эстетические и философские изыски, как и плоские каламбуры, не принимались всерьез, а служили лишь поводом и материалом для пародий. Один Пушкин написал их великое множество — и весьма обидных для Весов, понимающих о себе всегда очень много:

Надеждин. Гравюра, 1841.

Суди, дружок, не выше сапога...

Лакей, сиди себе в передней,

А будет с барином расчет...

Надеждин ощущал себя представителем высокой научной критики и к «малообразованному» Пушкину относился несколько свысока. «Если бы у Пушкина было больше образования, он бросил бы луч на всю Европу» [20], — его слова.

Не один десяток определений дал Надеждин музе Пушкина, стремясь припечатать, запечатлеть, объять ее емкой формулой, например: «смех или дикость, оправленные в прекрасные стишки» [21]; «какое-то особенное бесстрастие, которое граничит иногда даже с холодностью г. Булгарина» [22] (это — о «Повестях Белкина»; а сравнение какое лестное!); «вольный скок резвого одушевления» (это — о «Бесах» [23]; вот уж «резвое» стихотворение!); «драматическая неполнота» [24] (конечно, это о «Борисе...»); и даже — «прыщики на лице вдовствующей нашей литературы» [25] (это — о «Графе Нулине», а заодно и о «Бале» Баратынского). А ускользающие, но в то же время и переимчивые Близнецы порой готовы даже и перехватить у ученого критика его формулу: но не для того, чтобы застыть в ней навеки, а лишь чтобы пополнить свой запас масок в бесконечной игре перевоплощений. «Муза Пушкина... резвая шалунья, для которой весь мир ни в копейку. Ее стихия — пересмехать все — худое и хорошее... не из злости или презрения, а просто из охоты позубоскалить. Это-то сообщает особую физиономию направления Пушкина», — писал Надеждин в рецензии на «Полтаву» в 1829 [26]. В самом деле, почему бы и не стать музе «резвой шалуньей»? Слово услышано и присвоено — и вот, год спустя муза и в самом деле «резвится как вакханочка» в восьмой главе «Онегина».

Зато Пушкину удалось Надеждина «припечатать», и даже подлинно глубокие его статьи, и проницательная оценка «Бориса Годунова» не спасут его от насмешливого голоса, который всегда будет его преследовать: «Журнальный шут, холоп лукавый...».

«Надеждин волен находить мои стихи дурными, но сравнивать меня с плутом есть с его стороны свинство. Как после этого порядочному человеку связываться с этим народом?» (Пушкин М. П. Погодину, 11 июля 1832). И все же связывается: печатается в «Телескопе» — правда, под шутовской маской «Феофилакта Косичкина», напоминающей шутовской стиль самого Надеждина; и даже пытается через Погодина занять у Надеждина денег: «Как вы думаете, есть надежда на Надеждина или Надоумко [27] недоумевает?» — этот каламбур в духе самого Надеждина из письма Пушкина к Погодину от конца мая 1830. Критик денег дает — а при встрече с Пушкиным у Погодина «поднимает платок», уроненный поэтом, что Пушкин находит крайне неприличным.

Орлов Алексей Федорович

(19 X 1786—21 V 1861) — генерал, участник Отечественной войны и подавления восстания 14 декабря, граф, член Государственного совета. Знакомство поэта с генералом Орловым относится к послелицейскому периоду. Пущин упрекал Пушкина за то, что в театре он любил «вертеться» около Орлова и других важных лиц, которые «с покровительственной улыбкой выслушивали его шутки и остроты». В 1817 появилась эпиграмма, которую генерал вряд ли выслушал «с покровительственной улыбкой»:

Орлов с Истоминой в постеле
В убогой наготе лежал.
Не отличился в жарком деле
Непостоянный генерал.
Не думав милого обидеть,
Взяла Лаиса микроскоп
И говорит: «Позволь увидеть,
Чем ты меня, мой милый <...>».

(Стихи очень точны астрологически: Весы скорее визионеры, чем действователи; «жаркое дело» их очень привлекает, но в основном теоретически, эстетически; его интересно изучать, наблюдать, обсуждать, а «отличаться» в нем — это слишком грубо-практично, примитивно — *Астролог*).

Однако отношения не прервались, и более того, в 1819 появляются такие стихи:

О ты, который сочетал
С душою пылкой, откровенной
(Хотя и русский генерал)
Любезность, разум просвещенный...
...Орлов, ты прав: я забываю
Свои гусарские мечты —

результат разговора Пушкина с Орловым, который отговаривал его поступать в гусары. Орлов из тех генералов-Весов, с которыми у Пушкина очень доверительные дружеские отношения — и перед которыми поэт не испытывает никакого страха. Именно в доме Орлова застало Пушкина известие о присвоении ему звания камер-юнкера. «Это взбесило его до такой степени, что друзья его должны были отвести его в кабинет графа». Трудно представить, чтобы на балу у Бенкендорфа расстроенный Пушкин дал бы волю своим чувствам и был отведен в кабинет хозяина, дабы прийти в себя, а у генерала этого Знака — можно.

Осипова Прасковья Александровна

урожд. Выдомская (4 X 1781—20 IV 1859) — помещица села Тригорского, соседка Пушкина по Михайловскому. «Твои троегорские приятельницы несносные дуры, кроме матери», — писал Пушкин сестре 4 декабря 1824. Действительно Прасковья Александровна принадлежит к числу умных и тонких женщин-Весов, облегчавших и скрашивавших жизнь Пушкина. Властная и практичная помещица, гонявшая «на корде лошадей», суровая мать, один голос которой, по признанию ее сына, А. Н. Вульфа, «наводил трепет» [28], вблизи Пушкина словно становилась совершенно другим существом.

«Всю ночь я видела вас во сне. Я помню, что поцеловала вас в глаза, и — представьте, какая приятная неожиданность, — в то же утро почтальон принес мне ваше письмо»; «целую дважды ваши глаза, подчас такие прекрасные» (Осипова — Пушкину, 29 сентября 1831; 24

июня 1834). Даже если эти эпистолярные ласки не были чисто материнскими — Прасковья Осиповна была достаточно умна, чтобы вовремя остановиться; изумительная интуиция всегда подсказывала ей верный тон и чувство границы, за которой ее нежность могла бы отпугнуть Пушкина: «любите меня в четверть того, как я вас люблю, и с меня будет достаточно»; «дважды целую ваши глаза. Honni soi qui mal y pense [Позор тому, кто плохо об этом подумает]» (21 августа 1831; 22 мая 1832).

«Вы сын моего сердца» (6 января 1837). В течение многих лет Осипова действительно была праздником для Пушкина: в Тригорском его всегда встречала предупредительная заботливость, нежная любовь, все его поручения и пожелания исполнялись с радостной готовностью, — а он был идеальным духовным партнером для Прасковьи Александровны: восхищенная его поэзией, она чувствовала себя в его обществе возвышеннее, чище, значительнее. Не будем особенно памятливы к легкой иронии, сквозящей в письмах Пушкина к хозяйке Тригорского, но, напротив, отметим, что никогда его ирония по отношению к Осиповой не достигала таких размеров и не становилась предметом шуток с друзьями, как по отношению к другим Весам, тоже его искренне любившим, — Е. М. Хитрово. Ни одна из женщин-Весов не удостоилась такого количества стихов — и каких стихов! Весь цикл «подражаний Корану» — Прасковье Александровне.

П. А. Осипова. Рисунок Н. И. Фризенгоф.

Наделенная в отношении Пушкина даром сердечного сочувствия, Осипова и сквозь непроницаемую галантность письма угадывала тревожное состояние поэта. «Налет меланхолии, господствующий в вашем письме, проник в мое сердце, и каждый раз, когда я перечитываю ваши строки, это ощущение возобновляется» (18 января 1836). Как одобряла она план Пушкина купить дом рядом с ее владениями, как звала его в деревню, угадывая его заветную мечту («О, скоро ли перенесу я мои пенаты в деревню...»), как хотела, чтобы он стал хозяином столь любимого им Михайловского — «и я охотно сделаюсь вашей управительницей» (6 января 1837).

Профиль в чепце на черновиках "Подражаний Корану". Осипова?

5 февраля 1837 тело Пушкина было привезено в Тригорское. «Мне грустно, я хотела бы поплакать с кем-нибудь — но только мне стыдно!! Пушкин не идет у меня из сердца» (Б. А. Вревскому, 23 февраля 1837 [29]). Пророческими оказались посвященные Осиповой стихи 1825 — туда, где его так любили при жизни, вернулся поэт после смерти:

Но и в дали, в краю чужом
Я буду мыслию всегдашней
Бродить Тригорского кругом,
В лугах, у речки, над холмом,
В саду под сенью лип домашней.
Когда померкнет ясный день,
Одна из глубины могильной
Так иногда в родную сень
Летит тоскующая тень
На милых бросить взор умильный.

Раевский Николай Николаевич (отец)

(25 IX 1771—28 IX 1829) — генерал, герой войны 1812 года; один из генералов-Весов, сыгравших благотворную роль в жизни Пушкина. С Раевским Пушкин был знаком еще в Петербурге до ссылки, был близко принят в его доме.

Тебя зовет на чашку чая
Раевский — слава наших дней, —

однажды (в 1819) написал Пушкин Жуковскому, не застав его дома. «Раевский как-то особенно умел сходиться с людьми, одаренными свыше», — пишет о нем Бартенев («Пушкин в Южной России»); не удивительно, что младший Раевский легко уговорил его взять Пушкина с собой в путешествие по Кавказу и Крыму. Генерал взял больного лихорадкой поэта к себе в карету; их общение было легким и шутливым — как с другом-сверстником. «Раевского всюду встречали с большим почетом; в городах выходили к нему навстречу обыватели с хлебом и солью. При этом он, шутя, говаривал Пушкину: прочтите-ка им свою Оду («Вольность» — *Авт.*). Что они в ней поймут. Вообще он подразумевал, что Пушкин принадлежит к масонам, дразнил его и уверял, что из их намерений ничего не выйдет» [30].

О путешествии с семьей Раевских Пушкин писал брату (24 сентября 1820): «Мой друг, счастливейшие минуты жизни провел я посреди семейства почтенного Раевского. Я не видел в нем героя, я в нем любил человека с ясным умом, с простой, прекрасной душой; снисходительного, попечительного друга, всегда милого, ласкового хозяина. Свидетель екатерининского века, памятник 12 года, человек без предрассудков, с сильным характером и чувствительный, он невольно привяжет к себе всякого, кто только достоин понимать и ценить его высокие качества».

Теплые отношения сохранились до конца жизни генерала, который, кроме всего прочего, служил для Пушкина неиссякаемым источником рассказов о Екатерине, 18 веке, событиях 1812 года. По просьбе Раевского Пушкин написал стихотворную эпитафию его внука — сына М. Н. Волконской. После смерти генерала семья его осталась в бедственном положении — и Пушкин не забыл того добра, которое сделал для него генерал. «Героем 1812 года, великим человеком» называет Пушкин его в письме к Бенкендорфу; несмотря на всю зыбкость своих отношений с коварным Раком, Пушкин обращается к нему с просьбой об увеличении пенсии вдове Раевского (Близнецы умеют просить за других; за себя у них получается намного хуже — *Астролог*): «вдова генерала Раевского обратилась ко мне с просьбой замолвить за нее слово перед теми, кто может донести ее голос до царского престола».

Н. Н. Раевский с сыновьями в бою. Гравюра С. Карделли, 1810-е гг.

Н. Н. Раевский (отец). Рис. Пушкина 1823.

Раевский Николай Николаевич (сын)

(26 IX 1801—5 VIII 1843) — сын генерала Раевского, впоследствии тоже генерал.

Едва-едва расцвел, и вслед отца героя
В поля кровавые под тучи вражьих стрел,
Младенец избранный, ты гордо полетел —

писал о нем Пушкин в посвящении «Кавказского пленника».

В юности служил в лейб-гвардии Гусарском полку — в эту пору и познакомился с Пушкиным-лицеистом. Раевский отыскал в Екатеринославе больного Пушкина и устроил ему сказочную поездку по Кавказу и Крыму. Они вместе читали Байрона, изучали английский язык; Пушкин очень ценил строгость литературных вкусов друга и доверял им.

Когда я погибал безвинный, безотрадный,
И шопот клеветы внимал со всех сторон...
...Я близ тебя еще спокойство находил:
Я сердцем отдыхал — друг друга мы
любили...

Однако адресат этого посвящения писал поэту о первой его романтической поэме без восторга, но с дружеской прямотой: «Твой Кавказский пленник хотя его и нельзя назвать хорошим произведением, открыл путь, на котором споткнется посредственность» (10 мая 1825). Раевский часто весьма сурово отзывался о произведениях Пушкина, но это была продуктивная критика, подсказанная любовью и заботой о будущем: «Ты довершишь у нас водворение простой и естественной речи... Ты окончательно сведешь ее с ходуль» (10 мая 1825). Когда же Пушкин был не согласен с Раевским решительно, от него можно было и по-дружески отмахнуться — тот не обижался: «Не верь Н. Раевскому, который бранит его [Онегина] — он ожидал от меня романтизма, нашел сатиру и цинизм и порядочно не расчухал» (брату, зима 1824).

Помимо «Кавказского пленника», Раевскому посвящен «Андрей Шенье», ему же поэт собирался посвятить «Бахчисарайский фонтан»; в форме письма к нему поэт набрасывает предисловие к «Борису Годунову». В 1829 Пушкин самовольно, не убоявшись неминуемого гнева Бенкендорфа (желание праздника в Близнецах сильнее страха нагоняя от Рака — *Астролог*), приехал к Раевскому в действующую армию в Закавказье, жил с ним в одной палатке, даже участвовал в боевых действиях. Когда Раевского сослали в Полтаву, Пушкин вновь, не думая, что сам он в глазах Рака весьма неблагонадежен и рискует запятнать себя еще больше, просит разрешения посетить друга — естественно, получает отказ и очередную порцию «отеческих советов». В 1830-е гг. они снова часто встречались; а если уж очень утомляли Весы своими разглагольствованиями, то им ведь можно сказать, например, так: «На что Вяземский снисходительный человек, а и он говорит, что ты невыносимо тяжел» [31].

Н. Н. Раевский (сын). Рис. неизв. худ., 1819; рис. Пушкина 1829.

Раич Семен Егорович

(наст. фам. Амфитеатров) (нач. октября 1792—4.XI 1855) — поэт, переводчик, журналист, издатель альманаха «Северная лира» (1827) и журнала «Галатея» (1829—1830, 1839). «Маленький ростом, какой-то чернокожий, тщедушный, почти монах по образу жизни, он любил в стихах своих выражать наслаждения жизнью, *буянил в стихах*, как мы говорили тогда... говорил всегда нараспев, тоненьким больным голоском, и это, в

противоположности с его личностию, представляло столь истинного комизма, что при имени С. Е. Раича нельзя было не улыбнуться» (Кс. Полевой [32]). Пушкин не отказывал Раичу в своих произведениях: напечатал у него отрывки из «Кавказского пленника», стихотворения «Муза», «Цветок», «Два ворона», «Вы избалованы природой». Познакомились они в Одессе. Раич сразу создал Весовый миф о Пушкине: только в его воспоминаниях можно прочитать о том, как Пушкин читал ему, Раичу, «только что сбежавшую с пера» «Песнь о вещем Олеге» и отрывки из «Онегина», а также как однажды Пушкин в откровенном разговоре сказал Раичу: «Я всякий раз чувствую жестокое угрызение совести, когда вспоминаю, что я, может быть, первый из русских начал торговать поэзией. Я, конечно, выгодно продал свой «Бахчисарайский фонтан» и «Евгения Онегина», но к чему это поведет нашу поэзию, а может быть, и всю нашу литературу? Уж, конечно, не к добру. Признаюсь, я завидую Державину, Дмитриеву, Карамзину: они бескорыстно для словесности подвизались на благородном своем поприще... А я?» Тут Пушкин будто бы вздохнул и замолчал... Миф, конечно же, но какой круглый, концептуальный и даже несколько «житийственный»! А из писем самого Пушкина следует, что он не слишком высоко ценил автора известной строки из перевода «Освобожденного Иерусалима» Тассо:

Портрет С. Е. Раича (?) работы М. Ю. Лермонтова, 1830-1832 гг.

Вскипел Бульон, течет во храм

и не скрывал этого: «Соперничать с Раичем и Шаликовым как-то совестно» (Вяземскому, 2 мая 1830). А вот и разоблачение мифа: «О каких переменах говорил тебе Раич? я никогда не мог поправить раз мною написанное» (Вяземскому, 14 октября 1823) — это на все времена пушкинское предостережение, как относиться к откровениям Весов.

Мое собранье насекомых
Открыто для моих знакомых...
Вот Раич — мелкая букашка...

Довольно бесцеремонный намек и на маленький рост Раича, и на масштаб его поэзии. Все-таки, увы, — вздохнет Астролог, — именно так и воспринимают Близнецы Весов. А сами Весы назвали Пушкина «выразителем чувств и дум русского народа» — ну не могут не говорить красиво!

Рудыковский Евстафий Петрович

(2 X 1784—1851) — штаб-лекарь, сопровождавший семью Раевских и Пушкина в поездке на Кавказ и Крым. Оставил воспоминания о том, как в Екатеринославе «в гадкой избенке, на дощатом диване» увидел он молодого человека, «небритого, бледного и худого», больного лихорадкой, который был занят тем, что писал стихи. «Нашел, — подумал Рудыковский, — и время и место». Больной был упрям, от микстуры отказывался, продолжал купаться, ходить без шинели и «кушать бланманже» — от чего постоянно возобновлялись сильные пароксизмы. Однако Пушкин выздоровел — и настолько, что в Горячеводске сыграл с добрейшим лекарем шутку, на его взгляд, невинную, но сильно расстроившую и лекаря, и генерала (словом, всех Весов): в книге записал Рудыковского лейб-медиком, а Пушкина — недорослем. Генерал пожурил Пушкина за шутку, а Рудыковский, возвратясь в Киев и прочтя «Руслана и Людмилу», «охотно простил Пушкину его шалость».

Аптеку позабудь ты для венков лавровых
И не мори больных, но усыпляй
здоровых —

вот мнение Пушкина о медицинском ис-

кусстве Рудыковского (надо сказать, что Близнецы вообще не верят в медицину, а верят в чистоту; сравните мнение Петра о том, что для народа лучшее лекарство — баня — *Астролог*), а тот действительно часто позабывал аптеку для «венков лавровых» и даже написал стихотворение, в котором описывает, как вместе с Пушкиным воспевал нарзан.

Рылеев Кондратий Федорович

(29 IX 1795—25 VII 1826) — поэт, издатель (вместе с А. И. Одоевским) альманаха «Полярная звезда», один из руководителей Северного общества. Н. А. Бестужев вспоминал, что Рылеева отличали «сострадание к человечеству, нелицеприятие, пылкая справедливость, неутомимое защищение истины»; и поэзия для него была средством «защищения истины», — а у безыдейных Близнецов «цель поэзии — поэзия». «Я не поэт, а гражданин», — гордо восклицают Весы, блистая взорами, — «Если ты не поэт, зачем же ты пишешь стихи?» — тут же снижают весь возвышенный пафос эти невыносимые насмешники. Так и складывались отношения между двумя поэтами: Весы призывают Близнецов к высокому гражданскому служению — «Будь Поэт и гражданин» (Рылеев — Пушкину, ок. 20 ноября 1825), упрекают Пушкина за «аристократизм», за пренебрежение сокровищами его «огромного дарования и его пылкой души». А Близнецов не слишком волнует гражданский пафос стихов Рылеева, он видит только, что «поэзия в его стихах не ночевала»; что «Думы» дрянь, и название сие происходит от немецкого dumm [тупой, глупый]» (Вяземскому, май-июнь 1825); «Думы» Рылеева и целят, а все невпопад» (Жуковскому, апрель 1825). «Я, право, более люблю стихи без плана, чем план без стихов», — признаются Близнецы (А. А. Бестужеву, 30 ноября 1825). Особое удовольствие получали наблюдательные Близнецы, когда ловили возвышенные, не вникающие в детали Весы на мелких неточностях: «У вас пишут, что луч денницы проникал в полдень в темницу Хмельницкого. Это не Хвостов написал — вот что меня огорчило», — пишет Пушкин брату (4 сентября 1822) с явным расчетом, что тот передаст все Рылееву. Так и произошло: Рылеев в очередной раз скрипнул зубами, а стихи при перепечатке исправил...

Хоть Пушкин суд мне строгий произнес
И слабый дар, как недруг тайный, взвесил,
Но от того, Бестужев, еще нос
Я недругам в угоду не повесил, —

с обидой писал Рылеев, словно прикованный темным предчувствием к фатальному для него (и к тому же такому астрологическому!) мотиву взвешивания-подвешивания. «Знаю, что ты не жалуешь мои «Думы» (Пушкину, 10 марта 1825). Однако Пушкин не упускал случая и похвалить Рылеева, если было за что, в своей макабрической манере: «Он в душе поэт. Я опасаюсь его не на шутку и жалею очень, что его не застрелил, когда имел тому случай» (А. А. Бестужеву, 24 марта 1825); эта зловещая шутка — высший комплимент у Близнецов. В «Войнаровском» Пушкин, по воспоминанию Н. А. Бестужева [33], вымарал один стих и написал на полях: «Продай мне этот стих!» Речь идет о стихе, изображающем палача в сцене казни Кочубея: «Вот засучил он рукава...»

Рылеев. Неизв. худ., 1824—1825; рис. Пушкина 1826.

Тургенев Николай Иванович (22 X 1789—10 XI 1871) — брат А. И. и С. И. Тургеневых, один из руководителей Союза благоденствия и видный член Северного общества. С Пушкиным познакомился в послелицейскую пору, был поражен его умом и нашел достойным своей дружбы: Пушкин «точно стоит удивления по чистоте слога, вооображению и вкусу» (С. И. Тургеневу, 16 октября 1817) [34]. Именно в доме Тургенева на Фонтанке началось политическое воспитание Пушкина; здесь он впервые услышал упреки в изнеженности и чрезмерной унылости своей поэзии, здесь он принял этот вызов и написал за одну ночь оду «Вольность». Были споры, и даже вызов на дуэль (вспомним и несостоявшуюся дуэль с Рылеевым) — когда кристально-честный Тургенев дал понять Пушкину, «что нельзя брать ни за что жалование и ругать того, кто дает его», а Пушкин вспылил [35], — одним словом, все было, как и положено в отношениях между легкомысленными, не признающими ничего святого, готовыми надо всем потешаться Близнецами и Весами, безмерно преданными идее. Тургенев был знаменит своей фанатической преданностью одной идее — освобождению крестьян; он даже заседания «Арзамаса», проходившие иногда у него на квартире, ухитрялся превращать в проповедь своей любимой мысли — так, 29 сентября 1817 он записывает в дневнике: «Третьего дня был у нас Арзамас. Нечаянно мы отклонились от литературы и начали говорить о политике внутренней. Все согласны в необходимости уничтожить рабство» [36].

Свойство человека полностью отдаваться одной идее всегда занимало Пушкина, — вероятно, отчасти и потому, что ему самому подобное состояние было абсолютно чуждо; в этом смысле Н. Тургенев для Пушкина стоит в одном ряду со многими его персонажами: Германном, Бедным Рыцарем, Скупым Рыцарем, — героями, у которых преданность неподвижной мысли граничит с безумием. Таков, видимо, был и Тургенев: «он ... точно помешался на мысли, впрочем, справедливой, о необходимости истребления рабства в России», — пишет о нем Греч [37]. «У меня беспрестанно в голове наша деревня, участь крестьян», — признается сам Тургенев в полной неподвижности своей единственной идеи [38]. Не удивительно, что и Тургенева Пушкин включает (в десятой главе «Онегина») в свою коллекцию «однодумов»:

Н. И. Тургенев. О. Эстеррейх, 1823.

Одну Россию в мире видя,
Лаская в ней свой идеал,
Хромой Тургенев им внимал
И, плети рабства ненавидя,
Предвидел в сей толпе дворян
Освободителей крестьян.

Когда А. И. Тургенев послал в 1832 эти строки брату, тот реагировал резко: Пушкин к этому моменту очернил себя в глазах Николая Тургенева антипольскими стихами. «Можно иметь талант для поэзии, много ума, воображения и при всем том быть варваром. А Пушкин и все русские конечно варвары» (Н. Тургенев — А. И. Тургеневу, 20 августа

1832) [39]. Словно пытаясь примириться с другом, предъявляющим к нему чрезмерно суровые нравственные требования, Пушкин посылает ему, через его брата Александра, «Слово о полку Игореве», а затем (незадолго до смерти, 16 января 1837) и посвященные Вяземскому старые, 1826 года, стихи, вызванные тогдашними слухами о выдаче Англией Николая Тургенева русскому правительству:

Так море, древний душегубец,
Воспламеняет гений твой?
Ты славишь лирой золотой
Нептуна грозного трезубец.
Не славь его. В наш гнусный век
Седой Нептун земли союзник.
На всех стихиях человек —
Тиран, предатель или узник.

Не одни русские варвары: гнусен весь этот век, и человек предатель — повсюду (так что не ругай меня!). Не знал Николай Тургенев ранее этих стихов — как, скорее всего, не знал и того, что «варвар» Пушкин в том же роковом, 1826 году, мужественно заступился за него в представленной царю записке «О народном воспитании».

Фикельмон Дарья (Долли) Федоровна (Fiquelmont) урожд. графиня Тизенгаузен (14 X 1804—10 IV 1863) — дочь Е. М. Хитрово, жена австрийского посланника. Приехав в 1823 в Москву, она, по словам Вяземского, «вскружила старушку»: все бегали за ней, в саду дамы и мужчины толпились вокруг нее. Умна, образована, хозяйка одного из самых блестящих петербургских салонов. Как и мать, «горячо любила и ценила Пушкина», в ее салоне «Пушкин был дома». С присущим Весам даром пророчества, взглянув на молодую чету Пушкиных, она написала Вяземскому: «Жена Пушкина прекрасное создание, но это меланхолическое и тихое выражение похоже на предчувствие несчастия. Физиономии мужа и жены не предсказывают ни спокойствия, ни тихой радости в будущем: у Пушкина видны все порывы страстей; у жены вся меланхолия отречения от себя». А в дневнике ее — запись о жене Пушкина: «Эта женщина не будет счастлива, я в том уверена! Она носит на челе печать страдания».

«Вы имеете несчастье быть самой блестящей из наших знатных дам» (Пушкин — Долли Фикельмон, 25 апреля 1830). Шутливый пушкинский парадокс запечатлел, быть может, тот внутренний диссонанс, печать тайной тревоги, которую некоторые проницательные современники замечали в ней. «Я испытываю постоянную потребность бороться со своей грустью и меланхолией», — пишет она в дневнике; а И. И. Козлов воспевает это ее тайное страдание, ее истинно Весовые колебания между меланхолией и наслаждением, земным и небесным:

О, милый друг! Какой судьбой
Страданье встретилось с тобой
И муки бренные земли
С эфирным ангелом любви...

Был ли Пушкин причиной ее скрытой меланхолии, как полагают многие биографы? Во всяком случае, поэзия тайного страдания — не пушкинская тема, о не она привлекала Пушкина в Долли: Близнецам, которым и в интимной сфере нужно постоянно «разнообразить наслажденья», хочется попробовать и женщину-Весы — хотя бы раз (и, может быть, лишь в воображении?). И не нужно быть слишком строгим к Пушкину за то, что он рассказал друзьям о якобы имевшей место «жаркой истории

Д. Ф. Фикельмон. Ф. Агрикола, рисунок; рис. Пушкина 1829.

с женой австрийского посланника» (рассказал-то, кстати, совсем по другому поводу: чтобы показать, что женщина при необходимости может удержаться от обморока в самых критических обстоятельствах); друзья молчали, репутация Долли не пострадала.

Долли — прототип героини незавершенной повести Пушкина «Мы проводили вечер на даче». После смерти Пушкина она писала сестре из Вены: «Мы не будем видеть г-жи Дантес, она не будет появляться в свете, особенно у меня, потому что знает, с каким отвращением я увидела бы ее мужа».

Хитрово Елизавета Михайловна

(30 IX 1783—15 V 1839) — дочь М. И. Кутузова, мать Д. Ф. Фикельмон. Хозяйка аристократического салона, в котором, по словам Вяземского, «имела верные отголоски вся животрепещущая жизнь, европейская и русская, политическая, литературная и общественная». «Она скорее некрасива, чем красива, но очень романтически настроена», — свидетельствует современник [40]. Неизменное романтическое настроение Елизаветы Михайловны отражало уже знакомое нам и по другим Весам свойство: безусловную преданность одной неподвижной идее — в данном случае идее дружбы; той особой amitié amoureuse, «любовной дружбы», которая могла окрашиваться в самые возвышенные, почти религиозные тона самопожертвования, самоотречения, загробной верности. «Она была неизменный, твердый, безусловный друг друзей своих, — вспоминал Вяземский, — ... в ней дружба возвышалась до степени доблести. Где и когда нужно было, она за них ратовала, отстаивала их, не жалея себя, не опасаясь для себя неблагоприятных последствий, личных пожертвований от этой битвы не за себя, а за другого». Когда врачи для излечения сумасшедшего Батюшкова порекомендовали ему физическое общение с женщиной, Хитрово объявила о своей готовности на отчаянный «дружеский поступок», о чем мы узнаем из иронической записки Пушкина к княгине Вяземской (4 июня 1832): «Она [Хитрово] как нельзя более тронута состоянием Батюшкова — и предлагает самое себя... с самоотвержением истинно удивительным».

Е. М. Хитрово. Рис. О. Кипренского; рис. Пушкина 1828.

Но главным героем этой «набожной мечты» о жертвенной дружбе был для Елизаветы Михайловны Пушкин. К нему она питала самую нежную, страстную привязанность; Пушкин был в ее салоне как дома: здесь предугадывались его малейшие желания, здесь всегда были готовы прийти ему на помощь. По положению своему в великосветских и дипломатических кругах, по доступу ко всем новинкам иностранной литературы Хит-

рово была очень полезна Пушкину — и он не отказывался принять столь горячо предлагаемую помощь. Застряв в чумную осень 1830 в Болдине, Пушкин с шутливым цинизмом сожалеет, что не написал вовремя Хитрово: «Кабы знал, что заживусь здесь, я бы с ней завел переписку взасос и с подогревцами, то есть на всякой почте по листу кругом — и читал бы в нижегородской глуши le Temps и le Globe » (Вяземскому, 5 ноября 1830). В качестве близкого друга Елизавета Михайловна поэта получила и анонимный пасквиль; 29 января она войдет в кабинет, где умирал Пушкин, и станет на колени... [41]

Подобно П. А. Осиповой, Е. М. Хитрово обладала тонкой настроенностью на душу поэта, способностью угадывать его состояние и предчувствовать угрожающую ему беду. «Любовь моя к вам беспокойна и мучительна» (18 марта 1830). «Прозаическая сторона брака — вот чего я боюсь для вас!» — восклицает она вполне пророчески (май 1830). Была в ней и готовность служить Пушкину: если Осипова намеревалась сделаться его «управительницей», то Хитрово умоляла о большем: «Не лишайте меня счастья быть у вас на посылках»; «располагайте мною во всем и без всякого стеснения» (18 марта и май 1830). Однако такта, чувства границы, «недоступной черты», которым так отличалась умная Осипова, Елизавете Михайловне решительно не хватало: «если бы вы знали, до какой степени мне нужно вас увидеть — вы бы сжалились надо мной и вернулись бы на несколько дней»; «я нахожу совершенно необходимым, чтобы вы подтвердили письмом получение этой записки — не то впредь для вас нет извинений» (18 марта и май 1830). Поистине, «несносна ее заботливость», как говорит князь в «Русалке» о любящей жене; и Пушкин в разговорах и переписке с друзьями не щадит «Лизу голенькую». «Если ты можешь влюбить в себя Елизу, то сделай мне эту божескую милость. Я сохранил целомудренность, оставя в руках ее не плащ, а рубашку..., а она преследует меня и здесь и письмами и посылками. Избавь меня от Пентефреихи» (Вяземскому, март 1830). «Кланяйся и всем моим прелестям: Хитровой первой. Как она перенесла мое отсутствие? Надеюсь, с твердостию, достойной дочери князя Кутузова» (жене, 8 октября 1833). Или — совсем уж немыслимый пассаж из письма к Вяземскому (14 августа 1831): «Лиза написала было мне письмо вроде духовной: верьте нежности той, которая будет любить вас и за гробом и проч., да и замолкла; я спокойно себе думаю, что она умерла. Что же узнаю? Элиза влюбилась в вояжера Mornay да с ним кокетничает». Самой же Хитрово Пушкин грубит откровенно, словно любуясь рельефностью, которую приобретал его цинизм на фоне монотонного романтического энтузиазма «княжны Кутузовой-Смоленской» (как любила она сама подписываться): «Больше всего на свете боюсь порядочных женщин и возвышенных чувств. Да здравствуют гризетки!» (Пушкин — Хитрово, август-октябрь 1826).

Вот обычная его вежливая отговорка от обязательного ежедневного посещения салона: «Одно крайне досадное обстоятельство лишает меня сегодня счастья быть у вас. Прошу принять мои сожаления и извинения, равно как и выражение моего глубокого уважения». Или пример более тонкой игры: «Я в восхищении, что вы покровительствуете моему Онегину; ваше критическое замечание столь же справедливо, как и тонко, как все, что вы говорите; я поспешил бы прийти и выслушать все остальные, если бы не хромал еще немного и не боялся лестниц». В письме к ней он может излить свою мучительную страсть к Закревской — ничего, стерпит. Ей можно написать и такое: «Извините, сударыня: я заметил, что начал писать на разорванном листе, у меня нет терпения начать сызнова». И самое главное — ни одного стихотворения за все годы такой невиданной преданности; так и прилипла к Ели-

завете Михайловне одна лишь оскорбительная эпиграмма Соболевского, которую приписывали Пушкину:

Лиза в городе жила
С дочкой Долинькой;
Лиза в городе слыла
Лизой голенькой...

Дева или Скорпион от тысячной доли таких насмешек сделали бы все, чтобы свести Пушкина с лица земли, — а Весы как будто ничего и не знают; а может, и действительно не знают? Им и в голову не придет, что над ними можно смеяться!

Надгробие Е. М. Хитрово в Лазаревской усыпальнице Александро-Невской лавры. Ее профиль обвивает змея, кусающая себя за хвост, — эмблема вечности.

Языков Александр Михайлович

(25 IX 1799—21 I 1874) — брат Н. М. и П. М. Языковых. Встречался с Пушкиным в Петербурге, в Симбирской губернии, где поэт (11-12 сентября 1833) застал в имении Языково всех трех братьев, «отобедал с ними очень весело». Тогда же Александр Михайлович показал ему в Симбирске двор, куда привезли плененного Пугачева, крыльцо, на котором стоял граф Панин, — спустя же год, в сентябре 1834, Языков посетит Пушкина в Болдине, и поэт покажет ему уже готовую «Историю Пугачева». Подобно своему брату-поэту, Языков относился к творчеству Пушкина с большой разборчивостью: ценил «Бориса Годунова», скептически относился к сказкам и историческим работам; к похвалам Пушкину в журналах относился с недоверием и однажды задался вопросом, достойным истинного исследователя-пушкиниста: «Видели ли, как Полевой превозносит Пушкина и унижает всех прочих; впрочем, любопытно бы было вычислить, сколько у Пушкина *своего*» [42].

Действительно, любопытно...

Яковлев Михаил Лукьянович

(30 IX 1798—16 I 1868) — лицейский товарищ Пушкина. Известный имитатор (лицейское прозвище — Паяс), прекрасный актер, музыкант (напишет музыку на три стихотворения Пушкина: «Слеза», «Признание» и знаменитый «Зимний вечер»), литератор. «Веселость выражалась в чертах его лица, его появление всегда оживляло общество» (Я. К. Грот); «хороший товарищ, надежный в приязненных своих отношениях, не без способностей к делу» (М. А. Корф). В Лицее Яковлев и Пушкин издавали рукописный журнал «Юные пловцы», вместе сочинили комедию «Так водится в свете». В стихотворении «Пирующие студенты» (1814) Пушкин обращается к Яковлеву:

А ты, который с детских лет
    Одним весельем дышишь,
Забавный, право, ты поэт,
    Хоть плохо басни пишешь:
С тобой тасуюсь без чинов,
    Люблю тебя душою...

Впрочем, Яковлев в послелицейские годы был ближе к Дельвигу, чем к Пушкину; однажды Пушкин даже получил от Дельвига выговор за то, что относится

к Яковлеву «несколько надменно». Смерть Дельвига, похоже, сблизила Пушкина и Яковлева; именно с ним Пушкин делится (в письме от 19 июля 1831) замыслом издать свою переписку с ушедшим другом и завершает письмо в том макабрическом тоне, который так характерен для его переписки с близкими друзьями: «Что вы делаете, друзья, и кто из наших приятелей отправился туда отколь никто не воротится?» Справедливо: именно Яковлеву — «лицейскому старосте», хранителю лицейских традиций, у которого на квартире чаще всего отмечались лицейские годовщины, — надлежит вести счет ушедшим. В 1833 годовщину отмечали без Пушкина, который был в Болдино, и Яковлев в лицейском протоколе подводит зловеще-шутливый итог:

Яковлев. Неизв. худ., 1810-е гг.

Наш добрый Пушкин далеко,
Наш добрый Дельвиг в гробе,
И вся поэзия в одной моей утробе!

Впрочем, по сообщениям Е. А. Энгельгардта [43], с начала 1830-х гг. Яковлев становится необычно серьезным и делает довольно скучную карьеру: действительный статский советник, директор Второго отделения Его Императорского Величества типографии (с февраля 1833)... Все это словно предвиделось анонимной лицейской эпиграммой:

Мишук не устает смешить,
Что день, то новое проказит.
Теперь затеял умным быть...
Не правда ль? мастерски паясит?

Как типограф, Яковлев общается с Пушкиным в связи с печатанием «Истории Пугачева»: помогает в выборе шрифта, бумаги, в чтении корректур. Пушкин пользовался неопубликованной работой Яковлева и Д. А. Эристова «Исторический словарь»; позднее, в рецензии на другую их работу — «Словарь о святых», — Пушкин говорит слова, которые Яковлеву-типографу должны были быть особенно приятны: «библиофилы будут благодарны за типографическую изящность издания: «Словарь»... есть отличное произведение типографии Второго Отделения собственной канцелярии Е. И. В.».

У Яковлева, 19 октября 1836, Пушкин читал свое последнее стихотворение, посвященное дню Лицея. Получив анонимный пасквиль, Пушкин пришел к Яковлеву и показал его — Яковлев, профессионал-типограф, определил бумагу как «иностранную».

«Старосте Лицея» — вести счет утрат и быть за них в ответе. «Пушкин убит — Яковлев, как ты это допустил?..» — писал Ф. Ф. Матюшкин из Севастополя.

Близнецы — Скорпион

«Ты понял жизни цель... Для жизни ты живешь»

Знаки 1—8. Для Скорпиона Близнецы — Знак Смерти; для Близнецов Скорпион — Знак Здоровья. Круг Ума и Круг Чувства. На первый взгляд, Знак Смерти —что-то очень страшное, от чего нужно скорее бежать, как от чумы. Как правило, общение со своим Знаком Смерти действительно требует от человека большого напряжения, и слабым натурам его лучше избегать. Знак Смерти означает беспрепятственный отток энергии, зачастую полное лишение воли — и перерождение, абсолютное подчинение, отказ от всех качеств своего знака. Если человек слаб, то он может быть полностью уничтожен, его сущность совершенно заменяется; во многих случаях такое общение напоминает зомбирование.

Гравюра из книги «Астролог 19 столетия» (Лондон, 1825). Изготовления талисмана против ядовитых гадов: «этот талисман делают из железа, когда солнце и луна вступают в знак Скорпиона».

Но если Знак 1 — сильный, то общение со своим Знаком Смерти ему на пользу, ибо в этом общении много творческого, оно обогащает природу Знака 1, позволяет ему через смерть пережить новое рождение, обрести новое видение мира. Но это верно лишь для очень сильных натур. Обычно же общение со Знаком 8 раздражает, выводит из себя (слишком все разное, и почему-то приходится подчиняться, и благодарности никакой, и чувствуешь себя после общения больным и выжатым), Знак 1 начинает мстить, пытается делать Знаку 8 гадости (которые, как правило, по закону астрологии, обращаются против него самого), может даже попытаться убить его. Убить Знак Смерти — в этом что-то есть... Если Знак 8 — натура слабая и низкая, он нещадно давит на свой Знак 1, вытягивает из него невероятное количество энергии, ничего не давая ему взамен. Но в этом случае Знаку 8 следует помнить: если беспрерывным опустошением довести Знак 1 до болезни, то энергия, которую он из него получит, не пойдет на пользу; следует помнить, что для Знака 8 Знак 1 — Знак Здоровья (или Болезни). Как видим, сочетание этих знаков дает очень сложную картину; чтобы сохранить нервы и здоровье, самое простое — его избегать.

Но у Близнецов все не как у людей. И Знак Смерти они весьма своеобразный, да и Знак Здоровья Судьба им подобрала — постаралась... Кажется, ничего общего: легкомысленные, непрактичные, живущие одним днем, вечно бездомные, вечно безденежные и вечно

смеющиеся Близнецы — ну как их понять никому не верящему, во всем сомневающемуся, всегда помнящему о том, что может наступить черный день, и всегда имеющему твердый тыл, такому таинственному, такому скрытному, такому молчаливому Скорпиону? Они же должны друг друга безумно бесить! И им, этим «гулякам праздным», должен отдавать могучий Скорпион свою энергию? Да, должен, и, более того, отдает с радостью. Близнецам, которые постоянно растрачивают так много энергии, своей и чужой, Судьба дала специально для них созданный мощнейший источник энергии. Скорпион — самый мощный знак, его энергия никогда не иссякает, поскольку он, как птица Феникс, возрождается из пепла и даже не чувствует энергетической потери.

Скорпион охотно общается с Близнецами, но жить так, как живут они, он все-таки не будет: Скорпион — сильный знак, и полного разрушения своей природы не допустит. Он понимает, что для него жить так, как живут Близнецы, — это действительно смерть («рожденный ползать летать не может» — в этих словах нет ничего обидного; просто у этих знаков разная сфера влияния, разный источник силы), и он всегда сможет удержаться от полной подчиненности. Но Близнецам этого и не надо: они не давят, не требуют (им некогда), а в благодарность за взятое сами много отдадут (Близнецы — существа благодарные, они берегут и лелеют своего Скорпиона, говорят ему только приятное). Так бывает в идеальном случае, когда Скорпион способен удержаться и не прельститься легкостью Близнецового полета, не отправиться вослед; если же не удержится — последствия ужасны, и, главное, виноватого не найти...

Обычно знаки 1—8 в глубине души не любят друг друга, а здесь (всегда все странно с Близнецами!) несмотря на весь антагонизм, на всю непохожесть, — любят! Может, дело в том, что Скорпион просто имманентно связан со смертью, тяга к ней, как и у Близнецов, заложена в нем от рождения; или в том, что Скорпионы бесстрашны и не ведают жалости — как и Близнецы? А Близнецов Скорпион притягивает своей силой, своей глубиной. Воздушные эльфы притягиваются, чувствуют неодолимое влечение к духам глубин — и наоборот. Но самое главное, что заставляет их тянуться к друг другу: и Близнецы, и Скорпион живут для жизни. Цель жизни — жизнь; цель поэзии — поэзия. И Близнецы, и Скорпион не задумаются принести ради жизни любые жертвы — даже саму жизнь...

Около Пушкина Скорпионов не так уж много. Скорпионы, как правило, чувствуют сильное влечение к истории, к ее тайнам (ведь тайна — это самое главное для Скорпиона: свою — скрыть, а чужую — открыть, хотя бы это стоило жизни). Много историков, археологов, писателей: Каченовский, Погодин, Бантыш-Каменский; в последние дни жизни Пушкин делится с археографом М. А. Коркуновым своими «светлыми разъяснениями Песни о Полку Игореве». Пушкин с ними, как правило, расходится в самых основополагающих воззрениях — и остается другом, помогает, хвалит, подбадривает. Они тоже не соглашаются с ним во многом — и объявляют его гением. Часто, словно соревнуясь с Пушкиным, пишут на общую с ним тему: два Скорпиона написали вслед за Пушкиным трагедии о Борисе Годунове — М. Е. Лобанов и Погодин. Кто знает, может быть, такое количество писателей-Скорпионов, столь чуждых Пушкину по своим воззрениям и столь дружески к нему настроенных, — для того, чтобы как-то отвлечь Пушкина от мерзостей жизни? Скорпион ведь не станет лить слез и растравлять раны (да и Близнецы никогда не станут жаловаться на судьбу), он увидит, что Близнецам плохо, — и переключит их внимание, найдет им какое-нибудь дело, что-нибудь расскажет, о

чем-нибудь попросит — глядишь, Близнецы уже опять улыбаются и носятся по чужим делам, забыв о своих печалях. А ведь и в творческом смысле общение с ними Пушкину много дает: Скорпионы умеют работать, они усидчивы и кропотливы, они способны составить словарь, собрать огромный исторический материал — Пушкину этого никогда не суметь; но он способен найти Скорпионов, которые составят словарь, вселить в них уверенность в успехе, подбодрить, помочь — а потом он будет пользоваться и словарем, и историческим материалом. Скорпионы — незаменимые помощники Близнецам в работе, они легко берут на себя труд, перед которым любые Близнецы спасуют, делают его добросовестно и не требуют награды. Причем, как бы далеко ни расходились взгляды Близнецов и Скорпионов, — как правило, при личной встрече не бывает никакой неприязни, и конфликт затухает сам собой. Близнецы даже добиваются похвалы от Скорпионов в той области, где Скорпион не знает равных, а Близнецы, казалось бы, лишь верхоглядствуют, — в истории: Скорпионы и в этой области отдают должное интуиции Близнецов.

Много чиновников разных ведомств, которые как бы посланы Судьбой, чтобы облегчать Пушкину общение с совершенно невозможными для него высшими начальниками: обязательно между Раком и Пушкиным Судьба поставит Скорпиона — вот и не надо Пушкину особенно трудиться и нервничать: Скорпион за него все уладит. Друзей задушевных здесь нет — да это и невозможно, если принять во внимание все, что уже было сказано об этих двух знаках. Есть взаимное уважение, взаимное признание цены — а это уже много.

Среди женщин мало страстных увлечений. Зато есть такая женщина, как Вревская, — понимающая, чувствующая Пушкина, знающая его судьбу, достаточно великодушно-безжалостная, чтобы дать ей свершиться и не удерживать Пушкина, когда ему невозможно стало оставаться... Есть и оскорбленные женщины, всю жизнь помнящие обидное слово Пушкина и готовые на все, чтобы отомстить ему. Кто знает, не под Знаком ли Скорпиона родилась Идалия Полетика? Через много лет после смерти Пушкина продолжать испытывать желание «плюнуть на его могилу» — тут надобна мстительность Девы или Скорпиона.

Скорпионы сколько могли удерживали Пушкина здесь, расстраивали его дуэли, находили для него занятия. Незадолго до смерти поэта вдруг потянулись в Петербург старые его знакомые-Скорпионы — чтобы дать ему необходимой для ухода силы. Если для его жизни нужна была энергия стольких Скорпионов, ближних и дальних, то сколько ее надо было для последнего акта Близнецовой пьесы? И особо — об одном Скорпионе, с которым Пушкин не был знаком и который, скорее всего, при жизни Пушкина даже не знал о его существовании, но который сделал для Пушкина, может быть, не меньше, чем все остальные Скорпионы, вместе взятые.

Алябьева Александра Васильевна

(18 XI 1812— весна 1891) — московская красавица. Пушкин был знаком с нею, общался в московском обществе; в пушкинском кругу красоту ее (вслед за Вяземским) называли «классической», в отличие от «романтической» красоты Н. Н. Гончаровой:

Алябьева. Портрет П. З. Захарова. 1840-е гг.

...Влиянье красоты
Ты живо чувствуешь. С восторгом ценишь ты
И блеск Алябьевой, и прелесть Гончаровой

— писал Пушкин в послании «К вельможе».

У ночи много звезд прелестных,
Красавиц много по Москве —

«соперница Геры и Венеры», «чудо красоты», «украшение Москвы»... «Когда она в первый раз показалась в собрании, поднялась такая возня, что не приведи боже: бегали за нею, толпились, окружали ее, смотрели в глаза, лазили на стулья, на окна», — вспоминает современник (да, женщина-Скорпион не имеет соперниц в своем колдовском очаровании — *Астролог*).

Бантыш-Каменский Дмитрий Николаевич

(16 XI 1788—6 II 1850) — историк, автор «Описания деяний полководцев и министров Петра Великого» (1812), «Словаря достопамятных людей земли русской» (1836; 1847). Работая над «Полтавой», Пушкин пользовался «Историей Малороссии» Бантыш-Каменского (1822). Личное знакомство произошло в Москве в декабре 1831. В связи с работой Пушкина над «Историей Пугачева» между ними завязалась переписка. Историк снабжал Пушкина ценными материалами; в конце января 1835 Пушкин посылает Бантыш-Каменскому экземпляр «Истории» и просит высказать о ней мнение: «Похвала от настоящего историка, а не поверхностного рассказчика или переписчика, будет лестна для меня; а из укоризны научусь (чего, знаете Вы сами, не дождусь от записных наших критиков)». А Пушкин, в свою очередь, сообщил историку некоторые «словесные предания» об А. П. Ганнибале для его «Словаря достопамятных людей России» — взаимно плодотворное и творческое сотрудничество. После смерти Пушкина Бантыш-Каменский включил статью о нем во 2-ю часть своего «Словаря». Статья была написана по рассказам отца поэта и отчасти по личным воспоминаниям; тут впервые сошлись воедино многие мотивы пушкинского образа, соединились, как из осколков, в цельное отражение, — «курчавые темно-русые волосы», «большие бакенбарды», «длинные ногти», «умное лицо», «живость и пылкость характера» (конечно, следствие «африканского происхождения!»), «раздражительность», «чувствительность», «доброта», «острый ум», «необыкновенная память...» Что тут добавить?

Бенедиктов Владимир Григорьевич

(17 XI 1807—26 IV 1873) — поэт, виднейший представитель «неистового романтизма». Контраст между пламенный поэзией Бенедиктова и его внешностью поражал воображение. «Ежели о поэте как личности судить по его произведениям, — писал в своих мемуарах литератор 30-х годов В. Бурнашев, — то можно было бы представить себе г. Бенедиктова величественным, красивым и горделивым мужем, с открытым большим челом, с густыми кудрями темных волос, ... с глазами, устремленными глубоко вдаль... Действительность же представляет человека плохо сложенного, с длинным туловищем, с короткими ногами, роста ниже среднего. Прибавьте к этому ... лицо рябоватое, бледно-геморроидального цвета, с красноватыми пятнами, и беловато-светло-серые глаза, окруженные плойкой морщинок... Весь склад и тип, от движений до голоса, министерского чиновника времен былых» [1]. С Пушкиным Бенедиктов встречался на «субботах» Жуковского, подарил ему сборник своих «Стихотворений», вообще относился к Пушкину «с благоговением», ибо истинному

Бенедиктов. Гравюра неизв. худ.

романтику и положено тянуться к смерти. Пушкин при личной встрече поблагодарил Бенедиктова за сборник и сказал, что у него «удивительные рифмы — ни у кого нет таких рифм». Скорпион не покупается на лесть, очень подозрителен и никому не верит — не поверил и пушкинскому отзыву, увидев в нем иронию. И справедливо: Пушкин действительно не был охотником до пышной поэзии Бенедиктова, часто, по воспоминанию И. С. Гагарина, «в маленьком кружке нападал на него с ожесточением и несправедливостью», хотя и «молчал о нем при посторонних». А наблюдательный Скорпион-поэт тем временем многое заметил и запомнил о Близнецах — и разве нет истинного великодушия в том, что невзрачный, почти уродливый Бенедиктов не заметил пресловутого «уродства» Пушкина, но, напротив, отразил его в своем зеркале богоподобно прекрасным:

...и являлся
Он, — чернокудрявый, огнеокий,
Пламенный Онегина создатель,
И его веселый, громкий хохот
Часто был шагов его предтечей;
Меткий ум сверкал в его рассказе,
Быстродвижные черты лица
Изменялись непрерывно; губы
И в молчаньи, жизненным движеньем
Обличали вечную кипучесть
Зоркой мысли...

Как бы ни относится читатель к поэзии Бенедиктова, Астролог простит за такое глубинное, любовное понимание Близнецовой сущности все что угодно:

...Он широким, львиным перескоком
В вечность перенесся, до конца
Верный быстроте своих движений.
Вдруг сказал он: «кончено», — и, бросив
Нам свой прах, душой воспрянул к небу...
...*Тот* хотел как будто б самой смертью
Вдруг расторгнуть вечную преграду,
Что живых от мертвых отделяет, —
Распахнул нам настежь эти двери
И открыл над миром в полном блеске
Неба светозарную пучину...

«Воспоминание», 1852

Кто еще мог спустя годы так живо представить пушкинскую быстроту, внезапность движений и поступков, мгновенный, непредсказуемый и ни с кем не обсуждаемый побег оттуда, где жить нельзя! И понимание того, что для Близнецов со смертью ничто не кончается, что границ между миром мертвых и миром живых для них не существует! Словно помнит Скорпион Близнецовые слова:

я смеюся над могилой —

и не осуждает за них Близнецов.

Бестужев Александр Александрович (псевд. Марлинский) (3 XI 1797—19 VI 1837) — писатель, литературный критик, декабрист. Многие писатели-Скорпионы отдают в своих произведениях дань «неистовому романтизму» — но, как правило, в жизни они остаются мирными законопослушными гражданами. Бестужев составлял исключение: это был невероятно активный Скорпион, стремящийся взять от жизни все. И жизнь дала ему все — с тем, чтобы все отнять... Пушкину с ним было очень хорошо, хотя личное общение было редким, да оно и не нужно ни Близнецам, ни Скорпиону. Как умел Бестужев оживить Пушкина, влачащего дни в изгнании, пробудить в нем бодрость и веселье! «Ни с кем мне так не хочется спорить, как с тобою да с Вяземским — вы одни можете разгорячить меня» (Пушкин — Бестужеву, 13 июня 1823). Случалось им спорить; однажды Пушкин лукаво предложил в письме к Гнедичу (27 июля 1822) «стравить Бестужева с Катениным», — но все споры и размолвки разрешались дружески, и вот как, например, Пушкин заканчивает письмо, где пеняет

А. А. Бестужев.
Миниатюра неиз. худ.

Бестужеву за то, что тот напечатал стихи, которые Пушкин просил вымарать: «Повторяю тебе в последний раз мои пени и просьбы и обнимаю тебя sans rancune [без злопамятства] и с благодарностью за все остальное — прозу и стихи. Ты — все ты: то есть мил, жив, умен» (12 января 1824).

В эпистолярных спорах — Бестужев как бы старше и строже; Пушкин защищается, Бестужев нападает: «Дал ли ты Онегину поэтические формы, кроме стихов?... я невольно отдаю преимущество тому, что колеблет душу, что ее возвышает, что трогает русское сердце; а мало ли таких предметов — и они ждут тебя! Стоит ли вырезывать изображения из яблочного семечка, подобно браминам индейским, когда у тебя в руке резец Праксителя?» (9 марта 1825). Спор идет не об одной лишь значительности «Онегина»; Пушкин для Бестужева — воплощенное будущее России, ее своего рода гамельнский крысолов: куда пойдет он — туда за ним пойдет завороженно и вся русская литература. Восхищаясь «Цыганами», Бестужев радостно вопрошал: «Куда не достигнет отныне Пушкин с этой высокой точки опоры?» [2], и вдруг: «Мой дядя самых честных правил...» — какое разочарование! И Пушкин, чувствуя огорчение друга, оправдывается — в редком для него мягко-примирительном тоне: «Бестужев пишет мне много об «Онегине» — скажи ему, что он неправ: ужели хочет он изгнать все легкое и веселое из области поэзии?.. Это немного строго. Картины светской жизни также входят в область поэзии» (к Рылееву, 25 января 1825). Пройдет десятилетие — и Пушкин в «Египетских ночах» сам этот спор с Бестужевым о предмете поэзии превратит в предмет поэзии; лучший подарок сосланному другу — дать мысли Бестужева «поэтические формы» (разве этого мало?), облечь ее, сколь ни чужда она Пушкину (впрочем, ему не привыкать входить в чужую мысль как в свою), в совершенные строки:

Стремиться к небу должен гений,
Обязан истинный поэт
Для вдохновенных песнопений
Избрать возвышенный предмет...

А Бестужев, с далекого Кавказа, продолжает заклинать Пушкина в прежнем духе: «Скажите ему [Пушкину] от меня, — пишет он Н. Полевому в 1833, — ты надежда Руси — не измени ей, не измени своему веку, не топи в луже таланта своего» [3]. Увы, и презренная русская лужа не обойдена вниманием всеотзывчивого поэта:

Два бедных деревца стоят в отраду взора,
Два только деревца. И то из них одно
Дождливой осенью совсем обнажено,
И листья на другом, размокнув и желтея,
Чтобы лужу засорить, лишь только ждут
Борея —

«Румяный критик мой...»

а впереди и вовсе маячит уже бессмертная миргородская лужа, воспетая Гоголем. «Таков поэт...»

Со своей же стороны Пушкин на редкость доброжелателен к писаниям Бестужева, хотя, казалось бы, их неистово метафорический стиль должен ему претить. Он всегда рад высказать восхищение талантом Скорпиона, его «умом и чудесной живостью» (письмо от 13 июня 1823) и вдохновить его на новые творческие подвиги: «Для себя жду твоих повестей да возьмись за роман — кто тебя держит. Вообрази: у нас ты будешь первый во всех значениях этого слова; в Европе также получишь свою цену — во-первых, как истинный талант, во-вторых, по новизне предметов, красок etc.»; «мысли в тебе кипят». В 1833 он продолжает отзываться о повестях Марлинского одобрительно: «прелестные повести» (П. С. Санковскому, 3 января 1833). Когда Пушкин погиб, Бестужев «плакал ... горячими слезами» (письмо к брату). Плакать пришлось недолго: менее чем через пять месяцев Бестужев погибнет на Кавказе.

Виельгорский Михаил Юрьевич

(11 XI 1788—9 IX 1856) — граф; государственный деятель, композитор.

Шуман (кстати, тоже Близнецы — *Астролог*) назвал его гениальнейшим из музыкальных дилетантов. Именно он рассказал Пушкину о майоре Батурине, который в 1812 году много раз подряд видел один и тот же вольнодумный сон: памятник Петру скачет по петербургским улицам, въезжает на Каменный остров, где жил тогда император Александр, и обращается к нему со словами: «Молодой человек, до чего довел ты мою Россию? Но покамест я на месте, моему городу нечего опасаться!» [4]. Услышав эту легенду, Пушкин якобы воскликнул: «Какая поэзия!».

Пушкин часто бывал в его литературно-музыкальном салоне. Виельгорский — консультант Пушкина по музыкальным вопросам: «Посылаю тебе дикий напев подлинника (песни «режь меня» — *Авт.*). Покажи это Вьельгорскому — кажется, мотив чрезвычайно счастливый» (Вяземскому, сентябрь 1825). Он и сам написал музыку на ряд стихотворений Пушкина: «Старый муж, грозный муж», «Ворон к ворону летит», «Черная шаль», «Кто при звездах и при луне...» (из «Полтавы»). Пушкин сочинил «Песню цыганочки» («Колокольчики звенят...») для его оперы «Цыгане»; записал с его слов несколько анекдотов в «Table-talk» . Вместе они написали «шутливый канон» в честь Глинки.

Мих. Ю. Виельгорский. Гравюра Т. Райта с ориг. Ф. Крюгера; рис. Пушкина 1823.

Виельгорский был крестным отцом младшей дочери поэта Натальи; в числе близких друзей поэта он получил пасквильный диплом и много способствовал тому, что первая дуэль Пушкина с Дантесом не состоялась; накануне дуэли Пушкин был с Виельгорским у Вяземских.

Пушкин также принимал участие в жизни Вьельгорского; например: «Еду на пироскафе провожать Вьельгорского, который, вероятно, жену свою в живых не застанет» (жене, 11 июня 1834). Плохой прогноз «искренне сочувствующих» Близнецов: Луиза Карловна пережила Пушкина на 16 лет.

Во время предсмертной болезни Виельгорский находился в квартире поэта, присутствовал при выносе тела. Был назначен опекуном над детьми Пушкина (не забудем, что трое из них Близнецы). И после смерти Близнецов не кончается их власть над Скорпионом...

↓Вревская Евпраксия Николаевна

урожд. Вульф (24 X 1809—3 IV 1883) — дочь П. А. Осиповой. В Зизи очень сильно чувствуется куспидная двойственность ее натуры.

> Зизи, кристал души моей,
> Предмет стихов моих невинных,
> Любви приманчивый фиал, —
> Ты, от кого я пьян бывал!

> Вот, Зина, вам совет: играйте...
> ...И впредь у нас не разрывайте
> Ни мадригалов, ни сердец...

Варить жженку, меряться талией с Пушкиным, рвать стихи, посвящаемые ей поэтами, чувствовать себя постоянно царицей бала — это от Весов. Имя ее в «Дон-Жуанском списке», причем в первом его отделе. Уехать с бала домой, когда Пушкин танцует по очереди то с ней, то с другой барышней; ходить с заплаканными глазами, когда Пушкин показывает всем портрет какой-то дамы и восхваляет ее красоту; приказать сжечь после ее смерти письма к ней Пушкина — и вслух ничего никогда никому — это

Скорпион. «Пушкин-поэт обещал мне билеты на «Роберта-Дьявола»; но я не думаю, чтоб можно было на него рассчитывать» [5] — это тоже по-Скорпионски. Близкий, преданный Пушкину друг; но когда заходит речь о Пушкине с точки

Вревская. Портрет А. А. Багаева, 1841; рис. Пушкина 1826.

зрения эротических отношений, в тоне ее неизменно звучит затаенная враждебность и насмешка. Только в тоне; что и как было — не знаем и никогда не узнаем: Скорпион свою тайну уносит в могилу. Знает о Пушкине во всех областях его жизни очень много; понимает еще больше; скажет — едва ли тысячную долю из того. Но иногда одно слово, один намек — и «sapienti sat ». Вот она видит, с каким нетерпением поджидает Пушкин Сашеньку Беклешову, «надеясь (это уже ее скорпионские психологические выводы — *Астролог*), что пылкость ее чувств и отсутствие мужа разогреет его сохранившиеся физические и моральные силы»; или же вот она радуется тому, что сестренка Маша предпочла Пушкину Шенинга, который «никогда не воспользуется ее благорасположением, ... чего о Пушкине никак нельзя сказать». Все видит, все понимает.

В отличие от женщин других знаков, Скорпион философски переносит утрату девической воздушности и перемены в своей внешности, неизбежные при постоянном увеличении семьи. Скорпион цену себе всегда знает: эта цена высока и не зависит от такой ерунды, как располневшая талия. Когда Пушкин, раздраженный вечными криками, детским плачем в семье Вревских, сказал «дебелой жене Евпраксии»: «Как это смешно», — она не рассердилась, не устроила истерики, не швырнула в Пушкина мокрой пеленкой (умение Скорпиона всегда сохранять абсолютное внешнее спокойствие поражает; даже если он уже влил вам в бокал яд, в его лице вы не заметите никаких изменений — *Астролог*); безусловно, ее как женщину задело замечание Пушкина и, конечно, она его запомнила и в свое время за него рассчитается, но вслух только заметит ему, что то же самое произойдет и с его женой. И не ошибется.

Пушкин очень ценил Евпраксию. Она была посвящена во все запутанные предуэльные отношения (в эти дни она оказалась в Петербурге — ибо была необходима Пушкину для поддержки), знала даже о предстоящем роковом поединке, но, как пишут пушкинисты, «не могла или не умела помешать». Пушкин «сам сообщил ей о своем намерении искать смерти» [6] — и она, наверное, поняла главное: мешать *не надо*, для Пушкина будет лучше, если его отпустить. И Пушкин

Вревская. Шарж Н. И. Фризенгоф.

прекрасно понимал, что только Скорпион способен хранить такую тайну и быть при этом настолько великодушно жестоким, чтобы не пытаться помешать, — поэтому он и доверил ей эту тайну. Главное, что она была с Пушкиным «все последние дни его жизни»: именно Скорпион был здесь нужен поэту, чтобы придать решимости, — и Судьба не отказала Пушкину в этой поддержке. Как когда-то в Болдине, чтобы поэт не ушел, не «повесился на воротах», ему был послан другой Скорпион — Барри Корнуолл, — так теперь Скорпион (причем в образе женщины, несущей в себе так много колдовской силы и вызывающей такие шальные воспоминания) был послан Пушкину, чтобы у него хватило сил уйти, когда оставаться стало незачем.

Гончаров Николай Афанасьевич

(31 X 1787—21 IX 1861) — тесть Пушкина, отец Натальи Николаевны. «Не дай мне бог сойти с ума», — постоянная молитва Близнецов. Особенно когда перед глазами действительно сошедший с ума Скорпион. Конечно, падение с лошади много способствовало ухудшению умственного состояния Николая Афанасьевича, но ведь и без того была сильная наследственная предрасположенность; вообще Скорпион и сумасшествие — это не самые далекие темы; вспомним того же Барри Корнуолла, более двадцати лет служившего в Комиссии по делам умалишенных и давшего в своих произведениях яркие и точные описания безумия, мимо которых не мог пройти равнодушно Пушкин. Ко времени знакомства Пушкина с Натальей Николаевной Николай Афанасьевич действительно сделался «страшен как чума», и в письмах Пушкина к жене встречаются такие советы: «С отцом пожалуйста не входи в близкие сношения и детей ему не показывай; на его, в его положении, невозможно полагаться. Того и гляди откусит у Машки носик» (28 апреля 1834).

Н. А. Гончаров. Неизв. худ.

Гончарова Наталья Ивановна

урожд. Загряжская (2 XI 1785—14 VIII 1848) — мать Натальи Николаевны. «Была довольно умна и несколько начитана, но имела дурные, грубые манеры и какую-то пошлость в правилах» (Е. А. Долгорукова [7]). Повезло Пушкину с родственниками жены — два Скорпиона: тесть — сумасшедший, и теща, в молодости проявившая свои Скорпионские свойства роковой женщины в нашумевшей дворцовой истории («в нее влюбился некто Охотников, в которого была влюблена императрица Елизавета Алексеевна, так что тут была ревность» [8]), с годами все опускавшаяся, деспотичная, самодурная ханжа... Такой Скорпион без боя не сдается; он всю свою жизнь и жизнь окружающих превращает в беспрестанную борьбу. Для Натальи Ивановны врагом стал Пушкин, виноватый во всех грехах: и не чиновен, и не богат, и не религиозен, и не серьезен, и не пользуется доверием у царя, и еще тысячи разных «и». «Я уезжаю, рассорившись с г-жой Гончаровой... Она мне наговорила вещей, которых я по чести не мог стерпеть. Не знаю еще, расстроилась ли моя женитьба, но повод для этого налицо, и я оставил дверь открытой настежь», — пишет Пушкин своему ангелу-утешителю —Вяземской (август 1830). (Как все-таки Судьба хотела уберечь: даже этот распоясавшийся Скорпион выступает в роли предостерегающего: опомнись! Судьба сразу показывает все подводные камни, которые ждут после женитьбы, неожиданностей не будет — «зачем тебе все это нужно?» — спрашивает Судьба Близнецов — *Астролог*).

Н. И. Гончарова. Акв. неизв. худ., 1820-е гг.; рис. Пушкина в альбоме Ел. Н. Ушаковой 1829.

В письмах к друзьям Пушкин позволяет себе самые резкие высказывания о теще: она для него «баба, у которой долог лишь волос»; «глупая тетка» (а у Близнецов «тетка» — это очень ругательное слово); «Теща моя не унимается; ее не переменяет ничто, ни время, ни разлука, ни дальность расстояния, бранит меня, да и только» (Нащокину, 3 сентября 1831). В письмах к Наталье Николаевне поначалу лишь поклоны и просьбы «повергнуть к ногам маменьки», но постепенно тон писем Пушкина к жене становится откровеннее, в том числе и в отношении Натальи Ивановны: «У тебя, т. е. в вашем Никитском доме еще не был... не хочу узнать о приезде Натальи Ивановны, иначе должен буду к ней явиться и иметь с нею необходимую сцену (вот Близнецовая ирония! — *Астролог*); она все жалуется по Москве на мое корыстолюбие, да полно, слушаться ее я не намерен». Близнецы не любят сцен, — скажет тут Астролог, — они способны сколь угодно долго избегать жаждущего эффектных кровавых спектаклей Скорпиона, но если тот уж очень настойчив — пожалуйста, сами напросились, Близнецы ни перед кем не пасуют, и слова у них всегда найдутся: «Вы добавили, что мое поведение делает мне мало чести. Это выражение оскорбительно, и, осмеливаюсь сказать, я никоим образом его не заслужил... Я проявил большое терпение и мягкость, но, по-видимому, и то и другое было напрасно. Я ценю свой покой и сумею его себе обеспечить».

По свидетельству современников, Наталья Ивановна со временем «полюбила Пушкина, слушалась его», «принимала как нельзя лучше». Пушкин мнения своего о теще не изменил, но в письмах к жене вновь поклоны и поцелуи ручек Натальи Ивановны, а письма к самой Наталье Ивановне почтительны и нейтральны. (Близнецы не любят конфликтовать; не надо их вынуждать к открытой битве — Скорпиону от этого хорошо не будет — *Астролог*).

↑**Даль Владимир Иванович**

(22 XI 1801—4 IX 1872) — врач, писатель, автор «Толкового словаря живого великорусского языка». В 1832 Даль выпустил книжку «Русские сказки Казака Луганского», которая сразу сделала его популярным. Пушкин заинтересовался стилем сказок Даля; они вообще много говорили о языке. «Пушкин, — рассказывал Даль, — по обыкновению своему, засыпал меня множеством отрывочных замечаний, которые все шли к делу, показывали глубокое чувство истины и выражали то, что, казалось, у всякого из нас на уме вертится, только что с языка не срывается». Скорпион способен составить многотомный словарь, а Близнецам

этого никогда не суметь, но они могут дать Скорпиону идею этого словаря (именно так было с «Толковым словарем»), одним «отрывочным замечанием» вдруг озарить его работу новым светом, открыть совершенно новые перспективы.

Даль. 1830-е гг.; рис. Пушкина 1829.

«*Твоя от твоих*. Сказочнику казаку Луганскому сказочник Александр Пушкин», — написал Пушкин Далю на «Сказке о рыбаке и рыбке». «Твоя от твоих тебе приносяще от всех и за вся» — любимая Пушкиным цитата из литургии верных, которую он не раз писал на даримых книгах; в этот раз она приобретает точный смысл — сюжет-то сказки, по некоторым сведениям, сообщил Пушкину именно Даль. Но и Пушкин, вообще охотно даривший сюжеты, Далю подарил сюжет сказки «О Георгии храбром и волке»; «по настоянию Пушкина» Даль написал драматическое произведение «Ночь на распутии, или Утро вечера мудренее».

В 1833 Пушкин встречался с Далем в Оренбурге, и они вместе совершили поездку в Бердскую слободу; Даль помогал Пушкину собирать материалы о Пугачеве. Пушкину было весело с Далем; смех — лейтмотив воспоминаний, которые Даль оставил о поездке: Пушкин «много хохотал» — смеялся и истории о Пугачеве, наподобие антихриста воссевшем в церкви на престоле, хохотал и когда уральцы по длинным когтям приняли его самого за антихриста; барышни, влезшие на дерево, чтобы посмотреть на Пушкина в оренбургском кабинете Даля, увидели, «как он от души хохотал» [9].

Весной 1835 Пушкин переслал Далю в подарок «Историю Пугачева». В конце 1836 Даль приехал в отпуск в Петербург — снова Судьба позаботилась о Близнецах: еще один Скорпион как бы случайно оказывается в Петербурге незадолго до смерти поэта. Встречи их возобновляются. Нет, не зря приехал Даль в Петербург: ему на долю выпала обязанность Скорпиона по отношению к Близнецам — дать сил на уход, на прощание с жизнью. Они все время были на «вы» — а перед смертью Пушкин впервые говорит Далю «ты». «Нет, мне здесь не житье. Я умру, да, видно, уж так и надо»; «Кончена жизнь», — все эти слова обращены к Далю, руку которого Пушкин постоянно искал и сжимал в предсмертном бреду. «Я побратался с ним за сутки до смерти его, уже на для здешнего мира!»

Каченовский Михаил Трофимович (12 XI 1775—1 V 1842) — издатель «Вестника Европы», профессор Московского университета, критик и переводчик. Именно он вел на страницах «Вестника Европы» литературную войну против Пушкина и арзамасцев, причем делал это исключительно умно — чужими руками (А. Г. Глаголева, М. А. Дмитриева). Однако Пушкину было мало дела до хитростей Каченовского: все, что печаталось против него на страницах журнала Каченовского, поэт для простоты приписывал издателю. В результате именно Каченовскому, а не его сотрудникам, русская литература обязана многими пушкинскими эпиграммами:

Хавронгос! ругатель закоснелый,
Во тьме, в пыли, в презренье поседелый,
Уймись, дружок! К чему журнальный шум
И пасквилей томительная тупость?
Затейник зол, с улыбкой скажет Глупость.
Невежда глуп, зевая скажет Ум.

(Интересно, что «затейник» и «Ум» у Близнецов — контекстуальные синонимы — *Астролог*).

Там, где древний Кочерговский
Над Ролленем опочил,
Дней новейших Тредьяковский
Колдовал и ворожил:
Дурень, к солнцу став спиною,
Под холодный Вестник свой
Прыскал мертвою водою,
Прыскал ижицу живой.

(Очень верно: Скорпион запросто может стать к солнцу спиною — им ведь руководит Плутон — *Астролог*).

Были тут и прозаические эпиграммы: «Некстати Каченовского называют собакой, — сказал Пушкин. — Ежели же и можно так назвать его, то собакой беззубой, которая не кусает, а мажет слюнями» [10]. Грубоватая, непушкинская какая-то шутка, — и в самом деле, оказывается, она заимствована из «Украденной записной книжки» Блудова и лишь применена к Каченовскому: «В. говорит, что NN, силясь укусить, только муслит. Много таких людей, от которых слышать брань не больно, а гадко» [11].

Однако, познакомившись с Каченовским лично, Пушкин перестал писать на него эпиграммы: встреча без масок дала неожиданный итог. «На днях был я приглашен Уваровым в университет. Там встретился с Каченовским (с которым, надобно тебе сказать, бранивались мы, как торговки на вшивом рынке). А тут разговорились с ним так дружески, так сладко, что у всех предстоящих потекли слезы умиления» (жене, сентябрь 1832). На самом деле они спорили — на этот раз о «Слове о полку Игореве»: «Пушкин горячо отстаивал подлинность древнерусского эпоса, а Каченовский вонзал в него свой беспощадный аналитический нож» (воспоминание И. А. Гончарова). Кажется, победа была

Каченовский. Гравюра и рисунок Г. Грачева.

не на стороне поэта: «он не мог разорвать хитросплетенной паутины злого паука», — свидетельствовал очевидец [12] (весьма астрологично! — *Астролог*). И тем не менее этот честный, без тайных подкопов, спор остался в памяти как примирение и дружеская беседа.

В декабре 1832 Каченовский подаст свой голос за избрание Пушкина в члены Российской Академии, а после смерти поэта напишет: «Один только писатель у нас мог писать историю простым, но живым и сильным, достойным ее языком. Это Александр Сергеевич Пушкин, давший превосходный образец исторического изложения в своей Истории Пугачевского бунта».

Корнуолл Барри

(Cornwall Barry; наст. имя Procter Bryan Waller) (21 XI 1787—5 IV 1874) — английский поэт-романтик, «последний литературный собеседник Пушкина» (Н. В. Яковлев).

С Пушкиным знаком не был и даже не знал о его существовании, однако в жизни Пушкина этот поэт, чье имя известно сегодня очень немногим, сыграл совершенно мистическую роль.

27 января 1837, прежде чем отправиться на Черную Речку, Пушкин отправляет своему Знаку Смерти — А. О. Ишимовой — письмо: «Крайне жалею, что мне невозможно будет сегодня явиться на Ваше приглашение. Покамест честь имею препроводить к Вам Barry Cornwall. Вы найдете в конце книги пьесы, отмеченные карандашом, переведите их как умеете — уверяю Вас, что переведете как нельзя лучше». Неужели у Пушкина не нашлось в этот день более важных дел, чем передавать какой-то детской писательнице книжку стихов никому не известного поэта? Не нашлось. Пушкину хотелось перед дуэлью закончить наиболее важные земные дела. Передать русскому читателю Барри Корнуолла — одно из них.

Во время знаменитой болдинской осени 1830 с Пушкиным было немного книг, и

среди них — сборник четырех английских поэтов «The poetical Works of Milman, Bowles, Wilson, and Barry Cornwall. Paris, 1829». Как она попала к Пушкину? Почему он взял ее с собой в Болдино? Пути Господни неисповедимы. Имя Корнуолла могло быть знакомо Пушкину. После выхода в 1819 «Драматических сцен» Корнуолл становится необычайно популярен в Англии, его произведения постоянно переиздаются, идут на сценах английских театров. «Revue Encyclopedique» в 1820 называет его в числе самых любимых английских поэтов, постоянно печатает объявления о выходе в свет его новых произведений и рецензии на них. Но в том же «Revue Encyclopedique» в иностранном отделе часто упоминается имя Пушкина, появляются статьи С. Д. Полторацкого о южных поэмах, разборы других произведений. Надо думать, что Полторацкий не ленился присылать Пушкину эти журналы, равно как и Н. И. Кривцов, который «не перестает развращать Пушкина и прислал ему безбожные стихи из благочестивой Англии» (А. И. Тургенев — Вяземскому, 28 авг. 1818). Пушкин имел возможность познакомиться с зарубежными журналами не понаслышке и, наверное, обращал внимание на то, что произведения некоего модного английского поэта вызывают оценки, по амплитуде расходящиеся от «гения, который может выдержать сравнение с Шекспиром» до «самого глупого произведения года». Такие крайности вполне могли заинтересовать Пушкина.

И альманахи и журналы,
Где нынче так меня бранят,
И где такие мадригалы
Себе встречал я иногда...

Пушкин в 1830 едет в Болдино ненадолго; едет в очень тревожном настроении — он поссорился с матерью невесты: « Я уезжаю, рассорившись с г-жой Гончаровой... Ах, что за проклятая штука счастье!..» (В. Ф. Вяземской, конец августа 1830).

Предполагаемая короткая поездка в Болдино неожиданно затягивается на целую осень: «Около меня колера морбус. Знаешь ли, что это за зверь? Того и гляди, что забежит он в Болдино, да всех нас перекусает — того и гляди, что к дяде Василью отправлюсь, а ты пиши мою биографию» (Плетневу, 9 сентября 1830); «Будь проклят час, когда я решился расстаться с вами, чтобы ехать в эту чудную страну грязи, чумы и пожаров, — потому что другого мы здесь не видим... Ваша любовь — единственная вещь на свете, которая мешает мне повеситься на воротах моего печального замка (где, замечу в скобках, мой дед повесил француза-учителя, аббата Николя, которым был недоволен)» (Н. Н. Гончаровой, 30 сентября 1830); «...Да отдаленность, да неизвестность — вот что мучительно... хоть я и не из иных прочих, так сказать, но до того доходит, что хоть в петлю. Мне и стихи в голову не лезут, хоть осень чудная, и дождь, и снег, и по колено грязь» (Плетневу, 29 октября 1830).

Барри Корнуолл. Портрет с контртитула книги, которую читал Пушкин.

И вдруг, тому же Плетневу — «Скажу тебе за тайну, я в Болдине писал, как давно уже не писал».

Откуда такая перемена в настроении? И откуда такой творческий взлет? Астролог заметит что, с Близнецами всегда так: если Судьба посылает им испытание, то, как правило вместе с испытанием посылает и средство облегчить его. Пушкин взял в Болдино книгу четырех английских поэтов — и оказалось, не случайно. Эта книга, а, точнее, ее последняя

часть, произведения Барри Корнуолла, — настоящее утешение для Пушкина. На все пушкинские вопросы, на все его сомнения Корнуолл дает ответ, и именно такой, какой нужен Пушкину. Нужны новые жанровые формы драматургии? Пожалуйста — «Драматические сцены». Хочется поиграть в новые размеры? Ради Бога, чем плохи октавы?

А уж в плане содержания — лучшего собеседника просто придумать нельзя. И «грозные вопросы морали» (Ахматова), и загробная верность-ревность, тема возмездия, тема статуи — все есть у Корнуолла. Беспокоит, что юная красавица невеста осталась в Москве и ей ничто не помешает взять назад слово, данное «потомку негров безобразному», — и здесь Корнуолл поможет. Своими произведениями он доказывает Пушкину, что женщина может преодолеть любые искушения и сохранить верность.

Но я другому отдана,
Я буду век ему верна, —

ответом Татьяны Пушкин в Болдине заговаривает Судьбу. И Корнуолл ему помогает. Пушкин с благодарностью припадает к этому мощному источнику, посланному ему Судьбой. «Маленькие трагедии», 8-я глава «Онегина», «Домик в Коломне», болдинская лирика — все эти произведения насквозь пронизаны корнуолловскими реминисценциями.

Вот, например, драматическая сцена «Людовико Сфорца». Сфорца и его невестка Изабелла обедают вместе. Изабелла считает, что она избрана судьбой для свершения высокого акта возмездия: она решает отравить Сфорца. Уже добавив в его бокал яд, она ведет с ним такую беседу:

Although a widow, not divested of
Her sorrows quite, am here in the midst of tears,
To smile like April on you.

Хоть я и вдова, еще не вполне оправившаяся от своей скорби, но не могу не улыбнуться Вам сквозь слезы, как апрель.

Сравните:

Бедная вдова,
Все помню я свою потерю. Слезы
С улыбкою мешаю, Как апрель.

«Каменный Гость»

Угощая Сфорца вином, Изабелла говорит о его чудных качествах: оно может сделать человека бессмертным. (Герои Корнуолла вообще часто говорят о действии ядов: Скорпион в них знает толк, — и в «Скупом рыцаре» ростовщик толкует Альберу о чудных каплях, а Сальери говорит о последнем даре Изоры.)

Интересно сравнить тосты, которые произносятся у Корнуолла и Пушкина, когда жертва пьет отравленное вино:

Изабелла:

Now you shall taste the immortal wine, my lord,
And drink a health of Cupid.

А теперь Вы вкусите это бессмертное вино,
Мой повелитель, и выпейте за здоровье Купидона.

Сфорца:

Cupid, then.
He was a cunning god: he dimm'd men's eyes...
... But my eyes
(Yet how I love!) are clear as though I were
A stoic.

Что ж, за Купидона! Он был коварный бог. Он лишал мужчин зрения. Но мои глаза (хотя я и влюблен) ясны, Как если б я был стоик.

Какая злая ирония Судьбы: Сфорца хвастается ясностью зрения — и не видит, что рука любимой подносит ему яд! И у Пушкина, и у Корнуолла жертва пьет яд за свой союз с убийцей — и в этом высшая мудрость, ибо и со смертью жертвы этот союз не разорвется.

Stay, stay — soft, put it down.
Would — would you drink without me?

Постойте, постойте, поставьте его.
Как вы могли выпить без меня?

Сравните:

Постой, постой!... Ты выпил!... без меня?

Или тема безумия, так волновавшая Пушкина! Кто, как не Корнуолл, который более 20 лет был инспектором домов умалишенных и в своих произведе-

ниях дал широкую панораму самых разнообразных форм умопомешательства, мог стать для Пушкина достойным собеседником! Пушкинисты до сих пор не пришли к точному выводу, когда именно написано стихотворение «Не дай мне Бог сойти с ума», и среди разных дат называлась и Болдинская осень 1830, когда чтение Корнуолла легло на впечатление от визита в апреле 1830 к умалишенному Батюшкову.

В Болдине Пушкин приобрел нового надежного друга, собеседника, настроенного на его волну, всегда готового прийти на помощь. После Болдина Пушкин не расстается с Корнуоллом, в самые тяжелые минуты жизни привычно тянется к знакомому тому. «О бедность, затвердил я наконец...» — это перевод начала драматической сцены Корнуолла «Сокол». Корнуолл перешел в разряд испытанных друзей, которым совершенно ни к чему ежеминутно объясняться в любви.

Некоторые пушкинисты даже полагают, что в отмеченных для перевода пьесах — ключ к разгадке семейной тайны Пушкина, в частности, отношений Натальи Николаевны с царем.

Книга Корнуолла была с Пушкиным всегда, а когда стало уже нельзя здесь оставаться, Пушкин решил расстаться с ней — со своим талисманом, хранившим его долгие годы. Утром в день дуэли он отсылает эту книгу А. О. Ишимовой: пусть талисман спасает теперь других. Он ведь знал, что не вернется — иначе разве бы отдал? И Никите Козлову он скажет: «Что, грустно тебе нести меня?» — почти те слова, которые говорит своему старому слуге смертельно раненный герой драматической сцены Корнуолла «Хуан»:

...you used
To carry me when a boy; do it once more...

Ты, бывало, носил меня на руках, когда
я был ребенком; сделай это еще раз...

А Барри Корнуолл после смерти Пушкина вдруг перестал писать, хотя прожил еще много-много лет.

Коссаковская Александра Ивановна

урожд. Лаваль (2 XI 1811—3 VII 1886) — одна из обиженных Пушкиным женщин, затаившая злобу на всю жизнь. «Она [Коссаковская] не любит Александра, — свидетельствует О. С. Павлищева, — ей вздумалось однажды заговорить с ним о его стихах, а так как он отвечал сухо, она сказала насмешливо: «Знаете ли вы, сударь, что ваш «Годунов» может быть интересен только в России?» — «Так же, сударыня, как вы можете считаться красивой женщиной только в доме вашей матушки» [13]. Такое Скорпион не прощает; после этого она на Пушкина «равнодушно смотреть не могла».

Кочубей Виктор Павлович

(22 XI 1768—15 VI 1834) — князь, граф, министр внутренних дел, с апреля 1827 председатель Государственного Совета и Комитета министров, отец Натальи. «Тому недели две получено здесь известие о смерти кн. Кочубея. Оно произвело сильное действие; государь был неутешен... Казалось, смерть такого ничтожного человека не должна была сделать никакого переворота в течении дел. Но такова бедность России в государственных людях, что и Кочубея некем заменить! (...) Без него Совет иногда превращался только что не в драку, так что принуждены были посылать за ним больным, чтобы его присутствием усмирить волнение. Дело в том, что он был человек хорошо воспитанный, — и это у нас редко, и за то спасибо. О Кочубее сказано:

Под камнем сим лежит граф Виктор Кочубей.
Что в жизни доброго он сделал для людей,
Не знаю, черт меня убей.

Согласен; но эпиграмму припишут мне, и правительство опять на меня надуется». Это из пушкинского дневника. Вот Близнецовый отзыв: все зыбко, все двоится, все ускользает — хвалит? ругает? Скорпион бы второй раз умер, услышь он

такой отзыв. Но все-таки уделить ему так много места в своем дневнике — это о чем-то говорит (словно чувствовал Пушкин, руку Кочубея в своей судьбе — а тот в прямом смысле приложил к ней руку, участвуя в учреждении над Пушкиным секретного надзора). Впрочем, посмертная судьба этого «хорошо воспитанного человека» также представлялась Пушкину не в лучшем виде: «Графа Кочубея похоронили в Невском монастыре. Графиня выпросила у государя позволение огородить решеткою часть пола, под которой он лежит. Старушка Новосильцева сказала: «Посмотрим, каково-то будет ему в день второго пришествия. Он еще будет карабкаться через свою решетку, а другие давно уж будут на небесах» («Table-talk»).

Решетка в Лазаревской усыпальнице Александро-Невской лавры, через которую Кочубею придется перелезать в Судный день.

Кстати, и граф Хвостов записал свой анекдот о смерти Кочубея (см. статью о нем).

Лобанов Михаил Евстафьевич

(19 XI 1787—17 VI 1846) — писатель, драматург, переводчик. Поборник классицизма, литературный противник Пушкина. Катенин в письме к Пушкину прекрасно охарактеризовал его скорпионскую мрачную подозрительность: «Михаил Евстафьевич слишком умен, чтобы верить себе, и когда другие не хвалят, по справедливости приходит в отчаянье» (16 мая 1835). От отзывов Пушкина Лобанов и в самом деле мог «прийти в отчаянье»: «Кстати о гадости — читал я «Федру» Лобанова» (брату, зима 1824). В статье «Мои замечания о русском театре» Пушкин припечатал Лобанова особенно обидным образом — одним вскользь брошенным эпитетом, хваля Семенову, которая, оказывается, гениальна тем, что «одушевила измеренные строки Лобанова». Взбешенный Лобанов в помете на автографе этой статьи, ходившей в театральных кругах по рукам, характеризует ее как «сумасбродную». Этим театральная тема не кончается: вероятно, чтобы исправить «сумасбродства» романтика-Пушкина, указать ему истинный путь, Лобанов вслед за Пушкиным пишет, ни много ни мало, своего «Бориса Годунова» (издана в 1835) — «своего рода «Настоящего Ревизора», то есть охранительную поправку к вольнодумной трагедии Пушкина, или, вернее, «исправление» ее» (Г. А. Гуковский [14]). В трагедии Лобанова воспета

могучая Россия
Покорная царям, как кроткий агнец.

Что можно добавить к такой цитате?

Эпизод знаменитого новоселья книжной лавки Смирдина (в 1832), переданный самим Лобановым в его записной книжке, ясно высвечивает его личность: «Иван Андреевич [Крылов] встал с рюмкою шампанского и хотел предложить здоровье Пушкина: я остановил его и шепнул (...) довольно громко: здоровье В. А. Жуковского... Я долгом почел... восстановить старшинство по литературным заслугам; ибо нет сомнения, что заслуги г. Жуковского, по сие время, выше заслуг г. Пушкина» [15]. Астролог отметит уже знакомую нам Скорпионову скрытность, его приверженность тайным, тихим действиям: не встал и сказал, не возразил открыто, но «шепнул довольно громко» (любопытное сочетание) — и сама справедливость восстановлена...

М. Е. Лобанов.

В поздних статьях, напечатанных в «Современнике», Пушкин ведет с Лобановым и открытую, и скрытую полемику: берет под свою защиту от нападок Лобанова молодого Белинского («Письмо к издателю», подписанное «А. Б.»), а когда Лобанов в речи на заседании Императорской Российской академии (18 января 1836) обрушивается на «литературное сумасбродство» (его любимое слово!) новейшего романтизма, Пушкин пишет на эту речь язвительную анонимную рецензию, в которой, с замечательным чутьем, припугивает Лобанова тем, что его, скрытного Скорпиона, должно особенно страшить, — широчайшей оглаской его взглядов: «Может статься, то, что хорошо в журнале, покажется слишком легковесным, если будет произнесено в присутствии всей Академии и торжественно потом обнародовано... Но что, если (паче всякого чаяния) статья г. Лобанова будет переведена...?»

Мария Федоровна

(25 X 1759—5 XI 1828) — императрица, вдова Павла I, воздвигшая в глубине Павловского парка уединенный памятник своей скорби — мавзолей «супругу-благодетелю», куда ходила «кудри наклонять и плакать» — тайно, не напоказ. Присутствовала на открытии Лицея, знакомилась с лицеистами. 6 июня 1816 Пушкин был в Павловске на торжестве по случаю бракосочетания принца Вильгельма Оранского с великой княгиней Анной Павловной. За сочинение стихотворения, посвященного этому событию, Мария Федоровна подарила Пушкину золотые часы с цепочкой, которые тот, по лицейскому преданию, разбил об каблук. Когда над Пушкиным нависла угроза ссылки в Сибирь или на Соловки, Мария Федоровна содействовала облегчению участи поэта.

«Смерть императрицы захватила все веселия в самую минуту их распускания. Она очень всех огорчила... Она была наш лучший администратор, и места, ей подведомственные, расстроятся без нее. Она

Мария Федоровна (в центре) с детьми — Еленой и Николаем. Фрагмент картины Г. Кюгельхена.

была и последнею связью с прошедшим», — писал о ее кончине Вяземский [16].

Панаев Владимир Иванович

(17 XI 1792—2 XII 1859) — поэт, автор стихотворных идиллий. С поэтами пушкинского круга вел непримиримую войну, а самого Пушкина называл «гениальным» (Скорпион осторожен, знает, где проиграет наверняка — *Астролог*). Многие современники восхищались его пастухами и пастушками — например, один вологодский помещик записал в альбом Панаева такой мадригал:

Соперник Геснера! Последуй вдохновенью,
Иди к бессмертию, пленяя все сердца;
Играй с пастушками, душистых лип под
тенью... [17]

Пушкин же о пастушках этого «идиллического коллежского асессора» (брату, 4 декабря 1824) был иного мнения:

...Твоя пастушка, твой пастух
Должны ходить в овчинной шубе:
Ты их морозишь налегке!
Где ты нашел их: в шустер-клубе
Или на Красном кабачке?

«Русскому Геснеру»

Впрочем, если было нужно, через Панаева можно было и письма Пушкину передать, как это сделала А. А. Фукс в 1836: ничего страшного.

В. И. Панаев ухаживает за С. Д. Пономаревой. Шарж из альбома неизвестного владельца. 1824.

Погодин Михаил Петрович

(12 XI 1800—20 XII 1875) — историк, писатель, журналист, издатель «Московского вестника» (1827—1830), один из «любомудров», «архивных юношей»... Что такое архивный юноша? Вот деталь, проливающая свет на этот тип, — из нескромного письма И. В. Киреевского, писанного накануне погодинской женитьбы: «Теперь он остригся, причесался, и стал бы совсем счастлив, если бы не боялся первой ночи. Он еще невинный! Ходит по книжным лавкам и спрашивает: нет ли какой-нибудь Théorie de la fornication [теории блуда]» [18]. Бегать накануне первой брачной ночи по книжным лавкам в поисках соответствующей теории — вот вам московский «любомудр» (а как бы Пушкин, знай он это, смеялся!).

Современники свидетельствовали о позднем, послепушкинском Погодине: «Поведение его оскорбляло своим цинизмом и нравственным неряшеством» (С. М. Соловьев); «Шероховатый, неметеный слог, — грубая манера бросать корноухие, обгрызанные ошметки и нежеваные мысли» (А. И. Герцен); «Читал он скучно, бесцветно, монотонно и невнятно, но был очень щекотлив, когда замечал в ком-нибудь невнимание к себе» (И. А. Гончаров). Однако все это — после Пушкина и вне Пушкина; лишь после смерти Пушкина решится Погодин в статье для «Русского Архива» Бартенева покритиковать «Историю Пугачевского бунта», въедливо задать в никуда восемнадцать (!) вопросов, на которые Пушкин в своей истории не ответил... Любопытно, что в юности, еще до знакомства с Пушкиным, Погодин напечатал статью о «Кавказском пленнике», где дал список из 27 «погрешностей» поэмы [19]. Таков Погодин до и после Пушкина; при нем же (они познакомились 11 сентября 1826) все было иначе: в зеркале Близнецов Погодин словно бы являлся в неком идеализированном свете — поэт неизменно поддерживал, подбадривал, вдохновлял его, находил в его «Марфе-Посаднице» «европейское высокое достоинство» и многие сцены признавал истинно шекспировскими; хлопотал за Погодина в цензуре, старался устроить ему денежное вспоможение для поездки за границу, хотя в сторону порой подавал и такие реплики: «Погодин не что иное, как *имя, звук пустой* — дух же я» (о журнале «Московский вестник» — В. И. Туманскому, февраль 1827). Верно: в некотором смысле Пушкин действительно был «духом», оживляющим Погодина: у того вырабо-

талось почти суеверное отношение с похвалам Пушкина, что-то вроде наркотической зависимости от них: Пушкин не похвалил — дурной знак. «Петра» я кончил, а вы не вставили об нем ни слова. Я почел это неблагоприятным знамением. — Теперь он позабыт мною совершенно, совершенно, как будто б и не бывал в голове» (Пушкину, 10 августа 1831). Пушкин не сказал ни слова о новой трагедии Погодина — и тот уже сомневается в самом ее существовании...

Пушкин действовал на Погодина гипнотически: «К Пушкину. Декламировал [Пушкин] против философии, и я не мог возражать дельно, и больше молчал, хотя очень уверен в нелепости им говоренного», — сокрушенно записывает Михаил Петрович в дневнике (4 марта 1827) [20]. И знает, что не прав Пушкин, что говорит нелепости — но молчит, как парализованный, и лишь потом, вернувшись домой, отводит душу в дневнике. Такова сила воздействия Пушкина на этого человека — воздействия, впрочем, благотворного, настолько благотворного, что самому Погодину, чтобы существовать, нужно было находиться на общем с Пушкиным поле. Так возникает трагедия «Петр I», о которой Пушкин скажет Чаадаеву: «Это как Шекспир... Не знаю, смогу ли сделать подобное»; одним словом — «поражен», даже «подавлен»! — не жалко ведь отобразить Погодина в своем зеркале как «победителя-ученика», ему ведь так это нравится; точно так же поведет себя Пушкин и с Шевыревым, когда выразит желание потягаться с ним в октавах (и не знаю, право, получится ли...) Так, вслед за Пушкиным и рядом с ним, возникает и «История в лицах о царе Борисе Федоровиче Годунове» (уже второй «Борис Годунов», написанный Скорпионами! — *Астролог*). И в то же время — вот что вдруг надумал Погодин: «не думаю, чтобы он [Пушкин] был способен к труду медленному и часто мелочному по необходимости» [21]. Означает это одно: резервировал себе рядом с Пушкиным место — пусть хотя бы помощника, который взял бы на себя «медленный труд» (а на «медленное» Пушкин и впрямь был малоспособен!). Погодин верил, что у Пушкина все рождается само собой, без труда, как у факира, и он хотел помогать поэту в том, что само собой не родится — в исторических трудах, в архивных разысканиях (а тем самым — окончательно утвердиться рядом с ним, в его поле влияния), — увы, не случилось...

Как же было не сокрушаться о потере такого Знака Смерти! «Слух о смерти Пушкина. Не верится (...) Подтвердилось... Плакал и плакал и думал о Пушкине. Вспомнил предсказание ему» (дневник Погодина, февраль 1837).

Погодин. Рисунок Э. Дмитриева-Мамонова.

Семенова Екатерина Семеновна

(18 XI 1786—13 III 1849) — трагическая актриса. Пушкин в послелицейскую пору был под сильным впечатлением от игры Семеновой, в январе 1820 написал статью «Мои замечания о русском театре» — и автограф статьи подарил Семеновой, которая отдала ее своему учителю Гнедичу; так она у него и сохранилась с его припиской: «Пьеса, писанная А. Пушкиным, когда он приволакивался, но бесполезно, за Семеновой, которая мне тогда же отдала ее». В этой статье Пушкин, между прочим, пишет: «Говоря о русской трагедии, говоришь о Семеновой — и может быть, только об ней. Одаренная талантом, красотою, чувством живым и верным, она образовалась сама собой. Семенова никогда не имела подлинника. Игра всегда свободная, всегда ясная, благородство одушевленных движений, орган чистый, ровный, приятный и часто — порывы истинного вдохновения, — все сие принадлежит ей и ни от кого не заимствовано... Семенова не имеет сопер-

ниц».

Там Озеров невольны дани
Народных слез, рукоплесканий
С младой Семеновой делил...

Пушкину случилось даже играть с Семеновой в любительском спектакле по пьесе Хмельницкого «Воздушные замки» в доме у Олениных (1817—1820). Сохранились рисунки поэта, изображающие «великолепную Семенову» (1818). Когда актриса Семенова сменила сцену на великосветское общество и переехала в Москву, став княгиней Гагариной, Пушкин продолжал с нею видеться, подарил ей «Бориса Годунова» с надписью: «Княгине Екатерине Семеновне Гагариной от Пушкина. Семеновой — от сочинителя».

Е. С. Семенова в роли Клитемнестры в трагедии Расина "Ифигения в Авлиде". В. А. Тропинин, с гравюры Н. Уткина, по оригиналу О. Кипренского (1815—1816).

Шевырев Степан Петрович

(30 X 1806—20 V 1864) — писатель, критик и историк литературы, один из организаторов журналов «Московский вестник» и «Московский наблюдатель». Удивительно похожи его отношения с Пушкиным на те же отношения его ближайшего друга — Погодина. Начать с того, что Шевырев в воспоминаниях современников и Шевырев в «зеркале» Пушкина — словно бы совершенно разные люди. «В сущности это был добрый человек, не ленивый сделать добро, готовый и трудиться много; но эти добрые качества заглушались страшною мелочностью, завистливостью, непомерным самолюбием и честолюбием и вместе с способностью к лакейству, — свидетельствует С. М. Соловьев. — ...Нельзя сказать, что он вначале не обнаружил таланта; но этот талант ... как-то очень некрепко в нем держался; и он его сейчас израсходовал, запах исчез, оставив какой-то приторный выцвет».

«Ах, Шевырев, зачем ты не всегда пьян!» — воскликнул как-то Пушкин, слушая нетрезвые, но вдохновенные речи Шевырева о любви. В сущности, живительным опьянением, благодатным хмелем и для Шевырева, и для Погодина, был не пунш, но Пушкин; именно он, — однажды назвавший себя «духом», оживляющим «имя» Погодина, — служил им зеркалом, в котором оба любомудра видели себя в идеальном свете. Как щедр Пушкин на похвалы Шевыреву, как не похож пушкинский Шевырев, молодой, дерзкий, талантливый, на ординарного профессора из воспоминаний Соловьева: «О герой Шевырев! О витязь великосердый! — подвизайся, подвизайся!» (Погодину, 19 февраля 1828); «Честь и слава милому нашему Шевыреву... Вперед! и да здравствует «Московский вестник»!» (Погодину, 1 июля 1828). Приветствует Пушкин в 1835 и появление нового журнала любомудров — «Московского наблюдателя»: он — снова с ними, он — снова их: «Пушкин ... пеняет, что мы не поместили его имени в числе участников, — пишет Шевыреву его друг Н. А. Мельгунов, — говоря, что он наш, а не шайки Смирдинской» [22]. «Его (Погодина — *Авт.*) надобно поддержать, также и Шевырева, которого куда бы не худо посадить на опустевшую кафедру Мерзлякова, доброго пьяницы, но ужасного невежды. Это была бы победа над университетом, то есть над предрассудками и вандализмом» (Плетневу, 26 марта 1831). «Он [Пушкин] уверяет, — пишет Шевыреву его друг А. В. Веневитинов, — что эта статья [статья Шевырева «О возможности ввести итальянскую октаву в русское стихосложение» [23]] возбудила в нем тьму новых мыслей и желаний; но что не смотря на то он непременно войдет в некоторое состязание

с тобой и тебе же самому предложит свои возражения» [24]. Как возбуждали, какой поток энергии вливали подобные великодушные «признания» Пушкина! «Возбудить» в Пушкине «тьму новых мыслей»! — на самом же деле скорее было наоборот: «тьму мыслей» возбуждало собственное отражение в щедром зеркале Пушкина.

Шевырев сам признает себя отчасти творением Пушкина и вспоминает: «Беседы с Пушкиным о поэзии и русских песнях, чтение Пушкиным этих песен принадлежит к числу тех плодотворных впечатлений, которые содействовали образованию моего вкуса и развитию во мне истинных понятий о поэзии». Позднее (когда «зеркало» разбилось) Шевырев увидел недостатки в поэзии Пушкина — «незавершенность», «эскизность» и т. п.; пока же он в своем стихе слышит прежде всего «отзвук» пушкинской гармонии.

Шевырев. Фотография 1850-х гг.

Из гроба древности тебе привет!..
Но, может быть, порадуешь себя
В моем стихе своим же ты успехом, —
Что в древний Рим отозвалась твоя
Гармония, хотя и слабым эхом.
Из Рима мой к тебе несется стих...
Здесь, как в гробу, грядущее видней;
Здесь и слепец дерзает быть пророком...

Есть и почва для близости: для Скорпиона и Близнецов огромный интерес представляют «гроба тайны роковые», всякого рода предчувствия, невнятные, невыразимые словами пророчества; они прекрасно понимают друг друга — эти два сверхинтуитивных, мистических знака. И уж, конечно, не стоит удивляться таким Скорпионским стихам:

Пушкин! встань, проснись из гробу!
Где твой голос и язык?
Поражай вражду и злобу,
Зачинай победный клик!

Скорпион, — пророчет наш Астролог, — прекрасно знает и понимает отношение Близнецов к смерти — да и как же не понимать ему, руководимому Плутоном!

Юсупов Николай Борисович

(26 X 1750—27 VII 1831) — князь; дипломат, близкий к Екатерине II, коллекционер и меценат. Еще в раннем детстве Пушкину с родителями довелось проживать в доме Юсупова по Б. Харитоньевскому переулку. Ранней весной 1827 Пушкин и Соболевский посетили Юсупова в его загородном подмосковном дворце в Архангельском, а в 1830 Пушкин написал стихотворение «К вельможе»:

Ты понял жизни цель: счастливый человек,
Для жизни ты живешь. Свой долгий
ясный век
Еще ты смолоду умно разнообразил,
Искал возможного, умеренно проказил...

«Влиянье красоты Ты живо чувствуешь», — лукаво пишет Пушкин; а далее не менее лукаво, как бы скрываясь за Бомарше, выводит напоказ тайное сладострастие Скорпиона:

Веселый Бомарше блеснул перед тобою.
Он угадал тебя: в пленительных словах
Он стал рассказывать о ножках, о глазах,
О неге той страны, где небо вечно ясно,
Где жизнь ленивая проходит
сладострастно...

Как верно сказано о человеке, который самому Жану Батисту Грёзу заказал картину под характерным названием — «Сладострастие» (ныне эта картина выставлена в Государственном музее изобразительных искусств имени того, кто воспел заказчика картины, — похоже, и здесь круг, выводимый твердой рукой Судьбы, замкнулся удачно).

Н. Полевой увидел в послании «К вельможе» низкопоклонство, и Пушкин очень смеялся этому; Юсупов у Пушкина — не столько «вельможа», сколько просто человек, «живущий для жизни»,

сосредоточивший в себе ту энергию, которая так необходима Пушкину и ради которой не жаль выслушать и сотни пасквилей. Кстати, в этом стихотворении Пушкин говорит еще об одном Скорпионе:

...Приятель твой Вольтер,
Превратности судеб разительный пример,
Не успокоившись и в гробовом жилище,
Доныне странствует с кладбища
на кладбище...

«Пушкин говорил М. А. Максимовичу, что князю Юсупову хотелось от него стихов и затем только он угощал его в Архангельском. — «Но ведь вы его изобразили пустым человеком». — «Ничего, не догадается!» [25] Вряд ли Пушкин искренен тут с разночинцем Максимовичем, который, конечно, уже никак не мог посочувствовать идее «благородной праздности»; но Пушкин знал (привел его в статье «Российская академия») и ценил аристократический афоризм Екатерины II, выражающий своеобразную мудрость вельможной «праздности»: «В обществе жить не есть не делать ничего».

Юсупов. Рис. Пушкина на заглавном листе стихотворения "К вельможе" (1830).

«Мой Юсупов умер», — писал Пушкин Плетневу 22 июля 1831. «Мой Юсупов» — как чувствуют эти знаки друг друга, — восклицает Астролог, — как знают Близнецы, что Скорпион — для них!

Ф. Буше. "Испуганная купальщица" (фрагмент).
Картина из собрания Юсупова — и в его вкусе...

Близнецы — Стрелец

«Давай мне мысль, какую хочешь: ее с конца я завострю»

Знаки 1—7. Воздух и Огонь; один Круг Ума; Юпитер и Меркурий. Казалось бы, какие могут быть основания для смертельной вражды? А если присмотреться повнимательнее? Что такое астрал? Это знаки, отстоящие друг от друга ровно на половину окружности, то есть находящиеся на самых крайних точках диаметра. Очень далеко. Полноправно обладая половиной окружности, каждый из знаков в астрале самодостаточен — взаимной зависимости здесь нет. Это два властелина одинаково сильных и богатых государств. Друг для друга они находится в зазеркалье (а не служат зеркалом, как в случае Близнецы — Близнецы!); они кажутся на первый взгляд друг другу совершенно чуждыми и даже враждебными, могут быть друг к другу абсолютно равнодушны.

«Мост кентавров» в Павловске (деталь).

Но бывает и так, что представители этих знаков вдруг начинают движение по диаметру в сторону центра — и в центре сходятся. Что тогда? Оказывается, они так во всем похожи, им так интересно вместе — даже непонятно, как они до сих пор обходились друг без друга. Вот тогда и имеет место положительный астрал. Традиционная астрология называет 7-й дом Домом открытых друзей и открытых врагов. Здесь нет полутонов: либо безумная страсть, либо не менее безумная ненависть; середины не бывает. Это страстное состояние длится какое-то время, потом партнеры по астралу потихоньку начинают смотреть вокруг, замечать окружающую жизнь и постепенно начинают движение к себе домой — на свою половину окружности. Во время пребывания там они могут ни разу и не вспомнить о недавней безумной страсти (а если и вспомнят, им не придет в голову на расстоянии подлить масла в огонь страсти, оставшийся в центре окружности). Спустя какое-то время они могут вновь

прогуляться к центру, их страсть может дать новую яркую вспышку — и так сколько угодно раз. Им всегда будет интересно. Главное для них — не быть все время вместе, так как они во многом уж слишком одинаковы.

И Близнецы, и Стрелец умны, оригинальны, экстравагантны, обожают быть в центре внимания, не выносят скуки и однообразия, отличаются быстротой, мгновенной реакцией. Им часто нравится одно и то же — а уступать они не любят: вот вам и отрицательный астрал. Кроме того, это два самых везучих знака во всем Зодиаке: за Стрельцов заступится Юпитер, Близнецов не даст в обиду Абсолют. Разница в том, что у Кентавра есть копыта и массивное туловище — ему мало идеального обладания желаемым, ему нужно, чтобы все произошло в реальности. Юпитер может принимать сколь угодно воздушные формы, но цель, для которой он это делает, всегда остается очень материальной. Таков Стрелец. Если Близнецам достаточно аромата дыма, то Стрелец должен съесть шашлык. Но не надо забывать и о том, что у Стрельца — волшебные стрелы, которые он может запустить как угодно далеко и с помощью которых может проникнуть в самые заоблачные дали любой мистической и философской теории. Не следует считать Стрельца всего лишь грубым сильным животным. Кентавр — очень сложное и практически непобедимое существо. У Стрельцов часто очень силен интерес к религии, к философии, и если Близнецы могут понять все это лишь интуитивно, обычно не зная ни авторов систем, ни терминов теории, то Стрельцы обязательно во всем дойдут до самой сути и по интересующей их проблеме будут знать все досконально. Очень точную в этом смысле характеристику Стрельца мы находим у Пушкина в стихотворении «Прозаик и поэт» (1825).

...Давай мне мысль, какую хочешь:
Ее с конца я завострю,
Летучей рифмой оперю,
Взложу на тетиву тугую,
Послушный лук согну в дугу,
А там пошлю наудалую,
И горе нашему врагу!

Верно: самый сильный Стрелец не тот, кто использует свои копыта, а тот, кто не забывает о своем главном оружии — божественных стрелах. К сожалению, многие Стрельцы чаще и охотнее прибегают к копытам, но Близнецы при любой возможности стремятся напомнить своему Астралу о том, что он Юпитер, а не бык. Близнецов восхищает Стрельцовая эрудиция, их жизнестойкость, которой сами они совершенно не обладают. Стрельцу с Близнецами весело и интересно, но Стрелец — не Лев: так возиться с этими безалаберными существами он не будет. Пока хорошо — давай быть вместе; если тебе трудно — помогу; но если эти трудности постоянны и если я вместо того, чтобы двигаться дальше, должен все время возиться с тобой — извини, пока!

Близнецы легче, воздушнее, они ни за что не держатся, но и к жизни они совершенно не приспособлены; а Стрелец отличается большой жизненной силой, оптимизмом, подчас бывает грубоват. Если у него хорошее настроение, может и не заметить, как растоптал вас, — а вы не стойте на дороге (впрочем, здесь Близнецовая легкость и способность мгновенно испариться как нельзя более кстати), не отличается большим тактом и вниманием к таким мелочам, как ваше самолюбие. (Как бесцеремонны даже иные дружественные Стрельцы с Пушкиным — например, тот же Карл Брюллов!) Так что вот еще одно различие: Близнецы никогда никому не наступят нечаянно на ногу, а Стрелец не наступит только в том случае, если вы сами позаботитесь ее заблаговременно убрать.

Из всего вышесказанного следует, что вообще-то спокойнее этим знакам близко друг к другу не подходить, но если уже подошли — случаи положительного астрала встречаются; однако, увы,

отрицательный бывает гораздо чаще. Им ведь нравится одно и то же — вот и повод для конфликта, а последней каплей послужит либо невоздержанность Стрельцов на язык, либо своеобразный юмор Близнецов, нередко раздражающий своей непонятностью. А Стрелец вспыльчив невероятно, из-за любого пустяка готов стреляться; правда, потом он так же легко и отходит, и мирится — но это если кому-то удалось дуэль расстроить; а если нет? В гневе своем Стрелец страшен, соперников в достижении цели не терпит, ограничений в средствах не приемлет: кто-то должен погибнуть, — иного выхода из конфликта Стрелец не понимает, ему тесно с противником на одной земле. Это натура страстная, бурная (как точно сам Пушкин подмечает страстность своих Стрельцов — Муравьева, Нащокина!), он не будет ждать удобного момента для выяснения отношений — он все должен выяснить немедленно.

Пистолетов пара,
две пули — больше ничего —

вот его излюбленные средства. Это и есть отрицательный астрал: борьба не на жизнь, а на смерть. Противники достойные, равные, не зависящие друг от друга ни в чем — а потому не ведающие жалости. Кто победит? Сильнейший.

Около Пушкина Стрельцов не очень много. Поэты, музыканты, художники, писатели, большинство из них по совместительству офицеры: Стрелец любит шум битвы, но еще больше он любит роскошь и негу. Стрелец — гурман и сибарит; в стремлении к удовольствиям он порой выходит за рамки общепринятого (характерно, что по крайней мере три Стрельца из окружения Пушкина отличались нетрадиционными вкусами в любви — Вигель, Геккерн, Голицын). Какой из Стрельцов около Пушкина не таков? Стрелец живет по принципу: живи и жить давай другим; а откуда берутся средства — какая разница? Лишь бы их было много, чтобы пыль из-под копыт... И мелочно ущемлять Стрелец никого не будет, пусть все пируют вместе с ним.

Среди Стрельцов, окружавших Пушкина, много таких, которые находились с ним на дальних точках окружности: интересы не сталкивались, и сохранялись обычные приятельские отношения. Были случаи движения по прямой к центру с тенденцией к созданию положительного астрала — были, например, Стрельцы, смягчившие участь Пушкина в период его послелицейских безумств и уберегшие его от опрометчивых поступков в период южной ссылки — Карамзин, Вигель, С. Г. Волконский; был даже уникальный пример полного положительного астрала: Нащокин — это друг без всяких полутонов. Но чаще, увы, такое движение вело к созданию отрицательного астрала. Оленин, Александр Раевский, барон Геккерн... Двое последних — это просто два зеркально отраженных демона, стоящих у начала и у конца жизни Пушкина. И тому и другому Пушкин мешал уже одним своим существованием. В случае с Раевским в дело вмешались равнодушные Близнецы, которые, выполняя волю Абсолюта, просто развели их «по двум разным концам земли» — и кровь не пролилась. В последней трагедии не нашлось Близнецов, которые были бы сильнее Стрельца, одержимого желанием истребить врага. Был Водолей (Дантес), которому все равно, были Близнецы, к Пушкину настроенные враждебно и этой враждебностью усиливающие Стрельца, были Раки, Козероги... Был кто угодно, а самое главное — было нежелание Пушкина дольше здесь оставаться. Как тут было Стрельцовой охоте не окончиться удачей? Возникает вопрос: а кто собственно победил в этом астральном поединке: Стрелец, который смел с лица земли ненавистных Близнецов, — или Близнецы, которые, используя стрелы Стрельца, выполнили свое желание покинуть этот мир, где им больше было

нельзя оставаться? Чью волю выполнял Абсолют? Ответа нет.

Женщины-Стрельцы очаровательны, обольстительны, их салоны — само совершенство; Пушкин их охотно посещает, но страстной мучительной любви здесь нет. С женщинами Пушкин не встречался так близко в центре окружности, как с мужчинами. Слава Богу — или как жаль?

Блок Александр Александрович

(28 XI 1880—7 VIII 1921) —

Пушкин! Тайную свободу
Пели мы вослед тебе.
Дай нам руку в непогоду,
Помоги в немой борьбе...
Не твоя ли, Пушкин, радость,
Окрыляла нас тогда?.. —

это астрал из XX века.

Грустен и весел вхожу я, ваятель,
в твою мастерскую —

На перекрестке, где даль поставила,
В печальном весельи встречаю весну.

Пью за здравие Мери,
Милой Мери моей...
Будь же счастлива, Мери,
Солнце жизни моей! —

Косы Мери распущены,
Руки опущены,
Слезы уронены,
Мечты похоронены...

Мы о Мери грустим и поем
Золотыми стихами...

Впрочем, смеха ради, «всегда я рад заметить разность»:

Да, скифы мы, да, азиаты —

Мы не скифы, не люблю,
Други, пьянствовать бесчинно...

«Европеец, и в упоении восточной роскоши, должен сохранить вкус и взор европейца» (Вяземскому, конец марта — начало апреля 1825)

Брюллов Александр Павлович

(10 XII 1798—21 I 1877) — брат К. П. Брюллова, архитектор, художник-

А. Брюллов. Рисунок к "Каменному гостю", 1839.

портретист. Знакомство Брюллова с Пушкиным относится к 1831. В декабре 1831 художник работал над портретом Натальи Николаевны, и Пушкин осведомлялся в письме к жене: «Брюллов пишет ли твой портрет?» В конце января 1832 Пушкин сообщал Нащокину: «Портрет мой Брюллов напишет на днях» — а он и не написал: Деву изобразил, а Близнецов — нет. Акварельный портрет Натальи Николаевны Стрельцовской работы и сегодня украшает зал московского Музея Пушкина («Целую твой портрет, который что-то кажется виноватым. Смотри...», — Пушкин жене, 1834) — а изображения поэта, сделанные рукою А. Брюллова, — лишь картинки для сборника «Новоселье» (зарисовки участников знаменитого смирдинского обеда).

Брюллов Карл Павлович

(13 XII 1799—24 VI 1852) — художник. Творчество Карла Брюллова было

знакомо Пушкину еще в конце 1820-х гг. Картина «Последний день Помпеи» вызвала восторг Пушкина; он даже набросал на листе графическое изображение одной из групп картины и словесное изображение извержения вулкана:

Везувий зев открыл...

Познакомились они в 1836 в Москве; много беседовали о сюжетах картин. Имя Брюллова часто упоминается в письмах поэта к жене: «Я успел уже посетить Брюллова... Он очень мне понравился. Он хандрит, боится русского холода и прочего, жаждет Италии, а Москвой очень недоволен. У него видел я несколько начатых рисунков и думал о тебе, моя прелесть. Неужто не будет у меня твоего портрета, им писанного? невозможно, чтоб он, увидя тебя, не захотел срисовать тебя» (4 мая 1836).

Оказалось, что вполне возможно... Плохое предсказание — напрасной была уверенность Пушкина в том, что Брюллов разделит его идеал красоты: не встретил художник восторги поэта ответным восторгом, вероятно, так сильно ожидаемым (словно Пушкин желал услышать о внешности жены мнение эксперта). Т. Г. Шевченко в автобиографическом романе «Художник» сообщает о Брюллове: «За чаем Карл Павлович... рассказал, как покойный Александр Сергеевич просил его написать с его жены портрет и как он бесцеремонно отказал ему, потому что жена его косая. Он предлагал Пушкину с самого его написать портрет, но Пушкин отплатил ему тем же» [1].

С той же грубой бесцеремонностью оценил Брюллов и пресловутое «семейное счастье» поэта, — когда однажды осенним вечером Пушкин зазвал Брюллова к себе и выносил показать ему своих детей по очереди, тот отреагировал на эту умилительную демонстрацию совсем не в лад: «На кой черт ты женился?» Пушкин сразу сник — а может, просто подыграл: «Я хотел ехать за границу, а меня не пустили, я попал в такое положение, что не знал, что делать, и женился» [2]. Близнецы, — прокомментирует Астролог, — перед Стрельцами всегда стараются держать фасон и казаться веселее и бесшабашнее, чем они есть на самом деле, и часто впадают в Стрельцовый тон, — но в целом, как правило, за бравадой, преподнесенной Стрельцам Близнецами, легко (если знать ключ) разглядеть желание хоть каким-то образом поделиться тем, что у них болит на самом деле. Другое дело, что Стрельцам обычно некогда разбираться в сложных Близнецовых подтекстах, они принимают браваду, восхищаются ею — а у Близнецов поднимается настроение, и наигранная бравада становится истинной. «Какой Пушкин счастливец! Так смеется, что словно кишки видны!» — восхищался Брюллов (по рассказам А. О. Россета). Брюлловский Пушкин счастлив не в семье, не в детях, не в «красавице» жене, но в этой способности так смеяться.

К. Брюллов. "Бахчисарайский фонтан". Мария. Рисунок, 1838.

Последняя встреча Пушкина с Брюлловым произошла 25 января 1837. Пушкину безумно понравился рисунок «Съезд на бал к австрийскому посланнику в Смирне» с забавным изображением спящего посреди улицы жирного турецкого полицеймейстера; он умолял художника подарить ему его, тот отказывался, обещал нарисовать Пушкину другой, так как этот принадлежит уже княгине Салтыковой. Пушкин был безутешен, встал на колени (может, для полноты игры и действительно встал) с рисунком: «Голубчик, отдай! Ведь ты другого не нарисуешь для меня, отдай мне этот!» Не отдал — и другого не нарисовал; потом, когда Пуш-

кин умер, стал жалеть, что не отдал рисунка, а ведь будь Пушкин жив — скорее всего все равно бы не нарисовал. После смерти поэта Брюллов сделал эскиз памятника Пушкину, а в 1849 написал картину на сюжет «Бахчисарайского фонтана».

Булгаков Александр Яковлевич

(4 XII 1781—IV 1863) — чиновник по особым поручениям при московском генерал-губернаторе, с 1832 московский почтовый директор. Александр Яковлевич Булгаков и брат его Константин Яковлевич, состоявший в должности петербургского почтового директора, по выражению Вересаева, —«образованные, стоящие в центре русской жизни Бобчинский и Добчинский, аккуратно, изо дня в день осведомлявшие друг друга обо всех чрезвычайных происшествиях». А если особенно интересным казалось какое-то письмо из поступавших на почту — с перлюстрацией проблем не возникало. С Пушкиным это был типичный отрицательный астрал; еще до знакомства Булгаков невзлюбил Пушкина и писал брату из Одессы: «О Пушкине, несмотря на прекрасные его стихотворения никто не пожалеет. Кажется, Воронцов и добр, и снисходителен, а и с ним не ужился этот повеса». Познакомились они в 1826 в Москве. Булгаков присутствовал у Вяземского на чтении Пушкиным «Бориса Годунова» и поделился с братом впечатлением: «Я познакомился с поэтом Пушкиным. Рожа ничего не обещающая». «Давно к нам просится поэт Пушкин в дом», — писал Булгаков брату; наконец, отговариваться болезнью стало больше нельзя, и в марте 1829 Булгакову пришлось уступить бессовестным просьбам этого бесцеремонного поэта и ввести его в свой дом, где дочери наперебой принялись давать Пушкину полезные и мудрые советы, как жить. Накануне женитьбы Пушкина Булгаков написал брату: «Нечего ждать хорошего, кажется; я думаю, что не для нее одной, но и для него лучше было бы, кабы свадьба разошлась» [3] (А ведь был прав...)

А. Я. Булгаков. Гравюра А. Афанасьева. 1810-е гг.

В мае 1834 Булгаков поинтересовался содержанием письма Пушкина к жене и даже счел его любопытным для Бенкендорфа и царя. Возмущенный Пушкин написал жене письмо, в котором просил ее «быть осторожнее в письмах, так как в Москве состоит почт-директором негодяй Булгаков, который не считает позорным ни распечатывать чужие письма, ни торговать своими дочерьми» [4]. Наталья Николаевна этого письма не получила...

Вигель Филипп Филиппович

(23 XI 1786—1 IV 1856) — чиновник Московского архива Коллегии иностранных дел, с мая 1823 чиновник по управлению Новороссийской губернией и Бессарабской областью, с декабря 1824 по июнь 1826 бессарабский вице-губернатор. Сложная фигура, вызывающая самые противоречивые толки (ведь контраст между стрелами Стрельца и его копытами действительно часто непонятен стороннему наблюдателю — *Астролог*). «Не претерпевший никогда особенного несчастия, он был несчастлив сам по себе и сам от себя» (Вяземский); «Он добр только тогда, когда зол» (Блудов); «Он имеет гадкую репутацию, вкусы азиатские, слыл всегда шпионом» (Н. А. Муханов). Пушкин, знакомый с Вигелем еще по «Арзамасу» (где Вигель носил кличку «Ивиков журавль»), оставил о нем более благожелательное суждение: «Вигель получил звезду и очень ею доволен. Вчера он был у меня — я люблю его разговор — он занимателен и делен, но всегда кончается толками о

мужеложестве» (Дневник 1834) — что ж, еще стихотворение 1823 кончалось словами:

Но, Вигель, пощади мой зад...

Несмотря на общеизвестный библейский порок Вигеля, друзья Пушкина именно его опеке поручили поэта в Одессе: Жуковский и Блудов попросили Вигеля, по его собственному свидетельству, «стараться войти в доверенность Пушкина, дабы по возможности отклонять его от неосторожных поступков». Такой вот ангел-хранитель оказался с Пушкиным в одной гостинице в Одессе... «Пушкин жил рядом со мною, об стену. В Одессе не успел еще он обрести веселых собеседников. Встреча с человеком, который мог понимать его язык, должна была ему быть приятна, если бы у него и не было с ним общего знакомства и он собою не напоминал бы ему Петербурга, простое доброжелательство мое ему полюбилось, и с каждым днем наши беседы и прогулки становились продолжительнее. Разговор Пушкина, как бы электрическим прутиком касаясь моей черными думами отягченной главы, внезапно порождал в ней тысячу мыслей, живых, веселых, молодых, и сближал расстояние наших возрастов. Беспечность, с которою он смотрел на свое будущее, часто заставляла меня забывать и собственное... Чрезвычайно много неизданных стихов было у него написано, и я могу сказать, что насладился ими. Но одними ли стихами пленял меня этот человек? Бывало, посреди пустого, забавного разговора, из глубины души его или сердца вылетит светлая, новая мысль, которая изумит меня, которая покажет и всю обширность его рассудка. Мало-помалу открыл я весь зарытый клад его помыслов, на кои накинута была замаранная мантия цинизма». (Поразительно точная астрологическая характеристика! Только человек, который сам носит «замаранную мантию цинизма», мог увидеть под этой мантией у вечно смеющихся Близнецов то, что обычно скрыто от света — *Астролог*). Вообще при упоминании Вигеля на ум приходят строки из «Онегина»:

Я был озлоблен, он угрюм;
Страстей игру мы знали оба;
В обоих сердца жар угас;
Обоих ожидала злоба
Слепой фортуны и людей...

Вигель. Акварель К. С. Осокина. 1836; рис. Пушкина 1824.

Умел ли Вигель «отклонять» Пушкина «от неосторожных поступков»? Как знать: быть может, холод вигелевских прозаических эпиграмм и в самом деле действовал на поэта куда более отрезвляюще, чем иная пылкая проповедь; быть может, ему и был нужен такой злой «добрый ангел», умеющий в нужную минуту ехидно сравнить (имея в виду Воронцову) Пушкина с Отелло, а Раевского — с Яго и заставить Пушкина в ответ «засмеяться» — а можно ли было в этой ситуации сделать что-либо умнее?

Волконская Зинаида Александровна

урожд. княжна Белосельская-Белозерская (3 XII 1789—5 II 1862) — княгиня; писательница, поэтесса. Фаворитка Александра I в самый блистательный период его жизни, восхитившая некогда своим пением сиятельных участников Венского конгресса (Волконская обладала глубоким контральто, которым пленился сам Россини). По возвращении из ссылки Пушкин стал посетителем ее салона в Москве, где, по свидетельству Вяземского, «все ... носило отпечаток слу-

жения искусству и мысли» Тот же Вяземский вспоминает: «Княгиня в присутствии Пушкина, в первый день знакомства с ним пропела элегию его «Погасло дневное светило». Пушкин был живо тронут этим обольщением тонкого и художественного кокетства». В салоне княгини Пушкин во всем блеске проявляет свое остроумие, ему здесь весело: женщина-Стрелец умеет помочь гостям проявить их достоинства и в качестве хозяйки салона не знает равных:

Царица муз и красоты...
...Певца, плененного тобой,
Не отвергай смиренной дани,
Внемли с улыбкой голос мой,
Как мимоездом Каталани
Цыганке внемлет кочевой.

Волконская и не отвергала: она очень ценила Пушкина, хотя влюбленности здесь не было ни с одной стороны, и эта роковая женщина для Пушкина действительно оставалась «царицей муз и красоты»

З. Волконская. Портрет работы Мюнере.

без всяких личностей. «Возвращайтесь к нам, — писала Волконская поэту в Михайловское, — воздух Москвы легче. Великий русский поэт должен писать либо в степях, либо под сенью Кремля, и автор «Бориса Годунова» принадлежит городу царей. Какая же должна была быть мать, зачавшая человека, гений которого — весь сила, весь — изящество, весь — непринужденность, который является то дикарем, то европейцем, то Шекспиром и Байроном, то Ариостом, Анакреоном, но всегда русским, переходит от лирики к драме, от песен нежных, влюбленных, простых, иногда грубых, романтических или едких, к важному и наивному тону строгой истории» (29 октября 1826). Волконская знала бурные страсти, романы (как все женщины-Стрельцы — *Астролог*); для мужчин, ее любивших, она была

Как вихорь, роющий поля,
Ломающий леса...

«Воздух Москвы легче», — писала Волконская Пушкину, намекая на тяжесть петербургской последекабрьской атмосферы — сама она уже давно избрала своей резиденцией Москву; однако еще легче был воздух Италии, куда княгиня и отбыла в 1829, естественно, захватив с собой чужого мужа — графа Минниато Риччи... Пушкин, впервые попав в январе 1829 на петербургскую новинку — раут, вспоминает, как примету Москвы, «обеды Зинаиды»: «Я в Петербурге с неделю, не больше... Веселятся до упаду и в стойку, то есть на раутах... Давно бы нам догадаться: мы сотворены для раутов, ибо в них не нужно ни ума, ни веселости, ни общего разговора, ни политики, ни литературы. Ходишь по ногам, как по ковру, извиняешься — вот уже и замена разговору. С моей стороны, я от раутов в восхищении и отдыхаю от проклятых обедов Зинаиды. (Дай бог ей ни дна ни покрышки; то есть ни Италии, ни графа Риччи!)» (Вяземскому, январь 1829). Нетрудно понять, куда на самом деле тут метит пушкинская ирония...

А Волконская в парке своей римской виллы, в «Аллее воспоминаний», много лет спустя поставит стеллу, посвященную Пушкину, — рядом с двумя десятками других памятников.

Волконский Сергей Григорьевич

(19 XII 1788—10 XI 1865) — участник Отечественной войны, один из руководителей Южного общества, муж М. Н. Раевской (с 1825). Общался с Пушкиным в пору южной ссылки поэта. В письме к Пушкину от 18 октября 1824 сообщал о своей предстоящей помолвке с М. Н. Раевской и, вслед за прочими декабристскими наставниками Пушкина, выражал надежду, что поэт изберет «предметом пиитических творений» вольнолюбивый Великий Новгород. Пушкин упоминает Волконского в эпитафии его сыну:

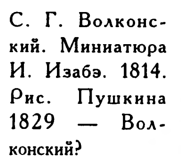
...и молит за отца.

(Пушкин прав — за Волконского надо было молиться; судьба этому Стрельцу досталась нелегкая: брак с Козерогом, долгие годы в роли Двенадцатого Знака — ей вся поэзия, все восхищение современников и потомков, а ему — лишь безличное служение — *Астролог*).

Уже после смерти Пушкина Волконский рассказал своему сыну, М. С. Волконскому, историю о том, как он не принял Пушкина в тайное общество и тем самым уберег от новых преследований. Любопытно, как сам Волконский оценивал этот эпизод в свете трагической гибели Пушкина: «Как мне решиться было на это [на принятие Пушкина в тайное общество], когда ему могла угрожать плаха, а теперь что его убили, я жалею об этом [т. е. том, что не принял]. Он был бы жив, и в Сибири его поэзия стала бы на новый путь...» «И действительно, — совершенно серьезно продолжает М. С. Волконский мысль отца, — представьте себе Пушкина в рудниках, Чите, на Петровском заводе и на поселении — что бы он создал там» [5]. Жизнь для Стрельца — высшая ценность, и воображение его настолько игриво (или интуиция настолько слаба?), что позволяет нарисовать эту картину: Пушкин остался жив ценой каторги; «во глубине сибирских руд», после тяжкого рабочего дня, при свете лучины, он строчит... конечно же, поэму о былой новгородской вольнице, которую так вожделели получить от него декабристы. Но и здесь фантазия Близнецов не дала себя обогнать — в «Воображаемом разговоре с Александром I» Пушкин весь этот кошмар уже нарисовал: царь сослал его в Сибирь, «где бы он написал поэму «Ермак» или «Кочум», разными размерами с рифмами». Нарисовано, высмеяно — и отброшено.

С. Г. Волконский. Миниатюра И. Изабэ. 1814. Рис. Пушкина 1829 — Волконский?

Геккерн Луи-Борхард де Беверваард

(van Heeckeren de Beverwaard) (30 XI 1791—27 IX 1884) — барон, нидерландский дипломат, с марта 1826 посланник при русском дворе, с 1836 приемный отец Дантеса. «Геккерн — низенький старичок, всегда улыбающийся, отпускающий шуточки, во все мешающийся» (А. О. Россет). Тонкий и искусный дипломат, но человек неразборчивый в средствах и глубоко беспринципный; к тому же, как случается у Стрельцов, с противоестественными наклонностями. Современник отмечает, что даже позорное изгнание из Петербурга после дуэли не могло «истребить все его подлые страсти» [6]. И это похоже на истину, — подтвердит Астролог, — Стрелец — натура страстная, идущая в своем увлечении до конца, готовая на все, чтобы уничтожить препятствия. Пушкину Судьба несколько раз посылала Стрельцов, у чьей страсти он стоял на пути: Александр Раевский, Барон Геккерн... Страстью барона

Геккерн. Портрет работы Крихубера, 1843.

был Дантес; Пушкин своим существованием мешал Дантесу, а значит, и барону; чтобы быть счастливым, эту помеху нужно устранить. «Вы, представитель коронованной главы, — вы отечески служили сводником вашему сыну... Подобно старой развратнице подстерегали мою жену во всех углах, чтобы говорить ей о любви вашего так называемого сына; и когда, больной сифилисом, он оставался дома, вы говорили, что он умирает от любви к ней; вы бормотали: «Возвратите мне моего сына!..» Я не желаю, чтобы жена моя продолжала слушать ваши родительские увещания» — такое резкое письмо Пушкин мог послать только Стрельцу. В наемной карете Геккерн ждал исхода поединка за полверсты от места дуэли. Свою карету он уступил для раненого Пушкина и возвратился домой на извозчике...

После гибели поэта ему пришлось оставить Петербург, и о нем никто не пожалел, — напротив: «многие воспользовались сим случаем, чтобы сделать ему оскорбления» [7]. «Он точно вел себя, как гнусная каналья», — сказал о нем сам император [8]. Однако отношения с Дантесом Геккерн сохранил — так что мог быть доволен: Юпитер помог ему устранить помеху на пути к счастью с самым дорогим существом.

Голицын Александр Николаевич

(19 XII 1773—4 XII 1844) — обер-прокурор Синода, министр просвещения (1816—1824). Кабинет Голицина, прозванный мистическим, вел войну с университетским просвещением, а цензуре придал поистине анекдотические формы: именно при Голицыне нельзя было назвать «небесными» женские уста, о чем Пушкин и вспоминает во «Втором послании цензору». В пору учебы Пушкина Голицын принимал деятельное участие в управлении Лицеем; присутствовал на выпускных экзаменах первого курса, был очень доволен и хвалил лицеистов Александру I. Когда в 1824 церковные и светские круги объединились в стремлении скинуть Голицына с поста министра, не гнушаясь при этом и доносами на его противоестественные любовные вкусы (столь характерные, как мы уже видели, для Стрельца — *Астролог*), Пушкин высмеял всю эту возню в эпиграмме, где в равной мере досталось и «губителю просвещения», и его друзьям (изуверке-сектантке А. П. Хвостовой и любовнику Голицына В. Н. Бантышу-Каменскому), и его успешным гонителям:

А. Н. Голицын. Гравюра Т. Райта.

Вот Хвостовой покровитель,
Вот холопская душа,
Просвещения губитель,
Покровитель Бантыша!
Напирайте, Бога ради,
На него со всех сторон!
Не попробовать ли сзади?
Там всего слабее он.

Не знал, конечно, Пушкин, что среди обвинений, предъявленных Голицину, фигурировали и послабления ему, Пушкину: «Известного вам Пушкина стихи, — писал Аракчеев Александру I, жалуясь на Голицына, — печатают в журналах, с означением из Кавказа, видно для того, чтобы известить об нем подобных его сотоварищей и друзей» [9]. Поминая еще раз, в том же году, во «Втором послании к

цензору», недобрым словом того, кто

В угодность Господу, себе во утешенье
Усердно задушить старался просвещенье,

Пушкин еще и не мог себе представить, что значит на самом деле «душить просвещенье», и не подозревал, что приветствуемый им новый, заменивший Голицина министр — «друг чести, друг народа» А. С. Шишков — немедленно заявит, что «обучать грамоте весь народ ... принесло бы более вреда, чем пользы», а вскоре создаст и новый цензурный устав, прозванный чугунным.

А между тем Пушкин рано прощался с Голицыным: «Гавриилиада» — «поэма в мистическом роде» (Вяземскому, 1 сентября 1822), пародирующая мистические вкусы Голицина, в 1828 попадает в руки последнего вместе с самим автором; Голицын в качестве члена особой комиссии по расследованию авторства «Гавриилиады» допрашивал Пушкина. «Гаврильяда Пушкина. Отпирательство Пушкина. Признание. Обращение с ним государя», — кратко записал со слов самого Голицина Ю. Н. Бартенев. История кончилась ничем, и отношение Пушкина к бывшему «губителю просвещения», на фоне всех прелестей николаевской России, с годами лишь смягчалось: в 1830-е годы Пушкин ухитрился даже использовать экс-министра с пользой для все того же просвещения: записал с его слов «славный» (и даже несколько крамольный) анекдот о Якове Долгоруком, дерзко разорвавшем указ Петра I (вошел в «Table-talk») .

Долгоруков Павел Иванович

(5 XII 1787—20 II 1845) — князь, сын писателя И. М. Долгорукова; член Попечительного комитета о колонистах Южного края. Встречался с Пушкиным у Инзова в Кишиневе. В отражении дневника Долгорукова Пушкин предстает в довольно неприглядном свете: «Любимый разговор его основан на ругательствах и насмешках и самая даже любезность стягивается в ироническую улыбку... Нравственность его в самом жалком положении. Нет ни к кому ни уважения, ни почтения. Все основано на удальстве, насмешках и ругательствах», при этом «говорит остро, убедительно, а за стульями слушают и внимают соблазнительным мыслям и суждениям». Посочувствуем благонамеренному чиновнику: на долю чьих еще ушей выпало такое поразительное множество пушкинских ругательств, эпиграмм и проклятий? «Штатские чиновники — подлецы и воры, — с неподдельным ужасом передает Долгорукий, — генералы — скоты большей частию, один класс земледельцев — почтенный» (да и тот свинья, — так и просится добавление из литературного будущего). Как тут не поверить Пушкину: «у меня бы затрещала набережная, если б коснулся я сатиры» (А. А. Бестужеву, 24 марта 1825); но, с другой стороны, как не предположить, что Долгорукий чем-то Пушкина на этот эпиграмматический фонтан и провоцировал — то ли своим непритворным ужасом, то ли своей твердой невосприимчивостью: никак не хотел, как Пушкин ни старался, поддаться «соблазнительным мыслям» и так и ускользнул из объятий либерализма, сохранив, как Иосиф, политическую невинность и рассеяв чары заклинанием: «Ум пылкий, не основанный на правилах разума и нравственности, пленять не может».

Завадовская Елена Михайловна

урожд. Влодек (14 XII 1807—3 IV 1874) — графиня. «Дочь польского генерала, по линии матери русская, она имела чисто славянский тип красоты, с нежным цветом лица и голубыми глазами» [10]. В поэтическом сознании эпохи служила воплощением холодно-целомудренной северной красавицы, противостоящей красавице южной — «молодой вакханке», дарительнице якобы не слишком ценимых «мятежных наслаждений». Впрочем, этот северный тип уже тогда привлекал особое внимание мужей Востока: «Каждая ресница красавицы ударяет в

сердце, как стрела», — сказал о Завадовской с невольной астрологичностью персидский принц Хозрев-Мирза. Нравился этот тип и Пушкину:

Все в ней гармония, все диво,
Все выше мира и страстей;
Она покоится стыдливо
В красе торжественной своей... —

пишет он в альбоме Завадовской в 1832, вслед за Вяземским, опередившим его в воспевании этого северного идеала целомудрия:

Красавиц северных он [русский] любит безмятежность,
Чело их, чуждое язвительных страстей,
И свежесть их лица, и плеч их белоснежность,
И пламень голубой их девственных очей...

...И чистой прелести ненарушимый цвет.

Красавиц северных царица молодая!
Чистейшей красоты высокий идеал!

О, это коллективное альбомное хозяйство: коктейль из «прелести», «чистейшей», «идеала» Вяземский без церемоний изготовляет по рецепту «Мадоны» (тип-то тот же: не вакханка...), зато «пламень голубой» весьма пригодился Пушкину — для живописания известного по вступлению к «Медному Всаднику» средства от петербургского холода, который столь привлекателен в красавицах, но зимой все же чрезмерен.

Завадовская. Литография Шалона. 1840-е гг. Рисунок-шарж Пушкина 1831 — Завадовская?

Историки спорят, была ли Завадовская прототипом «Клеопатры Невы» — Нины Воронской восьмой главы «Онегина» (другой кандидат — А. Ф. Закревская, воспетая в стихотворении «Портрет»); Вяземский полагал, что Пушкин имел в виду Завадовскую [11]. Похоже, так оно и есть: «мраморная краса» и «беззаконная комета» — странное сочетание для Пушкина, любившего предметную точность.

Карамзин Николай Михайлович

(13 XII 1766—3 VI 1826) — писатель, историк. «В начале жизни школу помню я...» Имя Карамзина неотделимо от понятия школы: целое литературное направление получило название «школы Карамзина», и Пушкин — ученик в ней с раннего детства, когда, уже в 1805 он почувствовал в Карамзине что-то особенное и, по воспоминаниям Сергея Львовича, слушал его разговор, оставя игрушки и не спуская с него глаз. Представление о Карамзине как Учителе поддерживалось и близкими людьми: «Люби его, слушайся и почитай, — писал В. Л. Пушкин племяннику (17 апреля 1816). — Советы такого человека послужат к твоему добру и может быть к пользе нашей словесности».

С другой стороны, школа была слишком всеобъемлющей, Учитель слишком огромен и вездесущ. Преклонение молодежи перед Карамзиным не знало границ; фактически, всякий духовный труд исходил из «Истории Государства Российского», так или иначе, но неизбежно соотносился с творением Карамзина. В «Зеленой лампе» возникает проект словаря «Список знаменитым людям Российского государства», над которым работают приятели Пушкина, Н. Всеволожский и Я. Толстой: в своих жизнеописаниях они лишь с небольшими вариациями воспроизводят текст Карамзина — казалось, и этого достаточно; на большее в духовном присутствии Карамзина трудно было претендовать. И Пушкин не избежал этого вторжения Историка в Поэзию: «Руслан и Людмила» — произведение отнюдь не историческое —

писалось с Карамзиным перед глазами (у Карамзина, в частности, появляется среди вельмож Олега имя Фарлафа); то же можно сказать и о «Песне о вещем Олеге».

Карамзин не просто написал историю России, но, как некий Демиург, создал ее: «Он — славный отец наших предков, — говорил Жуковский, — ибо он, вместе с юною красавицей музою истории, произвел их на свет таковыми точно, каковыми они есть, и сдунул с лица земли тех самозванцев и самохвалов, которые в арлекинских платьях таскались по миру под священным их названием».

Трудно было соблюдать любимый завет — «будь каждый при своем» — рядом с таким Учителем, который, к тому же, в отличие от другого учителя — Жуковского, был суров с учеником: «Николай Михайлович бранит его [Пушкина] с утра до вечера», — писал Вяземский жене (29 мая 1817). И Пушкин стремится выйти из-под огромной тени карамзинского авторитета, расчистить себе собственное пространство рядом с Карамзиным. Уже в феврале 1818, в месяц выхода первых восьми томов «Истории...», Пушкин находит средство, как не стать фигурой в огромном, сотворенном Карамзиным мире, вечным учеником в его «школе». Это средство, найденное с невероятной быстротой, — смех; в том же феврале 1818 появляется эпиграмма:

В его «Истории» изящность, простота
Доказывают нам без всякого пристрастья
        Необходимость самовластья
        И прелести кнута [12].

И отзыв Пушкина об «Истории...», относящийся к тому же февралю 1818 (свидетельство Кюхельбекера) — «В этой прозе гораздо более поэзии, чем в поэме Хераскова», — вовсе не так хвалебен, как кажется, если учесть, что Карамзин решительно изгонял Поэзию из Истории и именно в точности видел основную заслугу исторического повествователя: «Добросовестный труд повествователя не теряет своего достоинства потому только, что читатели его, узнав с

Карамзин. Портрет работы А. Молинари. 1806-1812. Рис. Пушкина 1825 — Карамзин?

точностию события, разногласят с ним в выводах. Лишь бы картина была верна, — пусть смотрят на нее с различных точек» [13].

Впрочем, Пушкин вовсе не намекает своим отзывом на какие-либо поэтические вымыслы Карамзина — его игра тоньше: он перетягивает Карамзина на свою территорию, в свое пространство; он хочет сказать, что и Карамзин-историк принадлежит миру Поэзии — следовательно, его, Пушкина, миру. Он и ранее хитрил, подговаривая Карамзина Историю бросить, а вернуться к Поэзии — на ту территорию, где Пушкин сызмала чувствовал себя хозяином, а Карамзин был все же гостем:

«Послушайте: я сказку вам начну
Про Игоря и про его жену,
Про Новгород и Царство Золотое,

А может быть, про Грозного царя...» —
И, бабушка, затеяла пустое!
Докончи нам «Илью-богатыря».

(сам же не закончил своего «Бову», следуя, как предполагает Б. В. Томашевский [14], и в самой незаконченности примеру Карамзина, который тоже «Илью...» не дописал).

Однако обманный маневр не удался: История все же вышла и грозила придавить своей громадой. И Пушкин, ничтоже сумняшеся, говорит ужасающую дерзость: говорит, что История — все та же Поэзия; нет пространства Карамзина — есть пространство Пушкина. Это уже не оборона от всепроницающего авторитета историка-демиурга, захватившего все жизненное пространство русской культуры, но наступление: Пушкин не только показывает, что нашел свое, не принадлежащее Карамзину, пространство, но и пытается как бы взять Карамзина в плен, увести его в полон, на свою территорию — на terra poetica .

Продолжение этой игры — фраза, якобы вскользь брошенная в письме Гнедичу (23 февраля 1825): «История народа принадлежит поэту». Конечно, это поправка к посвящению карамзинской «Истории...» Александру I, которое заканчивалось словами: «История народа принадлежит царю». Уже декабристы пытались подправить этот демиургический дарственный жест; так, Никита Муравьев начал свое возражение Карамзину словами: «История принадлежит народам»; того же мнения придерживался Н. Тургенев: «История народа принадлежит народу — и никому более! Смешно дарить ею царей» [15]. Однако поправка эта имела печальный, почти карикатурный конец десятилетие спустя, когда Н. Полевой затеет «Историю русского народа» (а не Государства! — умри, Карамзин), разгромленную Пушкиным с почти садистским удовольствием. Декабристы и Полевой, забрав Историю у царя, отдавали ее всем («народу!») и, следовательно, никому, — отдавали в некую многообещающую пустоту; Пушкин же, обезьяньим жестом перехватив Историю на лету, забирал ее себе: никому не отдам. Ловко оставил за собой последнее слово — совсем как другой поэт-романтик, Фридрих Гельдерлин, который рассудил еще категоричней: «Чему остаться — решат поэты» [16].

В это время суровый Учитель продолжает «бранить» ученика со своей территории. В сочинениях Пушкина, как и в самой его душе, нет «расположения», «устройства», «порядка», «связи» — всего того, чем богата История, эта «связь времен». Одним словом, Пушкину не способен создать *план*: «В ней [поэме «Руслан и Людмила»] есть живость, легкость, остроумие, вкус; только нет искусного расположения частей... все сметано на живую нитку» (Дмитриеву, 7 июня 1820); «Талант действительно прекрасный: жаль, что нет устройства и мира в душе, а в голове ни малейшего благоразумия» (Дмитриеву о «Кавказском пленнике», 25 сентября 1822); «Пушкин написал Узника: слог жив, черты резкие, а сочинение плохо; как в его душе, так и в стихотворении нет порядка» (о «Кавказском пленнике», Вяземскому, 13 июня 1822); «Слог жив, черты прекрасные, но в целом не довольно силы и связи» (о «Бахчисарайском фонтане», Дмитриеву, 7 апреля, 1824). Понятие «связи», конечно, очень важно для Карамзина-историка — но важно оно и для Карамзина-человека, который после смерти своего любимого императора скажет: «Александра нет: связь и прелесть для меня исчезли» [17]. Связи Карамзин не находит ни в стихах Пушкина, ни в его душе: бессвязная стихия Поэзии претит Истории, а бессвязность Пушкина-человека претит Карамзину.

Пушкин небрежно отражает эту атаку Истории на Поэзию: план, «порядок» — прерогатива Истории, и Поэзия нисколько не претендует на обладание этими качествами. «Я, право, более люблю стихи без плана, чем план без стихов» (А. А. Бестужеву, 30 ноября 1825). «Но *плана* нет в оде и не может быть... Какой план в

Олимпийских одах Пиндара? Какой план в Водопаде, лучшем произведении Державина?» (Возражение на статью Кюхельбекера «О направлении нашей поэзии», 1826—1827). Если же план Поэзии все-таки понадобится, она прекрасно знает, где сможет его найти. «Ты хочешь *плана*? возьми конец десятого и весь одиннадцатый том [«Истории...» Карамзина, разумеется], вот тебе и *план*» (Вяземскому, 13 и 15 сентября 1825).

Как наивен был Полевой, полагавший, что в «Борисе...» Пушкин «рабски влачится» за Карамзиным! Вся тонкость ситуации от него ускользнула; он не понял, какого масштаба спор скрыт за смиренным подражанием и смиренным посвящением, не увидел титанической борьбы двух грозных муз за русское пространство и русское время! Зато проницательный Веневитинов — кажется, понял: «Кто из друзей литературы не заинтересуется тем, как эти два гения, точно из соревнования, рисуют нам одну и ту же картину, но в различных рамках и каждый с своей точки зрения. Все, что мы могли узнать о трагедии г. Пушкина, заставляет нас думать, что если — с одной стороны — историк, смелостью колорита возвысился до эпопеи, то поэт, в свою очередь, внес в свое творение величавую строгость истории» [18].

«Карамзин есть первый наш историк и последний летописец» (рецензия на первый том «Истории Русского народа» Полевого). До отбытия своего в южную ссылку Пушкин чередовал посещения дома «последнего летописца» с утехами, которые Карамзин сурово порицал. Вигель пишет: «Его [Пушкин] спасали от заблуждений и бед, — свидетельствует Вигель, — собственный сильный рассудок, ... чувство чести, которым весь был он полон, и частые посещения дома Карамзина, в то время столь же привлекательного, как и благочестивого». Сам Пушкин помогает нам представить появление поэта после бессонной ночи пред «благочестивым» лицом «последнего летописца»:

Григорий

Ты все писал и сном не позабылся,
А мой покой бесовское мечтанье
Тревожило, и враг меня мутил...

Пимен

Младая кровь играет;
Смиряй себя молитвой и постом...

Когда станет ясно, что молитва не поможет и увещевания благочестивого «летописца» пропадают втуне, Карамзин почти что отречется от поэта, скажет Дмитриеву — другому строгому пушкинскому опекуну, — что «давно, истощив все способы образумить эту беспутную голову, предал несчастного Року и Немезиде» (19 апреля 1820) и, в довершение, вполне средневеково и летописно сравнит Пушкина с дьяволом, дав тем самым ход столь популярной в дальнейшем метафоре «Пушкин—бес»: «Если Пушкин и теперь не исправится, то будет чортом еще до отбытия своего в ад» (Вяземскому, 17 мая 1820).

И все же в конце концов, забыв все размолвки и обиды, он просит за Пушкина, благодаря чему тот и попадает не на Соловки, а к добряку Инзову. «Трудно было заставить Александра отменить приговор; к счастию, два мужа твердых, благородных, им уважаемых, Каподистрия и Карамзин, дерзнули доказать ему всю жестокость наказания и умолить о смягчении его» (Вигель). При этом Карамзин берет с Пушкина слово два года ничего не писать против правительства — но, увы: «он не сдержал слова, им мне данного в тот час» (Вяземскому, 17 августа, 1824). Карамзин отныне воспринимает Пушкина как больного душой — он для него в «горячке и бреду»; попытки Пушкина примириться через посредничество Жуковского («Введи меня в семейство Карамзина, скажи им, что я для них тот же» — Жуковскому, октябрь 1824) безуспешны. А когда в 1824—1825 распространяются слухи о ссоре Пушкина с отцом и почти одновременно всплывают какие-то эпиграммы на Карамзина, ложно приписанные Пушкину, в переписке друзей образ Карамзина

и Отца многозначительно сливаются, и «чорт»-Пушкин приобретает совсем уже жуткие черты чуть ли не отцеубийцы, одним ударом побивающего двух отцов — физического и духовного: «Пушкин поднял руку на отца по крови и на отца-Карамзина...» (А. И. Тургенев — Вяземскому, 28 апр. 1825).

В зеркале Близнецов вся эта история отразилась совсем по-иному: «Я обещал Николаю Михайловичу два года ничего не писать противу правительства и не писал» (Жуковскому, апрель 1825); «Карамзин под конец был мне чужд» (Плетневу, 21 января 1831); «Карамзин меня отстранил от себя, глубоко оскорбив мое честолюбие и сердечную к нему привязанность. До сих пор не могу об этом хладнокровно вспомнить», — и все же еще в 1826 Пушкин продолжает (через Жуковского) искать у Карамзина заступничества: «Прежде, чем сожжешь это письмо, покажи его Карамзину... Кажется, можно сказать царю: Ваше величество, если Пушкин не замешан, то нельзя ли наконец позволить ему возвратиться?» (Жуковскому, январь 1826).

Смерть Карамзина — конец спора между Историей и Поэзией за пространство в русской культуре. Многозначительна, и отнюдь не просто панегирична, пушкинская фраза по поводу его кончины: «Карамзин принадлежит истории» (Вяземскому, 10 июля 1826). Этой фразой Пушкин, в сущности, прячет Карамзина в Историю, дарит его Истории; да и сама его формула: «Карамзин — последний летописец», при всей своей внешней панегиричности, на самом деле проделывает хитрый трюк в том же духе: лишает Карамзина исключительной позиции Демиурга, Творца Истории и превращает его в ее участника, в ее предмет: «Напиши нам его [Карамзина] жизнь, это будет 13-й том «Русской истории...» (Вяземскому, 10 июля 1826).

Карамзин попадает в собственную Историю, — таким образом, раздел закончен: Карамзин принадлежит Истории; История принадлежит Поэту, — и теперь Поэт может с легким сердцем посвятить свой поэтический труд Историку — «Драгоценной для россиян памяти Николая Михайловича Карамзина сей труд, гением его вдохновенный, с благоговением и благодарностью посвящает А. Пушкин», — читаем мы на титульном листе «Бориса Годунова».

Диалог с Карамзиным-мыслителем не прекращается до конца жизни Пушкина, нередко принимая скрытую форму. Так, в «Записке о древней и новой России» Карамзин, говоря о создании Петербурга в «местах, осужденных природою на бесплодие и недостаток», замечает: «Человек не одолеет натуры!» Эту пессимистическую мысль Пушкин отдает в «Медном Всаднике» покровителю Карамзина — покойному Александру I («С Божией стихией Царям не совладеть...»), сам же, в «Арапе Петра Великого», изображает создание Петербурга как «победу человеческой воли над супротивлением стихий» [19]. А однажды загробный авторитет понадобился Пушкину по совсем практическому вопросу, в котором покойный Историк тоже оказался Учителем: «Что касается до выгод денежных, то позвольте заметить, что Карамзин первый у нас показал пример больших оборотов в торговле литературой» (И. И. Дмитриеву, 14 февраля 1835).

Карамзина Екатерина Андреевна

до замужества Колыванова (27 XI 1780—13 IX 1851) — внебрачная дочь кн. А. И. Вяземского, единокровная сестра П. А. Вяземского, с 1804 жена историка. «Если бы в голове язычника Фидиаса могла блеснуть христианская мысль и он захотел бы изваять Мадонну, то, конечно, дал бы ей черты Карамзиной в юности», — так затейливо описал Вигель красоту Карамзиной. Первая «мадона» на пути Пушкина — но пока еще не та, которую «ниспослал Творец».

Печально младость улетит,
Услышу старости угрозы,
Но я, любовью позабыт,
Моей любви забуду ль слезы! —

прошла, а «благородная привязанность» к Екатерине Андреевне сохранилась. Пушкин посещал ее салон (кстати, не захиревший и не утративший блеска и после смерти Карамзина; трудно представить, чтобы салон женщины-Стрельца вдруг потерял блеск! — *Астролог; между прочим, это был чуть ли не единственный салон Петербурга, где говорили по-русски и не играли в карты*), советовался с ней во все трудные минуты жизни. «Сказывал ты Катерине Андреевне о моей помолвке? — спрашивал Пушкин Вяземского (2 мая 1830). — Я уверен в ее участии; но передай мне ее слова: они нужны моему сердцу, и теперь не совсем счастливому». Карамзина же несколько двусмысленно выразила Пушкину надежду, «что сердце ваше, всегда такое доброе, очистится возле вашей молодой супруги».

Е. А. Карамзина. Портрет работы Ж. А. Беннера, 1817. Рис. Пушкина 1818-1819 — Карамзина?

эта «Элегия» 1816 г., возможно, связана с увлечением Карамзиной. Вдруг вспыхнувшая страсть Пушкина-лицеиста к супруге Карамзина выразилась в том, что он послал ей письмо; Прекрасная Дама — «женщина умная, характера твердого и всегда ровного» (как охарактеризовал ее современник) показала письмо мужу, двое Стрельцов вызвали Близнецов на расправу и сделали внушение — пролились некие слезы в Китайском домике, где жили в Царском Селе Карамзины (Карамзин потом показывал Блудову «место, облитое слезами Пушкина» [20], — «Моей любви забуду ль слезы!»); страсть

Китайская деревня в Царском Селе. Слезы пролились где-то здесь.

Каждый день им встречаться было незачем, но в критические минуты он вспоминал о ней. «А что же Карамзиной здесь нет?» — спросил Пушкин перед смертью. Но она уже была здесь.

Муравьев Никита Михайлович

(20 XII 1796—10 V 1843) — участник Отечественной войны, член Союза спасения, Союза благоденствия, «беспо-

койный Никита» X главы «Онегина». Встречались они в Лицее, в Петербурге в 1817—1820.

Н. М. Муравьев. Рисунок О. Кипренского, 1815.

В годы юности на Пушкина сильное впечатление произвела критика Муравьевым предисловия к «Истории...» Карамзина: полемика шла вокруг романтической (и очень актуальной для Стрельцов! — *Астролог*) проблемы страстей. Муравьев оспаривал положение Карамзина о том, что «благотворная власть ума (имеется в виду самодержавие — *Авт.*)» всегда обуздывает «бурное стремление мятежных страстей», — «беспокойный Никита» полагал, что «весьма трудно малому числу людей [т. е. самодержавной власти] быть выше страстей народов, к коим принадлежат они сами», да и сами страсти не так уж вредны для развития общества. Эта апология страсти — причем страсти не личной, но разделяемой целым народом! — не могла не импонировать Пушкину-романтику:

А я, в закон себе вменяя
Страстей единый произвол,
С толпою чувства разделяя...

Позднее, в мемуаре о Карамзине, Пушкин отзовется об этой критике иронически, как о крайне поверхностной: «Никита Муравьев, молодой человек, умный и пылкий, разобрал предисловие или введение: предисловие!..» Поэт охладеет и простится со «страстями» юности — а Муравьев для нас так и останется тем дерзким юношей, каким он отразился в зеркале пушкинских стихов:

...полон дерзости и сил
Минуты вспышки торопил.

Нащокин Павел Воинович

(20 XII 1801—18 XI 1854) — один из ближайших друзей Пушкина. Учился вместе с Левушкой в Благородном пансионе, где и познакомился с Пушкиным. Встречались в Петербурге в 1817—1820. За годы ссылки Пушкина никакой переписки: с глаз долой — из сердца вон. После возвращения Пушкина встретились вновь — и вот тут уже подружились навек. Это был истинный Стрелец, широкий, щедрый, в равной степени не понимавший, как можно трудиться и как можно себе в чем-то отказывать (чего стоил хотя бы один «Нащокинский домик» — копия настоящего дома, умещавшаяся на ломберном столике и стоившая сорок тысяч рублей, — так что Александр II, в ответ на предложение его купить, сказал, что он недостаточно для этого богат [21]). Принцип Стрельца, близкий также и Близнецам, — «живи и жить давай другим» [22], — Нащокин проводил в жизнь идеально. Для Пушкина это редкий случай положительного астрала. Дом Нащокина, где «такая бестолочь и ералаш, что голова кругом идет», где «с утра до вечера разные народы: игроки, отставные гусары, студенты, стряпчие, цыганы, шпионы, особенно заимодавцы... всякий кричит, курит трубку, обедает, поет, пляшет; угла нет свободного» (жене, 16 декабря 1831) — этот дом становится для Пушкина притягательнее всех дружеских домов (и Вяземского, и Соболевского), и останавливается Пушкин в свои приезды в Москву в 1830-е исключительно у своего «гуляки праздного».

Если Пущин «первый друг», то Нащокин — друг последний, если принимать во внимание хронологический фактор. Они обожали друг друга, — но следует помнить, что у этих знаков особый стиль общения: он исключает всяческую сентиментальность, он основан на всепроникающем юморе (порой весьма циничного и мрачного свойства) и безграничной свободе, и потому иным знакам может показаться верхом обидной грубости и кощунства. Вот, например,

забота о судьбе друга, оставшегося в холерной Москве: «Скажи Нащокину, чтоб он непременно был жив, во-первых, потому что он мне должен; 2) потому, что я надеюсь быть ему должен; 3) если он умрет, не с кем мне будет в Москве молвить слова живого, то есть умного и дружеского» (А. Н. Верстовскому, ноябрь 1830). А вот сожаления Пушкина по поводу смерти дочери Нащокина: «Бедная моя крестница! вперед не буду крестить у тебя, любезный Павел Воинович; у меня не легка рука» (Нащокину, 21 июля 1831); и в том же письме — оригинальная забота о жизни (вернее, смерти) друга: «Воля твоя будет выполнена в точности, если вздумаешь ты отправиться вслед за Юсуповым; но это дело несбыточное; по крайней мере я никак не могу вообразить тебя покойником». Вспоминается, как Пушкин явился к Нащокину после похорон своей матери, не застал друга и поделился своими мыслями с его супругой, Верой Александровной: хорошо покойникам в Святогорском монастыре, и если Войныч «умрет, непременно его надо похоронить тут; земля прекрасная, ни червей, ни сырости, ни глины, как покойно ему будет здесь лежать» [23]. Нащокинская супруга пришла в ужас от таких мечтаний, — а «Войныч», верно, понял бы... Вот и заверения в дружбе, тоже своеобразные: «Прощай, пиши и не слишком скучай по мне. Кто-то говаривал: если я теряю друга, то иду в клуб и беру себе другого» (1 июня 1831).

Пушкин доверяет этому моту, спустившему несколько больших наследств, вести свои денежные дела, считает, что 10 000 рублей, данные в долг Нащокину, «деньги верные» (Плетневу, февраль 1831), и даже заключает: «Кто, зная тебя, не поверит тебе на слово своего имения, тот сам не стоит никакой доверенности» (Нащокину, 7 октября 1831). У нормального человека здесь сразу происходит короткое замыкание: да кто же, зная Нащокина, доверит ему хоть что-нибудь, даже и под юридически заверенные бумаги? И ведь прав будет нормальный человек: увы, случалось Павлу Воиновичу, мастеру на грандиозные прожекты, запутывать донельзя дела не только свои, но и пушкинские. Но разве это что-то меняет?

А вот иллюстрация того, как Стрелец «жить дает другим»: «Он [Нащокин] — кокю [рогоносец — фр. cocu] , и видит, что это состояние приятное и независимое...»

Нащокин. К.-П. Мазер, 1839. Нащокин с рукой, поднятой для крестного знамения. Рис. Пушкина 1829.

«Слушаю Нащокина», — пишет Пушкин жене. Да, рассказывать Павел Воинович был мастер, а Близнецы умеют слушать. Именно Нащокин поведал об обедневшем белорусском дворянине Островском, пустившемся в грабежи (Нащокин якобы сам видел его в остроге), судьбу которого теперь знает каждый,

кто прочитал «Дубровского». Пушкин уговаривал друга записывать его нескончаемые рассказы: «Что твои мемории? Надеюсь, что ты их не бросишь. Пиши их в виде писем ко мне. Это будет и мне приятнее, да и тебе легче. Незаметным образом вырастет том, а там поглядишь — и другой» (2 декабря 1832).

Оба они суеверны, обожают всевозможные приметы: «За глаза я все боюсь за тебя» (Нащокину, февраль 1833); «Нащокин провожал меня шампанским, жженкой и молитвами» (жене, 2 сентября 1833) — разница между двумя полюсами одной прямой видна на глаз: с одной стороны, боязнь Близнецов за друга, высказываемая лишь на расстоянии, очень сдержанно; и с другой — Стрельцовая разгульная, накатившая перед расставанием набожность. «Vous êtes éminemment un homme de passion [ты, по преимуществу, человек страстный] — и в страстном состоянии духа ты способен сделать то, о чем и не осмелился бы подумать в трезвом виде; как некогда пьяный переплыл ты реку, не умея плавать» (24 ноября 1833) — вот это характеристика: любой профессиональный астролог подпишется под ней! Именно к Нащокину обращены известные слова Пушкина: «Говорят, что несчастие хорошая школа: может быть. Но счастие есть лучший университет. Оно довершает воспитание души, способной к доброму и прекрасному, какова твоя, мой друг; какова и моя, как тебе известно» (март 1834). — «Не каждый вас, как я, поймет...»

Вот за всеми взаимными насмешками — настоящее: «Рад, ... что твое удивительное добродушие и умная, терпеливая снисходительность не изменились ни от хлопот новой для тебя жизни, ни от виновности дружбы перед тобою. Когда бы нам с тобой увидеться! много бы я тебе наговорил» (Пушкин — Нащокину, январь 1835). «Без тебя, брат, ты не можешь вообразить, я всё молчу, а иногда и отмалчиваюсь и скоро разучусь говорить» (Нащокин — Пушкину, 9 июня 1831). И все же им не надо видеться часто — у каждого своя жизнь; но одна встреча, один настоящий разговор Близнецов со Стрельцом раз в год заряжает обоих на целый год невстреч, дает энергии этот год прожить и даже не слишком печалиться о разлуке со своим астралом. «Любит меня один Нащокин. Но тинтере [карточная игра] мой соперник, и меня приносят ему в жертву» (жене, 14 и 16 мая 1836) — в этой фразе сказано все об астрале (положительном): любит, как никто другой, когда сходятся в центре своей прямой, но у каждого ведь еще половина этой прямой линии и полуокружность, противоположная полуокружности того, кого любят. Точек различий, причем коренных, больше, чем точек схождения, коих всего одна. «Мы хорошо сделали, что женились», — писал Пушкин Нащокину (январь 1836)...

Не просто друг — но какая-то ходячая добрая примета. Свататься Пушкин пошел в нащокинском фраке — и сватовство оказалось удачным, что Пушкин приписал счастливому фраку; Нащокин фрак, естественно, поэту подарил, и с тех пор он во всех важных случаях надевал этот фрак [24] (и в гроб лег в нем же...) Незадолго до дуэли Нащокин подарил Пушкину серебряный перстень с бирюзой, который должен был хранить Пушкина от насильственной смерти. Он и хранил, но идя на дуэль с Дантесом, Пушкин не надел его. Нащокин пережил смерть Пушкина как личную утрату, но связных воспоминаний о Пушкине не оставил — не смог Пушкин его приучить записывать свою интересную жизнь (слишком много у Стрельца своего, чтобы выполнять все пожелания Близнецов, особенно когда те уже не встретятся с ними в этой жизни — *Астролог*).

Нессельроде
Карл (Карл-Роберт) Васильевич

(13 XII 1780—23 III 1862) — граф, управляющий Коллегией иностранных дел, муж М. Д. Нессельроде. Пушкину дважды пришлось служить под его началь-

ством и общаться с ним: с июня 1817 по июль 1824 и с ноября 1831 по январь 1837. Граф Нессельроде очень не любил дел, переговоров, волнений, любил вкусный стол, цветы и деньги. У него был чудный астральный брак! Да вот беда — в счастье этой супружеской четы постоянно вносил беспокойство некто Пушкин: его без конца приходилось зачислять на службу и снова исключать из нее, то в связи со ссылками, то в связи со смертью... Но и исключить его из числа чиновников нельзя, ибо он, «сразу выйдя из-под наблюдения, станет пытаться, без сомнения, еще более распространять вредные идеи, которых он придерживается» (Нессельроде — Воронцову, 11 июля 1824). Замкнутый круг, да и только!

Самый высокий крест на Смоленском Лютеранском кладбище в Петербурге принадлежит Карлу Нессельроде.

Оленин Алексей Николаевич

(2 XII 1764—29 IV 1843) — президент Академии художеств, директор Публичной библиотеки, археолог и историк, член Государственного совета. «Он имел притязания на звание литератора, артиста, археолога; даже те люди, кои видели неосновательность сих претензий, любя его, всегда готовы были признавать их правами. Сам Александр шутя прозвал его ... тысячеискусником» (Вигель [25]). Знакомство Пушкина с семьей Олениных относится к послелицейскому периоду. Оленин «был один из первых, которые признали поэтическое достоинство «Руслана и Людмилы»... Поэт наш был у них как свой человек и, по семейным их преданиям, часто беседовал с А. Н. Олениным об искусстве» [26]. Когда над Пушкиным нависла угроза ссылки в Сибирь, Гнедич просил Оленина о ходатайстве за Пушкина перед Александром I. В 1821 вышла поэма Пушкина «Руслан и Людмила» с виньеткой, выполненной Олениным. Пушкин был ею очень доволен: «Платье, сшитое по заказу вашему, на «Руслана и Людмилу», прекрасно; и вот уже четыре дни как печатные стихи, виньета и переплет детски утешают меня. Чувствительно благодарю почтенного АО; эти черты сладкое для меня доказательство его любезной благосклонности», — писал Пушкин Гнедичу в марте 1821 из Кишинева.

А потом вдруг все изменилось. По возвращении из ссылки Пушкин восстановил было свои отношения с салоном Оленина, но хозяин салона был уже не тот. И Пушкин не тот: он замешан в связях с «бунтовщиками», «подлецами», отрывок из его элегии «Андрей Шенье» приурочен в списках к событиям 14 декабря, и сам Алексей Николаевич в качестве члена Государственного совета участвует в следственной комиссии и 28 июня 1828 вместе со всеми подписывает протокол об учреждении над Пушкиным секретного надзора. Зачем же продолжать прини-

Оленин.
Рис. О. Кипренского, 1813; рис. Пушкина 1829.

Фронтиспис к первому изданию "Руслана и Людмилы". Рисунок И. Иванова с наброска А. Оленина, 1820.

мать такого человека в своем салоне и, главное, зачем отдавать ему в жены дочь, к которой он имеет бесстыдство свататься? Разрыв, резкий разрыв! До того разрыв, что Пушкин даже не хочет предоставлять Публичной библиотеке свои произведения. А что им терять: если эти два знака ссорятся — то без оглядки: у каждого ведь остается своя половина мира!

И на отпевание Пушкина Оленин не пришел. Словно знал, как окрестил его Пушкин в черновых строках «Онегина»: «нулек на ножках», «о двух ногах нулек горбатый»; и под этими строками — монограмма Оленина. Пушкин здесь играет комическим сходством этой монограммы с самим Олениным, который отличался малым ростом — злой Вигель называл его «особу» «чрезмерно сокращенной».

Монограмма Оленина, похожая на своего хозяина.

Раевский Александр Николаевич

(27 XI 1795—4 XI 1868) — старший сын генерала Раевского. «Он будет более нежели известен», — писал о нем Пушкин брату (24 сентября 1820). Первый из двух сильнейших отрицательных астралов, коренным образом изменивших жизнь Пушкина (второй ее просто прекратил...) Астрал на то и астрал, что обоим нравится одно и то же, но кто-то оказывается сильнее; а жалости и милосердия в астральных отношениях нет. Увы, Астрологу приходится признать, что в этой астральной паре сильнее всегда был Стрелец, а Близнецам в лучшем случае удавалось выйти из комнаты, а в худшем — потушить свечи: в Одессе по вечерам, оставаясь вдвоем с Раевским, Пушкин тушил огонь, не перенося его взгляда [27]. А если еще учесть, что в Одессе был осложненный астрал: двое Близнецов и Стрелец (конечно же, вокруг Девы! — Раевский был соперником Пушкина в романе с Воронцовой), то ситуация астрологически выглядит очень плохо. Здесь все проигравшие: Пушкин терпел от Раевского и Воронцова, но Раевский — терпел и от чиновных Близнецов (которые, в отличие от Пушкина, его не признавали, а стало быть, и не боялись), и от Девы (Воронцовой). Правда, и сам Раевский выглядит тут не лучшим образом: стремится удалить от Пушкина Воронцову, настраивает против поэта ее всемогущего супруга, сам же поддерживает с Пушкиным видимость дружбы: Вигель, опекавший в Одессе Пушкина, очень метко сравнил Раевского с «неверным другом Яго» — но Пушкин только смеялся... В конце концов, Воронцов выслал Раевского в Полтаву без права проживать в столицах — да и дело с концом. Правда, с 1834 он все-таки поселился в Москве, женатый, «приглупевший» (по отзыву Пушкина в письме жене, 11 мая 1836), но потом снова «оживившийся и поумневший».

Раевский не признал гениальности своего друга: трагедию «Борис Годунов» он, например, считал «отвратительной, даже хуже Шекспира». Впрочем, иногда его отрезвляющая критика была полезна юному романтику: в статье «Опровержение на критики» Пушкин вспоминает, как «А. Раевский хохотал» над стихами «Бахчисарайского фонтана», где хан Гирей, подняв в «сечах роковых» саблю, вдруг «бледнеет», впадает в уныние и «недвижим остается вдруг». Все это, замечает Пушкин, действительно «смешно, как мелодрама».

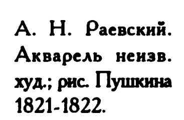
Раевский отошел от Пушкина безболезненно, а Пушкин так и не отошел. Во всю жизнь Раевский оставался для него эталоном. «Во время дружеских излияний он [Пушкин] совершенно откровенно признается, что он никогда не натворил бы столько безумия и глупостей, если бы не находился под влиянием Александра Раевского», — докладывал Бенкендорфу Фон-Фок 13 июля 1827. Увы, к этому моменту видимого отрезвления еще не все «глупости» были позади — оставалась самая главная, последняя... «Громкие подвиги Раевского» — вот на что ориентировался Пушкин в своих действиях против другого Стрельца в конце жизни. Эти «громкие подвиги» (скандал, который Раевский в 1828 устроил прилюдно Воронцовой на одесской улице) должны были показаться «детской игрой» в сравнении с тем, что задумал Пушкин, — с его «местью полной, совершенной» (слова Пушкина В. Ф. Вяземской в передаче Жуковского, письмо к Пушкину, 14-15 ноября 1836). Увы, многим до сих пор действия Пушкина кажутся «детской игрой», которая к тому же так некрасиво закончилась. Отрицательный астрал — это жестокая игра. А Раевский действительно стал «более нежели известен» — как же забыть того, кому Близнецы сделали такую рекламу:

Печальны были наши встречи:
Его улыбка, чудный взгляд,
Его язвительные речи
Вливали в душу хладный яд...

«Демон»

А. Н. Раевский. Акварель неизв. худ.; рис. Пушкина 1821-1822.

Стурдза Александр Скарлатович (29 XI 1791—25 VI 1854) — чиновник министерства иностранных дел, идеолог Священного союза.

Вкруг я Стурдзы хожу,
Вкруг библического,
Я на Стурдзу гляжу
Монархического.

Холоп венчанного солдата,
Благодари свою судьбу:
Ты стоишь лавров Герострата
Иль смерти немца Коцебу.
А впрочем, <...>!

Немецкий писатель, автор безобидных сентиментальных пьес Август Коцебу,

убитый Зандом, пострадал именно за Стурдзу: он выступил в защиту «Записки о настоящем положении Германии» Стурдзы, написанной для Аахенского конгресса и направленной против немецких университетов как рассадников свободомыслия, и был приговорен студенческим тайным обществом к смерти. Был приговорен к смерти и Стурдза, опрометчиво предложивший в своей «Записке...» отдать немецкие университеты под полицейский контроль (однако ему действительно было за что благодарить Судьбу: Юпитер помог ему бежать в Россию — *Астролог*).

В Одессе Стурдза часто встречался с Пушкиным и мирно беседовал с ним, несмотря на всем известные эпиграммы 1819: «Здесь Стурдза монархический, я с ним не только приятель, но и кое о чем мыслим одинаково, не лукавя друг перед другом», — писал Пушкин Вяземскому (14 октября 1823). А Стурдза уверен, что ему удалось пробудить внимание Пушкина к некоторым особенно важным вопросам: «Мне довелось часто встречаться с Пушкиным в Одессе. Неукротимый дух его, в ту пору еще не дозревший, видимо, чуждался меня, как человека, гордившегося оковами собственной мысли. Однако, несмотря на такое предубеждение, я с удовольствием припоминаю, что однажды, за обедом ... , сидя друг подле друга, я успел овладеть полным вниманием и сочувствием Пушкина». Стурдза сказал: «Теперь то и дело говорят о мечтательной политической свободе; а знаете ли, что в Евангелии, в котором заключены все высшие истины, мы обретаем определение истинной свободы? Господь сказал: «познайте истину, и истина сделает вас свободными». Заключите же из сего божественного изречения, что где нет внутренней свободы, там нет и внешней». «Собеседник мой при этих словах изъявил простодушное удивление и сердечное участие. Кто знает, не начал ли он с тех пор заглядывать почаще в св. Евангелие?»

Если набожная Дева, — не удержится тут от сравнения Астролог, — своим ханжеством и морализмом способна только вызвать у Близнецов еще большее отвращение от религии, то религиозный Стрелец, с его поисками в Евангелии обоснования абсолютной свободы, может даже и пробудить у Пушкина некоторый интерес к священным текстам. Впрочем, соединение свободы и Евангелия Пушкин, скорее всего, понял своеобразно, — более своеобразно, чем этого хотелось бы Стурдзе. Не звучит ли отзвук их религиозно-политического разговора в стихотворении «Свободы сеятель пустынный...» и в письме Пушкина к А. И. Тургеневу (1 декабря 1823): «я ... написал на днях подражание басни умеренного демократа Иисуса Христа (Изыде сеятель сеяти семена своя)». Демократ-Христос — для Стурдзы это было бы слишком; и Вигель (тоже Стрелец) вспоминал, что Стурдза возненавидел Пушкина за его «мнимо либеральные идеи».

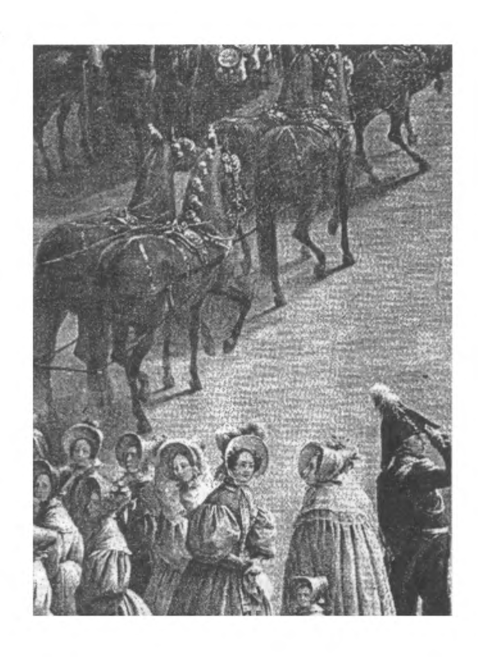
Хлюстин Семен Семенович

(8 XII 1810—9 IV 1844) — племянник Ф. И. Толстого, офицер, с 1834 чиновник для особых поручений при Министерстве иностранных дел (с А. С. Пушкиным), сосед Гончаровых по имению Полотняный завод. В начале февраля 1836 Хлюстин вызвал Пушкина на дуэль. Дело было пустяковое: Хлюстин в присутствии Пушкина пересказал статью Сенковского, исполненную неприятных слов в адрес Пушкина как издателя «Вастолы» в переводе Е. П. Люценко; отозвался о Булгарине как о «романисте с дарованием» — и хватит для ссоры. Эту дуэль удалось расстроить (не из Стрельцового пистолета должна была вылететь смертельная пуля — *Астролог*).

Чернецов Григорий Григорьевич

(24 XI 1802—20 I 1865) — художник, автор картины «Парад на Царицыном

лугу», на которой среди зрителей парада в группе литераторов присутствует и Пушкин («Люблю воинственную живость потешных Марсовых полей...»). На карандашном наброске, изображающем Пушкина в рост, художник заметил о поэте следующее: «Александр Сергеевич Пушкин... Ростом 2 арш. 5 в<ершков> с половиной [т. е. 167 см]». И все. Конечно, это едва ли не лучшее среди суждений современников о Пушкине — точное и краткое.

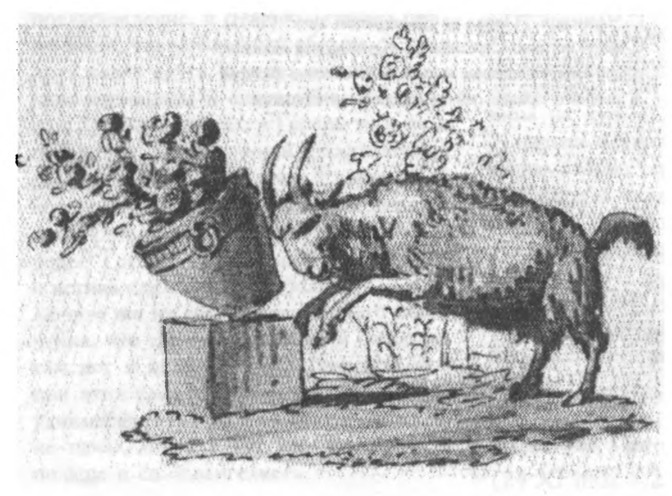
Г. Чернецов. "Парад на Царицыном лугу" (1831). С какой истинно Стрельцовой, Кентавровой любовью соединены лошадиные зады и человеческие фигуры! А немного правее сейчас появится и Пушкин...

Близнецы — Козерог

«Пора, пора! рога трубят»

Знак 1—8. Легкий воздух — и мудрая земля; быстрый Меркурий — и неторопливый, рассудительный Сатурн; импровизация, экспромт — и труд, опыт; Круг Ума и Круг Воли. Здесь не совпадает все. Для Близнецов Козерог — методичный зануда, способный своими поучениями мгновенно вывести из себя; ничего он не понимает без слов, все ему надо подробнейшим образом разжевать, ничего не принимает на веру, все должен десять раз проверить сам; во все всегда вмешивается, непременно скажет какую-нибудь гадость, даже если его не спрашивают, никогда не похвалит просто так, чтобы поднять настроение, а в любую похвалу обязательно добавит большую ложку дегтя; страшно любит задавать вопросы, в основном бестактные, — и обижается, когда Близнецы ускользают от ответа; капризен, упрям, ни за что не уступит; если видит, что у человека плохое настроение, ни за что не оставит его в покое, а станет досаждать вопросами, поучениями; любит нарочно злить, наступать на больные места. Если обратиться за помощью — возможно, поможет, но сначала потребует подробнейшего рассказа, будет по сто раз переспрашивать. Словом, невыносимое существо для Близнецов, и если есть возможность, то лучше этим знакам общаться пореже.

Мнение Козерогов о Близнецах не более лестно: легкомысленные, поверхностные, безалаберные, вечно куда-то несутся, никогда ничего не расскажут толком, а спросишь — могут нагрубить; никакого почтения ни к старшим, ни к порядку, ни к долгу; ненадежные: запросто могут забыть об обещании; постоянно врут — никогда не поймешь, правду говорят или сочиняют; надо всем хохочут, ничего святого, даже к религии никакого почтения; благоговения перед семьей не имеют; ни к чему нет серьезного отношения: надо всем, что свято для любого Козерога, — семья, религия, долг, порядок, — эти богохульники глумятся. Им хочешь сделать добро, даешь совет, как жить, чтобы было лучше, — а они над тобой смеются. Ничего не умеют довести до конца, могут любое дело бросить на середине, если оно им вдруг наскучит, и смеются над Козерогом за

«Козел рогами опрокидывает крын цветов». Иллюстрация И. А. Иванова к стихотворению Державина «Всемиле».

его обязательность, методичность, верность слову, за то, что он всем интересуется, причем не поверхностно, как они, а все изучает подробно и всерьез, не стесняясь задавать вопросы, чтобы лучше понять. Козерогу важно понять: зачем и почему (действительно, «зачем крутится ветр в овраге?»), а эти вертопрахи почему-то не любят Козерога за его дотошность.

Словом, взаимных претензий множество, противоречия действительно неразрешимые, и лучше бы этим знакам в самом деле поменьше общаться, да вот беда — астрологически они связаны неразрывно: Козерог для Близнецов — Знак Смерти. Читатель уже имеет примерное представление о том, что это за связь (см. главу «Близнецы — Скорпион»). Скорпиону повезло со Смертью: Близнецы его любят, лелеют и берегут. А Близнецам? Из уже сказанного об отношениях Близнецов и Козерога можно ли сделать вывод о том, что здесь есть место взаимной любви? Увы, нет. На глубинном уровне Близнецы ненавидят Козерога, и он платит им тем же. Так что о милостивом снисхождении к Близнецам со стороны Знака Смерти говорить не приходится. У Близнецов жестокий Знак Смерти, не любящий их, не признающий за ними права на исключительность, не прощающий им ни малейшего промаха, за все требующий платы; суровый, безжалостный судия каждого их действия и помысла.

Очень трудно, когда тебя не любят, особенно Близнецам, которые привыкли купаться во всеобщей любви (они-то любят Скорпиона!), но в то же время, несмотря ни на что, общение знаков 1—8 —творческое. Какое поле для Близнецов! Во-первых, можно научиться ускользать от общения с Козерогами. Научишься убегать — и тогда можно сколько угодно изощряться в остроумных шутках по поводу того, что «я ускользнул от Эскулапа». Если же ускользнуть не удается, — а часто, увы, происходит именно так, ибо Козероги, с их стремлением вверх во всех областях жизни, постоянно карабкаются в гору, и какую сферу жизни ни возьми, как правило, встретишь начальника-Козерога, — вот тут Близнецам приходится туго. Однако и здесь есть возможность творческого выхода из положения — Близнецы могут проявить свои великолепные актерские данные и редкое понимание человеческой психики: Козерог ведь очень внешний знак, ему главное не быть, а казаться, — вот и будут Близнецы казаться такими, какими надо Козерогу, станут восхвалять его, прославлять, а на самом деле...

Нет ли опасности действительно заиграться и незаметно переродиться, растерять свою сущность, подменить ее новой? Ведь влияние Знака Смерти и заключается в незаметном, а со временем просто добровольном перерождении и полном следовании за ним. Нет ничего печальнее, чем Близнецы, последовавшие за Козерогом по пути перерождения: и Козерогом не станут, и Близнецовые качества, в первую очередь Близнецовую везучесть и защиту, растеряют. Это может произойти, если Козерог попался какой-то особенно жестокий к Близнецам, а их гороскоп настолько слабее, что они не могут вырваться из плена. Особенно нехорошо для Близнецов общение с молодыми Козерогами — ведь люди этого знака, как известно, как бы молодеют с годами: дисциплинированные, целеустремленные в детстве и юности, они к старости становятся более лояльными, терпимыми — так что если Козерог-начальник, то уж лучше пожилой...

Около Пушкина Козерогов больше, чем представителей других знаков: более ста. Известно, расхожее утверждение: Пушкин-де всю жизнь искал смерти. А чего ее искать, если она с раннего детства вокруг тебя в виде многочисленных Козерогов?

Но мысль о смерти неизбежной
Везде близка, всегда со мной...

Любой Козерог, если услышит то, что

здесь о них сказано, будет страшно удивлен и обижен: как? они ведь такие добрые, справедливые, они всем хотят помочь... Посмотрите, скажут они, как много Козероги помогали Пушкину! Взять хотя бы графиню Бобринскую! А Инзов! А как он дружил с Вульфом! А как его любила Анна Николаевна Вульф! А сколько Козерогов ему помогали в работе, сколько добрых советов дал ему Сперанский! И еще, и еще — и конца не видно... Все так, только таков уж астрологический закон: даже если Козерог считает, что спасает Близнецов, — все равно Близнецам будет плохо; если Козерог в чем-то помогает Близнецам, то обязательно с массой проволочек, мелочных придирок, кучей бумажных препон — почти всегда помощь Козерога принесет Близнецам очень малую (если вообще принесет) практическую пользу и сильнейшую головную боль, связанную с грандиозным оттоком энергии — проверьте сами на любом из «хороших» Козерогов около Пушкина (за одним, пожалуй, исключением: Инзов, действительно искренне любивший Пушкина). Не надо у них ничего брать Близнецам; но парадокс заключается в том, что Близнецам нельзя не взять, даже если они знают (а они всегда знают), что будет плохо: Козерог, делая что-то для Близнецов, самоутверждается и возвышается в глазах потомков, и Близнецам никуда не деться — приходится принимать эту обременительную помощь и еще за нее благодарить стихами.

Козероги около Пушкина такие, что ускользнуть от них никак нельзя: попробуй ускользнуть от родной сестры, от царя, от непосредственных начальников, от цензоров... Куда бы Пушкин ни пришел, его уже поджидает начальственный Козерог. А священники? «Он был хороший стихотворец, но худой сын, родственник и гражданин» — ведь эти слова священника-Козерога можно поставить эпиграфом к этой главе. А братья по перу? Как строги они к поэту, как подробно и придирчиво разбирают каждую его строчку... А женщины? Какие тут романы? Тут изволь вздыхать или говорить о возвышенном —

а мадригалы им пиши...

А последние месяцы жизни поэта? И последний адресат, и первый врач, осмотревший Пушкина после ранения...

Пора, пора! рога трубят...

Это ведь можно прочитать и как пророчество: уж слишком громко трубили козерожьи рога в последние месяцы жизни Пушкина, невозможно дольше выносить этот трубный глас. «Пушкина убило отсутствие воздуха» — как точно: какой же воздух Близнецам, где столько козлов? Они тянулись к нему отовсюду, вытягивая из него воздух, чтобы дышать и успешнее карабкаться в гору. Пушкин от них уже не бежал: их слишком много, не убежишь. Он давал им то, что они хотели: редкий Козерог, встретившийся Пушкину, остался без стихотворного посвящения, без похвалы — без пропуска в бессмертие. Козероги, конечно, не Раки: они часто понимали своим мудрым внешним умом, что Пушкин может им помочь в потомстве выглядеть так, как им хочется, и старались держаться с «Пушкиным на дружеской ноге». Но мы убеждались не раз, что Козерог дружбу и службу не путает и, принимая Пушкина у себя в доме по вечерам, днем может подписать указ об учреждении над ним негласного надзора. Пушкин постоянно под их надзором. Он все тяжелее — не лучше ли попробовать убежать? Насовсем? Пусть им останутся все стихи, пусть пишут воспоминания, «Записки», пусть предъявляют его автографы в альбомах, пусть те, кто был к нему добрее, действительно жалеют, пусть разводят руками, пусть не понимают:

Пусть судит обо мне, как хочет, целый свет,
Сердись, кричи, бранись...

«К другу стихотворцу»

И ускользнуть... Кому еще будет такое позволено!?

Александр I

(23 XII 1777—1 XII 1825) — император. «Видел я трех царей... Второй меня не жаловал... с моим тезкой я не ладил» (жене, 20 и 22 апреля 1834). Видел Пушкин императора уже в Лицее, и при встрече не растерялся — на его вопрос, кто у них в Лицее первый, ответил: «У нас нет, ваше императорское величество, первых — все вторые».

Бойкий благонамеренный ответ на спас от царского гнева: «Пушкина надобно сослать в Сибирь; он наводнил Россию возмутительными стихами», — однако поэт отправляется не в Сибирь, но в Екатеринослав, а оттуда, немедленно отпущенный Инзовым, едет развлекаться с семьей Раевских в Крым через Таганрог, где Судьба, озабоченная стройностью своих композиций, ухитрилась 30 мая 1820 утроить ему ночевку в доме, в котором через пять лет умрет его тезка-император...

Александр I на прогулке. Рис. А. Орловского. Александр I. Рис. Пушкина 1829.

В письмах ссыльного поэта царь упоминается постоянно, причем, как правило, иносказательно: «Август», «Тиверий», «Иван Иванович»; в письмах к брату и друзьям постоянные сетования на то, что «царь не дает мне свободы» (Всеволожскому, октябрь 1824). Вот очень показательные строки из письма к брату из Михайловского (ноябрь 1824): «Пусть оставят меня так, пока царь не решит моей участи. Зная его твердость и, если угодно, упрямство (Козел он и в царском обличье Козел — *Астролог*), я бы не надеялся на перемену судьбы моей, но со мной он поступил не только строго, но и несправедливо. Не надеясь на его снисхождение, надеюсь на справедливость его». Впрочем, сам поэт прекрасно понимает, что на справедливость державного Козерога ему рассчитывать нечего: «европейская молва о европейском образе мыслей» всегда оправдает царя, оказавшегося «главой царей»; а для Козерога, — подтвердит Астролог, — самое главное — внешний порядок, соблюдение внешних приличий, внешний европейский лоск. В апреле 1825 Пушкин даже обратился с личным письмом к Александру с просьбой «разрешить поехать куда-нибудь в Европу» для «немедленной операции аневризма». «Если бы царь меня до излечения отпустил за границу, то это было бы благодеяние, за которое я бы вечно был ему и друзьям моим благодарен» (Жуковскому, апрель 1825). — Письмо царю даже не передали: это ведь неслыханное нарушение приличий: в Европу! Кто же его пустит в Европу, когда он себя вести не умеет! Пусть лечится во Пскове. (Все это не мешает царю с приятствием читать «Руслана и Людмилу» и отзываться о Пушкине как о «повесе с большим талантом»). — «Неожиданная милость его величества трону-

ла меня несказанно... Несмотря на все это, я решился остаться в Михайловском, тем не менее чувствуя отеческую снисходительность его величества. Боюсь, чтоб медленность мою воспользоваться монаршей милостию не почли за небрежение или возмутительное упрямство. Но можно ли в человеческом сердце предполагать такую адскую неблагодарность.... Я все жду от человеколюбивого сердца императора, авось — либо позволит он мне со временем искать стороны мне по сердцу и лекаря по доверчивости собственного рассудка, а не по приказанию высшего начальства» (Жуковскому, июль 1825).

Близнецы могут сколько угодно изощрять свое и без того изощренное остроумие — на Козерога это не действует. Пушкин это понимает и, написав царю второе письмо, не отсылает его. «Посидим у моря, подождем погоды...» (Жуковскому, 6 октября 1825) — эти слова написаны за месяц до смерти Александра... «Бывают странные сближенья»? «Как верный подданный, должен я, конечно печалиться о смерти государя» — из письма Катенину (4 декабря 1825). «Покойный император в 1824 сослал меня в деревню за две строчки нерелигиозные — других художеств за собой не знаю» (Плетневу, январь 1826); «Покойный император, сослав меня, мог только упрекнуть меня в безверии... Говорят, ты написал стихи на смерть Александра — предмет богатый! — Но в течение десяти лет его царствования лира твоя молчала. Это лучший упрек ему. Никто более тебя не имел права сказать: глас лиры — глас народа. Следовательно, я не совсем был виноват, подсвистывая ему до самого гроба» (Жуковскому, январь 1826); «Гонимый шесть лет сряду, замаранный по службе выключкою, сосланный в глухую деревню за две строчки перехваченного письма, я, конечно, не мог доброжелательствовать покойному царю» (Дельвигу, февраль 1826).

Нигде не слышно сожалений по поводу кончины императора, ни в письмах к друзьям, ни в первом письме к новому царю, — сожаления лишь по поводу того, что «имел несчастие заслужить гнев покойного императора легкомысленным суждением касательно афеизма». Напротив, есть ощущение, что ожидание «погоды» было не напрасным, что Судьба, убрав императора, освободила поэту дорогу: «Потребовалась смерть Александра ... , чтобы моя трагедия могла увидеть свет» (Хитрово, февраль 1831).

Но постепенно понимается, что все перемены — всегда к худшему, и уже в письме к Хитрово упоминание больших дел, «что сделал Александр», в письмах к друзьям ирония по поводу того, что «всех нас избаловал покойник царь, который у всех крестил ребят» (Плетневу, 7 января 1831), ностальгическое воспоминание веселой псковской жизни во времена, «как царствовал Александр» (Н. М. Языкову, 14 апреля 1836). Да, Рак хуже Козерога, — вздохнет Астролог, — но чтобы понять это, надо испытать на себе обоих: «никогда они [русские писатели] не бывали притеснены, как нынче» (Д. В. Давыдову, август 1836).

Пушкинский Александр, «к противочувствиям привычный», застрянет между полюсами: и «кочующий деспот», столь склонный к неожиданным перемещениям, — и «недвижный страж», прославившийся своей ленью («враг труда»); и освободитель Европы — и ее же поработитель:

И ветхую главу Европа преклонила,
Царя-спасителя колена окружила
Освобожденною от рабских уз рукой...

«На возвращение государя императора из Парижа в 1815 году»

И делу своему владыка сам дивился,
Се благо, думал он, и взор его носился
От Тибровых валов до Вислы и Невы,
От сарскосельских лип до башен
Гибралтара:
Все молча ждет удара,
Все пало — под ярем склонились все
главы.

«Недвижный страж дремал на царственном пороге...»

Но, кажется, перевешивает все же «благо» — память о «дней Александровых прекрасном начале»:

Простим ему неправое гоненье:
Он взял Париж, он основал лицей...

(Близнецы найдут слова, чтобы оправдать свой Знак Смерти перед историей, в глазах Европы — а ориентированному на внешний мир Козерогу больше ничего не нужно. Неужели ли беспокоиться о том, что думает о нем какой-то кропающий стихи мальчишка? — *Астролог*).

А слова Александра по прочтении его «Деревни» — «поблагодарите Пушкина за добрые чувства, вызываемые его стихами» [1], — вероятно, запомнились и отозвались при новом, не столь отзывчивом императоре:

И долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой пробуждал...

Бобринская Анна Владимировна

урожд. баронесса Унгерн-Штернберг (20 I 1769—9 III 1846) — графиня. Встречалась с Пушкиным в петербургском великосветском обществе. Графиня всегда была добра к Пушкину, не раз выручала его, когда случалось поэту делать промахи против этикета. Так, 18 декабря 1834 Пушкин записал в дневнике, как старая графиня Бобринская, которая «всегда за меня лжет и вывозит меня из хлопот», заметила, что у поэта «треугольная шляпа с плюмажем (не по форме: в Аничков ездят с круглыми шляпами). Граф Бобринский (сын ее) велел принести мне круглую» — какая идиллия: какая чудная, заботливая старушка, какой добрый Знак Смерти! Но дальше: «Мне дали одну. Такую засаленную помадой, что перчатки у меня промокли и пожелтели» Вот в этом весь Козерог! — воскликнет Астролог, — все равно природная скупость и бережность к вещам сведет на нет человеколюбивый порыв. А Близнецам на этом пустяковом примере хорошо видно: нечего одалживаться у Козерога; не в коня корм.

Болховитинов Евгений (Евфимий) Алексеевич

(29 XII 1767—7 III 1837) — архиепископ псковский (1816—1822), близкий знакомый Державина, сочлен Пушкина по Российской Академии. К Пушкину сей пастырь был строг. «Руслана и Людмилу» назвал «глупой поэмой» [2], а 15 февраля 1837 писал И. М. Снегиреву из Киева: «Вот и стихотворец Пушкин умер от поединка. Он был хороший стихотворец, но худой сын, родственник и гражданин». (Лучше не скажешь: в одной строчке квинтэссенция всех коренных претензий Козерога к Близнецам. Это такие грехи, которых никогда и ничем не поправить, а потому Близнецы всегда, по Козерогу, заслуживают наказания — *Астролог*).

Е. Болховитинов

Булгаков Константин Яковлевич

(31 XII 1782—10 X 1835) — петербургский почтовый директор и управляющий почтовым ведомством (1820—1835), брат московского почтового директора А. Я. Булгакова. Всегда в темно-синем фраке с металлическими пуговицами и с золотой звездой Белого орла на груди, «он был вообще характера более степенного, чем его брат, положение его в обществе тверже и определеннее. Умственные и служебные способности его, нрав общежительный, скромность, к тому же прекрасная наружность снискали ему общее благорасположение» (Вяземский). Благодаря своему посту и откровенной переписке с братом-Бобчинским прекрасно был осведомлен о мельчайших подробностях личной и общественной жизни Пушкина, но вреда по-

эту не причинял никакого, — по крайней мере, внешне. Держался вполне лояльно и корректно, подписывал ему подорожные, принимал у себя, встречался в петербургском обществе — словом, все пристойно и прилично. Характерно, что Пушкин его ни разу, в отличие от брата, не упоминает в своих письмах. (Письма вскрывает разнузданный Стрелец — благовоспитанный Козерог этого не позволит, особенно если у него есть такой 12-й Знак — *Астролог*).

Вальберхова Мария Ивановна

(7 I 1789—27 IX 1867) — петербургская актриса, ученица А. А. Шаховского. В 1807—1812 выступала в несвойственных ей трагических ролях, состязаясь с Семеновой; с 1815 играла героинь в «благородных» комедиях. Встречалась с Пушкиным в 1817—1820 в театральных кругах. К этому времени относятся карандашные зарисовки Пушкиным петербургских актрис, и среди них — Вальберховой. Критики отмечали своеобразный налет меланхолии в ее игре: «Она ... представляет иногда веселых проказниц, но несколько меланхолический ее вид не очень соответствует этому роду» [3]; «Какая-то томность, препятствующая сей актрисе прельщать публику в ролях разных и шутливых, ныне была ей весьма прилична для изображения молодой женщины, чувствующей свои заблуждения» [4]. Возможно, именно этот оттенок томности и печали, нередко шедший вразрез с характером роли, придавал ее игре своеобразную прелесть и нравился Пушкину, который в статье «Мои замечания об русском театре» (1820) назвал ее «прекрасной комической актрисой». В наброске комедии об игроке (1821) Пушкин обозначает именем Вальберховой роль благоразумной вдовы, пытающейся спасти брата от пагубной страсти к игре.

Вальберхова.

Рисунок Пушкина 1817-1818 — Вальберхова?

Великопольский Иван Ермолаевич

(7 I 1798—18 II 1868) — подпоручик лейб-гвардии Семеновского полка (1815—1820), с начала 1827 отставной майор; помещик с. Чукавино Старицкого уезда Тверской губернии; писатель. Познакомиться с Пушкиным мог еще в Петербурге в 1819—1820, где оба были членами Вольного общества любителей словесности, наук и художеств. Их общение (возобновившееся во Пскове в 1825) для Астролога служит классическим примером того, как ведут себя Близнецы и Козерог, если им случится поссориться: Козерог никогда не забывает, что его оружие — рога, он ими больно бодается, хотя внешне старается свою упрямую бодливость облечь в одежды приличия. На беду и Близнецы, и Козерог в этой истории были большими охотниками до картежной игры, а счастье здесь переменчиво. Проигрывать случалось обоим, и не всегда оказывались деньги, чтобы вовремя заплатить долг. Тогда в ход шли стихи. Вот Великопольский проиграл Пушкину 500 рублей — и тот желает их возвращения:

И. Великопольский

> С тобой мне вновь считаться довелось,
> Певец любви то резвой, то унылой;
> Играешь ты на лире очень мило,

Играешь ты довольно плохо в штос.
Пятьсот рублей, проигранных тобою,
Наличные свидетели тому...

Великопольский не мог стерпеть такой Близнецовой выходки — и тут же напоминает всем о своем сатирическом и поэтическом даре:

Не прав ли я, приятель мой,
Не говорил ли я заране:
Не сдобровать тебе с игрой,
И есть дыра в твоем кармане...
В стихах ты — только что не свят,
Но счастье — лживая монета,
И ногти длинные поэта
От бед игры не защитят.

Легко заметить разницу в Близнецовых и Козерожьих ударах: Близнецы легче, воздушнее, их уколы тоньше и изящнее, а Козерог методично и последовательно поучает, радуется, когда его противник спотыкается, чтобы подойти к упавшему и сказать: «Вот видишь, ты упал, потому что не послушался меня. А я был прав». (Он, конечно, был прав, но в этой ситуации у любого нормального человека возникает только одно желание: пусть он уйдет вместе со своими проповедями, — но Козерог не уходит...) И как обидно, стараясь непременно задеть за живое; вот ногти ему, видите ли, помешали: действительно, куда такие длинные? Встречи и в обществе и за карточным столом продолжались, а следовательно, неизбежны были и новые обострения.

Арист — негодный человек,
Не связан ни родством, ни дружбой,
Отцом покинут, брошен службой,
Провел без совести свой век;
Его исправить — труд напрасен,
Зато кричит о нем весь свет:
Вот то-то истинный поэт,
И каждый стих его прекрасен —

такова одна из эпиграмм Великопольского на Пушкина — что ж, обвинения Козерожьи все те же, хотя Болховитинов выразился короче и лучше: «худой сын, родственник и гражданин». Кстати, Козерог, чтобы выразить свои претензии к Пушкину, не побрезговал тут его собственными стихами. Сравните:

Укажет будущий невежда
На мой прославленный портрет,
И молвит: то-то был Поэт! —

это ведь из той самой второй главы «Онегина», что «съезжала скромно на тузе» (смотри ниже).

В 1828 Великопольский выпустил отдельным изданием книжку «К Эрасту (сатира на игроков)», в которой живописал страшные последствия картежной игры — ведь Козерог никак не может успокоиться. Пушкин напечатал в «Северной пчеле» «Послание к В., сочинителю Сатиры на игроков», где высмеивал проповедников, обличающих других в том, в чем сами грешны:

Некто, мой сосед, ...
...На игроков, как ты, однажды
Сатиру злую написал
И другу с жаром прочитал.
Ему в ответ его приятель
Взял карты, молча стасовал,
Дал снять, и нравственный писатель
Всю ночь, увы! понтировал.
Тебе знаком ли сей проказник?..

Козерог не остался в долгу:

С твоим проказником соседним
Знаком с давнишней я поры:
Обязан другу он последним
Уроком ветреной игры.
Он очень помнит, как сменяя
Былые рублики в кисе,
Глава «Онегина» вторая
Съезжала скромно на тузе.
Блуждая в молодости шибкой,
Он спотыкался о порог;
Но где последняя ошибка,
Там первой мудрости урок.

Великопольский передал эти стихи Булгарину для напечатания в «Северной пчеле», но Булгарин спросил у Пушкина (для порядку!), согласен ли тот на их публикацию. Пушкин написал Великопольскому (отметим: самому Великопольскому, а не Булгарину!) такое письмо: «Булгарин показал мне очень милые ваши стансы ко мне в ответ на мою шутку. Он сказал, что цензура не пропускает их, как личность, без моего согласия. К сожалению, я не могу согласиться:

Глава Онегина вторая
Съезжала скромно на тузе —

и ваше примечание — конечно, личность и неприличность. И вся ваша станса недостойна вашего пера. Мне кажется, что вы немножко мною недовольны... Неужели вы хотите со мною поссориться не на шутку и заставить меня, вашего миролюбивого друга, включить неприязненные строфы в восьмую главу Онегина? N. B. Я не проигрывал второй главы, а ее экземплярами заплатил свой долг, так точно, как вы заплатили мне свой — родительскими алмазами и 35-ю томами энциклопедии. Что если напечатать мне сие благонамеренное возражение? Но я надеюсь, что я не потерял вашего дружества, и что мы при первом свидании мирно примемся за карты и стихи».

Еще чего! «Мирно примемся»! Козерог тут же пишет послание — и не Пушкину, а Булгарину: «А разве его ко мне послание не личность? В чем его цель и содержание? (Козерога узнаешь сразу по стилю: он все должен разжевать и сказать во всеуслышанье, даже если это и так всем ясно — *Астролог*.) Не в том ли, что сатирик на игроков сам игрок? Не в обнаружении ли частного случая, долженствовавшего остаться между нами? Почему же цензура полагает себя в праве пропускать личности на меня, не сказав мне ни слова, и не пропускает личности на Пушкина без его согласия?»

Справедливое возмущение: действительно, почему все благоволят к этим «гулякам праздным», почему им все можно? Козерог не станет терпеть такой несправедливости, он наведет порядок; он совершенно не понимает, чем это Близнецы лучше других. Пусть ему объяснят! В последующие годы обмен любезностями не прекращался — и все же в глазах общественности «с наибольшим достоинством держался в этой истории Великопольский, и с наименьшим — Пушкин» (это мнение Козерога-Вересаева). Увы, в споре Близнецов с Козерогом все всегда на стороне сильнейшего, а сильнейший здесь — Козерог.

Волконская Мария Николаевна

урожд. Раевская (6 I 1806 или 1808—22 VIII 1863) — дочь генерала Раевского, жена С. Г. Волконского (с 11 января 1825). Женщина, которой повезло с поэтами. Вот Близнецы, влюбленные, как и положено в свой Знак Смерти:

Я помню море пред грозою:
Как я завидовал волнам,
Бегущим бурной чередою
С любовью лечь к ее ногам!..

«Евгений Онегин»

Все думы сердца к ней летят,
Об ней в изгнании тоскую...
Опомнись, долго ль, узник томный,
Тебе оковы лобызать...

«Бахчисарайский фонтан»

«Оковы» еще возникнут в поэзии в связи с этой женщиной — но «лобызать» их будет уже не узник...

Одна была, — пред ней одной
Дышал я чистым упоеньем
Любви поэзии святой...

«Разговор книгопродавца с поэтом»

Ну как тут не сочинить томов об «утаенной любви?» А ведь сама Мария Николаевна, как и все Козероги, Пушкина всерьез не воспринимала, говорила о нем с улыбкой легкого пренебрежения; восхищалась его стихами, но ему самому не придавала никакого значения: «Пушкин, как поэт, считал своим долгом быть влюбленным во всех хорошеньких женщин и молоденьких девушек, с которыми встречался»; «В сущности Пушкин обожал только свою музу и поэтизировал все, что видел». Стихи же оценивала очень проницательно, и когда Пушкин написал эпитафию ее сыну-младенцу, Мария Николаевна отозвалась о ней в письме отцу так: «Она прекрасна, сжата, полна мыслей, за которыми слышится очень многое. Как же я должна быть благодарна автору...» [5]

А вот с мужем-Стрельцом все случилось иначе:

Невольно пред ним я склонила
Колени — и прежде чем мужа обнять,
Оковы к губам приложила... —

Кто не помнит этих некрасовских строк и кто задумывается, какой трагедией был этот брак для Сергея Волконского, в котором муж был Двенадцатым Знаком для своей жены? «Этот брак, вследствие характеров совершенно различных, должен был доставить много горя Волконскому и привести к той драме, которая разыгрывается теперь в их семействе. Любила ли когда-нибудь Мария Николаевна своего мужа — это вопрос, который решить трудно, но, как бы то ни было, она была одной из первых, приехавших в Сибирь разделить участь мужей, сосланных в каторжную работу. Подвиг, конечно, небольшой, если есть сильная привязанность, но почти непонятный, если этой привязанности нет. Много ходит невыгодных для Марии Николаевны слухов про ее жизнь в Сибири. Говорят, что даже сын и дочь ее — дети не Волконского», — вспоминает сын декабриста Якушкина. А чего тут непонятного? — спросит Астролог. — Козерогу нужны внешние эффекты, к тому же зачем бросать такой мощный источник энергии, как Стрелец? Ведь и в Сибири можно жить так, как захочется; кто не верит, поезжайте в Иркутск — взгляните на скромный двухэтажный домик, построенный итальянским архитектором, где устраивались балы и музыкальные вечера (впрочем, музицировала Волконская с декабристами и в Петровском заводе, что,

М. Н. Волконская. Рис. З. Волконской; рис. Пушкина 1821-1822.

по ее свидетельству, «делалось с живым удовольствием» [6]). «Еще, еще, подумайте, ведь я больше никогда не услышу музыки!» — восклицала Мария Николаевна на прощальном вечере, устроенном в ее честь Зинаидой Волконской (кстати, тоже ее Двенадцатым Знаком), — и все рыдали... И в памяти потомков осталось: «ПОДВИГ: юная прелестная девушка, вышедшая за нелюбимого человека и из чувства долга последовавшая за ним в Сибирь». Так все запомнили навсегда. (Муж, Двенадцатый Знак, вообще никем в расчет не принимается, ну разве что вспомнят о нем как о губителе и обманщике юного существа!). И останется она в веках «святой Марией» — а сделали так астрологически призванные ей служить поэты, прежде всего — Близнецы. Пусть остается.

Вульф Алексей Николаевич

(29 XII 1805—29 IV 1881) — сын П. А. Осиповой от первого брака, в 1822—1826 студент Дерптского университета, в 1829—1833 служил в Гусарском принца Оранского полку; приятель Пушкина.

Не любил Пушкина этот друг и приятель, не понимал, видел по-Козерожьи только одну его сторону, и нельзя не чувствовать скрытой недоброжелательной насмешки, пронизывающей его записи. «Желаю ему быть счастливу, — пишет Вульф, — узнав о предстоящей женитьбе Пушкина. — Но не знаю, возможно ли надеяться этого с его нравами и образом мыслей. Если круговая порука есть в порядке вещей, то сколько ему, бедному, носить рогов, — это тем вероятнее, что первым его делом будет развратить жену». Довольно: это тот случай, когда судят по себе... Однако общественное мнение здесь опять на стороне Козерога; вот Вересаев (отличающийся просто болезненным пристрастием к этому знаку, да и не мудрено — сам рожден под ним) пишет: «Не Вульф виноват в том, что так воспринимал Пушкина. Пушкин сам обращался к нему почти исклю-

чительно своей цинично-озорной стороной, сам направлял их общение по определенному руслу» [7].

Ал. Н. Вульф. С акварели Н. Шаде; рис. Пушкина 1830.

А какой еще стороной можно было обратиться к человеку, сформулировавшему свое кредо в дневнике так: «Меня томит желание быть с женщинами, если нельзя их иметь»? [8] Пушкин тут не потрудился быть чем-то большим, нежели зеркалом своего приятеля, с единственной поправкой на дух «озорства», который самому Вульфу был, похоже, чужд. Одно дело — когда они с Пушкиным в кругу тверских сестриц весело разыгрывали Ловласа и Вальмона; совсем другое дело — Вульф один: его романы унылы и безулыбчивы, и сам он это понимает: называет себя «холодным обожателем», не имеющим «от природы пылких страстей» (парадоксально для профессионального Ловеласа!) [9]; любуясь, сравнивает себя строкой Языкова с волной: «Горит, блестит, но холодна!» [10]

В одиночку Вульф образует странный план в биографиях друзей — Пушкина и Дельвига. Он хозяйничает на задворках их жизни каким-то мрачным демоном обладания. Если Пушкин Анну Керн воспел — то Вульф ее «имел» (его любимое словцо), да еще поругивал: еле, мол, возбудила «мою холодную и вялую чувственность» [11]. Если Пушкин воспел дикую красу своих калмычек и нечитание ими «Сен-Мара» — то Вульф своих «калмычек» (в его случае — молдаванок, полячек) «имел», в чем и расписывается в дневнике. Если в Софье Салтыковой счастливый барон Дельвиг обрел ту «милую деву», что «все искал душою я», а Плетнев в чопорном сонете назвал ее «душистой лилией», то Вульф (собственные слова) «не имел ее совершенно потому, что не хотел». Если Пушкин забавлялся куртуазной игрой с Лизой Полторацкой — то Вульф ее имел; если Пушкин обессмертил Сашу Осипову в неприступно-безжалостной («сжальтесь!») Алине, — то Вульф ее имел; если Пушкин суеверно боготворил в Наталье Гончаровой «мадону», — то Вульф... Нет, конечно, до этого дело не дошло; но в глубине души Вульф не сомневался, что и здесь мог бы превзойти своего учителя (однажды он назвал Пушкина своим учителем в любовной науке и признавал, что женщин поэт «знает как никто»), — во всяком случае, сестре Анне он пишет с явным сознанием своих выдающихся возможностей, стесненных лишь обязательствами дружбы: «Я не столько нетерпелив видеть Госпожу Пушкину, потому что я *себя изведал — и смиряюсь*» [12].

Еще этот серьезный человек, несколько однообразно всех имевший, за пять лет предсказал появление холеры в Рос-

сии, и Пушкин проникся к нему уважением, ибо в 1826 о холере ничего еще не знал.

А медвежья шуба, под которой Вульф обнимался с супругой «милого Дельвига» во время гуляния в Красный кабачок при участии самого Дельвига, но без Пушкина (зима 1829), почему-то понравилась Пушкину и перешла к нему: «Мне очень кстати было предложение Александра Сергеевича поменяться медвежьими шубами; он мне дал придачи 150 руб.»

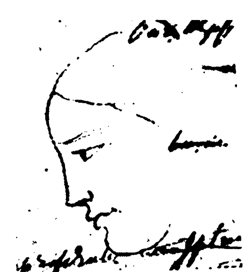
↓Вульф Анна Николаевна

(22 XII 1799—14 IX 1857) — старшая дочь П. А. Осиповой от первого брака, достойная сестрица своего брата А. Н. Вульфа.

Я был свидетелем златой твоей весны;
Тогда напрасен ум, искусства не нужны,
И самой красоте семнадцать лет замена.
Но время протекло, настала перемена,
Ты приближаешься к сомнительной поре,
Как меньше женихов толпятся на дворе,
И тише звук похвал твой слух обворожает,
А зеркало сильней грозит и упрекает.
Что делать? утешься и смирись,
От милых прежних прав заране откажись,
Ищи других побед, — успехи пред тобою,
Я счастия тебе желаю всей душою...

Как бы не так! Козерог упрям, совершенно не умеет стареть и ни за что не откажется от своей цели, — говорит Астролог. Такой целью для Анны Николаевны был Пушкин — и она ее достигла. Самый вялый, самый прозаический роман («прозаическим обожателем» называл себя Пушкин — кто, кроме Козерога, вытерпел бы такое?), «несносная дура, непривлекательная во всех отношениях», постоянно выясняющая отношения в длиннющих письмах и разговорах: «Вы видите, что сами во всем виноваты; должна ли я проклинать или благословлять провидение, пославшее вас в Тригорское?» (март 1826, Малинники); «Гадкий вы! Недостойны вы, чтобы вас любили, много счетов нужно бы мне свести с вами» (16 сентября 1826, Петербург). Здесь же и тяжелая ревность к матери, которая якобы «одна хочет одержать над вами победу». Пушкин сам же и пародирует в не слишком приличных стихах этот томительный роман:

Увы, напрасно деве гордой
Я предлагал свою любовь!
Ни наша жизнь, ни наша кровь
Ее души не тронут твердой!
Одним страданьем буду сыт,
И пусть мне сердце скорбь расколет.
Она на щепочку нассыт,
Но и понюхать не позволит.

Ан. Н. Вульф. Неизв. худ., 1820-е гг.; рис. Пушкина 1824.

«С Анеткою бранюсь: надоела», — писал Пушкин брату уже в октябре 1824, спустя два месяца после прибытия в Михайловское. Быстро надоела — и все же Козерог в отношениях с Близнецами и здесь добился своего; спросите кого угодно и услышите: Анна Николаевна Вульф — это ангел (и не важно, что сам Пушкин назвал ее своим «демоном» [13]), она всю жизнь любила Пушкина, прощала ему все его измены и злые шутки по отношению к ней (а уж Пушкин не стеснялся!), и на отчаянный призыв

Но ты забудь меня, мой друг,
Забудь меня, как забывают
Томительный, печальный сон... [14]

не отозвалась: не забыла, никогда не вышла замуж, оставшись верной этой любви. (В очередной раз Козерог сколачивает себе на Близнецах нравственный капи-

тал и входит в историю — *Астролог*). Не случайно после смерти Пушкина ее земная жизнь потеряла всякий смысл: «Сестра своей ленью просто нестерпима... Бедная, скука ее кажется преследует повсюду. Если ей будет скучно в Тригорском, то ей одно только будет утешением, что она испытала, что ей везде скучно...» (из писем Е. Н. Вревской [15]).

Грибоедов Александр Сергеевич

(15 I 1790 [по. др. данным 1795]—11 II 1829) — писатель, дипломат. Пушкин и Грибоедов, возможно, встречались еще в детстве. Вот что вспоминает современница: «Мальчик Грибоедов, несколькими годами постарше Пушкина, и другие их товарищи были всегда так чисто, хорошо одеты, а на Пушкине всегда было что-то и неопрятно, и сидело нескладно» (астрологично подмечено! — *Астролог*). Знакомство возобновилось в Петербурге в послелицейскую пору. «Грибоедов, Катенин, Жандр, — вспоминает артистка А. М. Колосова, — ласкали талантливого юношу, но покуда относились к нему, как старшие к младшему: он дорожил их мнением и как бы гордился их приязнью. Понятно, что в их кругу Пушкин не занимал первого места и почти не имел голоса. Изредка, к слову о театре и литературе, будущий гений смешил их остроумной шуткой, экспромтом или справедливым замечанием» [16]. (Еще бы ему иметь голос среди двух Козерогов и Рыбы! — *Астролог.*)

Грибоедов. Акварель В. Машкова. 1827. Грибоедов в персидской шапке. Рис. Пушкина в альбоме Ел. Ушаковой 1829.

Близкой дружбы не было и не могло быть, а вот уважение, понимание масштаба дарования — было: «Я познакомился с ним в 1817 году, — вспоминает Пушкин (в «Путешествии в Арзрум»). — Его меланхолический характер, его озлобленный ум, его добродушие, самые слабости и пороки, неизбежные спутники человечества, — все в нем было необыкновенно привлекательно. Рожденный с честолюбием, равным его дарованиям, долго был он опутан сетями мелочных нужд и неизвестности. Способности человека государственного оставались без употребления; талант поэта был не признан; даже его холодная и блестящая храбрость оставалась некоторое время в подозрении. Несколько друзей знали ему цену и видели улыбку недоверчивости, эту глупую, несносную улыбку, когда случалось им говорить о нем как о человеке необыкновенном... Жизнь Грибоедова была затемнена некоторыми облаками: следствие пылких страстей и могучих обстоятельств. Он почувствовал необходимость расчесться единожды навсегда с своею молодостью и круто поворотить свою жизнь. Он простился с Петербургом и уехал в Грузию».

Кто еще в нескольких строках даст такое мудрое отпущение всех земных грехов (сколько написано томов с размазыванием «неблаговидных» поступков Грибоедова, которые вот уже два века ничем не могут объяснить и лишь разводят руками), кто еще так поймет, как Подсмертный Знак! И о «Горе от ума» никто и никогда не скажет точнее и умнее, чем Близнецы в письме (январь 1825) к А. А. Бестужеву: «Драматического писателя должно судить по законам, им самим над собой признанным. Следственно, не осуждаю ни плана, ни завязки, ни

приличия комедии Грибоедова. (Кто бы так к самим Близнецам отнесся! — *Астролог*) ... В комедии «Горе от ума» кто умное действующее лицо? ответ: Грибоедов. А знаешь ли, что такое Чацкий? Пылкий, благородный и добрый малый, проведший несколько времени с очень умным человеком (именно с Грибоедовым) и напитавшийся его мыслями, остротами и сатирическими замечаниями. Все, что говорит он, очень умно. Но кому говорит он все это? ... Первый признак умного человека — с первого взгляда знать, с кем имеешь дело и не метать бисера перед Репетиловыми и тому подоб.»

Какая верная оценка Козерожьего горя от ума! — восхищается наш Астролог. — Козерог именно не разбирает, кому говорит свои умные слова, готов учить всех и всегда, — в этом-то его трагедия.

И опять перед нами пример того, как Близнецы в некотором смысле делают славу Козерогу; даже знаменитая встреча Пушкина с гробом Грибоедова — тоже способствует увеличению этой славы, придавая отношениям двух Александров Сергеевичей высокий мистический смысл и еще более возвышая убиенного в глазах потомков. А смерть Грибоедова Пушкин счел вполне своевременной: когда литератор В. А. Ушаков в его присутствии с негодованием отозвался о Грузии, «лишившей нас Грибоедова», Пушкин возразил: «Так что же? Ведь Грибоедов сделал свое. Он уже написал «Горе от ума» [17].

Пушкин почему-то был уверен, что Грибоедов «свое сделал» и мог спокойно уйти — а может, ему просто вспомнилось знаменитое «умри, Денис, лучше не напишешь» и показалось забавным, что Грибоедов, в отличие от своего предшественника Фонвизина, именно так буквально и поступил?

Дашков Дмитрий Васильевич

(9 I 1789—8 XII 1839) — один из основателей «Арзамаса» (где имел прозвище «Чу»), автор критических статей; в 1816—1826 чиновник Коллегии иностранных дел; в 1818—1820 второй советник русского посольства в Константинополе; с 1826 товарищ министра внутренних дел; с марта 1829 товарищ министра юстиции; в 1832—1839 министр юстиции — типичная Козерожья карьера. Пушкин видел Дашкова еще в детские годы в доме своих родителей и Василия Львовича, о чем вспоминает в «Плане автобиографии». В свой первый дневник Пушкин 28 ноября 1815 переписывает полностью шуточную кантату Дашкова «Венчание Шутовского» — сатиру на драматурга А. А. Шаховского.

Сановитый и строгий, на своем посту он умел держаться с редким достоинством, в отношениях с двумя своими астральными шефами (Николаем и Бенкендорфом) был сильнее, умел поставить этих коварных подлых Раков на место; был непримирим к проявлениям всяческой низости (например, мог публично спросить Жуковского, встреченного им под руку с Уваровым: «Как тебе не стыдно гулять публично с таким человеком?» — этот эпизод Пушкин рассказал в дневнике за февраль 1835), был принципиален и неподкупен, что создавало ему немалый авторитет, — а для Козерога это главное. Пушкин называл его «бронзой» за моральную твердость. Самому Пушкину этот «бронзовый» Козерог действительно не раз серьезно помогал в жизни, а однажды оказал неоценимую услугу и в поэзии: прочитав в рукописи «Бахчисарайский фонтан» и обнаружив там следующие строки о смерти Заремы:

Дашков. Литография К. Эргота с рис. Л. Питча.

Давно кизлярами немыми
В пучину вод опущена —

Дашков (в прошлом член посольства в Турции) передал для Пушкина поправку: «Зарема умирает от рук *немых кизляров*, а *кызлар* по-турецки значит просто девушки. Название Кызлар-Агасси, вероятно, обманувшее Пушкина, значит начальника над девушками Харема» [18]. Бесценная информация для Пушкина, столь ценившего точность и обожавшего выкапывать подобные ошибки в чужих стихах! Поэт (которого, кстати, ввел в заблуждение сам Байрон) немедленно исправил: «Гарема стражами немыми...»

Долгоруков Петр Владимирович

(8 I 1817—18 VIII 1868) — чиновник Министерства народного просвещения, генеалог. Встречался с Пушкиным у Карамзиных, Россетов и в светском обществе. Входил в кружок золотой молодежи, группировавшейся вокруг голландского посланника Геккерна. Именно его подозревают в составлении анонимного диплома на звание рогоносца, — если он действительно это сделал, то, скорее всего, просто так: Козлику случается разыграться, и игры его, как правило, причудливы и странны (вспомним хотя бы ничем не объяснимое участие Грибоедова в знаменитой четверной дуэли, где он дрался с А. И. Якубовичем, не испытывая к нему, по собственному признанию, решительно никакой враждебности). Забава Козерогу понравилась, и на одном из балов 1836—1837 он, стоя позади Пушкина, «подымал вверх пальцы, растопыривая их рогами». Козерог — Козел —поднимает рога над головой Близнецов — а что? «Пора, пора! Рога трубят...»

П. В. Долгоруков. 1841-1843 гг.

Елена Павловна

урожд. Фредерика-Шарлотта-Мария, принцесса Вюртембергская (9 I 1807—21 I 1873) — с 1824 жена великого князя Михаила Павловича. Пушкин был представлен великой княгине 27 мая 1834, о чем рассказал в своем дневнике и в письме к жене: «Она была так мила, что я забыл и свою несчастную роль и досаду... Со мною вместе представлялся цензор Красовский. Великая княгиня сказала ему: «Наверно, вам очень утомительно читать все, что выходит» — «Да, ваше императорское высочество, отвечал он ей, тем более что в нынешних писаниях нет здравого смысла». А я стою подле него. Она, как умная женщина, как-то его подправила» (жене, 3 июня 1834). Какое, наверное, было удовольствие: обменяться понимающими ироничными взглядами с великой княгиней за спиной туповатого ненавистного цензора... Елена Павловна действительно была умна, по единодушным отзывам современников, и «очень любила Пушкина», по словам Жуковского. В начале января 1835 Пушкин передал Елене Павловне запрещенные «Записки Екатерины». В последние дни жизни Пушкина Елены Павловны очень много: 4 декабря 1836 он у нее в Михайловском дворце; за несколько дней до смерти он у нее на «маленьком вечере»; 25 января он и Елена Павловна у Разумовской; в письме к мужу от 26 декабря 1836 Елена Павловна писала о двух приглашениях к себе Пушкина. (Вообще в предсмертные дни количество записок с приглашениями от Козерогов очень возросло: «Спеши еще наполнить звуками мне душу» — напоследок Козероги спешат запастись Близнецовой энергией — *Астролог*). Сохранились записки Елены Павловны к Жуковскому, в которых она справлялась о здоровье раненого Пушкина. Пушкин украсил ее альбом стихотворением «Полководец» (тоже незадолго до смерти: в конце 1836).

Инзов Иван Никитич

(3 I 1768—8 VI 1845) — генерал-лейтенант, наместник Бессарабской области, к канцелярии которого в 1820—1823 был прикомандирован высланный из Петербурга Пушкин. Друг мартинистов Екатерининского века, Инзов «был очень образован и начитан, занимался историей, естественными науками, собирал рукописи» [19]. Едва успев познакомиться с Пушкиным, Инзов дает ему проницательную характеристику, до которой, кажется, не смогли подняться лицейские педагоги: причина «погрешностей» молодого поэта — не «испорченность сердца» (в чем как раз заподозрил его Энгельгардт), «но по молодости необузданная нравственностию пылкость ума» (письмо к И. А. Каподистрия, 21 мая 1820). Так недостаток почти что обращается в достоинство; во всяком случае, едва ли для «обуздания» этой «пылкости» Инзов немедленно, лишь только заполучив Пушкина под свое начало, отпускает его на Кавказ с генералом Раевским и по этому поводу пишет К. Я. Булгакову: «Расстроенное здоровье г. Пушкина и столь молодые лета и неприятное положение, в коем он по молодости находится, требовали, с одной стороны, помочи, а с другой, безвредной рассеянности, потому отпустил я его с генералом Раевским... При оказии прошу сказать об одном графу И. А. Каподистрии. Я надеюсь, что за сие меня не побранит и не назовет баловством». В Кишиневе Инзов поселил Пушкина в своем доме, поил, кормил, давал взаймы денег, а если Пушкин напроказит, то сажал без сапог под домашний арест, — более для предупреждения неприятных последствий, чем для наказания.

Инзов. Литография М. Клюквина; рис. Пушкина 1821.

Законов провозвестник,
Смиренный Иоанн,
За то, что ясский пан,
Известный нам болван,
Мазуркою, чалмою,
Несносной бородою —
И трус и грубиян —
Побит немножко мною,
И что бояр пугнул
Я новою тревогой, —
К моей канурке строгой
Приставил караул...

«Мой друг, уже три дня...»

Однажды Инзов объявил Пушкину освобождение из-под очередного ареста почти что на Пасху, во Вторник Страстной Недели (28 марта 1822), после заутрени, — и Пушкин, по меткому наблюдению тут же присутствовавшего П. И. Долгорукова, «как птичка из клетки, порхнул из генеральского кабинета на улицу искать прежних рассеяний» [20]. Как знать, не отголосок ли этой предпасхальной амнистии — пасхальное стихотворение следующего года:

В чужбине свято наблюдаю
Родной обычай старины:
На волю птичку выпускаю
При светлом празднике весны...

Есть еще один повод заглянуть в это стихотворение как в зеркало, отражающее отношения поэта со своим бессарабским начальником. Инзов был большой охотник до птиц: держал множество канареек, двух сорок и попугая; этих «попугаев и сорок инзовских» (упомянутых в письме Плетневу (7 января 1831) поэту удалось обучить бранным словам, коими они однажды поделились с посетившим Инзова преосвященным Димит-

рием. Реакция начальника была по обыкновению кроткой: «Иван Никитич, с свойственной ему улыбкой и обыкновенным тихим голосом своим, сказал Пушкину: «Какой ты шалун! преосвященный догадался, что это твой урок». Тем всё и кончилось» [21]. Словно бы и самого Пушкина Инзов воспринимал как «птичку», которую нужно держать у себя в доме (ведь поселил беспокойного поэта у себя!), иногда сажать в клетку и время от времени выпускать... Во всяком случае, жизнь с многочисленными птицами Инзова, окружавшими поэта с утра до вечера, вряд ли могла миновать поэзию: иначе отчего вдруг так властно зазвучала птичья, воздушная тема («птичка Божия не знает ни заботы, ни труда») с примерками крыльев то орла («сижу за решеткой в темнице сырой»), то соловья («О дева-роза, я в оковах... Так соловей в кустах лавровых ... В неволе сладостной живет»), и с бесконечными полетами:

Я пил — и думою сердечной
Во дни минувшие летал...

«Друзьям»

Я к вам лечу воспоминаньем...

Из письма к Я. Н. Толстому

Златой предел! любимый край Эльвины,
К тебе летят желания мои!

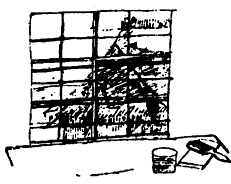
«Кто видел край...»

...К нему слетит моя признательная тень...

«К Овидию»

Я сокрушил бы жизнь, уродливый кумир,
И улетел в страну свободы, наслаждений...

«Надеждой сладостной младенчески дыша...»

Вид из окна комнаты Пушкина в доме Инзова. Рис. Пушкина. Чем не взгляд птички из клетки?

А генерал-птичник, — быть может, косвенный виновник этого воздушно-орнитологического направления мыслей, — строчил тем временем в Петербург благожелательные донесения: «Пушкин, живя со мною в одном доме, ведет себя хорошо и при настоящих смутных обстоятельствах не оказывает никакого участия в сих делах... Он, побуждаясь тем же духом, коим исполнены все парнасские жители к ревностному подражанию некоторым писателям, в разговорах своих со мною обнаруживает иногда пиитические мысли. Но я уверен, что лета и время образумят его в сем случае» (письмо к Каподистрия, 28 апреля 1821). Заметим: «образумят» не воспитатели, коим не было отбоя (кто только не пытался «воспитывать» Пушкина!), но «лета и время» — собственно, так и произошло...

Пушкин был нужен Инзову: по словам Вигеля, «веселый, острый ум Пушкина оживил, осветил пустынное уединение старца». Когда наместничество в Бессарабии было передано Воронцову и Пушкин должен был переехать в Одессу, Инзов горевал о поэте, принесшем ему немало хлопот, и говорил Вигелю: «Ведь я мог бы удержать его: он был прислан ко мне, попечителю, а не к бессарабскому наместнику» [22] (жалел о потере столь мощного источника энергии, — прокомментирует тут Астролог). Пушкин всю жизнь вспоминал «Инзушку» с нежностью; вот какую характеристику дал он ему в «Воображаемом разговоре с Александром Первым»: «Генерал Инзов добрый и почтенный человек, он русский в душе; он не предпочитает первого английского шалопая всем известным и неизвестным своим соотечественникам; он уже не волочится, ему не 18 лет от роду: страсти если и были в нем, то уж давно погасли. Он доверяет благородству чувств, потому что сам имеет чувства благородные, не боится насмешек, потому что выше их, и никогда не подвергнется заслуженной колкости, потому что со всеми вежлив, не опрометчив, не верит вражеским пасквилям».

А в зеркале Инзова отражение Пушкина было простым и ясным: «Он малый, право, добрый, жаль только, что скоро кончил курс наук» (письмо к

К. Я. Булгакову, май-июнь 1820). «Добрый малый» — так, кажется, мало кто Пушкина видел. И тем не менее Пушкин полюбит это свое отражение, оставит его жить в поэзии:

Иль просто будет добрый малой,
Как вы да я, как целый свет?

«Онегин», 8, VIII

И от поклонниц, желающих видеть в нем поэтические крайности — ангела, демона, — порой отмахнется опять-таки этим своим мило-прозаическим отражением, этим инзовским словцом: «На самом деле я просто добрый малый (bon homme) , который хочет лишь заплыть жиром и быть счастливым» (Е. М, Хитрово, май 1830).

Ипсиланти
Александр Константинович

(23 XII 1792—12 II 1828) — князь, участник Отечественной войны, генерал-майор русской службы, гетерист, предводитель греческого антитурецкого восстания 1821. Кишиневский знакомый Пушкина.

Выступая против турок, Ипсиланти рассчитывал на помощь России, но российское правительство не поддержало его, дав в своем официозе («Сын Отечества», 1821, № 15) суровую характеристику мятежного князя, чем-то напоминающую многие благонамеренные отзывы о молодом Пушкине: «Предприятие князя Ипсиланти почитается действием исступления, которым ознаменовано нынешнее время, неопытности и легкомыслия сего молодого человека».

Ипсиланти и в самом деле не был идеальным вождем. Первоначальные восторги Пушкина («Говорили об Ипсиланти: между пятью греками я один говорил как грек... Я твердо уверен, что Греция восторжествует» — дневник, 2 апреля 1821), написавшего даже письмо к Ипсиланти (не сохранилось) и собиравшегося бежать из Кишинева к нему на помощь, довольно быстро сменились тревожными подозрениями, а затем и разочарованием. Быстро насторожила бессмысленная жестокость Ипсиланти: «Семеро турков были приведены к Ипсиланти и тотчас казнены — странная новость со стороны европейского генерала» (В. Л. Давыдову (?), март 1821). Совсем уж серьезно охладили дальнейшие действия Ипсиланти, которые сильно напоминали предательство, — в «Кирджали» Пушкин напишет об этом: «Александр Ипсиланти был лично храбр, но не имел свойств, нужных для роли вождя, за которую он взялся так горячо и так неосторожно, Он не умел сладить с людьми, которыми принужден был предводительствовать. Они не имели к нему ни уважения, ни доверенности. После несчастного сражения, где погиб цвет греческого юношества, ... Ипсиланти ускакал к границам Австрии и оттуда послал свое проклятие людям, которых называл ослушниками, трусами и негодяями. Эти трусы и негодяи, большею частию, погибли ... , отчаянно защищаясь противу неприятеля вдесятеро сильнейшего».

Ипсиланти. Неизв. худ.; рис. Пушкина 1830.

Впрочем, сам Ипсиланти не считал себя предателем — вернее, считал предателем не себя; его прощальная прокламация к своим бывшим товарищам выдержана в духе романтических инвектив, обращаемых к презренной черни: «Под-

лое стадо рабов, измены и козни, вами подстроенные, принудили меня оставить вас. Отныне всякая связь между нами порвана. Я скрою в глубине души стыд при воспоминании, что был вашим предводителем. Вы изменили своим клятвам, вы предали Бога и родину; вы предали меня тогда, когда я надеялся победить или умереть вместе с вами» [23].

Иначе говоря: Ипсиланти разочаровался — а вслед за ним разочаровался и Пушкин:

Рукою чистой и безвинной
В порабощенные бразды
Бросал живительное семя —
Но потерял я только время,
Благие мысли и труды...

Паситесь, мирные народы!
Вас не разбудит чести клич.
К чему стадам дары свободы?
Их должно резать или стричь...

Есть в этом стихотворении одна комическая нота, которая, быть может, позволяет увидеть в нем момент пародии на послание Ипсиланти: «сеятель» с непонятной уверенностью провозглашает свою «чистоту и безвинность» и на этом основании совсем не по-христиански отступается от «мирных народов», предоставляя их мясникам. А сподвижников Ипсиланти турки на берегу Прута «зарезали» в самом буквальном смысле...

И все же Ипсиланти — еще один герой, которому Пушкин оставил «сердце»; словно назло реальности он даже называет его «великодушным»:

Здесь, лирой северной пустыни оглашая,
Скитался я в те дни, как на брега Дуная
Великодушный грек свободу вызывал...

«К Овидию»

Истомина
Евдокия (Авдотья) Ильинична

в замужестве Якунина (17 I 1799—7 VIII 1848) — петербургская балерина, исполнительница ролей черкешенки и Людмилы в балетах по произведениям Пушкина «Кавказский пленник» и «Руслан и Людмила» (1823, 1824). Петербургская знакомая Пушкина — та, из-за кого разыгралась нелепая «дуэль четверых», в которой участвовал Грибоедов (Козероги любят такие злые необъяснимые шутки — *Астролог*). В письме от 30 января 1823 Пушкин просил брата написать ему о «черкешенке, за которой он когда-то волочился». Истомина, как и прочие Козероги, не осталась невоспетой Пушкиным.

Орлов с Истоминой в постеле... —

эти стихи о невоздушной стороне жизни воздушной балерины знали не все (полной текст см. в статье об А. Орлове), хотя они делали ей весьма пикантную рекламу. Зато строфа из «Онегина» прославилась необычайно уже в 1820-е годы:

Блистательна, полувоздушна,
Смычку волшебному послушна,
Толпою нимф окружена,
Стоит Истомина...

Эпитеты «блистательна, полувоздушна» прилепились к Истоминой и кочевали из рецензии в рецензию; граф М. А. Милорадович, ухаживавший за балериной Е. А. Телешовой, заказывал разным поэтам стихи в ее честь и требовал, чтобы они были похожи на «стихи об Истоминой», а В. В. Энгельгардт остроумно спародировал строфу, применив ее к

Истомина. Гравюра Ф. И. Иордана, 1825; рис. Пушкина 1818.

карточному шулеру.

И мы не знаем лишь одного: заметил ли кто-нибудь отблеск эпиграммы, просвечивающийся в этом не вполне невинном «полу-» (ведь эпиграммы на Воронцова — «полу-милорд, полу-купец...», и, возможно, пушкинская, на Фотия — «полу-фанатик, полу-плут...» — уже давно ходили по рукам); не обиделась ли слегка Истомина на то, что она «воздушна» лишь наполовину (о другой половине мы уже знаем...) — без надежды «быть полной наконец»?

Ишимова Александра Осиповна

(6 I 1805—16 VI 1881) — детская писательница, переводчица. Вот уж кому повезло больше всех прочих Козерогов! — воскликнет Астролог. Подумать только: последний адресат, можно сказать «последний литературный собеседник» Пушкина. Последнее письмо, утром в день дуэли. До сих пор многие удивляются: что, в день дуэли больше думать было не о чем? А вот оказалось самым важным завещать Корнуолла, причем завещать своей Смерти. «Крайне жалею, что мне невозможно будет сегодня явиться на ваше приглашение» — как будто Смерть спрашивает, возможно или невозможно явиться на ее приглашение. «Я иду, Смерть, я покоряюсь тебе» — эпиграф к одной из сцен Корнуолла.

«Вы найдете в конце книги пьесы, отмеченные карандашом, переведите их как умеете — уверяю Вас, что переведете как нельзя лучше». Ишимова перевела «как нельзя»: прекрасную поэзию слащавой прозой — в духе своей «Истории России в рассказах для детей», — и ничего. Пушкин и на это выдал ей индульгенцию: «Сегодня я нечаянно открыл Вашу «Историю в рассказах» и поневоле зачитался. Вот как надобно писать!» — Так что никакие претензии к означенной писательнице и переводчице не принимаются: на ее писаниях на все времена пушкинский Знак Качества — еще бы: сам Пушкин в день дуэли! (Вот так всегда с Близнецами: хотел поддержать материально и подбодрить — а выдал небывалый пропуск в бессмертие — *Астролог*).

Ишимова. Литография Д. Трунова, 1878.

Катенин Павел Александрович

(22 XII 1792—4 VI 1853) — поэт, критик, драматург; в 1818—1820 капитан лейб-гвардии Преображенского полка; член Военного общества и Союза спасения. Большой любитель театра, где, как известно,

воскресил
Корнеля гений величавый.

Словно бы одаренный недюжинными экстрасенсорными способностями, Катенин обладал поразительным влиянием на собеседников: когда он сам читал свои стихи, они казались безупречными. Самолюбивый, мелочный, не прощающий ни малейшей обиды... Вигель про него пишет: «Видал я людей самолюбивых до безумия, но подобного ему не встречал, у него было самое странное авторское самолюбие: мне случалось от него самого слышать, что он охотнее простит человеку, который назовет его мерзавцем, плутом, нежели тому, который хотя бы по заочности назвал его плохим писателем; за это готов он вступиться с оружием в руках». За оружие Катенин действительно любил хвататься при любом случае (этот Козерог был на редкость упрям и бодлив — *Астролог*).

Но прежде всего Катенин был прирожденным критиком, и Пушкин не сильно кривил душой, когда писал ему: «покамест, кроме тебя, нет у нас критики» (февраль 1826). Катенин критиковал все и вся и даже пострадал за критику: был

выслан из Петербурга за шиканье в театре (не понравилась Катенину сама Семенова). Критиковать ему было сподручно, ибо он всегда знал, как нужно и как правильно: какой должна быть трагедия (лучше всего — на манер Расина), идиллия и т. д. Катенин, разумеется, хотел и Пушкина приобщить к этому своему Знанию — хотел, чтобы Пушкин видел в нем Учителя — чего, разумеется, быть никак не могло: «ученик» прекрасно видел слабые стороны «учителя», и уже в «Моих замечаниях об русском театре» (конец 1819) Пушкин дал поэзии Катенина прохладную характеристику: «славянские стихи Катенина, полные силы и огня, но отверженные вкусом и гармонией». Да и как можно было всерьез принимать учительские претензии человека, который о Карамзине, к примеру, отзывался так: «История его подлая и педантическая, а все прочие его сочинения жалкое детство» [24].

Катенин. Неизв. худ. Рис. Пушкина 1824: Катенин — или С. Волконский?

Однако Катенину так хотелось учительства — отчего же не подыграть и не изобразить, что испытываешь сильнейшее влияние этого «мага»? Так была разыграна сцена (ведь все отношения с Катениным вращались вокруг театра), немало польстившая самолюбию старшего друга.

— Я пришел к вам, как Диоген к Антисфену: побей, но выучи, — сказал Пушкин Катенину в 1818, подавая ему трость.

— Ученого учить — портить, — скромно ответил Катенин.

И все же учил, и был недоволен, что Пушкин подчинялся ему не вполне беспрекословно: «он сознавался в ошибках, но не исправлял их», — укоризненно напишет он о Пушкине в поздних воспоминаниях (1852). И если и научил, то, видимо, совсем не тому, чему хотел научить: «Ты отучил меня от односторонности в литературных мнениях, а односторонность есть пагуба для мысли», — писал Пушкин Катенину в феврале 1826. Парадоксальное признание: Катенин с его неподвижной верностью однажды принятым правилам «отучил от односторонности» бесконечно изменчивых Близнецов? Уж не завуалированный ли это призыв к самому Катенину оборотиться наконец на себя и отучить от односторонности себя самого — «Учитель, научи себя сам...»

В письмах Пушкин нередко хвалил Катенина, заступался за него перед своими друзьями, однако однажды обронил и такую эпиграмму в прозе: «Катенин ... опоздал родиться — и своим характером и образом мыслей весь принадлежит 18 столетию. В нем та же авторская спесь, те же литературные сплетни и интриги» (Вяземскому, ок. 21 апреля 1820). В Кишиневе катенинская бодливость является Пушкину уже совсем в комическом свете, и он пытается на расстоянии затеять корриду: «Я отвечал Бестужеву ... Нельзя ли опять стравить его с Катениным? любопытно бы» (Гнедичу, 27 июня 1822).

Характерный случай, оставивший след на всей жизни Катенина и определивший его отношение к Пушкину даже после смерти поэта, произошел в 1828. Надо сказать, что, как истинный Козерог, Катенин вовсе не был в восторге от пушкинских произведений (особенно выразителен его отзыв о «Борисе Годунове»: «нуль» [25]; «Годунов» Лобанова нравился ему больше...), считал своим долгом

все их подробно разбирать, критиковать и давать советы по улучшению. Козерог, — комментирует Астролог, —ко всем лезет со своими советами — особенность, на которую Вяземский, ненавидевший Катенина, написал по праву Козерожьего Знака Смерти астрологическую эпиграмму:

Не классик ты и не романтик;
Так что же ты в своих стишках?
На козьих ножках старый франтик,
С указкой детскою в руках.

Так случилось и со стихотворением Пушкина «Друзьям» («Нет, я не льстец...»). Катенин не поленился послать Пушкину длиннющее стихотворение «Старая быль», где посредством исторической аллегории «тонко» упрекнул Пушкина в царедворстве и раболепии, но в конце концов все же великодушно отдал Пушкину кубок поэтического первенства. Близнецы ответили:

Напрасно, пламенный поэт,
Свой чудный кубок мне подносишь
И выпить за здоровье просишь:
Не пью, любезный мой сосед!...
Товарищ милый, но лукавый,
Твой кубок полон не вином,
Но упоительной отравой:
Он заманит меня потом
Тебе вослед опять за славой...
Я сам служивый: мне домой
Пора убраться на покой.
Останься ты в строях Парнаса;
Пред делом кубок наливай
И лавр Корнеля или Тасса
Один с похмелья пожинай.

Тут было от чего прийти в ярость! Внешне стихи очень комплиментарные: можно подумать, что Пушкин в очередной раз выражает преклонение перед старшим поэтом, сравнивая его с Корнелем, Тассом и т. п. Но Козерога не проведешь — он-то прекрасно прочитал скрытые тут намеки: и на пристрастие Катенина к вину (ассоциация с державинским «Философы пьяный и трезвый», откуда взята знаменитая строчка, выделенная курсивом) и на его же безграничное честолюбие, похмельную мечту о лаврах... Ужасные стихи. А главное, формально не придерешься — вот что хуже всего. А уж когда появились «Маленькие трагедии» — мнительный Катенин совсем потерял покой и сон: он был абсолютно убежден, что Пушкин под Сальери имеет в виду его, Катенина, и везде, где только мог, вступался за доброе имя Сальери, даже в воспоминаниях о Пушкине не забыл указать, что тот был исторически и нравственно некорректен, оклеветав в веках ни в чем не повинного композитора. Так и умер непримиренным, непростившим. Козерог не склонен дарить Близнецам прощение, — констатирует Астролог, — тем более, что наука доказывает: прав был Козерог, непреклонно ищущий справедливости: не травил Сальери Моцарта; действительно оклеветал его Пушкин. А ведь было в Катенине что-то от Сальери: «Катенин ... приезжает к ней [поэзии] в башмаках и напудренный и просиживает у нее целую жизнь с платоническою любовью, благоговением и важностью» (черновик письма Пушкина к Вяземскому, ок. 21 апреля 1820). И протянул же Пушкину кубок с «отравой» — пусть и аллегорический.

Киселев Павел Дмитриевич

(19 I 1788—26 V 1872) — с 1819 начальник штаба 2-й армии, впоследствии министр госимуществ, русский посол во Франции, граф. По окончании Лицея Пушкин встречался с Киселевым в светском обществе. В 1819 Киселев обещал содействовать определению Пушкина на военную службу — но ведь обещание, данное Близнецам, Козерога ни к чему не обязывает, и Близнецы об этом прекрасно знают:

На генерала Киселева
Не положу своих надежд,
Он очень мил, о том ни слова,
Он враг коварства и невежд;
За шумным, медленным обедом
Я рад сидеть его соседом,
До ночи слушать рад его;
Но он придворный: обещанья
Ему не стоят ничего...

«Орлову»

Впоследствии они общались на юге России, в Петербурге. Киселев относился к Пушкину со скрытым высокомерием: однажды (23 февраля 1822) он на приеме у Инзова «удостоил» поэта несколькими словами, — а Пушкин, по свидетельству Липранди, не «переносил оскорбительной любезности временщика, для которого нет ничего священного». Позднее в дневнике 1834 Пушкин все же назвал Киселева, бывшего наместника Валахии, «самым замечательным из наших государственных деятелей». В преддуэльной истории Киселев, по подозрению Вяземского, держался другой стороны и «не довольно патриотически» принял известие о гибели Пушкина. Видимо не случайно впоследствии, в бытность его русским послом в Париже, частым гостем его был Дантес. (Что ж, Козерогу в отношении Близнецов все можно — *Астролог*).

Надгробие Киселева в Донском монастыре в Москве.

Лунин Михаил Сергеевич

(9 I 1788—15 XII 1845) — участник Отечественной войны, декабрист. Общение Пушкина с ним относится к послелицейскому периоду — вероятно, Лунин оказывал на юного поэта большое влияние: перед отъездом Лунина из Петербурга в 1820 Пушкин украл на память прядь его волос. Встречались они у «осторожного Ильи» (И. А. Долгорукого), где

Друг Марса, Вакха и Венеры,
Тут Лунин дерзко предлагал
Свои решительные меры
И вдохновенно бормотал...

Именно Лунину принадлежал романтический проект убийства Александра I на царскосельской дороге людьми в масках, которые, естественно, сами были обречены на немедленную смерть — воистину «решительные меры» (зачеркнутый вариант строки гласит: «губительные меры», — что не менее верно). «Михаил Лунин — человек поистине замечательный» — такой отзыв Пушкина о Лунине передала в 1835 декабристу его сестра Е. С. Уварова. Лунин же, по всей видимости, положил начало «солнечному образу» Пушкина: «Наше восходящее светило, юноша Пушкин», — это Лунин сказал по дороге из Петербурга в Париж в 1816 [26], не ведая о том, что более знаменитым станет иной, печальный вариант этой солнечной метафоры.

Лунин. Литография А. Скино с рисунка П. Соколова, 1822.

Мицкевич Адам

(4 I 1798—8 XII 1855) — польский поэт. Познакомились с Пушкиным они в Москве в 1826, встречались в салоне Зинаиды Волконской, у А. С. Хомякова, Н. А. Полевого, затем в Петербурге. 15 мая 1829 Мицкевич покинул Россию.

...Он вдохновен был свыше
И свысока взирал на жизнь —

напишет Пушкин о Мицкевиче после их окончательного земного расставания. В самом деле, в Мицкевиче словно бы не было того раздвоения, о котором говорит Пушкин в стихотворении «Поэт», — словно бы Аполлон требовал его к священной жертве всегда и на «заботы суетного света» времени не оставалось; пушкинский импровизатор, столь жалкий

в свои прозаические моменты, вовсе не похож на Мицкевича, который тоже был великим мастером импровизировать французской прозой — настолько великим, что на одной из его импровизаций Пушкин, ероша волосы, почти бегал по зале и повторял: «Какой гений! какой священный огонь! Что я в сравнении с ним!» [27].

«Что я в сравнении с ним...» Многие современники согласились бы с этим самокритичным отзывом. «Пушкин оказывал Мицкевичу величайшее уважение... Русский поэт, обыкновенно господствовавший в кругу литераторов, был чрезвычайно скромен в присутствии Мицкевича, больше заставлял его говорить, нежели говорил сам, и обращался со своими мнениями к нему, как бы желая его одобрения. В самом деле, по образованности, по многосторонней учености Мицкевича Пушкин не мог сравнивать себя с ним» (Кс. Полевой). По воспоминанию того же Кс. Полевого, Жуковский после выхода поэмы «Конрад Валленрод» сказал Пушкину: «Знаешь, брат, ведь он заткнет тебя за пояс» — и Пушкин ответил: «Ты не так говоришь, он уже заткнул меня».

Если в поэзии и можно было говорить о каком-то споре и состязании, то в человеческом смысле Пушкин проигрывал Мицкевичу без боя. Мицкевич нравился решительно всем; трудно, если не невозможно, найти о нем неблагожелательные воспоминания: «Вот кто был постоянно любезен и приятен! Какое бесподобное существо! ...Все были от него в восторге... он... был занимателен для всех и каждого» (А. П. Керн); «Все были от него в восхищении» (А. И. Дельвиг). От Пушкина, мы хорошо знаем, «были в восторге» далеко не все, и «постоянной любезностью» наш поэт не отличался.

Оба одевались небрежно, но небрежность Пушкина свидетельствовала «не только о недостатке внимания к себе, но и о неряшестве», у Мицкевича же в самой небрежности «заметно было достоинство, благородство, что-то высокое» (Ст. Моравский) [28].

И в карты Мицкевич, естественно, не играл, — но одним укоризненным присутствием своим в игорном доме заставлял почувствовать стыд за растрачиваемый «священный огонь»: лишь при Мицкевиче Пушкин стеснялся своей азартной страсти и однажды «очень замешался», когда Мицкевич застал его за банком (М. А. Максимович).

Мицкевич. Рис. Я. Ж. Шмеллера, 1829; рис. Пушкина 1829.

Почему-то почти никто не помнит, о чем Пушкин разговаривал с Мицкевичем (Погодин записал в дневнике однажды нечто туманное: «Нечего было сказать о разговоре Пушкина и Мицкевича, кроме: предрассудок холоден, вера горяча...»). Но помнят общее впечатление, и оно тоже скорее не в пользу Пушкина: Пушкин «говорил с жаром, часто остроумно, но с запинками», Мицкевич

— «тихо, плавно и всегда очень логично» [29]. Впрочем, и писал Мицкевич, как говорил, — плавно, быстро и почти совсем без помарок. В поэме «Фарис» он исправил всего лишь два слова — а теперь, для сравнения, взгляните на черновики Пушкина! Словом, и тут было чему позавидовать — а Пушкин и позавидовал:

Под сенью гор Тавриды отдаленной
Певец Литвы в размер его [сонета] стесненный
Свои мечты мгновенно заключал...

«Сонет»

Словом, все сравнения не в пользу Пушкина: и не так образован, и монументальную историческую поэму не может написать, и галстука красиво не завяжет, и вести себя не умеет, и в разговоре запинается, и вообще рядом с корректным, выдержанным европейцем выглядит «безудержно переступающим во всем меру, с наружной лакировкой культурности, постоянно дающей трещины» [30]. Даже перевести порядочно гениальные произведения польского поэта не может, так как не в силах передать силы и выпуклости подлинника — словом, проигрывает по всем статьям; и какое счастье, что Мицкевич в 1829 покинул Россию, а то бы совсем потерялся бедный Пушкин!

Такая забавная ситуация — но Близнецы любят играть; отчего же не сыграть и в поддавки? Как и в случае с Катениным, Пушкин охотно подыгрывает этому комплексу абсолютного превосходства.

«Стой, двойка, туз идет!» — сказал Пушкин, столкнувшись однажды в дверях с Мицкевичем и пропуская его вперед. «Козырная двойка и туза бьет», — ответил Мицкевич. Ничего не напоминает? Ну конечно, другой разговор Близнецов с Козерогом: «Я пришел к тебе, как Диоген к Антисфену: побей, но выучи!» — «Ученого учить — портить».

Почему бы даже и не подчеркнуть великодушно великолепие Мицкевича какой-нибудь мерзостью? Пушкин так входит в роль антипода этого ходячего «священного огня», всегда готового изливаться на благосклонное общество (вспомним, по контрасту, как Пушкин ненавидел читать свои произведения публично — роль импровизатора для него была совершенно немыслима), что порой эту роль несколько утрирует. «Пушкин держал себя ужасно гадко, отвратительно, Мицкевич — прекрасно. Посудите, каковы были разговоры, что второй два раза принужден был сказать: «Господа, порядочные люди и наедине, и сами с собою не говорят о таких вещах!» (С. Т. Аксаков в письме Шевыреву); «...Разговор [Пушкина и Мицкевича] был занимателен, от <...> до Евангелия. Но много было сального, которое не понравилось» (дневник Погодина). Нетрудно угадать, кто именно говорил тут сальности.

«Я наблюдал в нем характер слишком впечатлительный, а порой легкий, но всегда искренний, благородный и откровенный», — писал Мицкевич о Пушкине [31]. Странный все-таки отзыв для поэта: разве может поэт быть «слишком впечатлительным»? А Пушкин о Мицкевиче написал, — еще до резкого расхождения, вызванного польским восстанием 1830—1831, — нечто по видимости вполне комплиментарное, но и не чуждое, быть может тайной иронии:

...ни один волшебник милый,
Властитель умственных даров,
Не вымышлял с такою силой,
Так хитро сказок и стихов,
Как прозорливый и крылатый
Поэт той чудной стороны,
Где мужи грозны и косматы,
А жены гуриям равны.

«В прохладе сладостной фонтанов...»

«Хитрый и прозорливый» поэт невольно — или сознательно? — противопоставлен «грозным и косматым» мужам своей собственной страны, и приходит на ум вопрос: не пожелал ли тут Пушкин гладкому, плавному Мицкевичу немножко той изначальной, природной «косматости», которая, конечно, была бы не всем

приятна в высшем свете?

И наконец, в 1834, когда поэты оказались по разные стороны ратных станов, Пушкин в последний раз обратился к Мицкевичу:

...теперь
Наш мирный гость нам стал врагом —
и ядом
Стихи свои, в угоду черни буйной,
Он напояет. Издали до нас
Доходит голос злобного поэта,
Знакомый голос!.. Боже! освяти
В нем сердце правдою твоей и миром,
И возврати ему...

Это незаконченный ответ на резкие антирусские стихи Мицкевича «К русским друзьям», в которых тот, между прочим, обиженно писал: «Теперь я выливаю в мир кубок яда. Едка и жгуча горечь моей речи».

Перед отъездом Мицкевича в Польшу на прощальном обеде московские литераторы поднесли ему кубок, на котором были вырезаны имена его русских друзей [32]. Какой же кубок наполняет теперь Мицкевич «ядом», не тот ли самый? Впрочем, это не первый кубок с ядом, подносимый Пушкину Козерогом, — и отводимый в сторону с улыбкой:

...Мы не сожжем Варшавы их;
Они народной Немезиды
Не узрят гневного лица
И не услышат песнь обиды
От лиры русского певца.

«Бородинская годовщина»

Павлищева Ольга Сергеевна

(31 XII 1797—14 V 1868) — старшая сестра поэта, первый критик его произведений, первый строгий судия в длинной веренице критиков-Козерогов, чьей отличительной чертой является не желание поддержать автора, найти, за что его можно похвалить, а стремление во что бы что ни стало обнаружить хотя бы мелкие недостатки. Интересно, что первым зрителем и ценителем пушкинской детской пьесы «L'escamoteur» («Похититель») явился Козерог, и последнее письмо Пушкина — о пьесах — тоже Козерогу. (Как первый зритель-Козерог освистал пьесу Пушкина, так и последний адресат поэта сделал все возможное, хотя и не умышленно, чтобы надежно похоронить пушкинский замысел об издании в России Корнуолла — *Астролог*). Надо сказать, что детская неудача не обескуражила Пушкина, и в ответ на критики он написал веселые французские стихи:

— Dis-moi, pourquoi «l'Escamoteur»
Est-il sifflé de la parterre?
— Hèlas! c'est que le pauvre auteur
L'escamota de Molière.

(Скажи мне, почему «Похититель» был освистан партером? — Увы, потому что бедный автор похитил его у Мольера).

Ольга Сергеевна была товарищем детских игр Пушкина, адресатом его юношеских посланий:

Чем сердце занимаешь
Вечернею порой?
Жан-Жака ли читаешь,
Жанлиса ль пред тобой?
Иль с резвым Гамильтоном
Смеешься всей душой?...
...Иль моську престарелу,
В подушках поседелу,
Окутав в длинну шаль
И с нежностью лелея,
Ты к ней зовешь Морфея?
Иль смотришь в темну даль
Задумчивой Светланой
Над шумною Невой?
Иль звучным фортепьяно
Под беглою рукой
Моцарта оживляешь? —

«К сестре»

и так до бесконечности — стихи очень длинные, а Козерогу нравится подробное перечисление всех его занятий: в этом он усматривает проявление родственных чувств и внимание к себе. Ольга Сергеевна, как истинная сестра, навещала брата в Лицее, в 1817 была с ним в Михайловском, во время ссоры Пушкина с отцом в октябре 1824 взяла сторону брата (какая разница, каких Близнецов поддержать!) Зато когда послушная дочь Ольга, которой перевалило за тридцать, утомясь жизнью в родительском семей-

стве (не вынеся сумасбродных Близнецов и затянувшегося астрала с Раком), тайно обвенчалась с Н. И. Павлищевым (духовный партнер — зачем же упускать такую возможность!), то предоставила брату сообщить радостную новость родителям, взять на себя всю тяжесть последовавшей семейной сцены — и Пушкин не смог ей отказать. Потом, правда упрекнул сестру: «Ты мне испортила моего Онегина: он должен был увезти Татьяну, а теперь... этого не сделает» [33]. Всегда бы все упреки были такими! Портрет мужа Ольга Сергеевна вставляет «в рамку на место портрета Александра [брата] — маленького портрета, который находили так мало похожим; это чтобы сказать, что я предпочитаю ваш...» (мужу, 20 апреля 1831).

Все сохранившиеся Пушкина к сестре написаны до женитьбы поэта. Были, конечно, и письма во взрослой жизни, когда для благоразумного Козерога главным стала своя семья и ее интересы — и тогда всякая сентиментальная детская игра отошла на второй план, уступив место заботе о материальном благополучии, а интересы семьи Павлищевых, как им казалось, часто сталкивались с интересами семьи младшего брата. Хорошо, что нет писем Пушкина к сестре этих лет... По ее словам, «Александр, ..., при всем моем почтении к его шедеврам, стал капризен, как женщина перед родами; он написал мне такое глупое и дерзкое письмо, что пусть меня похоронят заживо, если оно дойдет до потомства, хотя, раз он постарался отослать мне его, — видимо, на это надеялся» [34]. Да уж, не надо. Пусть останутся светлые представления о любимой сестре, сентиментальные записочки к ней и упоминания о любимом брате, о котором нежные родители и сестра постоянно волнуются и этим волнением обмениваются в своей домашней переписке.

О. С. Павлищева.
Неизв. худ., 1833.

Розен Егор (Георгий) Федорович

(27 XII 1800—4 IV 1860) — барон; поэт, драматург, критик, издатель альманахов, сотрудник изданий Пушкина и Дельвига. «Мы с ним [Пушкиным] довольно сблизились», — писал Розен Шевыреву 19 июля 1831 [35].

Что же это была за «близость»? Розен — для Астролога еще один весьма типичный Козерог — чем-то похож на Катенина, и чем-то на Мицкевича: настроенный серьезно и возвышенно, убежденный в высокости своего поэтического служения и своего дара, в своей правоте, в своем праве критиковать и поправлять Пушкина. Его поэтическая самовлюбленность принимает порой почти комический характер: Пушкин в трактовке Розена (особенно в мемуарах «Ссылка на мертвых», 1847) с нетерпением ожидает и восторженно встречает каждое его новое произведение. «Пушкин ко мне слишком благосклонен» [36]; а вот и что-то почти хлестаковское: «Почти при каждом со мною свидании, бывало, Пушкин спросит: не написал ли я новых лирических пиес? — и всегда советовал не пренебрегать ... минутами лирического вдохновения...». Критика Розена Пушкину, разумеется, совершенно необходима: в стихотворении «Кто на снегах возрастил...» Розен исправляет погрешность, которую и сам Дельвиг не решается поправить (переставляет местами слова: вместо «духом грек» «грек духом»), — да так удачно, что Пушкин долго после, читая это четверостишие, останавливался на третьем стихе и говорил: «Этот стих мне барон поправил!»

Впрочем, Пушкин и в самом деле ценил Розена. В дневнике Пушкин, говоря о Кукольнике и Хомякове, предрекает: «Ни тот, ни другой не напишут хоро-

шей трагедии. Барон Розен имеет более таланта» (2 апреля 1834). А. П. Керн вспоминала, как Пушкин повторял беспрестанно строку из стихотворения Розена «Венценосной страдалице» —

Неумолимая, ты не хотела жить,

«передразнивая его голос и выговор». Плохие стихи Пушкин, как известно, не запоминал.

Пушкин пригласил Розена участвовать в «Современнике», переписывался с ним. А Розен и при жизни поэта много способствовал распространению молвы о своей дружбе с ним: любил читать в обществе произведения Пушкина, в письмах часто приводил хвалебные отзывы Пушкина о своих стихах, не забывая заметить: «Он решительно ничего не пишет, осведомляется только о том, что пишут другие» [37]; любил проявить осведомленность о личной жизни Пушкина, о том, что «Бориса Годунова» удерживают в канцелярии, пока не выйдет «Самозванец» Булгарина», что «свадьба Пушкина расстраивается» и т. д. Все это создавало миф о действительно близком знакомстве: да и кто же с Пушкиным не «на дружеской ноге»?

К Розену Пушкин был повернут возвышенной, романтической стороной, — так, пушкинскую игру в Байрона Розен принял серьезно и сочувственно: «Пушкин был характера весьма серьезного и склонен, как Байрон, к мрачной душевной грусти... В ярком смехе его почти всегда мне слышалось нечто насильственное, и будто бы ему самому при этом невесело на душе».

Возможно, Пушкин благоволил к Розену и потому, что устал от непонимания ближайших друзей, — барон же относился к Пушкину неизменно восторженно. На фоне неприятия и докучной критики «Бориса Годунова» Розен говорит о трагедии такие теплые слова, какие, пожалуй, не сказал более никто из современников: ее «творец ... во времена Петрарки и Тасса был бы удостоен торжественного в Капитолии коронования» [38]. Сам день рождения Пушкина, 26 мая, Розен праздновал торжественными октавами:

В дни соловья, во дни утех и цвета,
Когда с небес слетают счастья сны,
Есть празднество — великое для света:
Как торжество, как *лучший* день весны,
Мы празднуем рождение Поэта,
Чьей жизнию мы все оживлены!
Сей день богам в хвалу и честь
мы ставим —
Так! Гения сошествие мы славим!

«26 мая» (1831)

Поистине, об этом своем «зеркале» Пушкин мог удовлетворенно сказать:

Оно гласит, что не унижу
Пристрастья важных аонид.

После смерти Пушкина Розен воспевает его могилу («Могила Пушкина», 1847) и пишет весьма удачное аллегорическое стихотворение на тему «поэт и царь»:

Он эллин был — счастливый гражданин,
Краса и часть блистательных Афин!
Великий царь, изящного любитель,
Позвал поэта в царскую обитель.
Но там затмились светлые часы,
И горшее из зол судьба наслала:
Певца заели Архелая [македонского царя]
псы,
И молния на гроб его упала.

«Эврипид (памяти Пушкина)»

Ростопчина Евдокия Петровна

урожд. Сушкова (4 I 1812—15 XII 1848) — графиня; поэтесса. Впервые увидела Пушкина 8 апреля 1827 на пасхальном гулянье под Новинским в Москве. Познакомилась с поэтом на балу у Д. В. Голицына в декабре 1828, едва начав выезжать в свет. В этот вечер она танцевала, много разговаривала с Пушкиным, читала ему свои поэтические опыты (скорее «душить трагедией в углу»! — Близнецы от Козерога все стерпят — *Астролог*). А чтобы не пропало это высокое общение для потомков, она все опишет в стихотворении « Две встречи»:

Вдруг все стеснилось, и с волненьем,
Одним стремительным движеньем
Толпа рванулася вперед...

И мне сказали: «он идет!
Он, наш поэт, он, наша слава,
Любимец общий!» Величавый,
Но смелый, ловкий и живой,
Прошел он быстро предо мной...

Я помню, я помню другое свиданье:
На бале блестящем, в кипящем собранье...
...Он с нежным приветом ко мне
обращался;
Он дружбой без лести меня ободрял;
Он дум моих тайну разведать желал....

И так далее, не пропуская ничего. Осенью 1836 Ростопчина переехала в Петербург, и здесь, по воспоминаниям ее брата, произошло «более короткое сближение» Ростопчиной с Пушкиным. Поэтесса, как и положено Козерогу, всячески культивировала мнение о том, что Пушкин очень ценил ее творчество. Поэт действительно отдавал должное ее таланту, хотя, может быть, и не так, как хотелось бы самой поэтессе, — однако в доме ее бывал запросто, в обществе встречался очень часто и ничем не опровергал создаваемый ею миф. Существует рассказ мужа Ростопчиной о том, что «за день до своего смертельного поединка» Пушкин обедал у графини и без конца бегал мочить голову водой — такой испытывал жар. Можно верить — можно не верить... А черновая тетрадь Пушкина, которую он не успел начать и которую Жуковский передал Ростопчиной, чтобы она ее начала и «докончила» — кому же еще? Но поэтесса скромно отказывается:

Е. П. Ростопчина. Портрет работы Э. Мартена, 1830-е

...Но не исполнить мне такого назначенья,
Но не достичь мне гениальной вышины!..
Я женщина! во мне и мысль и вдохновенье
Смиренной скромностью быть скованы
должны.

Гениально — кому бы еще пришло в голову сковывать «скромностью» мысль и вдохновенье!

Сомов Орест Михайлович

(21-22 (?) XII 1793—8 VI 1833) — писатель, критик, журналист. Познакомился с Пушкиным еще в послелицейскую пору, когда оба они посещали заседания Общества любителей словесности, наук и художеств. В начале 1820-х годов Сомов под влиянием А. Е. Измайлова ведет резкую полемику против поэтов пушкинского круга. Баратынский в своем послании к Гнедичу назвал его «Сомов безмундирный» (он действительно нигде не служил и жил одним литературным заработком, что было редкостью в ту эпоху) — и Пушкин тут же вступился за Сомова, несмотря на принадлежность к разным литературным лагерям: «Сомов безмундирный — непростительно. Просвещенному ли человеку, русскому ли сатирику смеяться над независимостью писателя?» (Дельвигу, 16 ноября 1823). А вообще, несмотря на это заступничество, несмотря на то, что начиная с 1827 им приходится встречаться очень часто (Сомов стал правой рукой Дельвига в издательских делах, и Лев великодушно оберегал свой Подсмертный Знак от нападок самых близких друзей, жены — никто не любил Сомова, не отличавшегося благообразием наружности), — Пушкин держался с ним «с некоторой надменностью». Ради Дельвига Пушкин терпел неприятного Сомова практически ежедневно.

Но после смерти Дельвига терпение Пушкина лопнуло, и к тому же помощь Сомова по изданию «Северных цветов на 1832 год» была крайне неудачной: Сомов проявил полную неспособность к денежным и хозяйственным делам, которые, как выяснилось слишком поздно, находились в исправности благодаря совсем не ему, как думали все, но «ленивому Дельвигу». Выручка за альманах куда-то утекла, Сомов оказался сам должен Пушкину и к тому же над ним повисло подозрение в растрате... В конечном

итоге тяжело вдруг заболевший Сомов был «совершенно отринут Пушкиным и никакого участия ни в чем не принимает», — как писал Греч Булгарину 10 сентября 1832 (правда, все его долги пришлось, конечно, простить). А затем Сомов умер — и гадайте о причинах внезапной смерти в 40 лет! Одному Астрологу, как всегда, все ясно: Близнецы иногда могут сделать невозможное — разорвать нерасторжимые связи, отогнать от себя энергетического вампира (каковым по отношению к Близнецам является любой Козерог, несмотря на все внешние проявления дружбы) — и тогда вампиру приходится плохо. Не мог Пушкин выносить этого «постоянно чего-то опасающегося, с красными, точно заплаканными глазами, не внушающего доверия» человека. В библиотеке Пушкина сохранилась книга Сомова «Голос украинца при вести о взятии Варшавы» ((СПб., 1831) с такой дарительной надписью: «Ясновельможному пану Гетманичу найяснийшого Аполлона Александру Сергеевичу Пушкину од найнижшого пидножка Парнассьского Порфирия Байского» — ну как такое держать около себя?

Сперанский Михаил Михайлович

(12 I 1772—23 II 1839) — государственный деятель, член Государственного совета по Департаменту законов, действительный тайный советник. Именно по его проекту был устроен Лицей, ему принадлежит последняя редакция его Устава.

Козерог, — напоминает Астролог, — всегда старается идти в ногу со временем, читает все новое, что, по мнению света, заслуживает внимания. Сперанский не исключение. С творчеством Пушкина он познакомился довольно рано и одним из первых (в письме к дочери) дал высокую оценку «Руслана и Людмилы»: «Он [Руслан] действительно имеет замашку и крылья гения... ...Вкус придет: он есть дело опыта и упражнения. Самая неправильность полета означает тут силу и предприимчивость. Я так же, как и ты, заметил сей метеор. Он не без предвещания для нашей словесности» [39]. Удивительная для государственного мужа, законника, издателя Полного Собрания Законов, способность благоволить к «неправильному полету» — мы-то думали, что одни поэты любуются «беззаконной кометой»...

Личное знакомство с поэтом произошло в конце 1820-х годов. В это время Пушкин был частым посетителем салона дочери Сперанского, проживавшей вместе с отцом на Невском. Летом 1828 Сперанский участвовал в разборе дела о распространении отрывка из стихотворения Пушкина «Андрей Шенье» и подписал протокол Государственного совета об учреждении секретного надзора над поэтом (дружба дружбой, а служба службой, к тому же за этими безрассудными Близнецами никогда не мешает проследить — для их же пользы — *Астролог*). В 1834 Пушкин общался со Сперанским в связи с печатанием «Пугачева» в подведомственной Сперанскому типографии Второго отделения собственной Его Императорского Величества канцелярии («единственной, где, я уверен, меня не обманут», — писал Пушкин Бенкендорфу). Не обманут, это верно, но и торопиться излишне не станут. «Пугачев» «до сих пор лежит у Сперанского. Он задержит меня с месяц», — писал Пушкин жене (30 июня 1834). И не на один... Не одна препона возникнет в связи с печатанием книги в типографии Козерога — и о каждой мелочи нужно будет получать письменное разрешение Бенкендорфа и Дубельта, о каждом пустяке вступать с ними в переписку — а как же

Сперанский. Портрет работы П. Ф. Соколова, 1830-е гг.

14 Заказ № 2600

иначе? Порядок прежде всего... Хорошие личные отношения никак не влияют в случае Козерога на продвижение служебных дел: Козерог четко разграничивает дружбу и службу.

А дружба (если можно определить этим словом отношения Пушкина со Сперанским) продолжается: они встречаются у дочери Сперанского, у Н. К. Загряжской, в петербургском обществе. «Вы и Аракчеев, вы стоите в дверях противоположных этого царствования [Александра I], как гении Зла и Блага», — говорил Пушкин Сперанскому (дневник, 2 апреля 1834). Почти стихотворение в прозе — вернее, почти прозаический пересказ написанного ранее стихотворения:

В дверях Эдема ангел нежный
Главой поникшею сиял,
А демон мрачный и мятежный
Над адской бездною летал.

Невероятная щедрость: одной фразой Пушкин вписывает творца Лицея и в историю России, и в Божественный миропорядок; Сперанский — и внутри Истории, и над ней, как представитель неких высших сил... Не удивительно, что Сперанский также «отвечал комплиментами» и советовал Пушкину писать «историю своего времени» (естественно, почему Козерогу не хотеть историка, который оставил бы потомкам такое мнение о нем? — *Астролог*).

Строганов Александр Григорьевич

(11 I 1796—14 VIII 1891) — граф, сын Г. А. Строганова, муж Н. В. Кочубей. Вот кому, как оказалось, уступил Пушкин Наталью Кочубей, раннюю свою любовь! — Что ж, Астролог находит, что все тут верно; кроме того, этот Козерог не думал, что может хоть в чем-то зависеть от Пушкина, а потому не стеснялся в проявлении недружелюбных чувств к поэту как при жизни его, так и после смерти. Приличий ради он ездил в дом раненого Пушкина, «увидел там такие разбойничьи лица и такую сволочь, что предупредил отца своего не ездить туда» (надо сказать, что неразборчивый в связях Водолей Г. А. Строганов не послушался своего щепетильного сына).

Филарет
(Дроздов Василий Михайлович)

(6 I 1783—1 XII 1867) — с 1812 ректор Петербургской духовной академии, с 1826 митрополит московский и коломенский. В. М. Голицын свидетельствует, что «Филарет любил вмешиваться в то, что его не касалось, но что, по его мнению, было крамольным, кощунственным или безнравственным. Так, он пытался добиться запрещения поэмы Данте (кстати, тоже рожденного под Знаком Близнецов! — *Астролог*) в переводе Мина или, по крайней мере, перемены ее заглавия, так как, по его мнению, сочетание слов «Божественная комедия» недопустимо с православной точки зрения». Увы, и Пушкину пришлось не однажды столкнуться с этим поборником нравственности и приличий. Его «Комедия о настоящей беде Московскому Государству...» (так Пушкин собирался назвать «Бориса Годунова») Филарету также не понравилась: «Филарет критиковал в «Борисе Годунове» сцену кельи отца Пимена, в которой лежит на полу Гришка Отрепьев, во-первых, потому, что в монастырях монахи не спят по двое; положим, это так; но далее: зачем заставлять Отрепьева валяться на полу? «Пойдите, — говорит он, — в любой монастырь, в любую келью: вы найдете у монаха какую ни есть постелишку, не богатую, но по крайней мере чистую» [40]. В «Евгении Онегине» Филарета обеспокоила строка

И стаи галок на крестах,

в коей он нашел оскорбление святыни и жаловался по этому поводу Бенкендорфу — тут уж даже Рак развел клешнями и отвечал учтиво Филарету, что это дело не стоит того, чтобы в него вмешивалась такая важная духовная особа. Но Козерог все равно не успокоился: если он чего-то не понимает, то пусть ему объяс-

нят — Козерог не любит подтекстов и неясностей. Вот опять этот Пушкин:

Дар напрасный, дар случайный,
Жизнь, зачем ты мне дана?..

Это что еще за безобразное богохульство? И Филарет разражается поучающими стихами:

Не напрасно, не случайно
Жизнь от Бога мне дана,
Не без воли Бога тайной
И на казнь осуждена.
Сам я своенравной властью
Зло из темных бездн воззвал,
Сам наполнил душу страстью,
Ум сомненьем взволновал.
Вспомнись мне, забвенный мною!
Просияй сквозь сумрак дум, —
И созиждется тобою
Сердце чисто, светел ум.

Вяземский писал по этому поводу А. И. Тургеневу: «Он [Пушкин] был задран стихами его преосвященства, который пародировал или, лучше сказать, палинодировал (исправил) стихи Пушкина о жизни, которые нашел он у общей их приятельницы, Елизаветы Хитровой, пылающей к одному христианской, а к другому — языческой любовью». Пушкин ответил Филарету почтительно:

И ныне с высоты духовной
Мне руку простираешь ты,
И силой кроткой и любовной
Смиряешь буйные мечты.
Твоим огнем душа палима
Отвергла мрак земных сует,
И внемлет арфе серафима
В священном ужасе поэт.

Вяземский удивлялся этим стихам — но чему тут, собственно, удивляться; как еще ответить Козерогу, чтобы он оставил, наконец, в покое? И пусть Близнецы по-прежнему не любят и не уважают этого Козерога, смеются над ним, при случае расскажут о нем уничтожающий анекдот; пусть и сами стихи эти, если внимательно вчитаться, насквозь насмешливы, — все это неважно. Главное, что Козерог выполнил свою высокую миссию: заставил беспорядочных Близнецов ужаснуться своей беспорядочности и возблагодарить Козерога за то, что направил на путь истинный.

Якушкин Иван Дмитриевич

(9 I 1794—23 VII 1857) — отставной капитан лейб-гвардии Семеновского полка, декабрист, сторонник цареубийства:

Меланхолический Якушкин,
Казалось, молча обнажал
Цареубийственный кинжал...

Непонятно, почему Пушкин назвал этого декабриста «меланхолическим»: ведь это он в Каменке (в ноябре 1820) так «весело» разыграл Пушкина и А. Н. Раевского (трудно, наверно, было разыграть самого «демона»!) с приемом в «тайное общество»: завел диспут о его существовании, выразил уже готовность принять в него Раевского — и вдруг «расхохотался, сказав Раевскому: «Разумеется, все это только одна шутка» (воспоминание самого Якушкина). «Злая шутка», — добавил Пушкин сквозь слезы досады. (Лучше о юморе Козерога не скажешь — *Астролог*).

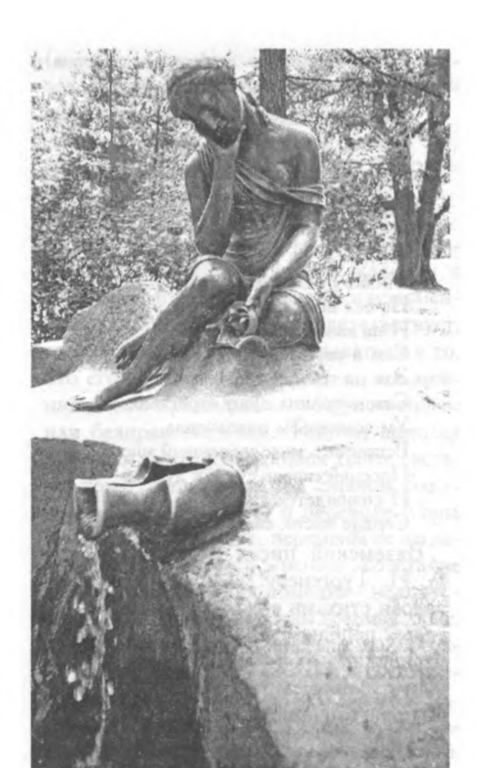
Якушкин. П. Ф. Соколов с оригинала Н. Уткина, 1818. Рис. Пушкина 1822 — Якушкин?

А Якушкин и над стихами посмеяться любил: глубокомысленных поэм о новгородской вольности от Пушкина не требовал, не в пример иным декабристам, а весьма ценил «Гавриилиаду» — находил ее даже «самым порядочным произведением изо всех его эпических творений» [41].

Близнецы — Водолей

«Глубок он, но единобразен»

Знаки 1—9. Воздух — Воздух; Круг Ума — и Круг Чувства; Праздник — и Духовный Партнер. Что же может здесь быть плохого? Этим двум знакам очень хорошо вместе: им никогда не скучно; им неведомы нормы общепринятой морали; они не знают слова «не могу»; их совершенно не волнует, что скажет об их экстравагантных поступках обыватель... Водолей вообще не живет в этом мире: человеческие поступки, обычные чувства, отношения его не касаются; конкретика, анализ, расчленение — это совершенно не его стихия; главное, чтобы на его отвлеченном философском ценностном уровне все было

Фонтан «Молочница с разбитым кувшином» в Царском Селе. Скульптор П. П. Соколов.

О. Кипренский. Наводнение в Санкт-Петербурге в 1824 г. Аллегория (рисунок).

в порядке. (Поэтому Водолей часто не уделяет внимания такой, например, ерунде, как гигиена...) Водолея не интересуют отдельные люди: ему некогда, он разгадывает тайны Вселенной, его занимает все человечество в целом, поэтому если вы вздумаете искать у Водолея сочувствия или практической помощи в тяжелой житейской ситуации — вы рискуете получить дополнительный набор отрицательных эмоций: например, от вас ушла жена, вам хочется простого человеческого тепла и доброго слова, а Водолей начнет пространно рассуждать на темы отношений между мужчиной и женщиной в тысяче различных аспектов, изложит вам тысячи теорий, с легкостью прилагаемых в

другой галактике, но к вам не имеющих ни малейшего отношения, да еще и обидится на вас, обвинит вас в черствости, если вы будете столь бестактны, что напомните ему о своей конкретной беде. Вы же и окажетесь мелким эгоистом: тут Вселенная, а вы со своей женой...

Водолей эмоционально холоден, он никогда не окажет вам той помощи, которой вы от него ждете; к тому же он может бесконечно раздражать своим занудством, неумением слушать. Никто так не умеет оказать медвежью услугу, как Водолей, — и не со зла, просто ему некогда разбираться в ваших мелких земных делишках; в его помощи нуждается Космос.

Вот такой Водолей с точки зрения нормального человека: сумасшедший деклассированный отщепенец, эгоист, всем все делающий назло, всех бесконечно раздражающий... Мало кто умеет долго выдержать общество Водолея. Кроме Близнецов, пожалуй, никто. А Близнецы — умеют: они понимают уникальность Водолейской природы, они знают, что процент гениев среди Водолеев самый высокий в Зодиаке, они могут выслушивать Водолейские словопрения, поддерживают их безумные игры, а самое главное — они сами постоянно питают воображение Водолея, представляя для него неразрешимую и бесконечно соблазнительную загадку. Близнецы умеют совершенно замкнуть на себе Водолея, стать для него центром Вселенной — и тогда Водолей способен творить любые чудеса. Водолей обожает Близнецов, он их верный раб, их зомби — и это рабство его только радует (попробуй кто другой накинуть на Водолея хотя бы совсем легонькую цепочку каких-либо обязательств — а тут сам просит сковать потуже...), Водолей — их «поклонник и поэт». А Близнецам только того и надо: они купаются в этом обожании, хотя и подсмеиваются над Водолейским занудством (впрочем, они знают секрет, как регулировать Водолейский словесный поток, — и Водолей им даже эту жертву приносит с легкостью: он их слушает!).

Праздничность и притягательность Близнецов для Водолея — в том, что вроде рядом, вроде совсем близко, а в руки взять все равно нельзя. Водолею главное — чтобы была загадка; когда у Водолея есть Близнецы, вся остальная Вселенная может подождать: здесь загадка намного неразрешимее...

Водолеев около Пушкина довольно много, их к нему совершенно закономерно тянет со страшной силой, Водолеи рядом с поэтом от колыбели до могилы — без всяких метафор, в самом прямом смысле: от бабушки Марьи Алексеевны Ганнибал, рассказавшей столько сказок внуку, до Дантеса, пославшего свою равнодушную пулю в январский день (кстати, все случилось под Знаком Водолея). Лермонтов абсолютно прав:

Не мог понять в сей миг кровавый,
На что он руку поднимал —

да, с точки зрения Дантеса, не было никакого преступления — такого понятия в Водолейской ценностной системе вообще нет, и вряд ли Дантес придал какое-то значение этому своему поступку, как и любому другому: так случилось; сказали, надо выстрелить — выстрелил, оказалось — попал. Но ведь если бы Близнецы и Абсолют не хотели — то ни за что бы не попал; за что же обвинять Дантеса? Среди Водолеев много поэтов, писателей, все они экстравагантны, оригинальны; женщины-Водолеи прелестны, но их тоже гораздо больше занимают судьбы Вселенной и человечества, чем реальное женское предназначение; они, не задумываясь, разбивают сердца, меняют мужей — все это ведь такая ерунда! Сердце любой из них действительно «подобно бастилии»; к Пушкину они очень тянутся, но романа ни с одной из них нет — Близнецы слишком хорошо понимают Водолейскую надсексуальную природу.

У Пушкина много друзей среди Во-

долеев (самый близкий друг — Жуковский; однако, никто никогда не оказывал Пушкину таких медвежьих услуг, как искренне любящий Василий Андреевич...); Пушкину интересно с ними забавляться, шутить, выдумывать разные невообразимые забавы, а если и поссорятся — то ненадолго (вот с Толстым-Американцем какой был разлад, а потом ничего, опять подружились, даже сватом был несостоявшийся дуэльный противник; останься Пушкин жив после последней дуэли — наверняка и с Дантесом бы продолжал общаться: эти два знака не могут долго ссориться и враждовать, и не обижается Пушкин на Водолеев, которые общаются и с ним, и с Дантесом: Водолея не переделаешь, у него все приятели). Пушкин помогает Водолеям, защищает их от нападок чересчур щепетильных в нравственном отношении друзей. Близнецам нужна водолейская холодность, эмоциональная неотзывчивость — она помогает Близнецам не расклеиться, не распуститься в трудную минуту; Близнецам необходимо зеркало Водолея — в нем они видят всегда себя молодыми, обольстительными, талантливыми, сильными, непобедимыми, и это зеркало лучше любых земных слов утешения позволяет им такими быть всегда. Водолею пошлет Пушкин письмо с предсказанием своей судьбы накануне женитьбы, и Водолей (Кривцов) не кинется спасать, ахать — он просто не обратит внимания на событийный ряд, и именно такая реакция Близнецам нужна: раз не обращают внимания — значит, действительно ерунда, значит, не стоит зацикливаться, вполне можно справиться. Близнецам всегда тяжело выговорить вслух, что у них действительно болит, и легче всего им выговорить свои проблемы холодному Водолею, который не обратит на них внимания в потоке другой информации, и именно этим невниманием Водолей Близнецам поможет. Вот такой парадокс. Но отношения Близнецов и Водолея со стороны — это вообще материал для психопатолога, так что лучше сразу перестать удивляться; тема безумия проходит тут красной нитью — не случайно у Байрона Пушкина так поразило мастерство в передаче состояния безумия.

Водолей будет последним, кто простится с умирающим Пушкиным, кто закроет ему глаза... Водолеи очень нужны Пушкину, все до одного: они своим обожанием помогали ему держаться высоко над земной суетой, а когда Близнецам эта земная суета окончательно надоела, именно они все поняли правильно. Их выбрали сами Близнецы.

Байрон Джордж Ноэл Гордон

(22 I 1788 —19 IV 1824) — английский поэт. «Пушкин — русский Байрон», «Бейрон Сергеевич» [1] — это тянется за Пушкиным неотвязно до последних дней. «Кто отказывает Пушкину в *истинном таланте*? Но для чего же всегда сравнивать его с Байроном?» — вопрошал Веневитинов в 1825 [2], но это был глас вопиющего в пустыне: продолжали сравнивать и навязчиво призывать на главу Пушкина байроновы лавры:

Коснись струнам, и Аполлон,
Оставя берег Альбиона,
Тебя, о юный Амфион,
Украсит лаврами Бейрона —

призывал Пушкина декабрист В. Ф. Раевский («К друзьям в Кишиневе»). Не только поэзию, но и жизнь Пушкина мерили на тот же байронический аршин. «Байрон поехал в Грецию и там умер: не ездите в Персию, довольно вам и одного сходства с Байроном», — так отговаривала Пушкина от поездки в Арзрум О. А. Булгакова (Рак — *Астролог*) 20 марта 1829 [3]. Даже супружеская жизнь Пушкина давала пищу аналогиям. В мае 1832 у Пушкина родилась дочь — и тут же: «Поздравляю с праздником, а как зовут вашу Аду?» — спрашивает Погодин в письме от 29 марта 1833. Ада — имя дочери Байрона. Что тут можно добавить? Ничего не остается, как иронизировать,

Чтобы насмешливый читатель
Или какой-нибудь издатель
Замысловатой клеветы,
Сличая здесь мои черты,
Не повторял потом безбожно,
Что намарал я свой портрет,
Как Байрон, гордости поэт,
Как будто нам уж невозможно
Писать поэмы о другом,
Как только о себе самом.

«Гордости поэт», способный писать «только о себе самом», — прекрасный портрет Водолея: « глубок он, но единообразен» — сказано о Байроне уже в шутливой оде Хвостову (1825) и уточнено у заметке о трагедиях Байрона: «Байрон бросил односторонний взгляд на мир и природу человечества, потом отвратился от них и погрузился в самого себя... В конце концов он постиг, создал и описал единый характер (именно свой)».

Пушкин, утомленный постоянными сравнениями с Байроном, всегда рад «заметить разность» между собой и этим однообразным «мрачным, могущественным лицом». «Он весь создан был навыворот; постепенности в нем не было, он вдруг созрел и возмужал — пропел и замолчал» (Вяземскому, 24-25 июня 1824). Этот портрет, конечно, совсем не похож на Пушкина, который любил подчеркивать свою покорность «общему закону» времени, свою зависимость от его «постепенного» движения:

Бегут, меняясь, наши лета,
Меняя все, меняя нас...

И смерть столь странного существа «навыворот», разумеется, следует встретить «навыворот» — не печалью, а радостью: «Тебе грустно по Байроне, а я так рад его смерти, как высокому предмету для поэзии» (Вяземскому, 24-25 июня 1824). Самая обедня, заказанная поэтом за упокой души Байрона, была для Пушкиным поступком аномальным, поступком «навыворот» — о чем свидетельствует и изумление священника, не привыкшего принимать от поэта таких заказов: «Мой поп удивился моей набожности и вручил мне просвиру, вынутую за упокой раба божия болярина Георгия» (Вяземскому, 7 апреля 1825).

Байрон. П. Ф. Соколов по оригиналу Г. Гарлоу. 1824-1825; рис. Пушкина 1836.

Охлаждение к Байрону в зрелые годы не порвало некоторых глубинных связей — например, в столь важной (и общей для Близнецов и Водолея — *Астролог*) теме безумия, как поэтического, так и реального. «Байрон не мог изъяснить некоторые свои стихи», — пишет Пушкин в 1827 в защиту той поэтической «бессмыслицы», что проистекает от «полноты чувств и мыслей и недостатка слов для их выражения» («Отрывки из писем, мысли и замечания»). Вероятно, не давало Пушкину покоя и особое достижение байроновского психологизма: «Должно быть Байроном, чтоб выразить с столь

страшной истиной первые признаки "сумасшествия» (Гнедичу о «Шильонском узнике», 27 сентября 1822). Пушкин, возможно, попытался передать эти «признаки» в стихотворении «Не дай мне Бог сойти с ума...» — во всяком случае, по свидетельству Баратынского, в его черновике «было еще две строфы, где выражалась несвязность мыслей сумасшедшего. Издатели, не поняв этого, искали смысла в этих стихах и, как бессмысленные, откинули» [4]. Черновик не сохранился.

Ганнибал Мария Алексеевна

урожд. Пушкина (31 I 1745—9 VII 1818) — жена сына «арапа Петра Великого» Осипа Абрамовича Ганнибала (Рака), мать Н. О. Пушкиной (еще одного Рака), бабушка Пушкина. Брак ее с Раком, как ему и положено, был очень несчастлив: «ревность жены и непостоянство мужа были причиною неудовольствий и ссор, которые кончились разводом» («Начало новой автобиографии»). Мария Алексеевна жила в семье Пушкиных, заведовала их хозяйством и в детстве была для Пушкина надежной защитой от истерик Близнецов и мелочной муштровки Рака: когда становилось невтерпеж, Пушкин убегал к ней, забирался в ее корзину для рукоделия — и там его никто не смел тревожить. Она была первой наставницей Пушкина в русском языке: Дельвиг восхищался ее письмами, ее сильным, простым, выразительным слогом. Водолей балует Близнецов — Мария Алексеевна баловала внука без меры; зато в стихах Пушкина о детстве, где мы ни разу не встретим упоминаний о родителях, есть строки о бабушке:

Ах! умолчу ль о мамушке моей,
О прелести таинственных ночей,
Когда в чепце, в старинном одеянье,
Она, духов молитвой уклоня,
С усердием перекрестит меня
И шопотом рассказывать мне станет
О мертвецах, о подвиге Бовы...
От ужаса не шелохнусь, бывало,
Едва дыша, прижмусь под одеяло,
Не чувствуя ни ног, ни головы.
Под образом простой ночник из глины
Чуть освещал глубокие морщины,
Драгой антик, прабабушкин чепец,
И длинный рот, где зуба два стучало, —
Все в душу страх невольный поселяло.
Я трепетал — и тихо наконец
Томленье сна на очи упадало.

«Сон»

Это раннее (1816) стихотворение — находка для Астролога: тут передано и умение Водолея сочинять сказки, причем именно такие, какие больше всего нравятся Близнецам, — страшные; и его редкий дар побеждать вечного врага Близнецов — бессонницу; и, наконец, Водолейская невнимательность к внешности: при всех своих хороших качествах, Водолеи все-таки неряхи, а Близнецы, хотя и неряшливые в одежде, очень чувствительны к личной гигиене, а особенно — к культуре рта; вот почему «рот, где зуба два стучало», действительно способен серьезно привести Близнецов в ужас. В ту пору, о которой идет речь в стихотворении, Марии Алексеевне около шестидесяти лет — не такая уж и старость, чтобы позволить себе «глубокие морщины»... Так что, всего лишь поэтический образ? О нет! В таких вещах и проявляется зоркий глаз Близнецов, от которого ничто не укроется. Пушкин запомнил все: и перипетии семейной жизни бабушки (см. «Начало новой автобиографии»), и семейные предания, и рассказы о старине, которыми так дорожил впоследствии, и роль бабушки в своей жизни очень хорошо понимал:

Наперсница волшебной старины,
Друг вымыслов игривых и печальных,
Тебя я знал во дни моей весны,
Во дни утех и снов первоначальных.
Я ждал тебя; в вечерней тишине
Являлась ты веселою старушкой
И надо мной сидела в шушуне

(кстати, не этот ли «шушун» позаимствует Есенин с Весовой вседозволенностью?)

В больших очках и с резвою гремушкой.
Ты, детскую качая колыбель,
Мой юный слух напевами пленила
И меж пелен оставила свирель,

Которую сама заворожила.
Младенчество прошло, как легкий сон:
Ты отрока беспечного любила,
Средь важных муз тебя лишь помнил он,
И ты его тихонько посетила;
Но тот ли был твой образ, твой убор?
Как мило ты, как быстро изменилась!
Каким огнем улыбка оживилась!
Каким огнем блеснул приветный взор!
Покров, клубясь волною непослушной,
Чуть осенял твой стан полувоздушный;
Вся в локонах, обвитая венком,
Прелестницы глава благоухала;
Грудь белая под желтым жемчугом
Румянилась и тихо трепетала...

Это стихотворение можно принимать как поэтическую метафору, а можно понимать и вполне буквально: игры Водолея с Близнецами нормальному человеку непонятны, а Водолею действительно ничего не стоит в этих играх совершенно переменить свой облик, помолодеть (и Пушкин прав: самые красивые в Зодиаке — женщины-Водолеи) и в таком обличье явиться к Близнецам оттуда... Водолею всегда хочется праздника — и ради своего Праздника они могут все, поскольку, как и Близнецы, плохо понимает слово «нельзя».

Гнедич Николай Иванович

(13 II 1784—15 II 1833) — поэт, переводчик «Илиады», библиотекарь Публичной библиотеки, театрал. «В университете его называли ... ходульником, потому что он любил говорить свысока и всякому незначительному обстоятельству и случаю придавал какую-то важность... Он увлекался всем, что выходило из обыкновенного порядка вещей, прочитал три раза «Телемахиду» Тредьяковского от доски до доски и даже находил в ней бесподобные стихи» (С. П. Жихарев); «Он, кажется, думал гекзаметрами и относился ко всему с вершины Геликона» (В. А. Соллогуб). (Очень похоже на истину, — подтвердит Астролог, — Водолей действительно живет в своем мире, куда вход открыт лишь немногим, и реальность замечает далеко не всегда — поэтому с ним хорошо говорить о пред-

Гнедич. Портрет, приписывавшийся О. Кипренскому; рис. Пушкина 1830.

метах высоких, желательно, не имеющих практического применения, но не стоит заниматься конкретными делами: можно оказаться в незавидном положении, чего Водолей даже и не заметит.) Одним словом, — «вечно восторженный поэт Гнедич», — лучше не скажешь, чем Пушкин в статье «Мои замечания о русском театре». Рукопись этой статьи Пушкин подарил актрисе Семеновой, а та сразу отдала ее Гнедичу, — но он, похоже, совсем не обиделся на такую оценку.

Пушкин познакомился с Гнедичем еще в послелицейскую пору, они много общались, восхищались произведениями друг друга — но это ведь не повод, чтобы поручить Водолею издать произведения, столь им хвалимые. Конечно же,

Ты, коему судьба дала
И смелый ум и дух высокой,
И важным песням обрекла,
Отраде жизни одинокой;
О ты, который воскресил
Ахилла призрак величавый,
Гомера музу нам явил
И смелую певицу славы
От звонких уз освободил, —

все это Водолей может, но может и издать «Кавказского пленника» и заплатить автору всего 500 рублей ассигнациями и прислать всего один экземпляр поэмы (а куда больше-то? Автор ведь уже знаком с нею!) Обижаться — бес-

смысленно, можно только запомнить на будущее, и когда Водолей вновь предложит свои услуги — вежливо отказаться, прокомментировав это в письме к Вяземскому так: «Гнедич хочет купить у меня второе издание «Руслана» и «Кавказского пленника» — но timeo danaos [боюсь данайцев (даже и дары приносящих)], то есть боюсь, чтоб он со мной не поступил как прежде... Перепишись с ним — возьми на себя это второе издание» (19 августа 1823). «Гнедич шутит со мной шутки в другом роде. Он разгласил, будто бы все новые стихи, обещанные мною Я. Толстому, проданы уже ему, Гнедичу» (Пушкин — А. А. Бестужеву, 12 января 1824); «Гнедич, хоть и невыгодный приятель, зато уж копейки не подарит и смирно себе сидит, не бранясь ни с Каченовским, ни с Дмитриевым» (Пушкин — Вяземскому, 25-26 июня 1824).

Все так: и приятель невыгодный, и копейки не подарит — не потому что жаден, просто с его точки зрения это ерунда; он и водится со всеми без разбора, все у него друзья, и сказать может все что угодно — выход один: зная Водолея, понять, что он не изменится, и не поручать ему того, что он астрологически не в силах выполнить, чтобы не пришлось потом обижаться (он ведь даже и не поймет, за что на него обиделись!), а лучше продолжать говорить с ним о высоком, хвалить его творения и выслушивать похвалы своим.

Крив был Гнедич поэт, преложитель
слепого Гомера,
Боком одним с образцом схож и его
перевод...

Действительно, архаизирующий перевод «Илиады» классика-Гнедича, противника карамзинской школы, Пушкину вряд ли мог нравиться; по свидетельству Я. Н. Толстого, Пушкин, прослушав еще на заседании «Зеленой лампы» фрагмент «Илиады», произнес экспромт:

С тобою в спор я не вступаю,
Что жесткое в стихах твоих встречаю;
Я руку наложил,
Погладил — занозил.

«Жесткие» — для Пушкина едва ли не самое бранное слово о стихах; это уже напоминает совсем обидное определение и применение «жесткой оды» Хвостова («Ты и я»). Но разве можно с «вечно восторженным Гнедичем» говорить языком эпиграммы? Он ведь ее, пожалуй, и не заметит, и не обидится — как не обиделся Гнедич на статью Пушкина о театре (может, просто ее и не прочитал?). Нет, не надо эпиграмм, лучше вот так:

Слышу умолкнувший глас божественной
эллинской речи;
Старца великого тень чую смущенной
душой...

или:

С Гомером долго ты беседовал один,
Тебя мы долго ожидали,
И светел ты сошел с таинственных вершин
И вынес нам свои скрижали...

Как отзывчив был Гнедич на такой тон и стиль! Даже когда Пушкин опубликовал в «Литературной газете» совсем небольшую, в абзац, заметку о переводе «Илиады», Гнедич пришел в совершеннейший экстаз: «Любезный Пушкин! Сердце мое полно; а я один: прими его излияние... Едва ли мне в жизни случится читать что-либо о моем труде, что было бы сказано так благородно, и было бы мне утешительно и сладко! Это лучше царских перстней» и т. д. (6 января 1830). Ну какие тут эпиграммы? (А переводить Водолей действительно очень любит, несмотря на весьма относительное знание иностранных языков — Гнедич, по воспоминаниям, даже французский знал плохо, и Пушкин даже пародирует сомнительный французский «покойного Гнедича» в письме к жене от 14 и 16 мая 1836, — однако переводы Водолея всегда блистательны: просто он действительно «долго беседует один» с тем, кого переводит).

А вот ответная оценка — на том же, восторженном языке:

Пушкин, Протей
Гибким твоим языком и волшебством
твоих песнопений!

Уши закрой от похвал и сравнений
Добрых друзей!...

Кажется, что так и слышишь знаменитую декламацию Гнедича — воспитателя Семеновой, — «певучую, трескучую, крикливую, но страстную» (С. Т. Аксаков).

Голицына Наталья Петровна

урожд. графиня Чернышева (28 I 1741—1 I 1838) — княгиня, фрейлина «при пяти императорах» (Водолей со всеми общается и сохраняет дружеские отношения, потому и живет, как правило, долго — *Астролог*), петербургская великосветская знакомая Пушкина, прототип графини в «Пиковой даме». В самом деле: Водолею ничего не стоит назвать три магические карты — ни сама Наталья Петровна, ни ее окружение не сердились на пушкинскую повесть, хотя все признали сходство старухи-графини с «Princesse Moustache» («усатой княгиней»).

Н. П. Голицына. Неизв. худ., 1830-е гг.с

А в карты при дворе Наталья Петровна не играла — дамы-иностранки на «королевскую игру» не допускались, о чем сама Голицына и поведала в своих записках...[5]

Гребенка Евгений Павлович

(2 II 1812—15 XII 1848) — украинский и русский писатель, автор перевода «Полтавы» на украинский язык (опять Водолей-переводчик). После выхода книги Пушкин «по свойственной ему доброте», как пишет биограф Гребенки, принял живое участие в начинающем писателе и якобы даже перевел на русский язык одну его басню: «Волк и огонь». И какие веселые стихи написал этот Водолей в память Пушкина:

Вот весенний ветер веет,
Чист и ясен небосвод,
И душисто зеленеет
Молодой кудрявый лес;
Развернулся луг цветами,
Зажурчал опять ручей,
И опять между кустами,
Будто Пушкина стихами
Хвалит Бога соловей.

Давыдова Аглая Антоновна

урожд. герцогиня де Граммон (28 I 1787—5 III 1842) — жена А. Л. Давыдова, родственника поэта-партизана, знакомая Пушкина по Каменке и Киеву. «Эта женщина, весьма хорошенькая, ветреная и кокетливая, как истая француженка, искала в шуме развлечений средство не умереть со скуки в варварской России», — писал о ней В. Д. Давыдов, сын поэта-партизана[6]. Предмет недолгого увлечения поэта; Пушкин включил ее в Дон-Жуанский список, посвятил ей несколько стихотворений, составивших ей громкую и вполне определенную славу, например:

Иной имел мою Аглаю
За свой мундир и черный ус,
Другой за деньги — понимаю,
Другой за то, что был француз,
Клеон — умом ее стращая,
Дамис — за то, что нежно пел.
Скажи теперь, мой друг Аглая,
За что твой муж тебя имел?

Эпиграмму эту Пушкин сообщил в письме к брату с припиской: «Вот тебе еще эпиграмма, которую ради Христа не распускай, в ней каждый стих — правда». Самый лучший способ скрыть что-либо — это сообщить Тельцу и добавить: «только не распускай» —

Рис. Пушкина 1823 — Аглая?

так и вышло... Увы, Пушкин дал повод игривой француженке укрепиться в своем низком мнении о «северных варварах» — но это же замечательно, это игра такая! А тянулась Аглая к Пушкину с невероятной силой — как все Водолеи. Вынести не в меру продолжительное общение с Водолеем и его беспардонные притязания Близнецам помогает только их чувство юмора, а порой и сатира:

Оставя честь судьбе на произвол,
Давыдова, живая жертва фурий,
От малых лет любила чуждый пол,
И вдруг беда! Казнит ее Меркурий,
Раскаяться приходит ей пора,
Она лежит, глаз пухнет понемногу,
Вдруг лопнул он; что ж дама? —
«Слава богу!
Все к лучшему: вот новая <...>

Дантес (d'Anthès)
Геккерн Жорж-Карл

(5 II 1812—2 XI 1895) — барон; приемный сын Геккерна, с февраля 1834 корнет, с января 1836 поручик Кавалергардского полка. Приехал в Россию 8 сентября 1833. 26 января 1834 Пушкин записал в дневнике: «Барон д'Антес и маркиз Пина, два шуана, будут приняты в гвардию прямо офицерами. Гвардия ропщет». Тут странно все: и совпадение даты записи почти день в день с роковым 27 января, и сам факт, что Пушкин почему-то счел нужным отметить в дневнике такое, казалось бы, малозначительное для его личной жизни событие.

День каждый, каждую годину
Привык я думой провождать,
Грядущей смерти годовщину
Меж их стараясь угадать...

А если не только «день каждый», но и человека? Ведь всегда в памяти слова гадалки о «weisskopf» — «белой голове» и 37-ом году жизни. Да и жизнь становится «местом, где жить нельзя» — не лучше ли самому угадать и выбрать? Славный малый — Дантес нравился абсолютно всем: его обожали женщины, он был принят у Вяземского, в доме Карамзина, он понравился Пушкину: с ним было весело шутить, он такой остроумный, веселый. «Пушкину чрезвычайно нравился Дантес за его детские шалости», — свидетельствовал Соболевский [7]. Пушкин и Дантес не были созданы для вражды; они были созданы для приятельских отношений, для веселой дружбы. В доме Пушкина для Дантеса заключалась магическая притягательность: там был Праздник (Пушкин) и там была Смерть (Наталия Николаевна) — куда же он мог деться от этого дома? Невыносимо было Дантесу, невыносимо было Наталье Николаевне, этой земной обычной женщине, оказавшейся между двумя представителями непредсказуемой воздушной стихии, — как ей было понять их нечеловеческие игры; как было свыкнуться с невероятными потоками энергии, идущими от них друг к другу через нее? Веселее всех здесь Близнецам: это они режиссируют невероятный спектакль Праздника и Смерти, сами играют в нем главную роль, а Водолей как Духовный Партнер и Дева как Материнский Знак — послушно играют те роли, которые им отвел режиссер. За спектаклем наблюдает еще один умелый режиссер: Стрелец, всегда готовый принять участие в постановке (Дантес позднее говорил В. Д. Давыдову в Париже, что «и помышления не имел погубить Пушкина, а вышел на поединок единственно по требованию усыновившего его барона Геккерна»), но его вмешательство на высшем уровне и не нужно: Близнецы все придумали сами, — разве что на уровне деталей, событий, поступков...

Дантес. 1844 г.

И не случайно почти единодушное сочувствие к Дантесу после случившегося, даже среди многих друзей Пушкина.

Дантеса не за что обвинять: он просто выполнил то, что от него хотели Близнецы, он блистательно сыграл отведенную ему роль в Близнецовом спектакле ухода из надоевшего мира. «Жоржу не в чем себя упрекнуть», — сообщал Геккерн его сестре 29 марта 1837. — Его противником был «безумец», которому «просто жизнь надоела, и он решился на самоубийство, избрав руку Жоржа орудием для своего переселения в другой мир». Все верно: марионетка, актер в спектакле, которого он сам не понимает.

В выборе актера Пушкин не ошибся: им должен был стать именно Водолей, обаятельный, дружный со всеми и равнодушный ко всем и ко всему, а в первую очередь — к поступкам. Отрешенность Водолея, его безразличие к внешнему миру делают из него отличного зомби в умелых руках. Умелые руки нашлись, даже две пары: если бы Близнецы вдруг ошиблись, Стрелец дал бы Водолею нужную команду в нужный момент. И Близнецы и Стрелец обладают механизмами воздействия на психику Водолея на тонком уровне, поэтому и не надо осуждать Дантеса за убийство Пушкина: кто же осуждает зомби? Близнецам так хотелось.

Даргомыжский Александр Сергеевич

(14 II 1813—17 I 1869) — композитор, автор музыки на произведения Пушкина — кантаты «Торжество Вакха», опер «Русалка», «Каменный гость» и 29 романсов. Гениальность сочеталась в Даргомыжском с поразительной внешней нелепостью (как у многих Водолеев — *Астролог*): «это нынешний гений, но он так обижен природой, что, несмотря на его невеселый характер, на него невозможно смотреть, а главное, слышать, чтобы не хотелось рассмеяться — до того у него шутовской голос» (О. С. Павлищева мужу, 12 сентября 1835 [8]). Однако именно этот «шут» исполняет пушкинское желание увидеть оперу на сюжет «Русалки» (и разве может Водолей не выполнить заказа Близнецов? он ведь воспринимает его как проявление Высшей Воли — *Астролог*). А еще Судьба распорядилась, чтобы именно этот «маленький человечек в голубом сюртуке и красном жилете, который говорил пискливым сопрано» (свидетельство М. И. Глинки), написал романс «Юношу горько рыдая ревнивая дева бранила...» и перенес в музыку пушкинский гекзаметр, пушкинский образ античной красоты так, как это больше никогда и никому не удавалось.

Дау, Доу (Dawe) Джорж

(8 II 1781—15 X 1829) — английский портретист и живописец, автор около 300 портретов русских военачальников для «Военной галереи» Зимнего дворца. Астролог скажет, что портреты, рисованные Водолеем, мистичны и имеют странную судьбу: Водолей ведь творит не только «из себя» — через него всегда себя выражает Космос. Недаром Пушкин в «Полководце», говоря о «презрительной думе», которую выразил Дау в своем портрете Барклая де Толли, усомнился,

Свою ли точно мысль художник обнажил,
Когда он таковым его изобразил,
Или невольное то было вдохновенье...

А видеть свою «думу» запечатленной в портрете Дау Пушкин не захотел:

Зачем твой дивный карандаш
Рисует мой арабский профиль?
Хоть ты векам его предашь,
Его освищет Мефистофель...

Услышано: портрет, уже готовый, исчез — возможно, отыщется «в веках»?

Дельвиг Софья Михайловна

урожд. Салтыкова (1 II 1806—16 III 1888) — жена Дельвига (с 30 октября 1825). «Я отдался тебе на жизнь и смерть. Береги меня твоей любовью, употреби все, чтобы сделать меня высочайшим счастливцем, или скорее скажи: «умри, друг», — и я приму это слово, как благословение», — писал Лев невесте [9]. (Да, Льва надо беречь, а астральный брак, увы, не способствует этому: у каждого из парт-

неров слишком много своего, жизнь каждого слишком богата и насыщенна, к тому же Водолей не замечает внешнего мира и такая ерунда, как каждодневная забота о своем Льве, просто не может прийти в голову — *Астролог*).

«Она была очень добрая женщина, очень миловидная, симпатичная, прекрасно образованная, но чрезвычайно вспыльчивая, так что часто делала такие сцены своему мужу, что их можно было выносить только при его хладнокровии. Она много оживляла общество, у них собиравшееся» (в основном мужское — *Авт.*), — вспоминает А. И. Дельвиг. «Баронессу Дельвиг я видела только два раза, она не любит, чтобы ее посещали, — женщины, разумеется. Но она всегда со своим кузеном Сапуном и Сомовым, и видели, как она кокетничала в церкви с Розеном» (О. С. Павлищева). Алексей Вульф: «С первого дня нашего знакомства показывала она мне очень явно свою благосклонность... Любовные дела мои шли успешно, Софья становилась все нежнее, и ревность мужа, казалось, усиливала ее чувства (Водолею ни в коем случае нельзя показывать, что вы его ревнуете, иначе вы получите еще больше поводов для подозрений — *Астролог*)... Софья совершенно предалась своей временной страсти и, почти забывая приличия (а Водолей о них никогда не помнит, потому что не замечает — *Астролог*), давала волю своим чувствам, которыми никогда, к несчастию, не училась она управлять (вот Козерог: соблазняет жену друга, да еще ее же порицает за легкомыслие и забвение приличий: лицемер и фарисей! — *Астролог*)... Я не имел ее

С. М. Дельвиг. Портрет работы К. Шлезигера, 1827.

совершенно, потому что не хотел».

А тут появился Сергей Абрамович Баратынский, брат поэта, — красивый, умный, пылкий... Дельвиг внешне спокоен, и его боль прорывается лишь в стихотворении, им самим тщательно зачеркнутом и опубликованном лишь столетие спустя.

За что, за что ты отравила
Неисцелимо жизнь мою?
Ты как дитя мне говорила:
«Верь сердцу, я тебя люблю!»

И мне ль не верить?...

«Я отдался тебе на жизнь и на смерть...» Когда действительно пришла Смерть, Софья Михайловна была искренне удивлена: «Это — рана, которая никогда не закроется. Потерять такого друга, как он, в таком возрасте! После того, что я испытала такое глубокое счастие в продолжение пяти лет... Он был человек необыкновенный и муж необыкновенный. Конечно, я не была достойна такого человека, однако было слишком жестоко отнять его у меня» [10]. Она действительно искренне не понимает, почему у нее вдруг отняли Льва: было домашнее животное, привычное, всегда на месте — и вдруг... За что? Почему? Не себя же винить: ее любовь к «дорогому Антоше» — эта «небесная любовь, божественная, это восхитительное чувство, которое я не могу определить» (С. М. Дельвиг — к А. Карелиной [11]), — была так возвышенна, и разве эту высокую любовь могли омрачить какое-то мелкие малозначительные увлечения?

Пушкин, конечно, все это видел, все знал, но слишком любил и берег Дельвига, чтобы касаться этой темы. Однако не скрывал, что не питает к Софье Михайловне особой симпатии: в письмах весьма сухо называет ее «баронессой». Водолею же, не отличающемуся наблюдательностью, все нипочем: Софья в восторге от Пушкина, от «нашего милого, доброго Пушкина», как она наивно, не замечая его холодности, именует его в письме к подруге (А. Карелиной). И разве сам Пушкин своей поэзией не ос-

вятил право жены на легкую измену? Софья с удовольствием находит свое отражение в зеркале пушкинской поэзии: когда Пушкин однажды застает ее наедине с Вульфом, Софья Михайловна приходит в смятение, но Анна Петровна Керн показывает ей послание Пушкина к А. Родзянке, которое мигом ее утешает:

Благопристойные мужья
Для умных жен необходимы:
При них домашние друзья
Иль чуть заметны, иль незримы.

Что ж, «умная жена» могла торжествовать: сам Пушкин предвосхитил и воспел, себе на горе, крах семейного счастья своего лучшего друга. (Общность судеб Близнецов и Льва: им обоим помогли уйти из этой жизни равнодушные Водолеи... — *Астролог*).

Через полгода после смерти Дельвига Софья Михайловна тайно обвенчалась с С. А. Баратынским. Пушкин никогда не позволил себе ни слова осуждения о вдове друга, после его смерти помогал ей материально, и лишь дарительная надпись на изданных в пользу вдовы Дельвига «Северных цветах» на 1832 говорит обо всем: «Софье Михайловне Баратынской. От издателя. 15 января 1832. СПб.» Формально очень вежливая надпись, но если вчитаться, она буквально напоена ядом, способным отравить жизнь: «Баратынской — от издателя» — указана новая фамилия; пусть так, она вправе распоряжаться своей жизнью, ей никто не судья, но в этой новой ее жизни Пушкин для нее уже не друг, а безликий «издатель»; а дата? «15 января 1832» — ровно год назад (14 января) не стало Дельвига — прошел лишь год, а ты уже Баратынская: «пары сапог не износила» (не случайно Пушкин в известном послании к Дельвигу обыгрывал шекспировские темы: череп, например, — вот еще одна шекспировская, гамлетовская параллель к жизни Дельвига). Близнецы, как всегда воздушно, одним намеком обозначили весь драматизм ситуации; они не хотят продолжать отношения с мадам Баратынской, у которой новая семейная жизнь, кстати, не сложилась, — новый муж не был великодушным благородным Львом. «Баратынскую — бывшую Дельвиг бьет муж: он ее чубуком бьет беспрестанно... Она бесконечно несчастна», — пишет О. С. Павлищева со слов Л. А. Баратынского [12]. А Софья Михайловна поняла ли пушкинскую надпись? Наверное поняла: она ведь из числа «умных жен»...

↑Дуров Василий Андреевич

(21 I 1799—после 1860) — брат кавалерист-девицы Н. А. Дуровой, городничий Сарапула (1825—1829, 1839—1840) и Елабуги (1831—1835). Встречался с Пушкиным в августе-сентябре 1829 на Кавказских минеральных водах. Пушкин посвятил своим встречам с этим Водолеем целую главку в «Table-talk» . Приведем отрывок — астрологичный до невероятности: «Он лечился от какой-то удивительной болезни, вроде каталепсии (верно: Водолей обожает лечиться, но болезнь у него всегда какая-нибудь необычная, со странным названием и, желательно, совершенно неизлечимая — на вульгарную простуду Водолей никогда не согласится — *Астролог*), и играл с утра до ночи в карты. Наконец он проигрался, и я довез его до Москвы в моей коляске. Дуров помешан был на одном пункте: ему непременно хотелось иметь сто тысяч рублей (все так: за коляску заплатить нечем, но разве это важно, когда готовы тысячи прожектов, как достать сто тысяч? — а на меньшее Водолей и времени и мыслей тратить не будет — *Астролог*). Всевозможные способы достать их были им продуманы и передуманы. Иногда ночью, в дороге, он будил меня вопросом: «Александр Сергеевич! Александр Сергеевич! как бы, думаете вы, достать мне сто тысяч? (и не важно, что будит человека ночью, и что спрашивал это уже сто раз: у Водолея нет комплексов по части такта — *Астролог*). Однажды я сказал ему, что на его месте, если уж сто тысяч были необ-

ходимы для моего спокойствия и благополучия, то я бы их украл. «Я об этом думал», — отвечал мне Дуров. — «Ну что же?» — «Мудрено; не у всякого в кармане можно найти сто тысяч, а зарезать или обокрасть человека за безделицу не хочу: у меня есть совесть». — «Ну, так украдьте полковую казну». — «Я об этом думал». — «Что же?» — «Это можно бы сделать летом, когда полк в лагере, а фура с казною стоит у палатки полкового командира. Можно накинуть на дышло длинную веревку и припречь издали лошадь, а там на ней и ускакать; часовой увидит, что фура скачет без лошадей, вероятно, испугается и не будет знать, что делать; в двух или трех верстах можно будет разбить фуру, а с казною бежать. Но тут также много неудобства. Не знаете ли вы иного способа?» (Чем дальше от жизни и невыполнимее прожект, тем детальнее он рисуется в сознании Водолея — *Астролог*) — «Просите денег у государя». — «Я об этом думал». — «Что же?» — «Я даже и просил». — «Как! безо всякого права?» — «Я с того и начал: ваше величество! я никакого права не имею просить у вас то, что составило бы счастие моей жизни; но, ваше величество, на милость образца нет, и так далее». — «Что же вам отвечали?» — «Ничего». — «Это удивительно. Вы бы обратились к Ротшильду». — «Я и об этом думал». — «Что же, за чем дело встало?» — «Да видите ли: один способ выманить у Ротшильда сто тысяч; было бы так странно и так забавно написать ему просьбу, чтоб ему было весело, потом рассказать анекдот, который стоил бы ста тысяч. Но сколько трудностей!» Словом: нельзя было придумать несообразности и нелепости, о которой бы Дуров уже не думал...»

Комментарий Астролога: в приведенном отрывке Водолей как на ладони — но кое-что можно сказать и о Близнецах: кто еще станет играть с Водолеем в его дурацкие, с точки зрения любого нормального человека, игры и поддерживать в нем огонь творческого поиска, не наблюдая дня и часа? К тому же Пушкина всегда привлекали рыцари одной «неподвижной идеи». Была, наверно, какая-то поэзия в безумной фантазии Дурова, словно бы предвосхитившей «ротшильдовскую идею» «подростка» из романа Достоевского; да разве и пушкинский Германн вынашивает менее фантастический прожект?

«Цинизм Дурова восхищал и удивлял Пушкина», заставлял «хохотать от души» — а за это Близнецы могут многое простить; например, и то, что Дуров оказался chevalier d'industrie [мошенником] и выиграл у Пушкина в карты пять тысяч рублей [13]. Что же, не надо было «восхищаться цинизмом» — не лучший предмет восхищения для нормального человека.

Елизавета Алексеевна

урожд. принцесса Луиза-Мария-Августа (24 I 1779—16 V 1826) — императрица, жена Александра Первого (брак для нее очень нехороший: она в нем выпила всю чашу кошмаров брака по 12-му Знаку — *Астролог*). Пушкин видел Елизавету Алексеевну в Царском Селе на открытии Лицея и на экзаменах, возможно, был ей представлен. «Императрица Елизавета Алексеевна тогда же [на открытии Лицея] нас, юных, пленила непринужденной своею приветливостью ко всем, — вспоминает Пущин в «Записках о Пушкине». — Она както умела и успела каждому из профессоров сказать приятное слово. Тут, может быть, зародилась у Пушкина мысль стихов к ней: «На лире скромной, благородной...» В «Программе автобиографии» Пушкин записал: «Государыня в Царском Селе» (1813). Взгляните на ее пор-

Елизавета Алексеевна.

трет: что-то хрустально-прозрачное, хрупкое, трогательное (такая женщина-Водолей не могла не вызвать вдохновения у Близнецов, которые так любят все необычное — *Астролог*). Елизавета Алексеевна воспета в стихах, формально обращенных к ее фрейлине — Н. Я. Плюсковой:

Я не рожден царей забавить
Стыдливой музою моей.
Но, признаюсь, под Геликоном,
Где Касталийский ток шумел,
Я, вдохновенный, Аполлоном,
Елисавету втайне пел.
Небесного земной свидетель,
Воспламененною душой
Я пел на троне добродетель
С ее приветною красой.
Любовь и тайная свобода
Внушали сердцу гимн простой,
И неподкупный голос мой
Был эхо русского народа.

Карамзин именно императрицу просил (в апреле 1820) о смягчении участи Пушкина. Опальный поэт — и опальная императрица, верная, но покинутая жена: есть основание для взаимной симпатии. Императрице был передан экземпляр «Бахчисарайского фонтана», не без надежды, что она «чем-нибудь отблагодарит» [14]. Но Елизавета Алексеевна, видимо, не могла «отблагодарить», но могла лишь благодарить — и благодарила Карамзина (в письме от 23 февраля 1825) за присылку «новой поэмы Пушкина», чтение которой ей доставило «удовольствие (вероятно, здесь речь идет уже о первой главе «Онегина»).

Жуковский Василий Андреевич

(9 II 1783—24 IV 1852) — поэт, один из ближайших друзей Пушкина. На его глазах прошла буквально вся жизнь Пушкина, начиная с детства, когда Жуковский познакомился с мальчиком в московском доме его родителей, до последней квартиры, до бюллетеней о состоянии здоровья смертельно раненного Пушкина и участия в посмертном обыске.

Жуковский. Автолитография Г. Гиппиуса, 1822; рис. Пушкина 1819.

Штабс-капитану, Гете, Грею,
Томсону, Шиллеру привет!
Им поклониться честь имею,
Но сердцем истинно жалею,
Что никогда их дома нет, —

такую записку оставил в 1818 Пушкин на дверях квартиры Жуковского. Водолея действительно никогда дома нет: он все время у кого-то из друзей, кого-то спасает, за кого-то просит...

Из савана оделся он в ливрею,
На пудру променял свой лавровый венец;
С указкой втерся во дворец,
И там, пред знатными сгибая шею,
Он руку жмет камер-лакею...
Бедный певец! —

Эту эпиграмму, написанную Скорпионом

15 Заказ № 2600

— А. Бестужевым, долго приписывали Пушкину, что показывает полное непонимание как Пушкина, так и Жуковского. Пушкин никогда не смог бы так написать о Жуковском: он его слишком хорошо знал и понимал. И нельзя забывать еще одного слова: любил. Ну да, бесхарактерный, податливый, «ненавистного ему человека не существовало» — но таков уж Водолей: «хрустальная душа», «всегда и во всем неземной», «чистоты душевной совершенно детской, доверчивый до крайности, потому что не понимал, чтобы кто был умышленно зол». Конечно, неземной — кому еще придет в голову положить в основу своего существования идею «любовной дружбы», кто еще уступит другу возлюбленную и напишет при этом:

Любовь друзей не раздружит.
Сим несозревшимünованьем,
Едва отведанным душой,
Подорожу ль перед тобой? [15]

Для Водолея дружба превыше всего, и уж, конечно, превыше любви: ведь любимая женщина, как ни крути, требует, чтобы ее одну предпочли всем, ради нее отказались от всех (что для Водолея совершенно невозможно), а дружить можно со всеми. Настолько со всеми, что неразборчивость Жуковского вызывает тревогу даже у близких друзей. Но Водолея это совершенно не трогает. Дружить — и помогать друзьям. Правда, бывает и так, что помощь оказывается во вред: Водолей ведь не задумывается о реальных обстоятельствах, о действительных желаниях того, кому он помогает, он все воспринимает под соусом вечности — увы! и Пушкину не раз случалось страдать от «всегда и во всем неземной» деятельности Жуковского.

Вот несколько примеров. Весной 1825 Близнецы решают вырваться из Михайловской тюрьмы и обращаются с письмом к Александру I с просьбой отпустить за границу для лечения аневризма. Конечно, аневризм лишь предлог, — но Жуковский все понимает буквально, тут же вмешивается со своей помощью и предлагает искусного врача в Риге. В досаде Пушкин пишет ему: «Вот тебе человеческий ответ: мой аневризм носил я 10 лет и с Божией помощию могу проносить еще года три. Следственно, дело не к спеху, но Михайловское душно для меня. Если бы царь меня до излечения отпустил за границу, то это было бы благодеяние, за которое я бы вечно был ему и друзьям моим благодарен». Жуковский снова не понимает и продолжает заботиться об аневризме: предлагает помощь Мойера, приглашая его приехать в Псков для совершения операции — и Пушкину приходится писать вежливое письмо врачу с отказом от его услуг, а в письмах к друзьям поэт горько сетует на неуклюжее вмешательство Жуковского, погубившее весь замысел.

Или история с просьбой Пушкина об отставке в 1834 и бурная деятельность Жуковского по предотвращению этой отставки, которая могла бы спасти Пушкина, — уступая Жуковскому, Пушкин остается там, где ему нечем дышать, пишет Бенкендорфу «сопливое», по собственному выражению, письмо с извинениями и просьбой не давать ходу отставке. А Жуковский искренне не понимает Пушкина: для него нет ненавистного человека, — значит, и для Пушкина так; пусть остается при дворе.

Жуковский не может понять, что внешний мир может влиять так, что человек задыхается. Близнецы задыхаются — Водолей им в этом не верит. В преддуэльной истории он хлопочет ради Пушкина изо всех сил, но и Геккерна ему жалко — «бедный отец», который силится «отбиться от несчастия, которого одно ожидание сводит его с ума» (Пушкину, 10 ноября 1836). После смерти Пушкина (кстати, любой нормальный человек, не Водолей, посетовал бы на Пушкина за то, что своею смертью испортил ему день рождения) правит его стихи. Можно возмущаться, можно негодовать, гораздо труднее понять: это Водолей — и здесь ничего не сделаешь.

В переписке Пушкина и Жуковского

довольно мало говорится о поэзии; конечно, Пушкина не могло не раздражать, что Жуковский в его стихах слышит лишь свое — свою неизменную христианскую, благочестивую ноту; что прочитав «Демона», он наивно восклицает: «К черту черта! Вот пока твой девиз» (1 июня 1824). И от поучений Жуковского «уважать жизнь», обратиться к «цели», к «высокому» остроумно отмахивается: «Ты спрашиваешь, какая цель у «Цыганов»? вот на! Цель поэзии — поэзия — как говорит Дельвиг (если не украл этого)» (апрель 1825).

Однако и Пушкин тут не остался в долгу — ухитрился услышать у задумчивого, медлительного, благочестивого Жуковского нечто свое — стремительный полет богов по языческому Элизиуму, — и усилить, развить, присвоить этот мотив. Сравните эти ритмы и интонации:

Полетела в тихом свете,
 С обновленною красой,
В дол туманный, к тайной Лете;
 Мнилось, легкою рукой
Гений влек ее незримый;
 Видит мирные луга;
Видит Летою кропимы
 Очарованны брега.

В ней надежда, ожиданье;
 Наклонилася к водам,
Усмиряющим страданье...
 Лик простерся по струям...

Жуковский, «Элизиум»

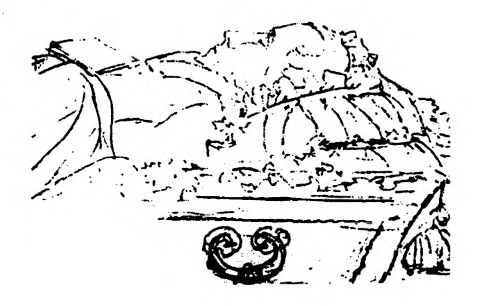
Мчатся, облаком одеты;
Видят вечные луга,
Элизей и томной Леты
Усыпленные брега.
Там бессмертье, там забвенье,
Там утехам нет конца...

Пушкин, «Прозерпина»

Знаменитое пятистишие «К портрету Жуковского» (1818) показывает, как глубоко Пушкин понимал Жуковского уже в юности:

Его стихов пленительная сладость
Пройдет веков завистливую даль,
И, внемля им, вздохнет о славе младость,
Утешится безмолвная печаль,
И резвая задумается радость.

Жуковский и в вечности останется Водолеем: полюбит всех, будет дружен со всеми, постарается угодить всем — и «младости», и «печали», и «радости»...

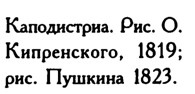
Жуковский В. А. Пушкин в гробу. Рисунок, сделанный почти в день рождения Жуковского...

Каподистриа
Иоанн (Иван Антонович)

(11 II 1776—9 X 1831) — граф; чиновник. В 1816—1822 возглавлял Коллегию иностранных дел, к которой был причислен Пушкин. Почетный член «Арзамаса». По всеобщему мнению, Каподистриа был «хорошо расположен к Пушкину». Вместе с Карамзиным, он, по словам Вигеля, «дерзнул доказать» Александру I «всю жестокость» ссылки на Соловки или в Сибирь и просил «смягчить участь

Каподистриа. Рис. О. Кипренского, 1819; рис. Пушкина 1823.

поэта служебным переводом» в распоряжение Инзова. Именно Каподистриа написал от имени Нессельроде сопроводительное письмо к Инзову, в котором зачем-то упомянул о поэтических красотах оды «Вольность»: «Несколько поэтических пиес, в особенности же ода на вольность, обратили на Пушкина внимание правительства. При величайших красотах замысла и слога, это последнее произведение запечатлено опасными принципами, навеянными ... той анархической доктриной, которую по недобросовестности называют системою человеческих прав, свободы и независимости народов». В другом письме Инзову Каподистриа говорит об «от природы добром сердце» Пушкина, которое, увы, не всегда может противостоять «порывам необузданного воображения» (апрель 1821).

Пушкин полюбит этот взгляд на себя как на «доброго малого» — взгляд немногих добрых начальников, попавшихся на его пути; запечатлеет это свое отражение и в переписке, и в поэзии (см. статью об Инзове). А Каподистриа, похоже, и сам в конце концов не смог противиться «порывам необузданного воображения»: покинул в 1822 Россию, после того как подозрительный Александр стал видеть в нем, по словам Меттерниха, «карбонарского вожака» [16], и в 1827 стал президентом освобожденной Греции. Нет второго такого начальника, с которым у Пушкина-подчиненного было бы столько общего; так что прав оказался А. С. Стурдза, когда написал: «Слава великого подвижника [Каподистриа] лучами своими сольется со славою великого нашего поэта...»

Колосова Александра Михайловна

(16 II 1802—19 III 1880) — петербургская драматическая актриса, ученица Шаховского и Катенина, с 1827 жена В. А. Каратыгина. Пушкин был знаком с нею много лет, творчество ее оценивал в разные годы по-разному.

1818:

О, ты надежда нашей сцены!
Уж всюду торжества готовятся твои,
На пышных играх Мельпомены,
У тихих алтарей любви.

1820:

«Если Колосова будет менее заниматься флигель-адъютантами его императорского величества, а более своими ролями; если она исправит свой однообразный напев, резкие вскрикивания и парижский выговор буквы Р, очень приятный в комнате, но неприличный на трагической сцене; если жесты ее будут естественнее и не столь жеманными ... , — то мы можем надеяться иметь со временем хорошую актрису — не только прелестную собой, но и прекрасную умом, искусством и неоспоримым дарованием» («Мои замечания об русском театре»).

(Вот Близнецовая критика: она не уничтожает, когда Близнецы этого не хотят; она не злая — «надежда нашей сцены» остается таковой — *Астролог*). Но есть и еще стихи на Колосову, из-за которых произошла серьезная размолвка между Пушкиным и Катениным:

Все пленяет нас в Эсфири:
Упоительная речь,
Поступь важная в порфире,
Кудри черные до плеч,
Голос нежный, взор любови...
Набеленная рука,
Размалеванные брови
И широкая нога!

Почему так? Колосова объясняет эту злую шутку личной обидой: якобы Пушкину передали, что Колосова назвала его обезьяной. В таком случае — квиты: эпиграммой за эпиграмму. Так или иначе, через два года уже опять совсем другое:

Кто мне пришлет ее портрет,
Черты волшебницы прекрасной?
Талантов обожатель страстный,

Я прежде был ее поэт...
...Погибни злобы миг единой,
Она виновна, милый друг,
Пред Селименой и Моиной.
Так легкомысленной душой;
О, боги, смертный вас поносит,
Но вскоре трепетной рукой
Вам жертвы новые приносит.

Что ж, можно выдержать и эпиграмму, чтобы тебе потом написали такое; к тому же контрастные по тону стихотворения только привлекают внимание и создают гораздо большую славу, нежели монотонные похвалы, — таково уж своеобразие Близнецово-Водолейских игр. Колосова все так и поняла — по возвращении Пушкина из ссылки они помирились: «Размалеванные брови», — напомнила я ему, смеясь. — «Полноте, Бога ради», — перебил он меня конфузясь и целуя мою руку, — кто старое помянет, тому глаз вон! Позвольте мне взять с вас честное слово, что вы никогда не будете вспоминать о моей глупости...»

Погибни, злобы миг единый...

В начале 1831 Пушкин читал Колосовой и Каратыгину «Бориса Годунова» и просил их прочитать на театре сцену у фонтана — но царь не разрешил постановку.

Краевский Андрей Александрович

(18 II 1810—20 VIII 1889) — журналист, издатель. Познакомился с Пушкиным летом 1835. Выступал посредником между Пушкиным и редакцией «Московского наблюдателя», встречался с Пушкиным на «субботах» Жуковского, заведовал корректурой «Современника», участвовал в подготовке к печати 4-го тома журнала. Вместе с друзьями поэта выносил гроб с телом Пушкина из квартиры; участвовал в разборе бумаг и библиотеки Пушкина. Именно он напечатал в своем издании — в «Литературных прибавлениях к Русскому инвалиду» знаменитый некролог Одоевского («Солнце русской поэзии закатилось...»). Что бы ни затевали Близнецы, Водолей всегда готов был участвовать, хотя прекрасно понимает всю рискованность игр с этим «сорвиголовой», как называет Краевский Пушкина в связи с весьма неосторожным, по его мнению, выпуском в свет оды «На выздоровление Лукулла» [17]. А когда Пушкин, в разгар подготовки очередного тома «Современника», вдруг отправился в Москву и «как бы забыл о «Современнике», Водолейская бесцеремонность оказывается как нельзя кстати: Краевский с Плетневым отправляются на квартиру к Пушкину, берут у Натальи Николаевны ключи от кабинета, роются в бумагах и набирают материалов для журнала. И что же Пушкин — возмутился этим вторжением? Отнюдь: «благодарил за все хлопоты» (из воспоминаний Краевского).

Кривцов Николай Иванович

(21 I 1791—12 IX 1843) — чиновник Коллегии иностранных дел (в 1818—1819 в русском посольстве в Лондоне), в разные годы губернатор Тульской, Воронежской и Нижегородской губерний — Александр I, как истинный 12-й Знак, всю жизнь оказывал Кривцову такие милости и благодеяния, что их ничем, кроме астрологической зависимости, объяснить нельзя: например, стоило Кривцову донельзя развалить дела в одной губернии, как царь, вместо того, чтобы отдать его под суд, тут же переводил Кривцова в другую губернию «для поправления дел» — и так этот Водолей «поправил» очень многое в различных областях российской жизни... С Пушкиным Кривцов познакомился в 1817 у братьев Тургеневых.

Не пугай нас, милый друг,
Гроба близким новосельем:
Право, нам таким бездельем
Заниматься недосуг...
...Смертный миг наш будет светел,
И подруги шалунов
Соберут их легкий пепел
В урны праздные пиров —

типичных отголосок безумных метафизических бесед Близнецов и Водолея, в

Кривцов. Акварель неизв. худ.; рис. Пушкина 1833.

которых о серьезном говорится с кощунственной легкостью, и Водолей «восхищает» Близнецов «своим цинизмом» (как это было и с другим Водолеем — Дуровым), а Близнецы Водолея — легкостью и умом. И в самом деле, Кривцов ценил в Пушкине прежде всего ум: поэт, по его мнению «блещет умом и обещает еще больше в будущем» [18]. В 1818 Пушкин проводил Кривцова в Англию, подарил ему «Орлеанскую девственницу» с надписью «Другу от друга» и стихи с их любимой игрой — «кощунственным» пародированием Библии и религиозного обряда, виртуозным переплетением христианских и языческих реалий:

Когда сожмешь ты снова руку,
Которая тебе дарит
На скучный путь и на разлуку
Святую библию харит?
Амур нашел ее в Цитере,
В архиве шалости младой.
По ней молись своей Венере
Благочестивою душой.
Прости, эпикуреец мой!
Останься век, каков ты ныне,
Лети во мрачный Альбион!
Да сохранит тебя в чужбине
Христос и верный купидон!

С отъездом Кривцова эта культурологическая игра не сразу прекратилась: «Кривцов не перестает развращать Пушкина и из Лондона и прислал ему безбожные стихи из благочестивой Англии», — писал А. И. Тургенев Вяземскому [19].

По возвращении из Альбиона Кривцов поселился в своей тамбовской деревне; связь с Пушкиным почти прекратилась. И тем не менее за неделю до своей свадьбы Пушкин пишет ему удивительное по своей откровенности письмо, которое заставляет исследователей просто разводить руками — почему именно Кривцову? «Нынешней осенью был я недалеко от тебя. Мне брюхом хотелось с тобой увидаться и поболтать о старине — карантины мне помешали. (чисто Близнецовое «сожаление» о невстрече — но если Близнецам встречи на самом деле хотелось бы, то никакие карантины их бы не остановили — *Астролог*)... Я хладнокровно взвесил выгоды и невыгоды состояния, мною избираемого ... Мне за 30 лет. В тридцать лет люди обыкновенно женятся — я поступаю как люди и, вероятно, не буду в том раскаиваться. К тому же я женюсь без упоения, без ребяческого очарования. Будущность является мне не в розах, но в строгой наготе своей. Горести не удивят меня; они входят в мои домашние расчеты. Всякая радость будет мне неожиданностью...»

Удивляться этому письму можно только совсем не зная Близнецов. Для них трудно говорить о своих заботах даже с самыми близкими людьми; с самыми близкими — как раз труднее всего. А Кривцов — далеко, и вряд ли когда встретятся. А может быть, как раз в этом все и дело? Близнецам в этой ситуации был не нужен практический совет; им нужно было высказаться именно человеку, не способному дать реальный совет, человеку, который не станет проливать слезы, давать наставления, который не примчится выручать... Это ведь не приглашение к диалогу; Пушкину не нужен ответ Кривцова: он и хотел послать письмо именно человеку, который все воспримет под соусом вечности и ответит лет через десять. Это странное письмо подобно брошен-

ной в море бутылке: главное — его послать, а когда его выловят — совершенно неважно, и даже хорошо бы попозже. Ведь кончается оно для нормального человека совсем необъяснимо: «На днях получил я чрез Вяземского твое письмо, писанное в 1824. (Напомним, что на дворе февраль 1831 — *Авт.*) Благодарю, но не отвечаю». Это значит: и ты не отвечай... Такая реакция была нужна Пушкину от равнодушного к реальному миру Водолея: прочитать — и не ответить, но сохранить. Чтобы потом, когда все «горести», так точно предсказанные Пушкиным в этом письме, произойдут, вспомнить о письме из бутылки. После этого письма Пушкин не раз встречался с Кривцовым, но письмо в бутылке ждало своего часа...

Крылов Иван Андреевич

(13 II 1768 или 1769—21 XI 1844) — баснописец, драматург. Его обжорство, леность, неопрятность вошли в легенду (впрочем, это общие грехи всех Водолеев: уж если не замечать внешнего мира — так во всем — *Астролог*). Вот характерный анекдот о Крылове. Однажды, собираясь на придворный бал, он советовался со своим другом Олениным, как ему одеться, чтобы никто не узнал. Маленькая Дева-язва Аннетта сказала «дедушке Крылову»: «А вы умойтесь и причешитесь — никто вас и не узнает». Вигель вспоминал о нем: «...В этом необыкновенном человеке были заложены зародыши всех талантов... Одного ему не было дано: душевного жара, священного огня, коим согрелась, растопилась бы сия масса. Человек этот никогда не знал ни дружбы, ни любви, никого не удостаивал своего гнева, никого не ненавидел, ни о ком не жалел. Две трети столетия прошел он один сквозь несколько поколений, одинаково равнодушный как к отцветшим, так и к зреющим. С хозяевами домов, кои по привычке он часто посещал, где его лелеяли, откармливали, был он очень ласков и любезен; но если печаль какая их постигала, он неохотно ее разделял».

Пушкин встречался с Крыловым часто, как художника его ценил очень высоко и как художнику прощал ему все неприятные Водолейские черты, которые просто бесили его друзей. «Ты умозрительно критикуешь Крылова, — писал он Вяземскому (ок. 7 ноября 1825), — молчи, то знаю я сама, да эта крыса мне кума. Я назвал его представителем *духа* русского народа, — не ручаюсь, чтоб он отчасти не вонял. В старину наш народ назывался «смерд». Дело в том, что Крылов преоригинальная туша».

«Деятельность современников не возбуждала его участия» [20], — и тем не менее почти ко всему равнодушный Крылов питал к Пушкину симпатию, которая проявилась в поразившем весь литературный мир событии: Крылов написал эпиграмму! Ожесточенная критика Воейкова на «Руслана и Людмилу» «вывела Крылова из его равнодушия» [21], и в защиту Пушкина раздалось веское слово баснописца:

Напрасно говорят, что критика легка:
Я критику читал Руслана и Людмилы —
Хоть у меня довольно силы,
Но для меня она ужасно как тяжка.

А на знаменитом «новоселье» смирдинской книжной лавки в 1832 после здравицы Крылову Иван Андреевич встал и сам предложил выпить здоровье Пушкина, — тем самым ставя его рядом с собой, сразу за собой. В литературном сознании уже той эпохи, уже в 1832, Крылов и Пушкин стоят рядом, — но попробуйте найти хотя бы черту сходства между этими столь непохожими людьми! Может, это сходство проявилось как-то причудливо: например, в том, что Крылов, как и Пушкин, никогда не выез-

Крылов. Рисунок О. Кипренского.

жал за пределы России; или, быть может, в их общей странной любви к пожарам? Известно ведь, что «по большей части проводя время в неподвижности, Крылов бывал всегда проворен и даже с постели вскакивал одеваться, когда ему сказывали, что где-нибудь виден пожар. Это было для него занимательнейшее зрелище. Он не пропустил ни одного из больших пожаров в городе... От этой странной черты любопытства его произошло и то, что в его баснях все описания пожаров так поразительно точны и оригинально хороши» [22]. И Пушкин «всегда ездил на пожары» [23], наверняка они встречались там с Крыловым — и о чем при этих странных встречах разговаривали? И не у Крылова ли черпал вдохновение Пушкин, когда так живо описал пожар в «Дубровском»?

Что-то символичное есть в их последних встречах: за день или два до дуэли Пушкин посетил Крылова, «был особенно весел... потом вдруг, как будто вспомнив о чем-то, торопливо простился с Крыловым» [24]; а 29 января 1837 Крылов — именно Крылов! — «закрыл глаза» умершему поэту; по свидетельству А. И. Тургенева, Крылов — «последний из простившихся с хладным телом Пушкина»...

Михаил Павлович

(8 II 1798—9 IX 1849) — великий князь, брат Николая I. Встречался с Пушкиным в дворцовых и великосветских кругах Петербурга. 18 марта 1830 Е. М. Хитрово писала Пушкину о желании Михаила Павловича «с ним познакомиться, а еще больше того — побеседовать с ним обстоятельно». Вот одна из этих обстоятельных бесед, отмеченная Пушкиным в дневнике в декабре 1834: «Утром того же дня встретил я в Дворцовом саду великого князя. «Что ты один здесь философствуешь?» — «Гуляю». — «Пойдем вместе». Разговорились о плешивых. «Вы не в родню, в вашем семействе мужчины молоды оплешивливают». (Близнецы Водолею могут сказать все что угодно — *Астролог.*) — «Государь Александр и Константин Павлович оттого рано оплешивели, что при отце моем носили пудру и зачесывали волоса; на морозе сало леденело, и волоса лезли. Нет ли новых каламбуров?» — «Есть, да нехороши, не смею представить их вашему высочеству». — «У меня их также нет; я замерз». Доведши великого князя до моста, я ему откланялся (вероятно, противу этикета)».

Михаил Павлович. Портрет, приписывавшийся О. Кипренскому.

Великий князь был большой охотник до остроумия; но, увы, у Пушкина каламбуров не находилось — зато находились парадоксы, причем не слишком приятные: «Вы настоящий представитель вашего семейства, — сказал я ему: — все Романовы — революционеры и уравнители». — «Спасибо: так ты меня жалуешь в якобинцы! Благодарю, вот репутация, которой мне не доставало». Михаил Павлович явно раздражен, а Пушкин словно не замечает и лишь радуется, что сумел высказать «истину с улыбкой»: «Я успел высказать ему многое. Дай Бог,

чтобы слова мои произвели хоть каплю добра!»

Мотив каламбуров, любимых великим князем, имел продолжение. Большим мастером каламбура был Дантес, и хотя его остроты не нравились Пушкину («Я не могу позволить, чтобы ваш сын ... осмеливался обращаться к ней [Наталье Николаевне] с казарменными каламбурами», — писал он к Геккерну 26 января 1837), они очень нравились Михаилу Павловичу. О «плохих каламбурах» Дантеса как о возможной причине дуэли упоминает и П. П. Вяземский [25]. Эта великокняжеская любовь к каламбурам имела фатальные последствия: когда граф В. Ф. Адлерберг, начальник Военно-походной канцелярии, предложил Михаилу Павловичу (который был главнокомандующим гвардейского корпуса) удалить на время Дантеса из Петербурга, тот воспротивился: ведь Дантес «подкупал своим острословием, до которого великий князь был большой охотник» [26].

После смерти Пушкина Михаил Павлович встретил в Бадене Дантеса, разжалованного в солдаты и высланного за границу. Великий князь на три дня расстроился от этой встречи: «Пушкину туда и дорога... А Дантес! Бедный! Подумайте, ведь он солдат!»

Мусина-Пушкина Эмилия Карловна

урожд. Шернваль фон Валлен (10 II 1810—29 XI 1846) — сестра роковой красавицы Авроры Шернваль, жена В. А. Мусина-Пушкина. «В Петербурге произвели фурор ее белокурые волосы, ее синие глаза и черные брови» [27]. 17 ноября 1832 Долли Фикельмон записала в дневнике, что Мусина-Пушкина «сияет новым блеском благодаря поклонению, которое ей воздает поэт Пушкин». Современники постоянно сравнивали красоту «графини Эмилии» и Натальи Николаевны: даже сестра поэта писала мужу: «на мой взгляд, есть женщины столь же красивые, как она [Наталья Николаевна]: графиня Пушкина не дурнее» [28]; а Пушкин в письме от 14 сентября 1835 спрашивал жену: «Счастливо ли ты воюешь со своей однофамилицей?»

«Бледная, молчаливая, напоминающая не то букет белых лилий, не то пучок лунных лучей, отражающихся в зеркале прозрачных вод», — писал о ней в дневнике (18 января 1837) слегка влюбленный в нее Вяземский. И не он один вспомнил о лилии:

Графиня Эмилия
Белее, чем лилия,
Стройней ее талии
На свете не встретится,
И небо Италии
В глазах ее светится,
Но сердце Эмилии
Подобно Бастилии —

это не Пушкин, конечно, — Лермонтов; но очень точно о самых красивых в Зодиаке и прозрачно-холодных женщинах-Водолеях, словно облекших в плоть загадочную «лилею» раннего пушкинского стихотворения:

Цветку скажи:
Прости, жалею!
И на лилею
Нам укажи.

Умерла «Графиня Эмилия» по-пушкински, в 36 лет — «точно старость не посмела коснуться ее лучезарной красоты», — прекрасно сказал В. А. Соллогуб. И умерла смертью, которую не назовешь естественной: заразилась тифом, ухаживая за больными крестьянами во время эпидемии.

И хладно руку жмет чуме,
И в погибающем уме
Рождает бодрость...

Э. В. Мусина-Пушкина. Портрет работы В. И. Гау, 1849.

Мятлев Иван Петрович

(8 II 1796—25 II 1844) — поэт, автор сборника стихотворений и поэмы «Сенсации и замечания г-жи Курдюковой за границею, дан л'этранже». Изобрел шутливый макаронический стиль, в котором забавно перемешивались русские и французские слова. А. О. Смирнову он, например, воспел следующим образом:

На фортах вы послушайте, —
Ке се ке са ле Фильд!
Ее дине покушайте, —
Ке се ке са Ротшильд!
Хозяйка презатейная,
Дворецкий есть Франсуа,
И челядь есть ливрейная,
И сервитёр, — се муа!

Пушкин был с Мятлевым в приятельских отношениях, любил слушать его «уморительные стихи», которые, по утверждению Соболевского, «очень любил и постоянно твердил». Мы знаем, как высоко Пушкин ценил искусство сочинения галиматьи, а Мятлев все-таки был выдающийся мастер этого жанра и мог, быть может, посоперничать с самим Хвостовым. Вот как, например, пригласил он Пушкина и Вяземского к себе на дачу в село Знаменское (27 июля 1833):

Итак, вот вам мой рапорт и донесение;
приезжайте же с Пушкиным
в воскресение:
мы дадим вам супа и пирога,
а впрочем остаюсь ваш покорный слуга...

Случилось им и вместе сочинять шуточные поминальные стихи («Надо помянуть, непременно помянуть надо...») — любимая, знакомая уже нам по Кривцову, игра: «кощунственное» пародирование церковного ритуала. Кстати, кому, кроме Водолея, могла прийти в голову мысль купить у Пушкина бронзовую статую Екатерины? Никому и не пришла — только Мятлеву.

Полторацкий Сергей Дмитриевич

(4 II 1803—19 I 1884) — офицер, библиограф и библиофил, восторженный почитатель творчества Пушкина и горячий пропагандист его поэзии на Западе. Уже в годы ссылки Пушкина Полторацкий писал о нем во французском журнале «Revue Encyclopédique», посылал в редакцию сочинения поэта. В 1823 за заметку об оде «Вольность» и стихотворении «Деревня» («в котором, дав восхитительную и верную картину красот природы и сельских забав, поэт скорбит о печальных следствиях рабства и варварства, высказывая ... светлую надежду на зарю свободы, которая воссияет для его родины»), Полторацкий был даже уволен со службы и выслан в деревню под надзор полиции — и все это еще до личного знакомства с Пушкиным. Познакомились они по возвращении поэта из ссылки — завязались обычные Близнецово-Водолейские отношения: часто встречались, много смеялись, а еще больше играли. Летом 1828 Пушкин писал Вяземскому: «Пока Киселев и Полторацкий были здесь, я продолжал образ жизни, воспетый мною таким образом:

А в ненастные дни собирались они часто,
Гнули, мать их <е...и>, от пятидесяти
на сто.
И выигрывали, и отписывали мелом.
Так в ненастные дни занимались они
делом...»

Однажды Полторацкий предложил Пушкину поставить против тысячи рублей письма Рылеева к Пушкину. Поэт сначала согласился, но тотчас опомнился и воскликнул: «Какая гадость! Проиграть письма Рылеева в банк! Я подарю их вам!». Пообещал — и забыл, а Водолей не забыл, и как-то ничтоже сумняшеся перехватил их у Пушкина и списал [29].

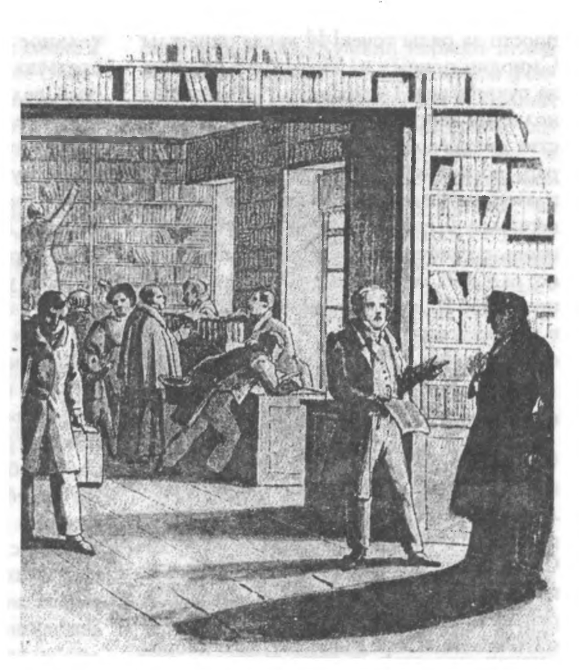
Смирдин Александр Филиппович

(1 II 1795—28 IX 1857) — петербургский книгопродавец, издатель, содержатель книжного магазина и библиотеки. Знакомство и деловые отношения с Пушкиным начались у Смирдина по возвращении поэта из ссылки: не перечислить всех смирдинских изданий произведений Пушкина.

Пушкин присутствовал на знаменитом

Смирдинском обеде 19 февраля 1832, когда за столом собрались представители всех литературных партий. Только Водолею могла прийти в голову такая безумная мысль: собрать всех, врагов и недругов, за одним столом — и ведь собрались! Очень уж хотелось Смирдину превратить свою лавку в универсальный литературный салон, где «цвели бы все цветы», все писатели встречались бы и дружили, — и весьма удачно польстил книгопродавцу А. Е. Измайлов в обращенном к нему четверостишии:

Когда к вам не придешь,
То литераторов всегда у вас найдешь,
И в умной дружеской беседе
Забудешь иногда, ей-ей, и об обеде.

В книжной лавке Смирдина. Эскиз А. Сапожникова.

Но брезгливые, неблагодарные Близнецы увидели тут совсем другое: крайнюю неразборчивость Водолея в связях, доходящую до нечистоплотности. И хвалебное четверостишие Измайлова — маленький гимн писательской дружбе — превратилось у Пушкина в эпиграмму:

Коль ты к Смирдину войдешь,
Ничего там не найдешь,
Ничего ты там не купишь,
Лишь Сенковского толкнешь
Иль в Булгарина наступишь.

Однако сам Пушкин, так иронически описавший Водолейское неодолимое влечение к дружбе со всеми, сам при случае рад был воспользоваться этим свойством Смирдина: «Шепни мое имя Смирдину, чтобы он перешепнул покупателям», — пишет он в связи с анонимным изданием «Повестей Белкина» Плетневу (ок. 15 августа 1831).

Не раз говорил Пушкин о Смирдине то с убийственным сарказмом: «Смирдин такая дура, что с ним связываться невозможно» (Нащокину, январь 1836); то с нескрываемым раздражением на безалаберность и бестолковость книгоиздателя: «пиши мне ..., а не к Смирдину, который держит твои письма по целым месяцам, а иногда, вероятно, их затеривает» (Нащокину, ок. 8 января 1835); «Смирдин не сдержал своего слова» (Е. П. Люценке, 19 августа 1835); «Смирдин опутал сам себя разными обязательствами, накупил романов и тому под., и ни к каким условиям не приступает» (Погодину, 11 июля 1832).

Смирдин меня в беду поверг;
У торгаша сего семь пятниц на неделе,
Его четверг на самом деле
Есть после дождичка четверг.

И все же напрасно так ругал Пушкин своего издателя: ведь Смирдин, как завороженный зомби, выполнял (конечно, когда мог) почти любые требования и прихоти Пушкина: платил ему по 11 рублей за стих, да еще золотом, — поскольку, видите ли, «их супруга, кроме золота, не желала брать других денег в руки» [10], — да еще Пушкин требовал платить и за строки, исключенные цензурой, то есть

просто за ряды точек! И когда однажды Смирдин пришел на квартиру Пушкина за рукописью «Гусара», то Наталья Николаевна при молчаливом попустительстве супруга потребовала удвоить гонорар, поскольку ей не хватало на новое платье, — Смирдин, как автомат, вышел, вернулся к себе, взял деньги и пришел вновь с требуемой суммой. И сам словно рад был этому своему подчинению: предлагал даже Пушкину 2 000 рублей в год все равно за что — «лишь бы писал что хотел» [31].

Строганов Григорий Александрович

(24 I 1770—19 I 1857) — барон, с 1826 граф; двоюродный дядя Натальи Николаевны, член Верховного суда над декабристами, член Государственного совета. Строганов «пользовался такою известностью своими успехами в полях Цитерейских, что у Байрона в «Дон Жуане» мать хвастает перед сыном своею добродетелью и говорит, что ее не соблазнил даже и граф Строганов», — говорит о нем Бартенев [32]. Этот Дон Жуан — просто классический пример Водолейской всеядности и беспринципности в общении. Летом 1828 Строганов подписал протокол Государственного совета об учреждении секретного надзора над поэтом — однако это не мешает частым встречам и общению Пушкина со Строгановым в Петербурге и Царском Селе, не мешает Строганову передавать Пушкину из-за границы журналы со статьями о нем. А дуэльная история? Тут человек с нормальной психикой просто теряется при анализе поведения Строганова. Григорий Александрович с большой симпатией относился к Дантесу, он и его жена Юлия Павловна были посаженными родителями на его свадьбе, 13 января он дал торжественный обед в честь новобрачных и вообще держал сторону Дантеса и считал его «невинно осужденным». Между тем именно Строганов, «отличавшийся отличным знанием всех правил аристократической чести», «объявил Дантесу решительно, что за оскорбительное письмо непременно должно драться» [33], — иначе говоря, тупо сыграл роль великосветского Зарецкого; а мог бы и сделать некоторые выводы из литературного первоисточника! Это не помешало ему «неотлучно» находиться в квартире раненого Пушкина, несмотря на то, что сын Григория Александровича (Козерог) предупреждал отца не ездить туда, так как увидел там «такие разбойничьи лица и такую сволочь», — но разве этим Водолея остановишь? После смерти Пушкина граф Строганов взял на себя расходы по похоронам и возглавил Опеку над детьми и имуществом Пушкина; и совсем трогательная деталь — при разборе библиотеки поэта Строганов захватил себе на память экземпляр «Путешествия из Петербурга в Москву» Радищева с надписью-автографом Пушкина. (Этих Водолеев, как и Россию, которая, кстати, находится под знаком Водолея, «умом не понять» — *Астролог*).

Толстой Федор Иванович

(17 II 1782—5 XI 1846) — граф; отставной гвардейский офицер, известный авантюрист, бретер и карточный игрок, прозван «Американцем» за свое пребывание на Алеутских островах; мимо него не смогли пройти в своем творчестве ни Грибоедов, ни Лев Толстой. Даже высокоморальная Дева (Л. Н. Толстой, приходившийся, кстати, этому авантюристу двоюродным племянником) принуждена была дать ему такую характеристику: «необыкновенный, преступный и привлекательный человек». Один из современников вспоминал о нем так: «Если бы он вас полюбил, и вам бы захотелось вставить в браслет звезду с неба, он бы ее достал. Для него не было невозможного, и все ему покорялось. Клянусь вам, что в его присутствии вы не испугались бы появления льва». (Водолей именно таков: слова «невозможно» нет в его лексиконе; и обычные моральные мерки к его поступкам неприменимы — *Астролог*). Когда Толстой просто так сообщил в письме к Шаховскому, что Пуш-

кина высекли за вольнолюбивые стихи в Тайной канцелярии, возмущенные Близнецы решили при первой же возможности вызвать обидчика на дуэль (благо пострадавший в Кишиневе, а обидчик в Москве). А пока — стихи:

А шутку не могу придумать я другую,
Как только отослать Толстого к <...>

Дуэль легко могла бы состояться: Водолею все равно, с кем стреляться, — но это был еще не Тот Водолей... А отложенная дуэль пригодилась в «Выстреле». Шли годы, противники обменивались эпиграммами:

В жизни мрачной и презренной
Был он долго погружен,
Долго все концы вселенной
Осквернял развратом он.
Но, исправясь понемногу,
Он загладил свой позор,
И теперь он — слава Богу —
Только что картежный вор. —

это Пушкин. Играя в карты, Толстой действительно считал нужным, как он сам выражался, «исправлять ошибки Фортуны» [34]. А это ответ Толстого:

Сатиры нравственной язвительное жало
С пасквильной клеветой не сходствует ни мало.
В восторге подлых чувств ты, Чушкин, то забыл.
Презренным чту тебя, ничтожным сколько чтил.
Примером ты рази, а не стихом пороки,
И вспомни, милый друг, что у тебя есть щеки.

Слава богу, журналы неохотно брали подобные дружеские послания... По приезде в Москву Пушкин первым делом велел Соболевскому передать вызов Толстому — но того не оказалось в Москве, а там врагов помирили — и опять пошли общие кутежи; на записку 1828 года с приглашением на приятельскую пирушку, подписанную Пушкиным, С. Д. Киселевым и Д. Н. Бологовским, Толстой отвечает очень характерно: «О, пресвятая и живоначальная троица, явлюсь к вам, но в полупитой, не вином, а наливкою, кою приемлете яко предтечу Толстова» [35]. Как не узнать здесь знакомую — по Кривцову, Мятлеву, другим Водолеям, — богохульную игру?

Ф. И. Толстой. Неизв. худ., 1803; рис. Пушкина 1823.

В 1829 Толстой был посредником в сватовстве Пушкина к Наталье Николаевне. Как все-таки в этом браке сразу зазвучала тема Водолея и дуэли!

Близнецы — Рыбы

«Воды глубокие плавно текут»

Знаки 1—10. Меркурий и Юпитер; Воздух и Вода; один и тот же Круг Ума; Материнский Знак и Знак Профессии — кажется, должно быть хорошо вместе. Кажется... На самом деле это очень тяжелое сочетание, причем именно для Близнецов. У этих знаков действительно много общего, настолько много, что в традиционной астрологии бытует афоризм: «Разговор Близнецов и Рыб — разговор двух интеллектов: Рыбы все знают про Близнецов, а Близнецы знают, что Рыбы все знают». Но разве можно такое долго выносить? Это два высоко интеллектуальных, сверхинтуитивных знака — Близнецы черпают информацию из воздуха, а Рыбы, живя под водой, видят все подводные течения и все скрытые помыслы; и Близнецы, и Рыбы — это фантазии, сны, вечное вранье (на самом деле вранья нет — просто оба эти знака живут в другой реальности); но при этом Близнецы — легкость воздуха, а Рыбы — тяжесть, застой всей толщи воды (или болота).

Воды глубокие
Плавно текут,
Люди премудрые
Тихо живут —

в этом загадочном четверостишии Пушкин превосходно выразил сущность Рыбы, ее образа жизни.

Близнецы легко перелетают с предмета на предмет, с темы на тему, надо всем смеются; предметов, закрытых для шуток и юмора, они не знают, а Рыбы — знают. Рыбы вообще не склонны к такой легкомысленной подвижности и переменчивости, их шокирует Близнецовый цинизм, они могут часами рассуждать о высоком и всемирном и не понимают, что в этом смешного и почему Близнецы уже умирают от головной боли и задыхаются от недостатка энергии. Рыба — самый беспардонный вампир в Зодиаке: не попадайтесь Рыбе в слушатели. А бедные Близнецы только и делают,

Статуи Галатеи и Амфитриты. Царское Село, Екатерининский парк.

что попадаются, причем часто добровольно, зная, что потом будут страдать — но ничего не поделаешь: в этом заключается их функция Материнского Знака по отношению к Рыбе, причем Рыба Близнецов, как правило, совершенно не ценит и не упускает случая критически отозваться о них.

Еще одна особенность Рыбы: нет в Зодиаке знака более склонного к разврату, к пьянству, к любому пороку, чем Рыба; она с большой легкостью опускается на самое дно, если обстоятельства способствуют этому. В «Бахчисарайском фонтане», посреди гарема, как всеобщая любимица, живет и нежится именно рыба:

Вокруг игривого фонтана
На шелковых коврах оне [наложницы]
Толпою резвою сидели
И с детской радостью глядели,
Как рыба в ясной глубине
На мраморном ходила дне.
Нарочно к ней на дно иные
Роняли серьги золотые...

Но и живя на самом дне разврата, Рыба никогда не забывает, что именно она — символ христианства, что ее вторая половинка (Рыб ведь две!) все равно поднимается вверх; и предаваясь самому низменному пороку, она все равно будет рассуждать о добродетели, сурово порицать тот же порок в других и наставлять окружающих на путь истинный: «свята до разврата и развратна до святости» — это о Рыбе. Всякой Рыбе, с точки зрения Близнецов, свойственны порочность и ханжество. Близнецы не могут этого вынести, они задыхаются с Рыбой, им невыносим Рыбный мрак, спущенные шторы, отсутствие света и воздуха; им хочется распахнуть окно, убежать прочь, — но Рыба говорит им: «Нет, ты погоди, послушай» — и Близнецы покорно принимаются в сотый раз слушать ненавистные Рыбные рассуждения. Никто не спорит: Рыба очень умна, образованна, но настолько занудна, что раздражает Близнецов уже самим своим существованием. Близнецам от Рыбы нужно быстро бежать, иначе отношения затянутся на годы и годы, и разорвать их будет невозможно. Конечно, Рыба для Близнецов — Знак Профессии, иногда у них что-то вместе получается, но это всегда стоит Близнецам таких энергетических затрат, что лучше уж и не надо. При этом Близнецы всегда предпочтут дать Рыбе то, что она просит, — тогда она, может быть, на время их оставит: например, написать ей стихи. И главное: с Рыбой холодно, от нее веет холодом подводных глубин, — сколько раз, вольно или невольно, всплывает этот мотив в отношениях Пушкина с Рыбами, как мужчинами, так и женщинами: Бакунина, Баратынский, Зубов, Вельяшева, Смирнова, С. Н. Карамзина... Но в то же время — есть в этом холоде что-то притягательное, как притягателен

Последний ключ — холодный ключ забвенья,
Он слаще всех жар сердца утолит —

случайно ли, что это стихотворение написано в альбом Рыбе?

Около Пушкина Рыб много и они притягиваются к нему намертво. Чего стоит, хотя бы «Рыбная троица» Россетов, заполонившая последние годы Пушкина: Смирнова-Россет и два ее брата, Аркадий и Иосиф. В основном, конечно, собратья по перу, причем действительно настоящие поэты: Баратынский, Языков; и в Лицее Рыба успешно соперничает с Пушкиным на поэтическом поприще. Любопытно, что Пушкин, столкнувшись с соперником-Рыбой в том или ином жанре, изъявляет готовность немедленно уступить поле деятельности собрату по перу: он бросает сказки, ознакомившись с «Коньком-Горбунком» Ершова; бросает собирание народных песен, встретившись с П. В. Киреевским; намеревается оставить Баратынскому «эротическое поприще» и перестать печатать элегии... Словно бы пугает Пушкина наплывающий Рыбий холод, идущий из подводных глубин, и он бежит прочь, оставляя ей захваченную территорию.

Отношения со всеми Рыбами тянутся годами, причем именно тянутся: без громких ссор, без вызовов на дуэль, без пощечин. Бурная ссора — это другой жанр, с этим идите к Стрельцу, а у Рыбы все келейно, тихо — зачем ссориться, она вам тихими увещеваниями, одними «добрыми пожеланиями» душу вынет... Женщины-Рыбы не могут пройти мимо Пушкина, — хотя кажется, что это он не может пройти мимо них. Бакунина, Вельяшева, Керн, Смирнова... Все-то они фрейлины, все-то они прекрасны и набожны, и все они, на поверку, готовы на самый изощренный разврат — но не с Пушкиным: для него они подчас так и остаются недоступными — в этом парадокс отношений Близнецов и Рыб. Однако трудно найти Рыбу, оставшуюся невоспетой Пушкиным. Может быть, стихи — это тоже своего рода Близнецовый способ откупиться от Рыбы? Ведь и Близнецы в глубине души понимают, что роман с Рыбой — ненужный мазохизм; пусть уж Рыба во всеобщем мнении останется недоступной Близнецам, пусть ей будут посвящены самые пронзительные стихи, но пусть романа все-таки не будет, и пусть все думают, что это потому, что Рыба не дает, а не потому, что Близнецы не хотят... Какая разница, лишь бы ноги унести! Все выстраданное Близнецовое понимание сущности Рыбы Пушкин выразил в «Сказке о рыбаке и рыбке»: поманила Рыба старика миражами, замками иллюзий, а когда старый дурак в их реальность поверил —

Лишь хвостом по воде плеснула
И ушла в глубокое море...

↑Бакунина Екатерина Павловна

(20 II 1795—19 XII 1869) — сестра лицеиста А. П. Бакунина, фрейлина, художница, с 1834 жена А. А. Полторацкого. Предмет юношеской любви поэта; ей мы обязаны «бакунинским циклом»:

Когда пробил последний счастью час,
Когда в слезах над бездной я проснулся,
И, трепетный, уже в последний раз
К руке твоей устами прикоснулся —
Да! помню все; я сердцем ужаснулся,
Но заглушал несносную печаль;
Я говорил: «Не вечная разлука
Все радости уносит ныне вдаль...
...Утешусь я — и дружбы тихий взгляд
Души моей холодный мрак осветит...» —

таких стихотворений около двадцати; и здесь впервые, кажется, появляется мотив холода, постоянно сопровождающий отношения Пушкина с Рыбами. «Я щастлив был!.. нет, я вчера не был щастлив, поутру я мучился ожиданием, с неописанным волненьем стоя под окошком, смотрел на снежную дорогу, ее невидно было! Наконец я потерял надежду, вдруг нечаянно встречаюсь с нею на лестнице, сладкая минута!...

Он пел любовь, но был печален глас.
Увы, он знал любви одну лишь муку!

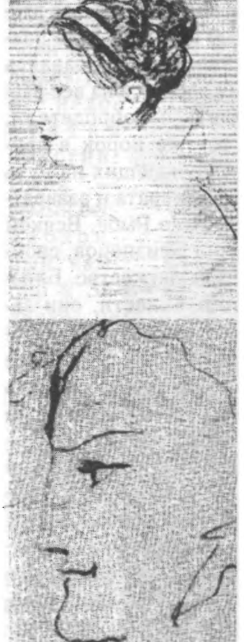
Жуковский

Как она мила была! как черное платье пристало к милой Бакуниной!

Но я не видел ее восемнадцать часов, ах!... Какое наслаждение, какая мука! — — —

Но я был щастлив пять минут — —» (из лицейского дневника).

Пушкин всегда умел выбрать верный предмет увлечения в зависимости от того, какие художественные проблемы его в это время волновали; конечно, он не ду-

Бакунина. Рис. О. Кипренского, 1811-1813; рис. Пушкина 1824.

мал нарочно: вот сейчас мне интересно поиграть в унылую элегию — выберу-ка я такую, чтобы мучения, тайны, слезы... Конечно, такого не было, просто Судьба сама посылала Пушкину именно то, что было в это время нужно. В 1815—1816 у Пушкина элегический период — а кто же лучше Рыб умеет создать эту атмосферу мистики, полумрака, тайн? Судьба послала прелестную фрейлину в черном платье, в которую очень удачно влюбились еще два лицеиста, Малиновский и Пущин, — так что вся классическая ситуация — с безнадежной влюбленностью и благородным самоотречением ради друга — была налицо:

Перед собой одну печаль я вижу:
Мне скучен мир, мне страшен лунный свет,
Иду в леса, в которых жизни нет,
Где мертвый мрак: я радость ненавижу —

получилась элегия, и ничуть не хуже, чем у Жуковского и Батюшкова, — спасибо черному платью! Художественная задача выполнена — и Рыба спокойно может уплывать из жизни поэта. Они еще не раз встретятся позднее; обращаясь к лицейским друзьям, Пушкин вспомнит с улыбкой в черновых строках «19 октября 1825»,

Как мы впервой все трое полюбили,
Наперсники, товарищи проказ...

Пушкин даже будет присутствовать на свадьбе Бакуниной в 1834, о чем напишет жене безо всякого волнения, — но стихов больше не будет.

Баратынский Евгений Абрамович

(2 III 1800—11 VII 1844) — поэт. Знакомство с Пушкиным началось в 1818—1819 в Петербурге, в кругу Дельвига, с которым Баратынский был очень дружен и даже некоторое время разделял квартиру:

Там, где Семеновский полк, в пятой роте,
в домике низком,
Жил поэт Баратынский с Дельвигом, тоже
поэтом.
Тихо жили они, за квартиру платили
не много,
В лавочку были должны, дома обедали
редко...

Эти шуточные гекзаметры — совместное творение Дельвига и Баратынского — Пушкин очень любил и однажды, на вечере у Н. А. Полевого весной 1827, заставил Баратынского их вспомнить и продекламировать...

Их отношения были сложны и до конца так и не прояснены: в самых комплиментарных взаимных отзывах ощутимы нерасшифрованный подтекст, подводное течение невысказанных чувств. Простор для толкований огромен. «Баратынский не был с Пушкиным искренен, завидовал ему, радовался клевете на него, думал ставить себя выше его глубокомыслием, чего Пушкин в простоте и высоте своей не замечал», — утверждает Нащокин (в записи Бартенева). «Это сущая клевета», — лаконично замечает Соболевский. Противоречие так и зияет по сей день, и его уже не разрешить: некому. Нам же остаются предположения.

Баратынский. Силуэт работы И. В. Киреевского; рис. Пушкина в черновике статьи о Баратынском, 1830-1831.

Первый взгляд обнаруживает очевидную точку сближения: сходство судеб. Его заметил сам Пушкин: «из неободренных вижу только себя да Баратынского» (Бестужеву, май-июнь 1825). Прочие поэты так или иначе «ободрены», облас-

16 Заказ № 2600

каны: теплым местом, признанием Двора. А на Пушкине и Баратынском — «судьбой наложенные цепи»: пушкинская ссылка и долгая служба Баратынского в Финляндии сходны как непомерно строгая расплата за детские шалости или юношеские опрометчивые стихи.

Тот же первый беглый взгляд обнаруживает еще один, казалось бы, неоспоримый факт — недвусмысленные пушкинские восторги в письмах: стихи Баратынского — «чудо», «прелесть» и т. п. Но по более внимательном прочтении нельзя не заметить, что восторг, как правило, сопровождается странным центробежным движением: прочь от Баратынского, оставить его, пусть сидит в комнате и сочиняет, а мы тихо, на цыпочках выйдем и займемся чем-нибудь еще. «Каков Баратынский? Признайся, что он превзойдет и Парни и Батюшкова... Оставим все ему эротическое поприще и кинемся каждый в свою сторону, а то спасенья нет» (Вяземскому, 2 января 1822). «Пришли же мне «Эду» Баратынскую. Ах он чухонец! да если она милее моей черкешенки, так я повешусь у двух сосен и с ним никогда знаться не буду» (брату, 4 декабря 1824). «Баратынский — прелесть и чудо... После него никогда не стану печатать своих элегий» (Бестужеву, 12 января 1824). И Вяземскому Пушкин тоже пишет о своем отказе от элегического жанра в пользу Баратынского — а Вяземский принимает этот отказ за жест смирения: «Не соглашаюсь с твоим *смирением*, когда ты мне говорил, что после него уже не будешь писать элегий» (Вяземский — Пушкину, 16 и 18 октября 1825).

Конечно, смирение в значительной степени было показным, и писать элегий Пушкин не перестал — не уступил эту стихию Баратынскому; и все же была и какая-то психологическая правда в этом центробежном движении — прочь от Баратынского, от места, где он существует и творит, — правда темная, и до конца нам ее уже не прояснить. Быть может, какой-то свет в эту темную глубину проливает умное письмо Плетнева, где он очень точно характеризует поэтическое то самое «место» Баратынского, от которого Пушкину хотелось бежать куда подальше. «До Баратынского Батюшков и Жуковский, особенно ты, показали едва ли не все лучшие элегические формы, так, что каждый новый поэт должен бы непременно в этом роде сделаться чьим-нибудь подражателем, а Баратынский *выплыл* (курсив мой — *Астролог*) из этой опасной реки», — так писал Плетнев Пушкину 7 февраля 1825. Астролог скажет: удивляться тому, что Рыба-Баратынский выплыл, особенно не приходится, — Батюшков, Жуковский, Пушкин: двое Близнецов и Водолей, два Материнских Знака и 12-й Знак, — как же Рыбе от них не напитаться и безнаказанно не уплыть прочь? Но и помимо всякой астрологии: эта «увертливость» Баратынского, тот факт, что он обошел неизбежные, казалось бы, влияния, и создал где-то в стороне от главного течения русской поэзии свой мир, — все это могло внушить суеверное чувство, какой-то почти что страх. Пушкин прошел через владение многими поэтическими стилями, сам испытал немало влияний, — но феномен Баратынского с его якобы скромным стоянием в стороне от истории поэзии:

Отныне с рубежа на поприще гляжу —
И скромно кланяюсь прохожим — [1]

этот феномен остался ему не до конца понятным. Троекратно брался Пушкин за разгадку, трижды начинал статьи (или статью?) о Баратынском — но ни один из этих набросков так и не кончил: редкий, если не единственный для Пушкина-критика случай!

Не удивительно, что Баратынский для суеверного Пушкина — табу: его можно только хвалить. «Про Баратынского стихи при нем нельзя было и говорить ничего дурного» (С. П. Шевырев [2]). И все же в самих пушкинских похвалах, как мы уже видели, есть какие-то скрытые и темные подводные течения (хотя бы это течение прочь от Баратынского). Взять

знаменитую фразу из последнего наброска статьи о Баратынском: «Он у нас оригинален, ибо мыслит». На поверхности — безусловный комплимент; но прочтем еще раз эту короткую фразу и зададимся вопросом: была ли для Пушкина «мысль» таким уж безусловным достоинством поэзии? Вот проза, конечно, другое дело: проза «требует мыслей». И любопытно, что этот комплимент Баратынскому поразительно напоминает, если не повторяет, более ранний комплимент Вяземскому, — но только не поэзии, а прозе Вяземского: «Проза князя Вяземского чрезвычайно жива. Он обладает редкой способностию оригинально выражать мысли — к счастию, он мыслит, что довольно редко между нами» (Материалы к «Отрывкам из писем, мыслям и замечаниям»).

Знал ли Пушкин, что Баратынский нередко набрасывал предварительный план своих стихотворений прозой? Так или иначе, он применяет к его поэзии критерий «мысли», который в системе ценностей самого Пушкина соотносим скорее с прозой, чем с поэзией. И делает это Пушкин вовсе не для того, чтобы тайно уязвить соперника по музе: думаем, дело просто в том, что в поэзии Баратынского, так ловко «уплывшей», по выражению Плетнева, от знакомых и родных Пушкину поэтических стилей, от влияния самого Пушкина, было что-то загадочное, что мешало карты и путало систему оценок. Это ощущение парадокса Пушкин передает в афоризме 1827 г.: «Никто более Баратынского не имеет чувства в своих мыслях и вкуса в своих чувствах» («Отрывки из писем, мысли и замечания»).

Итак, Баратынский у нас «мыслит», он «умен»... «Правда ли, что Баратынский женится? — спрашивает Пушкин Вяземского в мае 1826, — боюсь за его ум». Случайность ли, что именно в этом, и ни в каком другом письме, произнесены знаменитые слова: «поэзия, прости Господи, должна быть глуповата», — кто теперь скажет?

И при всем этом Пушкин и в самом деле искренне ценил ум Баратынского, как искренне ценил его поэзию; любил при случае процитировать какое-нибудь bon mot : «Баратынский говорит, что в женихах щастлив только дурак; а человек мыслящий беспокоен и волнуем будущим» (Плетневу, 29 сентября 1830).

Не все ясно, как мы видели, с этим «умом», — непросто и с другими подспудными мотивами пушкинской оценки Баратынского, которые тоже не дают себя до конца прояснить, не доходят до ясности, оставаясь в темной области случайно-неслучайных совпадений. Например, мотив холода. «Напрасно поэт берет иногда строгий тон порицания, укоризны, напрасно он с принужденной холодностью говорит о ее [Нины] смерти», — пишет Пушкин о поэме Баратынского «Бал». И в личном смысле — о себе и Баратынском: «Мы как-то холодны друг к другу» (Пушкин, 14 и 16 мая 1836). Какой-то холод чувствует Пушкин в поэте, который, тем не менее, «чувствует сильно и глубоко» (из последнего наброска статьи о Баратынском), — словно холод неотъемлем от глубины (вот уж простор Астрологу!)

Никогда не пришлось им стать близкими друзьями: им трудно вдвоем, без посредничества общего друга — Дельвига или Вяземского. «Как-то из нас двух ничего не выходит, как из двух мафематических линий. Необходима третья, чтобы составить какую-нибудь фигуру, и Вы были ею», — признался Баратынский Вяземскому в 1829 [3].

В письмах (из их переписки сохранились лишь три письма Баратынского) «певец Эды», обращавшийся к Пушкину на «ты» весьма принужденно, скорее в поэтическом, чем в дружеском смысле, ухитрялся все-таки вдаваться в довольно бестактные и нудные домашние разборки. «За что ты Левушку называешь Львом Сергеевичем? Он тебя искренно любит и ежели по ветрености как-нибудь провинился перед тобою — твое дело быть снисходительным. Я знаю, что ты

давно на него сердишься; но долго сердиться не хорошо. Я вмешиваюсь в чужое дело; но ты простишь это» и т. д.; «Дельвиг передал мне одну твою фразу, и ею меня несколько опечалил. Ты сказал ему: «Мы нынче не переписываемся с Баратынским, а то бы я уведомил его» — и проч. — Неужели, Пушкин, короче прежнего познакомясь в Москве, мы стали с тех пор более чуждыми друг другу? — Я, по крайней мере, люблю в тебе по-старому и человека и поэта». В самом деле, разве можно выносить такое? А ведь и в стихах Баратынский порой затевал такие же несколько нудные разборки:

Решительно печальных строк моих
Не хочешь ты ответа удостоить;
Не тронулась ты нежным чувством их
И презрела мне сердце успокоить!
Не оживу я в памяти твоей...

И Пушкин не без злорадства спародировал однажды это «канюченье»:

Как Баратынский, я твержу:
«Нельзя ль найти подруги нежной?
Нельзя ль найти любви надежной?»

«Алексееву», 1821.

Но с другой стороны, — опять все тот же «ум»: умные суждения Баратынского влекли Пушкина, не могли его не очаровать: «Я очень люблю обширный план твоего «Онегина»; но большее число его не понимает». Это сказано в 1828, после выхода 4 и 5 глав романа, — и наверно, лучше польстить Пушкину было нельзя: план «Онегина» мало кому понятен, и прав оказался сам Пушкин, когда написал в предисловии к изданию первой главы: «Дальновидные критики заметят конечно недостаток плана», — действительно, заметили... И один, быть может, Баратынский, в пику всем, этот «план» похвалил. Но не ведает Пушкин, что четыре года спустя, в 1832, в письме И. В. Киреевскому, Баратынский неожиданно назовет «Онегина» «ученическим произведением».

Да, Пушкин в зеркале Баратынского так и остался не до конца созревшим гением, «великою надеждой» России (это Баратынский скажет, потрясенный смертью Пушкина [4]), но не зрелым мастером: об «Онегине» Баратынский напишет: «произведение ... блестящее, но почти ученическое, потому что все подражательное» [5]. «Ума» этой «глуповатой» поэзии решительно не хватает, и как же будет изумлен Баратынский, когда, перебирая в 1840 вместе с Жуковским неизданные тексты поэта, обнаружит другого Пушкина. «Все последние его пьесы отличаются — чем бы ты думала? Силою и глубиною», — напишет он жене [6], не ведая о том, что в точности повторяет эпитеты, которые сказал о нем самом Пушкин в своей незавершенной статье.

Вельяшева Екатерина Васильевна

в замужестве Жандр (20 II 1813—1865) — племянница П. А. Осиповой; Пушкин общался с ней в Старице в 1829.

Подъезжая под Ижоры,
Я взглянул на небеса,
И воспомнил ваши взоры,
Ваши синие глаза...
...Упиваясь неприятно
Хмелем светской суеты,
Позабуду, вероятно,
Ваши милые черты,
Легкий стан, движений стройность,
Осторожный разговор,
Эту скромную спокойность,
Хитрый смех и хитрый взор...

Вся Рыба тут, как на ладони с ее внешней невинностью и скрытым развратом, ускользающая и манящая, увертливо-живая и внутренне холодная... Точно сказал о ней в своем дневнике ее двоюродный брат Вульф: «прелестная как непорочность», — но при этом «увлекательная в каждом движении» [7]. И знакомый уже по Баратынскому мотив глубокого, подводного холода проступает в галантной любовной игре, которую затеяли с Вельяшевой Пушкин и Алексей Вульф. «С ним [Пушкиным] я заключил оборонительный и наступательный союз против красавиц, от чего его и прозвали сестры Мефистофелем, а меня Фаустом. Но Гретхен (Катинька Вель-

яшева), несмотря ни на советы Мефистофеля, ни на волокитство Фауста, осталась холодною: все старания были напрасны» [8]. И конечно, Пушкин прекрасно знал цену этой холодности и этой невинности, — когда весьма иронично писал Вульфу: «Гретхен хорошеет и час от часу делается невиннее» (16 октября 1829).

«Вельяшева, мною некогда воспетая, живет здесь в соседстве. Но я к ней не поеду, зная, что тебе было бы это не по сердцу», — пишет Пушкин Наталье Николаевне 21 августа 1833 (ловко заслоняясь своим Материнским Знаком от Рыбы — *Астролог*). Действительно блестящий предлог — уберечь жену от ненужных тревог ревности... Только надо уж совсем не знать Близнецов, чтобы поверить, что забота о том, чтó жене по сердцу, а чтó нет, удержала бы их от встречи, которой они действительно желают. Близнецы — хитрые и ловкие софисты: холодная Рыба совсем им не нужна (и ведь Вельяшева уже получила свое, она уже «воспета»), — но почему бы не преподнести свое равнодушие к ней в приятной для Натальи Николаевны упаковке: как доказательство своей верности?

Вельяшева. Фотография в старости; рис. Пушкина 1828.

Судьба этой Гретхен, к счастью, ничего общего не обнаружила с ужасной участью гетевской Маргариты, но напомнила о совсем другом литературном персонаже. Меньше чем через год после непосещения ее Пушкиным Вельяшева выйдет замуж за улана:

Улан умел ее пленить,
Улан любим ее душою...

Анна Николаевна Вульф видела ее в августе 1834 и нашла, что Катинька-Гретхен «почти совсем не переменилась и, кажется, очень довольна своей судьбой» [9].

Верстовский Алексей Николаевич

(1 III 1799—17 XI 1862) — композитор. Сочинял романсы на стихи Пушкина, умудряясь вытягивать из текстов неисчерпаемые потоки общедоступной музыкальной энергии; в первую очередь это относится к «Черной шали», которую Верстовский предусмотрительно сочинил в двух вариантах: как романс и как кантату. «Черная шаль» — первый, быть может, в России настоящий музыкальный шлягер, вокруг которого опять же впервые в России сгустились неизбежные грязноватые тени коммерции (первое издание разошлось в несколько дней, тут же вышло второе) и борьбы за «права» на «распространение»: так, дирекция Императорского театра на Моховой, где шла театральная инсценировка кантаты, попыталась узурпировать ноты Верстовского и запретить ее исполнение в других местах, но все же слишком сильно опередила свое время в этих новаторских начинаниях, — так что «Черную шаль» пели все и везде: «доныне жители Москвы не наслушаются очаровательных звуков, вполне выражающих силу стихов Пушкина»; и «в деревнях поют его «Черную шаль», — свидетельство-

вал Н. Полевой, начавший свою бурную деятельность в «Московском телеграфе» разбором романса Пушкина-Верстовского [10]. В журналах шла ожесточенная полемика вокруг кантаты, словно вокруг какой-нибудь романтической поэмы.

Пушкин в это время был в ссылке и особых лавров не срывал; Верстовский же сам в гостиных охотно «певал» свой шедевр «с особенным выражением своим небольшим баритоном, аккомпанируемый Грибоедовым» [11]. Всю жизнь он вспоминал Пушкина, которому был обязан своим великим успехом; в 1860 писал Одоевскому об одной народной песне («На матушке, на Неве-реке...»): «Эту песню я часто игрывал покойному Пушкину, и она приводила его в восторг». А вот приводила ли в восторг Пушкина «Черная шаль», да еще и исполненная «с особенным выражением», — мы никогда не узнаем.

Всеволожский Никита Всеволодович

(28 II 1799—28 VII 1862) — актуариус Коллегии иностранных дел, театральный завсегдатай, переводчик французских водевилей, и — в зеркале Пушкина — «счастливый сын пиров, балованный дитя свободы»; «Амфитрион веселый, счастливец добрый, умный враль» [12]; «лучший из минутных друзей моей минутной младости» (письмо к А. Бестужеву, 29 июня 1824). В доме Всеволожского собиралось общество «Зеленая лампа» и устраивались пирушки по субботам; весной 1820 Пушкин «полупродал-полупроиграл» приятелю рукопись своих стихотворений, которую выкупил в 1825 при посредничестве брата. Однажды, как вспоминает сам Пушкин в черновом письме к Всеволожскому, поэт «отрезвил» приятеля «в страстную пятницу» и повел его «под руку в церковь театральной дирекции», — но не с целью помолиться, а поглазеть на пассию Всеволожского, танцовщицу Овошникову. Очень характерное для Пушкина использование церкви: не так ли сам он, в эту самую пору, живя на Фонтанке, ходил в церковь Покрова в Коломне глядеть на красавицу Е. А. Стройновскую (Львицу — *Астролог*):

Всеволожский. Акварель М. П. Вишневецкого.

> Туда, я помню, ездила всегда
> Графиня... (звали как, не помню, право)
> Она была богата, молода;
> Входила в церковь с шумом, величаво;
> Молилась гордо (где была горда!)
> Бывало, грешен! все гляжу направо,
> Все на нее...
>
> *«Домик в Коломне»*

Голицына Мария Аркадьевна

урожд. княжна Суворова (10 II 1802—28 II 1870) — внучка Суворова, фрейлина. Общение Пушкина с нею началось в Петербурге в 1818—1820 и продолжалось в Одессе. 12 февраля 1825 Софья Михайловна (тогда еще не Дельвиг, а Салтыкова) писала подруге о Пушкине: «В настоящее время, если я не ошибаюсь, он занят некоей кн. Голицыной, о которой он пишет много стихов». По мнению Астролога, обычный роман с Рыбой — сопровождаемый стихами.

> Давно об ней воспоминанье
> Ношу в сердечной глубине,
> Ее минутное вниманье
> Отрадой долго было мне.
> Твердил я стих обвороженный,
> Мой стих, унынья звук живой,
> Так мило ею повторенный,
> Замеченный ее душой.
> Вновь лире слез и тайной муки
> Она с участием вняла —
> И ныне ей передала
> Свои пленительные звуки...
> Довольно! в гордости моей
> Я мыслить буду с умиленьем:
> Я славой был обязан ей —
> А может быть, и вдохновеньем.

Все знакомо: и «тайная мука», и «уны-

ние» — весь этот «рыбный» антураж был уже не однажды... А вот «Довольно!» — это правильно, — кивнет Астролог. — Близнецы знают, что из Рыбьего полумрака надо выбираться как можно скорее. Далее развитие отношений по обычной программе: встречи случаются, но стихов больше нет, — Близнецы от этой Рыбы уже свободны.

Ершов Петр Павлович

(6 III 1815—30 VIII 1869) — поэт, автор сказки «Конек-Горбунок» (1834). «Этот Ершов владеет русским стихом точно своим крепостным мужиком», — заметил Пушкин в беседе с одним молодым гусаром [13]. Странный комплимент: никаких крепостных у Ершова, сына бедного чиновника, естественно, не было... А по словам самого носителя этой астрологически точной фамилии, Пушкин, прочитав сказку летом 1834, сказал: «теперь этот род сочинений можно мне и оставить». Не правда ли, знакомое центробежное движение? «После него никогда не стану печатать своих элегий» — это говорилось о Баратынском, представителе того же знака. С Баратынским, однако, не выдержал, слова не сдержал, к элегиям вернулся, — а вот Ершова действительно оставил наедине со сказками: написал в сентябре 1834 свою последнюю сказку и вышел из этой комнаты навсегда: на, возьми свое!

Зубов Алексей Николаевич

(7 III 1798—15 XII 1864) — в феврале 1817—1822 корнет лейб-гвардии Гусарского полка, с января 1822 директор Нижегородской ярмарки. Встречался с Пушкиным в обществе офицеров Гусарского полка летом 1817 и, естественно, получил причитающееся ему:

Пройдет любовь, умрут желанья,
Разлучит нас холодный свет;
Кто вспомнит тайные свиданья,
Мечты, восторги прежних лет?..
Позволь в листах воспоминанья
Оставить им минутный след.

Это стихотворение Пушкин вписал в альбом Зубову, и тут, — с удовольствием подметит Астролог, — есть все, что так любезно Рыбе: тайны, разлука, смерть, и, конечно же, холод — просто бальзам на Рыбью душу. Зато в другом стихотворении — в послании к сослуживцу Зубова Я. И. Сабурову — Пушкин развеет весь этот туман и выскажется о Рыбьем разврате с редкой откровенностью:

Но Зубов не прельстил меня
Своею задницею смуглой.

Как и с прочими Рыбами, отношения (хотя и редкие) продолжались всю жизнь; Ольга Сергеевна Павлищева даже находила (в 1831), что жена Зубова, Александра Александровна, урожденная Эйлерт (Эллеорт) — правнучка великого математика Л. Эйлера, «лучше» (т. е. красивее), чем Наталья Николаевна.

Илличевский Алексей Дамианович (Демьянович)

(11 III 1798 —18 X 1837) — лицейский товарищ Пушкина, поэт; служил в Министерстве финансов при томском генерал-губернаторе (1817—1821) и в Министерстве государственных имуществ. В Лицее слыл первым поэтом, Кошанский отдавал ему пальму первенства перед Пушкиным; и печататься Илличевский начал раньше.

В зеркале лицейского Пушкина Илличевский — «милый остряк» [14], — отражается где-то рядом с «паясом» Яковлевым.

Остряк любезный! по рукам!
Полней бокал досуга!
И вылей сотню эпиграмм
На недруга и друга.

«Пирующие студенты»

С ним можно разделить и шалости, и первые эротические грезы, можно даже предложить «живописцу»-Илличевскому эти смелые любовные грезы воплотить:

Прозрачны волны покрывала
Накинь на трепетную грудь,
Чтоб и под ним она дышала,

Хотела тайно воздохнуть.

Представь мечту любви стыдливой,
И той, которою дышу,
Рукой любовника счастливой
Внизу я имя подпишу.

«К живописцу»

Конечно, кому как не сладострастной Рыбе «накинуть волны» (вот и родная водная стихия, многократно воспетая Илличевским) покрывала на грудь Бакуниной! Однако Илличевский в ответных стихах жеманно откажется в пользу самого Купидона:

Амур всего удачней пишет
В сердцах твой милый вид,
А страсть, которой сердце дышит,
Навек его хранит.

«От живописца»

Когда Илличевский, окончив лицей, уезжал в Сибирь для прозаической службы в Тобольском почтамте, Пушкин написал ему любопытное прощальное послание, на которое будущий почтовый чиновник мог бы и обидеться: здесь много говорится о поэте Пушкине, о собственных его стихах и даже об их бессмертии, но ни слова — о стихах Илличевского.

...Ах! ведает мой добрый гений,
Что предпочел бы я скорей
Бессмертию души моей
Бессмертие моих творений.
Не властны мы в судьбе своей,
По крайней мере, нет сомненья,
Сей плод небрежный вдохновенья,
Без подписи, в твоих руках
На скромных дружества листках
Уйдет от общего забвенья...
Но пусть напрасен будет труд,
Твоею дружбой оживленный, —
Мои стихи пускай умрут —
Глас сердца, чувства неизменны
Наверно их переживут!

«Мои стихи пускай умрут», — щедро соглашается Пушкин; но еще более выразительно умолчание о лицейском сопернике, поэте Илличевском: видимо, Пушкин полагал, что с ним покончено. И был в значительной степени прав: Илличевский по инерции продолжает сочинять и печататься, но мысли его уже принадлежат службе, заботам о продвижении по карьерной лестнице, — а это продвижение, как на грех, шло почему-то страшно медленно.

Казалось бы, можно только пожалеть неудачливого чиновника; однако смерть Дельвига вызвала странную вспышку пушкинского раздражения. «Никто не приветствовал вдохновенного юношу, — пишет он в некрологе Дельвига о приеме, оказанном публикой его стихам, — между тем как стихи одного из его товарищей, стихи посредственные, заметные только по некоторой легкости и чистоте мелочной отделки, в то же время были расхвалены и прославлены как чудо!» Это, конечно, из той же серии, что и реакция самого Дельвига на встречу с Хвостовым в день смерти Веневитинова, когда Дельвиг, по собственному признанию, «чуть было не разругал его, зачем он живет» (Пушкину, 21 марта 1827). Зачем, в самом деле, живет и Илличевский, зачем «торчит похабным кукишем» со своими галантными стишками, достойными обезьян прошлого века?

А остатки поэтического честолюбия, похоже, порой все же понуждали Илличевского устремляться вдогонку за Пушкиным.

Ах, лейся, лейся, ключ отрадный!
Журчи, журчи свою мне быль —

напишет Пушкин о фонтане Бахчисарайского дворца; но как это голо, как неясно! О чем журчит фонтан, что это за «быль», если о Марии фонтан «молчал»? Не в ладах воздушные Близнецы с водной стихией, и родственный этой стихии поэт уточняет, улучшает, разъясняет, переводит речь фонтана:

Фонтан гарема, жив средь храмин, мертвых ныне,
Перловы слезы льешь, и слышится, в пустыне
Из чаши мраморной журчит волна твоя:
«Где пышность? где любовь? В величии, в гордыне
Вы мнили веки жить — уходит вмиг струя;
Но ах! не стало вас; журчу, как прежде, я».

Илличевский, «Бахчисарайский дворец», 1827

Впрочем, не только о воде, но и о вине — другой текучей субстанции — Илличевский умел высказаться веско и авторитетно:

И дружба наша, как вино,
Тем больше крепнет, чем стареет.

«19 октября 1826»

«Стихи посредственные» — но о вине — удачно; настолько удачно, что пригодилось:

Но, как вино — печаль минувших дней
В моей душе чем старе, тем сильней.

Карамзина Софья Николаевна

(17 III 1802—16 VII 1856) — старшая дочь историка от первого брака, фрейлина. Пушкин был постоянным посетителем ее петербургского салона. Случайно ли, — спросит Астролог, — что именно ей, Рыбе, он вписал в альбом самые, быть может, водные свои стихи:

В степи мирской, печальной и безбрежной,
Таинственно пробились три ключа:
Ключ юности, ключ быстрый и мятежный,
Кипит, бежит, сверкая и журча;
Кастальский ключ волною вдохновенья
В степи мирской изгнанников поит;
Последний ключ — холодный ключ забвенья,
Он слаще всех жар сердца утолит.

Снова — мотив холода, страшного и вместе с тем притягательного... Без особого сочувствия наблюдала холодная «Рекамье карамзинского салона» за муками пушкинской ревности: его «неистовства», «его блуждающий, дикий, рассеянный взгляд», его «угрюмое, стеснительное молчание» вызывали у нее смех: «Ах, смею тебя уверить, это было ужасно смешно», — пишет она брату (30 декабря 1836). Своеобразным холодом, весьма, впрочем, далеким от безразличия и бесчувствия, окрашены и ее отзывы на смерть Пушкина: «Я никогда не видала такого ... поэтического мертвого лица»; «жалеть о нем не надо, он умер прекрасной и поэтической смертью, светило угасло во всем своем блеске» (из писем брату).

С. Н. Карамзина. Копия с портрета П. И. Орлова, 1840-е гг.

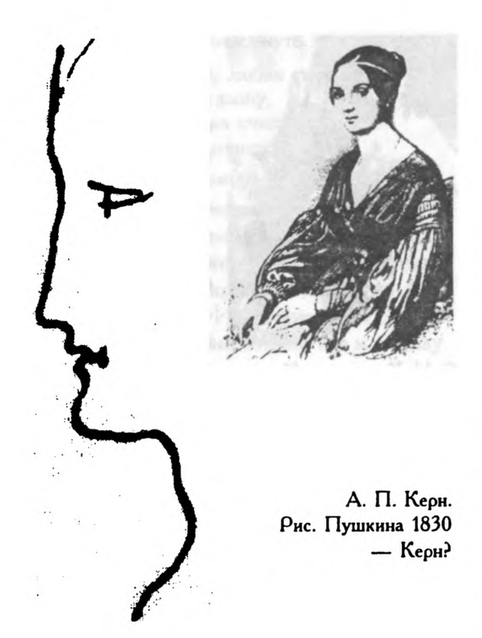
Может, и нельзя было умнее сказать о смерти Близнецов? В глубоких холодных водах солнце отражается особенно ярко; и не случайно Софья Николаевна оказалась причастной, вместе с Луниным и Одоевским, к созданию солярного образа Пушкина — неотъемлемой части нашей пушкинской мифологии.

Керн Анна Петровна

урожд. Полторацкая (23 II 1800—11 III 1879) — племянница П. А. Осиповой. «Имя ее неразрывно связано с Пушкиным, как имя женщины, вдохновившей его на бессмертное стихотворение «Я помню чудное мгновенье», —пророчествует Вересаев. И он прав: эта Рыба — навеки около Пушкина, и сколько ни приводи презрительных отзывов самого Пушкина о ней (и «вавилонская блудница», и «дура», и еще много чего) — не поможет; все равно:

Я помню чудное мгновенье:
Передо мной явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты...

Галантная любовная игра, которую вели Пушкин и Керн, — игра и борьба стихий; при первой встрече у Олениных в 1819 Пушкин шутливо пригласил Керн в ад — то есть в стихию огня: «В аду будет много хорошеньких... Спроси у madam Kern : хотела бы она попасть в ад?» Рыба сухо отказалась; зато при новой встрече, в Тригорском в 1825, она находит в пушкинских «Цыганах» столь манящие водные разливы, что немедленно в блаженстве туда погружается: «Я была в упоении как от *текучих* (курсив мой — *Астролог*) стихов этой чудной по-

А. П. Керн.
Рис. Пушкина 1830
— Керн?

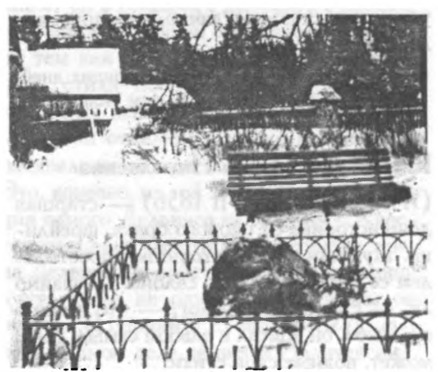
эмы, так и от его чтения, в котором было столько музыкальности, что я истаивала от наслаждения; он имел голос певучий, мелодичный, как он говорит про Овидия в своих «Цыганах»:

И голос, шуму вод подобный».

«Я не могу оставаться в неопределенных отношениях с людьми, с которыми меня сталкивает судьба, — говорила о себе Керн. — Я или совершенно холодна к ним, или привязываюсь к ним всеми силами сердца и на всю жизнь» [15]. С Пушкиным, конечно же, не «на всю жизнь», — следовательно, «холодна»: опять все тот же холод, который отталкивает и все-таки манит — не на долго, на миг; «виденье» хорошо, когда оно «мимолетное».

А вне жизни — действительно вечная связь с Пушкиным, макабрически овеществленная в самой ее могиле: гроб с телом Анны Петровны везли в Прямухино, имение ее последнего мужа Маркова-Виноградского, но из-за разлива весенних вод (как не узнать донесшийся из прошлого астрологический мотив!) и распутицы не довезли и похоронили на погосте деревни Прутня, что на берегу Тверцы близ Торжка; могилу завалили огромным камнем (возможно, не без тайного удовольствия: Анна Петровна в старости отличалась скверным характером), а на камне — что же на нем было написать? конечно, все то же:

Я помню чудное мгновенье...

Прутня. Могила А. П. Керн.

Киреевский Петр Васильевич

(23 II 1808—6 XI 1856) — брат И. В. Киреевского, литератор, переводчик, собиратель русских народных песен. Пушкин тоже любил собирать народные песни и даже хотел их издавать, но когда увидел собрание Киреевского, быстро отказался от своего намерения, — и отдал ему (в сентябре 1833) свои песни. И *как* отдал! Одну из песен («Не белинька березанька...») даже не переписал, а вырезал из тетради (листок этот сохранился в бумагах Киреевского [16]), не оставил себе копии: «Бог с ними», с песнями; все отдать и бежать с потерянной территории искать себе нового пространства... Через год Пушкин повторит этот жест: точно так же оставит Ершова наедине с народными сказками.

А с Киреевским позволит себе напоследок лишь одну, но славную шутку, — передавая тетрадку, скажет: «Когда-нибудь от нечего делать разберите-ка, которые поет народ и которые смастерил я сам». Как ни бились исследователи, так и не разгадали эту загадку; а Киреевс-

кого, похоже, она даже и не слишком озаботила: ведь доставленные пушкинские песни, как заметил Киреевский Н. М. Языкову, «не очень важны» [17].

П. В. Киреевский.
Рис. Э. А. Дмитриева-Мамонова, ок. 1848.

Перовский Василий Алексеевич

(20 II 1795—20 XII 1857) — внебрачный сын гр. А. К. Разумовского, брат писателя А. А. Перовского, с 1829 генерал-адъютант, с 15 января 1833 по 1842 оренбургский военный губернатор. Пушкин был знаком с ним еще в послелицейскую пору через Жуковского. Когда Пушкин вынашивал замысел своего «Пугачева», Судьба предусмотрительно назначила генерал-губернатором Оренбургской губернии Перовского — одного из немногих генералов, с которым Пушкин был на «ты»: так был открыт Пушкину режим наибольшего благоприятствования во время его поездки по местам пугачевского восстания. Пушкина Перовский прекрасно понимал и относился к нему с полным доверием, так что когда испуганный нижегородский губернатор Бутурлин написал своему коллеге паническое письмо о том, что Пушкин якобы тайный ревизор, собирающий «сведения о неисправностях», Перовский лишь «залился хохотом» и показал это письмо самому мнимому ревизору.

В последние годы жизни поэта они часто виделись в Петербурге; Пушкин послал Перовскому «Историю Пугачева» «в память прогулки нашей в Берды». Перовский знал от В. Ф. Вяземской о готовящейся дуэли Пушкина с Дантесом (но чем же тут Рыба поможет Близнецам? Разве смеет она вмешаться в ход событий, который наверняка предначертан свыше? — *Астролог*). Накануне дуэли Перовский виделся с Пушкиным у Вяземской.

Между прочим, Смирнова-Россет находила, что Перовский «красив, добр и храбр», была в него явно влюблена и говорила, что если бы он попросил ее руки, она «на коленях бы его благодарила» [18]. Но он не попросил — и родство стихий не помогло.

Россет Аркадий Осипович

(26 II 1812—10 IX 1881) — брат А. О. Смирновой, офицер лейб-гвардии Конной артиллерии. Аркадий Россет, по словам Бартенева, «полюбил Пушкина, у которого был домашним человеком». Обедал вместе с семье Пушкина; многое замечал, но не все, по молодости, понимал: например, не мог, кажется, понять, почему за обеденным столом в кругу семьи Пушкин не любил вспоминать «о подробностях своего одесского житья» (интересно, сам ли Россет пытался его расспросить?). Еще услышал, как Пушкин сокрушался о том, «что нравственность в Петербурге плоха, а скоро будет un débacle complet [полный крах]», вспомнил, как где-то в гостях Пушкин спросил самого Россета, не называя имени: «Он уж там, возле моей жены?», — а Россет смутился. Одним словом — какие-то обрывочные детали, словно подсмотренные в замочную скважину...

Зато о теле мертвого Пушкина, которое Россет переносил со стола в гроб, отметил нечто такое, что редко говорят о покойниках: «Как был он легок!» Воздушная легкость так странна для чужой стихии.

Смирнова Александра Осиповна урожд. Россет (18 III 1809—19 VII 1882) — дочь французского эмигранта, сестра А. О. Россета, фрейлина. «Она просто сирена, плавающая в призрачных волнах соблазна», — очень точно поэт Н. М. Языков определил (в письме к Гоголю) ее чувственную, влажную стихию. Около Пушкина эта «сирена» неотлучно плавала «в волнах соблазна» с 1828 по 1835, и, совершенно как Керн, сладострастно подмечала все соприкосновения поэта с «волнами» водной стихии: «Пушкин каждое утро ходил купаться», потом на диване лежит «с мокрыми, курчавыми волосами» [19]; и еще раз заметит: «волоса его обыкновенно еще были мокры после утренней ванны и вились на висках». Волосы, их курчавость, подобная волнам, влажность, вода, — мерцает и рябит отражение Пушкина в таинственной и холодной водной глубине.

Смирнова-Россет. Портрет работы Ф.-К. Винтергальтера, 1837; рис. Пушкина 1833.

Воды глубокие
Плавно текут...

В этой своей глубине Смирнова, разумеется, оставалась холодна к Пушкину и вспоминала о своих с ним встречах так: «Тут они оба [Пушкин и Плетнев] взяли привычку приходить ко мне по вечерам»; «Александр Сергеевич приходил всякий день ко мне»; «Ни я не ценила его, ни он меня. Я смотрела на него слегка...» (Чем хороши отношения Близнецов и Рыб — они все друг про друга прекрасно понимают и не обольщаются на счет друг друга — *Астролог*). И Пушкин, конечно же, заметил этот внутренний холод: «Одна Смирнова по-прежнему мила и холодна к окружающей суете», — запишет он в дневнике, и о том же скажет в стихах:

В тревоге пестрой и бесплодной
Большого света и двора
Я сохранила взгляд холодный,
Простое сердце, ум свободный
И как дитя была добра;
Смеялась над толпою вздорной,
Шутила здраво и светло
И шутки злости самой черной
Писала прямо набело.

«Взгляд холодный», взгляд без любви — и Пушкин в ее зеркале, этот единственный в своем роде вечно мокрый Пушкин, — гениальный, но какой-то уж слишком бойкий и легкомысленный, далекий от некого внутреннего идеала самой Смирновой: и «много говорит пустяков», и при встрече с царем «чувствует подлость во всех жилах», и декламирует свои стихи плохо, и читает мало («читать терпеть не могу», — якобы признается он Смирновой совершенно как какой-то Хлестаков), а мудрую критику Смирновой («я делала ему замечания») принимает сразу, чуть ли не с восторгом, и тут же правит, правит... И хотя «никого не знала я умнее Пушкина», в ее воспоминаниях этот «ум» какой-то сомнительный, софистический, ненастоящий, так что

Жуковский (в отражении памяти той же Смирновой), смеясь, говорит Пушкину — опять же в сомнительно бойком хлестаковском тоне: «Ты, брат Пушкин, черт тебя знает, какой ты, — это ведь и чувствую, что вздор говоришь, а переспорить тебя не умею».

«Что ты ревнуешь ко мне? — говорила Рыба Деве — Наталье Николаевне. — Право, мне все равно: и Жуковский, и Пушкин, и Плетнев, — разве ты не видишь, что ни я не влюблена в него, ни он в меня?..» Сказано вполне искренне; но все же образ глупой жены Пушкина, якобы сказавшей однажды поэту: «До чего ты мне надоел со своими стихами, Пушкин!» — ее, Смирновой, творение.

...И шутки злости самой черной
Писала прямо набело.

А подлинным идеалом ее был генерал (тот же Перовский, которым она увлекалась), высокопоставленный богатый чиновник, дипломат (Н. Д. Киселев — ее самая большая любовь, длившаяся долгие годы). И прав был Плетнев, когда писал о ней Жуковскому: «Смирнова только как видоизменение роскоши, приближает в свой угол образы нравственного и умственного совершенства, беззаботно отвращаясь от них ко всем земным утехам».

Вряд ли мог Пушкин не чувствовать ту особую рыбно-болотную ауру разврата, особый ее «запах», о котором говорили многие: «от нее иногда веет атмосферою разврата» (И. С. Аксаков); «недоступная атмосфера целомудрия, скромности, это благоухание, окружающее прекрасную женщину, никогда ее не окружало, даже в цветущей молодости» (С. Т. Аксаков).

Надгробный камень Россет в Донском монастыре в Москве.

Близнецам, — добавит Астролог, — в этой атмосфере душно и тяжело, они в глубине души не любят Рыбу, и она это прекрасно знает: Рыбу не обманешь ни стихами, ни похвалами ее уму и образованности, она все прекрасно понимает, что не мешает ей безотлучно находиться при Пушкине, питаясь его энергией, а во время преддуэльной истории она, естественно, окажется за границей. А что? Ведь и так она в памяти потомков — «образованнейшая женщина, большой друг Пушкина, адресат многих его стихотворений, его благородная заступница перед царем и двором, чуткий ценитель его стихов, мнением которого он очень дорожил...» Воистину,

Черноокая Россетти
В самовластной красоте
Все сердца пленила...

Титов Владимир Петрович

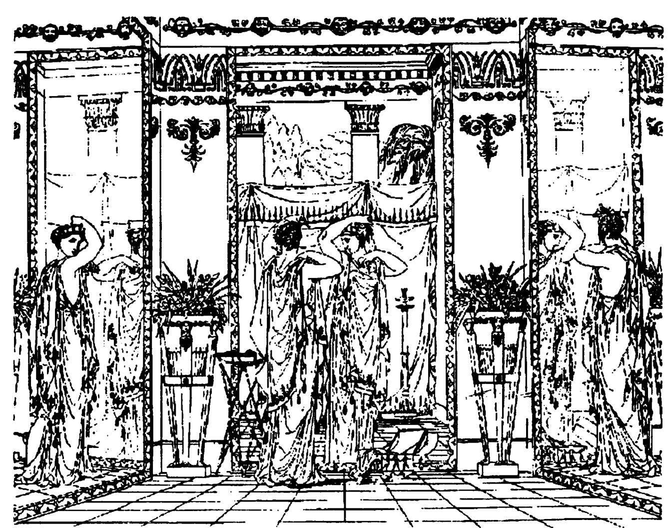
(12 III 1807—27 IX 1891) — литератор, участник кружка «любомудров», сотрудник «Московского вестника», чиновник Московского архива иностранных дел (один из «архивных юношей»). Не обладая большим литературным талантом, Титов любил пространно рассуждать об истории, об эллинской литературе, о Шеллинге, о Руссо, о Несторе-летописце; обо всем говорил с одинаковой компетентностью и пленял своих знакомых многознанием: Тютчев говорил, что Титову назначено провидением составить опись всего мира. С Пушкиным Титов познакомился в Москве по возвращении поэта из ссылки и, естественно, частые встречи продолжались долгие годы. Титов, естественно, позволял себе критические отзывы о творчестве Пушкина и о самом его образе жизни: «Без сомнения, величайшая услуга, какую я мог бы оказать вам, это — держать Пушкина в узде, да не имею к этому способов, — писал Титов Д. В. Дашкову. — К тому же, с ним надо нянчиться, до чего я не

охотник и не мастер». Это верно, — заметит Астролог, — нянчиться с Близнецами никак не входит в астрологическую программу Рыб. А вот прослушать рассказанную Пушкиным у Карамзиных «сказку про чёрта, который ездил на извозчике на Васильевский остров» и напечатать ее в «Северных цветах» под псевдонимом Тит Космократов — это другое дело; правда, и тут Титов снимает с себя всякие возможные будущие упреки и подозрения: «Всю эту чертовщину уединенного домика Пушкин мастерски рассказал поздно вечером у Карамзиных... Сидевший в той же комнате Космократов подслушал, воротясь домой, не мог заснуть почти всю ночь и несколько времени спустя положил с памяти на бумагу. Не желая, однако, быть ослушником заповеди «не укради», пошел с тетрадью к Пушкину (что же Близнецов лишний раз не порадовать своим обществом? — *Астролог*) в гостиницу Демут, убедил его послушать от начала до конца, воспользовался многими, поныне очень памятными его поправками и потом, по настоятельному желанию Дельвига, отдал в «Северные цветы» [20]. Пушкин очень верно вывел Титова в «Египетских ночах»:

« — Aurelius Victor? — прервал Вершнев, один из тех юношей, которые воспитывались в московском университете, служат в московском архиве и толкуют о Гегеле. — Аврелий Виктор — писатель четвертого столетия... Сочинения его приписываются Корнелию Непоту и даже Светонию. Он написал книгу: «de viris illustribus» — о знаменитых мужах Рима. Знаю!» Эти люди одарены убийственной памятью, все знают и все читали, и стоит их только тронуть пальцем, чтобы из них полилась всемирная ученость...» — астрологичнее трудно выразиться. Титов в свою очередь в 1861 снизошел до благожелательной оценки «мелких стихов» Пушкина, которые, по его мнению, являются «бесценным запасом для биографии Пушкина, для изучения его личности, для верного суда над веком и средою, где жил».

Толстой Федор Петрович

(21 II 1783—25 IV 1873) — граф; скульптор и медальер, живописец и рисовальщик. Познакомился с Пушкиным у Оленина в послелицейскую пору и «очень хорошо сошелся»; в последующие годы общение продолжалось. «Чудотворная кисть» Толстого воспета в «Евгении Онегине»; готовя к печати «Стихотворения» в 1826, Пушкин писал брату и Плетневу: «Виньетку бы не худо; даже можно, даже нужно — даже ради Христа сделайте, именно: *Психея, которая задумалась над цветком*... Что, если б волшебная кисть Ф. Толстого... Нет! слишком дорога! А ужасть, как мила!..»

О такой Психее мечтал Пушкин, но досталась она не ему. Ф. П. Толстой, «Душенька перед зеркалом» (гравюра к «Душеньке» Богдановича).

Пушкин, конечно, вспомнил о прозрачных гравюрах Толстого к «Душеньке» Богдановича — и позавидовал; увы, — вздыхает Астролог, — Пушкин прекрасно знает, что кисть Рыб для него всегда будет «слишком дорога», они никогда не сделают для Близнецов скидку, и тем более ничего не дадут бесплатно. И правильно знает: издание вышло без виньетки. И все же совсем без рисунка Толстой «Руслана...» не оставил (см. ее в статье о Николае Пушкине).

Туманский Василий Иванович

(11 III 1800—6 III 1860) — один из значительнейших поэтов-элегиков пушкинской школы. Познакомиться с Пушкиным мог в 1818—1820 в литературных кругах Петербурга, но сближение произошло в Одессе, где Туманский с 1 июня 1823 служил в канцелярии М. С. Воронцова, который очень ценил его — правда, не как поэта, но как дельного чиновника. Туманский постоянно разъезжал по Крыму с бесчисленными поручениями, и командировки его были, конечно, удачнее знаменитой пушкинской поездки на усмирение саранчи. При этом ухитрялся писать неплохие стихи, и удивительное сочетание этих деятельностей вызвало незлую пушкинскую эпиграмму:

Туманский, Фебу и Фемиде
Полезно посвящая дни,
Дозором ездит по Тавриде
И проповедует Парни.

Несмотря на любовь Воронцова, говорившего, что «Туманский — молодой человек очень порядочный и совсем не Пушкинова разбора» [21], несмотря на какой-то пришедший из столицы совет «отдаляться от Пушкина», Туманский, пренебрегая благоразумием, прилепляется к Пушкину с совсем не чиновничьей восторженностью и тут же распространяет слух о своей возвышенной дружбе с Пушкиным, чем весьма удручает поэта, всегда иронизировавшего над подобным стилем (вспомним из письма к Дельвигу: «дружба, сие священное чувство...»). «Здесь Туманский. Он добрый малый, да иногда врет, — пишет Пушкин брату (25 августа 1823), — он пишет в Петербург: Пушкин открыл мне немедленно свое сердце и портфель, любовь и пр... Дело в том, что я прочел ему отрывки из Бахчисарайского фонтана (новой моей поэмы), сказав, что я не желал бы ее напечатать, потому что многие места относятся к одной женщине, в которую я был очень долго и очень глупо влюблен, и что роль Петрарки мне не по нутру. Туманский принял это за сердечную доверенность и посвящает меня в Шаликовы, — помогите!»

В. И. Туманский.
Фотография; рис.
Пушкина 1823.

Было от чего звать на помощь: эта Рыба выбрала с Пушкиным тактику восторженного преклонения:

В роскошном трепете и радости и муки
Мы ловим Пушкина пленительные звуки.

«Одесским друзьям», 1826

Называл Пушкина «соловьем» и «Иисусом Христом нашей поэзии», и как тут не вспомнить, что Рыба — символ христианства; случайно ли, — вопрошает Астролог, — что именно в этот момент Пушкин принимается за подражания басням «умеренного демократа Иисуса Христа»?

Их поэтические отношения — редкий случай отсутствия недоразумений, полное взаимное понимание места и значения (Астролог не может не заметить

здесь, что эти умные знаки — Близнецы и Рыбы — видят друг друга насквозь). Туманский подчиняется Пушкину безоговорочно, но это не тупое подчинение зомби, а умное согласие слабого стать в тени той силы, которая в случае необходимости эту слабость оборонит. «Исправлять, убавлять и прибавлять в моих пьесах даю тебе полное право», и даже: «Жги их [мои стихи] без пощады» (2 марта, 12 апреля 1827). Но при этом — вежливый, но очень настоятельный ультиматум: ты, Пушкин, должен «выводить в люди скромные таланты, которые за тебя же будут держаться» (12 апреля 1827).

Должен Пушкин вывести Туманского «в люди» — и все тут. Что же Пушкин, как реагирует он на эту слегка циничную откровенность младшего брата по перу? Он соглашается принять роль сюзерена — и посвящает Туманского в вассалы. «Мой Коншин», — так пренебрежительно определил Пушкин Туманского в письме к брату (январь-февраль 1825), и эти слова, по сути дела, — формула поэтического вассалитета. Н. М. Коншин — поэтический спутник Баратынского, его подголосок; в свои же поэтические пажи и вассалы Пушкин жалует Туманского. После этого феодального акта посвящения можно пинать Туманского как угодно («Он славный малый, но, как поэта, я не люблю его», — в письме к А. Бестужеву, 12 января 1824), можно довольно обидно пошутить на счет двух братьев Туманских («Василий кроме стихов ничего не крадет, а Антон крадет все, кроме стихов»), — наконец, можно публично, в печати, ославить Туманского-поэта за фантастически идиотскую невнимательность:

Одессу звучными стихами
Наш друг Туманский описал,
Но он пристрастными глазами
В то время на нее взирал.
Приехав, он прямым поэтом
Пошел бродить с своим лорнетом
Один над морем — и потом
Очаровательным пером
Сады одесские прославил.
Все хорошо, но дело в том,
Что степь нагая там кругом...

Не слишком правдоподобно, не мог Туманский-чиновник, так много и успешно колесивший по Крыму, не знать, что, «степь нагая там кругом», но такова логика подчинения: тем, кто равен, кто не пожелал подчиняться, — Катенину, Вяземскому и другим, — в «Онегине» досталось по доброму, а порой и хвалебному слову, а Туманскому — хоть и добродушная, но все же немного обидная эпиграмма. И вассал не обиделся — не имел права обидеться. Ведь и сюзерен имеет свои обязанности по отношению к вассалу, и за все насмешки Пушкину приходилось расплачиваться: похвалами — и вот уже Пушкин пишет в статье, правда, оставшейся в рукописи, что стихи Туманского «отличаются гармонией, точностью слога и обличают решительный талант» [22] (ты хочешь похвалы: «на вот, возьми ее скорей!»), или рекомендациями: «Полюби его, — заклинает Пушкин Плетнева (31 января 1831) на счет Туманского, — если ты еще его не любишь. В нем много прекрасного, несмотря на некоторые мелочи характера малороссийского». И Плетнев тут же, конечно, начал любить...

В их поэтических мирах удивительно много общего. Оба воспели смертоносные деревья: Туманский — манценил, который якобы погружает севшего под ним в сон исключительно сладкий, но вечный, Пушкин — анчар, смерть от которого не так приятна. Оба переводили одни и те же стихотворения Шенье. Оба написали стихи на смерть Амалии Ризнич; причем Туманский сделал это первым, наметив тему равнодушия:

И где ж теперь поклонников твоих
Блестящий рой? где страстные рыданья?
Взгляни: к другим уж их влекут
желанья... —

ту тему, которую Пушкин, получив сонет Туманского, разовьет до полноценного звучания:

Из равнодушных уст я слышал смерти
весть —

не сонет ли Туманского имеет Пушкин в виду? —

И равнодушно ей внимал я...

«Воровал» ли Туманский стихи у Пушкина? Похоже, нет: не осмелился бы. А вот Пушкин у Туманского «воровал» — вернее, брал по взаимно признанному праву сильного и главного. Распоряжался стихами «своего Коншина», как сырым материалом, — и «Коншин», конечно, не смел и пикнуть. Вот Туманский переводит стихи Шенье «У берегов, где Венеция царит над морем...»:

...без отзыва пою в стране чужой!
И звуки тайные, придуманные мной,
На море жизненном мой жребий
услаждают...

В подлиннике — «пою без эха», а вместо «звуков тайных» — «безвестные стихи»; но Туманский неплохо придумал: почему бы не использовать его удачные выражения? И вот появляется пушкинский вариант — краткий, точный, и слова Туманского словно бы встали на нужное место:

Как он, без отзыва утешно я пою
И тайные стихи обдумывать люблю.

2 марта 1827 Туманский посылает Пушкину из Одессы стихотворение «Гречанке» при письме, где сообщал: «Я люблю эту пьесу потому, что написал в ночь после бала ..., полупьяный... В ней есть какая-то дерзость выражений...»

...Обречена любви и славе,
Двойным увенчана венцом...

Пушкин оценил «дерзость выражений», и «двойной венец» немедленно был востребован:

И над задумчивым челом,
Двойным увенчанным венком,
И вьется и пылает гений...

Княгине З. Волконской, 1827

Есть материал Туманского и в «Онегине» — эти отзвуки, полузвуки, доведенные до полного, мощного звучания:

Но я ль, мои друзья, к противуречьям
склонный...
...Вас нынче обману...

Туманский, «Одесским друзьям», 1826

Пригодилось это «противуречие»:

Так нас природа сотворила,
К противуречиям склонна...

(5, VII)

Похоже, именно Туманскому первым пришла идея привести музу в застолье молодых друзей, — у него, впрочем, муз было много, поскольку его стихотворение 1823 года называется «Музы»:

На пиршествах друзей, в беседе молодой
Со мной вы [музы] пели и
смеялись,
Любили братский шум и чашей круговой
В жару веселья прохлаждались...

Все тут неплохо: и пиршества, и беседа, и пение, и веселье, — но только сказать нужно не так, по-другому; и, конечно, достаточно одной музы:

Я музу резвую привел
На шум пиров и буйных споров,
Грозы полуночных дозоров;
И к ним в безумные пиры
Она несла свои дары
И как Вакханочка резвилась,
За чашей пела для гостей...

Заслужил, отработал Туманский свою строфу в «Путешествии Онегина», и хоть слегка обидно, но ведь целая строфа!

Федоров Борис Михайлович

(16 III 1798—19 IV 1875) — прозаик и стихотворец, журналист, издатель разного рода периодических изданий; чиновник Департамента духовных дел иностранных исповеданий (1818—1826), в 1821—1823 секретарь при директоре Департамента А. И. Тургеневе, «который употреблял Федорова для писания множества писем, ... выписок для своей библиотеки из архивов и т. п., и за это доставил ему два ордена и чин» [23].

«Федоров никогда, нигде и ничему не учился ... Страсть к авторству увлекла его с молодых лет на литературное поприще, на котором он в продолжение десяти лет был освистываем в журналах и получил название в публике наследника графа Хвостова, который есть его меценат и покровитель... Он весьма плохо пишет по-русски, и что хуже, не знает того, что

17 Заказ № 2600

пишет дурно. Эпиграмма Пушкина ... живо и правильно изображает его литературные таланты:

Федорова Борьки
Мадригалы горьки,
Эпиграммы сладки,
Комедии гадки!» [24]

Этот не лишенный остроумия портрет взят из докладной записки М. Я. фон Фока, управляющего небезызвестным III отделением; знал бы Пушкин, что высокопоставленный жандарм в своем досье одобрительно на него ссылается! Фок, однако, ошибся в авторе: эпиграмма на самом деле была сочинена Дельвигом. Ходил анекдот (рассказанный или сочиненный Гречем) о том, как во время наводнения 1824 «ехали по Невскому проспекту на спинах мужиков Борис Федоров и барон Дельвиг. Последний кричал: «Федорова Борьки Мадригалы горьки» и проч., а первый: «Дельвига баронки пакостны стишонки» [25]. (Когда же еще Рыбе так разойтись и разгуляться, как не во время наводнения! — *Астролог*).

В альманахе «Памятник отечественных муз» на 1827 Федоров поместил с согласия Пушкина пять ранних стихотворений поэта, а сверх того, по собственному желанию, опубликовал отрывок из стихотворения «Фавн и пастушка». Вызвал этим негодование Пушкина — но что с того: стихи-то ведь уже опубликованы! При этом Федоров, как и все Рыбы, очень любил морализировать: «Никто не доставлял в своих сочинениях так много торжеств добродетели, никто столько раз не казнил в них порока, как доблестный Б. М. Федоров», — так писали Близнецы (Белинский) об этой Рыбе. Федоров постоянно старался улучшить произведения Пушкина и других поэтов его круга с точки зрения морали, а они почему-то не хотели совершенствоваться и только смеялись над доброжелателем. Вот, например, как отреагировал Пушкин на подробный и обстоятельный анализ четвертой и пятой глав «Онегина»: «Г-н Б. Федоров ... , разбирая довольно благосклонно четвертую и пятую главу «Онегина», заметил однако ж мне, что в описании осени несколько стихов сряду начинаются у меня частицею *уж*, что и назвал он *ужами*, а что в риторике зовется единоначатием. Осудил он также слово *корова* и выговорил мне за то, что я барышень благородных и, вероятно, чиновных, назвал *девчонками* (что, конечно, неучтиво), между тем как простую деревенскую девку называл *девою*» [26].

А вот что писал Вяземский А. И. Тургеневу (18 апреля 1828) по поводу того же разбора: «Твой Федоров в своем журнале критикует Пушкина, а пуще всего требует от него нравственности. После того встретились они у меня, и Пушкин насмешил меня с ним: «Отчего не описываете вы картин семейного счастия?» и тому подобное говорил ему нравоучитель, а тот отвечал ему по-своему». Интересно, что Пушкин мог встретиться с Федоровым у Вяземского; впрочем, Федоров был одним из наиболее частых посетителей Пушкина в гостинице Демута. А уж о встречах в Летнем саду или у Карамзиных и говорить не приходится: «Был у Карамзиных, виделся там с Пушкиным. Коля (сын Федорова — *Авт.*) сидел на коленях его и читал ему его стихи» (из дневника Федорова).

«Кстати: Борька также вывел юродивого в своем романе. И он байроничает, описывает самого себя! — мой юродивый, впрочем, гораздо милее Борьки — увидишь», — пишет Пушкин Плетневу (4-6 декабря 1825). Смеется, издевается, а от общения все равно никуда не денется. За три дня до дуэли Пушкин попался Федорову в книжной лавке И. Т. Лисенкова: «два или три часа не могли расстаться, — вспоминал Лисенков, — и пробыли в моем магазине чуть ли не до полуночи... и с жаром друг с другом вели непрерывный интересный разговор обо всем литературном мире; при расставании же оба один другого приглашали на всегдашнее знакомство, а

через три дня оказалось, что приглашению этому осуществиться должно за гробом...» [27]

Филимонов Владимир Сергеевич

(24 II 1787—24 VII 1858) — новгородский вице-губернатор (1817—1819), архангельский гражданский губернатор (1828—1831); писатель, издатель журнала «Бабочка, дневник новостей, относящихся до просвещения и общежития». В январе 1828 Филимонов напечатал в газете объявление, в котором анонсировал переведенную им книгу под названием «Искусство жить». «Каков Филимонов в своем Инвалидном объявлении, — тут же откликнулся Пушкин в письме к Вяземскому (28 января 1825). — Милый, теперь одни глупости могут еще развлечь и рассмешить меня. Слава же Филимонову!» (Вот вам разница между двумя знаками: Близнецам смешна даже мысль о возможности преподать другим искусство жить, а для Рыбы вполне естественно всех учить, как надо жить, и ничего смешного в этом нет, и странно, что кто-то не хочет учиться — *Астролог*).

В 1828 Филимонов дарит Пушкину свое самое известное произведение — весьма самокритичную автобиографическую поэму «Дурацкий колпак», главы которой заканчиваются рефреном: «Дурацкий кстати мне колпак». Подарок сопровождался посвящением:

А. С. Пушкину

Вы в мире славою гремите;
Поэт! в лавровом вы венке.
Певцу безвестному простите:
Я к вам являюсь — *в колпаке*.

Вот так, по-домашнему (Рыба не любит фрака и предпочитает халат, в чем еще можно будет убедиться на примере Языкова — *Астролог*); Пушкин же, получив поэму утром (22 марта 1828), лежа в постели, сразу же по-домашнему и ответил, — но в ответе этом был пугающий намек и даже, увы, зловещее предсказание:

Вам музы, милые старушки,
Колпак связали в добрый час,
И, прицепив к нему гремушки,
Сам Феб надел его на вас.
Хотелось в том же мне уборе
Пред вами нынче щегольнуть
И в откровенном разговоре,
Как вы, на многое взглянуть;
Но старый мой колпак изношен,
Хоть и любил его поэт;
Он поневоле мной заброшен:
Но в моде нынче красный цвет.
Итак, в знак мирного привета,
Снимая шляпу, бью челом,
Узнав философа-поэта
Под осторожным колпаком.

Пушкин играючи превратил милый и мирный домашний колпак в красный колпак санкюлота: наверно, перепугался Филимонов от таких намеков! И правильно перепугался: через три года, в 1831, его арестуют по ложному доносу об участии в тайной организации Сунгурова, найдут в его бумагах письма декабрис-

Филимонов был большим гурманом (на что и намекает шарж Н. А. Степанова).

тов (любил Филимонов собирать «любопытные бумаги, особенно до России касающиеся» [28])... Пока же, 17 апреля 1828, Пушкин вместе с Вяземским и Жуковским «спрыскивают» «Дурацкий колпак» у Филимонова в Коломне у Кокушкина моста. Филимонов сохранил об этой встрече самые возвышенные воспоминания — говорил, что «последний настоящий литературный вечер был у него», и, будучи тонким гастрономом, прибавил: «славно поужинали» [29]. Однако слухи об этой пирушке поползли самые темные и грязные; Пушкин в письме к Вяземскому (январь 1829) говорит о них с присущим Близнецам юмором, но ясно, что Вяземскому было не до смеха, особенно если вспомнить, под каким знаком родилась княгиня Вера: «Жуковский со смехом говорил, что говорят, будто бы ты пьяный был у девок, и утверждает, что наша поездка к бабочке-Филимонову, в неблагопристойную Коломну, подала повод этому упреку. Филимонов, конечно, <.......> а его бабочка, конечно, рублевая парнасская Варюшка, в которую и жаль и гадко что-нибудь нашего <.......>. Все ж не беда...» Не беда, конечно, — но все-таки, — рекомендует Астролог, — не надо Льву и Близнецам иметь дело с Рыбами; впрочем, предупреждать бесполезно.

Шишков Александр Семенович

(20 III 1754—21 IV 1841) — писатель, автор «Рассуждения о старом и новом слоге российского языка» (1802), один из основателей «Беседы любителей русского слова»; адмирал (а значит, и формально не чужд своей водной стихии), министр народного просвещения и глава цензурного ведомства (1824—1828), член Государственного совета, президент Российской Академии (1813—1841).

Призывы Шишкова вернуть русский язык «к первобытному его великолепию» (и писать, например, «грядый» вместо «тот, который идет» или «мокроступы» вместо «галош») были для Пушкина и его литературных единомышленников неиссякаемым источником веселья; создается коллективный карикатурный образ Шишкова — того Шишкова, который «на шее носит шиш на пестрой тесьме, а в петлице — раскольничью бороду на голубой ленте» (Воейков, «Парнасский адрес-календарь...» [30]), — но Пушкин участвует в этом шарже всего лишь одной эпиграммой:

Угрюмых тройка есть певцов —
Шихматов, Шаховской, Шишков,
Уму есть тройка супостатов —
Шишков наш, Шаховской, Шихматов,
Но кто глупей из тройки злой?
Шишков, Шихматов, Шаховской!

Уже в 1821 Пушкин находит нечто сближающее его с Шишковым: «Уж эта мне цензура! Жаль мне, что слово *вольнолюбивый* [в послании Чаадаеву] ей не нравится: оно так хорошо выражает нынешнее libéral , оно прямо русское, и, верно, почтенный А. С. Шишков даст ему право гражданства в своем словаре, вместе с шаротыком и с топталищем» (Гречу, 21 сентября 1821). (Конечно, даст, должен дать: море, вода — «свободная стихия», а Шишков — адмирал и к тому же Рыба... — *Астролог*).

Адмирал был назначен главой цензурного ведомства как раз в тот момент, когда из-под пера Пушкина вышло самое водное (если не считать «Медного всадника») его произведение: «Бахчисарайский фонтан». Отношение Рыбы к его фонтану Пушкина очень волновало: «На каком основании начал свои действия дедушка Шишков? Не запретил ли он «Бахчисарайский фонтан» из уважения к святыне Академического словаря и неблазно составленному слову *водомет?*» (брату, 13 июня 1824). Любопытно, что когда Пушкин будет писать Шишкову жалобу на Ольдекопа, незаконно издавшего «Кавказского пленника», поэт по рассеянности — или по игре иных сил — вместо «Пленника» напишет: «Г-н Ольдекоп в прошлом 1824 году перепечатал мое сочинение «Бахчисарайский фонтан...»

Несмотря на прогремевшие на всю Россию слова Шишкова о вреде обуче-

ния народа грамоте (в речи, произнесенной 11 сентября 1824), Пушкин новым цензурным начальником был в целом доволен, по крайней мере, на первых порах: «Не ожидал я, чтоб он [«Онегин»] протерся сквозь цензуру — честь и слава Шишкову!» (Вяземскому, 25 января 1825); «Кому же как не ему обязаны мы нашим оживлением?» (Бестужеву, май-июнь 1825).

И вот из Михайловского раздается целый гимн в честь нового верховного цензора:

...Обдумав наконец намеренья благие,
Министра честного наш добрый царь избрал,
Шишков наук уже правленье восприял.
Сей старец дорог нам: друг чести, друг народа,
Он славен славою двенадцатого года;
Один в толпе вельмож он русских муз любил...

Действительно «славен»: именно Шишков написал объявление об освобождении Москвы от французов, где о последних с их бедным, скудным языком (не чета «славенороссному»!) говорилось весьма пренебрежительно: «сами французские писатели изображали нрав народа своего слиянием тигра с обезьяной» [31]. Лицейская кличка Пушкина — «смесь тигра с обезьяной» — заимствована из этого самого объявления Шишкова [32]; вспомнилось ли это Пушкину, когда он пел свою хвалу старцу?

А по возвращении из ссылки у Пушкина появился новый, царственный цензор, так что отношения с Шишковым не успели испортиться, и иллюзии — развеяться. Вот еще своеобразное выражение симпатии: Пушкин готовит критическое издание «Слова о Полку Игореве», но откладывает издание якобы потому, что «ему нужно дождаться смерти Шишкова, чтобы преждевременно не уморить его критикою, а других смехом» [33]. (не дождался: лишнее подтверждение тому, что ждать — не лучшая стратегия для Близнецов — *Астролог*).

Они еще не раз встречались на заседаниях Российской Академии; но интересней тайные поэтические «встречи» Пушкина с Шишковым, неожиданные всплытия воспоминаний о нем в пушкинской поэзии. По крайней мере дважды «вспоминает» Пушкин о писателе-адмирале в Болдинскую осень. В восьмой главе «Онегина» (тогда еще она была «песнью девятой») он обращается к нему почти дружески:

Шишков. Портрет работы О. Кипренского, 1825.

Ш... прости
Не знаю как перевести.

Вспоминает (если это, конечно, не бессознательная реминисценция) о Шишкове и в «Бесах»:

Посмотри: вон, вон играет,
Дует, плюет на меня...

Это «дует, плюет» — из веселого арзамасского прошлого, почти из детства. Шишков, поклонник Сумарокова, восхищался его строкой «Борей мой дует, Борей мой плюет» [34], в которой, как казалось адмиралу, проявилось несомненное превосходство российского поэта над жалким французом Лафонтеном (статья «Сравнение Сумарокова с Лафонтеном»). Арзамасцы же эти преувеличенные восторги Шишкова по поводу сомнительной строки находили комичными, и нелепый образ плюющегося Борея, благодаря стараниям Шишкова, вошел в обиход иронической речи. Вяземский, злясь на плохую погоду 29 октября 1813, писал А. И. Тургеневу: «Ветер дует, плюет, сует; но я не Шишков и этому не радуюсь, а зябну» [35]. Быть может, плохая погода и Пушкина навела на воспоминание о смешной статье Шишкова и подкинула под его перо этот шишковско-сумароковский образ. Так — анонимно, инкогнито, — и живет адмирал Шишков в плевке безымянного пушкинского беса.

Языков Николай Михайлович

(16 III 1803—7 I 1846) — поэт, брат А. М. и П. М. Языковых. Пристрастие к родной стихии здесь сразу же бросается в глаза: кто еще из поэтов дважды написал стихи под названием «Пловец» (один из этих «Пловцов» стал знаменитым романсом, который вдохновенно исполнял В. И. Ленин: «Нелюдимо наше море...»), а в придачу к этому — еще и «Морское купание», «Ундина», «Море ясно, море блещет...», «Водопад» («Море блеска, гул, удары...»), «Маяк» («Меж морем и небом...»). Языковские гимны вину — в сущности, лишь иное выражение все того же стихийного родства с текучим; призывы напиться и призывы искупаться озвучены с одинаковой интонацией: да и на самом деле — не все ли равно, погружать себя в воду или загружать воду в себя:

Известно всем, что в наши дни
За речи многие страдали:
Напьемся так, чтобы они
Во рту же нашем умирали!...

...Одежду прочь! перед челом
Протянем руки удалые
И бух! — блистательным дождем
Взлетают брызги водяные.
Какая сильная волна!
Какая свежесть и прохлада!
Как сладострастна, как нежна
Меня обнявшая наяда!

Вторая цитата — из обширного стихотворения «Тригорское». Как вы думаете, с кем купается Языков? С Вульфом и, конечно же, с Пушкиным; как же еще вспомнить поэта, как не в сладострастный момент совместных объятий с речной «наядой»?

А после купания? Конечно же, закутаться в халат... В жизни Рыбы одной из самых важных вещей является халат. (Невольно вспоминается Илья Ильич Обломов — более типичную Рыбу трудно сыскать! — *Астролог.*) Вот очень характерное Рыбное стихотворение, посвященное халату (современникам был хорошо известен знаменитый халат Языкова):

Окутан авторским халатом,
Смеется он в восторге дум,
Над современным Геростратом,
Ему не видятся в мечтах
Кинжалы Занда и Лувеля...

Герострат — это отчасти и Пушкин, к которому Языков относился с большой осторожностью. «Пушкин меня зовет к себе, — не знаю, что отвечать на это; ведь с ним вязаться лишь грех, суета»; «Между нами будь сказано, Пушкин приезжал сюда по делам не чисто литературным или, вернее сказать, не за делом, а для картежных сделок, и находился в обществе самом мерзком: между щелкоперами, плутами и обдиралами. Это всегда с ним бывает в Москве. В Петербурге он живет опрятнее». Рыба, — заметит Астролог, — готова воспевать в стихах любые романтические подвиги, любое удальство и буйство, но сама в сомнительные дела влезать не будет — предпочтет лежать на диване в халате и

Поэт Языков. Естественно. в халате. Р. Гундризер по оригиналу А. Д. Хрипкова 1828 г.

пить. Литературная слава пришла к Языкову сама, он ничего не делал, чтобы привлечь ее к себе, — все получилось само собой: Рыбными стихами заинтересовались Лев (Дельвиг), Водолей (Жуковский), Близнецы (Пушкин) — зачем же

при этих обстоятельствах Рыбе вставать с дивана? Все принесут сами!

Клянусь Овидиевой тенью:
Языков, близок я тебе...
Услышь, поэт, мое призванье,
Моих надежд не обмани...
Я жду тебя...

Именно словом «жду» в основном и определялись отношения Пушкина с этой Рыбой. Пушкин ждет Языкова в Михайловском, в Москве, в Симбирской губернии, ждет для сотрудничества в различных периодических изданиях — а Рыба не слишком-то спешит: и к самому Пушкину, и к творениям его относится весьма осторожно: «Я читал в списке весь «Бахчисарайский фонтан»: эта поэма едва ли не худшая из всех его прежних» [36]; «Я не желал бы сочинить то, что знаю из Онегина. Он мне очень, очень не понравился; думаю, что это самое худое из произведений Пушкина»; «Стихи [«К друзьям»] — просто дрянь. Этакими стихами никого не выхвалишь, никому не польстишь, и доказательство тонкого вкуса в ныне царствующем государе есть то, что он не позволил их печатать» [37]; «Баратынский тоже пишет повести в прозе: его будут гораздо лучше [чем «Повести Белкина»], он вообще мастер рассказывать» (брату, 1831) [38]; «[в поэтической части сборника «Новоселье»] все вздор, начиная от Пушкина до барона Розена» [39]; по поводу исторических работ Пушкина: «он вторгается в область Истории... собирается сбирать плоды с поля, на коем он ни зерна не посеял» [40]. И так до бесконечности...

А сам при этом как требователен! «Пушкин некогда обещался отстаивать честь моей музы [т. е. написать рецензию на стихи Языкова]... Потрудитесь напомнить ему об этом обещании» (Вяземскому, 3 июня 1833 [41])

Что тут поделаешь? Остается приобщаться к родной Рыбе стихии — проливать воду, то бишь вино и слезы: «Зачем он назвал их [свои стихи] «Стихотворения Языкова»! Их бы следовало назвать просто «Хмель»! — заявляет Пушкин Гоголю и проливает якобы слезу над языковским посланием к Давыдову [42]. А в «Онегине» так просто пускает Языкова поплавать, поплескаться в водичке романтических стихов:

...И полны истинны живой
Текут элегии рекой.
Так ты, Языков вдохновенный,
В порывах сердца своего,
Поешь, бог ведает, кого...

Так и будет пушкинско-онегинский Языков вечно плыть по реке элегий — Бог ведает куда и Бог ведает зачем.

Близнецы — Овен

«Не ведают, что скука, страх»

Знаки 1—11. Воздух и Огонь; Круг Ума и Круг Воли; энергия информационного обмена и общественных игр. Кажется, неплохо — так оно и есть. Близнецам и Овну вместе хорошо делать какое-нибудь реальное, даже очень трудное дело; им хорошо вместе путешествовать, развлекаться, можно вместе что-то придумывать, они запросто могут сделать какое-нибудь открытие. Они поддерживают друг друга (классическое: Воздух раздувает Огонь, Огонь согревает Воздух). И Близнецы, и Овен отличаются быстрой реакцией, бурной энергией, неукротимой фантазией; в трудную минуту они не закрывают голову платком в ожидании, что буря или пронесется мимо или накроет их, а начинают соображать в сотни раз быстрее чем обычно, — они вообще плохо понимают, что такое безвыходные ситуации; и Близнецы и Овен верят в чудеса, любят праздник, блеск, обожают и умеют быть в центре внимания; кажется, любое их совместное начинание обречено на успех, кажется, им ни за что не может быть скучно друг с другом. Так обычно и бывает, но при условии, что они вместе делают какое-то дело (в их отношениях обязательно должен быть «третий» — внешняя среда, научная проблема, путь, по которому они вместе идут, трудности, с которыми они борются, и т. п.) и что их общение не длится очень долго или, по крайней мере, имеет перерывы. В трудную минуту они идеальные помощники друг другу, но опять с условием: помогут быстро — и надо быстро разбегаться; оставаться вдвоем надолго, в отсутствие внешних отвлекающих моментов, им не рекомендуется, ибо тут и обнаруживается то, что скрыто во время общей кипучей деятельности: им тяжело друг с другом наедине — сразу начинают выявляться взаимные претензии. При всей похожести это очень разные знаки. Овен — это, по мнению классической астрологии, действие без ума. Баран либо стену проломит, либо рога сломает; то, что стену можно обойти, ему и в голову не придет, — это ведь Круг Воли. Овен — романтик, это верно; он верит в красивые сказки, чудеса, но больше всего он верит в высшие ценности, в идеалы — и делает все,

Фигурная ваза, украшающая боковой фасад Михайловского замка в Петербурге.

чтобы жизнь (и свою, и чужую) построить в соответствии с этими идеалами. Именно построить: не забудем — Овном руководит Марс; поэтому если кто-то не желает строить свою жизнь по Овном заданным идеалам, то Овен ее построит сам, причем церемониться не будет; методы его — принуждение (а то и насилие), подавление, — одним словом, методы силовые. И все ради привнесения в мир порядка в соответствии с красивыми идеалами. Он готов часами читать вам мораль, объясняя преимущества своего идеала, он не остановится ни перед чем. Причем доказательство он понимает только одно — силу; у Овна третьего не дано: или давит он или давят его. Если вы просто из вежливости слушаете его речи, он решит, что вы уже завоеваны и без стеснения начнет вами командовать, причем может делать это очень грубо; но если вы в ответ на его грубость заорете на него еще грубей, а еще лучше — ударите его, то он мгновенно признает вашу силу и правоту, и возможно, даже превосходство ваших идеалов:

Не бросил ли я все, что прежде знал,
Что так любил, чему так жарко верил,
И не пошел ли бодро вслед за ним
Безропотно, как тот, кто заблуждался
И встречным послан в сторону иную?

Внешнее, энергичное действие, яркое слово — опять же внешнее; бурные и быстрые перемещения: пространство — подлинная стихия Овна, и не случайно именно среди Овнов мы находим двух ярких путешественников, не способных сидеть на месте, — Гоголя и А. И. Тургенева. А Близнецы? Им с Овном, естественно, сразу становится скучно, песня про идеалы им мгновенно надоедает. Овновая патетика кажется им смешной и глупой, а грубость и настырность Овнов, их стремление совать нос в чужую жизнь с целью наведения в ней порядка вызывает у Близнецов естественное раздражение. А Овен злится на Близнецов за их непостоянство, отсутствие идеалов, несерьезность, неумение посвятить всего себя без остатка одной, но пламенной страсти. Близнецы же не понимают, зачем одной? Их ведь на всех хватит, и надо честно сказать, получается у них не хуже, чем у Овна (да вот в том-то и беда, по мнению Овна: они ведь делают все несерьезно, с насмешкой, издеваясь, а вот бы их ум, талант, энергию заставить серьезно служить идее...) Но при слове «заставить» Близнецы улетают прочь, а другого метода Овен не знает. Так и живут: Овен пытается перевоспитывать и наставлять Близнецов на путь истинный; Близнецы, если не очень пристает, могут даже чем-нибудь Овна порадовать, стараются понапрасну Овна не раздражать, но и подставляться Овну не хотят, и всегда готовы улизнуть.

Около Пушкина Овнов много. Это военные (что понятно), генералы (Овен любит командовать); декабристы и члены всяких обществ (тоже понятно: где общество, там элита, борьба за идею!); но Овен удивительно умеет совмещать в себе Марсово начало и «жар к искусствам творческим, высоким и прекрасным» — поэтому много среди Овнов писателей, особенно переводчиков (Овен обожает доносить до слушателя и читателя недоступные по каким-то, в данном случае языковым, причинам произведения), много ученых (Овен любит заниматься историей, рыться в архивах: это ведь придание системы, стройности прошлому!). Женщины-Овны, как и мужчины, горды, самостоятельны, уверены в себе и своей самоценности (таких любить очень трудно). Овны случались около Пушкина в трудные минуты, или он случался около них в минуты роковые; грели, поддерживали друг друга, но «друзей души» среди них нет. Это естественно. Но Овны в этом не виноваты: они появлялись, когда были нужны, и обычно исчезали, когда нужда в них проходила и они становились в тягость. И ничего здесь не поделаешь.

Абамелек Анна Давыдовна

А. Д. Абамелек. Портрет А. П. Брюллова, 1830-е гг.

(15 IV 1814—25 II 1889) — княжна, фрейлина, переводчица Пушкина и других русских поэтов на иностранные языки. Именно ей принадлежит перевод на французский язык стихотворения «Талисман», положенного на музыку Н. С. Титовым. Знакомство Пушкина с Анной Давыдовной могло произойти еще в Царском Селе, в пору учебы Пушкина в Лицее. Анне было чуть больше года:

Когда-то (помню с умиленьем)
Я смел вас нянчить с восхищеньем,
Вы были дивное дитя.
Вы расцвели — с благоговеньем
Вам ныне поклоняюсь я.
За вами сердцем и глазами
С невольным трепетом ношусь
И вашей славою и вами,
Как нянька старая горжусь.

Редчайшее у Пушкина уподобление себя няньке; но за Овном и в самом деле нужен глаз да глаз, особенно если это прелестная армянка, о которой слепец Козлов написал так, словно бы он ее видел:

Восток горит в твоих очах,
Во взорах нега упоенья,
Напевы сердца на устах,
А в сердце пламень вдохновенья.

В 1835 вышла замуж за И. А. Баратынского, брата поэта, и О. С. Павлищева писала об этом браке мужу: «Ираклий женится на княжне Абамелек — говорят, *обворожительной*» [1].

Востоков Александр Христофорович

(Остенек Александр-Вольдемар) (27 III 1781—20 II 1864) — поэт, филолог-славист. Общение Востокова с Пушкиным происходило в основном на различных заседаниях: в 1818 — Общества любителей российской словесности, наук и художеств; а начиная с 1833 — Российской Академии (кстати, в декабре 1832 Востоков был среди тех, кто подал свой голос за избрание Пушкина в члены Академии). В бумагах Пушкина сохранилась записка Востокова о «Слове о полку Игореве», написанная специально для поэта (если дело на пользу серьезной науке, Овен всегда готов помогать всеми силами — *Астролог*).

Востоков. Литография с рисунка М. И. Белоусова, 1821. Рис. Пушкина 1828 — Востоков?

Востоков-стиховед был «предшественником Пушкина в деле применения народных размеров к письменному стиху» [2]. В «Путешествии из Москвы в Петербург» Пушкин произнесет пророчество о будущем русского стиха и сошлется на Востокова: «Много говорили о настоящем русском стихе. А. Х. Востоков определил его с большою ученостию и сметливостию. — Вероятно, будущий наш эпический поэт изберет его и сделает народным». Определение Востокова, о котором говорит Пушкин, мы обнаруживаем в трактате «Опыт о русском стихосложении»: в русских народных стихах, по мнению Востокова, «считаются не стопы, не слоги, а *прозодические периоды*, т. е. ударения, по коим и должно размерять стихи старинных русских песен» [3]. Иначе говоря, стих держится одинаковым числом ударных слогов; такой, тонический тип стиха и соот-

ветствующие ему формулы «дольников» и «паузников» действительно получат полное гражданство в русской поэзии 20 века. Пушкин также использует стих такого типа — и в «Сказке о рыбаке и рыбке» он будет звучать настолько смело, что иные современники ее ритм не поймут: эта сказка «написана чуть ли не слишком вольными стихами; я не мог добраться в ней никакого правильного размера», — признается Катенин [4].

Гоголь Николай Васильевич

(1 IV 1809—4 III 1852) — писатель. Впервые о Гоголе сообщил Пушкину Плетнев в письме от 22 февраля 1831. Пушкин ответил, что произведений Гоголя еще не читал «за недосугом». Но досуг все же нашелся: «Сейчас прочел «Вечера близ Диканьки». Они изумили меня. Вот настоящая веселость, искренняя, непринужденная, без жеманства, без чопорности. А местами какая поэзия, какая чувствительность! Все это так необыкновенно в нашей литературе, что я доселе не образумился». Личное знакомство Пушкина с Гоголем состоялось 20 мая 1831 в Петербурге, естественно, у Плетнева, подарившего Пушкина своему Знаку Смерти.

В собрании знаменитых слов о Пушкине словам Гоголя принадлежит не последнее место: «Он более всех, он далее раздвинул ему [русскому языку] границы и более показал все его пространство»; «в каждом слове бездна пространства; каждое слово необъятно, как поэт». Случайно ли, что мысль описать Пушкина в таких вот внешних территориальных терминах — «пространство», «границы», — пришла в голову человеку, решительно неспособному пребывать в неподвижности и имевшему поистине чудовищную «охоту к перемене мест», — человеку, не выносившему «границ» и лечившему себя пространством, бесконечными перемещениями в нем: «после каждой неудачи в его литературной судьбе ... он поспешно покидал город, в котором находился», — замечает о Гоголе Набоков [5]. Здесь, конечно, точка их близости: Пушкин — также скорее «странствователь», чем «домосед» (если воспользоваться классификацией из хорошо известной в то время пр.ітчи Батюшкова):

Гоголь. Карикатура неизв. автора. Рис. Пушкина 1833 — Гоголь?

> Поедем, я готов; куда бы вы, друзья,
> Куда б ни вздумали, готов за вами я...

«Путешествие нужно мне нравственно и физически» (Нащокину, около 25 февраля 1833). И как ни проклинает он дорогу, как ни «вздыхает о пристани» — но вновь и вновь пускается в путь:

> То ли дело, братцы, дома!..
> Ну, пошел же, погоняй!..

И «границы» Пушкин ненавидит до такой степени, что именно от «границы» в ее самом идиотском материальном воплощении ждет себе смерти:

> ...Иль мне в лоб шлагбаум влепит

Непроворный инвалид.

«Раздвинул границы языка» — Пушкин, которому по злой иронии судьбы не суждено было пересечь даже границу России, оценил бы по достоинству этот комплимент! Нельзя пересечь, но можно «раздвинуть» — гораздо более сильное, почти магическое действие. Пушкин открыл «пространство слова» — и он же, так много ездивший по Руси, открыл Гоголю русское пространство, «раздвинул его»: «внушил» ему описание степи в «Тарасе Бульбе» [6], подарил сюжеты поэмы, где главным героем является колесящая по всей России бричка, и пьесы, состоящей из встречи и проводов некоего проезжающего. Образ «пространства слова» в сюжете о Пушкине и Гоголе явно неотделим от этой общей их любви к пространству внешнему. И Россия, конечно, — апофеоз пространства. Гоголь перехватывает у Пушкина тему великого русского пространства в тот момент, когда в скептических умах образ «огромной России» решительно себя дискредитировал, когда Пушкин в послании «Клеветникам России» пытался еще это пространство воспеть:

Иль мало нас? Или от Перми до Тавриды,
От финских хладных скал до пламенной
Колхиды,
От потрясенного Кремля
До стен недвижного Китая,
Стальной щетиною сверкая,
Не встанет русская земля? —

но Вяземский уже одергивал его: «Мне так уж надоели эти географические фанфаронады наши: *От Перми до Тавриды* и проч. Что же тут хорошего, чем радоваться и хвастаться, что мы лежим в растяжку, что у нас от мысли до мысли пять тысяч верст, что физическая Россия — Федора, а нравственная — дура. Велик и Аникин, да он в банке» [7]. Та же ирония в адрес русских просторов — в философских письмах Чаадаева: «Чтобы заставить себя заметить, нам пришлось растянуться от Берингова пролива до Одера» [8]. Вяземскому и Чаадаеву вторил Тютчев, воспевший хвалу железным дорогам как победительницам «самого страшного врага» человека — пространства: «На меня они благотворно действуют, потому что они успокаивают мое воображение касательно самого моего страшного врага — пространства, ненавистного пространства, которое на обычных дорогах топит и погружает в небытие и тело наше и душу». «О, проклятые расстояния!» — восклицает он то и дело в письмах; не удивительно, что восточноевропейская и русская равнина, как воплощение чистого, незамутненного пространства в его полной наготе, пространства как такового, произвела на Тютчева самое тягостное впечатление: «Попадаешь на необъятную равнину, скифскую равнину, которая так часто поражала тебя на моей рельефной карте, где она образует огромную плоскость; а в действительности она не привлекательней, чем на карте» [9].

Страх перед пространством, отвращение к нему — вот квинтэссенция русского западничества; совсем иное дело — Пушкин и Гоголь: у них русское пространство не пусто, но до отказа заполнено. Прочитаешь стихи из письма Соболевского, где русская пространство дано, казалось бы, в одном лишь гастрономическом отношении, — и диву даешься: как мог Тютчев, знавший прекрасно этот путь, не заметить ни забавных тверских итальянцев, ни мужичка с колымагой, ни бессмертных «податливых крестьянок», не говоря уже о синих форелях и пожарских котлетах, — а увидел одну лишь «огромную плоскость»! Именно эту зоркость путешественника унаследовал от Пушкина Гоголь; и воспринял сразу же еще одно — загадочную связь пространства с мыслью, которую начисто отрицали и Вяземский, и Тютчев. «У нас от мысли до мысли пять тысяч верст», физическая Россия подавляет Россию умственную; и для Тютчева пространство подавляет мысль: «Человеческая мысль должна отличаться почти что религиозным рвением, чтобы не быть подавленной страшным представлением о да-

ли» [10]. Совсем иначе — у этих двух «несносных наблюдателей»; путь рождает образы:

Я ехал к вам: живые сны
За мной вились толпой игривой...

Пространство не подавляет, но рождает мысль, и чем бесконечней даль, тем бесконечней мысль: «Здесь ли, в тебе ли не родиться беспредельной мысли, когда ты сама без конца?» — скажет Гоголь о России в «Мертвых душах».

Нет ни у Пушкина, ни у Гоголя страха пространства, раздвигающейся дали, бесконечности; оба они пережили «бездну пространства», разглядели в ней целые миры, вот почему знаменитое определение Гоголя, с которого мы начали («в каждом слове бездна пространства...») одновременно и метафорично, и буквально: русское пространство втянуто Пушкиным внутрь слова, и слово стало беспредельным.

Однако при всем этом глубоком сродстве своих «странствований» — «в одном экипаже» Пушкин и Гоголь не ездили: каждый сам по себе. Впрочем, Пушкин мог позволить себе зайти к Гоголю и рыться у него в бумагах, — не написал ли чего нового? — но к себе слишком близко Гоголя не подпускал: «Гоголь никогда не был близким человеком к Пушкину» (Нащокин). (Астролог тут заметит: Близнецы прекрасно знают, что с Овном нельзя допускать никакого амикошонства — тут же сядет на голову и поедет! — и умеют мягко и деликатно, но незыблемо установить с Овном необходимую дистанцию).

Да и вряд ли близкое общение с Пушкиным было бы полезно Гоголю. Взять хотя бы оригинальные доводы, которыми Пушкин убеждал молодого малоросса скорее начать капитальный труд: «начал он представлять мне слабое мое сложение, мои недуги, которые могут прекратить мою жизнь рано...» [11]. Оно, конечно, все верно, и смерть приходит внезапно, о чем циничные Близнецы всегда рады порассуждать, — но страшно и представить, какое впечатление эти «ума холодные наблюдения» могли произвести на мнительного, нервного Гоголя! Так что пускай уж каждая едет своей дорогой — гоголевская бричка и пушкинская «телега жизни».

Дилижанс. Гравюра, 1830-е гг.

Загряжская Екатерина Ивановна (25 III 1779—30 VIII 1842) — фрейлина, тетка Натальи Николаевны. По свидетельству О. С. Павлищевой, «делала из Натальи Николаевны все, что хотела» (как и положено Знаку Смерти — *Астролог*) — по счастью, хотела она своей племяннице хорошего: устраивала ее положение при дворе, оплачивала туалеты, помогала материально; правда, все делалось излишне властно — но тут уж ничего не поделаешь; кстати Пушкин как раз этой властностью тетки по отношению к жене был доволен: «Благодарю мою бесценную Катерину Ивановну, кото-

Е. И. Загряжская. Портрет неизв. худ.; рис. Пушкина 1831.

рая не дает тебе воли в ложе (воли Овен вообще никому давать не любит — *Астролог*). Целую ее ручки и прошу, ради Бога, не оставлять тебя на произвол твоих обожателей»; «Тебе пришлют для подписания доверенность. Катерина Ивановна научит тебя, как со всем эти поступить» — верно, научит: практического ума Овну не занимать. У Пушкина с Катериной Ивановной отношения самые дружеские, она часто просто балует его: то пришлет шоколадный бильярд, то «корзину с дынями, с земляникой, клубникой — так что боюсь поносом встретить 36-й год бурной моей жизни», — шутливо докладывает Пушкин жене. «Тетка заезжала вчера ко мне и беседовала со мною в карете; я ей жаловался на свое житье-бытье; а она меня утешала». После смерти Пушкина Катерина Ивановна сопровождала Наталью Николаевну из Петербурга до Калуги, нежно ухаживала за ней; а с другой своей племянницей, Катериной, женой Дантеса, Загряжская даже не пожелала проститься, когда та уезжала за границу, — Овен не Водолей: не может водиться и с убитым, и с убийцей. Так же непримиримо относилась к врагам Пушкина: «Удивительно, как эта женщина меня любит, она скрежещет зубами, когда должна здороваться со мною» [12], — писала Е. Н. Гончаровой-Дантес в ноябре 1838 Идалия Полетика, известная свой ненавистью к поэту.

Кипренский (Швальбе) Орест Адамович

Кипренский. Автопортрет, 1829.

(24 III 1782—17 X 1836) — художник, автор писанного с натуры портрета Пушкина (май—июнь 1827). По утверждению С. Л. Пушкина, лучший портрет его сына «есть тот, который написан Кипренским и гравирован Уткиным». «Вот поэт Пушкин, — пишет об этом портрете Никитенко. — Не смотрите на подпись: видев его хоть раз живого, вы тотчас признаете его проницательные глаза и рот, которому недостает только беспрестанного вздрагивания».

Любимец моды легкокрылой,
Хоть не британец, не француз,
Ты вновь создал, волшебник милый,
Меня, питомца чистых муз, —
И я смеюся над могилой,
Ушед навек от смертных уз.
Себя, как в зеркале, я вижу,
Но это зеркало мне льстит.
Оно гласит, что не унижу
Пристрастья важных аонид.
Так Риму, Дрездену, Парижу
Известен впредь мой будет вид.

(Близнецы свято верят, что портрет помогает общению мертвых с миром живых — *Астролог*).

Киреевский Иван Васильевич

(3 IV 1806—23 VI 1856) — брат П. В. Киреевского, чиновник Московского архива иностранных дел, критик и публицист, сотрудник «Московского вестника», издатель журнала «Европеец» (1832). Московский знакомый поэта. «В Пушкине я нашел еще больше, чем ожидал, — писал Киреевский С. Соболевскому. — Такого мозгу, кажется, не вмещает уже ни один русский череп» [13]. Пушкин также высоко ценил Киреевского как критика и журналиста, собирался участвовать в его журнале; в самом деле, как замечательно написал Киреевский в первом номере своего журнала о «Борисе Годунове» — «Тень умерщвленного Димитрия царствует в трагедии от начала до конца» [14], — не царь, не самозванец царствуют, а тень мертвого: не могло это Пушкину не понравиться! И он связывает с Киреевским большие надежды, сулит его журналу серьезное будущее. «Если гадать по двум первым №, то «Европеец» будет долголетен», —

опрометчиво пишет Пушкин Киреевскому 4 февраля 1832, — и журнал тут же, через несколько дней, был запрещен (прогнозы Пушкина, имеющие свойство сбываться, но в совершенно обратном смысле, — особая тема). Пушкин принял деятельное участие в судьбе опального издателя. «Журнал Европеец запрещен вследствие доноса, — писал Пушкин И. И. Дмитриеву. — Киреевский, добрый и скромный Киреевский, представлен правительству сорванцом и якобинцем. Все здесь надеются, что он оправдается, и что клевета будет изобличена» (14 февраля 1832). А самому Киреевскому Пушкин пишет: «Запрещение Вашего журнала сделало здесь большое впечатление; все были на Вашей стороне, то есть на стороне совершенной безвинности... Вы одни не действовали, и вы в этом случае кругом неправы. Как гражданин лишены Вы правительством одного из прав всех его подданных (Близнецы знают, какая у Овна самая чувствительная струна — *Астролог*); Вы должны были оправдываться из уважения к себе и, смею сказать, из уважения к государю... Между тем обращаюсь к Вам ... с сердечною просьбою. Мне разрешили на днях политическую и литературную газету. Не оставьте меня, братие!.. Шутки в сторону: Вы напрасно полагаете, что Вы можете повредить кому бы то ни было Вашими письмами. Переписка с Вами была бы мне столь же приятна, как дружество Ваше для меня лестно...» Близнецы всегда помогают Овнам, — заметит Астролог, — Киреевский не исключение, и помощь их всегда действенна: предложат и выход из сложной ситуации, и новое конкретное общее дело.

Грешен был Киреевский увлечением немецкой философией, Пушкиным не любимой; даже Одоевский заметил молодому критику, что его программная статья «Девятнадцатый век» слишком уж «отзывается заветными словами фанатического шеллингианизма» [15]. «Избегайте ученых терминов; и старайтесь их переводить, то есть перефразировать», — напутствовал Пушкин критика-Киреевского; и тот, отражая Пушкина в своем зеркале, перевел на русский язык ученый немецкий термин «Realismus»: находил у Пушкина «жизнь действительную и человека нашего времени», «соответственность с своим временем», а вдобавок ненавязчиво поместил Пушкина в философическую триаду, первым из критиков разложив Пушкина на три этапа: «итальянско-французский», байронический, русский, — разумеется, лишь на третьем этапе Пушкин стал по-настоящему «отражать в себе жизнь своего народа» [16], воплощать «поэзию в действительности» [17].

И. В. Киреевский. Рисунок Э. А. Дмитриева-Мамонова.

Любопытно, что Пушкину все это нравилось; в анонимной рецензии на альманах «Денница» он с удовольствием, в третьем лице, повторит о себе: «Пушкин, поэт действительности». Может, увидел он тут нечто совсем свое, и понравилась ему не вовсе не первая русская транскрипция идеи «реализма», а идея зеркала, которое отражает все, — всю «русскую жизнь». Чуткий слух может уловить какой-то отзвук слов Киреевского об «отражении жизни народа» и о поэте как «средоточии жизни своего народа» в преддуэльных словах Пушкина о том, что «он принадлежит всей стране и желает, чтобы имя его оставалось незапятнанным» [18]. Всем принадлежит, потому что все отражает...

Литта Юлий Помпеевич

(12 IV 1763—5 II 1839) — граф, с 1780 рыцарь Мальтийского ордена (при Павле I чрезвычайный посол ордена в Петербурге), с 1826 старший оберкамергер двора, член Государственного совета.

Итальянец по происхождению, он вел родословную от знатного рода Висконти, правителей Милана, на службе у которых когда-то состоял Леонардо да Винчи (эрмитажная «Мадонна Литта» — из собрания графа). Камер-юнкер Пушкин был подчинен ему по придворной службе и частенько имел объяснения с графом из-за систематического нарушения правил дворцового этикета. (Для Овна порядок — это святое, а для Близнецов... — *Астролог*). «Третьего дня возвратился я из Царского Села в пять часов вечера, нашел на своем столе... приглашение явиться на другой день к Литте; я догадался (что же тут не догадаться? Овен непредсказуемостью не отличается — *Астролог*), что он собирается мыть мне голову за то, что не был у обедни (очень Овновый метод воспитания — *Астролог*). В самом деле, в тот же вечер узнаю от вбежавшего ко мне Жуковского, что государь был недоволен отсутствием многих камергеров и камер-юнкеров и велел нам это объявить. Литта во дворце толковал с большим жаром, говоря: «Il y a cependant pour les Messeurs de la Cour des règles fixes, des règles fixes» [Однако же для придворных кавалеров существуют определенные правила, определенные правила]. На что Нарышкин ему заметил: «Vous vous trompez: c'est pour les demoiselles d'honneur» [Вы ошибаетесь: это только для фрейлин]. Я извинился письменно. Говорят, что мы будем ходить попарно, как институтки... Ни за какие благополучия!» (жене, 17 апреля 1834). Для Близнецов, — прокомментирует Астролог, — смешно и немыслимо, — но для Овна и Рака ничего смешного: наоборот, душа радуется, когда видишь стройные ряды. А Близнецам только бы зубоскалить и подмечать всякие двусмысленности (то, что règles по-французски — и «правила», и «месячные регулы»), даже серьезное дело — ответственный момент наказания — они превращают в фарс и клоунаду: «Мой ангел, сейчас послал я к графу Литта извинение в том, что не могу быть на Петергофском празднике по причине болезни. Жалею, что ты не увидишь; оно того стоит...» Несомненно, стоит: жанром издевательских объяснительных Близнецы владеют в совершенстве; такое напишут, что начальство от ярости зубами скрежещет, а сделать ничего не может: форма соблюдена, и поди объясни, в чем кроется неприличие и издевательство. «Они бесятся тем более, что я чрезвычайно учтив и благопристоен, и они никак не понимают, в чем именно состоит мое нахальство, хотя и чувствуют, что я нахал» («Роман в письмах»).

Ю. П. Литта. Шарж Э. К. Сен-При, 1820-е гг.

А объяснительная записка Пушкина, возможно, когда-нибудь и найдется у итальянских потомков Литты: граф вполне мог оценить ее остроумие, ведь и сам он, добродушный гурман, любил пошутить: рассказывали, что на смертном одре он велел подать себе тройную порцию мороженого, съел его с большим аппетитом и, прежде чем испустить дух, отпустил комплимент повару: «Сальватор отличился на славу в последний раз!» [19]

***Мерзляков Алексей Федорович**

(28 III 1778—7 VIII 1830) — профессор Московского университета по кафедре красноречия и поэзии, поэт, переводчик, литературный критик, противник романтизма. Можно предположить знакомство Мерзлякова с Пушкиным в обществе Василия Львовича и в московских литературных кругах во второй половине 1820-х гг. Сторонник нормативной поэтики минувшего столетия, Мерзляков должен бы был критически

относиться к творчеству Пушкина. Опасаясь «нововведений, колебавших тогда нашу литературу», «часто он с каким-то горьким чувством говорил против Пушкина и Баратынского», — вспоминает М. А. Дмитриев, восторженный поклонник Мерзлякова-педагога [20]. Но не все так просто: критикуя Пушкина, Мерзляков... плакал (Овен, несмотря на всю свою марсовую сущность, страшно сентиментален — *Астролог*): «Чувство Мерзлякова при чтении произведений Пушкина выражалось только слезами. Читая «Кавказского пленника», он, говорят, плакал. Он чувствовал, что это прекрасно, но не мог отдать себе отчета в этой красоте и — безмолвствовал» (С. П. Шевырев) [21]. Или, как точно замечает другой его биограф: «плакал, но одобрить не решался» [22].

Мерзляков. Гравюра К. Я. Афанасьева, 1825.

А Пушкин, всегда иронически относившийся к «премудрой критике Мерзлякова» (Вяземскому, 27 марта 1816), по случаю смерти профессора и автора жалостной песни «Среди долины ровныя...» слез не пролил, — более того: не последовал даже святому правилу «de mortibus aut bene, aut nihil» : «Шевырева куда бы не худо посадить на опустевшую кафедру Мерзлякова, доброго пьяницы, но ужасного невежды...» (Плетневу, 26 марта 1831). Подумаешь, умер! У Близнецов со смертью свои отношения.

Мойер Иван Филиппович

(21 III 1786—13 IV 1858) — профессор Дерптского университета, доктор медицины, тот самый, которого недогадливый Жуковский сватал Пушкину для производства операции аневризма во Пскове в то время, как поэту вся эта кутерьма была нужна лишь для того, чтобы удрать за границу. Мойер отнесся к поручению со всей серьезностью, искренне намеревался «спасти первого для России поэта», а «первому поэту» пришлось тратить время на изготовление вежливого отказа: «Сейчас получено мною известие, что В. А. Жуковский писал вам о моем аневризме и просил вас приехать во Псков для совершения операции; нет сомнения, что вы согласитесь; но умоляю вас, ради бога, не приезжайте и не беспокойтесь обо мне. Операция, требуемая аневризмом, слишком маловажна, чтоб отвлечь человека знаменитого от его занятий и местопребывания.» Астролог не может лишний раз не подчеркнуть всеядность Водолейских дружб: в голове нормального человека не укладывается, что господин, женившийся на многолетней мучительной любви Жуковского Маше Протасовой, может оставаться близким его другом. А с Мойером Пушкину приходилось впоследствии встречаться не раз — все у того же Жуковского.

Никитенко Александр Васильевич

(24 III 1804—2 VIII 1877) — литературный критик, профессор русской словесности Петербургского университета, с августа 1833 цензор. Сын крепостного, выкупленный на волю при содействии К. Ф. Рылеева. Автор ценнейшего «Дневника». Серьезно увлекался А. П. Керн, не снискал взаимности и в дневнике отомстил: «Женщина эта очень тщеславна и своенравна. Первое есть плод лести, которую, она сама признавалась, беспрестанно расточали ее красоте... а второе есть плод первого, соединенного с небрежным воспитанием и беспорядочным чтением». Такая вот тяжеловатая эпиграмма в прозе: это вам не «Я помню чудное...»!

Однажды (8 июня 1827), засидевшись у Керн до десяти часов вечера, столкнулся в дверях с Пушкиным... Соперничества, впрочем, не возникло: отношения с

Пушкиным были вполне приятельскими до тех пор, пока Никитенко не стал его цензором. «Ценсура не пропустила следующие стихи в сказке моей о золотом петушке, — записывает Пушкин в 1835 в дневнике, — «Царствуй лежа на боку» и «Сказка ложь, да в ней намек! Добрым молодцам урок». Времена Красовского возвратились. Никитенко глупее Бирукова». «Ужели залягает меня осленок Никитенко?..» (Плетневу, октябрь 1835). Но что мог сделать Никитенко? Он был лишь марионеткой в руках высших сил — прежде всего Уварова, и сам переживал размолвку с Пушкиным. Такая дилемма: и Пушкина любил, и Уварова боялся, и не знал, что сказать поэту, когда тот просил его отнестись к нему по-дружески: «Нельзя ли все это пропустить?» (Никитенке, апрель 1834). И когда Никитенко хотели назначить цензором «Современника», тот в ужасе отказался: «с Пушкиным слишком тяжело иметь дело».

Орлов Михаил Федорович

(5 IV 1788—31 III 1842) — брат А. Ф. Орлова, генерал-майор, командир 16-й пехотной дивизии в Кишиневе (1820—1823), член «Арзамаса», член Союза благоденствия и глава Кишиневского отделения Союза. «Он беспрестанно мечтал о счастии сограждан и задумал устроить его, не распознав, на чем преимущественно оно может быть основано», — ядовито заметил о нем Вигель. На самом деле Орлов считал, что хорошо знает, как «устроить счастие сограждан»: человек военный и решительный, он верил в революцию и силу оружия; унаследовав всю энергию своих предков — знаменитых сподвижников Екатерины, устроивших однажды весьма удачный дворцовый переворот, он мог бы повернуть и события на Дворцовой площади совсем иначе, окажись он на ней 14 декабря...

Общение Пушкина с Орловым началось в «Арзамасе», где прозвище Орлова было Рейн — за плавность речи и величественность внешности. Серьезный

М. Ф. Орлов. Неизв. худ., нач. 1820-х гг; рис. Пушкина 1821.

Овен попытался склонить арзамасцев к высоким гражданственным подвигам и речь свою закончил так: «Я сам чувствую, что слог шуточный неприличен наклонностям моим... Ожидаю того счастливого дня, когда общим вашим согласием определите нашему обществу цель, достойнейшую ваших дарований и теплой любви к стране русской». Этого счастливого дня Орлов не дождался: арзамасцы к серьезным деяниям единодушно не склонились, Орлова же перевели командовать дивизией в Кишинев, где он вновь встретился с Пушкиным.

«В лето 5 от Липецкого потопа — мы, превосходительный Рейн и жалобный сверчок, на лужице города Кишинева, именуемой *быком*, сидели и плакали, воспоминая *тебя, Арзамас*...» (Пушкин — Арзамасцам, сентябрь 1820). Забавная пара: величавый «Рейн» — могучий гигант Орлов, в прошлом кавалергард, участник знаменитой, описанной Львом Толстым, «блестящей атаки кавалергардов» в сражении под Аустерлицем (он был один из восемнадцати оставшихся в живых), — и маленький сверчок-Пушкин. Контраст подчеркивался и одеждой: на фоне блестящих мундиров Орлова и окружавших его штабных офицеров почти домашние шелковые шаровары Пушкина выглядели, мягко говоря, вызывающе.

«Однажды кто-то заметил генералу, как он может терпеть, что у него на диванах

валяется мальчишка в шароварах. Орлов только улыбался на такие речи; но один раз полушутя он сказал Пушкину, пародируя басню Дмитриева («Башмак мерка равенства»):

Твои, мои права одни,
Да мой сапог тебе не впору.

«Эка важность, сапоги! — возразил Пушкин, — если меряться, так у слона больше всех сапоги» [23].

Орлов перефразирует басню Дмитриева (1803), которая полностью выглядит так:

«Да что ты, долгий, возмечтал?
Я за себя и сам, брат, стану», —
Грудцою наскоча, вскричал
Какой-то карлик великану.

— «Твои, мои — права одни!
Не спорю, что равны они, —
Тот отвечает без задору, —
Но мой башмак тебе не впору».

Да, Орлов восхищался талантом Пушкина, декламировал наизусть «Черную шаль» и сказал о ней автору: «В каждых двух стихах полнота неподражаемая» [24], — и все же вот так, высокомерно, дал понять дистанцию между собой, великолепным генералом, и невзрачным поэтом, мелким чиновником городской канцелярии. Остроумно — и обидно: сравнили с карликом, можно сказать, намекнули на «карлу» из «Руслана», который, помимо малого роста, отличался еще одним позорным физическим изъяном... А тут еще любовные успехи Орлова, такого мощного красавца («Красота Михаила Орлова была строгого стиля, ... мужественная, величественная», — вспоминал Вигель): старшая дочь генерала Раевского, Екатерина Николаевна, боготворимая Пушкиным, с радостью принимает предложение руки Орлова [25]. Так изобразим же Орлова не победителем, но простым солдатом любовной войны, или, еще лучше — рекрутом: так обиднее.

Меж тем как генерал Орлов —
Обритый рекрут Гименея —
Священной страстью пламенея,
Под меру подойти готов...

«В. Л. Давыдову»

Но этого мало: обида до конца не изжита; не раз еще Пушкин кольнет Орлова за его самолюбование: «Единственный встреченный мной человек, который счастлив благодаря своему тщеславию», — скажет он о нем Чаадаеву [26]; «Орлов умный человек и очень добрый малый, но до него я как-то не охотник по старым нашим отношениям», — напишет много лет спустя жене (11 мая 1836).

Но всего этого мало... Как все же ловко Орлов, знаток творчества Пушкина, перевел на себя ситуацию из «Руслана»: этакий богатырь-Руслан, уводящий красавицу из семьи Раевских, где «карлик-Пушкин» чувствовал себя как дома! Нужен достойный эпиграмматический ответ; нужно высмеять богатыря и его молодечество. И тогда Пушкин вспоминает другую, весьма древнюю историю, которую можно было бы повернуть против Орлова, — историю, в которой «карлик» побеждает «великана».

Певец-Давид был ростом мал,
Но победил же Голиафа,
Который был и генерал,
И, побожусь, не ниже графа.

Пушкинисты часто без особых оснований относят эту эпиграмму к Воронцову, хотя вполне очевидно, что она продолжает именно тот, затеянный Орловым, спор о росте и достоинстве. Четверостишие звучит как прямой ответ Орлову, этому огромному кавалергарду, «генералу-Голиафу». История о единоборстве Давида и Голиафа изложена в 1 книге Царств (гл. 17). Голиаф, филистимский единоборец, был высок, как Орлов: «ростом он — шести локтей и пяди», и так же блестяще экипирован: «Медный шлем на голове его; и одет он был в чешуйчатую броню... медные наколенники на ногах его, и медный щит за плечами его». Давид же, младший сын Иессея, попытался облачиться в броню, но нашел ее крайне неудобной: «сказал Давид Саулу: я не могу ходить в этом, я не привык», так что выступил против гиганта с одними посохом и пращой. Тяжесть своего вооружения в сравнении с легким оружием

поэзии сам же Орлов и подчеркнул во вступительной речи в «Арзамас»: «Рука, обыкшая носить тяжелый булатный меч брани, возможет ли владеть легким оружием Аполлона».

Библейский Голиаф, увидев Давида, идущего на него с палкой, даже обиделся: «И сказал Филистимлянин Давиду: что ты идешь на меня с палкою? разве я собака?» Каким-то непостижимым образом мотив палки всплывает и в отношениях Орлова и Пушкина. Орлов, известный филантроп, ненавидел телесные наказания и отменил палки в своей дивизии. Об этом благородном поступке Пушкин пишет без должного пафоса: «Орлов велел тебе сказать, что он делает палки сургучные, а палки в дивизии своей уничтожил» (Вяземскому, 2 января 1822).

«С Орловым спорю, мало пью» — писал Пушкин в стихотворном послании Н. И. Гнедичу. Мы уже восстановили один из этих споров — самый личный. Был еще характерный спор штатского и военного: когда Орлов доказывал необходимость введения «счастия сограждан» военными мерами, Пушкин же, рисуясь среди штабных офицеров своими шароварами, говорил о водворении «вечного и всеобщего мира» и о грядущей ненужности самих господ-офицеров.

Но главный спор шел о русской истории и Карамзине. Тут генерал Орлов занимал позицию, достойную пылкого чувствительного поэта, — а он и был (как всякий Овен — *Астролог*) пылок и чувствителен: под Аустерлицем, узнав, что бой проигран, «горько заплакал» [27]. Орлов упрекал Карамзина в том, что тот отнесся к русской истории слишком беспристрастно, слишком объективно. Свои упреки Карамзину Орлов изложил в письме Вяземскому (4 мая 1818), ставшем широко известным: «Зачем [Карамзин] не оказывает того пристрастия к отечеству, которое в других прославляет? ... Зачем ищет одну сухую истину преданий, а не приклонит все предания к бывшему величию отечества? ... Тит Ливий сохранил предание о божественном происхождении Ромула, Карамзину должно было сохранить таковое же о величии древних славян и россов». Одним словом, Орлов, по словам Вяземского, сердился «на Карамзина за то, что он вместо «Истории» не написал басни, лестной родословному чванству народа русского». Орлов пытался, вопреки источникам, доказать славянское происхождение Рюрика, поскольку «патриотизм его оскорблялся и страдал в виду прозаического и мещанского происхождения русского народа» (Вяземский) [28]; пытался даже доказать, что именно славяне разрушили Римскую империю. Позднее, в мемуаре о Карамзине, Пушкин с иронией вспомнит эти поэтические теории Орлова: «Михаил Орлов в письме к Вяземскому пенял Карамзину, зачем в начале «Истории» не поместил он какой-нибудь блестящей гипотезы о происхождении славян, то есть требовал романа в истории — ново и смело!»

Но спор был не только теоретическим — о том, какой должна быть история России: он таил и личный подтекст, поскольку касался самих родов Пушкиных и Орловых. Увы, не знал Пушкин, что в Орлове говорила здесь кровь: Орловым было не привыкать «приклонять» исторические предания в нужную сторону; так, братья Орловы, сподвижники Екатерины, присвоили себе родословное древо знатного рода Орловых, к которому они не принадлежали [29]. Этот факт тогда оставался неизвестным, — а то обогатилась бы русская литература еще одной пушкинской эпиграммой. Но о внезапном и случайном возвышении Орловых после переворота 1762 Пушкин в «Моей родословной» все же напишет:

Попали в честь тогда Орловы,
А дед мой в крепость, в карантин.

Орлов не хотел мириться с «мещанским происхождением» русского народа, — Пушкин иного мнения: он не приветствует насильственного склонения истории в нужную сторону и принимает ее такой, какова она есть:

Я не богач, не царедворец,
Я сам большой, я мещанин.

И все же, как это нередко бывает у Пушкина, он находит этот сомнительный взгляд на историю достойным поэтического запечатления, — но пусть «правду истории» проклянет не генерал, а поэт:

Да будет проклят правды свет,
Когда посредственности хладной,
Завистливой, к соблазну жадной,
Он угождает праздно! — Нет!
Тьмы низких истин нам дороже
Нас возвышающий обман...

Плаксин Василий Тимофеевич

(18 IV 1795—18 II 1869) — писатель, педагог, автор учебников по литературе. Отличился педантской и невероятно длинной (растянулась на целых четыре номера «Сына Отечества») рецензией на «Бориса Годунова», где нудно упрекал Пушкина в нарушении классических «единств», но в одном месте обмолвился неплохим наблюдением: пушкинская «драма в отрывках» неудобна для читателя, потому что в ней приходится «беспрестанно переселяться с одного места на другое без всякой нужды» [30]. Что ж, этот «домосед», похоже, не понимал психологию «странствователя»: не понимал, что может быть чистая и бескорыстная «охота к перемене мест». А ученикам своим сей преподаватель литературы любил рассказывать о знакомстве с Пушкиным в 1830-е гг.: поговорив с Плаксиным, Пушкин спросил его настоящую фамилию, полагая, что Плаксин — псевдоним.

Пушкин Николай Сергеевич

(7 IV 1801—11 VIII 1807) — брат А. С. Пушкина. В «Программе автобиографии» Пушкин записал: «Смерть Николая». О смерти брата Пушкин рассказывал Нащокину: «Пушкин вспоминал, что он перед смертью показал ему язык. Они прежде ссорились, играли; и, когда малютка заболел, Пушкину стало его жаль, он подошел к кроватке с участием; больной братец, чтобы подразнить его, показал ему язык и вскоре затем умер» [31]. Чем-то этот жест Пушкина поразил, если он вспомнил о нем так много лет спустя; впрочем, вспоминал он его и раньше, когда писал сцену битву Руслана с головой, которая

героя
Дразнила страшным языком.

Значима ли для Пушкина символика этого жеста? Ведь высунутым языком дразнят черта или, наоборот, дразнит сам черт, и Пушкин это знал. Однажды (в 1829) он изобразит этот жест: на шуточном рисунке в альбоме Ел. Н. Ушаковой, где черт дразнит языком Пушкина, облаченного в монашеский клобук. Знал Пушкин и карикатуру на Жуковского из «Дома сумасшедших» Воейкова: балладник лежит «в саван длинный скутан» —

Рисунок Ф. Толстого к "Руслану". Голова грозит языком — воспоминание о прощальном жесте брата?

и «черта дразнит языком». Наконец, в этой не слишком красивой позиции изображена в третьей главе «Онегина» Татьяна; она медлит запечатать письмо — и сидит в задумчивости, с высунутым языком:

Письмо дрожит в ее руке;
Облатка розовая сохнет
На воспаленном языке.

А в пятой главе, в сне Татьяны, дьявольская нечисть вернет ей этот жест:

Усы, кровавы языки...
...Всё указует на нее...

Странные и темные тут намечаются связи — или же все это «обман воображенья»?

Надгробия Пушкиных в Донском монастыре в Москве: О. В. Пушкиной, А. Л. Пушкиной, В. Л. Пушкина (слева направо).

Пушкина Анна Львовна

(31 III 1769—26 X 1824) — тетка Пушкина, сестра Сергея Львовича, престарелая девица, помещица Нижегородской губернии. Когда Пушкин в 1811 уезжал в Петербург для определения в Лицей, Анна Львовна вместе с В. В. Чичериной подарила ему «на орехи» сто рублей. В завещании своем она оставила племяннице, сестре Пушкина, 15 тысяч рублей, а племянник все равно прославил ее в стихах не так, как хотелось бы этой достойнейшей и целомудреннейшей из женщин. Пушкин вообще много шутил по поводу ее целомудрия: «Хладного скопца [в «Бахчисарайском фонтане»] уничтожаю в поэме из уважения к давней девственности Анны Львовны» (Вяземскому, 1-8 декабря 1823); в «Графе Нулине» (в одном из вариантов) тоже есть упоминание об Анне Львовне и даже не забыты ее увлечения:

Роман классический, старинный,
Отменно длинный, длинный, длинный,
Отрада девушки невинной,
Покойной тетушки моей —

(Овен действительно любит, чтоб классический и чтоб длинный — *Астролог*). Так что Пушкин не кривил душой, когда писал: «Если то, что ты сообщаешь о завещании Анны Львовны, правда, то это очень мило с ее стороны. Право, я всегда любил мою бедную тетку» (брату и сестре, 4 декабря 1824). Родственникам такая любовь казалась неприличной, сестра Ольга настаивала на том, чтобы Пушкин заказал панихиду по усопшей. Пушкин вроде бы повиновался и писал брату: «тетка умерла. Еду завтра в Святые Горы и велю отпеть молебен или панихиду, смотря по тому, что дешевле». Но вскоре уже пишет сестре иное: «Няня исполнила твою комиссию, ездила в Святые Горы и отправила панихиду или что было нужно».

Близнецы, — поддакнет Астролог, — всегда найдут способ увернуться от скучной обязанности, всегда найдется кто-нибудь, кто с радостью выполнит за них любую работу. Зато написать шутливую элегию — это Близнецы сами, особенно если вместе со Львом — Дельвигом:

Ох, тетенька! Ох, Анна Львовна,
Василья Львовича сестра!
Была ты к маменьке любовна,
Была ты к папеньке добра,
Была ты Лизаветой Львовной
Любима больше серебра...
...Увы! Зачем Василий Львович
Твой гроб стихами обмочил,
Или зачем подлец попович
Его Красовский пропустил?

Кто же поймет такую элегию на смерть,

кроме Льва и Близнецов? «Если она попадется на глаза Василию Львовичу, то заготовь другую песню, потому что он верно не перенесет удара», — цинично писал Пушкину другой Лев — Вяземский. И угадал: Василий Львович был очень возмущен, иначе как «негодяем» аттестовать племянника не хотел; а если бы сама Анна Львовна могла слышать, какими стихами обессмертил ее племянник! Все-таки хорошо, что не все покойники после смерти выходят из могил...

Раевский Владимир Федосеевич

(28 III 1795—20 VII 1872) — майор 32-го егерского полка 16-й дивизии (М. Ф. Орлова), член Союза благоденствия, Южного общества и масонской ложи «Овидий» (вместе с Пушкиным), поэт. Был прозван «первым декабристом», так как был арестован за агитацию в армии уже 6 февраля 1822.

Раевский стоял во главе солдатских школ в Кишиневе (где и общался с Пушкиным в 1821—1822), сам вел уроки чистописания и любил диктовать солдатам фразу: «Раздался звук вечевого колокола, и вздрогнули сердца в Новгороде»; или же просто — отдельные слова: «Самовластье, Воля, Свобода, Конституция, Равенство» [32]. Наверно, предполагалось, что у солдат возникнет на это слова положительный рефлекс...

Но не только солдатам диктовал Раевский — диктовал он (как истинный Овен, обожающий поучать — *Астролог*) и Пушкину:

...Оставь другим певцам любовь:
Любовь ли петь, где брызжет кровь?

«К друзьям в Кишинев»

Пушкин начал было писать сочинение на заданную тему о вечевом колоколе — любимую тему декабристов (поэму «Вадим»), но бросил — в отличие от вверенных Раевскому солдат, у него под диктовку не очень получалось. Зато полезную информацию, исходившую от серьезного и образованного майора, жадно усваивал, не обращая внимания на сопутствовавшие насмешки: в беседах «с В. Ф. Раевским Пушкин хладнокровно переносил иногда довольно резкие выходки со стороны противника и, занятый только мыслью обогатить себя сведениями, продолжал обсуждение предмета», — свидетельствовал Липранди.

В. Ф. Раевский. Гравюра Хелмицкого, 1870—1880-е гг.; рис. Пушкина 1822.

Однажды Пушкин совершил поступок, который высоконравственный «спартанец», как называл Пушкин Раевского, в ином случае осудил бы: подслушал один разговор у Инзова. Речь шла, однако, о грядущем аресте Раевского, и Пушкин предупредил друга за день — тот успел сжечь бумаги. Из крепости Раевский взывал к Пушкину:

Воспой простые предков нравы,
Отчизны нашей век златой,
Природы дикой и святой
И прав естественных уставы...

«К друзьям в Кишинев»

«Отчизны нашей век златой» — конечно, все та же новгородская вольность; но с Вадимом и Новгородом у Пушкина отношения не сложились, и он начинает другой ответ Раевскому, где издевательски-озорно выворачивает его понятия:

Ты прав, мой друг, — напрасно я презрел
Дары природы благосклонной;
Я знал досуг, беспечных муз удел,
И наслажденья лени сонной...

Раевский под «природой» понимает уж

конечно, не «досуг» и не «наслажденья лени» — для него природа означает свободу и естественные, от Бога данные права человека; но Пушкин делает вид, что не понимает: он показывает Раевскому, что для него то же слово значит совсем иное. «Бреду своим путем: Будь всякий при своем».

А когда в другом, не менее настоятельном послании, Раевский сурово вопрошает:

Что составляло твой кумир —
Добро иль гул хвалы непрочной? —

«Певец в темнице»

Пушкин в своем ответе, по сути дела, смиренно сознается: увы, если и не «гул хвалы», то удовлетворение самолюбия:

Не тем горжусь я, мой певец,
Что привлекать умел стихами
Вниманье пламенных сердец,
Играя смехом и слезами...

...Не тем, что у столба сатиры
Разврат и злобу я казнил,
И что грозящий голос лиры
Неправду в ужас приводил...

...Иная, высшая награда
Была мне роком суждена —
Самолюбивых дум отрада!
Мечтанья суетного сна!..

Здесь уже прочитывается любимая пушкинская мысль о том, что высшую награду человек находит в самом себе, и звучит уже интонация стихотворения, которое будет написано через четырнадцать лет, — сравните: «иная, высшая награда» — «иная, лучшая потребна мне свобода»; «самолюбивых дум отрада» — «себе лишь самому служить и угождать...»

Раевский бы этого не понял, и Пушкин оставляет оба своих послания незавершенными (а в сущности, второе из них он и завершит в стихотворении «Из Пиндемонти»).

Как ни восхищался Пушкин стойкостью «спартанца» во время допросов и шестилетнего заключения, но на свидание с Раевским в Тираспольскую крепость, когда представилась такая возможность, не поехал. Пушкинисты ломают голову, почему. Да зачем? Послушать еще громких слов и наставлений? Мало он их слышал! Нет уж, не надо: Овном можно восхищаться, но лучше делать это на расстоянии: вблизи можно не выдержать высоты патетической ситуации и скатиться в иронию — а Овен этого не поймет и не простит, так что лучше уж на расстоянии... Чтобы спустя годы после смерти Пушкина Раевский, с честью прошедший все невзгоды и написавший о них массу стихов, мог сказать: «Пушкина я любил по симпатии и его любви ко мне самой искренней. В нем было много доброго и очень мало дурного... О смерти его я очень, очень сожалел» — так ведь действительно лучше!

А сосланный в Сибирь Раевский и там устроил школу для крестьянских детей: интересно, что он им диктовал?

Сенковский Осип-Юлиан Иванович (31 III 1800—16 III 1858) — ученый арабист и тюрколог, профессор Петербургского университета, писатель (псевдоним «Барон Брамбеус») и журналист, редактор «Библиотеки для чтения». Как редактор и издатель был абсолютным деспотом, в полном соответствии со своей философией: этот огненный Овен проповедовал задолго до Раскольникова полную вседозволенность — по крайней мере, в словах: «Произведения словесности не могут подлежать никаким определенным правилам, потому что воображение человеческое и его творческая сила беспредельны» [33]. «Главный и существенный секрет Брамбеуса состоит в бесстрашной, неограниченной смелости... говорить и писать все, что ни приходит в голову», — публично доносил на Сенковского его заклятый враг Надеждин [34]. «Он ... постановил правилом не следовать в критике никаким правилам» (М. А. Дмитриев [35]). Рисовался Сенковский своей пресловутой «смелостью» — на самом же деле был просто недобр и агрессивен: «Он точно рожден для того, чтобы на все и на всех нападать, — характеризует его Никитенко, — и это не с целью причинить зло, а просто чтобы, так ска-

зать, выполнить предназначение своего ума, чтобы удовлетворить непреодолимому какому-то влечению. Естественно, он нелюбим, на что сам, однако, смотрит без негодования, как бы уверенный, что между людьми нет других отношений, кроме беспрестанной борьбы, и он с своей стороны воюет с ними не за добычу, а как бы отправляя какую-то обязанность или ремесло. В обращении он жесток и грубоват, но говорит остроумно, хотя и резко».

И с Пушкиным отношения строились по принципу: либо ты давишь, либо давят тебя (а разве с Близнецами так договоришься? — *Астролог*). Поначалу были взаимные похвалы, на страницах журнала помещались сочувственные отзывы о произведениях Пушкина. Правда, в контексте всего журнала эти отзывы выглядели двусмысленно. Так, похвалит вроде бы Сенковский Пушкина, под пером коего народные предания «обновляют угасающую жизнь свою, чтобы продлить свое существование на несколько столетий» [36]; а затем, не моргнув глазом, рядом поставит и Булгарина: в его сочинениях «встретите всегда человека умного, с которым приятно побеседовать наедине», найдете «знание общества, колкую сатиру, умную веселость и особенное изучение сердца человеческого» [37]. «Не поздоровится от этаких похвал», — и так были странны иные похвалы Сенковского, что в литературных кругах возникло и крепло весьма простое предположение: «Библиотека для Чтения есть просто пук ассигнаций, превращенный в статьи» (Шевырев) [38].

Сенковский. Гравюра 1839.

И все же Пушкин сотрудничает с Сенковским, печатает у него «Пиковую даму», о которой в письме к Пушкину Сенковский скажет восторженно: «вы положили начало новой прозе», и тут же выдаст поэту лицензию на любимую свою вседозволенность, на свободу от правил: «вам все возможно, вам все досталось по праву».

Но не нужно было Пушкину таких лицензий, не высоко ценил он «смелость» Сенковского, слишком явно скопированную с французской «неистовой словесности», которую Пушкин не уважал. И отказался-таки участвовать в «Библиотеке...» — задумал свой журнал, чем привел в бешенство Сенковского, полагавшего, видимо, что Пушкин уже приручен и вполне управляем. Словно услышал Сенковский сигнал к долгожданной битве: конкурент появился — бей конкурента, и тут уж все средства хороши! А в зеркале Пушкина отразился не тот Сенковский, каким сам он хотел себя видеть, — не дерзкий критик-новатор, расчищающий дорогу «безграничному воображению», не смелый ниспровергатель замшелых правил, — гораздо проще: «свинья и мерзавец»; «бестия, с которой связываться невозможно» [39]. Впрочем, после смерти столь яростно травимого конкурента в «Библиотеке» появились статьи, характеризующие его как великого национального поэта. (Вспыльчив Овен, но отходчив — *Астролог*).

Тропинин Василий Андреевич

(30 III 1780; по др. источникам 1776—15 V 1857) — художник-портретист. В начале 1827 написал портрет Пушкина с натуры. «Соболевский был недоволен приглаженными и напомаженными портретами Пушкина... и он просил известного художника Тропинина написать ему Пушкина в домашнем его халате, растрепанного, с заветным мистическим перстнем на большом пальце. Кажись, дело шло также и об изображении какого-то ногтя на руке Пушкина, особенно отрощенного. Тропинин согласился. Пушкин стал ходить к нему» [40].

Как видим, не все просто в замысле

этого домашнего реалистического портрета: если это и «реализм», то все-таки ведущий ad realiora , «к еще более реальному» — то есть к высшему: тут вам и «мистический перстень», и особый ноготь, по которому якобы масоны узнавали друг друга... Тропинин, сам масон, увидев этот ноготь, сделал Пушкину особый знак, — но поэт «ему не ответил, а погрозил ему пальцем» [41]. По мнению Н. А. Полевого, «сходство портрета с подлинником поразительно, хотя нам кажется, что художник не мог совершенно схватить быстроты взгляда и живого выражения лица поэта» [42].

В 1850-е гг. старый художник (а Овны ведь сентиментальны — *Астролог*) сказал, глядя на написанный им когда-то давно портрет: «Он напомнил мне часы, которые я провел глаз на глаз с великим поэтом...»

Фрагмент портрета Тропинина. Перстней целых два (какой из них "мистический"?); ногтя что-то не видно.

Тургенев Александр Иванович

(7 IV 1784—15 XII 1845) — брат Н. И. Тургенева, археограф и литератор, директор Департамента духовных дел иностранных исповеданий (1810—1824). Его стихиями были пространство, текущая вокруг внешняя жизнь, перемещения — и он неутомимо переносился из страны в страну сам и переносил, вместе с собой или вместо себя, вечный огромный багаж новостей. «Не было никогда и нигде борзописца ему подобного. Спрашиваешь: когда успевал он писать и рассылать свои всеобщие и всемирные грамоты? ... Был в переписке со всей Россией, с Францией, Германией, Англией и другими государствами» (Вяземский); «Рыскун» (К. Булгаков); «Тургенев — европейская кумушка, человек в курсе всех сплетен разных земель и стран, и все рассказывает, и все описывает» (Герцен). Встретить Тургенева проще всего было на какой-нибудь большой европейской дороге. Увидел «неизбежного Тургенева, направляющегося из Москвы в Киссинген, с записной книжкой в руке, — пишет Тютчев жене. — Что за человек! или, вернее, что за почтовая лошадь!» [43] Впрочем, к Тургеневу как-то легко привязались и образы, рожденные европейским техническим прогрессом: «Ты энциклопедический паровик» (Вяземский — Тургеневу, 31 октября 1832 [44]).

Вот такой человек находился рядом с Пушкиным в течение всей жизни поэта, — причем появлялся, как правило, в «минуты роковые»: он советует определить мальчика в Лицей и он же хлопочет о том, чтобы его приняли туда; он знакомит лицеиста-Пушкина с Карамзиным и Жуковским; в его доме на Фонтанке Пушкин создает оду «Вольность»; он заступается за Пушкина перед кем только можно, говорит о Пушкине с Нессельроде и Воронцовым, «истолковывает Воронцову Пушкина и что нужно для его спасения»; сотрудничает в пушкинском «Современнике», знакомит Пушкина с богатейшими материалами архивов по русской истории, постоянно интересуется творчеством поэта и оказывает помощь по предоставлению редких материалов; он же сопровождает гроб с телом Пушкина в Псковскую губернию — просто «от колыбели до могилы». Замечательно, что был такой Тургенев, избавлявший Пушкина, словно добрая фея от многих внешних житейских сложностей, — но увы, именно от внешних. Внутренние Овен с Близнецов снять не в состоянии — да он о

А. И. Тургенев. Акварель П. Соколова.

них никогда и не узнает. Жил же Тургенев в последний год рядом с Пушкиным в гостинице Демута, общался с ним постоянно — а о дуэли готовящейся не знал (хотя о ней знали люди, казалось бы, более от Пушкина далекие).

Близнецы все это прекрасно понимают, — и знают, где Овновое «любую беду руками разведу» подходит, а где, к сожалению, нет. Впрочем, вот юношеские стихи «Тургеневу» — уже в них все сказано:

Один лишь ты с глубокой ленью
К трудам охоту сочетал...
...Нося мучительное бремя
Пустых иль тяжких должностей,
Один лишь ты находишь время
Смеяться лености моей...

Близнецы, — комментирует Астролог, — понимают, что у Овна и так тяжелое «мучительное бремя» всевозможных забот, они знают, что Овен не откажется взвалить себе на плечи еще одну, Близнецовую, и не задумываясь, взваливают ее на него, если это проблема внешняя, — но к внутренней своей жизни Близнецы относятся слишком трепетно, чтобы разрешить разбирать ее Овну «среди веселий и забот», среди прочего, мимоходом, с тем, чтобы в следующем доме о ней рассказать веселый анекдот. Сам Тургенев в письме 1825 странно обмолвился о том, что «душа» Пушкина для него закрыта, он ее не видит. Досадуя на дошедшие до него эпиграммы на Карамзина и веря, что их написал Пушкин, Тургенев гневно на него обрушивается: «Похвалив талант Пушкина, я не меньше, особливо с некоторого времени, чувствую омерзение к лицу его. В нем нет никакого благородства. По душе он для меня хуже Булгарина... Вырвалось из души, которой не вижу ни в стихах, ни в душе Пушкина» (Вяземскому, 28 апреля 1825) [45].

О внешней, материальной стороне пушкинских стихов Тургенев хлопотал деятельно: «Надобно вогнать цену его сочинений в байроновскую. Будут дороже — и покупать больше будут» [46]. Однажды помог поэту исправить ошибку — опять-таки внешнюю и конкретную: в строке о Ленском «душой филистер геттингенский» исправил «филистер» на «школьник», и Пушкин принял поправку [47]. При этом он путался в названиях пушкинских произведений: «Сказывают, что «Ключ», уже печатный здесь» (Тургенев — Вяземскому, 15 января 1824) — «Фонтан», а не «Ключ»: сколько раз я тебе говорил, а ты все свое несешь» (Вяземский — Тургеневу, 17 января, 1824) [48]. А на чтении Пушкиным «Истории Пугачева» после сытного обеда Тургенев и вовсе заснул — а когда очнулся, стал делать замечания как ни в чем не бывало. Впрочем, Пушкин на это «нисколько не оскорбился» [49].

...Нет, только не Овен, — вздохнет Астролог. — Лучше уж пусть ничего не знает. Вот понадобится гроб отвезти — это дело другое; тогда его и позовем.

Ушакова Екатерина Николаевна

в замужестве Наумова (15 IV 1809—1 VII 1872) — московская знакомая поэта. «Младшая Ушакова» «была в полном смысле красавица: блондинка с пепельными волосами, темно-голубыми глазами... густая коса нависла до колен» [50]. Впервые увидев ее на одном из московских балов по возвращении из ссылки, Пушкин «сильно увлекся ею». Дом Ушаковых на Пресне быстро стал своим для Пушкина: интересные люди, поэты, музыканты, две красавицы-дочери, восторгающиеся его поэзией, — чего же еще желать молодому человеку, вернувшемуся из ссылки? В доме Ушаковых он нашел «свободную, беспечную жизнь в кругу милого семейства, жизнь, которую я так люблю и которой никогда не наслаждался», — разве что некогда в семействе Раевских: там ведь тоже были барышни, в которых он влюблялся поочередно и во всех сразу и которые тоже могли строить серьезные матримониальные планы. Именно милая семейная атмосфера влечет Пушкина в этот дом, где «все напоминает о Пушкине: на столе

найдете его сочинения, между нотами — «Черную шаль» и «Цыганскую песню», на фортепиано — его «Талисман», в альбоме — его картины, стихи и карикатуры, а на языке беспрестанно вертится имя Пушкина» [51]. Пушкин ездит в дом и по два и по три раза в день, не замечая, что кругом шепчутся, что молва уже соединила их имена, — а Пушкин тем временем пишет Екатерине на книге своих стихов: «Nec femina, nec puer [«ни женщина, ни мальчик» — лат.]». Уж по этой-то надписи можно бы догадаться и понять... Ушакова (как и любой Овен — *Астролог*) нужна Пушкину как бальзам на раны, как добрая фея, — но не более. Софья Пушкина, сестры Урусовы, Александрина Римская-Корсакова, Наталья Гончарова, А. О. Россет, Аннет Оленина, барышни Вульф, Катенька Вельяшева — это же все одновременно с Ушаковыми! «Правда ли, что моя Гончарова выходит за архивного Мещерского? Что делает Ушакова, моя же?» (Вяземскому, январь 1830). «Кланяйся неотъемлемым нашим Ушаковым» (С. Д. Киселеву, 15 ноября 1830). Стать единственной для Близнецов у Овна не получится, а вынести то, что вынесла жена-Дева, гордый Овен не в состоянии.

Ек. Н. Ушакова.
Неизв. худ.;
рис. Пушкина 1829.

В отдалении от вас
С вами буду неразлучен,
Томных уст и томных глаз
Буду памятью размучен;
Изнывая в тишине,
Не хочу я быть утешен, —
Вы ж вздохнете ль обо мне,
Если буду я повешен?

Не просто вздохнет, а если надо и, «соберет легкий пепел». В этот дом Пушкин может вернуться «с оленьими рогами», после любой неудачи — его здесь всегда согреют, хотя и осыплют градом колкостей и насмешек, — но что значат эти колкости любящих существ в сравнении с ранами, которые они всегда залечат!

Я вас узнал, о мой оракул,
Не по узорной пестроте
Сих неподписанных каракул,
Но по веселой остроте,
Но по приветствиям лукавым,
Но по насмешливости злой
И по упрекам... столь неправым,
И этой прелести живой.

Перед свадьбой с Д. М. Наумовым Екатерина Николаевна по требованию жениха уничтожила все альбомы, исписанные и разрисованные Пушкиным; ревнивый Наумов сломал золотой браслет с турецкой яшмой, подаренный ей Пушкиным. Перед смертью Екатерина Николаевна приказала дочери сжечь все

письма Пушкина к ней: «Мы любили друг друга горячо, это была наша сердечная тайна; пусть она и умрет с нами».

Так горячо любили, что только огонь достоин сохранить эти письма. Знак огня — гордый Овен: гордость превыше всего; и уж конечно, превыше Овновой страсти к коллекционированию. Или полное уничтожение бесценных реликвий — высшее проявление этой страсти?

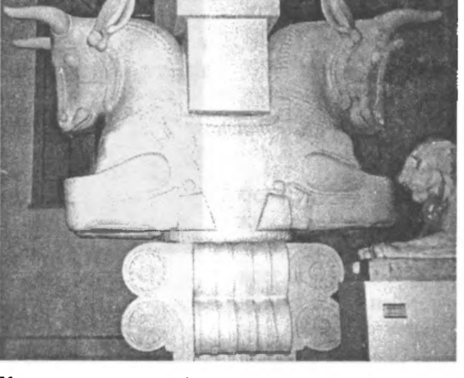
Фок Максим Яковлевич

(Магнус Готфрид), фон (12 IV 1777—8 IX 1831) — управляющий III отделением собственной Его Императорского Величества канцелярии, ближайший помощник Бенкендорфа (мудро Рак взял себе в помощники Овна: во-первых, Знак Профессии, то есть понимают друг друга без слов, и тот же Круг Воли, та же страсть к порядку и дисциплине — все замечательно, только куда бедным Близнецам бежать от такого тандема? — *Астролог*) Фон Фок вел за Пушкиным постоянное наблюдение — этакий «несносный наблюдатель», — о чем Пушкин, вероятнее всего, не знал: видимо, поверил вранью Бенкендрофа о том, что «никогда никакая полиция не получала распоряжения следить за вами» [52], — иначе не отозвался бы в дневнике сочувственно о фон Фоке: «Человек добрый, честный и твердый» (1831). «Добрый человек» в доносе Бенкендорфу о Пушкине писал: «Этот честолюбец, пожираемый жаждою вожделений, ... имеет столь скверную голову, что его необходимо будет проучить при первом удобном случае» (октябрь 1827). Проучить не удалось, ибо Судьба распорядилась иначе — и вот Близнецы оплакивают в дневнике смерть того, кто не раз, посредством своих агентов, сидел с ним за дружеским столом сам третей: «Смерть его есть бедствие общественное...» Кто скажет, где у Пушкина начинается и кончается ирония?

Близнецы — Телец

«Как часто новый жар твою волнует кровь!»

Знаки 1—12. Воздух и Земля; Круг Ума и Круг Чувства; Меркурий и Венера. Кажется, все разное, все не совпадает, к тому же 12-й Знак — должна быть ненависть и война не на жизнь, а на смерть. А вот и не так. По отношениям Скорпиона и Близнецов мы поняли, что Скорпион, как правило, любит свой Знак Смерти. Можно предположить, что и у Близнецов отношения с 12-м Знаком не такие, какими обычно бывают у господина с безропотным слугой, обреченным выполнять любые желания господина. Мы помним, что сами Близнецы Рака (для которого они являются 12-м Знаком), мягко говоря, не очень любят, да и как им его любить: ведь он обращается с ними именно как со слугой, к которому не за что испытывать любовь и благодарность. У Близнецов и Тельца не так: Близнецы со своим 12-м Знаком обращаются бережно. Они прекрасно изучили его: он очень земной и практичный, очень терпеливый (если разозлить, Бык страшен — но зачем же злить?); любит комфорт, роскошь (знак-то Венерианский!), остроумен, может в одну минуту сочинить такую эпиграмму, что умрешь со смеху (правда, иной раз и его эпиграммы и он сам могут быть очень грубыми и заземленными — но тут уж никуда не денешься: он действительно прочно стоит на земле всеми четырьмя копытами); добр, чувствителен, сентиментален, обожает слушать и рассказывать о чувствах, своих и чужих, причем всегда и выслушает внимательно, не прервет, и утешит и посочувствует, и сам расскажет очень подробно — и неважно, что часто этот подробный сентиментальный рассказ содержит тайну, о которой Телец клялся никому не говорить: увы, Телец не умеет хранить тайны, ни свои, ни чужие; для него «чужой секрет мучительнее всех несчастий».

Капитель колонны (копия с античного оригинала). Государственный музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина.

Телец в спокойном состоянии — очень теплый и комфортный знак; он, как земля влагу, впитывает в себя все Близнецовые проблемы; только с ним Близнецы могут позволить себе расслабиться, а то и всплакнуть (больше ни один знак, даже Лев, не увидит Близнецовых слез). Посидят они около теплого уютного Тельца, отогреются, свалят на него все свои неприятности — и вроде опять жить можно; выплеснули — и опять, сияя улыбкой, вперед. А Телец? Он останется у себя, будет переживать за Близнецов, рассказывать всем знакомым об их проблемах. Пусть рассказывает: Близнецы ведь эти проблемы

у Тельца оставили, а сами про них давно забыли. По большому счету, Близнецы для Тельца, конечно, — опасны, и не дай Бог Тельцу поддаться на заманчивые рассказы обаятельных Близнецов и соблазниться на какую-нибудь их авантюру: тогда Тельцу не сдобровать. Ему все в Близнецах противопоказано: их бешеный темп, их спонтанность, отсутствие планов, легкое отношение к жизни — Телец должен помнить о том, что «не позволено быку»: где легкие Близнецы пролетят над всеми опасностями, тяжелый неторопливый Телец обязательно упадет, потеряет равновесие, увязнет — словом, не стоит генералу пытаться порхать бабочкой. Их ведь потом и обвинять будет нельзя: сам увязался. К счастью, у Тельца очень прочная связь с землей и очень сильный инстинкт самосохранения; Телец всегда думает прежде всего о себе, он склонен каждое предложение всесторонне обдумывать, а уж потом принимать решение, особенно если предложение исходит от Близнецов, известных своим авантюризмом. Телец любит дом, покой, стабильность, определенность, чтобы завтра было все так же как вчера, чтобы не было никакой неизвестности, — иначе Телец заболевает. Правда, на то и магия 12-го Знака: бывает, что и благоразумный Телец, не зная броду, кидается за Близнецами. Но тут уж сам виноват. Правда, к счастью Тельца Близнецы не слишком-то стремятся брать их в попутчики и компаньоны: Телец будет их безмерно раздражать своей медлительностью, своим прагматизмом, скептическим отношением к их идеям. Поэтому Близнецы предпочтут важные дела сделать без Тельца, а к нему обратятся, если надо сделать какую-то работу, требующую усидчивости и терпения. Иными словами, к Тельцу Близнецы идут выплеснуть неприятные эмоции, а праздновать предпочитают с другими знаками. Собственно, это нормальные отношения 1-го и 12-го Знаков, но с Близнецами даже эти малоприятные для Тельца отношения необычны и легки.

Телец всегда смотрит на Близнецов с легким снисхождением из-за их полной непригодности к практической жизни, а так как он восхищается их интеллектом и талантливостью, то с радостью берет на себя хлопоты об их земном устройстве. Ну, подчас нянька бывает чересчур назойлива со своими хлопотами, часто ворчлива и непонятлива («Отшибло, Таня...»), но ведь на то и легкость Близнецов, чтобы не подставляться и унестись если что. Телец всегда старается быть в курсе всей Близнецовой жизни, а Близнецы, зная его болтливость, иногда даже используют ее в своих целях: когда им надо, чтобы о чем-то узнали все, они приходят к Тельцу и говорят: «Расскажу тебе, но смотри: никому; это жуткий секрет...» — дальше все понятно.

Около Пушкина Тельцов меньше, чем представителей иных знаков. Но в основном это такие люди, от которых не хочется избавиться, отделаться двумя-тремя словами; да и как их прогонишь, таких мягких, уютных, — и главное, с ними так хорошо! Особенно обаятельны женщины-Тельцы, начиная с Арины Родионовны и кончая претендентками на роль супруги поэта. Именно такая жена была бы, наверное, нужна: не холодная, расчетливая, выставляющая оценки Дева, а теплый, всепрощающий, терпеливый Телец. Пушкин тянулся к женщинам-Тельцам, но Судьба, вообще не слишком много Тельцов пославшая поэту, их от Пушкина хранила и уводила.

Мужчины-Тельцы около Пушкина — они во многом как женщины: капризны, эгоистичны, самовлюбленны; не надо забывать о том, что этим женским знаком руководит Венера! Многие в молодости пробовали военную службу, но эта жизнь, сопряженная с отсутствием комфорта, не для изнеженного Тельца, и все они, как правило, выходят в отставку и с радостью занимают кресла

в различных обществах (желательно председательские), где заседания проходят за столом (лучше ресторанным). Все Тельцы обожают сочинять — причем эпиграммы и комедии у них получаются божественно; в пушкинском окружении полным-полно Тельцов-писателей. А писатель любит, чтобы его труды читали и хвалили (все писатели капризны, как женщины, а уж писатели-Тельцы...) Пушкин умел вести себя с Тельцами-собратьями по перу: в письмах над ними иронизировал, но в глаза обычно хвалил и для потомства оставлял пышные мадригалы. Многим Тельцам Пушкин посвятил прочувствованные стихи, то есть в буквальном смысле исполненные чувства (с Тельцами иначе не получается), естественно, и Тельцы — писатели-поэты Пушкина любили и искренне плакали, когда его убили. В числе Тельцов — самый первый, самый бесценный друг — Иван Пущин; среди Тельцов много родственников, отношения с которыми непросты, но не мучительны, а скорее все же приятны: беспутный, но такой обаятельный Левушка; смешной и нелепый, но ведь свой! — Василий Львович. Пушкин часто на них злится, но все равно прощает, понимая, что они его любят и он их любит. Есть и благоприобретенные родственники (Д. Н. Гончаров, Павлищев), которые тянут одеяло на себя и все норовят урвать кусок побольше — раздражают, конечно, но тоже не смертельно. Встречаются и цензоры, и начальники — ворчат, жалуются, запрещают, но все равно это ворчание старой няньки, которая переживает за своего воспитанника, потому и ворчит. Не страшно. Пушкину хорошо со своим 12-м Знаком, а значит, и 12-му Знаку хорошо с Близнецами. И среди давно ушедших есть близкие и уютные: «Скажи, читал ли ты «Наказ» Екатерины?..» «Table-talk», воспоминания «орлов» Екатерины» — все это постоянно присутствует в жизни Пушкина: не холодна, не мертва «бронзовая бабушка».

Бестужев Николай Александрович

(24 IV 1791—27 V 1855) — старший брат А. А. Бестужева, капитан-лейтенант флота, декабрист; писатель, художник, автор сюиты портретов декабристов. В письме к А. А. Бестужеву от 8 февраля 1824 Пушкин писал: «Прощай, поклон Рылееву, обними Дельвига, брата...». Однако этот брат в своих «Воспоминаниях о Рылееве» решительно предпочел Рылеева-поэта Пушкину, а в доказательство предложил провести такой эксперимент: «Переведите сочинения обоих поэтов на иностранный язык и увидите, что Пушкин станет ниже Рылеева. Мыслей последнего нельзя утратить в переводе, — прелесть слога и очаровательная гармония стихов первого потеряются» [1]. Что ж, первую часть эксперимента проделали — и Бестужев оказался прав: «Votre Pushkin — il est plat », «Ваш Пушкин плосок», — разочарованно протянул Флобер; «французское шампанское», — зло пошутил другой остроумец; «Как только берешься за перо переводчика, душа этой поэзии ускользает», — смущенно оправдывался Набоков [2]. Жаль, нельзя довести опыт до конца: Рылеев так и не переведен, — ускользнул Пушкин из невыгодного сравнения.

Н. А. Бестужев. Автопортрет, 1814-1815.

Блудов Дмитрий Николаевич

(16 IV 1785—2 III 1864) — советник и поверенный в делах русского посольства в Лондоне (1817—1820), делопроизводитель Верховной следственной комиссии по делу декабристов (1826), товарищ министра народного просвещения (с ноября 1826), министр внутренних дел (1832—1838); один из учредителей «Арзамаса». Как и все Тельцы, был наделен

склонностью к меткому острому слову, сочинял афоризмы, из которых сложилась его «Украденная записная книжка», хорошо известная арзамасцам.

«С большою предосторожностию можно предохранить себя от злобы людей, но как спастись от их глупости?»;

«Есть на свете и на Руси такие стихи, что их нельзя назвать и дурными, а разве *жалкими»* [3] —

вот типичные примеры Тельцовых острот, — скажет Астролог. А «Видение в какой-то ограде, изданное обществом ученых людей», с которого началась история «Арзамаса»? «И клял я судьбу мою, творящую наперекор мне во всех делах моих, ибо слезлив я в сатирах своих и забавен в своих трагедиях, и хочу я, чтоб смеялись над врагами моими, и смеются одни враги мои; и пишу я стихи, и стихи мои — проза...» Но непредвиденной стороной порой обращались эти шутки; так, когда Блудов при вступлении своем в «Арзамас» сказал шуточное надгробное слово над членом «Беседы» Захаровым, тот и в самом деле вскоре умер.

Отличался Блудов и замечательным чувством стиля, способностями критика. «Блудов рожден не производителем, а критиком», — говорил о нем Вяземский [4]; «государственным секретарем Бога Вкуса» называл его Воейков. «Лагарп-Блудов», — сказал Жуковский, посвятивший Блудову балладу «Вадим»: «твой вкус был мне учитель...»

Пушкин однако у Блудова учиться не желал, — и другим не советовал. «Зачем слушаешься ты маркиза Блудова? — пенял он Жуковскому (апрель 1825). — Пора бы тебе удостовериться в односторонности его вкуса». Это понятно: Блудов, по определению Вяземского, был «главный представитель» «пуританской школы» [5], а Пушкин к этой школе никогда не принадлежал.

Блудова не слушался — но слушал: зачем же не послушать «графа Блудова, необыкновенного мастера рассказывать о каком предмете угодно»? [6] Были у Блудова и другие достоинства, которые привлекали Пушкина и в последние годы жизни, когда от Блудова, запятнавшего себя участием в судилище над декабристами и составлением царских манифестов в дни польского восстания, отвернулись многие прежние друзья. Отвернулся А. И. Тургенев, возмущенно отзывался о блудовских манифестах Вяземский, — а вот Пушкин не отвернулся. И в самом деле, зачем прерывать отношения с тем, кто так полезен по крайней мере тремя замечательными достоинствами: «Блудов речист, доступен и обязателен» (Вяземский Жуковскому, 29 января 1833).

Блудов. Фотография.

Именно по возвращении поэта из ссылки наступает период наиболее интенсивного общения с Блудовым: Блудов хлопочет перед К. В. Нессельроде о доступе поэта в архив Коллегии иностранных дел; именно он «выпросил у государя позволение» [7] на издание Пушкиным газеты, — которую тот, кстати говоря, так и не издал. Когда царь перепутал Полевого и Погодина и «нахмурился» при имени последнего, именно Блудов «все поправил и объяснил» — не ради Погодина, но ради Пушкина, желавшего иметь его своим архивным помощником (Пушкин Погодину, 5 марта 1833).

В июне 1832 Блудов хлопочет о назначении Пушкину жалования историографа, говорит об этом с государем и Нессельроде, а когда последний всячески отнекивается, опасаясь дать этим «дурной пример», Блудов возражает ему с прежним арзамасским остроумием: «Помилуйте, ежели бы такой пример породил нам хоть нового Бахчисарайского фонтана, то уж было бы счастливо» [8].

19 Заказ № 2600

Пушкин от души смеялся этой шутке; и как отступить от человека, подающего свою помощь в приправе веселья, будь он трижды ренегат?

Воистину, идеально сформулировал Вяземский: «речист, доступен и обязателен». И в доме Блудова, по воспоминаниям его дочери, нередко раздавался «веселый, заливающийся, ребяческий смех Пушкина». Что ж, за это полезное веселье порой приходилось и платить. Пушкин хвалит Блудова (в письме Хитрово, февраль 1831) за «удивительно прекрасный» манифест о вступлении русских войск в восставшую Польшу (1831), в котором польский народ назван «слепой жертвой немногих злодеев», — тот самый манифест, который Вяземский назвал «прологом к действиям палачей» [9]. Блудов хвалит стихи Пушкина, в которых тот воспел взятие Варшавы... «Кукушка хвалит петуха?» Возможно, и так.

Гагарин Григорий Григорьевич

(8 V 1810—30 I 1893) — князь; художник. 9 ноября 1832 Гагарин писал матери: «Я познакомился с Пушкиным-автором. Мы в очень хороших отношениях. Я ему рисую виньетки для «Руслана и Людмилы», — наконец, спустя столько лет после первого издания «Руслана», появляются те виньетки, которые Пушкин так желал получить от Ф. П. Толстого! В отличие от знаменитого рисовальщика, Гагарин на виньетки был щедр: собирался сделать виньетки и к «новым сказкам в стихах» Пушкина, сделал литографию на тему пролога «Руслана», рисунки ко многим другим произведениям: «Кавказскому пленнику», «Пиковой даме», «Песне о вещем Олеге», «Пророку», «Сказке о царе Салтане», «Гусару». А осенью 1832 на завтраке у В. А. Мусина-Пушкина в гостинице Демута Гагарин нарисовал участников завтрака — и среди них Пушкина.

Г. Гагарин. Иллюстрация к обложке "Пиковой дамы", 1834.

Гончаров Дмитрий Николаевич

(13 V 1808—2 IV 1860) — старший брат Натальи Николаевны, чиновник Министерства иностранных дел. В 1829 был отправлен в Тегеран, где разбирал вещи убитого Грибоедова; именно от Гончарова Пушкин мог знать подробности его гибели [10]. С 1835 в отставке. Общался с Пушкиным в Царском Селе и Петербурге в 1831—1832, в письмах сообщал о семейном быте Пушкиных, где «царствует большая дружба и согласие». В 1832 принял опеку над Полотняным Заводом: он теперь хозяин. Пушкин пишет ему о своих денежных затруднениях, просит помочь, просит занять для него денег у князя Голицына, просит поговорить с тещей — деньги, деньги, деньги... «Если я умру, то жена моя окажется на улице, а дети в нищете», — написал Пушкин своему родственнику в 1833 — и оказался не слишком неправ: несладко пришлось Наталье Николаевне у рачительного Тельца после смерти мужа; впрочем, и при жизни поэта Гончаров, выдавая сестрам и братьям деньги на расходы, Наталье Николаевне давал меньше всего... Пушкин относился с родственнику иронически и не упускал

случая посмеяться над ним, благо пищу для анекдотов его жизнь и страсть к прекрасному полу давала богатую: «Теперь, женка, послушай, что делается с Дмитрием Николаевичем. Он, как владетельный принц, влюбился в графиню Надежду Чернышеву по портрету, услыша, что она девка плотная, чернобровая и румяная (браво, Пушкин-астролог! — *Коллега*). Два раза ездил он в Ярополец в надежде ее увидеть, и в самом деле ему удалось застать ее в церкви. Вот он и полез на стены. Пишет из Заводов, что он без памяти от la charmante et divine comtesse [прелестной и божественной графини], что он почти не спит, et que *son charmant image* etc и непременно требует от Натальи Ивановны, чтобы она просватала за него la charmante et divine comtesse; Наталья Ивановна поехала к Кругликовой и выполнила комиссию. Позвали la divine et charmante, которая отказала наотрез. Наталья Ивановна беспокоится о том, какое действие произведет эта весть. Я полагаю, что он не застрелится» (26 августа 1833). Таков Телец, — резюмирует Астролог: — когда играет кровь, когда ему чего-то сильно хочется — он ужасен, настоящий разъяренный бык — не стой на дороге! Вообще же из всех своих сестер Дмитрий Николаевич больше всего благоволил к Екатерине, которая родилась с ним под одним знаком. В конце 1836 он специально приехал в Петербург, чтобы привезти «родительское согласие» на ее брак с Дантесом; и, пожалуй, был единственным, кто думал о судьбе той, которая во всей этой кровавой игре не интересовала решительно никого: «ничто не интересует меня так, как твоя дальнейшая судьба; по правде сказать, изо всей семьи ты сейчас интересуешь меня всех более» — писал он несчастной сестре, навеки уезжавшей за границу с осуждаемым всем прогрессивным человечеством мужем.

Д. Н. Гончаров. Неизв. худ., 1835.

Гончарова Екатерина Николаевна

(4 V 1809—15 X 1843) — сестра Натальи Николаевны. Жила себе у деда в Полотняном Заводе, вела, как все барышни, альбом, куда переписывала стихи, — например, сочинителя Пушкина «елегию» — «Желание славы»... Знала бы она, какая «слава» свяжет ее с этим поэтом! Всеобщая жертва и заложница, ни в ком не вызывавшая ни интереса, ни благодарности (красотой не отличалась, злые языки называли ее «дылдой» и сравнивали с «ручкой метлы» [11]), — ни в Пушкине, для которого она 12-й Знак, ни в Дантесе, для которого она Материнский Знак. Но, собственно, если разобраться, в чем она-то виновата? В том, что безумно любит Водолея, который, как зомби, играет заданную ему роль, — роль влюбленности в свой Знак Смерти, в сестру Екатерины Николаевны? А ведь эта сестра еще в 1833 году, по-Девьи выстраивая судьбу «Коко», собиралась выдать ее замуж за Жуковского. Судьба ей была быть женой Водолея. (Думаете, с Жуковским ей было бы лучше? Трагическое стечение обстоятельств нашло бы ее и в этом браке — *Астролог*). А Пушкин! Он отказывается видеть ее в своем доме, отказывается посещать ее дом — но при чем здесь она? Просто она 12-й Знак, и на ней можно все вымещать, даже не замечая этого. И можно ли ее обвинять за то, что узнав о смертельной ране Пушкина, она восторженно крикнула: «Жорж вне опасности»? Телец не может разрываться между двумя; из тех, кому она астрологически была обречена служить, Екатери-

на выбрала того, кому она Материнский Знак: «В одном тебе все мое счастье, только в тебе, тебе одном», — пишет она высланному из России Дантесу уже после дуэли, в 1837 [12]. И это так понятно: ведь она Телец и женщина; впрочем, уезжая из России, она великодушно заявила, что «прощает Пушкина». И через шесть лет умерла от родильной горячки, оставив четырех детей: никто ее не любил, все только использовали — трагична судьба попавшей между молотом и наковальней (а как назвать третьего демона, сыгравшего роковую роль в ее судьбе, — ее Знак Смерти Геккерна?)

Губер Эдуард Иванович

(13 V 1814—23 IV 1847) — поэт, переводчик «Фауста» Гете. Цензура не пропустила перевод, и в конце 1835 — начале 1836 Губер уничтожил его первую редакцию. Пушкин, узнав об этом, отправился на квартиру к несчастному переводчику, но дома не застал и оставил визитную карточку; естественно, Губер явился с ответным визитом. В начале 1836 он уже писал брату, что «весьма коротко познакомился с Пушкиным», одобрившим его произведения, в особенности перевод «Фауста», и что он по настоянию Пушкина принялся за вторичный перевод (12-й Знак! Надо слушаться! — *Астролог*). Губер вспоминал, что Пушкин брал на себя все хлопоты и всю ответственность за издание «Фауста» и гарантировал продажу 3000 экземпляров; читал и редактировал его перевод, — естественно, смерть Пушкина повергла Губера в глубокую депрессию. Перевод, однако, был издан в 1838 с посвящением «Незабвенной памяти А. С. Пушкина» и со стихотворением, адресованным поэту:

Когда меня на подвиг трудный
Ты улыбаясь (sic! — *Авт.*) вызывал,
Я верил силе безрассудной
И труд могучий обещал.
С тех пор один, вдали от света,
От праздной неги бытия,
Благословением поэта
В ночных трудах крепился я... —

стихи о магическом влиянии Близнецов на свой 12-й Знак, — скажет Астролог: рассудительный Телец поверил «силе безрассудной» — и ничего, остался жив; правда, Близнецы, конечно, и тут обманули: покинули эту жизнь и Тельца в ней на произвол судьбы, но «труд могучий» состоялся. А на смерть Пушкина Губер откликнулся стихами в духе столь популярных в поэзии 30-х гг. «кладбищенских ужасов» (аналог наших триллеров) — к сожалению, весьма далекими от истинного понимания отношений Пушкина со смертью:

Я видел гроб его печальный,
Я видел в гробе бледный лик,
И в тишине, с слезой прощальной,
Главой на труп его поник...
...тесный гроб, добычи жадной,
Не выдаст мертвого певца...
...И, как могила, безответны
Его холодные уста...

Мы-то все это, конечно, знаем и привыкли: «Приют певца угрюм и тесен, И на устах его печать», — но Близнецы бы уже тут запротестовали: гроб — печальный? Близнецы — труп? Уста — безответны? Что за нонсенс! А Губер еще не кончил, он теперь обращается к себе:

...А ты!...
Влачись в пустыне безотрадной
С клеймом проклятья на челе!
Твоим костям в могиле хладной
Не будет места на земле!..
Когда же горькими слезами
В предсмертной муке принята,
Молитва грешными словами
Сойдет на грешные уста, —
Тогда проникнет к ложу муки
Немая тень во тьме ночной
И окровавленные руки
Судом поднимет над тобой!

Вряд ли так уж прямо и «приникнет»,

и «поднимет»: Близнецам, скорее всего, будет не до этого...

Екатерина II

(2 V 1729—17 XI 1796) —

Петр прорубил в Европу окно — а Екатерина «поставила Россию на пороге Европы» (Пушкин — Чаадаеву, 19 октября 1836), «унизив» Швецию и «уничтожив» Польшу. Любя пространство, Пушкин и деяния царей любил описывать в пространственных понятиях. (Ясно, что Александру I, при поступательном развитии этой схемы, оставалось лишь «привести нас в Париж»).

Иначе обстояли дела внутри государства — внутри «дома». Сурово оценил внутреннее хозяйство Екатерины молодой Пушкин в 1822 [13]: «деспотизм под личиной кротости и терпимости», «неограниченное властолюбие»; «развратная государыня развратила и свое государство», — и все это при лицемерной «любви к просвещению», при переписке с Вольтером.

Мне жаль великия жены,
Жены, которая любила
Все роды славы: дым войны
И дым парнасского кадила.
Мы Прагой ей одолжены,
И просвещеньем, и Тавридой,
И посрамлением Луны,
И мы прозвать должны
Ее Минервой, Аонидой.
В аллеях Сарского села
Она с Державиным, с Орловым
Беседы мудрые вела —
чай пила —
С Делиньем — иногда с Барковым.
Старушка милая жила
Приятно и немного блудно,
Вольтеру первый друг была,
Наказ писала, флоты жгла,
И умерла, садясь на судно...

1824.

«Старушка милая», настоящая хозяйка в своем доме... Годом раньше Пушкин описал другую «милую старушку»:

А кстати: Ларина проста,
Но очень милая старушка...

Прасковья Ларина — также мастерица «самодержавно управлять» — и не только своим супругом:

Она езжала по работам,
Солила на зиму грибы,
Вела расходы, брила лбы,
Ходила в баню по суботам,
Служанок била осердясь...

Не правда ли, сама интонация этого мерного перечисления выполняемых «работ» в стихах о Лариной и о Екатерине очень похожа? Пушкин переносит на Екатерину некоторые черты образа Лариной; собственно, как бы говорит он, разница невелика: и тут и там — дом,

Екатерина II на прогулке в Царском Селе. Н. И. Уткин, И. В. Ческий, с оригинала В. А. Боровиковского 1783 г., 1827. Женский профиль на черновике стихотворения "Мне жаль великия жены". Екатерина — или Арина Родионовна? А может, Прасковья Ларина?

только у Екатерины — дом огромный; и тут и там — домашняя хозяйка, довольно крутая и самодурная, даром что с претензией на образованность (французский прононс Лариной вполне сто́ит пресловутой переписки с Вольтером); что же касается «немного блудной» жизни Екатерины — ведь и у Лариной свой «гвардии сержант»: чем не Григорий Орлов? Кстати, варианты стихов в этой строфе: «секала жопы»; «служанок секла» — также напоминают об одном мотиве, связанном у Пушкина с Екатериной: она «унизила беспокойное наше дворянство» (то бишь своих, так сказать, «служанок») — унизила, в частности, телесными наказаниями, напоминавшими свойскую домашнюю расправу; она «любила просвещение, а Новиков, распространивший первый луч его, перешел из рук Шешковского в темницу, где и находился до самой ее смерти»; верил Пушкин и в слух о крутой расправе над Княжниным, который якобы «умер под розгами».

И конечно, символ полного слияния хозяйки со своим домом — одежда.

...И обновила наконец
На вате шлафор и чепец.

Марья Ивановна из «Капитанской дочки», встретив в Царскосельском саду даму «в ночном чепце и в душегрейке», вполне могла бы принять ее за Прасковью Ларину.

Измайлов Александр Ефимович

(25 IV 1779—28 I 1831) — поэт-баснописец, журналист, издатель журнала «Благонамеренный» (1818—1826) и альманаха «Календарь муз» на 1826 (с П. Л. Яковлевым), председатель Вольного общества любителей словесности, наук и художеств в Петербурге. Вместе с Пушкиным в Лицее учился двоюродный племянник Измайлова М. Л. Яковлев, и Александр Ефимович часто приезжал в Лицей (обычно с С. Д. Пономаревой); тут познакомился с Дельвигом и, вероятно, с Пушкиным.

Сочинитель басен о кабаках и квартальных, смело вводивший в литературу «фламандской школы пестрый сор» и сам имевший репутацию пьяницы, Измайлов для писателей пушкинского круга — фигура почти комическая. При всем этом он был, по определению Кюхельбекера, «истинно добрый мужик» [14]: хлебосолен, благодушен, доброжелателен (исконные Тельцовые качества — *Астролог*); самая полемика его была мелка, забавна и необидна.

К Пушкину Измайлов благожелательствовал. Именно по его предложению Пушкин был избран членом Общества Любителей словесности, наук и художеств, о чем сам же Измайлов его заботливо известил; «Руслана» он назвал «прекрасным феноменом нашей словесности» [15]; в 1818—1822 напечатал в «Благонамеренном» несколько стихотворений поэта и отрывок из «Кавказского пленника» — забота и опека!

Именно опека: слава любителя кабаков не мешала Измайлову считать себя оплотом нравственности в литературе. Вероятно, пьянство и разврат им строго разделялись, и последний не раз подвергался суровому обличению. Не случайно и в своем журнале «Благонамеренный» Измайлов раз и навсегда обещал не помещать «сладострастных, вакхических и даже *либеральных* стихотворений наших баловней поэтов» [16].

Очень хотелось Измайлову оградить и Пушкина от моральной нечистоты. Так, хваля «Кавказского пленника» за «чувство», «силу», «возвышенную поэзию», он сожалеет, что в нем встречаются «нынешние модные слова», например, «сладострастие» [17]; в другой статье выражает уверенность, что настоящие великие романтики, в числе коих назван и Пушкин, «скорее отказались бы от славы своей, чем согласились считаться однородными певцами любви кипящей, гетер и проч.» [18]; а в письме П. Л. Яковлеву (11 сентября 1825), добродушно пересказывая дошедшие до него новости о псковской жизни Пушкина, сокрушенно заме-

чает: «Проказничает наш Пушкин да и только» [19].

Воспитательные поползновения Измайлова Пушкин признавал — но только не применительно к себе; зато жену он однажды воспитал басней Измайлова: советуя Наталье Николаевне не кокетничать попусту, Пушкин пересказывает сказку Измайлова «Заветное пиво»: «К чему тебе принимать мужчин, которые за тобою ухаживают? не знаешь, на кого нападешь. Прочти басню А. Измайлова о Фоме и Кузьме. Фома накормил Кузьму икрой и селедкой. Кузьма стал просить пить, а Фома не дал. Кузьма и прибил Фому как каналью. Из этого поэт выводит следующее нравоучение: красавицы! не кормите селедкой, если не хотите пить давать; не то можете наскочить на Кузьму. Видишь ли? Прошу, чтобы у меня не было этих академических завтраков» (30 октября 1833). Заметим: речь идет о посмертной публикации сказки; Измайлов уже два года как в могиле, но и оттуда обращается с предостережением кокеткам:

Вам весело, как мы любовию к вам жаждем,
Смеетесь, как мы страждем.
Не кормите Фому —
Не то попасть вам на Кузьму [20].

Себя же Пушкин воспитывать не позволял. Когда Измайлову показалось слишком агрессивным и позерским стихотворение Пушкина «Приятелям» («Враги мои, покамест я ни слова...»), где поэт выражает готовность по-ястребиному «налететь» и растерзать литературных противников, — баснописец не упустил случая высмеять позу, принятую молодым поэтом: «Из самого начала сего ужасного осьмистишия открывается, что для сочинителя *приятель* и *враг* суть синонимы... Страшно, очень страшно! Более же всего напугало меня то, что у господина сочинителя есть *когти*!» [21] Пушкин морали не принял, а ответил эпиграммой:

Недавно я стихами как-то свистнул
И выдал их без подписи моей;

Измайлов. Литография неизв. худ. 1802. Рис. Пушкина 1823 — Измайлов?

Журнальный шут об них статейку тиснул,
И в свет пустил без подписи ж, злодей!
Но что ж? Ни мне, ни площадному шуту
Не удалось прикрыть своих проказ:
Он по когтям узнал меня в минуту,
Я по ушам узнал его как раз.

В сущности, довольно безобидный обмен зоологическими колкостями. Зоологическая тема, впрочем, тут же оборачивается и забавной стороной: «Начало «Кота» Измайлова очень мило» (брату, февраль 1825). И ведь действительно смешно и мило:

Вы любите кота?
Любите: он ведь сирота...

К тому же Измайлова вообще обидеть было трудно, что видно из его любопытной перепалки с Дельвигом. Однажды (в 1823), желая отечески оградить Пушкина от ленивого и бесполезного друга (а отчасти движимый и ревностью к Дельвигу, ухаживавшему за С. Д. Пономаревой), Измайлов напечатал весьма прозрачную басню «Роза и репейник»:

Репейник возгордился!
Да чем же? — с Розою в одном саду он рос.

Дальше говорится о «молокососе», который «целый курс проспал и пролениться», но тем не менее

Твердит, поднявши нос:
«С *таким-то* вместе я учился».
Хорош тот, слова нет — ему хвала и честь.
Да что, скажи, в тебе-то есть.

В рукописи вместо «таким-то» сто-

яло имя Пушкина. Между тем «Репейник» на этот раз не поленился настрочить длинную сатиру на Измайлова размером «Замка Смальгольма»:

...Но изорван был фрак, на манишке табак,
Ерофеичем весь он облит.
Не в парнасском бою, знать в питейном дому
Был квартальными больно побит...

Самое любопытное — то, что эта пародия была сочинена в присутствии самого Измайлова, одобрена им и названа «очень удачной». Что же делать: «кабак» и «ерофеич» были его вратами в историю, он понимал, что Дельвиг вносит вклад в создание его бессмертного образа — и сам Дельвиг это понимал: проезжая через Конную площадь, показывал место, где «соскочил с саней Александр Ефимович» [22].

Такова была его судьба, с которой Измайлов смирился; но в глубине души он хотел совсем другого: он — этот, по словам Воейкова, «писатель не для дам», — очень хотел быть именно писателем «для дам», — и воспевал в бесконечных галантных мадригалах свою жестокую даму сердца — С. Д. Пономареву:

Пишу стихами к вам... О если бы я мог
Писать иль говорить теперь у ваших ног! [23]

Страсть к ерофеичу и страсть к целомудрию — две стороны литературного образа Измайлова, красневшего, как мы видели, при слове «сладострастие» и хотевшего и Пушкина заставить при нем краснеть. Однако лишь первой из этих сторон суждено было остаться. И Пушкин сам приложил руку к такой литературной участи Измайлова, — когда написал в «Онегине»:

Я знаю: дам хотят заставить
Читать по-русски. Право, страх!
Могу ли их себе представить
С *Благонамеренным* в руках!

И добавил примечание, намекающее на пьянство покойного Измайлова и на его поистине бессмертное стихотворное извинение перед подписчиками «Благонамеренного», которое пережило прочие его творения:

Как русский человек, на праздниках гулял:
Забыл жену, детей, не только что журнал.

Эти строки Пушкина в «Онегине» решили посмертную судьбу Измайлова: больше всего Измайлов хотел бы видеть свой журнал именно в руках «прекрасных дам», которых воспевал так целомудренно и рыцарственно, в отличие от «сладострастного» Пушкина; но зеркало Пушкина не пожелало отобразить *этого* Измайлова — и оставило его потомству в одной лишь его «недамской» ипостаси. Изображение неверное, «боком одним с образцом» схожее, — но, увы, вечное.

Измайлов Владимир Васильевич

(16 V 1773—16 IV 1830) — писатель, переводчик, издатель ряда журналов и альманахов, цензор Московского цензурного комитета (1827—1830). Именно он опубликовал стихотворение Пушкина «К другу стихотворцу» («Вестник Европы», № 13 за 1814), а в 1815 в «Российском музеуме» еще 18 стихотворений поэта (так что первые печатные опыты — благодаря заботливой няньке — Тельцу — *Астролог*). А в примечании к «Воспоминаниям в Царском Селе» добрый издатель благодарит за доставление «сего подарка» родственников «молодого поэта, которого талант так много обещает». В дальнейшем Измайлов относился к творчеству Пушкина неизменно трепетно, и надо сказать, что и Пушкин вел себя с «первым покровителем своей музы» благодарно, упомянув Измайлова в «Отрывках из литературных летописей» (1829), оценив его выступление как цензора в защиту свободной литературной критики: «В. В. Измайлов, которому отечественная словесность уже многим обязана, снискал себе новое право на общую благодарность свободным изъяснением мнения столь же умеренного, как и справедливого».

Между прочим, Измайлов собирался издавать журнал «Современник» — помешала должность цензора [24]; но название пригодилось...

***Каталани (Catalani) Анжелика**

(10 V 1780—12 VI 1849) — итальянская певица, гастролировавшая в России в начале 1820-х гг. В письме к подруге из Москвы от 15 июля 1830 упоминает о знакомстве с Пушкиным. В творчестве поэта певица упоминается дважды — в стихах З. Волконской:

Как мимоездом Каталани
Цыганке внемлет кочевой;

и второй раз в «Египетских ночах» — очень астрологично: «Говорят, la signora Catalani брала по 25 рублей? Цена хорошая...» (Телец не путает божий дар с яичницей; вернее, никогда не забывает, что без яичницы божий дар весьма проблематичен. Близнецы соединили обе стороны Тельцового характера — *Астролог*).

Козлов Иван Иванович

(22 IV 1779—11 II 1840) — поэт, переводчик; в молодости блистал в светских салонах Москвы как отличный танцор, но после вспышки ревматизма был парализован, а затем потерял и зрение (1821). Так суждено было Козлову стать русским подтверждением великой романтической мысли о вторичности внешнего зрения перед зрением духовным. «Закрой твои физические глаза, чтобы сначала увидеть твою картину духовным зрением», — советовал художникам великий мастер романтического пейзажа Каспар Давид Фридрих [25]. «Закрой глаза — и ты увидишь», — так, еще проще, выразился французский романтик Жозеф Жубер. Козлов так и сделал: закрыл глаза — и увидел.

Когда же я в себе самом,
Как в бездне мрачной, погружаюсь, —
Каким волшебным я щитом
От черных дум обороняюсь!
Я слышу дивной арфы звон,
Любимцев муз внимаю пенье,
Огнем небесным оживлен:
Мне льется в душу вдохновенье,
И сердце бьется, дух кипит,
И новый мир мне предстоит...

Эти стихи из послания «К другу В. А. Жуковскому», в котором Пушкина так поразило «ужасное место, где поэт описывает свое затмение»; само же стихотворение, пророчит Пушкин, «останется вечным образцом мучительной поэзии» (брату, май 1825). Когда Козлов послал Пушкину свою поэму «Чернец», Пушкин ответил ему стихами, полными сочувственной трагической иронии, которую Козлов не мог не оценить:

Певец! когда перед тобой
Во мгле сокрылся мир земной, —
Мгновенно твой проснулся гений,
На все минувшее воззрел...
...Тебе он создал новый мир,
Ты в нем и видишь, и летаешь,
И вновь живешь, и обнимаешь
Разбитый юности кумир.
А я, коль стих единый мой
Тебе мгновение отрады,
Я не хочу другой награды:
Недаром темною стезей
Я проходил пустыню мира
О, нет! недаром жизнь и лира
Мне были вверены судьбой!

Пушкин здесь — слепец (вот почему его «стезя — «темная»!), подлинно зрячий, по-настоящему прозревший — Козлов. «Закрой глаза — и ты увидишь...» К этому козловскому мотиву подлинного духовного зрения и слепоты того, кто видит лишь физически, Пушкин еще вернется в 1835, в «Страннике»:

Я оком стал глядеть болезненно-отверстым,
Как от бельма врачом избавленный слепец.
«Я вижу некий свет», — сказал я наконец.

В поэтическом мире Козлова было два главных героя. «Слепец Козлов» «только что и твердит о тебе да о Байроне», — сообщает Пушкину Дельвиг (10 сентября 1824). Байрон явился ему в видении, сильно напоминавшем явление пушкинской музы в восьмой главе «Онегина»:

С своими буйными страстями,
С печалью, с гордыми слезами,
Любви в губительном огне
Вдруг Чильд-Гарольд явился мне.

«К Вальтер Скотту»

Между прочим, одна строка тут —

Козлов. Гравюра К. Афанасьева. 2-я пол. 1820-х гг.; рис. Пушкина (после 1821).

почти пушкинская. Вспомним «Портрет» (1828):

С своей пылающей душой,
С своими бурными страстями...

Встает вечный вопрос — кто у кого? Но так ли уж это важно, если один из участников диалога давно живет в мире видений, не слишком заботясь о порядке течения внешних явлений, — «и время задумчиво в песнях текло» (Козлов, «Байрон»).

Пушкина Козлов также боготворил: он «твоим словом больше дорожит, нежели всеми громкими похвалами», — сообщает Пушкину Плетнев (22 января 1825). Ему, безразличному к внешним различиям, хотелось два этих образа слить: Пушкин был для него Байроном, Байрон — Пушкиным; певец един. Переводя на английский «Бахчисарайский фонтан», он, видимо, преследовал ту же цель: слить оба образа; свои стихи, связанные с Байроном («Байрон» и «Море» — перевод фрагмента из «Паломничества Чайлд-Гарольда») он посвящает Пушкину.

И снова он мчится по грозным волнам;
Он бросил магнит путеводный,
С убитой душой по лесам, по горам
Скитаясь, как странник безродный...

Речь идет, видимо, о Байроне; а может, о Пушкине? Байронические стихи Козлова работали и на образ Пушкина; в зеркале Козлова Пушкин и Байрон сливались, и это производило впечатление на современников, откладывалось в их сознании: Вяземский говорит о «душе» Пушкина, «которая также кипучая бездна (прекрасное выражение Козлова о Бейроне)» [26]. И Пушкин, который в других случаях сердился на подобные сравнения и старался «заметить разность», конечно, тут все понимал — и не обижался на «милого вдохновенного певца» [27].

Константин Павлович

(8 V 1779—27 VI 1831) — цесаревич, главнокомандующий польской армией и фактический наместник Царства Польского (1816—1831). 19 октября 1811 с царской фамилией присутствовал на торжественном открытии Лицея, где общался с первокурсниками. Пушкин после смерти Александра I писал Катенину: «Как поэт, радуюсь восшествию на престол Константина I. В нем очень много

Константин Павлович. И.-Б. Лампи. Рис. Пушкина 1829 — Константин Павлович?

романтизма; бурная его молодость, походы с Суворовым, вражда с немцем Барклаем напоминает Генриха V. К тому же он умен, а с умными людьми все както лучше; словом, я надеюсь от него много хорошего». Добавим, что для Пушкина такой вариант событий был бы, несомненно, лучше. Константин в быту был сентиментальным и добродушным, лю-

безнейшим хозяином (как все Тельцы — *Астролог*); на службе — яростным блюстителем законов и правил, причем, в основном, в их внешнем проявлении — главное, чтобы все было чинно и красиво, обтрепанной одежды уставших от походов войск не принимала его Венерианская душа. Пушкин тоже как-то не вписывался в правила, поэтому, естественно, вызывал настороженность, волнение и, как следствие, неприязнь этого Тельца. Константин ведь не имел случая пообщаться с Пушкиным в неслужебной обстановке, во время отдыха, когда Телец может позволить себе расслабиться и благосклонно, без нервной ажитации, насладиться обществом Близнецов — так что отзывы его о Пушкине не слишком благоприятны: «Вы говорите, — писал Константин Бенкендорфу в апреле 1828, — что писатели Пушкин и Вяземский просят о дозволении следовать за главной императорской квартирой. Поверьте мне, любезный генерал, что, ввиду прежнего их поведения, как бы они ни старались выказать теперь свою преданность службе его величества, они не принадлежат к числу тех, на кого можно было бы в чем-нибудь положиться». (и правильно: мудрый, осторожный Телец не должен доверять Близнецам, чтобы не попасть в беду — *Астролог*).

Мордвинов Николай Семенович

(28 IV 1754—11 IV 1845) — адмирал, член Государственного совета, председатель Вольного экономического общества (1823—1840), член Главного цензурного комитета; с 1834 граф. Славился независимостью и смелостью своих мнений; чего стоит, например, его одинокое выступление против смертной казни государственных преступников в момент суда над декабристами. Голос Мордвинова в таких случаях обычно оставался гласом вопиющего в пустыне, — вот почему «благородным, но пылким мечтателем» назвал его практический Греч [28]. Благодаря своей исключительной репутации Мордвинов был буквально нарас-

Мордвинов. Художник К. Рейхель, 1817. Рис. Пушкина 1829 — Мордвинов?

хват: декабристы прочили его в члены своего временного правительства, в то время как абсолютно антагонистическая им организация — Беседа Любителей Русского Слова — избрала Мордвинова своим попечителем. Рылеев формулировал миссию декабристов очень просто: «удалить всех подобных Аракчееву, а на место их поставить Мордвиновых!» [29] (и не важно, что Мордвинов всегда стоял за сохранение в России крепостного права). Услышь это Пушкин — он мгновенно бы уловил комизм подобного воззрения и осадил бы Рылеева вопросом: где же взять «Мордвиновых» во множестве? Ведь «Мордвинов заключает в себе одном всю русскую оппозицию» (Пушкин — Вяземскому, апрель 1824).

В 1826 Пушкин написал Мордвинову форменную оду, где сначала все идет правильно и предсказуемо:

Ты лиру оправдал, ты ввек не изменил
Надеждам вещего пиита...

...Сияя доблестью, и славой, и наукой,
В советах недвижим у места своего
Стоишь ты, новый Долгорукий! —

однако последнее четверостишие несколько странно:

Один, на рамена поднявши мощный труд,
Ты зорко бодрствуешь над царскою казною,
Вдовицы бедный лепт и дань сибирских руд
Равно священны пред тобою.

Намек на декабристов («дань сибирских руд») вплетен, конечно, тонко; но

достаточный ли это повод, чтобы поминать прозаическую деятельность Мордвинова по реформе финансовой системы? И картина получилась не слишком красивая: независимый, гордый оппозиционер, «благородный мечтатель», — складывает в государственный сундук гроши, полученные от вдовицы, и деньги, заработанные потом и кровью декабристов. Что же, в деньгах есть своя поэзия и свое страдание:

Нет, выстрадай сперва себе богатство,
А там, посмотрим, станет ли несчастный
То расточать, что кровью приобрел.

В том же 1826, когда было сочинено послание к Мордвинову, Пушкин задумывает «Скупого рыцаря» и что-то уже различает сквозь «магический кристал». Вот и получилась накладка изображений: писал об одном — но вставало, вырисовывалось уже другое — «и имя чуждое уста мои шептали». В зеркале Пушкина на отображение Мордвинова наплывает другой силуэт...

Мордвинов с симпатией относился к Пушкину, — правда, определение по поводу распространения стихов из элегии «Андрей Шенье», обязывающее Пушкина подавать новые произведения в цензуру, подписал. (И не говорите: все члены Департамента гражданских и духовных дел подписали, — когда хотел, не боялся один встать против всей комиссии, как во время следствия по делу декабристов. Тут дело в другом: Телец действительно считает, что глаз и опека Близнецам никогда не повредит — *Астролог*). Вместе с тем, Мордвинов, вместе с А. Н. Олениным и А. Д. Балашовым, не счел нужным «усугублять» приговор, — а могли бы и «усугубить». По воспоминанию дочери, Мордвинов «с удовольствием читал некоторые сочинения» Пушкина.

Муравьев Андрей Николаевич

(12 V 1806—30 VIII 1874) — брат Н. Н. Муравьева-Карского; поэт, писатель. Начало знакомства с Пушкиным относится к зиме 1826—1827 гг.; общались в основном в салоне Волконской. «Приветливо встретил меня Пушкин», — вспоминает Муравьев [30]; однако вскоре отношения омрачились: Муравьев сломал руку у огромной гипсовой статуи Аполлона в театральном зале княгини и на пьедестале в извинение написал довольно нескладные стишки:

О, Аполлон! Поклонник твой
Хотел померяться с тобой,
Но оступился и упал.
Ты горделивца наказал;
Хотя пожертвовал рукой,
Зато остался он с ногой.

Пушкин не очень их разобрал — решил, что Муравьев называет себя «соперником» Аполлона, и написал такую эпиграмму:

Лук звенит, стрела трепещет,
И, клубясь, издох Пифон,
И твой лик победой блещет,
Бельведерский Аполлон!
Кто ж вступился за Пифона,
Кто разбил твой истукан?
Ты, соперник Аполлона,
Бельведерский Митрофан.

Муравьев за словом в карман не полез и ответил своей, по-Тельцовому весьма грубой эпиграммой:

Как не злиться Митрофану?
Аполлон обидел нас:
Посадил он обезьяну
В первом месте на Парнас.

Надо сказать, что Пушкин вздохнул с облегчением: основная причина его агрессивности заключалась в том, что «Муравьев не только белый человек, но и лошадь» [31], — то есть может стать исполнителем рокового пророчества. Уже само неловкое изничтожение Аполлона могло быть для Пушкина дурным знаком и предостережением: ведь это он, Пушкин, был Аполлоном на «русском Парнасе»,

о чем сам же Муравьев и написал в ответной эпиграмме. Пушкин думал, что Муравьев вызовет его после эпиграммы на дуэль, — но все обошлось бурным, но безобидным и в сущности не злым эпиграмматическим дождем (вспомним, по астрологической аналогии, Измайлова: и тут острые эпиграммы так и не смогли по-настоящему поссорить его с Пушкиным).

Конечно, Муравьев — не тот, кого он ждал... А Муравьев сам ничего так и не понял, и однажды изумленно спросил Соболевского, зачем Пушкин написал на него «такую злую эпиграмму»? Тот рассказал ему о высоком белокуром человеке и добавил: «Пушкин довольно суеверен, и потому, как только случай сведет его с человеком, имеющим все сии наружные свойства, ему сейчас приходит на мысль испытать: не это ли роковой человек? Он даже старается раздражать его, чтобы скорее искусить свою судьбу» [32]

В 1827 Муравьев издаст поэму «Таврида», которую Баратынский определит как «риторическое распространение двух стихов Пушкина из «Бахчисарайского фонтана»:

Где скрылись ханы? где гарем?
Кругом все пусто, все уныло...» [33]

Что же, многие поэты не избегали искушения «развить», «дописать» чрезмерно лаконичные пушкинские образы; Илличевский даже пояснил, о чем «журчит» фонтан дворца...

В 1830-е гг. отношения были как нельзя лучше: «Совершенно нечаянно я свиделся с Пушкиным в архиве министерства иностранных дел, где собирал он документы для истории Петра Великого, — вспоминает Муравьев. — Пушкин устремился прямо ко мне, обнял крепко и сказал: «Простите ли вы меня? А я не могу доселе простить себе свою глупую эпиграмму, особенно когда я узнал, что вы поехали в Иерусалим... С чрезвычайным удовольствием читал я ваше путешествие...» С тех пор и до самой кончины я оставался с ним в самых дружеских отношениях». Простил, дружил — не верил, что останется навеки «бельведерским Митрофаном».

Оленина Елизавета Марковна

урожд. Полторацкая (13 V 1768—15 VII 1838) — жена А. Н. Оленина, мать Аннетты Олениной. «Добрая Элиза», называл ее Батюшков. Страдая от телесных недомоганий, она принимала гостей лежа на диване. «Эта умная женщина исполнена доброжелательства ко всем, — вспоминает Вигель. — В ней была и мужеская твердость воли и ангельское терпение... Ей хотелось, чтобы все были довольны и веселы». «Что ты, девица, грустна?» — такую балладу специально для театрализованной шарады в день рождения «доброй Элизы» сочиняют в 1819 Пушкин и Жуковский. Пушкину у Олениных тепло и хорошо — до той поры, пока он не вздумал свататься к Аннет. Вот тут уже проявилось не столько «ангельское терпение», сколько «мужеская твердость воли»; тут, — объяснит Астролог, — Телец забыл о своей покровительнице Венере, но зато всем стало понятно, что это самый земной из всех Знаков Земли, на земле стоит всеми четырьмя ногами и прекрасно понимает, что за таких, как Пушкин, дочерей в приличных домах не выдают. И это ему объявят и объяснят многократно, и без всяких подтекстов.

Е. М. Оленина. Рисунок О. Кипренского, 1813.

↓Орлова Екатерина Николаевна

(22 IV 1797—3 II 1885) — старшая дочь генерала Раевского, с 15 мая 1821 жена М. Ф. Орлова.

Редеет облаков летучая гряда;
Звезда печальная, вечерняя звезда,

Твой луч осеребрил увядшие равнины..
...Когда на хижины сходила ночи тень —
И дева юная во мгле тебя искала
И именем своим подругам называла.

Пушкин так негодовал, когда Бестужев напечатал три последние строки — ведь они обращены к любимой женщине... Была среди сестер Раевских одна, любившая указывать на некую звезду, — но указывала она ее не Пушкину. «Среди кучи дел, одни докучнее других, — писал М. Ф. Орлов жене 15 мая 1821, — я вижу твой образ ... и приближаюсь к тебе или воображаю тебя близкой всякий раз, как вижу достопамятную Звезду, которую ты мне указала. Будь уверена, что едва она восходит над горизонтом, я ловлю ее появление с моего балкона» [34].

«Женщина необыкновенная», «Марфа-посадница»; «Моя Марина славная баба: настоящая Катерина Орлова!» [35] Пушкин ее «необыкновенно уважал», «по ней вздыхал» («Екатерина» в «Дон-Жуанском списке»), — и «вздыхал», может быть, даже не именно по ней, а по земной женщине, с которой ему было бы тепло, уютно и спокойно (с Тельцом уж, конечно, было бы теплее и уютнее, чем с земной и терпеливой, но все-таки холодноватой Девой — *Астролог*). Но «славная баба» Екатерина Николаевна предпочла командовать 12-м Знаком — генералом Орловым, чем в качестве 12-го Знака всю жизнь согревать этого непутевого Пушкина. И как ее за это осуждать?

Ек. Н. Орлова. Неизв. худ. Ек. Н. Орлова с мужем (?). Рис. Пушкина 1829.

Павлищев Николай Иванович

(18 V 1802—20 XII 1879) — однокашник Льва Сергеевича по Благородному пансиону, издатель (с М. И. Глинкой) «Лирического альбома на 1829 г.», переводчик, автор научных трудов, чиновник Департамента народного просвещения. А теперь все это забудем: все это неважно. Он — муж Ольги Сергеев. Везло же Пушкину на материальные тяжбы с Тельцами: со стороны Натальи Николаевны — Дмитрий Николаевич, со стороны Ольги Сергеевны — Николай Иванович. Полотняный Завод — и Михайловское, Болдино. «Не мне одному грозит нужда: обо мне и речи нет; но жена моя, сестра ваша, имеет, кажется, право на участие родных в ее судьбе» [36], — кто это пишет: Пушкин — Дмитрию Николаевичу Гончарову или Николай Иванович Павлищев — Пушкину? Удивительно ли, что у Пушкина часто не хватало терпения читать письма Павлищева — и тогда на помощь приходил Соболевский: читал, растолковывал, заставлял ответить...

Паскевич Иван Федорович

(19 V 1782—1 II 1856) — с марта 1827 командир Отдельного кавказского корпуса, генерал-фельдмаршал, с 1828 граф Эриванский, с 1832 наместник Царства Польского с особыми полномочиями. Поездку в Закавказье летом 1829 Пушкин совершил с разрешения Паскевича. По свидетельству М. И. Пущина, Паскевич не хотел отпускать Пушкина от себя «не только во время сражения, но и на привалах, в лагере и вообще всегда, на всех répos , и в свободное от занятий время за ним посылал и порядочно — по словам Пушкина — ему надоел» [37]; он даже «велел поставить ему палатку возле своей ставки» [38]. Понятно, что Паскевич осуществлял вежливый надзор за политически неблагонадежным поэтом, который встречался с декабристами и вооб-

ще мог натворить все, что угодно; но, — заметит Астролог, — дело еще и в тревоге Тельца за Близнецов: как бы с ним чего не случилось; этот надзор — своего рода охрана поэта (хотя сам Паскевич, наверное, был бы весьма удивлен, если бы ему сказали, что он тревожится за Пушкина «как нянька старая»).

Медлительный, нередко теряющийся в трудных ситуациях, Паскевич был груб, вспыльчив, очень ревнив к чужой славе. Но мог быть и иным: «Я нашел графа дома, — пишет Пушкин в «Путешествии в Арзрум» — перед бивачным огнем, окруженного своим штабом (самое естественное место для Тельца — домашний очаг. — *Астролог*). Он был весел и принял меня ласково». Во-первых, Пушкин действительно застал Тельца в хорошую минуту: сытого, окруженного лестью, отдыхающего —потому и веселого; во-вторых, Пушкин ведь мог быть полезен: почему бы ему звучными стихами не воспеть громкие подвиги прославленного героя? Но идиллия, как и следовало ожидать, продлилась недолго: «Ужасно мне надоело вечное хождение на помочах этих опекунов, дядек (я же говорю: нянька — *Астролог*); мне крайне жаль было расстаться с моими друзьями, но я вынужден был покинуть их. Паскевич надоел мне своими любезностями. Он не понял меня и старался выпроводить из армии», — рассказывал Пушкин местному журналисту. А чего же его тогда зря кормить? Телец этого не любит. По некоторым свидетельствам, Паскевич, поняв, что Пушкин его не слушается, грубо выгнал поэта из лагеря: «Господин Пушкин! ... Вам здесь делать нечего, а потому я советую немедленно уехать из армии обратно» [39]. Пушкин в «Путешествии в Арзрум» изображает все иначе: «Граф предлагал мне быть свидетелем дальнейших предприятий. Но я спешил в Россию... Граф подарил мне на память турецкую саблю. Она хранится у меня памятником моего странствования вослед блестящего героя по завоеванным пустыням Армении». Во всяком случае, о сабле — все правда: она хранится в Пушкинском Доме.

Паскевич. Гравюра Н. И. Уткина, 1832.

В стихотворении «Бородинская годовщина» Пушкин посвятил Паскевичу весьма лестные строки:

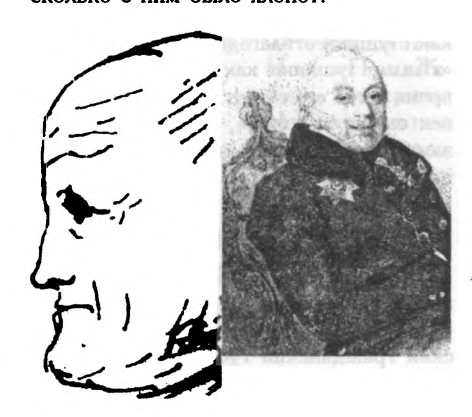
Могучий мститель злых обид,
Кто покорил вершины Тавра,
Пред кем смирилась Эривань,
Кому суворовского лавра
Венок сплела тройная брань.

Чего ж вам боле? Паскевич очень благодарил, правда, в письме к Жуковскому: «Стихи истинно прекрасны и богаты чувствами народной гордости» [40]. И все же комплименты не могли прогнать тень взаимного недоброжелательства. В 1836 в письме к официозному историку Н. И. Ушакову Пушкин преувеличенно комплиментарно (а значит, не без иронии) отозвался о Паскевиче: «Вы впустили меня в храм славы, как некогда граф Эриванский позволил мне въехать вслед за ним в завоеванный Арзрум». А Паскевич, видимо, был не очень доволен тем, как Пушкин отблагодарил его за заботу: «Жаль Пушкина как литератора, в то время когда его талант созревал, но человек он был дурной», — с сожалением заметил светлейший князь после смерти поэта.

Пещуров Алексей Никитич

(10 V 1779—14 IX 1849) — опочецкий уездный предводитель дворянства (январь 1829—1832), витебский и псковский гражданский губернатор (1830—1839). Знакомство Пещурова с Пушкиным произошло еще в лицейские годы: вместе с Пушкиным учился племянник Пещурова А. М. Горчаков, и заботли-

вый дядюшка (впрочем, и у Пушкина был свой дядюшка-Телец — *Астролог*) в 1817 хлопотал об определении племянника в Коллегию иностранных дел и присутствовал на выпускном экзамене. В письмах к дяде аккуратный племянник не забывал сообщать о Пушкине и его литературных занятиях. А скоро и дядюшке пришла пора взять на себя заботу о занятиях Пушкина, когда на него легли обязанности надзора над опальным поэтом. Надзор Пещурова, видимо, мало тяготил Пушкина, раздражало другое: «Пещуров, назначенный за мною смотреть, имел бесстыдство предложить отцу моему должность распечатывать мою переписку, короче — быть моим шпионом» (Жуковскому 31 октября 1824) — недаром П. Осипова называла Пещурова «лукавым ходатаем». В конце концов Пещуров отказался от наблюдения за беспокойным поэтом, и заботливый племянник в письме выразил удовлетворение тем, что дядя оставил обременительное занятие [41]. У Пещурова состоялось свидание Пушкина с Горчаковым, приехавшим к дяде для поправления здоровья; а дальше — обычные хлопоты няньки — проводить вызванного в Москву к царю Пушкина до Пскова; принять участие в погребении поэта в Святогорском монастыре. Успокоился, наконец, а то сколько с ним было хлопот!

Пещуров. Рисунок П. Соколова. Рис. Пушкина 1825 — Пещуров?

Пушкин Василий Львович

(8 V 1766—2 IX 1830) — дядя Пушкина; поэт, автор нашумевшей поэмы «Опасный сосед» о похождениях в борделе; член «Арзамаса». Вот уж Телец так Телец — скажет тут Астролог: душа общества, неистощим на каламбуры, остроты, шутки; а какой бонвиван! «Парижем от него так и веяло, — вспоминает Вяземский о воротившемся из Парижа арзамасском старосте. — Одет он был с парижской иголочки с головы до ног; прическа à la Titus углаженная, умасленная древним маслом... В простодушном самохвальстве давал он дамам обнюхивать голову свою». Правда, не отличался быстротой разума, что неблагодарный племянник подметил довольно быстро. Уже в 1817, на автографе оды «Вольность», подаренном Н. Тургеневу, он припишет, поясняя «непонятное» место: «Наполеонова порфира... Замечание для В. Л. П. моего дяди (родного)» — намек на пресловутую недогадливость Василия Львовича. Позднее выразится совсем ясно: «Дядя прислал мне свои стихотворения — я было хотел написать об них кое-что ... да невозможно; он так глуп, что язык не повернется похвалить его» (Вяземскому, 6 февраля 1823).

Зять Василия Львовича Сонцов говорил, что у него есть в мире три привязанности: сестра его Анна Львовна, князь Вяземский и однобортный фрак, который Василий Львович выкроил из старого сюртука по новомодному покрою. Как видим, племянник в число наисильнейших привязанностей не вошел, хотя для его воспитания дядя все равно сделал немало. И с поэзией знакомил (а племянник уже в одиннадцать лет знал лучшее и непечатное творение дяди — «Опасного соседа»); и в Петербург повез в Лицей определять (а что сто рублей прокутил, данных племяннику на орехи, — так, во-первых, дала любимая моя Анна Львовна, 12-й мне Знак, — так что, можно сказать, мне дала, а во-вторых, за поездку с таким племянничком мне бы и побольше премия полагалась!); и наве-

щать его в Лицей ездил; и приветствовал его юношеские творения: «Племянник мой совершенный урод. Он теперь пишет новую поэму...» (Вяземскому, 16 мая 1818 [42]); и в «Арзамас» допустил... Сам ведь племянник признавался:

Мой дядюшка-поэт
На то мне дал совет
И с музами сосватал...

«К Дельвигу»

или:

Я не совсем еще рассудок потерял
От рифм бахических — шатаясь на Пегасе —
Я не забыл себя, хоть рад, хотя не рад.
Нет, нет! вы мне совсем не брат:
Вы дядя мне и на Парнасе.

Наконец, не слишком выговаривал ему за юношеские грехи; верил, что «необузданная ветреность пройдет, а талант его и доброе сердце останутся при нем навсегда» (Вяземскому, 23 сентября 1820).

В. Л. Пушкин. Рис. Пушкина 1826; шарж И. П. Бешенцева.

А он? Этот нахал осмеливается вообразить, что гениальную поэму потомки припишут ему, как приписывают все недозволенные стихи: «Желаю счастия дяде... скоро ли выйдут его творенья? все они вместе не стоят *Буянова;* а что-то с ним будет в потомстве? Крайне опасаюсь, чтобы двоюродный брат мой не почелся моим сыном — а долго ли до греха» (Вяземскому, 2 января 1822); вести себя прилично не умеет; добра не помнит (тетенька его сестре 15 000 оставила, а он какую гадость на ее смерть написал!); стихи противные правительству пишет (ведь могут подумать, что это Василий Львович написал, — «Нет, я об нем ничего не знаю, мы даже не переписываемся»: Телец, — скажет Астролог, — в минуту опасности спасает прежде всего себя, даже если придется походя затоптать других — что же поделаешь? Кстати, и племянничек как-то в письме к своему любимому пересмешнику-Вяземскому отрекся от дяди: «Отрекаюсь от Василья Львовича; отречешься ли от Воейкова?» — вот где цинизм-то!). А еще он насмехается: «Смерть моей тетки frétillon [резвушки] не внушила ли какого-нибудь перевода Василию Львовичу? нет ли хоть эпитафии?» (Вяземскому, 29 ноября 1824);

Писатель нежный, тонкий, острый,
Мой дядюшка —

Из письма к Вяземскому, сентябрь 1824

а под конец и вовсе ставит на дяде крест: «посредственный, как Василий Львович» (Вяземскому, 28 января 1825). Прав был Василий Львович, когда однажды горько заметил про Близнецовые потехи:

Их дружество на ненависть похоже! —

правда, это об однофамильце, Алексее Михайловиче Пушкине, — но вообще где ему, бедному, было выжить, когда столько Близнецов демонстрировали на нем свое остроумие! А он так старался идти в ногу со временем, «тонко» понимать творения племянника... В последние два года жизни он пишет поэму «Капитан Храбров» — подражание «Онегину», переходящее в пародию (или наоборот: пародию, переходящую в подражание?), где дружески трунит над «романтизмом» и его ужасами:

Недавно Ларина Татьяна
Мне подарила Калибана:
Ах, как он интересен, мил!

Между прочим, пресловутый «жук» из

20 Заказ № 2600

седьмой главы, так поразивший критиков, почему-то отнесен Василием Львовичем в разряд романтического могильного колорита:

Сова хохочет, жук жужжит,
И мышь крылатая летает.
И что ж? Могила предо мной
С ужасным треском расступилась...

Не знал дядя, что такое «реализм», и тем более не ведал, что по ночам жуки не жужжат: увы, уж он-то никогда не был «несносным наблюдателем».

Меньше всего соединялся с Василием Львовичем образ воина, страшного своим врагам и героически погибающего на поле брани. Так трудно о нем вспомнить, что он — отставной гвардии поручик (действительно, Тельцу гораздо сподручнее в покое писать стихи, чем в грязи и крови рисковать жизнью — *Астролог*). Однако Василий Львович был именно таким «воином» — только в битвах литературных. Его литературная воинственность, призывы к кровавой расправе над врагами, — в сочетании с ужасом, который вызывали у него настоящие битвы, кровь и смерть, — служили постоянным поводом арзамасских шуток. Пушкин уже в лицейскую пору рисует дядю в довольно комическом образе воина — и отзвук иронии ощутим уже в этих, внешне пиететных строках:

Тебе, о Нестор Арзамаса,
В боях воспитанный поэт...
...Защитник вкуса, грозный *Вот!*

Из письма к В. Л. Пушкину, 22 декабря 1816.

Мифологический Нестор созвал ахейские рати в троянский поход — Василий Львович призывал друзей к открытой войне с писателями-архаистами, членами «Беседы...»:

Смеемся мы тайком — они кричат на сцене.
Нет, явною войной искореним врагов!
Я верный ваш собрат и действовать готов...

«*К****»

Воинственный пыл Василий Львович сохранил до последних дней жизни. В послании к племяннику 1830 г., своем последнем стихотворении, он не забывает уязвить Николая Полевого —

...журналист сухой
В журнале чтит себя романтиков главой —

а в приписке издает свой вечный боевой клич: «Я хотел бы, чтобы это послание было достойно такого очаровательного поэта, как ты, и долой глупцов и завистников!»

Но литературная битва может ведь завершиться и смертью самого героя... Василия Львовича хоронили несколько раз. В 1815 ему пришлось отвечать стихами на «шутку» своего родственника-«балагура», Алексея Михайловича Пушкина: «На случай шутки А. М. Пушкина, который утверждал, что я умер»:

Однофамилец мой, я слышу, утверждает,
Что я оставил белый свет,
Что думать здесь никто о мертвом не желает...

А год спустя Василия Львовича похоронили уже «арзамасцы»: «Да, бедный Пушкин умер в Козельске, — уверял Вяземский А. И. Тургенева. — Несчастный стих засел у него в горле» [43]. Узнав, что его считают мертвецом, Василий Львович «чуть не умер от страха» и снова был вынужден доказывать свое существование стихами:

Я жив,
И этот слух не лжив [44].

После этих стихов фраза «Василий Львович жив» стала казаться не менее забавной, чем фраза «Василий Львович умер»: «Дядя жив, Дмитриев очень мил» (Пушкин — Вяземскому, март 1830). «Дядя Василий Львович также плакал, узнав о моей помолвке... На днях он чуть не умер и чуть не ожил. Бог знает чем и зачем он живет» (Вяземскому, 2 мая 1830). В своем экземпляре «Опытов» Батюшкова Пушкин написал по поводу элегии «Умирающий Тасс», которая ему не нравилась: «Это умирающий В<асилий> <Л>ьвович — а не Торквато». Надпись, по-видимому, была сделана до смерти дяди... [45]

Когда же Василий Львович умер на самом деле («В довершение всех бед и

неприятностей только что скончался мой дядюшка Василий Львович. Надо признаться, никогда еще ни один дядя не умирал так некстати. Итак, женитьба моя откладывается еще на полтора месяца» — Е. М. Хитрово, 21 августа 1830), эта смерть опять-таки оказалась не вполне реальной, — скорее гибелью вечного литературного воина в литературной битве, с боевым кличем на устах. «Бедный дядя Василий! знаешь ли его последние слова? приезжаю к нему, нахожу его в забытьи, очнувшись, он узнал меня, погоревал, потом, помолчав: *как скучны статьи Катенина!* и более ни слова. Каково? вот что значит умереть честным воином, на щите, le cri de guerre à la bouche! [с боевым кличем на устах]» (Плетневу, 9 сентября 1830). (Астролог заметит мимоходом, что Сергей Львович, еще одни Близнецы, также «легко перенес известие о смерти Василия Львовича»). Правда, именно беспутному племяннику пришлось взять на себя вполне реальные хлопоты и расходы, связанные с похоронами Василия Львовича в Донском монастыре, что «очень расстроило обстоятельства» Пушкина.

Но год спустя литература вновь берет верх над жизнью, — вернее, над смертью: «20 августа, день смерти Василия Львовича, здешние арзамасцы поминали своего старосту вотрушками, в кои воткнуто было по лавровому листу. Светлана произнесла надгробное слово, в коем с особенным чувством вспоминала она обряд принятия его в Арзамас» (Вяземскому, август 1831). «Дурачим Василья Львовича» (Пушкин — Вяземскому, 27 мая 1826), — дурачим и после смерти.

В годовщину смерти дядюшки Пушкин написал такие стишки:

Любезный Вяземский, поэт и камергер...
(Василья Львовича узнал ли ты манер?
Так некогда письмо он начал к камергеру,
Украшенну ключом за верность и за веру.)

Именно так — «Любезный родственник, поэт и камергер» — начиналось послание Василия Львовича к П. Н. Приклонскому, написанное в 1812 и в 1822 вошедшее в единственный поэтический сборник В. Л. Пушкина. Похоже, племянник, при всем пренебрежении к сочинениям дяди, неплохо знал его творчество, и отзвуки этого знания мы ловим порой в его стихах. Сказка Василия Львовича «Людмила и Услад» (1818) заканчивается стихами:

Лжец и сказочник, все то ж.
Знают все, что сказка ложь.

Эти строки отзовутся у Пушкина спустя шестнадцать лет, уже после смерти дяди, в завершающем двустишии его последней сказки:

Сказка ложь, да в ней намек!
Добрым молодцам урок.

В басне «Великодушный царь» (1815) Василий Львович рассказывает о монархе, который дарует жизнь злодею, хотя прекрасно знает, что его раскаянье мнимое. Однако неприятная правда этого странного монарха не интересует:

«В жестокой правде нет отрады
никакой —
И благотворну ложь я ей предпочитаю».

Пушкин в «Герое» словно бы перевернул этот сюжет: в роли монарха он изобразил поэта, а в роли «злодея» — монарха; теперь уже поэт не хочет знать правды о монархе и милует его (как у Василия Львовича милует сам монарх), — в той мере, в какой поэт может миловать, — дарует монарху «сердце», то есть поэтическую жизнь:

Тьмы низких истин нам дороже
Нас возвышающий обман...
Оставь герою сердце!...

Природа таких отзвуков неопределима: воспоминание, бессознательная реминисценция, совпадение? Так или иначе, общие, сходные жесты были. И дядя, и племянник, забывшись, обнимали тень минувшего:

Где милая твоя? С тобою милой нет!
Лишь хладну тень ее в мечтаньи
обнимаешь.

*В. Л. Пушкин, «К**», 1802*

Увы! нельзя мне вечным жить обманом
И счастья тень, забывшись, обнимать.

«Князю А. М. Горчакову», 1817

И оба, спасенные от гибели, сушили на берегу свои влажные ризы, — правда, в разное время и на разных берегах.

От гибели спасенный,
Богам коварных волн
Я ризу омоченну
В восторге посвятил, —

так Василий Львович радовался в 1808, что ускользнул от чар неверной возлюбленной, уподобленных бурному морю («К Пирре. Подражание Горацию»). Вспомнил ли Пушкин эти забавные стихи, когда писал «Ариона»? А ведь в самом деле: не слишком прилично посвящать богам «омоченную ризу», — для начало ее следовало бы хорошенько просушить.

Лишь я, таинственный певец,
На берег выброшен грозою,
Я гимны прежние пою
И ризу влажную мою
Сушу на солнце под скалою.

Шепелявый, влажный Василий Львович, в разговоре невольно «орошавший всех росою уст своих» [46], омочающий и гроб своей любимой сестры —

Увы! зачем Василий Львович
Твой гроб стихами обмочил...

«Воду» его стихов Пушкин, даже и заимствуя кое-что, тщательно просушивает.

Пушкин Лев Сергеевич

(29 IV 1805—31 VII 1852) — младший брат Пушкина. «В пиитическом уголке любезного Плетнева мы часто... слушали *живое* стереотипное издание творений ваших — вашего любезного братца Льва Сергеевича. Он прочитывал, от доски до доски, целые поэмы ваши наизусть с величайшею легкостию и с сохранением всех оттенков чувства и пиитических красот», — писал Пушкину 17 февраля 1830 Ф. Н. Глинка. «Стереотипное издание» — на это можно и обидеться. Но Лев и в самом был похож на брата и имел с ним много общего. «В нем поэтическое чувство было сильно развито. Он был совершенно грамотен, вкус его в деле литературы был верен и строг. Он был остер и своеобразен в оборотах речи, живой и стремительной. Как брат его, был он несколько смуглый Араб, но смахивал на белого Негра. Тот и другой были малого роста, в отца» (Вяземский [47]).

«Брат Пушкина очень был доволен своею участью, т. е. тем, что он брат такого знаменитого человека... Владея отличною памятью, он ходил из дома в дом, читая наизусть какие-нибудь новые стихи брата. За это он вознаграждал себя хорошими ужинами, к которым его приглашали» (Соболевский [48]). Пытался в своей судьбе подражать старшему брату — но судьба во всем уберегла его от этой роли. Он писал стихи — но, слава Богу, как дилетант; между прочим, вслед за братом посвятил стихи А. П. Керн — и брат стихи даже похвалил:

Как можно не сойти с ума,
Внимая вам, на вас любуясь;
Венера древняя мила,
Чудесным поясом красуясь;
Алкмена, Геркулеса мать,
С ней в ряд, конечно, может стать,
Но чтоб молили и любили
Их так усердно, как и вас,
Вас прятать нужно им от нас,
У них вы лавку перебили!

Л. С. Пушкин. Рис. А. О. Орловского, 1820-е гг.; рис. Пушкина 1836.

Керн — не единственное общее увлечение; Лев хотел жениться на Наталье Николаевне, если брат не женится, по-

скольку сам был «огончарован» — но брат женился... После смерти брата Лев собирался ехать во Францию драться, вслед за ним, на дуэли с Дантесом — но приятели отговорили. Зато исполнил юношескую мечту брата: стал военным. И так во всем: скорее дополнял его, чем играл вторую роль. Стихи декламировал лучше, чем сам автор; внешне был похож — но был скорее блондин, а Александр — брюнет.

Везло поэту на близких родственников-Тельцов, — встревает тут наш неизбежный Астролог. — Это ведь не Овны, их на расстоянии не удержишь, они всегда проникают в самую глубь Близнецовой жизни, и делают это так, вроде, мягко, заботливо, что никак не прогонишь прочь — а уж хлопот Близнецам со своим 12-м Знаком! Вот служба. Еще во время учебы в Благородном пансионе Левушка отличился: организовал протест своего третьего класса против увольнения В. К. Кюхельбекера — уволен из пансиона, несмотря на хлопоты старшего брата. После исключения из пансиона Лев долгое время проживал в Петербурге и в деревне, сидя на шее у родителей и брата; в конце 1826 вдруг решил попытать счастья в военной службе: «Лев... — малый проворный, да жаль, что пьет. Он задолжал у вашего Andrieux 400 р. и ублудил жену гарнизонного майора. Он воображает, что ... истощил всю чашу жизни. Едет в Грузию, чтоб обновить увядшую душу. Уморительно», — писал Пушкин Дельвигу (2 марта 1827). Когда началась польская война, Лев начал проситься в действующую армию — это оказалось трудно: Львом были недовольны «за его пьянство и буянство»: «Все было решено. Ждали только ответа от Паскевича, — с горечью пишет брату Пушкин, который, конечно, уже вмешался деятельно в эту историю, — как Бенкендорф получил о тебе из Москвы неблагоприятный отзыв. Нравоучительных примечаний делать я не намерен; но кабы ты не был болтун и не напивался бы с французскими актерами у Яра, вероятно, ты мог бы уж быть на Висле» (брату, 6 апреля 1831; впрочем, Пушкин и сам прекрасно понимает, что говорит о невозможном: как же это Телец — и не болтун? Он «молчать умеет лишь о том, чего не знает»).

Удалось-таки брату в очередной раз пристроить Льва; послужил годик — и вышел в отставку, и вновь у брата голова болит: «Что делает брат? Я не советую ему идти в статскую службу, к которой он так же неспособен, как и к военной, но у него, по крайней мере жопа здоровая, и на седле он все-таки далее уедет, чем на стуле в канцелярии... Покамест советую ему бить баклуши; занятие приятное и здоровое». (Кто бы еще так Тельца понял? — *Астролог*). После нескольких лет «приятного и здорового занятия» Лев Сергеевич вновь определился на военную службу — и новые огорчения: командир потребовал выполнения субординации. Левушка пожаловался в письме к отцу на жестокого начальника, Сергей Львович, не долго думая, переслал это письмо старшему сыну, а тот ответил: «То, что Лев написал о генерале Розене, оказалось ни на чем не основанным. Лев обидчив и избалован фамильярностью прежних своих командиров. Генерал Розен никогда не обращался с ним, как с собакою, — как уверяет Лев, — но как с штабс-капитаном, а это совсем другое дело» (отцу, декабрь 1836).

Помощь старшему брату в делах. Тут, на первый взгляд, вроде все правильно: Телец выполняет поручения Близнецов по присылке книг, вина, закусок, по изданию сочинений — только как выполняет? «Ты знал, что деньги мне будут нужны. Я на тебя полагался, как на брата, — между тем год пошел, а у меня ни полушки... Я отослал тебе мои рукописи в марте, — они еще не собраны, не цензированы, — ты читаешь их своим приятелям до тех пор, что они наизусть передают их московской публике. Благодарю...» — и уже летом 1825 Пушкин раз и навсегда заключает: «скажи Плетневу (это

в письме Дельвигу), чтобы он Льву давал из моих денег на орехи, а не на комиссии мои, потому что это все напрасно: такого бессовестного комиссионера нет и не будет». Не получалось у Тельца; он ведь и вообще по натуре не слишком расторопен, — но он ведь искренне старался. И брата любил:

А Левушка наш рад,
Что брату своему он брат.

Подумаешь, читал везде его стихи, проматывал деньги брата! — брат же как бы сам выдал индульгенцию: «когда б ты не был болтун и не напивался бы»; Пушкин все понял про природу своего младшего брата, а понять — значит простить. Зато какой шарм, какая память, какой артистизм! Вот и Вяземский подтверждает: «Пушкин иногда сердился на брата за его стихотворческие нескромности, мотовство, некоторую невоздержанность и распущенность в поведении; но он нежно любил его родственной любовью брата с примесью родительской строгости... Лев, или как слыл он до смерти, Лёвушка, питал к Александру некоторое восторженное поклонение. В любовь его входила, может быть, и частица гордости» [49].

Брат милый, отроком расстался ты со мной —
В разлуке протекли медлительные годы;
Теперь ты юноша — и полною душой
Цветешь для радостей, для света, для свободы...
...Как часто новый жар твою волнует кровь!
Ты сердце пробуешь в надежде торопливой,
Зовешь, вверяясь им, и дружбу и любовь.

«Мне без тебя скучно...» (брату, 21 июля 1822). Как бы то ни было, кудрявый Лайон, с его «болтливостью братской дружбы» [50] был просто необходим Пушкину как теплая мягкая жилетка, в которую можно и выговориться, и поплакаться, и разрядиться. Больше ни с кем Близнецы себе этого не позволят — а за такую роскошь можно разрешить Тельцу и порезвиться за свой счет: не беда.

Пушкина Софья Федоровна

(3 V 1806—8 II 1862) — дальняя родственница поэта. С начала 1827 замужем за В. А. Паниным. «Софья Федоровна Пушкина была стройна и высока ростом, с прекрасным греческим профилем и черными, как смоль, глазами и была очень умная и милая девушка» [51]. В женской мифологии Пушкина она — «ангел», неизбежно сопровождающий очередного «демона»: «С. П. — мой добрый ангел, но *другая* — мой демон» (В. Ф. Вяземской, 3 ноября 1826). И не нужно удивляться, что в роли «демона» на этот раз выступала «Анетка» — Анна Николаевна Вульф. На «ангеле» Пушкин, как водится, собирался жениться, и то, что «ангел» — жгучая брюнетка восточного типа, опровергал в стихах:

Нет, не черкешенка она;
Но в долы Грузии от века
Такая дева не сошла
С высот угрюмого Казбека.

Нет, не агат в глазах у ней,
Но все сокровища Востока
Не стоят сладостных лучей
Ее полуденного ока.

Пушкин познакомился с юной красавицей осенью 1826, вернувшись из ссылки в Москву. «Мне двадцать семь лет, дорогой друг, — писал Пушкин В. П. Зубкову, мужу сестры Пушкиной. — Пора жить, то есть познать счастье (а счастье, как мы помним, живет только на общих путях — *Авт.*). Не мое личное счастье меня тревожит, могу ли я не быть самым счастливым человеком с нею, — я трепещу перед невозможностью сделать ее столь же счастливою, как это мне желательно (и правильно трепещет — *Астролог*). Боже мой, до чего она хороша!.. Дорогой друг, ... скажи ей, что я благоразумнее, чем кажусь, и приведи в доказательство, что тебе в голову придет. (Никто не сравнится с Близнецами в красноречии, когда надо просить за других; но куда все исчезает, когда речь идет об их собственных проблемах? — *Астролог*). Мерзкий этот Панин, два года влюблен, а свататься собирается на Фо-

С. Ф. Пушкина. Неизв. худ., 1831.

миной неделе, — а я вижу раз ее в ложе, в другой на бале, а в третий сватаюсь! Если она находит, что Панин прав, она должна думать, что я сумасшедший, не правда ли? (Правда. С точки зрения Тельца, такая поспешность очень странна, подозрительна и опасна — *Астролог*) ... Ангел мой, уговори ее, упроси ее, настращай ее Паниным скверным и жени меня». Ну, чего можно добиться у Тельца таким «половодьем чувств», мыслей, слов? — спросит Астролог. — Такой бешеной скоростью в словах и решениях его можно только «настращать». Он, хоть и неповоротлив, но чувство опасности у него развито, и тут он побежит прочь, не разбирая дороги, лишь бы спасти себя от этого сумасшедшего и сумасшедшей неспокойной жизни, которую ему хотят устроить. Словом, напугал Пушкин «бесстыдным бешенством желаний», и благоразумная Софья Федоровна вышла замуж за благоразумного Панина. Ей-то, конечно, лучше — а Пушкину? Но он ведь сам сказал: «Черт догадал меня бредить о счастье, будто я для него создан». Не создан был для счастья на общих путях — но объект выбрал правильный: с Тельцом было бы тепло и надежно. Впрочем, к чему пустые предположения?

Пущин Иван Иванович

(15 IV 1798—15 IV 1859) — лицейский товарищ Пушкина, многообразно отраженный в поэтических зеркалах. «Товарищ милый, друг прямой»; «старинный собутыльник»; «мой брат по чаше»; «ветреный мудрец» [52], — но прежде всего, конечно:

Мой первый друг, мой друг бесценный!
И я судьбу благословил,
Когда мой двор уединенный,
Печальным снегом занесенный,
Твой колокольчик огласил.

Молю святое провиденье,
Да голос мой душе твоей
Дарует то же утешенье,
Да озарит он заточенье
Лучом лицейских ясных дней!

Стихотворение-заклинание: слышите анафорическое «да, да, да» — да будет так, как хочет поэт, да будет счастлив его друг, любивший поэта и оберегавший его от многих бед и неприятностей, — в лицейские годы заступавшийся за него, если Близнецы что-то натворят, а потом спасший его от каторги уже тем, что не принял в тайное общество (а Рылеева не захотел спасать — «присоединил к союзу»). Позднее увидел в своем поступке «явное действие промысла, который, спасая его от нашей судьбы, сохранил поэта для славы России»; Пушкин же, наверное, почувствовал руку Судьбы сразу, — когда, во время их знаменитого свидания в Михайловском, помолчав, сказал другу: «Может быть, ты и прав, что мне не доверяешь. Верно, я этого доверия не стою по многим моим глупостям» [53].

Но здесь меня таинственным щитом
Святое провиденье осенило... [54]

Еще «провиденье» открыло форточку, когда почувствовало, что они с Пушкиным угорают, и попеняло няне (одна нянька пеняет другой!), «зачем она не велит отапливать всего дома». Всю эту спасительную, — и в мелочах, и в главном, — заботу Пушкин понимает и молит провиденье отплатить Пущину «тем же утешеньем».

Первый, во всем первый — лейтмотив

их отношений. Первый друг, первый собутыльник (история с распитием гогель-могеля), первый, кто не побоялся посетить Пушкина «в глуши, во мраке заточенья».

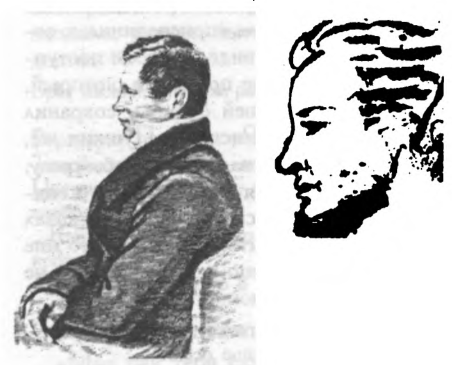
Воспомни быстрые минуты первых дней...
...Печали, радости, размолвки, примиренья,
И дружбу первую, и первую любовь...

«В альбом Пущину», 1817

А за первый визит в Михайловское Пушкин (или провиденье, которое он молил об утешении?) отплатил: «Пушкин первый встретил меня в Сибири задушевным словом»: послание Пущину опередило в Чите самого Пущина, пришло первым.

«Как жаль, что теперь здесь нет ни Пущина, ни Малиновского, — сказал Пушкин перед смертью, — мне легче было бы умирать». «Первое» загадочно связано с «вечным» и помогает перейти в него.

... но с первыми друзьями
Не резвою мечтой союз твой заключен;
Пред грозным временем, пред грозными судьбами,
О милый, вечен он!

Пущин. Литография с оригинала Д. М. Соболевского, 1825; рис. Пушкина 1826.

Да будет так! — скажет Астролог. — Но справедливости ради заметим, что и «друг бесценный» был известен Пушкину общим Тельцовым свойством: «Пущин напрасно рассказал вам о моих тревогах и предположениях, которые оказались ошибочными» (Пушкин — В. Ф. Вяземской, 24 марта 1825). «Предположения» касались одесской жизни, «козней гр. Воронцова», о которых Пушкин говорил с Пущиным «неохотно», «отрывисто отвечая» на пущинские «спросы» [55]. Увы, похоже, и для верного Пущина «чужой секрет мучительнее всех несчастий».

Снегирев Иван Михайлович

(4 V 1793—21 XII 1868) — ординарный профессор латинской словесности Московского университета, этнограф и археолог, цензор Московского цензурного комитета (1826—1850). И. А. Гончаров, слушавший его лекции в Московском университете, так вспоминает о нем: «Он иногда умел сдабривать лекции остротами и анекдотами: балагурство было, кажется, господствующею чертою его характера. Он и в обществе имел репутацию буфона и наживал себе этим, кроме разных других проделок, много врагов». С Пушкиным Снегирев познакомился по возвращении поэта из ссылки в Москву; они часто встречались в литературных кругах, у знакомых. Вот, например, как Ксенофонт Полевой вспоминает одну из вечеринок у Н. А. Полевого: «Ужинали, пировали всю ночь и разъехались уже утром. Пушкин казался председателем этого сборища и, попивая шампанское с сельтерской водой, рассказывал смешные анекдоты, читал свои недозволенные стихи, хохотал от резких сарказмов И. М. Снегирева...»

Как видим, во время дружеской пирушки Снегирев с удовольствием слушал недозволенные стихи Пушкина и вообще о творчестве поэта был самого высокого мнения: его восхищало, что в произведениях Пушкина «много прелести, много и дерзости»; «талант его виден и в глазах его: умен и остр» — но это когда Снегирев выступает как частное лицо. Когда же он в роли цензора, то дерзость и острота перестают его радовать и очень пугают: он, в жизни большой охотник до всяких скабрезностей и

неприличностей, как цензор видел в них «выражения, противные нравственности». Не раз случалось ему придираться к пушкинским произведениям («Граф Нулин», «Сцена из «Фауста»), которые затем были пропущены личным цензором поэта, и Пушкин торжествующе писал Погодину: «Победа! Победа! Царь Фауста пропустил! ... Скажите это от меня господину, который вопрошал нас, *как мы смели* представить пред очи его высокородия такие стихи. Покажите ему это письмо и попросите его высокородие от моего имени впредь быть учтивее и снисходительнее» (31 августа 1827).

Впрочем, недоразумения из-за цензуры не портят отношений со Снегиревым: продолжались встречи, подобные описанной; продолжалось и творческое сотрудничество: «Утром я был у Пушкина, который обещался написать разбор моих пословиц и меня приглашал участвовать в «Современнике», — записал Снегирев в дневнике 15 мая 1836.

Устрялов Николай Герасимович

(16 V 1805—20 VI 1870) — профессор Петербургского университета по кафедре истории. Пушкин знал его труды, но судя по всему, относился к ним иронически: «Устрялов сказывал мне, — записал поэт в дневнике 17 марта 1734, — что издает процесс Никонов. Важная вещь!» Осенью 1836 историк препроводил Пушкину свою книгу-диссертацию «О системе прагматической Русской Истории» с дарительной надписью. Книга, содержавшая критику исторических воззрений Карамзина, естественно, вызвала споры. Вяземский предлагал Пушкину напечатать в «Современнике» написанную им «ученую рефютацию брошюрки Устрялова», и Пушкин в декабре 1836 весело отвечает ему: «Жаль, что ты не разобрал Устрялова по формуле, изобретенной Воейковым для Полевого, а куда бы хорошо!» Формула, изобретенная Воейковым, состояла в умелом подборе цитат из критикуемого текста; большего Устрялов, по мнению Пушкина, не заслуживал.

Но вот ирония судьбы: после смерти Пушкина Николай I именно Устрялову поручил написать «Историю Петра». Бедный Телец, — пожалеет Астролог: — и работу Близнецов доделывает, и пишет о Близнецах — вот и умер, так и не окончив труда, которому посвятил последние 23 года жизни (издал лишь пять томов). Зато окончил другой труд: «Историческое обозрение царствования императора Николая I», которое по рукописи правил сам император, ибо не для одного Пушкина был «своим цензором».

Уткин Николай Иванович

(19 V 1780—17 III 1863) — художник-гравер, автор портрета Пушкина, гравированного с оригинала О. А. Кипренского и приложенного сразу к трем изданиям 1828: «Северным цветам», «Руслану и Людмиле» и «Подснежнику». Уткин был знаком с Пушкиным и в своем портрете во многом отступал от оригинала Кипренского: лицо более удлиненное, больше выступают скулы, нос прямее. Многие люди, лично знавшие поэта,

отмечали, что Уткин «вернее, чем живописец, передал выражение глаз поэта»; все друзья Пушкина в один голос хвалили работу Уткина: «Портрет твой в Северных цветах чрезвычайно похож и прекрасно гравирован» (Баратынский);

«Твой портрет в Северных цветах хорош и похож: чудо!» (Катенин). (Тельцы очень хорошо чувствуют материал, с которым работают, поэтому они всегда отличные художники, граверы, скульпторы — *Астролог*). В 1829 Уткин исполнил с натуры небольшой портрет Пушкина. За несколько дней до смерти Пушкин просил Уткина награвировать новый портрет на стали, так как старая доска стерлась от многочисленных оттисков. Эта просьба была исполнена лишь в 1838 [56].

Хомяков Алексей Степанович

(13 V 1804—5 X 1860) — писатель, драматург, критик; в молодости был на военной службе, но быстро вышел в отставку. Познакомился с Пушкиным по возвращении поэта из ссылки, общался в Москве, где поэт обошелся с литературным соперником (Пушкин привез из ссылки «Бориса Годунова», а Хомяков из Парижа — также трагедию, «Ермак») довольно жестоко: прочитав в доме Веневитинова михайловского «Бориса», Пушкин требовал парижского «Ермака»: «На другой день [после триумфального чтения Пушкина] было назначено чтение Ермака, — вспоминает Погодин. — Ни Хомякову читать, ни нам слушать не хотелось, но этого требовал Пушкин. Хомяков чтением приносил жертву. Ермак, разумеется, не мог произвести никакого действия после Бориса Годунова, и только некоторые лирические места вызвали хвалу. Мы почти его не слыхали» [57]. Добил Пушкин Хомякова таким отзывом: «Идеализированный «Ермак», лирическое произведение пылкого юношеского вдохновения, не есть произведение драматическое. В нем все чуждо нашим нравам и духу, все, даже самая очаровательная прелесть поэзии» [58]. Не одобрил Пушкин обозрения Руси из Парижа, из «прекрасного далека», и лихо припечатал будущего славянофила — «все чуждо нашим нравам и духу»! 2 апреля 1834 Пушкин записал в дневнике: «Кукольник пишет Ляпунова. Хомяков тоже. — Ни тот, ни другой не напишут хорошей трагедии...» Впрочем отношения были теплые; Пушкин с радостью передает в письме к жене московские новости: «Поэт Хомяков женится на Языковой, сестре поэта. Богатый жених, богатая невеста». (И сразу понятно, что речь идет о Тельце: поэзия поэзией, но на бедной Телец, даже и поэт, вряд ли женится — *Астролог*). Кстати: брак Хомякова был, по свидетельствам биографов, «на редкость счастлив».

Шаховской Александр Александрович

(5 V 1777—3 II 1846) — князь, драматург, поэт, член «Беседы любителей русского слова», режиссер, начальник репертуарной части петербургских императорских театров. Именно ему «Арзамас» обязан своим возникновением: ведь это его комедия «Урок кокеткам или Липецкие воды», где высмеивался Жуковский под именем Фиалкина — «молодого человека с растрепанными чувствами и измятой наружностью» (а значит, смешно высмеян, раз задело и запомнилось — на комедии Телец мастер! — *Астролог*) дала повод другому Тельцу написать «Видение в какой-то ограде», якобы посетившее Шаховского (так что рождение «Арзамаса» — это спор Тельцов между собою; впрочем, у основания любого дела должен стоять основательный и серьезный Телец, даже если это комедия, — *Астролог*). Поначалу Пушкин в эйфории арзамасского веселья любил

> лоб угрюмый Шутовского
> Клеймить единственным стихом [59],

Ему же посвящена первая критическая заметка Пушкина — «Мои мысли о Шаховском» (1815): «посредственный стихотворец», «не имеет большого вкуса»: пока все под диктовку старших, литературных противников Шаховского — Жуковского, Василия Львовича...

Но однажды Катенин свез Пушкина в дом «угрюмого певца» — на «чердак».

— Знаете ли, в сущности, он очень славный малый. Никогда я не поверю,

чтоб он хотел серьезно навредить Озерову или кому-нибудь другому, — сказал Пушкин Катенину по дороге домой.

— Однако вы в это поверили, — возразил злопамятный Козерог-Катенин, — вы это написали и напечатали, вот что плохо.

— К счастью, никто не читал моей школьной пачкотни; как вы думаете, знает он что-нибудь?

— Нет, он мне никогда не говорил.

— Тем лучше. Последуем его примеру и никогда не будем говорить об этом.

Вот так Близнецы легко решили столь сложную, с точки зрения Козерога, проблему. Этот вечер у Шаховского Пушкин называл одним из лучших в своей жизни и с тех пор стал часто бывать на теплом Тельцовом «чердаке». И патриархальных воззрений Шаховского, наивного его патриотизма, выразившегося полностью в известной строке «Да на чужой манер хлеб русский не родится» [60], не мог Пушкин разделять, и режиссерско-драматическую его манеру, «его смешной выговор с шепеляньем, его пискливый голос, его всхлипывания, распевы и завывания» [61] вряд ли одобрял, и о пьесах сурово отзывался, — а на «чердак» ходил чуть ли не каждый день, к полному ужасу Василия Львовича, так долго воспитывавшего в племяннике ненависть к комедиографу: «сердечно сожалею, что он посещает таких Вандалов, каков воспетый мною Шаховской. Не мудрено с волками завыть волком» (В. Л. Пушкин — Вяземскому, 16 марта 1819). И даже «Руслана и Людмилу» читал на чердаке, к великому восторгу хозяина.

Правда, в 1819 отношения опять осложнились из-за оскорбительных слухов (о том, что Пушкина якобы высекли в полиции), пущенных Ф. И. Толстым при участии Шаховского. «Вся моя ссора с Толстым происходит от нескромности князя Шаховского» — писал Пушкин брату в октябре 1822 (конечно, именно Телец виноват — но ведь действительно виноват: «когда бы ты не был болтлив» — это ведь не только к Левушке, это ко всем Тельцам относится — *Астролог*). И, конечно же, легко Шаховского простил. «Дружба твоя с Шаховским радует миролюбивую мою душу, — пишет Пушкин Вяземскому уже в 1823. — Он, право, добрый малый, изрядный автор и отличный сводник».

Шаховской. Гравюра 1825 г. Рис. Пушкина 1821 — Шаховской с острыми ослиными ушами (не потому ли он назван в «Онегине» «колким»?).

А Шаховской недаром восхищался Пушкиным, сразу увидев в нем свой капитал на будущее: переложил в драматической форме эпизод «Руслана и Людмилы» («Финн»); сделал драматическую обработку «Бахчисарайского фонтана» под названием «Керим-Гирей», сохранив в ней большую часть стихов Пушкина, — эта «романтическая трилогия» была возобновлена в год смерти поэта, и шла даже в 1851, после смерти и Пушкина, и Шаховского.

↓Яковлева Арина Родионовна

(21 IV 1758—12 VIII 1828) — крепостная М. А. Ганнибал. В главе «Тельцы» часто встречалось слово «нянька», и вот глава заканчивается самой настоящей любимой няней поэта — это ли не символично? По утверждению А. П. Керн, Пушкин «никого истинно не любил, кроме няни своей». Так любил, что выгнал из Михайловского нехорошую домоправительницу Розу Григорьевну: «А то бы она уморила няню, которая начала от нее худеть» (брату, фев-

раль 1825). Редкая для Пушкина хозяйская распорядительность! Няня отвечала полной взаимностью: «Вы у меня беспрестанно в сердце и на уме», — писала она своему любимцу... Знаменитое послание к няне, наверно, открывает в русской лирике материнскую линию — вереницу полуфольклорных старушек, в одинокой глуши тоскующих по сыну, «а сын далече от нее».

...Ты под окном своей светлицы
Горюешь, будто на часах,
И медлят поминутно спицы
В твоих наморщенных руках...
...Тоска, предчувствия, заботы
Теснят твою всечасно грудь.
То чудится тебе...

На самом деле вовсе не в одиночестве предавалась Арина Родионовна своим занятиям со спицами: из воспоминаний Пущина мы знаем, что в ее подчинении была целая команда швей, и «среди молодой своей команды няня преважно разгуливала с чулком в руках» [62]... Но мы опоздали со своими замечаниями — потому что шутники-Близнецы уже оборвали стихотворение: дорисуйте, мол, сами, что может почудиться старушке «в глуши лесов сосновых», ждущей такого гостя. Оборвем здесь рассказ о няне и мы — читатель все об Арине Родионовне давно знает и сам.

Банька Пушкиных (домик няни) в Михайловском. Рисунок Л. Л. Шребер, 1903.

Библиографические примечания

Глава 1 (с. 7-35)

[1] В. Ходасевич.

[2] У. Уитмен.

[3] «Горе от ума».

[4] Бальмонт.

[5] Элегия «Тень друга».

[6] «К Батюшкову» (1814); «Батюшкову» (1815); «Тень Фонвизина» (1815)

[7] Вяземскому, 5 августа 1824. // Остафьевский Архив. Т. 3, с. 66.

[8] Остафьевский Архив. Т. 3, с. 178.

[9] Л. Майков. Пушкин. — СПб. 1899, с. 121.

[10] Русский архив. 1866, с. 1251.

[11] Бартенев П. И. О Пушкине. — М. 1992, с. 336.

[12] Бартенев, цит. изд., с. 384.

[13] Северная пчела. 1836, №291.

[14] Письма к любителю музыки об опере Глинки «Жизнь за царя, или Иван Сусанин». // Северная пчела. 1836, № 280.

[15] Н. Куликов. А. С. Пушкин и П. В. Нащокин. // Русская старина. 1881, №8, с. 614.

[16] Свидетельство Ф. Н. Глинки. // Бартенев, цит. изд., с. 402.

[17] Соревнователь просвещения и благотворения. 1818. Ч. 3, № 7-9, с. 90.

[18] Неопубликованный при жизни ответ Пушкина — «Возражения на статью в «Атенее».

[19] По мнению Б. В. Томашевского: См. его кн.: Пушкин. Кн. 1. — М.-Л. 1956, с. 531-532.

[20] «Дух возвышеннейший», «уста, предназначенные, чтобы вещать великое» (Гораций, сатира 4 из кн. 1) (Вестник Европы. 1824, №1, подп.: Н. Д.).

[21] Второй разговор между Издателем и Классиком. // Вестник Европы. 1824, №5.

[22] Дмитриев М. А. Мелочи из запаса моей памяти. // Дмитриев М. А. Московские элегии. — М. 1985, с. 178.

[23] Старина и Новизна. XXII, с. 38.

[24] Вяземский П. А. Полн. собр. соч. Т. VIII. — СПб. 1883, с. 171.

[25] Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ 1820-х годов. Т. 1. — М. 1931, с. 264.

[26] Вересаев В. В. Пушкин в жизни. — М. 1984, с. 33.

[27] Н. И. Лорер со слов Л. С. Пушкина. // Записки декабриста Н. И. Лорера. — М. 1931, с. 200.

[28] Цит. по: Вересаев В. В. Пушкин в жизни. — М. 1984, с. 491.

[29] В письме к А. Я. Булгакову, 8 апреля 1837. // Цит. по: Вересаев В. В. Пушкин в жизни. — М. 1984, с. 491.

[30] Чаадаеву, 19 октября 1836.

[31] См., например: Илюшин А. А. «Бородинское» имя жены А. С. Пушкина. // Война 1812 года и русская литература. — Тверь. 1993, с. 20-31.

[32] Подлинные анекдоты о Петре Великом, собранные Яковом Штелиным. / / Петр Великий. Воспоминания. Дневниковые записи. Анекдоты. — СПб. 1993, с. 365.

[33] Вяземскому, 19 февраля 1825.

[34] Даль В.И. Воспоминания о Пушкине.

[35] Нартов А. К. Достопамятные повествования и речи Петра Великого. // Петр Великий. Воспоминания. Дневниковые записи. Анекдоты. — СПб. 1993, с. 308.

[36] Петр Великий. Воспоминания... — СПб. 1993, с. 287, 355.

[37] Нартов А. К., то же соч., с. 304.

[38] Голиков И. И. Анекдоты... // Петр Великий. Воспоминания... — СПб. 1993, с. 338.

[39] Петр Великий. Воспоминания... — СПб. 1993, с. 171.

[40] Фрагменты (перев. Ю. Н. Попова). // Ф. Шлегель. Эстетика. Философия. Критика. — М.:Искусство. Т. 1. 1983, с. 293.

[41] Послание к ***. // Московский Телеграф. 1827, № 22.

[42] Пушкин В. Л. Стихи. Проза. Письма. Под ред. Н. И. Михайловой. — М. 1989, сс. 209, 217, 269.

[43] И. А. Арсеньев. Слово живое о неживых. // Исторический Вестник. 1887, янв., с. 78.

[44] Бартенев, цит. изд., с. 132.

[45] Бартенев, цит. изд., с. 315.

[46] Притчи Соломона, 18:22.

[47] Бартенев, цит. изд., с. 56.

[48] Мужу, 31 января 1836. // Фамильные бумаги Пушкиных-Ганнибалов. Т. 2. Письма О. С. Павлищевой к мужу и к отцу. — СПб.: Пушкинский фонд. 1994, с. 148.

[49] Е. А. Баратынский, письмо к Вяземскому, 5 февраля 1837.

[50] Ободовская И., Дементьев М. После смерти Пушкина. Неизвестные письма. — М. 1980, с. 97.

[51] Остафьевский Архив. Т. 3, с. 230.

[52] Бартенев П. Комментарий к письму А. С. Пушкина. // Русский Архив. 1884, № 4, с. 459. В работе «Пушкин в Южной России» Бартенев те же слова Пушкина относит к М. Ф. Орлову (см. ниже статью о М. Орлове).

[53] Отрывки и разные мысли, № 75. // Чаадаев П. Я. Полн. собр. соч. Т. 1. — М.: Наука. 1991, с. 464 (тексты Чаадаева даны в переводе Д. И. Шаховского с отдельными уточнениями авторов).

[54] Бартенев П. И. О Пушкине. — М. 1992, с. 137.

[55] Письмо VII.

[56] Из зачеркнутого четверостишия 1830.

[57] Письмо VI.

[58] Отрывки и разные мысли, № 32. // Чаадаев П. Я. Полн. собр. соч. Т. 1. — М.: Наука. 1991, с. 453.

[59] Чаадаев П. Я. Полн. собр. соч. Т. 1., с. 185-186, 421.

[60] Бартенев, цит. изд., с. 287.

[61] См.: Чаадаев П. Я. Полн. собр. соч. Т. 1, с. 720.

[62] Бартенев. // Бартенев П. Комментарий к письму А. С. Пушкина. // Русский Архив. 1884, № 4, с. 459.

Глава 2 (с. 36-55)

[1] Анненков П. В. Материалы для биографии Пушкина.

[2] Письмо к С. А. Бобринской, 30 января 1837.

[3] Донесение от 12 июля 1827. // Старина и Новизна, VI, 6.

[4] Путята Н. В. Из записной книжки. // Русский Архив. 1899. Т. I, с. 351.

[5] А. С. Суворин со слов П. А. Ефремова. //. Дневник А. С. Суворина. — Пг. 1923, с. 205.

[6] Булгарин — В. А. Ушакову, 6 января 1828. // Щукинский сборник, IX, с. 161.

[7] «О записках Видока». (Видок — начальник парижской сыскной полиции).

[8] В. Э. Вацуро, М. И. Гиллельсон. Сквозь «умственные плотины». — М. 1972, с. 151.

[9] Дамский Журнал. 1831, № 10, с. 153-154.

[10] Из письма А. Н. Пещурову, 24 января 1825. Цит. по: Летопись жизни и творчества Пушкина. 1799—1826. — Л. 1991, с. 495.

[11] М. П. Погодин Одоевскому, 2 марта 1827. // Русская Старина, 1904, № 3, с. 705.

[12] Мушина И. Б., Левкович Я. Л. Писатели-декабристы в восприятии современников. // Писатели-декабристы в воспоминаниях современников. Т. 1. — М. 1980, с. 17.

[13] Там же, с. 246-248.

[14] Бартенев, цит. изд., с. 132.

[15] Бартенев, цит. изд., с. 411.

[16] В письме к Вяземскому, 6 декабря 1855. Цит. по: В. Э. Вацуро, М. И. Гиллельсон. Сквозь «умственные плотины». — М. 1972, с. 137.

[17] Беляев М. Д. Наталья Николаевна Пушкина в портретах и отзывах современников. — СПб.. 1993, с. 96.

[18] П. И. Бартенев со слов В. Ф. Вяземской.

[19] Пятковский А. П. Пушкин в кремлевском дворце. // Русская Старина, т. 27, с. 674.

[20] Н. И. Лорер со слов Л. С. Пушкина. // Записки декабриста Н. И. Лорера. — М. 1931, с. 200.

[21] Корф М. А. Из записок. // Русская Старина. 1899. Т. 99, с. 8.

[22] Б. В. Томашевский. Пушкин. Т. 2. — М.-Л., 1961, с. 230-231.

[23] Кони Ф. А. Рецензия на «Смерть Пери». // Северная Пчела. 1837, 6 июля, с. 592.

[24] Русский Архив. 1872, вып. 3-4, стлб. 863.

[25] Галатея. 1829, № 10, с. 217.

[26] Литературное наследство. Т. 16-18, с. 703.

[27] Первая публ.: Литературная газета. 1830, № 19.

[28] Московский Телеграф. 1825. Ч. 1, № 1, с. 7.

[29] Полевой Н. А. Очерки русской литературы. — Ч. 1, 1839, СПб., с. VIII.

[30] Главы из воспоминаний моей жизни. // Рукописный Отдел РГБ. ф. 178, № 2, л. 224.

[31] Шекспирова комедия Сон в летнюю ночь. // Московский Телеграф. 1833. Ч. 53, № 19, с. 377.

[32] Полевой Н. А. Очерки русской литературы. — Ч. 1, 1839, СПб., с. 213.

[33] Рецензия на стихотворения В. Теплякова. // Московский Телеграф. 1832, ч. 44, № 5, с. 109.

[34] Полевой Н. А. Очерки русской литературы. — Ч. 1, 1839, СПб., с. 38.

[35] Там же, с. 216.

[36] История русского народа. Т. 6. — М. 1833, с. 14-15.

[37] Московский Телеграф. 1832. Ч. 46, № 15, с. 428.

[38] Полевой Н.А. Очерки русской лите-

ратуры.— Ч. 1, 1839, СПб., с. 189, 195.

39 Московский Телеграф. 1833. Ч. 50, № 6, с. 239.

40 Московский Телеграф. 1831. Ч. 42, № 22, с. 256.

41 Московский Телеграф. 1832. Ч. 43, № 4, с. 570.

42 Русский Вестник. 1869. № 11, с. 89.

43 Свидетельство баронессы Е. Н. Вревской. // Русский Вестник, 1869, № 11, с. 89.

44 Ободовская И., Дементьев М. После смерти Пушкина. Неизвестные письма. — М. 1980, с. 191.

Глава 3 (с. 56-81)

1 А. И. Тургеневу, 14 февраля 1824. // Остафьевский Архив, т. 3, с. 10.

2 А. И. Тургеневу, 31 августа 1818. // Там же, с. 118-119.

3 А. И. Тургеневу, 20 апреля 1816. // Остафьевский Архив, т. 1, с. 44.

4 А. И. Тургеневу, 9 января 1819. // Там же, с. 186.

5 Вяземский П. А. Воспоминание о 1812 годе. // Полн. собр. соч. князя П. А. Вяземского. Т. VII. — СПб. 1882, с. 209.

6 Русский Архив. 1879. II, с 247.

7 Архив братьев Тургеневых. Вып. VI. — Пг. 1921, с. 65.

8 Русский Архив, 1879. I, с. 390.

9 Н. А. Муханов. Из дневника. // Русский Архив. 1897, I, с. 657.

10 Цит. по: Вересаев В. В. Пушкин в жизни. — М. 1984, с. 467.

11 Бартенев, цит. изд., с. 309.

12 Остафьевский архив. Т. IV, с. 198.

13 Бартенев, цит. изд., с. 105.

14 Модзалевский Б. Л. Пушкин под тайным надзором. — Л. 1925, с. 79.

15 Цит. изд., с. 110.

16 Письмо Вяземскому, 24 декабря 1817. // Бартенев, цит. изд., с. 379.

17 «О нападениях петербургских жерналов на русского поэта Пушкина». // В. Ф. Одоевский. О литературе и искусстве. — М. 1982, с. 54.

18 Греч Н. И. Записки о моей жизни. — СПб. 1886, с. 456-457.

19 «Обозрение русской литературы в 1833 году». // Греч, Сочинения. Ч. 5. — СПб. 1838. С. 199-200.

20 М. И. Семевский со слов А. А. Краевского. // Русская Старина. 1880. Т. 29, с. 220.

21 Перекличка замечена М. И. Гиллельсоном (Гиллельсон М. И. Молодой Пушкин и арзамасское братство. — Л. 1974, с. 48).

22 Цит. по: Ашевский С. Белинский в оценке его современников. — СПб. 1911, с. 118.

23 1817, № 1, с. 11.

24 Томашевский Б. В. Пушкин. Кн. 2. — М.-Л. 1961, с. 143.

25 Любимое блюдо Наполеона. // Литературные прибавления к Русскому Инвалиду. 1834. № 2.

26 Литературный архив. Т. 1, 1936.

27 И. Кайданов, «Сын отечества», 1812, № 10; Арендт Э. М. Глас истины. — «Сын отечества», 1812, № 1.

28 Разговор со Сперанским; см. Дневник, 2 апреля 1834.

29 Напечатана в «Северных Цветах на 1831 г.». Из отзыва Пушкина: «едва когда-либо читал... на русском языке статью столь замечательную и по мыс-

ли и по слогу» (письмо А. И. Кошелева Одоевскому, 26 февраля 1831, цит. по: Измайлов Н. В. Пушкин и В. Ф. Одоевский. // Измайлов Н. В. Очерки творчества Пушкина. — Л. 1976, с. 305).

[30] Мнемозина. Кн. IV, 1825, с. 35.

[31] Цит. по: Сахаров В. И. Еще о Пушкине и В. Ф. Одоевском. // Пушкин. Исследования и материалы. Т. IX. — Л. 1979, с. 225.

[32] Кюхельбекер В. К. Путешествие, дневник, статьи. — Л. 1979, с. 99.

[33] Литературные прибавления к Русскому Инвалиду, 1837, № 5.

[34] Одоевский В. Ф. Музыкально-литературное наследие. — М. 1956, с. 373.

[35] Цит. по: Русские ночи. — Л.: Наука. 1975, с. 235.

[36] В. А. Соллогуб. Пережитые дни. // Русский Мир. 1874, № 117.

[37] Пушкин и его современники. — Вып. XIII, с. 136-137.

[38] Плетнев П. А. Сочинения и переписка. — СПб. 1885. Т. 3, с. 524.

[39] Плетнев П. А. Сочинения и переписка. — СПб. 1885. Т. 3, с. 242-243.

[40] Вацуро В. Э. А. С. Пушкин и П. А. Плетнев. // Переписка А. С. Пушкина в двух томах. — М. 1982. Т. 2, с. 75.

[41] Переписка Я. К. Грота и П. А. Плетнева. — СПб. 1896. Т. II, с. 731; Т. I, с. 495.

[42] Живописное обозрение. 1837, III, с. 10

[43] Иезуитова Р. В., Левкович Я. Л., Мушина И. Б. Н. В. Путята. // Писатели-декабристы в воспоминаниях современников. — М. 1980. Т. 2, с. 434.

[44] Воспоминания о Пушкине. // Катенин П. А. Размышления и разборы. — М. 1981, с. 215.

[45] Колбасин Е. Певец Кубры, или гр. Д. И. Хвостов. // Время. 1862, № 6, с. 165.

[46] Пушкину, 25 октября 1831 (черновик). // Колбасин, цит соч., 177.

[47] Литературный архив. — М.; Л.: АН СССР, 1938. Т. 1, с. 271.

[48] Колбасин, цит. соч., с. 162.

[49] Грот Я. К. Переписка Евгения с гр. Хвостовым. // Сб. статей, читанных в отделении русского языка и словесности ИАН. 1868. Т. V, с. 160, 147.

[50] Тетрадь анекдотов. Рукописный Отдел ИРЛИ. Фонд 322 (Хвостова), № 2, л. 5.

[51] II часть прозаических произведений (письма). Рукописный Отдел ИРЛИ. Фонд 322 (Хвостова), № 15, л. 97 об.

[52] Шереметевский В. Русский провинциальный некрополь. — М. 1914, с. 909.

Глава 4 (с. 82-108)

[1] Веселовский А. Н. В. А. Жуковский. Поэзия чувства и «сердечного воображения». — СПб. 1904, с. 144-145.

[2] Сын Отечества. 1820, № 34, с. 13.

[3] Новости литературы. 1824, № 12, с. 177.

[4] Бартенев П. И. Предисловие к публикации письма А. С. Пушкина к А. И. Казначееву. // Русский Архив. 1884, № 5-6, с. 188.

[5] Цит. по: Письма женщин к Пушкину. — М.:Терра. 1997, с. 21.

[6] Бартенев, цит. изд., с. 380.

[7] Письма Дмитриева к А. И. Тургене-

21 Заказ № 2600

ву. // Русский Архив. 1867. № 7, сс. 1091, 1094-1095.

8 Томашевский Б. В. Пушкин. Кн. 1. — М.-Л. 1956, с. 354.

9 Приведено Воейковым в ответе Перовскому, подписанном «М. К—в»: «Сын отечества», 1820, № 43.

10 «Мать запретит ее чтение своей дочери» (франц.). Цитата из комедии Пирона «Метромания»; у Пирона не «запретит», а наоборот: «предпишет».

11 Письма И. И. Дмитриева к кн. П. А. Вяземскому. — СПб. 1898, с. 25.

12 А. С. Грибоедов, его жизнь и гибель в мемуарах современников. — Л. 1929, с. 279-280.

13 Декабрист Н. И. Тургенев. Письма к брату С. И. Тургеневу. — М.-Л. 1936, с. 261.

14 Свидетельство дочери Каверина, Е. П. Соколовой: Щербачев Ю. Н. Приятели Пушкина М. А. Щербинин и П. П. Каверин. — М. 1913, с. 61.

15 Этот дневник представляет собой, по сути дела, позднее литературное произведение Кукольника, однако в основе его лежат материалы подлинного дневника.

16 Из дневника Никитенко.

17 [Драшусова Е. А.] «Жизнь прожить не поле перейти». Записки неизвестной. // Русский Вестник. 1881. Т. 155, с. 152.

18 Летопись жизни и творчества Пушкина. 1799—1826. — Л. 1991, с. 231-232.

19 Дневник Annette. — М.: Фонд им. И. Д. Сытина. 1994, с. 74 (18 июля 1828).

20 Там же, с. 36.

21 Русский Архив. 1885, кн. III, № 8, с. 579.

22 Там же, с. 578-579.

23 14 августа 1831. // Рукописный Отдел ГПБ. ф. 850. Шевырев. № 163. Письма А. В. Веневитинова, л. 38 об.

24 Пушкин в письмах Карамзиных 1836—1837 годов. — М.—Л. 1960, с. 178.

25 Беляев М. Д. Наталья Николаевна Пушкина в портретах и отзывах современников. — СПб.. 1993, с. 68.

26 Воспоминание М. Н. Волконской в записи Бартенева. // Бартенев, цит. изд., с. 371.

27 Бартенев П. И. А. С. Пушкин. Материалы для биографии. // Бартенев, цит. изд., с. 119.

28 Исторический Вестник. 1888. Т. 31, № 3, с. 670-671.

29 Рассказ Е. К. Долгорукой. // Бартенев, цит. изд., с. 369-370.

30 Письмо к С. П. Шевыреву, 14 ноября 1832. // Русский Архив. 1909. Т. II, с. 508.

31 Цит. по: Вересаев В. В. Пушкин в жизни. — М. 1984, с. 88.

32 Письмо Жуковскому, 20 дек. 1814. / / Русский Архив. 1871. № 2. стр. 0163-0164.

33 Об этом см.: В. Э. Вацуро, М. И. Гиллельсон. Сквозь «умственные плотины». — М. 1972, с. 177-179.

34 Щеголев П. Е. Из жизни и творчества Пушкина. — Л. 1931, с. 356.

35 Цит. по: Пушкин, Письма.Т. 3. — Academia 1935,с. 494.

36 Погодин М. П. Дневник, 16-17 апреля 1836. // Рукописный Отдел РГБ, Фонд Погодина, 231/1, к. 32, е. х. 1, л. 134 об.

37 Абрамович С. Пушкин в 1833 году.

— М. 1994, с. 151.

[38] Греч Н. И. Записки о моей жизни. — СПб. 1886, с. 456-457.

[39] Модзалевский Б. Л. Пушкин под тайным надзором. — Л. 1925, с. 52.

[40] Цит. по: В. Э. Вацуро, М. И. Гиллельсон. Сквозь «умственные плотины». — М. 1972, с. 191.

[41] Рассказы Ф. Ф. Вигеля в записи Бартенева. // Бартенев, цит. изд., с. 374.

[42] Пущин И. И. Записки о Пушкине. Письма. — М. 1989, с. 46-47.

[43] Там же, с. 52-53.

[44] Там же, с. 65.

[45] Кобеко Д. Императорский Царскосельский лицей. — СПб. 1911, с. 272.

Глава 5 (с. 109-132)

[1] Русский Архив, 1878, т. II, с. 50.

[2] Вересаев В. В. В двух планах. — М.: Недра. 1929, с. 138.

[3] А. П. Пятковский. Материалы для биографии Веневитинова. // Цит. по: Д. В. Веневитинов. Полн. собр. соч. Под ред. и с примеч. Б. В. Смиренского. — М.; Л.:Academia,1934,с. 366.

[4] Д. В. Веневитинов, цит. изд., с. 366.

[5] Д. В. Веневитинов, цит. изд., с. 377.

[6] Из дневника Погодина. // Пушкин и его современники. Вып XIX-XX, с. 73-75.

[7] А. П. Пятковский. Кн. Одоевский и Веневитинов. — СПб., 1901, с. 133.

[8] А. П. Пятковский. Биографический очерк... // Веневитинов, цит. изд., с. 400.

[9] Вл. Анофлиев. Могилы русских писателей в Москве. // «Рус. ведомости», 1915, №223.

[10] Пятковский, Биографический очерк..., с. 407.

[11] Веневитинов, цит. изд., с. 316.

[12] Анненков П. В. Материалы для биографии А. С. Пушкина. — М. 1984, с. 164.

[13] Глава «Подтверждение покаяния. Заключение».

[14] Бартенев П. И. Новые подробности о поединке и кончине Пушкина. // Бартенев, цит. изд., с. 321.

[15] Письмо М. Н. Лонгинову. // Пушкин и его современники. XXXI-XXXII, с. 42.

[16] Вересаев В. В. Пушкин в жизни. — М. 1984, с. 514.

[17] Там же, с. 600.

[18] Бартенев, цит. изд., с. 402.

[19] А. А. Григорьев А. А. Мои литературные и нравственные скитальчества. // А. Григорьев, материалы для биографии. — Пг. 1911, с. 69.

[20] Чистяков М. Б. Воспоминания о Надеждине. // Рукописный Отдел ИРЛИ. ф. 265, оп. 2, № 1731, л. 55.

[21] В рецензии на «Бориса Годунова». / / Телескоп. 1831, № 4, с. 573.

[22] Телескоп. 1831, № 21, с. 118.

[23] Телескоп. 1832, №2, с. 303.

[24] Телескоп. 1832, № 14, с. 246.

[25] Вестник Европы. 1829. №2-3.

[26] Вестник Европы. 1829, № 8.

[27] «Никодим Надоумко» — журнальный псевдоним Надеждина.

[28] См. о ней заметку М. Л. Гофмана: Пушкин и его современники, вып. XXI-XXII, П. 1915, с. 205-208.

[29] Там же, с. 398.

[30] Воспоминание М. Н. Волконской. / / Бартенев, цит. изд., с. 370.

[31] Воспоминание Павла Вяземского. // Собр. соч. — СПб. 1893, с. 543.

[32] Полевой Н. Материалы по истории русской литературы и журналистики 30-х гг. — Л. 1934, с. 155.

[33] Воспоминания Бестужевых. — М.-Л. 1951, с. 26-27.

[34] Декабрист Н. И. Тургенев: Письма к брату С. И. Тургеневу. — М.-Л. 1936, с. 235.

[35] Летопись жизни и творчества Пушкина. 1799—1826. — Л. 1991, с. 146.

[36] Архив братьев Тургеневых, вып. 5. — Пгр. 1921, с. 93.

[37] Греч Н. И. Записки о моей жизни. — М. 1990, с. 292.

[38] Дневник, 11 сентября 1818. См.: Дневники и письма Н. И. Тургенева. — П. 1921.

[39] Цит. по: Томашевский Б. В. Пушкин. Кн. 2. — М.-Л. 1961, с. 209.

[40] Чижова И. Б. «Души волшебное светило...». — СПб.: Лениздат. 1997, с. 264.

[41] Бартенев, цит. изд., с. 327.

[42] Письмо Н. М. и А. М. Языковых к В. Д. Комовскому от 14 февраля 1833. Цит. по: С. Л. Абрамович. Пушкин в 1833 году. Хроника. — М.: Слово. 1994, с. 94-95.

[43] См.: Пушкин. Письма. — Academia, 1935. Т. III. 1831-1833, с. 126.

Глава 6 (с. 133-154)

[1] Мое знакомство с Воейковым. // Русский вестник. 1871, т. XCV, с. 627.

[2] Полярная звезда на 1825 год, с. 14-15.

[3] Цит. по: С. Л. Абрамович. Пушкин в 1833 году. Хроника. — М.: Слово. 1994, с. 25.

[4] Бартенев П. И., цит. изд., с. 278-279.

[5] Вревскому Б. А., 21 января 1835. Пушкин и его современники. Вып. XXI-XXII, с. 388.

[6] Рассказ Вревской в записи М. И. Семевского. // Русский Вестник. 1869. Т. 84, № 11, с. 91.

[7] Бартенев, цит. изд., с. 368.

[8] Рассказ Е. А. Долгоруковой. // Бартенев П. И., цит. изд., с. 368.

[9] С. Л. Абрамович. Пушкин в 1833 году. Хроника. — М.: Слово. 1994, с. 386.

[10] Щербаков В. Ф. Из заметок о пребывании Пушкина в Москве в 1826-1827. // Собр. соч. Пушкина под ред. П. А. Ефремова. Т. VIII. — 1905, с. 109-111.

[11] «Арзамас». Кн. 2. — М. 1994, с. 122.

[12] Вересаев В. В. Пушкин в жизни. — М. 1984, с. 302.

[13] Письмо мужу от 20 декабря 1835. // Фамильные бумаги Пушкиных-Ганнибалов. Т. 2. Письма О. С. Павлищевой к мужу и к отцу. — СПб.: Пушкинский фонд. 1994, с. 137.

[14] Пушкин и проблемы реалистического стиля. — М. 1957, с. 65.

[15] Пушкин и его современники. Вып. XXXI-XXXII, с. 113-115.

[16] А. И. Тургеневу, 14 ноября 1828. / / Остафьевский Архив. Т. 3, с. 181.

[17] Цит. по: Вацуро В. Э. С. Д. П. Из истории литературного быта пушкинской поры. — М. 1989, с. 61.

[18] И. В. Киреевский — Одоевскому, без даты. // Рукописный Отдел ГПБ.

ф. 539, оп. 2 (Одоевский), л. 13 об.

[19] Вестник Европы. 1823, № 1, с. 35-57.

[20] Пушкин и его современники, XIX-XX, с. 84.

[21] Погодин — Шевыреву, 28 апреля 1829. // Русский Архив. 1882, III, с. 81.

[22] 24 мая 1835, Петербург. // Рукописный Отдел ГПБ. ф. 850. Шевырев. № 370, письма Мельгунова, л. 17 об.

[23] Телескоп. 1831. Ч. 3, № 11-12.

[24] 14 августа 1831. // Рукописный Отдел ГПБ. ф. 850. Шевырев. № 163. Письма А. В. Веневитинова, л. 38 об.

[25] Из записной книжки П. И. Бартенева. // Бартенев, цит. изд., с. 291.

Глава 7 (с. 155-179)

[1] Н. О. Лернер придает этому рассказу документальное значение (журнал «Старые годы», апрель 1914, с. 27); в пользу его мнения говорит и отсутствие портретов Пушкиных работы Брюллова.

[2] М. Железнов. Заметка о К. Брюллове. // Живописное Обозрение. 1898, № 31, с. 625.

[3] Русский Архив. 1902, I, с. 52.

[4] Эти слова известны в передаче Ф. М. Деларю.

[5] Литературное наследство, т. 58, 1952, с. 163.

[6] Н. М. Смирнов. См.: Пушкин в воспоминаниях современников. — М.: Худ. лит. Т. 2. 1974, с. 242.

[7] Там же.

[8] Николай I — вел. кн. Михаилу Павловичу, 3 февраля 1837. // Русская Старина, 1902. Т. 110, с. 226.

[9] Летопись жизни и творчества Пушкина. 1799—1826. — Л. 1991, с. 244.

[10] Чижова И. Б. «Души волшебное светило...». — СПб.: Лениздат. 1997, с. 358.

[11] Лотман Ю. М. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий. — Л. 1980, с. 352-354.

[12] Пушкинское авторство этой эпиграммы оспаривается.

[13] Погодин М. П. Н. М. Карамзин. Ч. II. — М. 1866, с. 204-205.

[14] Томашевский Б. В. Пушкин. Кн. 1. — М.-Л. 1956, с. 45.

[15] См. об этой полемике: Томашевский Б. В. Пушкин. Кн. 1. — М.-Л. 1956, с. 222-224.

[16] «Воспоминание» (1803).

[17] Письма Н. М. Карамзина к князю П. А. Вяземскому 1810-1826. (Из Остафьевского архива). — СПб. 1897, с. 171.

[18] Разбор отрывка из трагедии г. Пушкина, напечатанного в «Московском вестнике». // Д. В. Веневитинов. Полн. собр. соч. — М.; Л.:Academia, 1934, с. 244.

[19] Наблюдение Б. В. Томашевского (Пушкин. Кн. 1. — М.-Л. 1956, с. 584).

[20] Бартенев, цит. изд., с. 314.

[21] См. заметку об этом домике в кн.: Пушкин,Письма. Т. 3. — Academia 1935, с. 445.

[22] Строка из стихотворения Державина «На рождение царицы Гремиславы...», которое Пушкин любил повторять (см., например, письмо Н. М. Языкову от 14 апреля 1836).

[23] Рассказы Нащокиных в записи Бар-

тенева.

[24] В. А. Нащокина. // Новое Время. 1898, № 8115.

[25] Вигель Ф. Ф. Записки. — М. 1928. Т. 2, с. 46-47.

[26] Анненков П. В. А. С. Пушкин в Александровскую эпоху. — СПб. 1874, с. 120-121.

[27] Летопись жизни и творчества Пушкина. 1799—1826. — Л. 1991, с. 356.

Глава 8 (с. 180-211)

[1] Вестник Европы, 1871, т. 4, июль, с. 196.

[2] В письме к В. Г. Анастасевичу (3 сентября 1820). // Русский Архив, 1889, № 7, с. 369.

[3] В. Соц. «Сын Отечества», 1820, № 41, с. 11.

[4] Н. И. Греч. «Сын Отечества», 1818, № 5, с. 217.

[5] Литературное наследство. Т. 60, кн. 1, 1956, с. 405-406.

[6] Письмо И. И. Пущина к Е. А. Энгельгардту от 7 февраля 1836. // Пущин И. И. Записки о Пушкине. Письма. — М. 1989, с. 107.

[7] Вересаев В. Спутники Пушкина. Т. 2. — М.: 1993, с. 12.

[8] Вульф А. Н. Дневники. 1827-1842. — М. 1929, с. 304.

[9] Там же, с. 351.

[10] Письмо к сестре Анне от 26 февраля 1830. // Пушкин и его современники. Вып. I. СПб. 1906, с. 90.

[11] Вульф А. Н. Дневники. 1827-1842. — М. 1929, с. 195.

[12] Пушкин и его современники. Вып. I. СПб. 1906, с. 93.

[13] В письме к В. Ф. Вяземской, 3 ноября 1826.

[14] Черновой набросок, по мнению Вересаева, относящийся к Анне Николаевне.

[15] Пушкин и его современники, вып. XXI-XXII, П. 1915, с. 208.

[16] П. А. Каратыгин. Записки. Т. 2. — Л.: Academia. 1930,с. 271.

[17] Московский Телеграф. 1830, № 12, с. 515.

[18] Письмо к И. И. Дмитриеву (4 января 1824). // Русский архив, 1868, вып. 4-5, стлб. 600.

[19] Бартенев, цит. изд., с. 156.

[20] Цит. по: Летопись жизни и творчества Пушкина. 1799—1826. — Л. 1991, с. 305.

[21] Русский Архив, 1866, стлб. 1264-1265.

[22] Бартенев, цит. изд., с. 231.

[23] Цит. по: Томашевский Б. В. Пушкин. Кн. 1. — М.-Л. 1956, с. 461.

[24] Н. И. Бахтину, 9 января 1828. // Катенин П. А. Размышления и разборы. — М. 1981, с. 275.

[25] Пушкин А. С. Полное собрание сочинений. Т. 7. — Издательство АН СССР. 1935, с. 459.

[26] Цит. по: Летопись жизни и творчества Пушкина. 1799—1826. — Л. 1991, с. 119.

[27] А. Э. Одынец — Ю. Корсаку, май 1829. Цит. по: Вересаев В. Пушкин в жизни. — М. 1984, с. 43.

[28] Вересаев В. Пушкин в жизни, с. 103.

[29] Подолинский А. И. Воспоминания. // Русский Архив, 1872, I, 859-860.

[30] Вересаев В. Спутники Пушкина. Т. 2. — М.: 1993, с. 343.

[31] Мицкевич А. Собр. соч. — М. 1954.

Т. 4, с. 96-97.

[32] Русский Архив. 1873, № 6, с. 1060.

[33] Воспоминания Л. Н. Павлищева, племянника Пушкина. // Вересаев В. Пушкин в жизни. — М. 1984, с. 96.

[34] О. С. Павлищева мужу, 9 июля 1831. // Фамильные бумаги Пушкиных-Ганнибалов. Т. 2, с. 44.

[35] Русский Архив, 1878, кн. II, с. 47.

[36] Шевыреву, 17 марта 1833. // Русский Архив, 1878, кн. II, с. 48.

[37] Шевыреву, там же.

[38] Письмо к С. П. Шевыреву. // Русский Архив, 1878, кн. II, с. 47.

[39] Русский Архив. 1868, № 11, с. 1790.

[40] Вяземский А. И. Тургеневу, 15 окт. 1828. // Остафьевский Архив. Т. 3, с. 180.

[41] Письмо к П. Я. Чааадаеву, 4 марта 1825. // Записки, статьи, письма декабриста И. Д. Якушкина. — М. 1951, с. 242.

Глава 9 (с. 212-237)

[1] Жуковский — Пушкину, сентябрь 1825.

[2] «Разбор статьи о "Евгении Онегине", помещенной в 5-м № "Московского телеграфа"». // Веневитинов Д. В. Полн. собр. соч., 1934, с. 222.

[3] Русский Архив. 1901, III, с. 298.

[4] Бартенев, цит. изд., с. 365.

[5] Мильчина В. А. Записки «пиковой дамы». // Временник пушкинской комиссии. Вып. 22. — Л. 1988, с. 138.

[6] Русская Старина. 1872, май, с. 632.

[7] Бартенев. цит. изд., с. 354.

[8] Фамильные бумаги Пушкиных-Ганнибалов. Т. 2., с. 106.

[9] Конец июня — начало июля 1825. // А. А. Дельвиг. Сочинения. — Л. 1986, с. 297.

[10] Письмо к А. Н. Карелиной. Цит. по: Чижова И. Б. «Души волшебное светило...». — СПб.: Лениздат. 1997, с. 200.

[11] Там же, с. 178.

[12] Фамильные бумаги Пушкиных-Ганнибалов. Т. 2, с. 124.

[13] М. И. Пущин. Встреча с Пушкиным за Кавказом. // Пущин И. И. Записки о Пушкине. Письма. — М. 1989, с. 428.

[14] Вяземский А. И. Тургеневу, 7 апреля 1824. // Остафьевский Архив. Т. 3, с. 30.

[15] Послание к В. А. Перовскому, которому Жуковский «уступил» графиню С. А. Самойлову.

[16] Шильдер Н. К. Император Александр I. Его жизнь и царствование. Т. IV. — СПб. 1905, с. 471.

[17] Письмо Краевского Погодину, 17 января 1836.

[18] Гершензон М. Декабрист Кривцов и его братья. — М. 1914, с. 92.

[19] 28 августа 1818. // Остафьевский архив. Т. 1, с. 117.

[20] Плетнев П. А. Жизнь и сочинения И. А. Крылова. // Плетнев П. А. Статьи. Стихотворения. Письма. — М. 1988, с. 82.

[21] Там же, с. 126.

[22] Там же, с. 131.

[23] Н. В. Гоголь по записи неизвестной. // Русский Архив, 1902, I, 551.

[24] А. П. Савельева, крестница Крылова, в передаче Л. Н. Трофелева. // Русский Архив. 1887. Т. 55, 464.

[25] Вяземский П. П. Собр. соч. — СПб.

1893, с. 557.

[26] П. И. Бартенев со слов В. Ф. Адлерберга. // Русский Архив. 1892, II, с. 489.

[27] Смирнова А. О. Записки, дневник, воспоминания. — М. 1931, с. 189.

[28] Август 1831. // Фамильные бумаги Пушкиных-Ганнибалов. Т. 2, с. 51.

[29] Герцен А. И. Полярная звезда на 1861 год. — Лондон, 1861, с. 33.

[30] Свидетельство самого Смирдина в передаче А. Я. Головачевой-Панаевой. Цит по: Вересаев В. В. Пушкин в жизни. — М. 1984, с. 349.

[31] Модзалевский Б. Л. Пушкин. — Л. 1929, с. 340.

[32] Цит. изд., с. 326.

[33] Воспоминания Нащокиных в записи Бартенева.

[34] Толстой С. Л. Федор Толстой Американец. — М. 1990, с.. 27.

[35] Там же, с. 36.

Глава 10 (с. 238-263)

[1] «Желанье счастия в меня вдохнули боги...» (1823, 1827).

[2] Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 2 — М. 1985, с. 51.

[3] Литературное наследство. Т. 58, с. 88.

[4] Баратынский Е. А. Стихотворения. Поэмы. Проза. Письма. — М. 1951, с. 526.

[5] Татевский сборник. — М. 1899, с. 41-42.

[6] Баратынский Е. А., цит. изд., с. 416.

[7] Пушкин и его современники. XXI-XXII, с. 46.

[8] Там же, с. 50.

[9] Письмо к Е. Н. Вревской. // Там же, с. 339.

[10] Обозрение русской литературы в 1824. // Московский Телеграф. 1825, № 1, с. 86.

[11] Соковнина Е. П. Воспоминания о Бегичеве. // Исторический Вестник. 1899, март, с. 672.

[12] Всеволожскому (1819), «В кругу семей...» (1821).

[13] А. В. Васильев в записи Бартенева. / / Бартенев, цит. изд., с. 302.

[14] Послание к Галичу, 1815.

[15] Слова, сказанные ею А. В. Никитенко, также не избежавшему чар Анны Петровны.

[16] Рукою Пушкина. — М.; Л. 1935, с. 457-459, 461-462.

[17] Абрамович С. Пушкин в 1833 году. — М. 1994, с. 428.

[18] Смирнова-Россет А. О. Дневник; Воспоминания. — М. 1989, с. 470.

[19] Запись Я. П. Полонского. // Голос Минувшего, 1917, № 11, с. 155.

[20] Письмо к А. В. Головнину, 29 августа 1879.

[21] Модзалевский Б. Л. Пушкин. — Л. 1929, с. 85.

[22] Об альманахе «Северная лира на 1827».

[23] Докладная записка фон Фока, 1828 г. Цит. по: В. Э. Вацуро, М. И. Гиллельсон. Сквозь «умственные плотины». — М. 1972, с. 197.

[24] Там же.

[25] Коммент. В. Э. Вацуро в кн.: Дельвиг. Сочинения. — Л. 1986, с. 396.

[26] «Опровержение на критики...»

[27] См.: Теплинский М. В. И. Т. Лисен-

ков и его литературные воспоминания. // Русская литература. 1971, № 2, с. 111-112.

28 В. Э. Вацуро, М. И. Гиллельсон. Сквозь «умственные плотины». — М. 1972, с. 195-196.

29 Запись Г. Н. Геннади. // Там же.

30 «Арзамас». Кн. 2. — М. 1994, с. 10.

31 Подробнее об этих писателях см.: Лотман Ю. М. «Смесь обезьяны с тигром». // Временник пушкинкой комиссии. 1976. — Л. 1979, с. 110-112.

32 Томашевский Б. В. Пушкин. Кн. 1. — М.-Л. 1956, с. 105.

33 А. И. Тургенев — Н. И. Тургеневу, 13 декабря 1836. // Вересаев В. В. Пушкин в жизни. — М. 1984, с. 515.

34 См.: Вацуро В. Э. Из историко-литературного комментария к стихотворению Пушкина. // Пушкин. Исследования и материалы. — Л. 1976, с. 307.

35 Остафьевский архив, I, с. 19.

36 Языковский архив, вып. I. — СПб. 113, с. 118.

37 А. М. Языкову, 20 сентября 1828. / / Исторический Вестник, 1883, № 12, с. 527.

38 Карпов А. А. Эпоха 1830-х годов в письмах Н. М. Языкова. // Пушкин: Исследования и материалы. — Л. 1983. Т. 11, с. 277.

39 А. М. Языкову, 30 марта 1833. Цит. по: Абрамович С. Пушкин в 1833 году. — М. 1994, с. 161.

40 Погодину, 29 сентября 1833. // Литературное наследство. Т. 16-18, с. 715.

41 Литературное наследство. Т. 58, с. 112.

42 Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. в 14 тт. — М.; Л. 1937-1952. Т. 8, с. 387-388.

Глава 11 (с. 264-285)

1 Фамильные бумаги Пушкиных-Ганнибалов. Т. 2, с. 106

2 Томашевский Б. В. Пушкин. Кн. 2. — М.-Л. 1961, с. 437.

3 Востоков А. Х. Опыт о русском стихосложении. — СПб. 1817, с. 105-106.

4 Воспоминания о Пушкине. // Катенин П. А. Размышления и разборы. — М. 1981, с. 216.

5 Николай Гоголь. // Набоков В. Романы. Рассказы. Эссе. — СПб.: Энтар, с. 258.

6 Свидетельство Нащокина в записи Бартенева.

7 Вяземский П. А. Записные книжки. — М. 1992, с. 155 (22 сентября 1831).

8 Письмо I. // Чаадаев П. Я. Полн. собр. соч. Т. 1. — М.: Наука. 1991, с. 330.

9 Э. Ф. Тютчевой, 22 июля 1847; И. Н. и Е. Л. Тютчевым, 29 августа 1837; Э. Ф. Тютчевой, 23 июня 1843.

10 Э. Ф. Тютчевой, 27 июля 1843.

11 Авторская исповедь.

12 Звенья. Т. 9, с. 180.

13 29 января 1829. // Киреевский И. В. Критика и эстетика. — М. 1979, с. 338.

14 Обозрение русской литературы за 1831 год. // Там же, с. 106.

15 Цит. по: В. Э. Вацуро, М. И. Гиллельсон. Сквозь «умственные плотины». — М. 1972, с. 119.

16 Нечто о характере поэзии Пушкина. // Московский вестник, 1828, ч.8, №

6 (также в: Киреевский И. В. Критика и эстетика, с. 43-55).

[17] Обозрение русской словесности 1829 года. // Денница на 1830 год (также в: Киреевский И. В. Критика и эстетика, с. 63).

[18] П. А. Вяземский — вел. кн. Михаилу Павловичу. Цит. по: Вересаев В. В. Пушкин в жизни. — М. 1984, с. 529.

[19] Бочаров И., Глушакова Ю. Итальянская Пушкиниана. — М. 1991, с. 66.

[20] Дмитриев М. А. Мелочи из запаса моей памяти. // Дмитриев М. А. Московские элегии. — М. 1985, с. 249.

[21] Шевырев С.

П. Биография Мерзлякова в кн.: Биографический словарь профессоров и преподавателей Московского Университета. — Т. II. М. 1855, с. 96.

[22] Н. Д. Мизко. См.: Русская Старина, 1879, № 1, с. 128.

[23] Бартенев П. И. Пушкин в Южной России. // Бартенев, цит. изд., с. 164.

[24] Свидетельство В. П. Горчакова. // Бартенев, цит. изд., с. 166.

[25] См. об отношениях Пушкина и Орлова: Гиллельсон М. И. Молодой Пушкин и арзамасское братство. Л., 1974, с. 194-200.

[26] Бартенев П. И. Пушкин в Южной России. // Бартенев, цит. изд., с. 163.

[27] Там же.

[28] Цит. по: В. Э. Вацуро, М. И. Гиллельсон. Сквозь «умственные плотины». — М. 1972, с. 55-57.

[29] Гиллельсон М. И. Молодой Пушкин и арзамасское братство. Л., 1974, с. 198-199.

[30] Сын Отечества, 1831, № 25-26, с. 284.

[31] Бартенев, цит. изд., с. 352.

[32] См. об этом: Базанов В. Очерки декабристской литературы. — М. 1953, с. 174-176.

[33] Библиотека для Чтения. 1834. Т. 3. № 4, «Русская словесность», с. 37.

[34] Здравый смысл и барон Брамбеус. / / Телескоп. 1834. ч. 21, с. 260.

[35] Главы из воспоминаний моей жизни. // Рукописный Отдел РГБ. ф. 178, № 2, л. 176.

[36] Библиотека для Чтения, 1835. Т. 12. № 10, с. 17.

[37] Библиотека для Чтения. 1836. Т. 14, № 2, с. 38.

[38] Московский Наблюдатель. 1835. ч. I. кн. 1, с. 7.

[39] Нащокину, январь 1836; Хлюстину, 4 февраля 1836.

[40] Н. В. Берг со слов Тропинина. // Русский Архив. 1871, с. 191.

[41] Пыляев М. И. Старая Москва. — СПб. 1891, с. 86.

[42] Московский Телеграф. 1827. Ч. XV, № 9, отд. 2, с. 33.

[43] Э. Ф. Тютчевой, 23 июня 1843.

[44] Остафьевский Архив. Т. 3, с. 213.

[45] Остафьевский Архив. Т. 3, с. 117.

[46] Вяземскому, 26 февраля 1824. // Остафьевский Архив. Т. 3, с. 13.

[47] Гиллельсон М. И. Молодой Пушкин и арзамасское братство, с. 49-50.

[48] Там же, с. 11.

[49] Из воспоминаний А. О. Смирновой. // Бартенев, цит. соч., с. 414.

[50] Бартенев П. И. Из записной книжки «Русского Архива». // Бартенев, цит. изд., с. 337.

[51] Телепнева Е. С. Из дневника. // Пушкин и его современники, V, с. 121.

52 Письмо к Пушкину, 28 апреля 1830.

Глава 12 (с. 286-316)

1 Писатели-декабристы в воспоминаниях современников. — М. 1980. Т. 2, с. 77.

2 Пушкин, или правда и правдоподобие. // Набоков В. Романы. Рассказы. Эссе. — СПб.: Энтар, с. 235.

3 «Арзамас». Кн. 2. — М. 1994, с. 135.

4 Вяземский П. А. Записные книжки. — М. 1992, с. 233 (1 октября 1844).

5 Автобиографическое введение. // Вяземский П. А. Записные книжки. — М. 1992, с. 295.

6 В. И. Стефанович. // Русский Архив, 1903, I, с. 492-493.

7 Дневник Н. А. Муханова. // Русский Архив, 1897, I, с. 654.

8 Там же.

9 Записные книжки (22 декабря 1830). // Цит. изд., с. 149.

10 См.: Коган Г. Полотняный завод. — М. 1951, с. 59-60.

11 П. А. Вревский — Б. А. Вревскому. // Пушкин и его современники, вып. XXI-XXII, П. 1915, с. 397.

12 Ободовская И., Дементьев М. После смерти Пушкина. Неизвестные письма. — М. 1980, с. 254.

13 О русской истории XVIII века.

14 Дневник, 8 августа 1833.

15 Благонамеренный. 1820, № 18, с. 406.

16 Подписное объявление в конце 1823 г.

17 Благонамеренный. 1822, № 36, с. 399.

18 Благонамеренный. 1823, № 15, с. 173.

19 Литературное наследство. Т. 58, с. 50.

20 Невский альманах на 1829 год. — СПб. 1828, с. 317.

21 Благонамеренный. 1825, № 19, с. 173.

22 Вацуро В. Э., комм. в кн.: Дельвиг. Сочинения. — Л. 1986, с. 395.

23 Цит. по: Вацуро В. Э. С. Д. П. Из истории литературного быта пушкинской поры. — М. 1989, с. 215.

24 Лобанова Л. П. В. В. Измайлов. / / Русские писатели. 1800-1917. — М.: Большая российская энциклопедия. Т. 2. 1992, с. 409.

25 Friedrich C. D. Bekenntnisse. — Leipzig. 1924, S. 121.

26 А. И. Тургеневу, 13 августа 1824. // Остафьевский архив. Т. 3, с. 74.

27 Плетневу, июль 1825.

28 Греч Н. И. Записки о моей жизни. — М. 1990, с. 292.

29 Косовский А. И. Воспоминания. // Писатели-декабристы в воспоминаниях современников. — М. 1980. Т. 2, с. 37.

30 А. Н. Муравьев. Знакомство с русскими поэтами. — Киев. 1871, с. 11.

31 М. П. Погодин. // Русский Архив. 1870, с. 1947.

32 А. Н. Муравьев. Знакомство с русскими поэтами. — Киев. 1871, с. 14.

33 «Таврида» А. Муравьева. // Московский Телеграф. 1827, ч. 13, № 4, с. 325-331.

34 Томашевский Б. В. Пушкин. Кн. 1. — М.-Л. 1956, с. 488. Б. В. Томашевский видит в этом письме доказательство того, что элегия Пушкина посвящена Екатерине Раевской.

35 Брату, 24 сентября 1820; Вяземскому, 13 и 15 сентября 1825.

36 Н. И. Павлищев — Пушкину, 26 апреля 1834.

37 М. И. Пущин. Встреча с Пушкиным за Кавказом. // Пущин И. И. Записки о Пушкине. Письма. — М. 1989, с. 423.

38 Свидетельство Н. Б. Потокского. // Русская Старина. 1880. Т. 28, с. 583.

39 Там же.

40 Русский Архив. 1875, кн. III, с. 369.

41 Летопись жизни и творчества Пушкина. 1799—1826. — Л. 1991, с. 590.

42 Сочинения и письма В. Л. Пушкина цитируются по изд.: Пушкин В. Л. Стихи. Проза. Письма. Под ред. Н. И. Михайловой. — М. 1989.

43 Остафьевский архив. Т. 1, с. 54.

44 Там же, с. 57.

45 См.: Горохова Р. М. Пушкин и элегия К. Н. Батюшкова «Умирающий Тасс». // Временник пушкинской комиссии. 1978. — Л. 1979, с. 29-30.

46 Вяземский — А. И. Тургеневу, 4 апреля 1812. // «Арзамас». Кн. 1. — М. 1994, с. 188.

47 Старая записная книжка. // Русский Архив, 1874, кн. I, с. 1344-1345.

48 Бартенев, цит. изд., с. 373.

49 Старая записная книжка. // Русский Архив, 1874, кн. I, с. 1341-1343.

50 Пушкин — Л. С. Пушкину, 24 января 1822.

51 Янькова Е. П. по записи Д. Благово. Рассказы бабушки. — СПб. 1885, с. 460.

52 «Пирующие студенты» (1814); «К Пущину» (1815); «Воспоминание (к Пущину)»; «Мое завещание друзьям» (1815).

53 Пущин И. И. Записки о Пушкине. Письма. — М. 1989, сс. 59, 76, 71.

54 Из вариантов «Вновь я посетил...»

55 Пущин И. И., цит . изд., сс. 73, 69.

56 См.: Кипренский О. Графика. Каталог. — Л. 1990, с. 325.

57 Погодин М. П. Из воспоминаний о Пушкине. // Бартенев, цит. изд., с. 395.

58 «О народной драме и о «Марфе Посаднице» М. П. Погодина».

59 Из письма В. Л. Пушкину, 1816.

60 Этот стих из сатиры Шаховского 1808 г. Пушкин процитировал в «Барышне-крестьянке».

61 Воспоминания А. М. Каратыгиной. // П. А. Каратыгин. Записки. Т. 2. — СПб., с. 140-141.

62 Пущин И. И. Записки о Пушкине. Письма. — М. 1989, с. 71.

Указатель имен

Полужирным начертанием выделены лица, которым посвящены отдельные статьи (соответствующие страницы также выделены полужирным шрифтом). Курсивом выделены литературные персонажи.

Абамелек А. Д. 266
Аврелий Виктор 254
Агрикола Ф. 128
Адлерберг В. Ф. 233
Айвазовский И. К. 58-59
Аксаков И. С. 253
Аксаков С. Т. 112, 204, 219, 253
Алеко 52
Александр I 21, 39, 42, 49, 51, 70, 86, 95, 104, 108, 119, 139, 161, 163, 164, 168-170, 175, **183-185**, 196, 202, 210, 224, 226, 227-229, 232, 292, 298
Александр II 172
Александра Федоровна 37, **38-39**, 55, 69
Алексеев А. П. 68
Алексеев Н. С. 244
Алексей Петрович, царевич 22
Альбер 29, 146
Алябьева А. В. 135-136
Анакреон 162
Анна Павловна, вел. кн. 95, 149
Анненков П. В. 38, 74, 87
Антисфен 200, 204
Антихрист 24, 69, 70, 71, 143
Аполлон 35, 202, 209, 276, 300
Апраксин 24
Аракчеев А. А. 103, 164, 210, 299
Арапов П. Н. 58
Аретино П. 87
Ариосто Л. 162
Аристарх 36
Афанасьев А. 160
Афанасьев К. Я. 60, 273, 298
Ахилл 217
Ахматова А. А. 43, 96, 146
Багаев А. А. 140
Баземан А. 14
Байрон Ада 214
Байрон Дж. 4, 39, 52, 53, 60, 77, 101, 103, 113, 114, 124, 162, 194, 207, **214-216**, 236, 258, 271, 283, 297, 298
Бакунин А. П. 240
Бакунина Е. П. 117, 239, 240, **240-241**, 248
Балашов А. Д. 300
Балк М. 27
Бальмонт К. Д. 9
Бантыш-Каменский В. Н. 164
Бантыш-Каменский Д. Н. 134, **136**
Барант А. де 9
Баратынская А. Д. *см.* Абамелек А. Д.
Баратынская С. М. *см.* Дельвиг С. М.
Баратынский Е. А. 4, 8, 19, 77, 108, 120, 208, 216, 239, **241-244**, 244, 247, 256, 263, 274, 301, 313
Баратынский И. А. 266
Баратынский Л. А. 223
Баратынский С. А. 222, 223
Барди 119
Барклай де Толли М. Б. 221, 298
Барков И. С. 293
Барон 29, 33, 112, 127
Бартенев П. И. 19, 28, 29, 32, 39, 47, 62, 63, 68, 106, 112, 119, 123, 150, 236, 241, 251
Бартенев Ю. Н. 165
Бассевич Г.-Ф. 27
Батурин 139
Батюшков К. Н. 8, 9, **10-12**, 20, 28, 59, 60, 66, 129, 147, 241, 242, 267, 301, 306
Башилов А. А. 45
Бегтров К. П. 16
Беклешова А. И. 140, 190
Белинский В. Г. 149, 258
Белоусов М. И. 266
Беляев М. Д. 49
Беляев О. 25
Бенедиктов В. Г. 136-137
Бенкендорф А. Х. 37, **39-41**, 50, 84, 103, 121, 123, 124, 160, 177, 193, 209, 210, 226, 285, 299, 309
Беннер Ж. А. 171
Бестужев (Марлинский) А. А. 18, 60, 90, 114, 126, **137-138**, 165, 168, 192, 200, 218, 226, 241, 242, 246, 256, 261, 288, 302
Бестужев Н. А. 126, 138, **288**
Бестужев-Рюмин 26
Бешенцев И. П. 305
Бикосфильд 44
Бинемин 89

Бирон И.-Э. 118
Бируков А. С. 55, 274
Блок А. А. 32, **158**
Блудов Д. Н. 64, 144, 160, 161, 171, **288-290**, 314
Бобринская А. В. 182, **185**
Бобринский А. А. 185
Бобров С. С. 46
Бобчинский 160, 185
Богданович И. Ф. 254, 255
Бодри 12
Бологовский Д. Н. 237
Болховитинов Евг. А. 80, **185**, 187
Бомарше П. О. 153
Боровиковский В. А. 293
Броглио С. Ф. 48
Броневский В. Б. 77
Брюллов А. П. 158, 266
Брюллов К. П. 41, 50, 94, 102, 156, 158, **158-160**
Брянский Я. Г. 112
Буало Н. 80
Булгаков А. Я. 160, 185, 186
Булгаков К. Я. 160, **185-186**, 195, 197, 282
Булгакова О. А. 214
Булгарин Ф. В. 15, 21, 31, **41-42**, 59, 63, 64, 67, 209
Бульба Тарас 72
Бульон 125
Бурнашев В. П. 59, 136
Бутурлин М. П. 12, 251
Буше Ф. 154
Буяльский И. В. 58
Буянов 86, 305
Вагнер Л. 78
Вадим 279
Вальберхова М. И. 186
Вальмон 190
Варюшка 86, 260
Васильчикова А. И. 78
Великопольский И. Е. 186-188
Вельтман А. Ф. 9, **12-13**
Вельяшева Е. А. 239, 240, **244-245**, 284
Веневитинов А. В. 113, 152
Веневитинов Д. В. 99, 102, 111, **112-116**, 169, 214, 248
Веневитинова С. В. 114, 115
Вересаев В. В. 38, 44, 45, 50, 92, 160, 188, 189, 249
Верстовский А. Н. 99, 173, **245-246**
Вертопрахины 89
Вершнев 254
Веселовский А. Н. 85
Вигель Ф. Ф. 87, 89, 105, 157, **160-161**, 169, 170, 175, 176, 178, 196, 199, 227, 231, 274, 275, 301
Виельгорская Л. К. 139
Виельгорский Мих. Ю. 138-139
Виллен 71
Вильмен Ф. 77
Винтельгартен Ф.-К. 252
Витгенштейн П. Х. 50
Владимир 85, 86
Воейков А. Ф. 59, 83, **85-87**, 90, 231, 260, 277, 289, 296, 305, 313
Волконская В. М. 108
Волконская З. А. 66, 116, **161-162**, 189, 202, 297, 300
Волконская М. Н. 123, 163, **188-189**
Волконская С. Г. 85
Волконский М. С. 163
Волконский Н. С. 123, 163, 188
Волконский С. Г. 157, **163**, 188, 189, 200
Вольтер 27, 28, 154, 293, 294
Вольховский В. Д. 107
Воронская Нина 166
Воронцов М. С. 9, **13-14**, 87, 160, 175, 176, 196, 199, 255, 275, 282, 312
Воронцова Е. К. 14, **87-88**, 96, 97, 161, 176, 177
Востоков А. Х. 266-267
Вревская Е. Н. 54, 135, **139-141**, 192
Вревский Б. А. 122
Всеволожский Н. В. 166, 183, **246**
Вульф Ал. Н. 42, 121, 182, **189-191**, 191, 222, 223, 244, 245, 262
Вульф Анна Н. 182, 190, **191-192**, 245, 310
Вульф Е. Н. *см.* Вревская Е. Н.
Вульф И. И. 42
Вульф, барышни 284
Вяземская В. Ф. 14, 61, 84, 87, **88-89**, 129, 141, 145, 167, 177, 231, 251, 260, 310, 312
Вяземские 139
Вяземский А. И. 170
Вяземский П. А. 11-15, 17, 18, 21, 25, 28, 31, 32, 52, 58, **59-61**, 62, 63, 67, 68, 79, 86, 88-92, 96, 105, 113, 114, 124-126, 128-130, 135, 137, 139, 145, 149, 158, 160-162, 165-172, 178, 185, 200-202, 211, 215, 218, 220, 230, 233, 234, 242, 243, 256, 258-260, 261, 263, 268, 273, 276, 278, 279, 282-284, 289, 290, 298, 299, 304-308, 310, 313, 315
Вяземский П. П. 14-15, 16, 21, 61, 233

Гаврила 27
Гагарин Г. Г. 290
Гагарин И. С. 137
Гаевский П. И. 83
Галилей Г. 5
Гальяни 103
Гамлет 28, 223
Гампельн К.-К. 45
Ганнибал А. П. 61, 105, 136
Ганнибал М. А. 213, 216, 315
Ганнибал О. А. 145, 216
Ганнибал П. А. 61
Гарлоу Г. 215
Гарсиа А. 90
Гау В. И. 233
Гауэншильд 108
Гегель Г. Ф. 254
Гед Г. С. 68
Геккерн Л.-Б. 21, 89, 157, **163-164**, 176, 194, 220, 221, 226, 233, 292
Геккерны 21
Гельдерлин Ф. 168
Генрих V 298
Герке К. И. 113
Германн 33, 72, 127, 224
Гермафродит 24
Герострат 177, 262
Герцен А. И. 150, 282
Герцог 29
Геснер С. 149, 150
Гете И. В. 72, 74, 105, 114, 225, 245, 292
Гизо Ф. П. 77
Гиппиус Г. 225
Гирей 177
Глаголев А. Г. 143
Гладкова Е. И. 42
Гладкова Е. И. 42
Глазунов И. И. 58
Глинка М. И. 15, 62, 221, 302
Глинка С. Н. 42-43
Глинка Ф. Н. 15-17, 42, 119, 308
Гнедич Н. И. 86, 107, 137, 151, 168, 175, 200, 208, 216, **217-219**, 276
Гоголь Н. В. 31, 72, 87, 138, 252, 263, 265, **267-269**
Годунов Б. 134, 151, 270
Голиаф 275, 276
Голиков И. И. 24, 26
Голицин Н. Б. 104
Голицын 290
Голицын А. Н. 157, **164-165**
Голицын В. М. 210
Голицын Д. В. 207
Голицын С. Г. 57, 58, **62**
Голицына Е. И. 62-63
Голицына М. А. 246-247
Голицына Н. П. 62, **219**
Гомер 217, 218
Гончаров Д. Н. 288, **290-291**, 302
Гончаров И. А. 144, 150, 312
Гончаров Н. А. 40, **141**
Гончарова А. Н. 43, 55
Гончарова Е. Н. 129, 270, 292, **291-292**,
Гончарова Н. И. 22, 30, 40, 89, 102, **141-142**, 145, 292
Гончаровы 178
Горчаков А. М. 43-44, 46, 61, 108, 303, 304, 307
Горчаков В. П. 67, 68
Графиня 91
Грачев Г. 144
Гребенка Е. П. 219,
Грёз Ж. Б. 153
Грей Т. 225
Гретхен 244, 245
Греч Н. И. 31, 41, 58, 59, **63-64**, 127, 208, 258, 260, 299
Грибоедов А. С. 8, 20, 57, **192-193**, 194, 198, , 236, 246, 290
Григорьев Ап. 66, 120
Грот Я. К. 45, 76, 131
Губер Э. И. 292-293
Гуковский Г. А. 148
Гундризер Р. 262
Гурьев А. Д. 68
Давид 22, 23, 275, 276
Давыдов А. Л. 219
Давыдов В. Д. 219, 220
Давыдов В. Л. 197, 275
Давыдов Д. В. 16, 18, **44-45**, 184, 219, 263
Давыдова А. А. 219-220
Даль В. И. 49, **142-143**
Данзас К. К. 58
Данте 101, 210
Дантес Ж. 9, 21, 27, 28, 39, 55, 89, 111, 119, 129, 139, 157, 163, 164, 174, 202, 213, 214, **220-221**, 233, 236, 251, 270, 291, 292, 309
Даргомыжский А. С. 221
Д'Аршиак О. 78
Дау (Daw) Дж. 119, **221**
Дашков Д. В. 193, 253
Делинь Ш.-Ж. 293

Дельвиг А. А. 25, 26, 29, 36, 46, 52, 54, 58, **64-66**, 74, 76, 80, 81, 85, 107, 110, 114, 116, 131, 132, 184, 190, 191, 206, 208, 216, 221-223, 227, 241, 243, 244, 248, 254, 255, 258, 262, 278, 288, 294-297, 305, 309, 310
Дельвиг А. И. 203, 222
Дельвиг С. М. 48, 190, 191, 208, **221-223**, 246
Дельфира **48**
Денисевич 118
Державин Г. Р. 4, 26, **45-47**, 61, 65, 66, 89, 125, 169, 180, 185, 201, 293
Димитрий 196
Димитрий, царевич 270
Диоген 200, 204
Дмитриев И. И. 17, 18, 28, 53, 83, 84, **89-91**, 125, 168-170, 218, 271, 275, 306
Дмитриев М. А. 17-18, 52, 78, 143, 273, 280
Дмитриев-Мамонов Э. А. 99, 151, 251, 271
Добрыня 85
Добчинский 160
Долгорукий И. А. 202
Долгорукий Я. Ф. 165, 299
Долгоруков И. М. 165
Долгоруков П. В. 21, **194**
Долгоруков П. И. 165, 195
Долгорукова Е. А. 141
Доменикино Цампиери 94
Дона Анна 88
Дондуков-Корсаков М. А. 105, 106
Достоевский Ф. М. 224
Дубельт Л. В. 30, 209
Дубельт М. Л. 30
Дуров В. А. 223-224, 230
Дурова Н. А. 223
Дядя Онегина 44
Егоров А. Е. 46
Екатерина I 22, 27
Екатерина II 4, 31, 46, 123, 153, 154, 194, 234, 274, 276, 288, **293-294**
Екатерина Алексеевна, царевна 23
Елена Павловна, жена Михаила Павловича 194-195
Елена Павловна, сестра Николая I 149
Елизавета Алексеевна, императрица 141, **224-225**
Елизавета Петровна, императрица 27
Еон д', шевалье 91
Ермак 86
Ермолов А. П. 18-19, 51
Ершов П. П. 239, **247**, 250
Есенин С. А. 116, 216
Жандр А. А. 192
Железная Маска 91
Жерар Ф. 70
Жихарев С. П. 217
Жубер Ж. 297
Жуковский В. А. 28, 29, 36, 38, 50, 52, 64, 70, 85, 101, 103, 104, 119, 123, 126, 136, 148, 161, 167, 169, 170, 177, 183, 184, 193, 194, 203, 208, 214, **225-227**, 229, 240-242, 244, 251, 253, 260, 262, 272, 273, 277, 282, 289, 292, 297, 301, 303, 304, 307, 314
Завадовская Е. М. 165-166
Завадовский А. П. 92
Завалишин Д. И. 47-48
Загоскин М. Н. 23, 58, **66-67**
Загряжская Е. И. 269-270
Загряжская Н. К. 91, 210
Закревская А. Ф. 77, 96, 130, 166
Закревский А. А. 110
Занд К. 81, 178, 262
Зарема 193
Зарецкий 236
Захаров П. З. 135
Званцов С. П. 58
Зубков В. П. 19, 310
Зубкова А. Ф. 19
Зубов А. Н. 247
Зубова А. А. 247
Иванов И. А. 176, 180
Ивелич Е. М. 48
Изабэ И. 163
Измайлов А. Е. 31, 208, 235, **294-296,** 301
Измайлов В. В. 296
Изора 146
Иисус Христос 24, 63, 178, 219, 254, 255
Илличевский А. Д. 239, **247-249**, 301
Илюшин А. А. 22
Импровизатор 7
Инзов И. И. 108, 165, 169, 182, 183,**195-197**, 202, 228, 279
Иоанн 86
Иордан Ф. И. 198
Иосиф 165
Ипсиланти А. К. 197-198
Истомина А. И. 121, **198-199**
Ишимова А. О. 144, 147, **199**, 205
Йорик 28
Каверин П. П. 84, **91-93**
Калашников 90
Калашников М. И. 61

Калибан 102
Калмычка 24
Каподистрия И. А. 169, 195, 196, **227-228**
Карамзин Андрей Н. 249
Карамзин Н. М. 8, 28, 63, 89, 95, 118, 125, 157, **166-170**, 171, 172, 200, 220, 225, 227, 276, 282, 283, 313
Карамзина Е. А. 170-171
Карамзина С. Н. 100, 239, **249**
Карамзины 55, 194, 254, 258
Каратыгин В. А. 228, 229
Карделли С. 123
Карелина А. Н. 222
Карл XII 25, 31, 120
Каталани А. 162, **297**
Катенин П. А. 20, 78, 112, 137, 148, 184, 192, **199-201**, 204, 206, 228, 256, 267, 298, 307, 314, 315
Каховский П. Г. 119
Каченовский М. Т. 17, 59, 134, **143-144**, 218
Керн А. П. 96, 97, 98, 116, 190, 203, 207, 223, 240, **249-251**, 252, 273, 308, 315
Кикин П. А. 80
Кипренский О. А. 79, 104, 129, 152, 172, 175, 212, 217, 227, 231, 232, 240, 261, **270**, 301, 313
Киреевский И. В. 49, 79, 150, 241, 244, 250, **270-271**
Киреевский П. В. 118, 239, **250-251**, 270
Кирхгоф 220
Киселев Н. Д. 234, 253
Киселев П. Д. 68, **201-202**
Киселев С. Д. 106, 237
Китаева А. К. 48
Клеопатра 96, 166
Клитемнестра 152
Княжнин Я. Б. 294
Козлов И. И. 128, 266, **297-298**
Козлов Н. 147
Колосова А. М. 192, **228-229**
Кольони 103
Кольцов А. В. 116-117
Комовский С. Д. 48
Константин Павлович, вел кн. 108, 232, **298-299**
Коншин Н. М. 256, 257
Коперник Н. 5
Коркунов М. А. 134
Корнелий Непот 254
Корнель П. 199
Корнилович А. О. 58
Корнуолл Барри 135, 141, **144-147**, 199, 205
Корреджио 86
Корф М. А. 39, 50, 84, **93-94**, 117, 131
Коссаковская А. И. 147,
Коцебу А. 177
Кочубеи 91
Кочубей 126
Кочубей В. П. 80, 117, **147-148**
Кочубей М. В. 148
Кочубей Н. В. 22, 110, **117**, 147, 210
Кошанский Н. Ф. 44, 247
Краевский А. А. 72, 106, 117, **229**
Красовский А. И. 55, 194, 274, 278
Кривцов Н. И. 145, 214, **229-231**, 237
Крихубер 164
Крылов А. Л. 83
Крылов И. А. 64, 90, 91, 148, **231-232**
Крюгер Ф. 32, 139
Кукольник Н. В. 84, **94-95**, 206, 314
Куликов Н. 15
Кутузов М. И. 129, 130
Кюгельхен Г. 149
Кюльтюр А. Галле де 87
Кюстин де А. 38
Кюхельбекер В. К. 8, **19-21**, 35, 61, 72, 94, 108, 167, 169, 294, 309
Кюхельбекеры 47
Лаваль А. Г. 147
Лагарп Ж.-Ф. 289
Лагрене А.-Ф. 77, 115
Лажечников И. И. 118
Лаиса 121
Лалла Рук 38
Ламберт У. М. 48-49
Ламберт У. М. 48-49
Лампи И.-Б. 298
Лангер В. П. 42
Ланской П. П. 30, 101
Ланфранко 94
Лара 53
Ларина Прасковья 293, 294
Ларина Татьяна 22, 59, 72, 146, 206, 305
Лафонтен 90, 261
Ленин В. И. 262
Ленский 114, 283
Ленц В. Ф. 72
Леонардо да Винчи 272
Лермонтов М. Ю. 41, 53, 111, 125, 213, 233
Лернер Н. О. 112
Лефорт 25

Лжедмитрии 91
Лжедмитрий 31
Липранди И. П. 12, 51, 57, 58, **67-68**, 202, 279
Лисенков И. Т. 258
Литта Ю. П. 105, **271-272**
Лобанов М. Е. 134, **148-149**, 200
Лобанов-Ростовский А. Я. 97
Ловелас 190
Ломоносов М. В. 89
Лосина Лиза 97
Лоуренс Т. 87
Лубяновский Ф. П. 31, 84
Лувель 262
Лунин М. С. 202, 249
Людвиг 77
Людовик XVI 70
Люценко Е. П. 178, 235
Магланович И. 118
Мазер К.-П. 173
Макаров И. К. 30, 101
Макбет 72
Максимович М. А. 154, 203
Малиновский И. В. 108, 241, 312
Мальцов И. С. 57
Маргарита 245
Мария (Бахч. фонтан) 159, 248
Мария Федоровна 149
Марков-Виноградский А. В. 250
Мартен Э. 208
Марфа Матвеевна, царица 26
Матюшин И. И. 52
Матюшкин Ф. Ф. 49, 108, 132
Машков В. И. 18, 57, 192
Мельгунов Н. А. 152
Мельпомена 112, 228
Мерзляков А. Ф. 152, **272-273**
Мериме П. 102, **118**
Местр Ксавье де 54
Меттерних К. 228
Меттерних, княгиня 21
Мефистофель 57, 70, 72, 221, 244, 245
Мещерская Ек. Н. 110, **118-119**
Мещерская М. И. 119
Мещерский 284
Милорадович М. А. 16, 60, 110, **119**, 198
Миронов, капитан 47
Миронова Маша 294
Митрофан 300
Михаил Архангел 70
Михаил Павлович, вел. кн. 60, 91, 194, **232-233**
Михайловский-Данилевский А. И. 83
Мицкевич Адам 102, 112, 116, 118, **202-205**, 206
Мнишек М. 302
Мойер И. Ф. 226, **273**
Мойер М. А. 226, 273
Молинари А. 167
Молчанов П. С. 36
Мольер Ж.-Б. 28
Монс В. 27
Монтень М. 18
Моравский Ст. 203
Мордвинов И. Н. 68
Мордвинов Н. С. 299-300,
Мордвинова Н. Н.
Моцарт В. А. 95, 201, 205
Мошарский 90
Муза 91, 120, 188, 257
Мур Т. 38
Муравьев (Карский) Н. Н. 68-69, 300
Муравьев А. Н. 52, 68, **300-301**
Муравьев Н. М. 157, 168, **171-172**
Муравьев-Апостол С. И. 51
Мурлыкин Трифон Фалелеич 9
Мусина-Пушкина Э. К. 233
Мусин-Пушкин В. А. 290
Муханов Н. А. 104, 160
Мюнере 162
Мятлев И. П. 234, 237
Набоков В. В. 267, 288
Надеждин Н. И. 98, 99, **119-121**, 280
Наполеон 24, 42, 56, 57, **69-71**, 79
Нартов А. К. 26
Нарышкин Д. Л. 21, 272
Нассауский Н. -В. 30
Наталья Алексеевна, внучка Петра I 22
Наталья Алексеевна, сестра Петра I 22
Наталья Кирилловна, царица 22
Наталья Павловна 22
Наталья Петровна-1, дочь Петра I 22
Наталья Петровна-2, дочь Петра I 22
Наташа 22
Наташа, горничная кн. Волконской 108
Наумов Д. М. 284
Нащокин П. В. 13, 24, 26, 27, 29, 38, 39, 43, 47, 59, 62, 78, 91, 98, 99, 142, 157, 158, **172-174**, 235, 241, 267, 269
Нащокина В. А. 173
Некрасов Н. А. 188, 189

Нелединский-Мелецкий Ю. А. 95-96
Нептун 128
Нессельроде К. (К.-Р.) В. 13, 14, **174-175**, 228, 282, 289
Нессельроде М. Д. 21
Нессельроде М. Д. 9, **21**, 174, 175
Нестор 253
Никитенко А. В. 270, **273-274**, 280
Николай I 20, 35, 37, 38, 39, 40, 41, **49-50**, 60, 69, 77, 87, 108, 147, 149, 160, 164, 193, 224, 232, 252, 304, 313
Николя 145
Никон 313
Новиков Н. И. 294
Новосильцева 102, 148
Обломов 262
Оболенский А. П. 95
Овидий 68, 250, 263
Овошникова Е. И. 246
Одоевский А. И. 126
Одоевский В. Ф. 15, 47, 57, 58, 59, 63, **71-73**, 75, 229, 246, 249, 271
Озеров В. А. 152, 315
Олег 167
Оленин А. Н. 96, 157, **175-176**, 231, 254, 300, 301
Оленина 48
Оленина А. А. 96-98, 231, 284, 301
Оленина Е. М. 301
Оленины 96, 152, 175, 301
Ольга 245
Ольдекоп Е. И. 83, 260
Ольхин Н. А. 82
Онегин Евгений 32, 44, 60, 71, 92, 114, 206
Оранский Вильгельм 95, 149, 189
Орлов А. А. 87
Орлов А. Ф. 111, **121**, 198, 274
Орлов Г. Г. 293, 294
Орлов М. Ф. 67, **274-277**, 279, 301, 302
Орлов П. И. 249
Орлов П. Ф. 97
Орлов Ф. Ф. 68
Орлова Ек. Н. 275, **301-302**
Орловский А. О. 86, 183, 308
Орловы 276
Осипов 90
Осипова М. И. 73-74, 140
Осипова П. А. 72, 111, **121-122**, 130, 139, 189, 191, 244, 249, 304
Осокин К. С. 161
Островский 173
Отелло 161
Отрепьев Григорий 103, 169, 210, 270
Охотников 141
Павел I 95, 149, 232
Павлищев Н. И. 206, 221, 266, 288, **302**
Павлищева О. С. 29, 30, 54, 102, 121, 147, **205-206**, 221-223, 233, 247, 266, 269, 278, 302, 305
Павлов Н. Ф. 98-99
Панаев В. И. 149-150
Панаев И. И. 120
Панин 131
Панин В. А. 310, 311
Парни Э. 95, 242, 253
Паскаль Б. 33
Паскевич И. Ф. 302-303, 309
Паткуль 25
Пентефреиха 130
Перовский А. А. 251
Перовский В. А. 12, **251**, 253
Пестель П. И. 50-51
Петр I 5, 10, **21-28**, 31, 56, 58, 61, 72, 94, 105, 126, 136, 139, 151, 170, 293, 301, 313
Петр, апостол 70, 85
Петрарка Ф. 207, 255
Петров Обросим 26
Печорин 92
Пещуров А. Н. 44, **303-304**
Пимен 103, 169, 210
Пина 220
Пиндар 169
Писарев Д. И. 111
Питт У. 69
Плаксин В. Т. 277
Плетнев П. А. 11, 26, 36, 45, 50, 51, 58, 64, 65, **74-76**, 79-81, 107, 145, 152, 154, 170, 173, 184, 195, 235, 242, 243, 252, 253, 254, 256, 258, 273, 274, 298, 307, 308, 309
Плюскова Н. Я. 225
Погодин М. П. 27, 47, 49, 67, 102, 104, 112, 113, 116, 121, 134, **150-151**, 152, 203, 204, 214, 289, 313, 314
Подолинский А. И. 51-52
Покровский А. 72
Полевой Кс. А. 31, **76-77**, 125, 203, 312
Полевой Н. А. 42, 49, 51, **52-54**, 76, 86, 102, 113, 131, 138, 153, 168, 169, 202, 241, 246, 282, 289, 306, 312, 313
Полевые 102
Полезич 44
Полетика И. Г. 135, 270

Полторацкая Е. П. 190
Полторацкий А. А. 240
Полторацкий С. Д. 145, **234**
Пономарева С. Д. 150, 294, 295, 296
Пракситель 138
Приклонский П. Н. 307
Пугачев Е. И. 12, 53, 72, 131, 143, 209, 251
Путята Н. В. 77
Пушкин А. А. 43, **54**
Пушкин А. М. 9, **28**, 59, 305, 306
Пушкин В. Л. 25, 28, 29, 63, 67, 70, 145, 166, 193, 272, 278, 279, 288, 304, **304-308**, 314, 315
Пушкин Л. С. 9, 11, 15, 16, 26, 27, 28, 49, 51, 54, 55, 72, 74, 86, 90, 102, 103, 106, 123, 124, 126, 148, 150, 172, 176, 178, 183, 191, 198, 219, 242, 243, 246, 254-256, 288, 295, 297, 302, **308-310**, 315
Пушкин Н. С. 255, **277-278**
Пушкин С. Л. 9, **28-30**, 50, 72, 89, 136, 166, 169, 170, 205, 270, 278, 304, 307, 309
Пушкина А. Л. 278-279, 304, 305, 308
Пушкина М. А., дочь Пушкина А. С. **30**, 100, 141
Пушкина Н. А. 22, **30**, 139
Пушкина Н. Н. 13, 21-24, 26, 27, 29, 30, 32, 33, 39, 40, 43, 48, 50, 54, 55, 58, 65, 72, 75, 78, 84, 85, 87, 89, 91, 99, **99-101**, 102, 103, 117, 119, 128, 130, 135, 140-142, 144-147, 158-160, 164, 171, 172, 174, 176, 183, 189, 190, 194, 209, 218, 220, 229, 233, 235-237, 241, 245, 247, 251, 253, 269, 270, 272, 275, 284, 290, 295, 302, 308, 309, 314
Пушкина Н. О. 29, 30, 37, 38, 48, **54-55**, 65, 81, 93, 173, 216, 278
Пушкина О. В. 9, **30**
Пушкина О. В. 9, **30**, 278
Пушкина С. Ф. 19, 284, **310-311**
Пушкины 27, 28, 153, 193, 206, 225, 276
Пущин И. И. 19, 108, 110, 172, 224, 241, 288, **311-312**, 316
Пущин М. И. 19, 302
Пятковский А. П. 113, 114
Рабле Ф. 69
Радищев А. Н. 101, 236
Раевская Ек. Н. *см.* Орлова Ек. Н.
Раевская Ел. Н. 101
Раевская М. Н. *см.* Волконская М. Н.
Раевская С. А. 123
Раевские 123, 125, 183, 275, 283, 302
Раевский А. Н. 157, 161, 163, **176-177**, 211
Раевский В. Ф. 214, **279-281**
Раевский Н. Н. (отец) 101, 111, **122-123**, 123, 125, 176, 188, 195, 275, 301
Раевский Н. Н. (сын) 55, 69, 123, **123-124**
Разумовская М. Г. 194
Разумовский А. К. 251
Ранч С. Е. 51, **124-125**
Райт Т. 54, 139, 164
Расин Ж. 152, 200
Раскольников 280
Распопов А. П. 9
Рейхель К. 299
Рекамье 249
Репетилов 193
Ризнич А. 87, 256
Римская-Корсакова А. А. 284
Риччи М. 162
Родзянко А. Г. 223
Роза Григорьевна 315
Розен 23, 309
Розен Е. Ф. 206-207, 222, 263
Роллен 144
Романовы 232
Ромул 276
Россет Арк. О. 159, 163, 239, **251**, 252
Россет И. О. 239
Россеты 194, 239
Россини Дж. 63, 65, 161
Ростовщик 146
Ростопчин А. Ф. 208
Ростопчина Е. П. 207-208
Ротшильд 224, 234
Рудыковский Е. П. 125-126
Руслан 275
Руссо Ж.-Ж. 19, 253
Рылеев К. Ф. 47, 111, **126**, 138, 234, 273, 288, 299, 311
Рыцарь бедный 33, 127
Рюрик 276
Сабуров Я. И. 247
Салтыкова 159
Салтыков-Щедрин М. Е. 117
Сальери А. 95, 112, 146, 201
Самсон 85
Санковский П. С. 138
Сапожников А. 235
Сапун 222
Саул 275
Сахаров И. П. 83
Светлана 205
Светоний 254
Свиньин П. П. 9, **31**

Святополк-Четвертинская М. А. 21
Святослав 85
Семенов В. Н. 63
Семенова Е. С. 106, 148, **151-152**, 186, 200, 217, 219
Сен-Даниэль 62
Сен-Жермен 62
Сенковский О. И. 104, 178, 235, **280-281**
Сен-При (St.-Priest) Э. К. 96, 272
Сидни Ф. 4
Сильвио 57, 68
Скалозуб 97
Скино А. 202
Скотт В. 101
Смирдин А. Ф. 63, 148, 152, 158, **234-236**
Смирнов Н. М. 32
Смирнова А. О. 32, 49, 93, 234, 239, 240, 251, **252-253**, 284
Снегирев И. М. 185, **312-313**
Собаньска К. 96
Соболевский С. А. 23, 48, **101-103**, 113, 114, 118, 131, 153, 172, 220, 234, 237, 241, 268, 270, 281, 301, 302, 308, 312
Соколов П. П. 212, 304
Соколов П. Ф. 106, 117, 202, 209, 215, 282
Соллогуб В. А. 62, **78**, 217, 233
Соллогуб Л. А. 9
Соловьев С. А. 117
Соловьев С. М. 103, 150, 152
Соломирский В. Д. 102
Соломон 8
Сомов О. М. 67, **208-209**, 222
Сонцов 304
Сонцова Е. Л. 278
Сперанский М. М. 103, 117, 182, **209-210**
Степанов Н. А. 259
Стороженко А. Я. 87
Строганов А. Г. 117, **210**, 236
Строганов Г. А. 210, **236**
Строганова Ю. П. 84, 236
Стройновская Е. А. 246
Стурдза А. С. 177-178, 228
Суворов А. В. 80, 246, 298, 303
Сумароков А. П. 261
Сунгуров 259
Сухово-Кобылина Е. В. 98
Тайхель А. 95
Тассо Т. 125, 207
Телешова Е. А. 198
Теребенев М. 15
Тибулл 95
Тимашева Е. А. 58
Тимковский И. О. 55
Тит Ливий 276
Титов В. П. 253-254
Титов Н. С. 266
Толстой Л. Н. 30, 61, 71, 236, 274
Толстой Ф. И. 28, 102, 178, 214, **236-237**, 315
Толстой Ф. П. 254-255, 277, 290
Толстой Я. Н. 166, 218
Толченов 112
Тома А.-Л. 96
Томашевский Б. В. 168
Томсон 225
Тредьяковский В. К. 80, 118, 144, 217
Тропинин В. А. 53, 102, 152, **281-282**
Трубецкой А. В. 43, **55**
Трунов Д. 199
Туманский А. И. 256
Туманский В. И. 14, 19, 52, 150, **255-257**
Тургенев А. И. 11, 13, 31, 33, 60, 61, 63, 86, 127, 128, 145, 170, 178, 211, 230, 232, 257, 258, 261, 265, **282-283**, 289, 306
Тургенев И. С. 74
Тургенев Н. И. 33, 92, 105, **127-128**, 168, 282, 304
Тургенев С. И. 92, 127
Тургеневы 92
Тыранов А. 75
Тютчев Ф. И. 253, 268, 282
Уваров С. С. 103-106, 117, 144, 193, 274
Уварова Е. С. 202
Уитмен У. 8, 33
Улыбышев А. Д. 12
Урусов П. А. 9
Урусовы 284
Устрялов Н. Г. 86, **313**
Уткин Н. И. 152, 270, 293, 303, **313-314**
Ухтомский А. 18
Ушаков В. А. 193
Ушаков Н. И. 303
Ушакова Ек. Ник. 96, 106, **283-285**
Ушакова Ел. Н. 18, 97, **106**, 142, 192, 277, 283
Ушаковы 283, 284
Фальстаф 102, 103
Фамусов 66
Фарлаф 167
Фауст 244
Федоров Б. М. 257-259
Федоров Н. Б. 258

Фельтен 26
Феодор Алексеевич, царь 26
Фидиас 170
Фикельмон Д. Ф. 111, **128-129**, 131, 233
Фикельмон Ш.-Л. 128, 129
Филарет (Дроздов В. М.) 210-211
Филимонов В. С. 259-260
Фильд Дж. 234
Флобер Г. 288
Фок М. Я. фон 103, 177, 258, **285**,
Фонвизин Д. И. 10, 46, 193
Фотий 199
Фридрих К. Д. 297
Фризенгоф Н. И. 29, 100, 122, 140
Фролова-Багреева Е. М. 117, 209, 210
Фукс А. А. 150
Фуше Ж. 56
Хвостов Д. И 26, 69, **78-81**, 126, 148, 215, 218, 234, 248, 257
Хвостова А. П. 164
Хелмицкий 279
Херасков М. М. 167
Хитрово Е. М. 111, 122, 128, **129-131**, 184, 197, 211, 232, 307
Хлестаков 31, 67, 206, 252
Хлюстин С. С. 178
Хмельницкий Б. 126
Хмельницкий Н. И. 106-107, 152
Ходасевич В. Ф. 7, 47
Хозрев-Мирза 166
Хомяков А. С. 114, 115, 116, 202, 206, **314**
Хомяков Ф. С. 115
Храповицкий А. В. 31
Хрипков А. Д. 262
Цветаева М. И. 21, 50, 111, 112
Цыганы 24
Чаадаев Петр Яковлевич 8, 20, 23, **32-35**, 67, 151, 260, 268, 275, 293
Чацкий 193
Чернецов Г. Г. 58, **178-179**
Чернецов Н. Г. 57
Черномор 275
Чернышева Н. Г. 291
Чернышева-Кругликова С. Г. 291
Чернышев-Кругликов И. Г. 84
Ческий И. В. 293
Чечурин А. П. 97
Чичерина В. В. 278
Шаде Н. 190
Шакловитый (Щегловитый) 26
Шаликов П. И. 78, 125, 255
Шалон 166
Шаховской А. А. 112, 186, 193, 228, 236, 260, **314-315**
Шевченко Т. Г. 159
Шевырев С. П. 99, 112, 151, **152-153**, 204, 242, 273, 281
Шекспир У. 52, 72, 145, 150, 151, 162, 177, 223
Шеллинг Ф. В. 253, 271
Шенинг 140
Шенье А. 256, 257
Шереметев В. А. 84
Шереметев В. В. 92
Шереметев Д. Н. 105
Шернваль А К. 233
Шешковский 294
Шиллер Ф. 225
Ширинский-Шихматов С. А. 20, 260
Шишков А. А. 5, 24, 105
Шишков А. С. 20, 95, 165, **260-261**
Шлегель Ф. 27
Шлезингер К. 222
Шмеллер Я. Ж. 203
Шребер Л. Л. 316
Штиглиц А. Л. 7
Шуман Р. 139
Щеголев П. Е. 104
Щедрицкий 80
Щербаков В. Ф. 19
Эйдельман Н. Я. 61
Эйлер Л. 247
Энгельгардт В. В. 198
Энгельгардт Е. А. 9, 84, 94, **107-108**, 132, 195
Эргот К. 193
Эристов Д. А. 132
Эстеррейх Е. 63
Юзефович М. В. 55
Юродивый 258
Юсупов Н. Б. 26, 52, 79, **153-154**, 173
Яго 161, 176
Языков А. М. 131, 262, 314
Языков Н. М. 90, 131, 184, 190, 251, 252, 259, **262-263**
Языков П. М. 131, 262
Языкова Е. М. 314
Языковы 131
Яковлев М. Л. 26, 49, 75, 116, **131-132**, 247, 294
Яковлев Н. В. 144
Яковлев П. Л. 20, 65, 294
Яковлева А. Р. 4, 278, 287, 293, 311, **315-316**

Якубович А. И. 194
Якушкин 189
Якушкин И. Д. 211
Andrieux 309
Bowles 145
Milman 145
Mornay 130
Talon 92
Vigny A. 67
Wilson 145

Указатель произведений Пушкина

А в ненастные дни собирались они... 234
А шутку не могу придумать я другую... 237
Акафист Екатерине Николаевне Карамзиной 118
Алексееву 244
Ангел 10, 53, 210
Андрей Шенье 115, 124, 175, 209, 300
Аптеку позабудь ты для венков лавровых... 125
Арап Петра Великого 22, 58, 72, 170
Арион 308
Баратынский (наброски статьи) 241, 242, 243
Батюшкову (В пещерах Геликона...) 10, 66, 167, 280
Бахчисарайский фонтан 52, 72, 86, 124, 125, 159, 160, 168, 177, 188, 194, 225, 239, 255, 260, 263, 278, 283, 289, 298, 301, 315
Бесы 34, 120, 261
Близ мест, где царствует Венеция златая... 257
Бова 23, 70, 168
Борис Годунов 43, 44, 53, 69, 72, 75, 83, 91, 103, 113, 120, 124, 131, 147, 148, 151, 152, 160, 162, 169, 170, 177, 200, 207, 210, 229, 258, 270, 277, 314
Бородинская годовщина 205, 303
Братья разбойники 102
Брожу ли я вдоль улиц шумных... 181, 220
В Академии наук заседает князь Дундук... 106
В альбом (Пройдет любовь, умрут желанья...) 247
В альбом А. Д. Абамелек 266
В альбом А. О. Смирновой (В тревоге пестрой и бесплодной...) 93, 252, 253
В альбом Илличевскому (Мой друг, не славный я поэт...) 248
В альбом Пущину 312
В дороге 98
В жизни мрачной и презренной... 237
В начале жизни школу помню я... 35, 166
В прохладе сладостной фонтанов... 204
В степи мирской, печальной и безбрежной... 239, 249
В. Л. Давыдову 275
В. Л. Пушкину 264
В. С. Филимонову, при получении поэмы его «Дурацкий колпак» 259
Везувий зев открыл... 159
Вкруг я Стурдзы хожу... 177
Вновь я посетил... 311
Во глубине сибирских руд... 163, 299
Воды глубокие... 238, 252
Вольность 70, 92, 123, 127, 228, 234, 282
Воображаемый разговор с Александром I 86, 163, 196
Воспоминание 10
Воспоминания в Царском Селе 46
Вот Хвостовой покровитель... 164
Все в ней гармония, все диво... 166
Все кончено: меж нами связи нет... 88
Все пленяет нас в Эсфири... 228
Всеволожскому (Прости, счастливый сын пиров...) 246
Второе послание цензору 164, 165, 261
Вы избалованы природой... 97, 106, 125
Выстрел 58, 68, 237
Гавриилиада 48, 165, 211
Герой 10, 79, 82, 233, 277, 307
Городок 90
Граф Нулин 22, 120, 182, 194, 278, 313
Гроб юноши 80
Гробовщик 59
Гусар 236, 290
Д. В. Давыдову (Тебе певцу, тебе герою...) 45
Дар напрасный, дар случайный... 211
Два ворона 125, 139
Два чувства дивно близки нам... 33
Дева 99
19 октября 1825 9, 19, 25, 37, 43, 44, 49,

185, 241
Дельвигу (Мы рождены, мой брат названый...) 5, 25, 64
Демон 53, 57, 72, 177, 227
Деревня 185, 234
Дневник 18, 51, 80, 105, 147, 161, 193, 197, 210, 243, 274, 285, 313
Домик в Коломне 13, 120, 146, 246
Домовому 13
Дорида 300
Дорожные жалобы 23, 41, 267-268
Друзьям 196, 201
Дубровский 174, 232
Душа моя Павел... 14
Дяде, назвавшему сочинителя братом 305, 314
Евгений Онегин 10, 14, 15, 17, 19, 23, 24, 30, 32, 38, 43, 45, 47, 51, 53, 58-60, 70-72, 75, 76, 84, 87-89, 91-94, 96-98, 100, 102, 104, 106, 112-114, 116, 117, 120, 124, 125, 127, 130, 136, 137-139, 145, 146, 152, 153, 157, 158, 161, 166, 171, 174, 176, 182, 184, 187, 188, 197-199, 207, 210, 211, 215, 225, 236, 244, 245, 254, 256-258, 260, 261, 263, 269, 277, 278, 283, 287, 293, 294, 296, 297, 300, 305, 306, 315
Египетские ночи 138, 181, 254, 297
Ее глаза 96
Ек. Н. Ушаковой (В отдалении от вас...) 284
Желание славы 10, 88, 291
Жил на свете рыцарь бедный... 10
Заметки по русской истории XVIII века 56
Записка к Жуковскому (Раевский, молоденец прежний...) 123
Зачем ты послан был, и кто тебя послал? 70
Зимнее утро 16
Зимний вечер 131
Зорю бьют... из рук моих... 101
И. И. Пущину (Мой первый друг, мой друг бесценный...) 311, 312
И. И. Пущину 9
Из Анакреона 158
Из Пиндемонти 10, 34, 280
Из письма к А. Н. Вульфу (Дни любви посвящены...) 64
Из письма к В. Л. Пушкину (Тебе, о Нестор Арзамаса...) 306
Из письма к Вяземскому, сент. 1824 305
Из письма к Гнедичу (В стране, где Юлией венчанный....) 217
Из письма к кн. П. А. Вяземскому (Любезный Вяземский, поэт и камергер...) 307
Из письма к Соболевскому (У Гальяни иль Кольони...) 103, 268
Из письма к Я.Н. Толстому 196
Измены (Все миновалось...) 117
Иной имел мою Аглаю... 219
История Петра 5, 10, 22, 27, 94, 301
История Пугачева 47, 77, 105, 131, 132, 136, 143, 144, 150, 209, 251, 283
К *** 99
К А. П. Керн 249, 250, 273
К Батюшкову 10
К бюсту завоевателя 184
К вельможе 133, 135, 153, 154
К Вяземскому (Так море, древний душегубец...) 128
К Дельвигу (Послушай, муз невинных...) 17
К Дельвигу 305
К другу стихотворцу 89, 182, 296
К Е. Н. Вульф (Вот, Зина, вам совет: играйте...) 139
К живописцу 247-248
К Жуковскому 47
К Каверину 92, 93
К морю 88, 98, 99
К Н. Я. Плюсковой 224, 225
К Наталье 22
К Наташе 22
К Овидию 68, 196, 198
К портрету Жуковского 227
К портрету Каверина 92
К Пущину (Любезный именинник...) 311
К Пущину (Помнишь ли, мой брат по чаше...) 311
К Родзянке 223
К сестре 205
К Языкову (Издревле сладостный союз...) 263
Кавказский пленник 17, 18, 124, 125, 150, 168, 198, 217, 218, 260, 273, 290, 294
Как в ненастные дни... 62
Каков я прежде был, таков и ныне я 10, 48
Каменный гость 36, 146, 158, 221
Капитанская дочка 64, 112, 294
Кипренскому 12, 81, 137, 207, 270
Кирджали 197

Клеветникам России 104, 268, 290
Кн. Голицыной, посылая ей оду «Вольность» 63
Кн. М. А. Голицыной (Давно об ней воспоминанье...) 246
Княгине З. А. Волконской 162, 257, 297
Князю А. М. Горчакову 46, 307
Кобылица молодая... 97
Когда сожмешь ты снова руку... 230
Козлову (Певец! когда перед тобой...) 297
Коль ты к Смирдину войдешь... 235
Комедия об игроке 112
Краев чужих неопытный любитель... 63
Кто видел край... 196
Кто мне пришлет ее портрет... 228
Кто на снегах возрастил... 206
Л. С. Пушкину (Брат милый, отроком расстался ты со мной...) 286, 310
Лицейский дневник 240
Лук звенит, стрела трепещет... 300
Любезный Вяземский, поэт и камергер... 60
Мадона 99, 166, 170, 190
Маленькие трагедии 146
Маленький лжец 31
Мартышка 90
Медный всадник 61, 72, 78, 166, 170, 179, 260
Мне жаль великия жены... 293
Моему Аристарху 36
Мои замечания об русском театре 112, 148, 151, 186, 200, 201, 217, 228
Мои мысли о Шаховском 314
Мой друг, уже три дня... 195
Монах 44
Мордвинову 299
Моцарт и Сальери 10, 25, 37, 53, 82, 91, 95, 112, 134, 146, 172, 194, 201, 265
Моя родословная 21, 276, 277
Муза 125
Мы проводили вечер на даче 129
На взятие Варшавы 48, 49
На возвращение государя императора из Парижа в 1815 году 184
На Воронцова 199
На выздоровление Лукулла 105, 229
На Гнедича 218, 296
На гр. М. С. Воронцова 13
На Карамзина (В его «Истории» изящность, простота...) 167
Надеждой сладостной младенчески дыша... 196
Надеясь на мое презренье... 120
Наперсница волшебной старины 216, 217
Наполеон 71, 79
Наполеон на Эльбе 70, 71
Начало автобиографии 30, 216
Не дай мне Бог сойти с ума 8, 12, 100, 141, 147, 162, 216
Не пугай нас, милый друг... 229
Не тем горжусь я, мой певец... 280
Недвижный страж дремал на царственном пороге... 70, 96, 184
Ненастный день потух 88
Нет, я не дорожу мятежным наслажденьем... 100, 101, 112, 165
Но ты забудь меня, мой друг... 191
Ноэль на лейб-гусарский полк 92
О бедность, затвердил я наконец... 147
О дева-роза, я в оковах... 196
О народном воспитании 128
О, ты надежда нашей сцены... 228
Ода его сият. гр. Дм. Ив. Хвостову 215
Он между нами жил... 202, 205
Орлов с Истоминой в постеле... 121, 198
Орлову (О ты, который сочетал...) 109, 113, 121
Орлову 201
Осень 55, 79
Оставя честь судьбе на произвол... 220
Ответ (Я вас узнал, о мой оракул...) 284
Ответ Катенину 201
Ответ на вызов написать стихи 16
Ответ Ф. Т. (Нет, не черкешенка она...) 310
Отрывки из литературных летописей 42
П. А. Осиповой (Быть может, уж недолго мне...) 122
Памятник 25, 93, 185
Певец-Давид был ростом мал... 275
Перед гробницею святой... 52
Песни западных славян 23, 118
Песнь о вещем Олеге 125, 167, 290
Песня цыганочки (Колокольчики звенят...) 139
Пиковая дама 57, 58, 62, 72, 91, 219, 281, 290
Пир во время чумы 28, 65
Пир Петра Первого 25, 83
Пирующие студенты 131, 247, 311
План автобиографии 193
Повести Белкина 53, 103, 120, 235, 263
Погасло дневное светило... 162

Под каким созвездием... 5
Под небом голубым страны своей родной... 256, 257
Подражания Корану 122
Подруга дней моих суровых... 316
Подъезжая под Ижоры... 244
Поедем, я готов... 267
Полководец 194, 221
Полтава 96, 120, 136, 139, 219,
Полюбуйтесь же вы, дети... 62
Портрет 166, 209, 298
Послание к В., сочинителю сатиры на игроков 187
Послание к Чаадаеву (В стране, где я забыл тревоги прежних лет...) 260
Послание цензору 101, 185
Послание Энгельгардту 181
Послушайте: я сказку вам начну... 167, 168
Поэт 202
Поэту 33, 66
Предчувствие 96
Признание 94, 131, 190
Приметы 269
Приятелям (Враги мои, покамест я ни слова...) 295
Программа автобиографии 224, 277
Прозаик и поэт 155, 156
Прозерпина 65, 227
Проклятый город Кишинев... 161
Пророк 114, 290
Прощание 215
Птичка 195
Путешествие в Арзрум 18, 24, 55, 69, 192, 303
Путешествие из Москвы в Петербург 266
Пью за здравие Мери... 158
Разговор книгопродавца с поэтом 188
Раззевавшись от обедни... 13
Разлука (Когда пробил последний счастью час...) 240
Разлука 19
Редеет облаков летучая гряда... 301-302
Роза 233
Роман в письмах 272
Рославлев 67
Российская академия 154
Румяный критик мой... 138
Русалка 13, 99, 100, 130, 221
Руслан и Людмила 25, 48, 55, 58, 64, 79, 84-86, 90, 95, 102, 125, 166, 168, 175, 176, 183, 185, 198, 209, 218, 231, 255, 275, 277, 290, 294, 313, 315
Русскому Геснеру 150
С Гомером долго ты беседовал один... 218
С тобой мне вновь считаться довелось... 186-187
С тобою в спор я не вступаю... 218
Сабуров, ты оклеветал... 247
Сапожник 120
Свободы сеятель пустынный 24, 178, 198
Сказка о золотом петушке 247, 274
Сказка о мертвой царевне... 4
Сказка о рыбаке и рыбке 143, 240, 267
Сказка о царе Салтане 290
Сказки No ёl 184
Скупой рыцарь 29, 30, 80, 94, 112, 146, 300
Слеза 131
Слышу умолкнувший звук божественной эллинской речи... 218
Смирдин меня в беду поверг... 235
Собранье насекомых 53, 125
Сожженное письмо 88
Сон 216
Сонет 204
Странник 297
Сцена из «Фауста» 313
Счастлив ты в прелестных дурах... 95
Талисман 266, 284
Там, где древний Кочерговский... 144
Тень Фонвизина 10, 46
Тимковский царствовал... 55
Товарищам 36
Торжество Вакха 221
Туманский, Фебу и Фемиде... 255
Тургеневу 283
Туча 103
Ты и я (Ты богат, я очень беден...) 78, 218
Ты издал дядю моего... (из письма к Плетневу, 1824) 74
Ты прав, мой друг, — напрасно я презрел... 279
Увы! зачем она блистает... 101
Увы! Язык любви болтливой... 96
Увы, напрасно деве гордой... 191
Угрюмых тройка есть певцов... 260
Уединенный домик на Васильевском 254
Узник 168, 196
Усы 78
Ф. Н. Глинке (Когда средь оргий жизни шумной...) 16
Фавн и пастушка 258

Фонтану Бахчисарайского дворца 248
Хавронжос! ругатель закоснелый... 143
Холоп венчанного солдата... 177
Художнику 66, 158
Цветок 125
Цыганы 52, 83, 102, 138, 139, 196, 227, 249, 250, 284
Чем чаще празднует лицей... 64, 65
Черная шаль 17, 139, 245
Черная шаль 275, 284
Черноокая Россетти... 253
Шишкову 95
Штабс-капитану, Гете, Грею... 225
Шутливый канон в честь Глинки 15, 139
Элегия (Безумных лет угасшее веселье...) 20, 249
Элегия (Счастлив, кто в страсти сам себе...) 170, 171
Элегия на смерть Анны Львовны 278, 308
Эпитафия младенцу 163, 188
Юношу горько рыдая ревнивая дева бранила... 221
Юрьеву 36, 146
Я был свидетелем златой твоей весны... 191
Я вас любил... 98
Я думал, сердце позабыло... 72
Dis-moi, pourquoi «l'Escamoteur »... 205
Ex ungue leonem 295
Mon portrait 11
Table-talk 91, 139, 148, 165, 223, 288,
To Dawe ... 57, 96, 221

ОГЛАВЛЕНИЕ

Вступление 4

I БЛИЗНЕЦЫ — БЛИЗНЕЦЫ
«СЕБЯ КАК В ЗЕРКАЛЕ Я ВИЖУ...» *7*

Батюшков Константин Николаевич 8
Бутурлин Михаил Петрович 12
Вельтман Александр Фомич 12
Воронцов Михаил Семенович 13
Вяземский Павел Петрович 14
Глинка Михаил Иванович 15
Глинка Федор Николаевич 15
Дмитриев Михаил Александрович 17
Ермолов Алексей Петрович 18
Зубков Василий Петрович 19
Кюхельбекер Вильгельм Карлович 19
Нарышкин Дмитрий Львович 21
Нессельроде Мария Дмитриевна 21
Петр I 21
Пушкин Алексей Михайлович 28
Пушкин Сергей Львович 28
Пушкина Мария Александровна 30
Пушкина Наталья Александровна 30
Пушкина Ольга Васильевна 30
Свиньин Павел Петрович 31
Смирнов Николай Михайлович 31
Чаадаев Петр Яковлевич 31

II БЛИЗНЕЦЫ — РАК
«ТРЕЗВЫЙ АРИСТАРХ МОИХ БАХИЧЕСКИХ ПОСЛАНИЙ» *36*

Александра Федоровна 38
Бенкендорф Александр Христофорович 39
Булгарин Фаддей Венедиктович 41
Гладкова Екатерина Ивановна 42
Глинка Сергей Николаевич 42
Гончарова Александра Николаевна 43
Горчаков Александр Михайлович 43
Давыдов Денис Васильевич 44
Державин Гаврила Романович 45
Завалишин Дмитрий Иринархович 47
Ивелич Екатерина Марковна 48
Комовский Сергей Дмитриевич 48
Ламберт Ульяна Михайловна 48
Матюшкин Федор Федорович 49
Николай I 49
Пестель Павел Иванович 50
Подолинский Андрей Иванович 51
Полевой Николай Алексеевич 52
Пушкин Александр Александрович 54
Пушкина Надежда Осиповна 54
Тимковский Иван Осипович 55
Трубецкой Александр Васильевич 55
Юзефович Михаил Владимирович 55

III БЛИЗНЕЦЫ — ЛЕВ
«А ТЫ ГЛУБОК, ИГРИВ И РАЗЕН...» *56*

Айвазовский Иван Константинович 58
Бурнашев Владимир Петрович 59
Вяземский Петр Андреевич 59
Ганнибал Петр Абрамович 61
Голицын Сергей Григорьевич 62
Голицына Евдокия Ивановна 62
Греч Николай Иванович 63
Дельвиг Антон Антонович 64
Загоскин Михаил Николаевич 66
Липранди Иван Петрович 67
Муравьев (Карский) Николай Николаевич 68
Наполеон I 69
Одоевский Владимир Федорович 71
Осипова Мария Ивановна 73
Плетнев Петр Александрович 74
Полевой Ксенофонт Алексеевич 76
Путята Николай Васильевич 77
Соллогуб Владимир Александрович 78
Хвостов Дмитрий Иванович 78

IV БЛИЗНЕЦЫ — ДЕВА
«Я ГОВОРИЛ СЕБЕ: СТРАШИСЯ ДЕВЫ МИЛОЙ» *82*

Воейков Александр Федорович 85
Воронцова Елизавета Ксаверьевна 87
Вяземская Вера Федоровна 88
Дмитриев Иван Иванович 89
Загряжская Наталья Кирилловна 91
Каверин Петр Павлович 91
Корф Модест Андреевич 93
Кукольник Нестор Васильевич 94
Нелединский-Мелецкий Юрий Александрович 95
Оленина Анна Алексеевна 96
Павлов Николай Филиппович 98
Пушкина Наталья Николаевна 99

Раевская Елена Николаевна 101
Радищев Александр Николаевич 101
Соболевский Сергей Александрович 101
Толстой Лев Николаевич 103
Уваров Сергей Семенович 103
Ушакова Елизавета Николаевна 106
Хмельницкий Николай Иванович 106
Энгельгардт Егор Антонович 107

V БЛИЗНЕЦЫ — ВЕСЫ *«О ТЫ, КОТОРЫЙ СОЧЕТАЛ...»* *109*

Аксаков Сергей Тимофеевич 112
Брянский Яков Григорьевич 112
Веневитинов Дмитрий Владимирович 112
Кольцов Алексей Васильевич 116
Кочубей Наталья Викторовна 117
Лажечников Иван Иванович 118
Мериме Проспер 118
Мещерская Екатерина Николаевна 118
Милорадович Михаил Андреевич 119
Надеждин Николай Иванович 119
Орлов Алексей Федорович 121
Осипова Прасковья Александровна 121
Раевский Николай Николаевич (отец) 122
Раевский Николай Николаевич (сын) 123
Раич Семен Егорович 124
Рудыковский Евстафий Петрович 125
Рылеев Кондратий Федорович 126
Тургенев Николай Иванович 127
Фикельмон Дарья (Долли) Федоровна 128
Хитрово Елизавета Михайловна 129
Языков Александр Михайлович 131
Яковлев Михаил Лукьянович 131

VI БЛИЗНЕЦЫ — СКОРПИОНЫ *«ТЫ ПОНЯЛ ЖИЗНИ ЦЕЛЬ... ДЛЯ ЖИЗНИ ТЫ ЖИВЕШЬ»* *133*

Алябьева Александра Васильевна 135
Бантыш-Каменский Дмитрий Николаевич 136
Бенедиктов Владимир Григорьевич 136
Бестужев Александр Александрович 137
Виельгорский Михаил Юрьевич 138
Вревская Евпраксия Николаевна 139
Гончаров Николай Афанасьевич 141
Гончарова Наталья Ивановна 141
Даль Владимир Иванович 142
Каченовский Михаил Трофимович 143
Корнуолл Барри 144
Коссаковская Александра Ивановна 147
Кочубей Виктор Павлович 147
Лобанов Михаил Евстафьевич 148
Мария Федоровна 149
Панаев Владимир Иванович 149
Погодин Михаил Петрович 150
Семенова Екатерина Семеновна 151
Шевырев Степан Петрович 152
Юсупов Николай Борисович 153

VII БЛИЗНЕЦЫ — СТРЕЛЬЦЫ *«ДАВАЙ МНЕ МЫСЛЬ, КАКУЮ ХОЧЕШЬ: ЕЕ С КОНЦА Я ЗАВОСТРЮ»* *155*

Блок Александр Александрович 158
Брюллов Александр Павлович 158
Брюллов Карл Павлович 158
Булгаков Александр Яковлевич 160
Вигель Филипп Филиппович 160
Волконская Зинаида Александровна 161
Волконский Сергей Григорьевич 163
Геккерн Луи-Борхард де Беверваард 163
Голицын Александр Николаевич 164
Долгоруков Павел Иванович 165
Завадовская Елена Михайловна 165
Карамзин Николай Михайлович 166
Карамзина Екатерина Андреевна 170
Муравьев Никита Михайлович 171
Нащокин Павел Воинович 172
Нессельроде Карл Васильевич 174
Оленин Алексей Николаевич 175
Раевский Александр Николаевич 176
Стурдза Александр Скарлатович 177
Хлюстин Семен Семенович 178
Чернецов Григорий Григорьевич 178

VIII БЛИЗНЕЦЫ — КОЗЕРОГИ *«ПОРА, ПОРА! РОГА ТРУБЯТ»* *180*

Александр I 183
Бобринская Анна Владимировна 185
Болховитинов Евгений Алексеевич 185
Булгаков Константин Яковлевич 185
Вальберхова Мария Ивановна 186
Великопольский Иван Ермолаевич 186
Волконская Мария Николаевна 188
Вульф Алексей Николаевич 189

Вульф Анна Николаевна 191
Грибоедов Александр Сергеевич 192
Дашков Дмитрий Васильевич 193
Долгоруков Петр Владимирович 194
Елена Павловна 194
Инзов Иван Никитич 195
Ипсиланти Александр Константинович 197
Истомина Евдокия Ильинична 198
Ишимова Александра Осиповна 199
Катенин Павел Александрович 199
Киселев Павел Дмитриевич 201
Лунин Михаил Сергеевич 202
Мицкевич Адам 202
Павлищева Ольга Сергеевна 205
Розен Егор (Георгий) Федорович 206
Ростопчина Евдокия Петровна 207
Сомов Орест Михайлович 208
Сперанский Михаил Михайлович 209
Строганов Александр Григорьевич 210
Филарет 210
Якушкин Иван Дмитриевич 211

IX БЛИЗНЕЦЫ — ВОДОЛЕЙ *«ГЛУБОК ОН, НО ЕДИНОБРАЗЕН»* *212*

Байрон Джордж Ноэл Гордон 214
Ганнибал Мария Алексеевна 216
Гнедич Николай Иванович 217
Голицына Наталья Петровна 219
Гребенка Евгений Павлович 219
Давыдова Аглая Антоновна 219
Дантес Геккерн Жорж-Карл 220
Даргомыжский Александр Сергеевич 221
Дау (Доу) Джорж 221
Дельвиг Софья Михайловна 221
Дуров Василий Андреевич 223
Елизавета Алексеевна 224
Жуковский Василий Андреевич 225
Каподистриа Иван Антонович 227
Колосова Александра Михайловна 228
Краевский Андрей Александрович 229
Кривцов Николай Иванович 229
Крылов Иван Андреевич 231
Михаил Павлович 232
Мусина-Пушкина Эмилия Карловна 233
Мятлев Иван Петрович 234
Полторацкий Сергей Дмитриевич 234
Смирдин Александр Филиппович 234
Строганов Григорий Александрович 236
Толстой Федор Иванович 236

X БЛИЗНЕЦЫ — РЫБЫ *«ВОДЫ ГЛУБОКИЕ ПЛАВНО ТЕКУТ»* 238

Бакунина Екатерина Павловна 240
Баратынский Евгений Абрамович 241
Вельяшева Екатерина Васильевна 244
Верстовский Алексей Николаевич 245
Всеволожский Никита Всеволодович 246
Голицына Мария Аркадьевна 246
Ершов Петр Павлович 247
Зубов Алексей Николаевич 247
Илличевский Алексей Дамианович 247
Карамзина Софья Николаевна 249
Керн Анна Петровна 249
Киреевский Петр Васильевич 250
Перовский Василий Алексеевич 251
Россет Аркадий Осипович 251
Смирнова Александра Осиповна 252
Титов Владимир Петрович 253
Толстой Федор Петрович 254
Туманский Василий Иванович 255
Федоров Борис Михайлович 257
Филимонов Владимир Сергеевич 259
Шишков Александр Семенович 260
Языков Николай Михайлович 262

XI БЛИЗНЕЦЫ — ОВНЫ *«НЕ ВЕДАЮТ, ЧТО СКУКА, СТРАХ»* *264*

Абамелек Анна Давыдовна 266
Востоков Александр Христофорович 266
Гоголь Николай Васильевич 267
Загряжская Екатерина Ивановна 269
Кипренский Орест Адамович 270
Киреевский Иван Васильевич 270
Литта Юлий Помпеевич 271
Мерзляков Алексей Федорович 272
Мойер Иван Филиппович 273
Никитенко Александр Васильевич 273
Орлов Михаил Федорович 274
Плаксин Василий Тимофеевич 277
Пушкин Николай Сергеевич 277
Пушкина Анна Львовна 278
Раевский Владимир Федосеевич 279
Сенковский Осип-Юлиан Иванович 280
Тропинин Василий Андреевич 281
Тургенев Александр Иванович 282
Ушакова Екатерина Николаевна 283
Фок Максим Яковлевич 285

XII БЛИЗНЕЦЫ — ТЕЛЬЦЫ

«КАК ЧАСТО НОВЫЙ ЖАР ТВОЮ ВОЛНУЕТ КРОВЬ!» ***286***

Бестужев Николай Александрович 288
Блудов Дмитрий Николаевич 288
Гагарин Григорий Григорьевич 290
Гончаров Дмитрий Николаевич 290
Гончарова Екатерина Николаевна 291
Губер Эдуард Иванович 292
Екатерина II 293
Измайлов Александр Ефимович 294
Измайлов Владимир Васильевич 296
Каталани Анжелика 297
Козлов Иван Иванович 297
Константин Павлович 298
Мордвинов Николай Семенович 299
Муравьев Андрей Николаевич 300
Оленина Елизавета Марковна 301
Орлова Екатерина Николаевна 301
Павлищев Николай Иванович 302
Паскевич Иван Федорович 302
Пещуров Алексей Никитич 303
Пушкин Василий Львович 304
Пушкин Лев Сергеевич 308
Пушкина Софья Федоровна 310
Пущин Иван Иванович 311
Снегирев Иван Михайлович 312
Устрялов Николай Герасимович 313
Уткин Николай Иванович 313
Хомяков Алексей Степанович 314
Шаховской Александр Александрович 314
Яковлева Арина Родионовна 315

Именной указатель 333

Указатель произведений Пушкина 343

Ольга Львовна Довгий, Александр Евгеньевич Махов. ДВЕНАДЦАТЬ ЗЕРКАЛ ПУШКИНА. — М.: INTRADA , 1999.

Контактный тел. редакции в Москве: 274-52-84.

ЛР № 065483 от 28.10.1997 г. (ООО «Лабиринт-МП»).
Сдано в печать 15.11.98 г. Подписано в печать 30.11.98 г.
Формат 60x90/16. Гарнитура «Академическая».
Тираж 3 000 экз. Зак. № 13.
119530, г. Москва, пр. Мира, 57 (комната правления).

Отпечатано в ИПП «Гриф и К°»,
г. Тула, ул. Свободы, 38.

Человек, отраженный в зеркале другого человека, — вот тема нашей книги. Такое отражение никогда не бывает точным слепком с реальности — оно мерцает, двоится и к тому же имеет темную глубину — то, что называют зазеркальем.

Пушкин — наше вечное зеркало, на котором гадает вся наша культура и история; гадаем все мы, вновь и вновь вопрошая:

Свет мой, зеркальце! скажи
Да всю правду доложи:
Я ль на свете всех милее...

